This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

GN2
G4772
CAL. ACADEMY OF SCIENCES
STANFORD UNIVERSITY
JUN 7 1872
CALIFORNIA ACADEMY OF SCIENCES

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Section Ethnology

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

III

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствит. члена **Л. Н. МАЙКОВА.**

С. Петербургъ.

1873.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствит. члена Л. Н. МАЙКОВА.

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

С.-Петербургъ.

Типографія Майкова, въ д. Министер. Финансовъ, на Дворц. площ.

1873.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Различныя названія приданаго.—Лица, дающія и получающія приданое.—Составъ, стоимость и накопленіе его.—Уговорки и рядныя записи.—Передача приданаго имущества.—Процессы изъ-за приданаго между зятемъ и родными жены, вскорѣ послѣ передачи его.—Оспариваніе приданаго родными жены.—Право жены и мужа на приданое.—Растрата женина имущества мужемъ.—Посягательство на приданое при жизни жены, по по смерти мужа, со стороны родственниковъ послѣдняго.—Участь приданаго по смерти жены.—Обычаи, относящіеся до земельнаго приданаго.—Общія замѣчанія.

Для обозначенія всякого вообще приданаго крестьяне Архангельской губерніи употребляютъ слово *придáно*, иногда *приданый живóтъ*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *и большóй придáно не сдѣлаетъ мужа*, или *приданымъ животомъ да наказаннымъ умомъ недолго поживешь*. Слово это изстари употреблялось и въ мѣстныхъ Двинскихъ актахъ [1]). Приданое, состоящее изъ женской одежды и убранства, называется *платнóй* или *платенно придано*, напримѣръ, въ поговоркѣ *не выноситъ платна безъ пятна;* невѣста должна быть *платна*, говорятъ крестьяне, т. е. имѣть порядочное приданое, состоящее изъ платья и другихъ нарядовъ. Въ Псковской судной грамотѣ слово *платной*, *платно* употребляется въ значеніи всякой вообще матеріи и одежды [2]).

---

[1]) Акты юрид., изд. Археогр. Комм. 1838 г. стр. 144. Новгор. данныя XIV — XV в.

[2]) Изслѣд. Псковск. судн. гр. *Энгельмана*, стр. 26 и 43.

Платное приданое называютъ также *скрутой*; дѣвушка, имѣющая хорошое приданое въ одеждѣ и украшеніяхъ, называется *скрутна* или *скручена*. Скрута въ Шенкурскомъ уѣздѣ означаетъ собственно женскіе наряды или, какъ говорятъ въ другихъ уѣздахъ, *женскій снарядъ*[1]). Въ сосѣдней Вологодской губерніи словомъ *скрута* обозначаютъ какъ приданое, такъ и головной уборъ невѣсты послѣ вѣнчанія [2]), то же, что̀ въ здѣшнихъ рядныхъ записяхъ XVII ст. *головная скрута*. Слово *крута* встрѣчается и въ Двинскихъ актахъ XIV ст. [3]), и въ Псковской судной грамотѣ, въ значеніи женскихъ металлическихъ украшеній [4]), вѣроятно, преимущественно головныхъ. Какъ уже выше говорено, выраженіе *крутить* невѣсту значитъ заготовлять ей приданое, иначе *обряжать* невѣсту (въ Шенкурскомъ уѣздѣ); *скрутить* — приготовить приданое, а *скрутиться*—одѣться, нарядиться [5]). По мнѣнію г. Аѳанасьева, слово *крутить* перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести [6]). Можно поэтому полагать, что слово *крута* или *скрута* первоначально означало женскій головной уборъ, при которомъ волосы извѣстнымъ образомъ заплетались (*крутились*).

Есть еще названіе приданаго—*коробья*; это названіе можно услышать отъ старухъ Холмогорскаго уѣзда, напримѣръ, въ выраженіи: *коробья копить*, т. е. запасать приданое. Слово *коробья* значитъ, собственно говоря, небольшой сундукъ или ящикъ, въ который мать невѣсты складываетъ заблаговременно припасаемыя для дочери мелкія вещи изъ приданаго: рубахи, *портна* (полотно), платки, косынки, чулки и т. п. Коробьи, по крайней мѣрѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ, дѣлались прежде изъ осиноваго или липоваго луба, съ поперечными рѣшёточками извнѣ, но безъ желѣза; онѣ имѣютъ квадратную форму; въ большихъ коробьяхъ каждая сторона не болѣе одного аршина, а въ

---

[1]) Труды Арх. Статист. Комит. за 1865 г., кн. 1, стр. 64.

[2]) Опытъ обл. великорусск. словаря, изд. Ак. Н.

[3]) Акты юрид. Духовн. Новгородцевъ и Двинянъ № 1, ст. 430.

[4]) Изслѣд. Пск. судн. гр. стр. 91. Промышленность древней Руси *Аристова*, стр. 122, 162.

[5]) Сборникъ юрид. обыч. Арх. губ. кн. 1, стр. 252.

[6]) Поэт. возрѣнія Славянъ на природу, III, 526.

ПРИДАНОЕ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ КРЕСТЬЯНЪ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

или при жизни, или послѣ смерти своей; въ третьихъ, иногда такъ называется извѣстная сумма денегъ, выдаваемая сыну или дочери вмѣсто выдѣла имущества; въ четвертыхъ, доля имущества, хотя бы и платного, выдѣляемая сестрѣ братьями по смерти отца, въ замѣнъ приходящейся ей части общаго имущества. Въ древнихъ Двинскихъ актахъ XIV—XV ст. надѣлокъ имѣетъ то же значеніе; напримѣръ, въ одномъ духовномъ завѣщаніи, завѣщатель говоритъ: „А что есмь посулилъ *надѣлка* зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ“ [1]). Въ другомъ завѣщаніи надѣлкомъ названа извѣстная сумма денегъ, оставляемая мужемъ женѣ вмѣсто части имущества: „А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидетъ замужъ, ино ей *надѣлка* десять рублей, а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть“ [2]). Въ актахъ, относящихся къ другимъ областямъ Россіи, слово *надѣлокъ* или *надѣлъ* употреблено въ смыслѣ части имущества, выдѣляемаго отцомъ сыну, или денежнаго вознагражденія въ замѣнъ такого имущества [3]). Котошихинъ же употребляетъ слово *надѣлокъ* въ значеніи приданаго вообще; онъ говоритъ: „Иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ зъ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, *съ надѣлкомъ*, за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, или временемъ бываетъ выдаютъ чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чину людемъ женитися а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабалные“ [4]). Здѣсь слову *надѣлокъ* придается болѣе широкій смыслъ; оно означаетъ не выдѣлъ извѣстной

---

[1]) Акты юрид. № 409, стр. 433.
[2]) Тамъ же № 409, стр. 430.
[3]) Тамъ же, стр. 420 и 421.
[4]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл. 1859 г., стр. 131.

части родственнику или родственницѣ, а просто приданое, даваемое въ видѣ дара постороннему лицу. Притомъ тутъ подъ надѣлкомъ разумѣется главнымъ образомъ платное приданое.

Къ числу названій приданаго принадлежитъ и слово *награда* или *награжденіе*. Мнѣ попадалось оно въ актахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „выдалъ я дочь свою въ замужество, съ которой дано было въ награжденіе, во владѣніе зятю, сѣвчей и сѣнокосной земли *столько-то*“ или „вышла при жизни отца не безъ награжденія“; или „выдалъ сестру свою въ замужество съ приличною наградой“ и т. п. Награжденіемъ называется главнымъ образомъ приданое, состоящее въ деньгахъ, скотѣ и т. п. (кромѣ скруты), а прежде называлось и состоявшее въ землѣ. То же названіе придается и денежному или имущественному вознагражденію, которое дается сыну, уходящему въ солдаты или идущему въ зятья-пріемыши. Такимъ образомъ, награжденіе и надѣлокъ означаютъ одно и то же. Во внутреннихъ губерніяхъ также отличаютъ приданое отъ награжденія. Приданымъ въ узкомъ смыслѣ считаются сундуки съ одеждой невѣсты. Къ приданому принадлежитъ и то, что у Римлянъ называлось peculium adventitium (пріобрѣтенное трудомъ самой невѣсты). Награжденіе, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутъ и приданымъ, составляютъ деньги, скотъ, а изрѣдка и изба, идущіе съ невѣстой. Это все дочь можетъ получить только при выдаваньи ея замужъ отцомъ, потому что когда умираетъ отецъ, то обыкновенно оставляетъ награжденіе сыновьямъ, а дочерямъ никогда; онъ въ такомъ случаѣ приказетъ сыновьямъ, чтобы они снарядили ее, когда прійдетъ время ея замужества, соразмѣрно своему состоянію. Только родительское благословеніе, то есть, икону предварительно даетъ самъ отецъ [1]). Въ Архангельской губерніи родительскимъ благословеніемъ называется всякое награжденіе или надѣлокъ, которыми *благословляетъ* отецъ своихъ дѣтей при жизни, въ томъ числѣ и приданое дочери, состоящее въ благословенномъ образѣ, скотѣ (а прежде и въ землѣ) и т. п.

Свадебныя пѣсни Шенкурскаго уѣзда, на ряду съ приданымъ, употребляютъ слово *данье*, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ:

---

[1]) Pravni obicaji u Slovena, соч. *В. Богишича*, стр. 125.

Тѣ не дай Богъ женитися
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческую дочерью
Много денегъ и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ
Што я стану говорить тебѣ:
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Не тяглы́ [1]), не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны.
Тѣ не дай Боже женитися
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочерь:
Со поповской славной дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тебѣ,
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы́ и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже женитися
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочерь:
Со крестьянскою-то дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья;
Что крестьянскія-то дочери,

[1]) Тяглый значитъ — сильный, работящій.

малыхъ въ половину менѣе; вообще онѣ такъ малы, что въ нихъ нельзя складывать даже сарафановъ и верхней одежды. Нынѣ въ Холмогорскомъ уѣздѣ коробей въ продажѣ нѣтъ; онѣ сохранились только у старухъ; вообще же приданое держится только въ сундукахъ; о держаніи его въ сундукахъ есть даже поговорка: *приданое въ сундукѣ, а уродъ на рукѣ*. Около г. Холмогоръ нынѣ даже стыдятся давать коробью съ невѣстой. Скоро память о коробьѣ останется только въ пѣсняхъ да въ свадебныхъ причитаніяхъ [1]). Впрочемъ въ отдаленныхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Шенкурскомъ, коробья и теперь еще пользуется почетомъ.

Сохранилось еще старинное названіе приданаго—*надѣлокъ*. Крестьяне, впрочемъ, находятъ разницу между собственно приданымъ и надѣлкомъ. Крестьянинъ, доставившій мнѣ самыя обстоятельныя объясненія на всѣ вопросы по обычному праву, такъ выразился на счетъ надѣлка: „Надѣлокъ—не приданое; приданое—это та одежда и украшенія, которыя заготовляютъ отецъ и мать невѣстѣ; въ надѣлокъ же идутъ деньги, корова или телица, а съ ней нѣсколько саженей сѣна, четверти двѣ-три *жита* (ячмень), а прежде шли поля, пожни; если мать даетъ свое старинное платье и другіе наряды, полученные ею въ свою очередь въ приданое, то это тоже будетъ надѣлокъ. Когда нѣтъ сыновей, то родители дѣлятъ имущество между дочерьми: разсчитаютъ, что̀ слѣдуетъ первой, второй и т. д. и выдаютъ его по мѣрѣ выдачи замужъ; такая часть каждой также называется надѣлкомъ. Отъ того-то крестьяне часто говорятъ: сверхъ *приданаго* за такою-то дано еще въ *надѣлокъ* то-то“. Справедливость подобнаго объясненія подтверждается и разнаго рода крестьянскими актами, которые читатель встрѣтитъ въ этой статьѣ. *Надѣлокъ*, или иначе, *надѣлъ* значитъ, во первыхъ, всякое приданое, за исключеніемъ скруты или одежды и нарядовъ, запасаемыхъ родителями невѣсты; во вторыхъ, выдѣлъ или часть имущества, назначеннаго дѣтямъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола еще при жизни родителей, кои предоставляютъ имъ право получить эту часть

---

[1]) Въ родѣ слѣдующаго, обращеннаго дружкой къ невѣстѣ, во время смотрѣнья: «Послушай-ка, красная дѣвица: гордость, спѣсь оставляй-ка здѣсь; низкіе поклоны въ коробью клади, ногой придави, да къ намъ привези“.

или при жизни, или послѣ смерти своей; въ третьихъ, иногда такъ называется извѣстная сумма денегъ, выдаваемая сыну или дочери вмѣсто выдѣла имущества; въ четвертыхъ, доля имущества, хотя бы и платного, выдѣляемая сестрѣ братьями по смерти отца, въ замѣнъ приходящейся ей части общаго имущества. Въ древнихъ Двинскихъ актахъ XIV—XV ст. надѣлокъ имѣетъ то же значеніе; напримѣръ, въ одномъ духовномъ завѣщаніи, завѣщатель говоритъ: „А что есмь посулилъ *надѣлка* зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ“ [1]). Въ другомъ завѣщаніи надѣлкомъ названа извѣстная сумма денегъ, оставляемая мужемъ женѣ вмѣсто части имущества: „А жена моя оже всѣдитъ въ животѣ моемъ, ино осподарына животу моему, или поидетъ замужъ, ино ей *надѣлка* десять рублей, а что принесла порты и круту и челядь, а то ей и есть“ [2]). Въ актахъ, относящихся къ другимъ областямъ Россіи, слово *надѣлокъ* или *надѣлъ* употреблено въ смыслѣ части имущества, выдѣляемаго отцомъ сыну, или денежнаго вознагражденія въ замѣнъ такого имущества [3]). Котошихинъ же употребляетъ слово *надѣлокъ* въ значеніи приданаго вообще; онъ говоритъ: „Иные вдовы и дѣвицы живутъ у женъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ зъ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, *съ надѣлкомъ*, за своихъ дворовыхъ слугъ, кого кто излюбитъ, или времянемъ бываетъ выдаютъ чрезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромехъ, какъ чинъ повелся всякого чину людемъ женитися а ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того что тѣ люди у нихъ, мужской и женской полъ, вѣчные и кабалные“ [4]). Здѣсь слову *надѣлокъ* придается болѣе широкій смыслъ; оно означаетъ не выдѣлъ извѣстной

---

[1]) Акты юрид. № 409, стр. 433.
[2]) Тамъ же № 409, стр. 430.
[3]) Тамъ же, стр. 420 и 421.
[4]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михайл. 1859 г., стр. 131.

тигорскаго селенія Фролкомъ Нифантовымъ архіепископу Холмогорскому Аѳанасію, между прочимъ, написано: „По пріемному письму, каково мнѣ дала жена моя Анница, по совѣту съ дочерью своею Марьею, какъ я сирота на ней Анницѣ женился и во дворъ къ ней шелъ, и послѣ того падчерица моя дѣвица Марья, какъ стала въ полномъ разумѣ, дала она дѣвица мнѣ сиротѣ другое письмо за своею рукою, что поступилась она дѣвица деревенскимъ жеребьемъ пашенными землями и сѣнными покосы совсѣмъ безъ выѣта, поступилась она мнѣ сиротѣ вотчину и матери своей, а моей женишке, а сродичамъ ея и иному никому въ той деревни дѣла нѣтъ и не вступатца... а противъ того поступного письма далъ я сирота ей дѣвицѣ на себя письмо, что поить и кормить ея дѣвицу до возрасту ея, и замужъ выдать съ надѣлкою, въ приданомъ далъ кабалу въ дватцати рубляхъ, а буде она дѣвица умретъ и мнѣ ея дѣвицу поминать и подачи ея править“ [1]).

Собственно приданое, или скрута, дается тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыхъ выдаютъ замужъ, напримѣръ: дочерямъ, внучкамъ, племянницамъ, двоюроднымъ сестрамъ, снохамъ, золовкамъ и проч. Надѣлокъ же вручается иногда тѣмъ же лицамъ женскаго пола, а иногда ихъ мужьямъ. Когда же берется въ домъ зять-пріемышъ, тогда все имѣніе передается обыкновенно въ полное его распоряженіе. Задумывая принять къ себѣ зятя, крестьяне мало заботятся о приданомъ, а главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы хозяйство было исправно. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ впрочемъ, дающій надѣлокъ передаетъ его прямо отцу жениха, при заключеніи съ будущимъ сватомъ брачнаго договора. Женщина, приносящая съ собою хорошее приданое, называется *приданницей*; а въ прежнее время, когда былъ обычай давать въ приданое поземельные участки или, по здѣшнему, *деревни*, тогда невѣстамъ, которыя выходили замужъ съ землей, давали названіе *приданницъ-деревенщицъ* или *участницъ*. Невѣста съ плохимъ приданымъ называется *безприда́нна* или *безприда́нница*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *бери безприданну, но таланну*, или *безприданница-безотвѣтница*. Въ настоящее время *приданницами* называютъ еще дѣвочекъ-родственницъ или воспи-

[1]) Изъ бумагъ крест. сел. Матигоръ Аникіева.

танницъ невѣсты, или дочерей отъ перваго замужества, которыхъ берутъ съ собою, какъ бы въ приданое, выходящія замужъ. Быть можетъ, въ старину приданницами назывались „приданыя дѣвки", то есть, дочери холоповъ, которыя давались въ приданое съ дочерями бояръ (во внутренней Россіи: *дѣвка къ ларцу*).

Въ приданое у болѣе бѣдныхъ крестьянъ поступаетъ всегда, сверхъ *благословящаго* образа (т. е. благословенной иконы), *мѣсто*, то есть, постель, все то, что̀ бываетъ во время свадьбы зашито въ *банникъ*, то есть, весь столовый приборъ, также бѣлье и матеріалъ для него: платье, дѣвичьи украшенія и нѣкоторыя принадлежности хозяйства: *красенная збруя* или *красна́* (ткальный станокъ), серпъ, грабли, *пріузъ*, *кичиги* (части молотильнаго цѣпа), санки и проч. У болѣе состоятельныхъ, кромѣ того, даютъ домашнюю утварь, какъ-то: самоваръ, чайную посуду, также кое-что изъ мебели: комодъ, зеркало и прочее; гораздо рѣже деньги, что-нибудь изъ домашняго скота, хлѣбъ и прочее.

Иконъ съ невѣстой обыкновенно дается двѣ: одна *за невѣстой*, другая *за постелью*; первая лучшая, съ серебренымъ окладомъ, а у богатыхъ, сверхъ того, украшенныя жемчугомъ, а вторая попроще; первая, большею частью во имя Пресвятой Богородицы, а если грамотный и толковый отецъ, то и во имя ангела дочери. Первымъ образомъ отецъ невѣстинъ благословляетъ молодыхъ передъ отправкой ихъ къ вѣнцу, потомъ передаетъ его тысацкому, который открыто, на правой рукѣ, везетъ икону въ церковь и ставитъ на налой, а затѣмъ торжественно отвозитъ въ домъ жениха. Второй образъ везется сватьей съ постелью, безъ торжества, прямо въ домъ жениха и ставится въ той горницѣ или клѣти, гдѣ будутъ укладывать молодыхъ спать. *Мѣсто*, или постель, заводится передъ самою свадьбой; дочь цѣнятъ по жениху; поэтому, если женихъ посостоятельнѣе, стараются дать лучшее *мѣсто*, равно какъ и завести лучшую одежду; у состоятельныхъ невѣстъ подушекъ бываетъ двѣ, три или четыре. Самыя бѣдныя иногда не имѣютъ постели; о такихъ говоритъ пословица: *невѣста безъ мѣста, женихъ безъ портокъ*; но и онѣ берутъ чужое мѣсто въ займы, на время свадьбы.

Банникомъ называется свадебная *коврига* или *мякушка* (ржаной

печеный хлѣбъ), зашиваемая въ скатерть, передъ дѣвичникомъ въ присутствіи родителей, а также все то, что̀ кладется съ нею: два калача крупичатыхъ, столовая чашка, миска, тарелка, солоница съ солью и двѣ ложки для молодого и молодой. Въ Пинежскомъ уѣздѣ ложки бываютъ большею частью деревянныя, непременно новыя, не державныя; впрочемъ случается, что батюшка-родитель или благословенный батюшка, если богаты, жалуютъ вмѣсто деревянныхъ ложекъ серебреныя. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ у зажиточныхъ крестьянъ серебреныя ложки кладутся не только для молодого и молодой, но и для всѣхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ будущаго зятя. Это новое обыкновеніе. Банникомъ всѣ эти вещи называются потому, что ихъ зашиваютъ послѣ того, какъ невѣста съ дѣвушками сходитъ въ баню и начнетъ отдыхать послѣ бани, а расшиваютъ на другой день по бракосочетаніи, послѣ того какъ молодые побываютъ въ банѣ.

Холстъ не составляетъ здѣсь, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, необходимой принадлежности приданаго, потому что Холмогорскіе крестьяне сами почти не разводятъ льна; богатые, впрочемъ, кладутъ куска два или три портна (аршинъ 25) въ сундукъ, собственно для дочери, а не для ея мужа. Крестьянинъ, женясь, самъ или его мать покупаетъ кудель и приказываетъ женѣ шить ему рубахи и портки. Женскихъ рубахъ у дѣвушекъ средняго состоянія бываетъ по 10 и болѣе, а у богатыхъ по 30 и даже по 50, такъ что дѣвушка, вышедъ замужъ, можетъ не заводить ихъ лѣтъ двадцать, если нѣтъ дѣтей. Изъ платья въ особенности запасаются будничными сарафанами, тканными изъ пестряди съ красною бумагой, которыхъ бываетъ у иныхъ до 10 и болѣе, такъ что этихъ самодѣльныхъ сарафановъ хватаетъ лѣтъ на десять; кромѣ того, бываютъ платья— у бѣдныхъ ситцевыя, а у богатыхъ шерстяныя и шелковыя. Здѣшнія окологородныя крестьянки, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ родныхъ въ Петербургскихъ артеляхъ, приняли городскую одежду, такъ что у нихъ въ приданое идутъ драповыя пальто, салопы на лисьемъ мѣху, шали, муфты и проч. Изъ принадлежностей туалета даются серьги, браслеты, жемчугъ (нѣсколько прядокъ жемчуга). Старинная одежда: шубейки, гранитуровыя шубки, штофники и проч. здѣсь вышла изъ моды и если дается

въ приданое, то болѣе на память, а не для носки. Всѣ такія вещи нуждающіеся крестьяне стараются сбывать въ южную часть уѣзда, и въ особенности, въ Шенкурскій уѣздъ, гдѣ эти предметы еще въ употребленіи. Въ другихъ уѣздахъ губерніи дѣвушки во время свадьбы, на гуляньяхъ и на вечеринкахъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: шелковыхъ штофныхъ шубейкѣ или полушубкѣ и юбкѣ, что̀ составляетъ такъ называемую *пару*, и въ повязкѣ, головномъ уборѣ, имѣющемъ видъ высокаго коническаго кокошника, украшеннаго жемчугомъ. Около г. Холмогоръ и этотъ нарядъ выходитъ изъ употребленія, и только весьма немногія дѣвушки выходятъ въ немъ на гулянья. Во время же свадебной заплачки и здѣсь невѣсты обязаны быть въ повязкѣ и парѣ, такъ что у которой нѣтъ ея, та занимаетъ ее на сторонѣ. Этотъ нарядъ, то есть, пару и повязку, каждая выходящая замужъ дѣвушка передаетъ, послѣ свадьбы, своей слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ, и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ, въ видѣ приданого. Иногда, если у самой младшей сестры не окажется головнаго убора, то вмѣсто него даютъ въ приданое извѣстное количество денегъ. Въ старину, какъ видно изъ актовъ и преданій, былъ подобный же обычай, то есть, если не имѣлось женскаго головнаго убора, *чебака* (чѐбакъ—шапка о двухъ ушахъ, куницею или соболемъ обложенная), въ такомъ случаѣ давали вмѣсто него деньги или землю. То же дѣлалось и въ случаѣ неимѣнія другихъ украшеній. Вотъ что̀ было дано года два тому назадъ въ приданое за одною дѣвушкой въ Шенкурскомъ уѣздѣ: одна красная штофная шуба (здѣсь въ Холмогорскомъ уѣздѣ не носятъ), одна шуба полушелковая (здѣсь не носятъ), одинъ сарафанъ шелковый клѣтками (здѣсь не носятъ), одна юбка шелковая штофная одноцвѣтная (у насъ не носятъ), одна бѣлая съ наборомъ юбка, одна холстинковая бумажная юбка, одна красная овчарная юбка, одинъ полушубокъ шелковый травчатый голубой (здѣсь не носятъ), одинъ двоеликій, немного поношенный полушубокъ (здѣсь рѣдко встрѣчаются), два кумачныхъ полушубка (здѣсь не носятъ) шесть холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ, два хорошіе полотняные воротка (здѣсь не носятъ), двѣ хорошія рубашки, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная, восемь хол-

щевыхъ рубашекъ полновыхъ, одинъ гарусный передникъ, одинъ разшивной хорошій сборникъ, одинъ шелковый голубой удирокъ, одинъ гарусный платокъ порядочной величины и доброты, три утиральника, изъ коихъ одинъ камчатный пропускной съ узоромъ, другой шитый въ пялахъ и третій браной съ наборцами кругомъ одна браная съ наборомъ салфетка, кусокъ кумачу на полушубокъ, одни красныя перстятки изъ дорогой шерсти, одни красныя перстятки домашней работы, однѣ серебреныя безъ пробы серьги одно серебреное пробное кольцо, одинъ крашеный съ замкомъ ящикъ, одна съ замкомъ коробья и одна бѣлая каменная тарелка [1]). Въ Мезенскомъ уѣздѣ одна дѣвушка получила при выходѣ замужъ: штофникъ, коротѣньку, шубейку, кумачникъ, китайникъ, сарафанъ простаго ситцу, серебреную цѣпь, матерчатую рубашку малиноваго ситцу и краснаго кумачу, 3 рубашки домашней пестряди, 2 бѣлыхъ рубашки тонкаго холста, 2 повойника, 2 алыхъ платка, 2 малиновыхъ платка, передникъ, красную шаль съ кругомъ, серебраную запонку, 2 передника, 2 шубы, одѣвальницу, ковшикъ и 2 ящика [2]). Въ с. Усть-Цильмѣ, Мезенскаго уѣзда, гдѣ невѣстъ покупаютъ за деньги, приданое все-таки дается съ нима; оно состоитъ въ одеждѣ, которой должно хватить на три года, иногда даютъ корову, либо овцу.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ безъ бѣлой овчинной шубы невѣста-не невѣста; если нѣтъ такой шубы, говорятъ: „у невѣсты не въ чемъ и скотъ на прорубь сгонить; хоть въ шубейки гони“. Въ Пинежскомъ же уѣздѣ у невѣстъ со средствами приданое состоитъ въ подушкѣ, покрытой нероскошнымъ ситцемъ, шубѣ изъ домашнихъ овчинъ, покрытой дешевымъ синимъ сукномъ, кумачникѣ, нѣсколькихъ дорогихъ (кубовой краски) льняныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ ситцевыхъ, у немногихъ и въ шерстяныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ шелковыхъ алыхъ платкахъ, одной или двухъ шерстяныхъ шаляхъ, и у самыхъ богатыхъ, сверхъ того, въ шелковой лопотинѣ (платье) и таковыхъ же одной или двухъ шаляхъ и столькихъ же

---

[1]) Рѣшеніе Великоникскаго волостн. суда 1868 г. 27-го мая.

[2]) Рѣшеніе Мелогородскаго волостн. суда 1868 г. 14-го января.

танницъ невѣсты, или дочерей отъ перваго замужества, которыхъ берутъ съ собою, какъ бы въ приданое, выходящія замужъ. Быть можетъ, въ старину приданницами назывались „приданыя дѣвки", то есть, дочери холоповъ, которыя давались въ приданое съ дочерями бояръ (во внутренней Россіи: *дѣвка къ ларцу*).

Въ приданое у болѣе бѣдныхъ крестьянъ поступаетъ всегда, сверхъ *благословящаго* образа (т. е. благословенной иконы), *мѣсто*, то есть, постель, все то, что̀ бываетъ во время свадьбы зашито въ *банникъ*, то есть, весь столовый приборъ, также бѣлье и матеріалъ для него: платье, дѣвичьи украшенія и нѣкоторыя принадлежности хозяйства: *красенная збруя* или *красна́* (ткальный станокъ), серпъ, грабли, *пріузъ*, *кичиги* (части молотильнаго цѣпа), санки и проч. У болѣе состоятельныхъ, кромѣ того, даютъ домашнюю утварь, какъ-то: самоваръ, чайную посуду, также кое-что изъ мебели: комодъ, зеркало и прочее; гораздо рѣже деньги, что-нибудь изъ домашняго скота, хлѣбъ и прочее.

Иконъ съ невѣстой обыкновенно дается двѣ: одна *за невѣстой*, другая *за постелью*; первая лучшая, съ серебренымъ окладомъ, а у богатыхъ, сверхъ того, украшенныя жемчугомъ, а вторая попроще; первая, большею частью во имя Пресвятой Богородицы, а если грамотный и толковый отецъ, то и во имя ангела дочери. Первымъ образомъ отецъ невѣстинъ благословляетъ молодыхъ передъ отправкой ихъ къ вѣнцу, потомъ передаетъ его тысяцкому, который открыто, на правой рукѣ, везетъ икону въ церковь и ставитъ на налой, а затѣмъ торжественно отвозитъ въ домъ жениха. Второй образъ везется сватьей съ постелью, безъ торжества, прямо въ домъ жениха и ставится въ той горницѣ или клѣти, гдѣ будутъ укладывать молодыхъ спать. *Мѣсто*, или постель, заводится передъ самою свадьбой; дочь цѣнятъ по жениху; поэтому, если женихъ посостоятельнѣе, стараются дать лучшее *мѣсто*, равно какъ и завести лучшую одежду; у состоятельныхъ невѣстъ подушекъ бываетъ двѣ, три или четыре. Самыя бѣдныя иногда не имѣютъ постели; о такихъ говоритъ пословица: *невѣста безъ мѣста, женихъ безъ портокъ*; но и онѣ берутъ чужое мѣсто въ займы, на время свадьбы.

Банникомъ называется свадебная *ковриа* или *мякушка* (ржаной

печеный хлѣбъ), зашиваемая въ скатерть, передъ дѣвичникомъ въ присутствіи родителей, а также все то, что̀ кладется съ нею: два калача крупичатыхъ, столовая чашка, миска, тарелка, солоница съ солью и двѣ ложки для молодого и молодой. Въ Пинежскомъ уѣздѣ ложки бываютъ большею частью деревянныя, непременно новыя, не держанныя; впрочемъ случается, что батюшка-родитель или благословенный батюшка, если богаты, жалуютъ вмѣсто деревянныхъ ложекъ серебреныя. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ у зажиточныхъ крестьянъ серебреныя ложки кладутся не только для молодого и молодой, но и для всѣхъ членовъ женскаго пола въ семьѣ будущаго зятя. Это новое обыкновеніе. Банникомъ всѣ эти вещи называются потому, что ихъ зашиваютъ послѣ того, какъ невѣста съ дѣвушками сходитъ въ баню и начнетъ отдыхать послѣ бани, а расшиваютъ на другой день по бракосочетаніи, послѣ того какъ молодые побываютъ въ банѣ.

Холстъ не составляетъ здѣсь, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, необходимой принадлежности приданаго, потому что Холмогорскіе крестьяне сами почти не разводятъ льна; богатые, впрочемъ, кладутъ куска два или три портна (аршинъ 25) въ сундукъ, собственно для дочери, а не для ея мужа. Крестьянинъ, женясь, самъ или его мать покупаетъ кудель и приказываетъ женѣ шить ему рубахи и портки. Женскихъ рубахъ у дѣвушекъ средняго состоянія бываетъ по 10 и болѣе, а у богатыхъ по 30 и даже по 50, такъ что дѣвушка, вышедъ замужъ, можетъ не заводить ихъ лѣтъ двадцать, если нѣтъ дѣтей. Изъ платья въ особенности запасаются будничными сарафанами, тканными изъ пестряди съ красною бумагой, которыхъ бываетъ у иныхъ до 10 и болѣе, такъ что этихъ самодѣльныхъ сарафановъ хватаетъ лѣтъ на десять; кромѣ того, бываютъ платья— у бѣдныхъ ситцевыя, а у богатыхъ шерстяныя и шелковыя. Здѣшнія окологородныя крестьянки, въ особенности тѣ, которыя имѣютъ родныхъ въ Петербургскихъ артеляхъ, приняли городскую одежду, такъ что у нихъ въ приданое идутъ драповыя пальто, салопы на лисьемъ мѣху, шали, муфты и проч. Изъ принадлежностей туалета даются серьги, браслеты, жемчугъ (нѣсколько прядокъ жемчуга). Старинная одежда: шубейки, гранитуровыя шубки, штофники и проч. здѣсь вышла изъ моды и если дается

Тѣ не дай Богъ женитися
У купца гостя торговаго,
Взять купеческую дочку:
Со купеческую дочерью
Много денегъ и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ
Што я стану говорить тебѣ:
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што купеческія дочери
Не тяглы́ [1]), не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ,
Шолкомъ шить не гораздны.
Тѣ не дай Боже женитися
У попа отца духовнаго,
Взять поповскую дочерь:
Со поповской славной дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья.
Ты послушай, добрый молодецъ,
Што я стану говорить тебѣ,
Говорить я стану сказывать
Сущу истинную правду,
Што поповскія-то дочери
Не тяглы́ и не работливы,
Ткать и прясть не умѣютъ.
Тѣ подай Боже женитися
У крестьянина богатаго,
Взять крестьянскую дочерь:
Со крестьянскою-то дочерью
Много *да́нья* и *приданаго*,
Много цвѣтнаго платья;
Что крестьянскія-то дочери,

---

[1]) Тяглый значитъ — сильный, работящій.

CALIFORNIA ACADEMY OF SCIENCES

Всѣ тяглы и работливы,
Ткать и прясть онѣ гораздны,
Шолкомъ шить мастерицы [1]).

Проживающіе въ Холмогорахъ Шенкурскіе крестьяне не могли мнѣ объяснить значеніе слова *данье*; но оно навѣрное значитъ то же, что̀ и приданое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ слово *да́нница*, существующее у крестьянъ Холмогорскаго уѣзда и означающее тоже приданое; напримѣръ, здѣсь можно услышать выраженія: *у нея да́нница хорошая* или *невѣста съ большой да́нницей*. Вотъ сколько различныхъ названій употребляетъ здѣшній народъ для выраженія понятія о приданомъ. Это разнообразіе названій служитъ доказательствомъ того, что приданое въ крестьянскомъ быту отдаленнаго сѣвера всегда занимало видное мѣсто.

Къ приданому можно относить и всѣ дары, получаемые невѣстой отъ ея родныхъ и отъ родственниковъ жениха, какъ-то: *приносы*, *плакальныя деньги*, тѣ деньги, которыя она получаетъ на *бѣлила*, потому что всѣ эти дары составляютъ собственность невѣсты. Но о нихъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Приданое дается родителями невѣсты и всѣми тѣми членами семьи, которые воспользовались извѣстною частью изъ имущества родителей выходящей замужъ дѣвушки или имуществомъ перваго мужа, если это будетъ вдова, именно: братомъ, дядей, двоюроднымъ братомъ, зятемъ, свекромъ, деверемъ и др.; иногда невѣста сама себя *крутитъ*, то есть, заготовляетъ себѣ приданое. Примѣры сказанному читатель встрѣтитъ въ нѣсколькихъ ниже приводимыхъ актахъ и извлеченіяхъ изъ актовъ относительно принятія родственниками обязанности снабдить приданымъ невѣсту. Крестьянинъ Иванъ Лоховъ, выдѣлившій своему родному брату Якову, который переходилъ въ зятья-пріемыши, часть имущества, уговаривался съ послѣднимъ: „да еще жь имѣется у насъ сестра Мавра, то мнѣ Ивану поить-кормить до полнаго возраста, а случится по закону пожелаетъ въ замужество, то на оную платье и свадьба срядить мнѣ, Якову, собой,—токмо мнѣ, Ивану, пригото-

---

[1]) Москвитянинъ 1853 г. іюль кн. I. Свадьба Арханг. губ., стр. 35.

вить хлѣбъ и харчъ“ [1]). Въ отступномъ письмѣ 1810 г. январ
данномъ крестьяниномъ Силой Вершининымъ и его женой р
брату Герасиму, который воспользовался всѣмъ имѣніемъ
на счетъ дочери Силы Вершинина, сказано: „А буде дочери
Вассы Богъ продлитъ вѣку и возрастетъ въ полный возрас
ему, Герасиму, на ей платья завести тѣлогрѣю тафтяную
бейку тафтяную, а на чебакъ дать деньгами десять рублей.
на ней будутъ *поиманцы* (женихи), тожь и свадьбу срядить
и въ добрыхъ людяхъ водится, а больше ьъ надѣлокъ нич
требовать“ [2]). Крестьянская вдова Куростровскаго селенія А
Леонтьева, завѣщавъ сыну своему Андрею домъ, службы и
недвижимое имущество, на счетъ дочерей своихъ распоря
„дочерямъ моимъ дѣвицамъ Агафьѣ, Евдокіи и Александр
живать въ домѣ обще съ сыномъ Андреемъ безпрепятстве
по возможности наряжать и заводить платье, а ежели поид
замужество, то сдѣлать и свадьбы и наградить каждой по
отъ меня имъ предназначенной“ [3]). 1810 г. апрѣля 1-го кр
ская вдова Авдотья Иванова, передавъ свое движимое и не
мое имущество дочери своей Матренѣ и зятю Якову, ея
завѣщала между прочимъ: „а меньшую дочь Татьяну благосл
что она не въ совершенномъ возрастѣ, то большой дочери М
и зятю Якову, чтобы оную меньшую дочь до совершеннаго
ста или до смерти призирать, поить и кормить, обувать и о
во всемъ снабдевать и ни въ чемъ не изгонять; а если Бог
продлитъ и пойдетъ въ замужество, свадьбу срядить, как
надлежитъ, да въ награду дать, кромѣ платья, завожени
ней, еще въ надѣлку деньгами сто-пятьдесятъ рублей, а есл
смерть пошлетъ, похоронить честно и по душѣ ей дать сорок
да сверхъ сего отдать же по монастырямъ тридцать рубл
Въ челобитной конца XVII столѣтія, поданной крестьяниномъ

---

[1]) Полюбовное сговорное письмо 1811 г. февраля 2-го дня, изъ крѣпо
Холмогорскаго уѣзди. суда.

[2]) Изъ крѣп. кн. Холм. уѣзди. суда 1810 г.

[3]) Духовн. завѣщаніе 1870 г. іюня 14-го, получ. отъ кр. Быстрокурска
О. Нечаева.

[4]) Крѣп. кн. Холмогорскаго уѣзди. суда 1811 г. № 1.

тигорскаго селенія Фролкомъ Нифантовымъ архіепископу Холмогорскому Аѳанасію, между прочимъ, написано: „По пріемному письму, каково мнѣ дала жена моя Анница, по совѣту съ дочерью своею Марьею, какъ я сирота на ней Анницѣ женился и во дворъ къ ней шелъ, и послѣ того падчерица моя дѣвица Марья, какъ стала въ полномъ разумѣ, дала она дѣвица мнѣ сиротѣ другое письмо за своею рукою, что поступилась она дѣвица деревенскимъ жеребьемъ пашенными землями и сѣнными покосы совсѣмъ безъ вывѣта, поступилась она мнѣ сиротѣ вотчину и матери своей, а моей женишке, а сродичамъ ея и иному никому въ той деревни дѣла нѣтъ и не вступатца... а противъ того поступного письма далъ я сирота ей дѣвицѣ на себя письмо, что поить и кормить ея дѣвицу до возрасту ея, и замужъ выдать съ надѣлкою, въ приданомъ далъ кабалу въ дватцати рубляхъ, а буде она дѣвица умретъ и мнѣ ея дѣвицу поминать и подачи ея править“ [1]).

Собственно приданое, или скрута, дается тѣмъ лицамъ женскаго пола, которыхъ выдаютъ замужъ, напримѣръ: дочерямъ, внучкамъ, племянницамъ, двоюроднымъ сестрамъ, снохамъ, золовкамъ и проч. Надѣлокъ же вручается иногда тѣмъ же лицамъ женскаго пола, а иногда ихъ мужьямъ. Когда же берется въ домъ зять-пріемышъ, тогда все имѣніе передается обыкновенно въ полное его распоряженіе. Задумывая принять къ себѣ зятя, крестьяне мало заботятся о приданомъ, а главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы хозяйство было исправно. Иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ впрочемъ, дающій надѣлокъ передаетъ его прямо отцу жениха, при заключеніи съ будущимъ сватомъ брачнаго договора. Женщина, приносящая съ собою хорошее приданое, называется *приданницей*; а въ прежнее время, когда былъ обычай давать въ приданое поземельные участки или, по здѣшнему, *деревни*, тогда невѣстамъ, которыя выходили замужъ съ землей, давали названіе *приданницъ-деревенницъ* или *участницъ*. Невѣста съ плохимъ приданымъ называется *безприда́нна* или *безприда́нница*, напримѣръ, въ поговоркахъ: *бери безприданну, но таланну*, или *безприданница-безотвѣтница*. Въ настоящее время *приданницами* называютъ еще дѣвочекъ-родственницъ или воспи-

[1]) Изъ бумагъ крест. сел. Матигоръ Аникіева.

въ приданое, то болѣе на память, а не для носки. Всѣ такія вещи нуждающіеся крестьяне стараются сбывать въ южную часть уѣзда, и въ особенности, въ Шенкурскій уѣздъ, гдѣ эти предметы еще въ употребленіи. Въ другихъ уѣздахъ губерніи дѣвушки во время свадьбы, на гуляньяхъ и на вечеринкахъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: шелковыхъ штофныхъ шубейкѣ или полушубкѣ и юбкѣ, что̀ составляетъ такъ называемую *пару*, и въ повязкѣ, головномъ уборѣ, имѣющемъ видъ высокаго коническаго кокошника, украшеннаго жемчугомъ. Около г. Холмогоръ и этотъ нарядъ выходитъ изъ употребленія, и только весьма немногія дѣвушки выходятъ въ немъ на гулянья. Во время же свадебной заплачки и здѣсь невѣсты обязаны быть въ повязкѣ и парѣ, такъ что у которой нѣтъ ея, та занимаетъ ее на сторонѣ. Этотъ нарядъ, то есть, пару и повязку, каждая выходящая замужъ дѣвушка передаетъ, послѣ свадьбы, своей слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ, и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ, въ видѣ приданого. Иногда, если у самой младшей сестры не окажется головнаго убора, то вмѣсто него даютъ въ приданое извѣстное количество денегъ. Въ старину, какъ видно изъ актовъ и преданій, былъ подобный же обычай, то есть, если не имѣлось женскаго головнаго убора, *чебака* (чебакъ—шапка о двухъ ушахъ, куницею или соболемъ обложенная), въ такомъ случаѣ давали вмѣсто него деньги или землю. То же дѣлалось и въ случаѣ неимѣнія другихъ украшеній. Вотъ что̀ было дано года два тому назадъ въ приданое за одною дѣвушкой въ Шенкурскомъ уѣздѣ: одна красная штофная шуба (здѣсь въ Холмогорскомъ уѣздѣ не носятъ), одна шуба полушелковая (здѣсь не носятъ), одинъ сарафанъ шелковый клѣтками (здѣсь не носятъ), одна юбка шелковая штофная одноцвѣтная (у насъ не носятъ), одна бѣлая съ наборомъ юбка, одна холстинковая бумажная юбка, одна красная овчарная юбка, одинъ полушубокъ шелковый травчатый голубой (здѣсь не носятъ), одинъ двоеликій, немного поношенный полушубокъ (здѣсь рѣдко встрѣчаются), два кумачныхъ полушубка (здѣсь не носятъ) шесть холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ, два хорошіе полотняные воротка (здѣсь не носятъ), двѣ хорошія рубашки, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англійская красная, восемь хол-

щевыхъ рубашекъ полновыхъ, одинъ гарусный передникъ, одинъ разшивной хорошій сборникъ, одинъ шелковый голубой удирокъ, одинъ гарусный платокъ порядочной величины и доброты, три утиральника, изъ коихъ одинъ камчатный пропускной съ узоромъ, другой шитый въ пялахъ и третій браной съ наборцами кругомъ одна браная съ наборомъ салфетка, кусокъ кумачу на полушубокъ, одни красныя перстятки изъ дорогой шерсти, одни красныя перстятки домашней работы, однѣ серебреныя безъ пробы серьги одно серебреное пробное кольцо, одинъ крашеный съ замкомъ ящикъ, одна съ замкомъ коробья и одна бѣлая каменная тарелка [1]). Въ Мезенскомъ уѣздѣ одна дѣвушка получила при выходѣ замужъ: штофникъ, коротѣньку, шубейку, кумачникъ, китайникъ, сарафанъ простаго ситцу, серебреную цѣпь, матерчатую рубашку малиноваго ситцу и краснаго кумачу, 3 рубашки домашней пестряди, 2 бѣлыхъ рубашки тонкаго холста, 2 повойника, 2 алыхъ платка, 2 малиновыхъ платка, передникъ, красную шаль съ кругомъ, серебряную запонку, 2 передника, 2 шубы, одѣвальницу, ковшикъ и 2 ящика [2]). Въ с. Усть-Цильмѣ, Мезенскаго уѣзда, гдѣ невѣстъ покупаютъ за деньги, приданое все-таки дается съ ними; оно состоитъ въ одеждѣ, которой должно хватить на три года, иногда даютъ корову, либо овцу.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ безъ бѣлой овчинной шубы невѣста-не невѣста; если нѣтъ такой шубы, говорятъ: „у невѣсты не въ чемъ и скотъ на прорубь сгонить; хоть въ шубейки гони“. Въ Пинежскомъ же уѣздѣ у невѣстъ со средствами приданое состоитъ въ подушкѣ, покрытой нероскошнымъ ситцемъ, шубѣ изъ домашнихъ овчинъ, покрытой дешевымъ синимъ сукномъ, кумачникѣ, нѣсколькихъ дорогихъ (кубовой краски) льняныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ ситцевыхъ, у немногихъ и въ шерстяныхъ сарафанахъ, одномъ или двухъ шелковыхъ алыхъ платкахъ, одной или двухъ шерстяныхъ шаляхъ, и у самыхъ богатыхъ, сверхъ того, въ шелковой лопотинѣ (платье) и таковыхъ же одной или двухъ шаляхъ и столькихъ же

---

[1]) Рѣшеніе Великониксаго волостн. суда 1868 г. 27-го мая.

[2]) Рѣшеніе Мелогородскаго волостн. суда 1868 г. 14-го января.

рубашкахъ, преимущественно изъ домашняго холста (а по верховью р. Пинеги въ рубахахъ съ вышитыми красною бумагою накладками) и во всей рабочей одеждѣ и обуви [1]).

Красенная збруя или *крóсно* здѣсь имѣется почти у каждаго крестьянина, а потому часто дается въ приданое; иногда даютъ только *ставá*, то есть, одну часть станка. Хорошій отецъ даетъ дочери точеные пріузъ и кичигу (части молотильнаго цѣпа), чтобы будущей женѣ удобнѣе, сручнѣе было молотить.

„У насъ", говорили мнѣ крестьяне Холмогорскаго уѣзда,—„мало что̀ бы изъ скота или денегъ давали; это бываетъ только у богатыхъ, и даютъ обыкновенно безъ предварительнаго уговора, а изъ чести, когда женихъ, при осмотрѣ его житья-бытья, оказалъ у себя деньги. Также корова, лошадь, овцы или хлѣбъ бываютъ больше у *осталицы* (единственная дочь-сирота), которая, разумѣется, собираетъ все, что̀ у ней есть. *Зальтнихъ* невѣстъ, иначе *посидѣлокъ* (годовъ 30-ти), тоже не берутъ безъ приданаго, состоящаго въ хлѣбѣ, деньгахъ и скотѣ. У подгородныхъ Холмогорскихъ крестьянъ каждый почти хозяинъ имѣетъ свою корову, или нѣсколько, а потому брать въ приданое корову считается несовсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ". Къ рѣдкимъ исключительнымъ случаямъ относится то, что отецъ обязывается дать зятю корову для временнаго пользованія, или обязывается годъ, два обработывать земляной участокъ своего зятя, иногда же вмѣсто денегъ предоставляетъ ему право взыскивать долги съ своихъ должниковъ. Въ тѣхъ селеніяхъ и деревняхъ Холмогорскаго уѣзда, изъ которыхъ крестьяне отправляются на заработки въ С.-Петербургъ, бываетъ такъ, что несостоятельный зять уговаривается, при сватовствѣ, съ будущимъ тестемъ, если послѣдній богатъ, чтобы тотъ вкупилъ его въ Петербургѣ въ артель. Такъ въ д. Мариловой былъ кровельщикъ, который женился въ д. Малой Тиврѣ и взялъ дочь у богатаго артельщика, и тесть, по условію, увезъ его въ Петербургъ и самъ внесъ за него вкупъ въ артель. Иногда крестьянина, пріѣхавшаго изъ Петербурга на родину для женитьбы и не имѣющаго собственнаго дома (если онъ отправился на заработки въ малолѣтствѣ), тесть приглашаетъ пожить

---

[1]) Сообщено крестьяниномъ Кулешовымъ.

до заговѣнья, пока онъ не уѣдетъ снова въ Петербургъ. Но того не бываетъ (какъ это часто случается у чиновниковъ), чтобы зятья выговаривали себѣ квартиру на продолжительное время у тестьевъ. Домовъ также не даютъ въ приданое, и только въ одномъ рѣшеніи волостнаго суда, Шенкурскаго уѣзда, мы встрѣтили случай, что дана была въ приданое часть дома (*озадокъ* двора). Мы не говоримъ здѣсь о зятяхъ-пріемышахъ, которые получаютъ въ свое распоряженіе дома тестьевъ со всѣмъ хозяйствомъ. Одежды зятьямъ (какъ это бываетъ у чиновниковъ) тоже не даютъ въ приданое, развѣ тогда, когда останется пасынокъ отъ перваго мужа, который отдается на попеченіе зятю.

У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда входитъ въ обычай давать въ приданое зятю землю, съ тѣмъ чтобы *не отбирать ея вѣчно*. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ иногда отдаютъ въ надѣлокъ зятьямъ *чищеницы*, до истеченія 40-лѣтняго срока пользованія чищеницой. Ниже мы встрѣтимъ случай, какъ свекоръ отдалъ зятю, будущему мужу своей снохи, даже тяглую землю, или какъ выражаются крестьяне, *податную душу*, для уплаты податей за душу своего покойнаго сына, перваго мужа своей снохи. Все это остатки прежняго обычая, господствовавшаго здѣсь въ полной силѣ, давать землю въ приданое за невѣстами. Дѣйствительно, до 1831 г., пока у крестьянъ нашей губерніи существовало подворно-участковое наслѣдственное владѣніе землею, съ правомъ отчужденія ея, случаи отдачи въ приданое земли были не рѣдки. Землю или деревню получали тогда въ приданое не однѣ только остальницы, но и другія дочери, при наслѣдникахъ мужескаго пола, по благословенію родителей. Есть еще въ живыхъ много крестьянокъ, которыя выходили замужъ съ землей, отошедшею потомъ въ общій раздѣлъ. Впрочемъ, какъ видно изъ *дѣльныхъ крѣпостей* прошедшаго времени, дѣвушки, при раздѣлѣ съ членами семьи мужескаго пола, по смерти отца получали за свою часть земли денежное и вещественное вознагражденіе отъ послѣднихъ. Къ этому обычаю о дачѣ въ приданое земли мы возвратимся еще въ послѣдствіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ оригинальномъ приданомъ мелкихъ чиновниковъ въ здѣшней губерніи.

„Часто случается, что чиновники въ Архангельскѣ“, пишетъ одинъ

бенности онѣ заботятся о тканыхъ будничныхъ сарафанахъ, такъ какъ при выборѣ невѣстъ обращается большое вниманіе на то, каково вытканъ сарафанъ. Отецъ заводитъ обыкновенно болѣе дорогія вещи изъ одежды: пальто, гарусные платки, платье, башмаки, равно и другія болѣе цѣнныя вещи. Хотя первоначальное приданое часто заготовляется на женскія деньги, то-есть, на *масляныя* и другія деньги матери и на тѣ, которыя получаетъ дочь на сторонѣ, напримѣръ, во время страды, если дома нѣтъ работы, но бываетъ также, что отецъ покупаетъ на первый разъ на семейныя деньги льну, мать же и дочь передѣлаютъ купленное на полотно, часть полотна обращаютъ на бѣлье, а лишнее продаютъ и на полученныя деньги покупаютъ снова кудели, чтобы вновь выгадать себѣ кое-что. Слѣдовательно, значительная часть приданаго пріобрѣтается на средства отца. „Вокругъ скотоводства ходить—обязанность жены, а потому мужья при продажѣ скота даютъ часть денегъ на приданое. Если лѣтомъ, въ страдное время, дочь работаетъ на полѣ, то отецъ за это заводитъ ей что-либо въ приданое; а Петенбура (то-есть, живущіе въ столицѣ) посылаютъ изъ Петербурга все необходимое въ приданое, напримѣръ, разнаго рода матеріи, кромѣ бѣлья, которое заводится дома. Вотъ такъ каждый годъ и подбавляется приданое“. О приданомъ все-таки болѣе заботится мать, нежели отецъ; отцу часто не нравятся лишніе, по его мнѣнію, расходы на наряды дочери, такъ что нѣкоторые болѣе скупые отцы препятствуютъ женамъ заботиться о самомъ нужномъ въ приданомъ, говоря: „я тогда все куплю, когда женихъ пріѣдетъ“; въ такомъ случаѣ мать старается запасти для дочери что-нибудь тайно отъ отца. Дѣвушки безчотныя, или если отецъ человѣкъ распутный или крайне бѣдный, или если онѣ живутъ въ чужихъ людяхъ, *крутятся* на свои деньги, собирая и продавая ягоды, нанимаясь на страду въ работы, занимаясь ткань-емъ пряжи; но вся эта *крутня*—на 5, 10 и рѣдко на 20 руб.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ матери крутятъ дочерей не всѣхъ разомъ, а только одну старшую, которая считается невѣстой; она всегда ходитъ въ нарядной одеждѣ, а остальныя носятъ обноски ея. Когда выдадутъ первую, тогда начинаютъ крутить другую. Если же старшая дочь не считается невѣстой по чему-либо, напри-

села мои и челядь моя наполъ; или будетъ дчи, ино выдасть и брать Ѳедоръ по силѣ“ [1]). Еще въ духовной: „А что есмь посулилъ надѣлка зятю своему Сидору и дочери своей Марьи, заплатилъ есмь имъ 50 бѣлъ, а дати ми имъ 3 сороки бѣлки, а въ томъ треть села въ заклади, на два году, до кунъ“ [2]).

Стоимость приданаго въ Холмогорскомъ уѣздѣ бываетъ весьма различна. По опредѣленію крестьянъ, у самыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ приданаго бываетъ рублей на пять, на десять: сколько на себѣ платья, да еще нѣсколько рубахъ и прочаго; у средняго состоянія на 30—50 руб., а у богатыхъ простирается и до 300 руб.; бываетъ и гораздо болѣе, но какъ рѣдкое исключеніе. Такъ, въ 1870 году крестьянинъ Ульяновъ изъ Ровдиной горы далъ за дочерью 1000 руб. сер. Въ приводимыхъ ниже рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ различныхъ мѣстностей губерніи мы находимъ стоимость приданаго, по оцѣнкѣ истцовъ, въ 25, 30, 50, 77, 125, 197 и 200 руб. сер.

На вопросъ мой: было ли въ прежнее время приданое цѣннѣе нынѣшняго, или нѣтъ, одинъ крестьянинъ отвѣтилъ: „Прежде давали дорогое приданое, такъ что было что̀ и заложить, и продать въ случаѣ крайности; прежняя одежда и украшенія далеко превосходили стоимостью нынѣшнія: штофники рублей въ 40 асс., кумачники въ 5 руб., на нихъ серебреныя пуговицы и золотыя вахромки (бахрома) рублей на 10 асс.; прежде жемчугъ былъ въ большомъ употребленіи; богатыя повязки (головной уборъ), унизанныя жемчугомъ, цѣнились рублей въ 100—300 асс.; у моей бабки былъ кокошникъ жемчужный и стоилъ рублей 100 асс., а кошельки (серьги жемчужныя) тоже стоили не менѣе 100 руб. асс. Теперь только и цѣнности, что салопы на лисьемъ мѣху. Да и прочность то какая была: досельную одежду носила прабабушка, бабка, мать, да и дочери передавала; у меня есть кокошникъ: бабка худо помнитъ, когда онъ заведенъ, да полушубокъ годовъ 90 какъ дѣланъ; штофники трои вѣки носились; правда, надѣвались только на игрища; нынѣ ни за что ни какая дѣвка или жонка не надѣнетъ; а

---

[1]) Тамъ же, № 409, I, стр. 430.
[2]) Тамъ же, № 409, IV, стр. 433.

вотъ въ Емецкѣ всѣ въ полушубкахъ на игрищахъ.... Прежде приданое старались всѣми силами сберегать, чтобъ было что̀ дочерямъ оставить въ приданое, да и теперь стараются не растрачивать; только ужь нынѣшнее платье не передашь; все не прочно; коли у дѣвушки порвется платье, то и не заводятъ задолго до свадьбы". Въ другихъ мѣстахъ губерніи, какъ мы уже видѣли, и снова увидимъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, еще удержалась старинная дорогая и прочная одежда.

Для опредѣленія стоимости приданаго въ XVII столѣтіи, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ *дѣльныхъ крѣпостей*, приведенныхъ В. Крестининымъ въ его нынѣ довольно рѣдкой книгѣ: „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа", изданной въ С.-Петербургѣ въ 1785 году. Изъ дѣльной крѣпости 1647 г. февраля 3-го дня, составленной крестьянами Галушиными, Ровдогорскаго селенія, въ нынѣшнемъ Холмогорскомъ уѣздѣ, видно, что племянница получила отъ своихъ *дядьевъ*, за деревенскій участокъ отца въ приданое: 1) три рубля денегъ на однорядку, 2) шушунъ сукна краснаго съ *нарядомъ* (прикладка) цѣна 4 рубля, 3) за шапку полтора рубля денегъ, 4) кружево жемчужное (на шапку) цѣна 1 руб., 5) одинъ золотникъ жемчугу съ четвертью, цѣна 20 алтынъ, 6) кошельки (серьги, сплетенныя изъ жемчуга) цѣна 2 руб., 7) серьги серебреныя подъ золотомъ, съ цѣпью серебреною (для креста, носимаго на грудяхъ) цѣна 8 гривенъ, 8) другую шапку киндячную голубую (то-есть, бумажной выбойки, крашеную, безъ пестрыхъ цвѣтовъ) цѣна 10 алтынъ, 9) крашенинникъ съ нарядомъ, цѣна 20 алтынъ, 10) сапоги телятинные красные съ шелкомъ, да другіе пришвы, цѣна обоимъ полтина, 11) коробью съ бѣльемъ, цѣна 5 руб., и всего того приданаго было на 19 руб. 10 алтынъ. Крестининъ, сообщивши эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что „все сіе доказываетъ богатую на Двинѣ невѣсту, ибо другія невѣсты тогдашняго времени приносили приданаго въ домы своихъ мужьевъ не болѣе или ниже двухъ рублей, какъ то видно по дѣльной крѣпости 1600 г. октября 27-го дня Игнатья и Селивана Дубасовыхъ, Куростровцевъ, которые со своею племянницей Парасковьею Андреевой дочерью на три жеребья движимое и недвижимое имѣніе дѣлили; почему сія участница наслѣднаго имѣнія въ

приданое вѣно на полтретья рубли получила“ (стр. 21). Но далѣе самъ же Крестьянинъ опять приводитъ въ примѣръ довольно состоятельную невѣсту. По дѣльной крѣпости крестьянъ Фатѣевыхъ, изъ Верхней Паленги, 1625 г. ноября 9-го, племянница получила за свой участокъ отъ четырехъ своихъ сонаслѣдниковъ дядей деньгами 12 руб. „Сверхъ того, сія достаточная по тогдашнему времени невѣста, выданная изъ богатаго крестьянскаго дома, отнесла въ приданое двои серьги и три перстня серебряные, цѣною въ три рубля“ (стр. 23). По четыремъ же приводимымъ мною ниже дѣльнымъ XVII столѣтія видно, что приданое давалось на сумму отъ 4 до 8 рублей; а въ одной дѣльной XVIII стол. приданое обозначено въ 50 рублей.

Хотя и существуетъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ поговорка о накопленіи приданого: *дочку въ колыбельку*, *придано въ коробейку*, но она здѣсь буквально не примѣняется, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи [1]). Говорятъ, что такъ было въ старину, а теперь заготовляютъ приданое съ малолѣтства дочерей только самые богатые да тѣ, которые имѣютъ единственныхъ дочерей, разумѣется, если они не думаютъ принять къ себѣ на домъ зятя. У крестьянъ же средняго состоянія не дѣлается такъ, потому что, какъ объясняютъ крестьяне, если есть нѣсколько дочерей, то нѣтъ силъ и времени накоплять приданое съ младенчества ихъ. Начинаютъ запасать приданое изподволь, годовъ съ 14 или 15, когда дочери уже сами начинаютъ учиться ткать, а ускоряется заготовленіе его, когда дочь уже считается невѣстой, съ 16 лѣтъ, такъ чтобы въ два, три года приготовить все болѣе нужное; остальное закупается тогда, когда дочь уже засватана.

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отецъ къ приданому, состоящему изъ бѣлья и пр., *не касается*, то-есть, не заботится о немъ; это дѣло матери; она заблаговременно *заправляетъ* бѣлье, сарафаны, платки, полотенца, перья и пухъ для подушекъ и пр.; шьютъ же приданое, кромѣ дорогихъ вещей, и ткутъ сами дѣвушки-невѣсты; въ осо-

---

[1]) Записки Русск. Геогр. Общ. по Отдѣленію Этногр. т. II. Очеркъ народн. юридич. обычаевъ и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 690; также Pravní obiceje u Slavena *V. Bogišića*, стр. 124.

У подлиннаго руки приложены тако: Къ сему сговорному завѣщательному письму крестьянинъ Василій Зеленинъ руку приложилъ. При семъ завѣщательномъ письмѣ свидѣтелей было 6 человѣкъ. 1810 года марта 14-го дня. Сіе сговорное письмо въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ явлено и въ книгу подъ № 6 записано.

2.

1869 года февраля 5-го дня. Мы, нижеподписавшіеся Архангельской губерніи и уѣзда, Вознесенской волости Тойвитовской деревни, государственный крестьянинъ Ѳеодоръ Михаиловъ Даниловъ и Иванъ Михайловъ Шваковъ заключили между собою условіе въ томъ, что послѣдній изъ насъ предполагаетъ вступить нынѣ же въ законный бракъ съ дѣвицей, дочерью Данилова, Натальей Ѳедоровой, и коль скоро этотъ бракъ совершится, Иванъ Шваковъ вступаетъ во владѣніе домомъ, принадлежащимъ Данилову, стоющимъ 60 р., на правахъ полнаго хозяина, впрочемъ съ участіемъ самаго Данилова; кромѣ того я, Даниловъ, передаю въ видѣ приданаго, за дочерью, во владѣніе, навсегда: 3 коровы, 1 быка и 1 нетель, стоющіе 60 р., и лошадь 60 р.; этой скотиной Шваковъ пользуется навсегда, но продавать ихъ можетъ только съ одобренія и согласія моего, Данилова, какъ равно и я, Даниловъ, не имѣю уже права безъ согласія Швакова приступить къ продажѣ чего-либо изъ имущества или скота. При жизни моей, Данилова, Шваковъ имѣетъ право распоряжаться всѣмъ моимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, какъ бы оно было его собственное, но взамѣнъ этого, онъ долженъ почитать меня, Данилова, какъ отца, неотказывать мнѣ ни подъ какимъ видомъ въ пищѣ, одеждѣ, и однимъ словомъ, до смерти моей содержать меня такъ, какъ прилично сыну отца. Остающаяся при мнѣ, Даниловѣ, малолѣтняя моя дочь Парасковья имѣетъ жительство въ этомъ же домѣ, а при выходѣ въ замужество, я долженъ наградить ее по своему состоянію приданымъ, изъ той части своего имѣнія, которое остается за мной и не будетъ передано Швакову. По смерти моей домъ и все хозяйство будетъ принадлежать въ вѣчную собственность дочери моей Натальѣ и ему, Швакову, какъ прямымъ и единственнымъ наслѣдникамъ, и никому другому, кромѣ ихъ, моимъ наслѣдствомъ не пользоваться и не вступать. Условіе это по совершеніи брака будетъ обязательно для обоихъ насъ, Данилова и Швакова; и измѣнить его можемъ только съ общаго согласія; за нарушеніе его тѣмъ или другимъ судиться по закону, въ чемъ и подписуемся.

Послѣ подписей лицъ, заключившихъ это условіе, слѣдуютъ подписи свидѣтелей [1]).

---

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Вознесенскаго волостнаго правленія.

мѣръ, по болѣзни, то въ такомъ случаѣ крутятъ вторую, помимо первой. Это накопленіе приданаго, какъ уже прежде было сказано, производится изподволь, но передъ свадьбой ускоряется приготовленіе его. Тогда, въ періодъ времени между осмотромъ житья-бытья жениха и рукобитьемъ, пріятельницы невѣсты ежедневно собираются въ домъ послѣдней и помогаютъ дошивать приданое—наволочки, занавѣски къ кровати, кое-что изъ платья; однимъ словомъ, шьютъ все закупное. Наканунѣ дѣвичника, когда невѣста съ подругами идетъ въ баню, мать *рядитъ коробью*, то-есть, окончательно складываетъ въ сундукъ бѣлье, салфетки, скатерти, полотна и все, что̀, по возможности, заготовлено въ приданое [1]). Самое полусундучье, въ которое складывается вся одежда, кромѣ *ношатой*, покупается въ Архангельскѣ, когда дочь уже невѣста.

Всюду почти въ губерніи бываютъ предварительные уговоры (*уговорки*) о приданомъ; только тамъ, гдѣ невѣстами особенно дорожатъ, напримѣръ, въ селеніи Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, о приданомъ не уговариваются. *Приданаго*, говорятъ тамошніе женихи *пожалуй, ни нитки; былъ бы хохолъ да титки.* И въ другихъ мѣстахъ губерніи о бѣдныхъ невѣстахъ, безприданницахъ, говорятъ: *Была бы кость да тѣло, а платье самъ дѣлай*, то-есть, была бы женщина порядочная, а платье наживемъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ есть еще поговорка о безприданницахъ: *Суженой пріѣдетъ и зипунъ* (или *шушунъ*) *привезетъ.*

Въ деревняхъ близъ Холмогоръ договариваются почти всегда только о женской одеждѣ, въ особенности со скупыми родителями, и если много дочерей у нихъ; требуютъ, напримѣръ, драповое пальто, шелковый или другой какой салопъ, спрашиваютъ: отдадутъ ли жемчугъ, шубу, которую еще мать носила, не можно ли обмѣнить ношатаго платья; замѣчаютъ родителямъ, что у невѣсты *этою* нѣтъ, *этого* нѣтъ. Дѣвицы гостятъ и гуляютъ въ лучшихъ своихъ нарядахъ въ лѣтніе праздники и на игрищахъ, а потому и видно, съ чѣмъ невѣста, да и молва идетъ, гдѣ и что̀ заводятъ. „У насъ на этотъ счетъ народъ дальновидный“, говорятъ сами крестьяне. Въ особенности этого не могутъ не знать сватьи или сваты,

---

[1]) Москвитянинъ 1853 г. ч. I, стр. 40. Свадьба Арх. губ.

за кони и за коровы, и за всякой мелкой скотъ, и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все полтора рубля денегъ на шушунъ и на шапку, да серги серебряные позолочены съ каменемъ двойные въ тритцать алтынъ, да рубашекъ женскихъ тонкихъ и пачесныхъ, и костычей тонкихъ и пачесныхъ, и *главные скруты* на полтора рубля, да шапку киндячную въ семь алтынъ и всего я Анна взяла за свой третей участокъ и за всякой животъ, и за деревню, и за все про все на четыре рубля на три алтына и на четыре денги, а въ досталномъ во всемъ животѣ и въ деревни, и въ дворѣ, и въ долгу остались жить они братя мои Трофимъ да Семенъ, а мнѣ зятю ихъ Пятому да сестрѣ ихъ Аннѣ до всего ихъ досталного живота и до скота, и до деревни ихъ до земель горнихъ и луговыхъ и до двора, и до дворища намъ Пятку да мнѣ Аннѣ нынѣ и впредъ дѣла нѣтъ и дѣтемъ нашимъ, и дѣлу намъ на нихъ не пытать и не искать ни которыми дѣлы, да и дѣла намъ до нихъ нѣтъ, а будетъ у ково вылягутъ долги кабалніе на отца нашего Ивана или на нихъ на Трофима да на Семена долги кабалніе или безкабалніе, и тѣ долги отцевы кабалные и свои имъ долги кабалніи и безкабалніе братямъ моимъ Трофиму да Семену платити, мимо насъ зятя Пятого да сестру Анну, своимъ животомъ, своими денгами, и убытка имъ Трофиму да Семену въ тѣхъ отцовыхъ долгахъ и въ своихъ намъ Пятому да сестрѣ своей Анны не учинити ни которыми дѣлы. Записи про межь собя дѣліе писали двѣ и розняли по себѣ. На то послуси Степанъ Калининъ Куростровецъ да Невѣръ Григорьевъ сынъ Ровдогорецъ да Карпъ Онтипинъ сынъ да Павелъ Аникіевъ сынъ Головиныхъ записи двѣ писалъ Николской дячекъ Шибанко Романовъ лѣта 7136 февраля въ 10 день (1628 года) [1]).

5.

Се азъ Акилина Аврамева дочи Степанова сына Ниѳантова пошла есми отъ матери своей Евдокеи Софроновы дочери да отъ брати своей отъ Фрола да отъ Павла Аврамевыхъ дѣтей замужъ за Ананю Иванова сына Окулова, а надѣлку я Акилина взяла изъ вопчево живота отца своего статковъ, за дворъ и за всякой житейской животъ, за свой участокъ, шушунъ зеленой суконной цѣна три рубли, голубцы полтора рубли, сапоги полтина, серги двоенцы пятнадцать алтынъ, шапка рубль, другая шапка пять алтынъ, сарафанъ крашенинной пятнадцать алтынъ, сукникъ овечей двенатцать алтынъ, воротокъ десять алтынъ, сапоги другіе двѣ гривны и всего цѣнои на восмь рублей, опроче бѣля, а я Онаня ея Акилину съ тѣмъ надѣлкомъ взялъ за себя, а случитъ Богъ смерть мнѣ Аки-

[1]) Изъ бумагъ кр. Матигорскаго селенія Аникіева.

лины, и отроду дѣти не останутся, и тотъ приданой надѣлокъ на восмь рублевъ отдати Онани матере моеи Евдокеи и братямъ Ѳролу и Павлу, или случитъ Богъ смерть Анани и тотъ приданои надѣлокъ взяти мнѣ Акилины изъ Онаниныхъ статковъ; а въ долгу и слободы и въ осталомъ животи остался мать моя Евдокея да братя Ѳролъ и Павелъ, а мнѣ Акилины до долговъ дѣла нѣтъ а си *даные* мнѣ Акилины зъ братею со Ѳроломъ и Павломъ *въ дѣлной мѣсто*, и снова не передѣливатца ни которыми дѣлы, *даные* велики написати двѣ слово въ слово: *даная* мнѣ Акилины, а другая братямъ Ѳролу и Павлу; на то послуси Иванъ Степановъ Жуковъ да Дмитреи Ивановъ Уланова; даные писалъ Ѳедосѣико Ивановъ Тепляпинъ лѣта 7146 (1638) генваря въ 14 день [1]).

6.

Се язъ Третякъ Евсеевъ сынъ Шубнаго да язъ Яфимъ да язъ Ксенифонтъ да язъ Ефросенья Яковлевы дѣти Шубнаго Ровдогорцы раздѣлился есми тояже волости, язъ Третякъ съ племянницею своею, а мы Ефимъ да Ксенифонтъ, да Ефросенья съ сестрою своею съ Огафьею Яковлевою дочерью Шубнаго, и взяла она Огафья за деревню и за дворъ, и за всѣ хоромы, гдѣ что ни есть, и за дворище, и за горные, и за островскіе, и за луговые земли, за орамые и за сѣнные покосы, и за хлѣбъ, и за сѣно, и за скотъ, за коней и за коровъ, и за овецъ, и за судовое: за мѣдное и за желѣзное, и за оловянное, и за древяное, и за всякой житейской запасъ, за все про все, у дяди своего у Третяка да у братьи своеи у Яфима да у Ксенифонта да у сестры своей Ефросеньи, въ приданое живота себѣ полюбовно: кошелки жемчужные, цѣна два рубли, шапка отласная красная въ рубль, да два рубли денегъ на шушунъ, держамая шапка двѣ гривны, серги серебряные десять алтынъ, сапоги красные верхотачные полтина, другіе сапоги держамые двѣ гривны, крашенинникъ одинатцать алтынъ, да коробья зъ бѣльемъ и зъ головнымъ, цѣна бѣлью и головному рубль, и всего того приданого живота на семь рублевъ на семнадцать алтынъ на четыре денги, и пошла она Огафья съ тѣмъ своимъ приданымъ животомъ замужъ за Федора Трофимова Гороховыхъ Матигорца Николскаго приходу, и будетъ случитъ Богъ за мужемъ живучи смерть ей Огафьи или мужу ея Федору, а отроду не останетца ни мужескаго полу ни женскаго, и что того будетъ приданого живота въ лицахъ останетца, и то назадъ взять, а которое того приданого живота издержитца, въ лицахъ не будетъ, и за тотъ издержанный животъ денегъ не имать и не спрашивать ни которыми дѣлы ни въ чемъ; а въ издержанномъ животѣ одному сказать прямое слово передъ образомъ Божіимъ,

[1]) Оттуда же.

а другому тому прямому слову вѣрить; а деревни она Огафья горныхъ и луговыхъ и островскихъ земель, орамыхъ и сѣнныхъ покосовъ, и двора, и дворища, и всѣхъ хоромовъ, гдѣ что ни есть и хлѣба, и сѣна, и скота коней и коровъ, и овецъ, и судоваго: мѣдного и желѣзнаго, и оловянного, и древяного, и всякого живота, и всякаго житейскаго запасу, и свободы, и долгу, всего безъ вывѣта *поступилась* полюбовно намъ дяди своему Третяку да братямъ своимъ Яфиму да Ксенифонту да сестры своей Ефросиньи вдернь в вѣкъ безповоротно, и впредъ ей Огафьи до деревни и до двора, и до дворища, и до скота, и до хлѣба, и сѣна, и до всякаго живота и до всякого житейскаго запасу, до всего безъ вывѣта, дѣла нѣтъ ни которого ни въ чемъ; а намъ дяди да братямъ да сестры потомужъ до нея Огафьи дѣла нѣтъ, и въ долги ее Огафью не притягивать и не убытчить, въ томъ во всемъ и сель намъ дѣлъ любъ и во вѣки и дѣтемъ нашимъ, и послѣ сего намъ дѣлу не передѣливатца и не переровниватце, и дѣлу не счинать; въ томъ и двѣ *дѣлные* написали по противнемъ, да и розняли по себѣ. На то послуси Иванъ Герасимовъ Быковъ да Евсей Дружининъ Шаматовъ Ровдогорцы. Дѣлные писалъ Ровдогорской дьячекъ Оска Петровъ лѣта 7166 году (1658) генваря въ 23 день. На оборотѣ: къ сей дѣлной вмѣсто Третяка да Еѳима по ихъ велѣнію да Еѳросиніи Яковлевы дочери Максимко Денисовъ руку приложилъ. Къ сей дѣлной Ксенифонтко Яковлевъ руку приложилъ [1]).

7.

Се язъ Козма да язъ Василей да язъ Степанъ да язъ Парасья Ерюлины дѣти Тряхавина подѣлились есми межь собя полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну на четыре участка, и поделяся я Парасья взяла есми у брати своей у Козмы да у Василья да у Стеѳана надѣлку себѣ за свой участокъ за хлѣбъ и за скотъ, и за всякой животъ, и житейской запасъ, за дворъ и за деревню, за все про все, за домъ и за свободу, полшеста рубля денегъ да шапку кындячную въ пять алтынъ, да сапоги красные въ одиннадцать алтынъ, да крашенинникъ въ полтину, да коробью въ две гривны, да серги серебряные подъ золотомъ въ десять алтынъ, да сукманъ овечей въ четыре гривны, и съ темъ надѣлкомъ я Парасья пошла есми замужъ, по благословенью матери своей Домны, за Пентелея Яковлева сына Могутова; и будетъ Богъ случитъ смерть мнѣ Парасьи замужемъ живучи напередъ, а отродъ не останется, и тотъ

[1]) Оттуда же.

3.

1816 года іюня дня, Архангельской губерніи Холмогорской округи, Чемохацкой волости, деревни Григорьевской, крестьянская дѣвка Парасковья Матвѣева дочь Короткихъ дала сіе договорное письмо той же волости и деревни, крестьянину Степану Алексѣеву сыну Блинову, въ томъ, что по раздѣлу между племянницами и затемъ Степаномъ Поповымъ оставшагося отъ отца и братьевъ деревенскаго участка, по нахожденію объ ономъ въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ дѣла, по рѣшенію онаго, досталось мнѣ, Парасковьѣ, изъ земляного участка, горней орамой земли и сѣнныхъ покосовъ и распашныхъ новинъ и запущенныхъ припашей четвертая часть, тягломъ, по веревной книгѣ, 22 сажени, а изъ хоромнаго строенія на мельницѣ изба, дворъ, баня и кузница; нынѣ я, Парасковья, доставшійся по раздѣлу земляной участокъ обработывать и оплачивать подать и всякую общественную съ того участка повинность не въ состояніи и отдать изъ платежа никому не могла, почему нынѣ взяла намѣреніе взять въ законное супружество означеннаго крестьянина Степана Блинова на оный участокъ и домовое строеніе, и при отдачѣ сего договорнаго письма взяла я, Парасковья, у него, Степана Блинова, для расплаты прежде недоплоченныхъ обществу государственныхъ податей и разнымъ крестьянамъ долговъ, также и на свадьбу, всего 250 руб.; съ тѣмъ, ежели по житіи мною въ замужествѣ, Божіимъ изволеніемъ, я, Парасковья, помру и дѣтей не останется, и во оную землю какіе нибудь родственники вступаться будутъ, то заплатить ему Блинову, за обработываніе земляного участка и за распахиваніе запущенныхъ новинъ, по 175 рублей за каждый годъ, также и взятыя мною при выдачѣ сего письма деньги 250 рублей; въ чемъ я, Парасковья, ему Степану сіе договорное письмо дала и подписуюсь: Подпись за Парасковью Короткихъ Холмогорскихъ Городническихъ дѣлъ канцеляриста Рязанова [1]).

4.

Се язъ Пятой Ивановъ сынъ Ровдогорскые волости хрестіянинъ да я Анна Иванова дочи Головиныхъ дали есмя *дѣловую роспись*, я Пятой шурямъ своимъ Троеиму да Семену Ивановымъ дѣтемъ Головинымъ Матигорцамъ, а я Анна братямъ своимъ Троеиму да Семену, въ томъ, что въ нынѣшнемъ во сто тридесятъ шестомъ году ѳевраля въ десятый день я Анна, по благословенію родителей своихъ, вышла замужъ за Пятого Иванова сына Неверовыхъ, за Ровдогорца, а надѣлку язъ Анна взяла у братьи своей у Троеима да у Семена, за свой третей участокъ, изо всего вопче живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ,

[1]) Изъ книги Холмогорскаго уѣзднаго суда 1816 г. № 6.

на отчима ее, Степана Бахорева, другая закладная на него же Степана въ пяти рублехъ, и по тѣмъ закладнымъ ему Ѳедору Васильеву стоять и деньги имать, по обѣимъ закладнымъ, и на выкупъ отдавать, а что денегъ по закладнымъ возметь и на тѣ деньги на нее Устину платья класть, а судомъ Божіимъ ей Устины случитъ Богъ смерть, а отроду отъ ней никого не останетца, и что̀ живота платья отъ ней останетца въ лицахъ будетъ, и то платье отдать роду моему, а исъ того живота осталаго матери моей Маланьи треть, а досталной животъ отдать по отцѣ моемъ и по ней Устиньѣ по церквамъ въ сорокоустіе въ поминаніе, а что платья издержано будетъ и за то издержаное платье цѣны на немъ Ѳедорѣ неспрашивать, а буде дворъ по закладной на выкупъ отдастъ или продастъ, и что за тотъ дворъ денегъ возметъ и болши той цѣны на немъ Ѳедорѣ никому роду моему не спрашивать, а грѣшнымъ дѣломъ тотъ дворъ згоритъ или разломаютъ, и на немъ Ѳедорѣ потому жъ не спрашивать цѣны, а что онъ Ѳедоръ того живота продастъ или заложитъ, и за то ему Ѳедору цѣна платить, а буде что ему Ѳедору по закладнымъ кабаламъ въ челобитье что учинится убытковъ и проторей какихъ убытковъ въ спорѣ о дворѣ, и тѣ убытки взять ему Ѳедору сполна, а во всемъ сказать прямое слово, а тому ево прямому слову вѣрить, въ томъ и двѣ записи написали полюбовно по противнымъ слово въ слово и по себѣ розняли; а на то послуси площадные подячіе Иванъ Рожинъ, Яковъ Писаревъ; писалъ записи на Колмогорахъ площадной подячей Ѳедка Рожинъ лѣта 7182 г. (1674) Маія въ 31 день.

На подлинной записи на другой сторонѣ подписано тако:

Троицкой попъ Іяковъ вмѣсто дочери своей духовной Ульяны руку приложилъ. Послухъ Ивашко Рожинъ руку приложилъ, Послухъ Якушка Писаревъ руку приложилъ [1]).

9.

1755 года, ноября 27 день. Троицкой Ухтостровской волости Двинскаго уѣзда вдова, Ѳедора Дмитрева дочь, Амосова Пелепелкина жена, со снохою своею, вдовою, Пелагею Григорьевой дочерью, дали сіе зговорное письмо той же волости крестьянину Ивану Иванову сыну Корельскому въ томъ: въ нынѣшнемъ году, по закону Божію, отдали онаго Ивана Корельскаго за сына его Якова я, Ѳедора, внуку, а я, Пелагія, дочерь свою Евдокію въ законное супружество, а съ нею отдали своего владѣнія вотчинно свое тягло сѣвчей и сѣнокосной земли, въ тоя же волости, на горы въ пяти полямъ Зовію, а тягломъ по мірской веревной книгѣ, изъ каждаго поля

[1]) Изъ описи домовъ и дворовъ Глинскаго посада, составленной въ 1755 году по распоряженію преосвященнаго Варсонофія, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго.

по половинѣ да изъ сѣнныхъ же покосовъ въ Кузнецовой юрмолѣ въ пожнѣ, и въ осотѣ, и на горѣ, въ закраинахъ, вездѣ половина, по мірской веревной книгѣ, въ вѣчное владеніе неотъемлимо, которымъ ему, Ивану Корельскому, и сыну его Якову съ женою своею почать владѣть съ 1756 году Генваря 1-го числа, руно сымать имъ на себя и всякіе подати платить и службы служить, и вольно продать и заложить, а памъ, вдовамъ, въ ту землю не вступаться и убытку не учинить. А съ той же землею къ нему же Ивану Корельскому отдана въ пахоту и во владѣніе другая половина земли до выходу другой сестры Парасковьи въ замужье, а съ тоя земли съ первой Евдокіей половины рядили отъ него Ивана Корельскаго платы, себѣ на пропитаніе хлѣба ячменя по двѣ мѣры на годъ, да дровъ по саженѣ, и съ Парасковеи на хлѣба ячменя по три мѣры, да дровъ по саженѣ, во всякой годъ по году добраго, да лучины съ обоихъ половинъ одинъ возъ въ годъ; а притомъ сговорѣ были во свидѣтеляхъ тоя же волости крестьяне Михаило Нагихъ да Петръ Удинъ; договорное письмо писалъ тоя же волости Сійскаго монастыря крестьянинъ Семенъ Батраковъ до крѣпостныхъ дѣлъ [1]).

10.

1760 года іюля 22-го дня Двинскаго уѣзда Троицкой Ухтостровской волости дѣвица Фекла Василіева дочь Шангиныхъ по закону Божію выхожу я изъ отеческаго дому въ законное супружество Куростровской волости за крестьянина Егора Христофора сына Дудина за сына ево Ілею. А при выходѣ своемъ примаю я дѣвица Фекла оставленія покойнаго отца нашего Василія, а нынѣ отъ братьей своихъ родныхъ Семена да Петра да Ивана за отеческіе пожитки движимыя и недвижимыя за все по добровольнему договору, а имянно: образъ святаго великомученика Кирика и матери его Улиты съ вѣнцами и съ цатами и окладъ серебряной подъ золотомъ, да крестъ съ цепочкою, колтушки все серебряно цена тому рубль пятдесятъ копѣкъ, подкапокъ куней верхъ расшивной четыре рубля, другой подкапокъ куней верхъ камчатой цена рубль, кошелки и наборосникъ жемчюжныя, цена обоимъ шестнатцать рублевъ, кунтышь китайной исподъ заечинной хрептовой, пухъ и воротникъ бобровой, цена восми рублевъ, шушунъ каразейной, новой, пугвицы сребряные кружива шелковые цена четыре рубля пятдесятъ копѣкъ, другой каразейникъ подержаной съ кружевами цена два рубли, китайникъ синей, шубнякъ подкитанкой исподъ овчинной цена рубль пядесятъ копѣкъ, на кокошникъ денегъ рубль пятьдесятъ ко-

---

[1]) Изъ дѣла Холм. уѣздн. суда о возвращеніи крестьянину Корельскому отведенной отъ него земли крестьянину Перепелкину 1798 г. (№ 203).

на отчима ее, Степана Бахорева, другая закладная на него же Степана въ пяти рублехъ, и по тѣмъ закладнымъ ему Ѳедору Васильеву стоять и деньги имать, по обѣимъ закладнымъ, и на выкупъ отдавать, а что денегъ по закладнымъ возметь и на тѣ деньги на нее Устину платья класть, а судомъ Божіимъ ей Устины случитъ Богъ смерть, а отроду отъ ней никого не останетца, и что̀ живота платья отъ ней останетца въ лицахъ будетъ, и то платье отдать роду моему, а исъ того живота осталаго матери моей Маланьи треть, а досталной животъ отдать по отцѣ моемъ и по ней Устинѣ по церквамъ въ сорокоустіе въ поминаніе, а что платья издержано будетъ и за то издержаное платье цѣны на немъ Ѳедорѣ неспрашивать, а буде дворъ по закладной на выкупъ отдастъ или продастъ, и что за тотъ дворъ денегъ возметъ и болши той цѣны на немъ Ѳедорѣ никому роду моему не спрашивать, а грѣшнымъ дѣломъ тотъ дворъ згоритъ или разломаютъ, и на немъ Ѳедорѣ потому жъ не спрашивать цѣны, а что онъ Ѳедоръ того живота продастъ или заложитъ, и за то ему Ѳедору цѣна платить, а буде что ему Ѳедору по закладнымъ кабаламъ въ челобитье что учинится убытковъ и проторей какихъ убытковъ въ спорѣ о дворѣ, и тѣ убытки взять ему Ѳедору сполна, а во всемъ сказать прямое слово, а тому ево прямому слову вѣрить, въ томъ и двѣ записи написали полюбовно по противнямъ слово въ слово и по себѣ розняли; а на то послуси площадные подячіе Иванъ Рожинъ, Яковъ Писаревъ; писалъ записи на Колмогорахъ площадной подячей Ѳедка Рожинъ лѣта 7182 г. (1674) Маія въ 31 день.

На подлинной записи на другой сторонѣ подписано тако:

Троицкой попъ Іяковъ вмѣсто дочери своей духовной Ульяны руку приложилъ. Послухъ Ивашко Рожинъ руку приложилъ, Послухъ Якунка Писаревъ руку приложилъ [1]).

9.

1755 года, ноября 27 день. Троицкой Ухтостровской волости Двинскаго уѣзда вдова, Ѳедора Дмитрева дочь, Амосова Целепелкина жена, со снохою своею, вдовою, Пелагею Григорьевой дочерью, дали сіе зговорное письмо той же волости крестьянину Ивану Иванову сыну Корельскому въ томъ: въ нынѣшнемъ году, по закону Божію, отдали онаго Ивана Корельскаго за сына его Якова я, Ѳедора, внуку, а я, Пелагія, дочерь свою Евдокію въ законное супружество, а съ нею отдали своего владѣнія вотчинно свое тягло сѣвчей и сѣнокосной земли, въ тоя же волости, на горы въ пяти полямъ Зовію, а тягломъ по мірской веревной книгѣ, изъ каждаго поля

---

[1]) Изъ описи домовъ и дворовъ Глинскаго посада, составленной въ 1755 году по распоряженію преосвященнаго Варсонофія, архіепископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго.

12.

1869 года января 11-го дня. Мы нижеподписавшіеся крестьянинъ Шенкурскаго уѣзда, Великониколаевской волости, Едемскаго Сельскаго общества Иванъ Федоровъ Едемскій и невѣстка его, крестьянская вдова, Марфа Иванова Едемская, заключили между собой сіе обоюдное условіе въ томъ, что послѣдняя изъ насъ, Марфа Иванова Едемская, изъявила желаніе выйти въ замужество за крестьянина нашего же общества Ивана Варсонофьева Трофимова; почему я, Иванъ Федоровъ Едемскій, предоставляю въ ея Марфы распоряженіе принадлежащее ей имущество, какъ-то: тулупъ бѣлой овчинной и тулупъ крытый синимъ сукномъ и принадлежащія ей юбки и рубахи, сколько таковыхъ окажется, и кромѣ сего даю я Иванъ Едемскій ей Марфѣ въ вознагражденіе нынѣ же ржи 4 четверика и ячменя 4 четверика. Сына же Марфы, Василья, я Иванъ Едемскій оставляю при своемъ домѣ и на своемъ обезпеченіи, съ тѣмъ чтобы она Марфа ничего болѣе изъ имущества отъ меня Ивана Едемскаго не требовала и ни во что не вступалась, въ чемъ подписуемся [1]).

13.

1869 года, января 18-го. Мы нижеподписавшіеся, Шенкурскаго уѣзда, Устьпаденской волости, Устьпуйскаго общества, деревни Тушевской, крестьяне Петръ Матвѣевъ Лобановъ и Семенъ Васильевъ Копѣецкій учинили сію миролюбную подписку въ томъ, что первый, Петръ, отдаетъ въ замужество дочь свою Елену за сына Копѣецкаго Никифора, въ приданое по дочери отдаетъ Копѣецкому землянаго участка на одну ревизскую душу, принадлежащую Лобанову, на нижеслѣдующихъ условіяхъ.

По случаю согласія нашего, первый изъ насъ, Петръ, отдаетъ за сына втораго въ замужество дочь свою, въ придачу по ней даетъ землянаго участка на одну ревизскую, принадлежащую Лобанову душу, которою пользоваться Копѣецкому вѣчно, начиная съ паровъ сего 1869 года, то есть въ семъ году лѣтомъ только Копѣецкому оную душу начать парить и насѣять на оную озимое, а яровое и сѣнокосъ долженъ съ оной сего лѣта снимать еще Лобановъ; за что обязанъ Копѣецкій пахать Лобанова остальную одну душу, до тѣхъ поръ, пока Лобановъ не отдастъ кому-либо изъ сосѣдей остальную душу, пахать же долженъ Копѣецкій у Лобанова каждое лѣто, какъ слѣдуетъ, и возить, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, на мельницу и сѣно и дрова; но когда Лобановъ отдастъ сосѣдамъ остальную душу, тогда Копѣецкій больше Лобанову служить не долженъ ни въ чемъ; пашню долженъ начать Копѣецкій у Лобанова съ весны 1870 года, сосѣдямъ же онаго

---

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и догов. Великониколаевскаго волостн. правленія.

землянаго участка на одну душу отъ Копѣецкаго не отбирать вѣчно, такъ какъ душа собственная своя Лобанова. Все сіе вышеписанное съ обѣихъ сторонъ содержать свято и ненарушимо; въ чемъ и подписуемся. (На подлинномъ заручено):

Къ сему условію вмѣсто неграмотныхъ крестьянъ Петра Матвѣева Лобанова и Семена Васильева Копѣецкаго по личной ихъ просьбѣ крестьянинъ Иванъ Плюснинъ руку приложилъ. Далѣе слѣдуютъ подписи двухъ крестьянъ, находившихся при заключеніи условія, а потомъ членовъ волостнаго правленія и писаря [1]).

14.

1868 года іюня 23-го дня. Я нижеподписавшаяся крестьянская дѣвица Биричевской волости, Пинежскаго уѣзда, Анна Иванова Кулешева условилась, съ согласія своего родителя, поступить въ супружество за крестьянина деревни Ивановской Чернышевской Василья Яковлева Филина, немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то есть не позже мая мѣсяца будущаго 1869 года; въ обезпеченіе точнаго выполненія сего условія со стороны жениха моего, я получила отъ него, на основаніи особаго сего числа заключеннаго мною съ женихомъ и родителями нашими съ обѣихъ сторонъ условія, денегъ 100 рублей, въ чемъ своеручно подписуюсь. Къ сей роспискѣ крестьянская дѣвица Анна Кулешева руку приложила.

15.

Се язъ Іевъ Михаиловъ сынъ Поповъ далъ есми дочери своей Настаси и зятю своему Мине Онтуѳееву сыну наделка треть двора и дворища и треть всего своего владенея: горныхъ земель орамыхъ, и за рекою земель орамыхъ, и поженъ, и въ маломъ островке, и въ Хакобаке, и въ (наворницахъ) Наворницахъ, и во всякомъ угоди въ своемъ владени треть дочери моей Настаси и зятю моему Мине, то имъ и вовѣки. А у сеи данои грамоте седѣли люди Ѳеѳилатъ Лаврентьевъ сынъ да Ермола Даниловъ сынъ да Омосъ Харлантьевъ, а писалъ Останя Онуѳреевъ сынъ лѣта 7 тысячъ пятогонадесятъ (1507) [2]).

16.

Се язъ Терентей Васильевъ сынъ Ѳилиныхъ да язъ Ульяна Насонова дочь, а Терентьева жена Васильева, Койдокурскія волости дали есми отписъ Лаврентью Харитонову сыну Осипову въ томъ: приставливали мы,

[1]) Изъ кн. сдѣл. и догов. Устьпаденскаго волостнаго правленія.

[2]) Изъ архива Богоявленской-Ухтостровской церкви.

Терентей да Ульяна его Лаврентья въ приданомъ, и мы, Терентей да Ульяна, то приданое у него Лаврентья по приставной памяти шушунъ и всѣ приданое свое взяли всѣ сполна, и впредь намъ Терентью да Ульяны до него Лаврентья въ томъ приданомъ дѣла нѣтъ и не отыскивать никоимы дѣлы, а въ снимки и въ оцыщени въ томъ приданомъ отъ матери своей да отъ брата и Ульяна; да въ томъ мы Терентей да Ульяна въ приданомъ и отписъ дали; на то послухъ Иванъ Афонасьевъ сынъ Тарасова Куреской волости; отписъ писалъ Куреской волости церковной дьячекъ Демидко Никитинъ лѣта 7163 (1655) году генваря въ 15 день.

На оборотѣ свитка надпись:

Къ сей отписи вмѣсто Терентья и Ульянеи по ихъ велению Койдокурецъ Ѳомка Калининъ руку приложилъ [1]).

Нельзя не остановиться на формѣ и содержаніи приведенныхъ договоровъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе разнообразіе и неопредѣленность названій этого рода актовъ; имъ придаются названія: записей дѣльныхъ, дѣловыхъ росписей, дѣловыхъ и въ пріемѣ приданаго росписей, данныхъ (въ древнихъ актахъ), договорныхъ или сговорныхъ писемъ, или даже сговороныхъ завѣщательныхъ писемъ (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), или наконецъ просто подписокъ, росписокъ и условій (въ настоящее время). Обращаясь къ лицамъ, участвовавшимъ въ заключеніи приведенныхъ договоровъ, мы видимъ, что въ двухъ случаяхъ договоръ заключаютъ отецъ или мать невѣсты и ея бабка съ отцомъ жениха (№№ 9 и 13); въ двухъ случаяхъ отецъ и въ одномъ бабка невѣсты съ женихомъ (№№ 1, 2, 8); одинъ разъ свекоръ, выдающій свою сноху, съ зятемъ (№ 11), разъ мать и братья невѣсты съ невѣстой и ея мужемъ (№ 5), разъ же дядя и братья невѣсты съ невѣстой и ея мужемъ (№ 6), три раза между братьями невѣсты и сестрой невѣстой съ ея мужемъ (№№ 4, 7, 10) и только въ двухъ случаяхъ сами женихъ съ невѣстой (№№ 3 и 14). Въ крестьянскомъ быту, какъ извѣстно, вступленіе дѣтей въ супружество всегда почти происходитъ по волѣ родителей, и сговоръ о бракѣ и о приданомъ дѣлается между родителями той и другой стороны. Если же въ числѣ приведенныхъ выше брачныхъ договоровъ встрѣтилось только два, писанныхъ отъ имени родителей, то это объ-

[1]) Изъ архива Богоявленской-Ухтостровской церкви.

землянаго участка на одну душу отъ Копѣецкаго не отбирать вѣчно, такъ какъ душа собственная своя Лобанова. Все сіе вышеписанное съ обѣихъ сторонъ содержать свято и ненарушимо; въ чемъ и подписуемся. (На подлинномъ заручено):

Къ сему условію вмѣсто неграмотныхъ крестьянъ Петра Матвѣева Лобанова и Семена Васильева Копѣецкаго по личной ихъ просьбѣ крестьянинъ Иванъ Плюснинъ руку приложилъ. Далѣе слѣдуютъ подписи двухъ крестьянъ, находившихся при заключеніи условія, а потомъ членовъ волостнаго правленія и писаря [1]).

14.

1868 года іюня 23-го дня. Я нижеподписавшаяся крестьянская дѣвица Бричевской волости, Пинежскаго уѣзда, Анна Иванова Кулешева условилась, съ согласія своего родителя, поступить въ супружество за крестьянина деревни Ивановской Чернышевской Василья Яковлева Филина, немедленно по достиженіи имъ совершеннолѣтія, то есть не позже мая мѣсяца будущаго 1869 года; въ обезпеченіе точнаго выполненія сего условія со стороны жениха моего, я получила отъ него, на основаніи особаго сего числа заключеннаго мною съ женихомъ и родителями нашими съ обѣихъ сторонъ условія, денегъ 100 рублей, въ чемъ своеручно подписуюсь. Къ сей роспискѣ крестьянская дѣвица Анна Кулешева руку приложила.

15.

Се язъ Іевъ Михаиловъ сынъ Поповъ далъ есми дочери своей Настаси и зятю своему Мине Онтуѳеву сыну наделка треть двора и дворища и треть всего своего владенел: горныхъ земель орамыхъ, и за рекою земель орамыхъ, и поженъ, и въ маломъ островке, и въ Хакобаке, и въ (наворницахъ) Наворницахъ, и во всякомъ угоди въ своемъ владени треть дочери моей Настаси и зятю моему Мине, то имъ и вовѣки. А у сеи данои грамоте седѣли люди Ѳеѳилатъ Лаврентьевъ сынъ да Ермола Даниловъ сынъ да Омосъ Харлантьевъ, а писалъ Останя Онуѳреевъ сынъ лѣта 7 тысячъ пятогонадесять (1507) [2]).

16.

Се язъ Терентей Васильевъ сынъ Ѳилиныхъ да язъ Ульяна Насонова дочь, а Терентьева жена Васильева, Койдокурскія волости дали есми отписъ Лаврентью Харитонову сыну Осипову въ томъ: приставливали мы,

[1]) Изъ кн. сдѣл. и догов. Устьпаденскаго волостнаго правленія.

[2]) Изъ архива Богоявленской-Ухтостровской церкви.

неопредѣленность въ формѣ приведенныхъ договоровъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ и сохранили формы, свойственныя записямъ прежняго времени другихъ мѣстностей Россіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сличенія ихъ съ образцами рядныхъ записей, которые помѣщены въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей [1]).

Даже по своему содержанію наши записи значительно разнообразятся между собою, теряя свой первоначальный существенный характеръ. По опредѣленію Н. В. Калачева [2]), рядныя или сговорныя записи, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли въ XVI и XVII столѣтіяхъ, суть условія объ имѣющемся быть бракѣ въ опредѣленное время, и существенные ихъ пункты состоятъ въ опредѣленіи срока, назначеннаго для свадьбы, неустойки или денежной пени, которую должна платить сторона, отступившая отъ условія, въ пользу обиженной, а также обозначеніе приданаго. Между тѣмъ въ нашихъ рядныхъ записяхъ назначеніе срока для бракосочетанія и неустойки, въ случаѣ нарушенія договора, встрѣчается только однажды; слѣдовательно, составляетъ, можно сказать, обстоятельство совершенно побочное. Самое указаніе приданаго, подлежащаго передачѣ, хотя соблюдается всѣми приведенными записями, но не одинаково. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается о платномъ приданомъ, и оно перечисляется обстоятельно, съ оцѣнкою каждой вещи; въ другихъ же говорится только о земельномъ надѣлкѣ, слѣдуемомъ зятю, тогда какъ о платномъ приданомъ, которое шло съ дочерью, нѣтъ упомину, хотя и оно существовало. Послѣдняго рода рядныя получаютъ значеніе собственно актовъ о передачѣ недвижимаго имущества.

Разсматривая наши записи со стороны проявленія въ нихъ народныхъ понятій о бракѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи вполнѣ гармонируютъ съ разъясненнымъ раньше взглядомъ крестьянъ на бракъ, какъ на простую хозяйственную сдѣлку.

Дѣйствительно, брачный союзъ обращается здѣсь въ сдѣлку, и

---

[1]) Акты Юрид., стр. 418—423.

[2]) Древности 1865 г., т. I, стр. 69.

ясняется тѣмъ, что такіе договоры заключаются чаще всего словесно, и устный договоръ между родителями вступающихъ въ бракъ считается достаточно крѣпкимъ; но если одинъ изъ брачущихся не имѣетъ родителей въ живыхъ, или ихъ обоихъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ меньше вѣрятъ на слово и чаще, для прочности уговора, составляется письменный актъ. Отъ имени самой дѣвицы и ея жениха условія заключаются почти только тогда, когда у нихъ нѣтъ ни отца, ни матери. Если мы имѣемъ одинъ случай, изъ котораго можно бы предполагать, что дѣти сами заключили брачный договоръ при жизни отцевъ, то это произошло вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Большею свободой въ заключеніи рядныхъ записей пользуются невѣсты, не имѣющія отца, при братьяхъ, дядяхъ и матери. Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ рядныя записи въ прежнее время принимали видъ раздѣльныхъ записей съ остающимися на лицо членами семьи мужескаго пола. По всей вѣроятности, въ старину выходъ замужъ сестры или племянницы часто служилъ поводомъ для раздѣловъ между членами семьи и невѣсты, при чемъ составляется раздѣльный актъ, изъ котораго дѣлалась выпись о приданомъ, даваемомъ выходящей замужъ. Эта выпись писалась по противнямъ, то есть, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ оставлялся у членовъ прежней семьи невѣсты, а другой вручался невѣстѣ съ женихомъ. Дѣлалось это, какъ можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ самихъ сдѣлокъ, съ тою цѣлью, чтобы потомъ, когда вступившая въ замужество умретъ бездѣтною, прежніе члены семьи умершей могли по выписи получить обратно отъ ея мужа приданое, выданное ими. Здѣсь именно мы видимъ настоящее основаніе и причину исконнаго обыкновенія, существовавшаго во всей Россіи, вѣроятно имѣвшаго мѣсто и на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, предъявлять жениху роспись приданаго его невѣсты [1]).

Мы говорили выше о неопредѣленности названій брачныхъ записей. Такой неопредѣленности въ названіяхъ соотвѣтствуетъ и

[1]) Сравни мнѣніе Н. В. Калачова въ матеріалахъ для археологическаго словаря (подъ словомъ рядная) помѣщенныхъ въ Древностяхъ Моск. Археолог. Общ. 1865 г. т. I, стр. 70.

съ самими невѣстами. Но если изъ трехъ помѣщенныхъ подобнаго рода записей, относящихся къ нашему времени (№№ 3, 12, 14), можно заключить, что невѣсты распоряжаются собою какъ лица самостоятельныя, то это потому только, что въ двухъ случаяхъ права ихъ возстановлены силою судебной власти, а въ третьемъ случаѣ сила родительской власти замаскирована приличною формой сдѣлки. Самый договоръ невѣсты, крестьянской дѣвицы Парасковьи Каротких, съ женихомъ, крестьяниномъ Степаномъ Блиновымъ (№ 3), свидѣтельствуетъ, что невѣста была одинокая, и по рѣшенію Холмогорскаго уѣзднаго суда за нею признано право на самостоятельное владѣніе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ своего отца и братьевъ. Крестьянская вдова Марфа Едемская заключила прямо отъ себя условіе (№ 12) со своимъ свекромъ Иваномъ Едемскимъ на счетъ выхода въ замужество за крестьянина Трофимова и на счетъ выдачи ей имущества, потому что, по рѣшенію Великониколаевскаго волостнаго суда 22-го декабря 1868 года, крестьянинъ Иванъ Едемскій былъ обязанъ „не стѣснять ни лично, ни въ отношеніи имущества своей снохи и не препятствовать ей принять на свою часть имущества животника“. Для уясненія обстоятельствъ третьяго договора, заключеннаго крестьянскою дѣвицей Биричевской волости Анной Кулешевой съ женихомъ Васильемъ Филинымъ (№ 14), сообщаемъ свѣдѣнія, полученныя нами отъ писаря Биричевскаго волостнаго правленія Хромцова, на счетъ этой сдѣлки. „Подписка Анны Кулешевой“, пишетъ онъ, „съ крестьяниномъ Филинымъ учинена на основаніи *особаго со стороны родителей того и другой условія*, которое въ волостномъ правленіи не явлено, и въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что если съ которой либо стороны послѣдуетъ неустойка, то тотъ долженъ заплатить, сверхъ 100 руб., еще 300. Подписку эту явилъ самъ Филинъ, и она была писана отцомъ Кулешевой своеручно, почему при извѣстности руки того и другого и внесена въ книгу правленія. Между тѣмъ, бракъ Кулешевой съ Филинымъ не состоялся, и она вышла за другого; отецъ же ея не платитъ не только неустойки 300 руб., но и задатка 100. Вслѣдствіе этого между отцами той и другой стороны возникло судебное дѣло, и Кулешевъ привлекаетъ меня къ отвѣту, самъ хлопочетъ по сему дѣлу и признаетъ себя виновнымъ въ полу-

притомъ—съ безнравственнымъ и незаконнымъ характеромъ, потому что въ ней женихъ и невѣста часто являются не дѣйствующими лицами, а предметами, играющими совершенно пассивную роль, въ особенности послѣдняя: не между ними заключается договоръ, но между ихъ родителями или даже между свойственниками невѣсты и женихомъ. Самое слово *сговорилъ*, уцѣлѣвшее до настоящаго времени въ записяхъ, очень мѣтко выражаетъ грубую мысль о совершенной пассивности женщины, а часто и мужчины-жениха. Еслибъ это слово опредѣляло только отношенія родителей къ дѣтямъ, то оно находило бы себѣ нѣкоторое оправданіе во взглядѣ родителей на дѣтей, какъ на ихъ собственность: они произвели ихъ на свѣтъ, вскормили, и слѣдовательно, по своимъ грубымъ понятіямъ, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться ихъ судьбою. Но существованіе такихъ же отношеній, выражаемыхъ словомъ *сговорилъ*, между свекромъ и невѣсткой (см. договоръ № 11), не можетъ найдти себѣ объясненія въ первобытномъ природномъ взглядѣ на дѣтей, какъ на собственность. Здѣсь выражается вообще жалкое положеніе женщины въ семьѣ, даже въ семьѣ своего мужа, гдѣ она, если лишится послѣдняго, теряетъ всякія права и становится часто ненужною вещью, которую стараются передать въ другія руки. Точно въ такихъ же отношеніяхъ находились невѣстки и въ старину, какъ можно судить по полному сходству условія, помѣщеннаго нами подъ № 11, съ напечатаннымъ въ Актахъ Юридическихъ на стр. 423. Такимъ образомъ, отсюда можно прійдти въ сомнѣніе о томъ, сдѣланъ ли до настоящаго времени замѣтный шагъ въ развитіи семейныхъ отношеній въ крестьянствѣ. Только вліяніе столицы, какъ мы уже разъ замѣтили, дѣйствуетъ здѣсь нѣсколько смягчающимъ образомъ.

Еще большая пассивность женщины выражается въ словахъ отца невѣсты, въ томъ условіи его съ своимъ будущимъ сватомъ, что онъ, выдавая дочь замужъ, даетъ *въ придачу* къ ней земляной участокъ. Читая эти выраженія (см. договоръ подъ № 13), невольно спросишь себя, не вещь ли въ самомъ дѣлѣ тутъ женщина, къ которой дается въ придачу другая вещь? Утвердительное рѣшеніе этого вопроса, по видимому, имѣетъ противъ себя тѣ факты, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше брачныхъ условій заключены

стороны родныхъ невѣсты: *не спорьте о приданомъ, послѣ прибавимъ.* Иные и дѣйствительно прибавляютъ послѣ; напримѣръ, *красенную збрую*, серпъ, грабли, санки и проч. везутъ уже черезъ недѣлю послѣ вѣнца. Такъ бываетъ близъ Холмогоръ; въ Кевролѣ же, Пинежскаго уѣзда, и въ другихъ мѣстахъ остальное приданое привозятъ въ домъ жениха по окончаніи хлѣбинъ [1]). Около Холмогоръ, осторожный тесть вдругъ не даетъ всего платного, чтобы золовки не износили, а послѣ дополняетъ каждый годъ; въ особенности если дочь одна, не даютъ ей обноситься. Иные отцы, въ случаѣ крайней необходимости и просьбы зятьевъ, помогаютъ также сѣномъ, зерновымъ хлѣбомъ на сѣмена и проч. Но бываетъ и такъ, какъ мы сказали, что родители невѣсты обманываютъ своихъ зятьевъ на счетъ приданаго, въ особенности на счетъ надѣлка. Это часто влечетъ за собою непріятности для молодыхъ женъ со стороны новой семьи и вызываетъ процессы изъ-за приданого въ волостныхъ судахъ между зятемъ и родными невѣсты — отцомъ, братомъ и т. д. Приводимъ два рѣшенія волостныхъ судовъ, касающіяся этого предмета.

1.

1868 года 7-го октября, сельскій староста Груздовскаго общества отъ 18-го минувшаго сентября за № 213 донесъ Великониколаевскому правленію, Шенкурскаго уѣзда, что 16-го числа того сентября крестьянская жена вѣдомства его, деревни Гребеневской, Александра Петрова Шишкина объявила ему, что мужъ ея крестьянинъ Прокопій Антоновъ Шишкинъ и свекровь Анисья Васильева Шишкина выгонила ее изъ дому, не даютъ ей ѣсть и отказали вовсе отъ всѣхъ работъ, также и отъ дому. По востребованіи имъ, старостой, въ 18-е число вышесказанныхъ Прокопья и Анисьи Шишкиныхъ, тѣ объяснили, что они жены Прокопья Александры изъ дому вовсе не гонили, а также въ хлѣбѣ и въ прочемъ ей не отказывали, только присовокупили, что при женитьбѣ Прокопія на Александрѣ были приговорены въ приданое часть денегъ и жеребецъ, которыхъ они не получили, а потому теперь, какъ она ушла,

[1]) Архангельскія Губернскія Вѣдомости 1865 г., № 28.

ченіи 100 руб. Кулешевъ привлекаетъ меня за записку подписки въ книгу сдѣлокъ и договоровъ безъ личности его дочери; я же, со своей стороны, имѣю оправданіе въ томъ, что руки Кулешева и его дочери довольно знаю, а потому и записалъ подписку въ книгу. Причиной же заключенія брачнаго условія и подписки послужила зажиточность Филина". Все это мы приводимъ для того, чтобы показать, что часто и подъ приличною формой записи скрывается грубое проявленіе отеческой власти.

И у крестьянъ, какъ въ другихъ сословіяхъ, бываетъ, что родители невѣсты и вообще выдающіе ее замужъ обманываютъ своихъ будущихъ зятьевъ на счетъ приданого: посулятъ много, а дадутъ мало. Это выражено и въ поговоркахъ: *у тестя въ рукахъ не придано; на зародъ не сѣно* (можетъ погнить), *въ долгу не деньги, а у тестя не придано;* или *богаты невѣсты да до вѣнца*, также *безприданница-безобманница*; *что̀ есть то и есть.* По этому женихи стараются, чтобы приданое заблаговременно попало въ ихъ домъ. Этимъ, конечно, надобно объяснить обычай, по которому, проводивъ невѣсту къ вѣнцу, родители ея въ то же время отправляютъ ближную родственницу свою, *запостельную сватью*, съ постелью и платнымъ приданымъ невѣсты въ домъ жениха. Тамъ сватья передаетъ приданое родителямъ невѣсты, за что̀ и получаетъ вязанку калачей или платокъ, или даже платье, смотря по состоянію послѣднихъ. Но въ Холмогорскомъ уѣздѣ сватья не садится на приданое, какъ это бываетъ въ Пинежскомъ (см. мой Сборникъ юрид. обыч. Арханг. губ., кн. 1, стр. 39). Впрочемъ и здѣсь, послѣ вѣнца, сватья приглашаетъ родныхъ жениха осмотрѣть у молодой приданое: „Сундуки у молодой не порозны", говоритъ она, „смотрите!" Родственники дѣйствительно осматриваютъ сундуки, которые бываютъ открыты. Въ южной части Холмогорскаго уѣзда, именно въ с. Хаврогорахъ, женихи посредственнаго состоянія приданое невѣсты, кромѣ платья, приготовленнаго для невѣсты, увозятъ домой вскорѣ послѣ высватанья, для того, чтобы не обманули ихъ не отказали въ приданомъ. Деньги и ряженое количество хлѣба въ Хаврогорахъ отдаютъ напередъ, до заключеннаго брака; скотъ—корову или быка, уводятъ также до брака.

Во время сватовства не рѣдко можно услышать поговорку со

свой за обиду оставляетъ; а жена Прокопья Шишкина, Александра показала, что она изъ дому своего выгонена мужемъ и свекровью и возвратиться къ нимъ не согласна изъ опасеній обидъ и стѣсненій, по случаю не отдачи отцомъ ея Петромъ обѣщаннаго въ надѣлокъ съ нею жеребца.

Спрошенные по сему дѣлу волостными судьями нижеозначенные крестьяне письменными показаніями показали: 1) Василій Никифоровъ Шишкинъ 30-го минувшаго сентября показалъ, что былъ онъ посланъ отъ Прокопья Шишкина сватовщикомъ къ Петру Садофіеву, для высватанія за Прокопья въ замужество дочери Садофіева Александру, на что Садофіевъ согласился и обѣщалъ въ приданое деньгами 7 рублей и жеребца селѣтка, съ тѣмъ чтобы кормить онаго до 1-го октября сего года и обработать Садофіеву земляной Шишкина участокъ; и 2) Михайло Захаровъ Бобровъ и Иванъ Михѣевъ Шишкинъ показали, что при женитьбѣ Прокопья Шишкина у Петра Садофіева, послѣдній дѣйствительно обѣщалъ Шишкину въ приданое имѣемаго жеребца, обязывался заплатить Шишкину за обработку крестьяниномъ Рожинымъ земляного участка и вспахать конскою силою земляной Шишкина участокъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, признавая, что крестьянинъ Петръ Садофіевъ дѣйствительно обѣщалъ въ приданое Прокопью Шишкину жеребца, опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Петра Садофіева жеребца и предоставить онаго въ пользу зятя его Прокопья Шишкина, взыскать съ Садофіева деньги 10 руб., въ назначенное время, коими также удовлетворить Прокопья Шишкина, понудить Садофіева къ обработкѣ въ будущее лѣто землянаго участка конскою силою; а крестьянскую жену Александру Шишкину водворить нынѣ же въ домъ мужа ея Прокопья Шишкина, съ тѣмъ чтобы она была въ повиновеніи мужа и свекрови своихъ, которые, съ своей стороны, ни въ чемъ бы ея не стѣсняли и не изобижали.

2.

1868 года марта 6-го крестьянинъ Устьсюмскаго сельскаго общества деревни Зиновьевской, Григорій Ильинъ Леонтьевъ подалъ прошеніе въ Предтеченскій волостной судъ Шенкурскаго

уѣзда, въ томъ, что по женидьбѣ его на дочери крестьянской вдовы, нынѣ уже умершей, того же общества, Анны Тепляковой Киріакіи, братъ ея Ѳедоръ Васильевъ Тепляковъ предоставлялъ въ приданое со своею сестрой долги покойной своей матери Анны Тепляковой получить съ крестьянъ, а именно: Петра Корнилова 14 р., Луки Хаванова 8 р. и Якова Хаванова 4 р., а всего 26 р., почему и просилъ взыскать таковые и удовлетворить его Леонтьева.

Предтеченскій волостной судъ входилъ въ разбирательство сего дѣла, по которому оказалось, что истецъ утверждаетъ, будто бы тѣ долги поручены ему при женитьбѣ на дочери покойной вдовы, Анны Тепляковой Киріакіи, братомъ ея Ѳедоромъ Тепляковымъ по завѣщанію его матери, а Ѳедоръ Тепляковъ показалъ, что Леонтьевъ взялъ сестру его въ замужество не при живности, а послѣ смерти матери его Анны, и Киріакія выдана имъ Ѳедоромъ съ вознагражденіемъ поступившихъ съ нею денегъ болѣе 100 р., коровы и разнаго имущества на 25 р., и того на 125 р.; долговъ же, состоящихъ за разными крестьянами, какъ обозначено въ прошеніи Леонтьева, никогда не отсуливалъ, а изъ оныхъ вознаградилъ также выданную въ замужество невѣстку свою Гликерью Котову съ малолѣтнею ея дочерью; но по убѣжденію суда, они добровольно между собою согласились: Леонтьеву получать должныя деньги 4 р. съ крестьянина Якова Хаванова въ теченіи четырехъ лѣтъ, а ему Теплякову въ таковыя не вступаться, и затѣмъ болѣе однимъ съ другого ничего не требовать; въ чемъ учинили подписку, которая приложена къ бумагамъ суда, а копія съ оной выдана на руки просителю Леонтьеву. А потому волостной судъ опредѣлилъ: дѣло сіе считать рѣшеннымъ.

Бываетъ и такъ, что сами зятья присвоиваютъ себѣ, подъ видомъ приданаго, такіе предметы, которые имъ не принадлежатъ, или которые даны имъ для кратковременнаго пользованія. Это также даетъ поводъ къ процессамъ въ волостныхъ судахъ. Такъ, недавно одинъ тесть въ селеніи Матигорахъ, Кушевской волости, близь Холмогоръ, далъ на годъ зятю корову. Зять, по прошествіи года, не захотѣлъ возвратить коровы и сталъ утверждать, что корова дана въ приданое за женой навсегда. Дѣло пошло въ во-

лостной судъ, который потребовалъ жениховыхъ сватей, дѣлавшихъ условіе о приданомъ. Сватьи сказали, что не было никакого условія о коровѣ, и зятя заставили возвратить корову. Тогда онъ захватилъ у тещи, которая пришла къ нему въ гости, пальто, принадлежавшее снохѣ. Когда его снова потребовали въ судъ, онъ сталъ утверждать, что пальто тещи оставила ему сама, въ замѣнъ обѣщанной, но отнятой назадъ коровы. Снова спросили сватей, и когда тѣ подтвердили свое прежнее показаніе, то его заставили возвратить пальто. Теперь вызываютъ тещу за полученіемъ пальто.

Приводимъ еще рѣшеніе одного волостнаго суда о вступательствѣ въ приданое, принадлежащее крестьянской женѣ, ея родной сестры, вдовы.

3.

1867 года марта 16-го крестьянская вдова Шенкурскаго уѣзда Предтеченскаго общества Фадѣевскаго села Анна Степанова Тетеревлева словесно объявила Предтеченскому волостному суду, что родная сестра ея, крестьянская жена села Чушевскаго Марья Степанова Тетеревлева, не отдаетъ ей Аннѣ заведенныхъ покойнымъ отцомъ ея разныхъ вещей, а именно: сарафанъ парчевой, сборникъ зашивной, шуба гарусная, серьги серебряныя, сарафанъ ситцевой, двѣ женскихъ рубахи, серебряный крестъ и мѣдными деньгами 1 руб. асс., почему проситъ вытребовать изъ означенныхъ вещей половину, слѣдующую на ея часть.

Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое вдову Анну и женку Марью Тетеревлевыхъ, входилъ между ними въ разбирательство, по коему оказалось, что вышепомянутыя вещи покойными родителями были отданы въ приданое за младшею сестрою Марьею, и вдова Анна о томъ до настоящаго времени не просила и доказательства на свой искъ никакого не представила. А потому волостной судъ опредѣлилъ: въ искѣ крестьянской вдовѣ Анны Тетеревлевой, какъ бездоказательномъ, отказать, предоставляя право обратиться съ искомъ въ подлежащее судебное мѣсто съ ясными доказательствами, каковое рѣшеніе объявить истицѣ и отвѣтчицѣ сего жь числа, и затѣмъ дѣло сіе въ волостномъ судѣ считать рѣшеннымъ.

уѣзда, въ томъ, что по женильбѣ его на дочери крестьянс
вдовы, нынѣ уже умершей, того же общества, Анны Теплако
Киріакіи, братъ ея Ѳедоръ Васильевъ Тепляковъ предоставл
въ приданое со своею сестрой долги покойной своей матери А
Тепляковой получить съ крестьянъ, а именно: Петра Корнил
14 р., Луки Хаванова 8 р. и Якова Хаванова 4 р., а всего 26
почему и просилъ взыскать таковые и удовлетворить его
онтьева.

Предтеченскій волостной судъ входилъ въ разбирательство
дѣла, по которому оказалось, что истецъ утверждаетъ, будто бы
долги поручены ему при женитьбѣ на дочери покойной вдовы, А
Тепляковой Киріакіи, братомъ ея Ѳедоромъ Тепляковымъ по за
щанію его матери, а Ѳедоръ Тепляковъ показалъ, что Леонть
взялъ сестру его въ замужество не при живности, а послѣ сме
матери его Анны, и Киріакія выдана имъ Ѳедоромъ съ воз
гражденіемъ поступившихъ съ нею денегъ болѣе 100 р., коров
разнаго имущества на 25 р., и того на 125 р.; долговъ же,
стоящихъ за разными крестьянами, какъ обозначено въ проше
Леонтьева, никогда не отсуливалъ, а изъ оныхъ вознаград
также выданную въ замужество невѣстку свою Гликерью Кот
съ малолѣтнею ея дочерью; но по убѣжденію суда, они доб
вольно между собою согласились: Леонтьеву получать долж
деньги 4 р. съ крестьянина Якова Хаванова въ теченіи четыр
лѣтъ, а ему Теплякову въ таковыя не вступаться, и затѣмъ
лѣе однимъ съ другого ничего не требовать; въ чемъ учин
подписку, которая приложена къ бумагамъ суда, а копія съ
выдана на руки просителю Леонтьеву. А потому волостной с
опредѣлилъ: дѣло сіе считать рѣшеннымъ.

Бываетъ и такъ, что сами зятья присвоиваютъ себѣ, подъ
домъ приданаго, такіе предметы, которые имъ не принадлеж
или которые даны имъ для кратковременнаго пользованія.
также даетъ поводъ къ процессамъ въ волостныхъ судахъ. Т
недавно одинъ тесть въ селеніи Матигорахъ, Кушевской воло
близь Холмогоръ, далъ на годъ зятю корову. Зять, по прошес
года, не захотѣлъ возвратить коровы и сталъ утверждать,
корова дана въ приданое за женой навсегда. Дѣло пошло въ

лостной судъ, который потребовалъ жениховыхъ сватей, дѣлавшихъ условіе о приданомъ. Сватьи сказали, что не было никакого условія о коровѣ, и зятя заставили возвратить корову. Тогда онъ захватилъ у тещи, которая пришла къ нему въ гости, пальто, принадлежавшее снохѣ. Когда его снова потребовали въ судъ, онъ сталъ утверждать, что пальто теща оставила ему сама, въ замѣнъ обѣщанной, но отнятой назадъ коровы. Снова спросили сватей, и когда тѣ подтвердили свое прежнее показаніе, то его заставили возвратить пальто. Теперь вызываютъ тещу за полученіемъ пальто.

Приводимъ еще рѣшеніе одного волостнаго суда о вступательствѣ въ приданое, принадлежащее крестьянской женѣ, ея родной сестры, вдовы.

3.

1867 года марта 16-го крестьянская вдова Шенкурскаго уѣзда Предтеченскаго общества Фадѣевскаго села Анна Степанова Тетеревлева словесно объявила Предтеченскому волостному суду, что родная сестра ея, крестьянская жена села Чушевскаго Марья Степанова Тетеревлева, не отдаетъ ей Аннѣ заведенныхъ покойнымъ отцомъ ея разныхъ вещей, а именно: сарафанъ парчевой, сборникъ зашивной, шуба гарусная, серьги серебряныя, сарафанъ ситцевой, двѣ женскихъ рубахи, серебряный крестъ и мѣдными деньгами 1 руб. асс., почему проситъ вытребовать изъ означенныхъ вещей половину, слѣдующую на ея часть.

Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое вдову Анну и женку Марью Тетеревлевыхъ, входилъ между ними въ разбирательство, по коему оказалось, что вышепомянутыя вещи покойными родителями были отданы въ приданое за младшею сестрою Марьею, и вдова Анна о томъ до настоящаго времени не просила и доказательства на свой искъ никакого не представила. А потому волостной судъ опредѣлилъ: въ искѣ крестьянской вдовѣ Анны Тетеревлевой, какъ бездоказательномъ, отказать, предоставляя право обратиться съ искомъ въ подлежащее судебное мѣсто съ ясными доказательствами, каковое рѣшеніе объявить истицѣ и отвѣтчицѣ сего жъ числа, и затѣмъ дѣло сіе въ волостномъ судѣ считать рѣшеннымъ.

Бываютъ и такіе случаи, что лица, давшія приданое за невѣстой, заявляютъ потомъ требованіе о выдачѣ обратно приданаго и даже обращаются къ суду. Я зналъ одного старика, крестьянина Товренской волости, Кушевскаго сельскаго общества, Михайла Ѳедоровича Толмачева, любителя тягаться по судамъ, который завелъ тяжбу съ своимъ зятемъ о приданомъ, данномъ съ внучкой. 26-го января 1851 года Толмачевъ подалъ Холмогорскому земскому исправнику прошеніе, въ которомъ писалъ: „Въ 1848 году отданы мною внучкѣ моей, а нынѣ уже крестьянской женкѣ Буяновскаго общества Иринѣ Яковлевой Леонтьевыхъ, серьги и перла жемчужные и кисейный шейный шарфъ, а въ прошломъ 1850 году отданъ же мною означенной внучкѣ—съѣздить къ вѣнцу, парчевой шугай, съ обложенною около воротника бахромою, съ таковымъ, при отдачѣ этихъ вещей, условіемъ, что по выходѣ ея въ замужество получить мнѣ таковыя вещи обратно; но по неоднократнымъ моимъ требованіямъ вышеозначенныхъ вещей и по сіе время отъ внучки моей Ирины Леонтьевыхъ получить не могу. А потому осмѣливаюсь прибѣгнуть къ стопамъ особы вашего высокоблагородія, всепокорнѣйше и слезно прошу отданныя мною внучкѣ моей вещи обратно съ нея взыскать и вручить мнѣ“. Противъ этого прошенія крестьянинъ Полуэктъ Леонтьевъ и жена его Ирина подали въ земскій судъ объясненіе: „Симъ имѣемъ объяснить: Первый—дѣйствительно, я въ 1850 году взялъ въ замужество внучку крестьянина Толмачева, и хотя при сватовствѣ въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней моей тещи, не былъ, но отъ отца своего крестьянина Петра Леонтьева, какъ сватовавшаго за меня внучку Толмачева, слышалъ, что платье съ невѣстой все будетъ въ приданое материнское, да и сверхъ того, дѣдъ крестьянинъ Михайло Толмачевъ, какъ объяснилъ мой отецъ, говорилъ, что бабка, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами, шарфомъ и бывшимъ на сбереженіи у ней материнскимъ парчевымъ шугаемъ не на временное подержаніе, какъ объясняетъ крестьянинъ Толмачевъ, а какъ приданы, и слѣдовательно, во всегдашнее жены моей владѣніе и распоряженіе онымъ; болѣе же ничего отъ отца въ то время не слышалъ и, согласясь на означенныя выше приданы, изъявилъ согласіе взять въ замужество

внучку крестьянина Михайла Толмачева, нынѣшнюю мою жену. Вторая—имѣю честь пояснить, что жемчужныхъ перлъ у меня вовсе не бывало, а разсыпаны они бабушкой, женой дѣда крестьянина Толмачева; сергами же она, еще при жизни своей, съ согласія дѣдушки, меня благословила и оставила въ поминовеніе души ея, во исполненіе какового завѣщанія я поминала на свой счетъ, нанимая шестинедѣльную псалтирь, и подавала денежную милостыню. Что же касается до шугая и кисейнаго шарфа, то оные завожены отцомъ моимъ и несены имъ матери моей, при выходѣ ея въ замужество, такъ сказать, *на бѣлила*, и только бабушка, жена дѣда Толмачева, ихъ берегла и по выходѣ моемъ въ замужество также несла мнѣ *приносомъ*, и уже во всегдашнее мое владѣніе, по прямому смыслу словъ: „дареное назадъ не берется"; а потому вещей тѣхъ, какъ своей собственности, дѣду своему крестьянину Толмачеву отдать не согласна. При чемъ присовокупляю, что дѣдъ нашъ Михайло Толмачевъ изъясненныхъ въ прошеніи вещей отъ насъ до сего времени никогда не требовалъ и не надпоминалъ о возвращеніи ихъ къ нему, какъ онъ пишетъ въ прошеніи, поданномъ въ земскій судъ, а если бы и въ собственномъ смыслѣ вышеозначенныя вещи даны были послѣдней изъ насъ на подержаніе, то дѣдъ могъ бы и ранѣе сего требовать ихъ словесно и письменно чрезъ начальство; пропустивъ столь долгое время безъ требованій, онъ симъ выражаетъ, что желаетъ ничего болѣе, какъ отнять чужую собственность, безпокоя начальство". 18-го февраля 1852 года, противъ вторичной просьбы крестьянинъ Толмачева объ отобраніи отъ внучки его и мужа послѣдней указанныхъ выше вещей, а также объ истребованіи отъ нихъ документовъ, по коимъ они имѣли бы право владѣть тѣми вещами, именно завѣщанія жены его и приданой записи, отецъ жениха Петръ Леонтьевъ письменно заявилъ: 1-е) въ 1850 году дѣйствительно я сватался у крестьянина Верхне-Матигорскаго селенія Михайла Толмачева внучку Ирину Яковлеву за сына своего Полуэкта въ замужество, и находясь въ домѣ вдовы Толмачевой, нынѣшней тещи сына моего, по этому случаю, выряжалъ при сговорѣ въ приданое нѣкоторыя изъ ея собственныхъ вещей, да и крестьянинъ Толмачевъ на сговорѣ говорилъ, что

бабка невѣсты, жена его, оставляетъ и благословляетъ внучку жемчужными сергами и бывшими на сбереженіи у ней материнскимъ внучки парчевымъ шугаемъ и шарфомъ не на временное подержаніе, а въ приданое, и слѣдовательно, во всегдашнее владѣніе оными съ сыномъ моимъ Полуэктомъ жены его, внучки Толмачева. Это происходило при находившейся тутъ же на сговорѣ сватьѣ крестьянской женкѣ Курейскаго селенія Татьянѣ Скомороховой. По этому я и дозволилъ сыну моему Полуэкту взять въ супружество внучку Толмачева. 2-е) крестьянинъ Толмачевъ при сватовствѣ пріѣзжалъ ко мнѣ въ домъ, по крестьянству сказать, *житье смотрѣть*, и ежели понравится житье, уговориться о платьѣ, какое будетъ съ невѣстой, и о дарахъ, и по переговорѣ изъявилъ согласіе на отдачу внучки въ замужество за сына моего и объявилъ, что бабка, его жена, награждаетъ внучку сергами жемчужными и отцовскимъ невѣсты парчевымъ шугаемъ, несеннымъ матери ея, то есть, внучки Ирины Яковлевой, при выходѣ въ замужество, сыномъ Толмачева Яковомъ, такъ сказать, на бѣлила, а также и шарфомъ кисейнымъ, во всегдашнее независимое ни отъ кого распоряженіе тѣми вещами внучки Ирины Яковлевой, настоящей моей невѣстки; при чемъ вырядилъ у меня крестьянинъ Толмачевъ въ помощь свадьбы 135 руб. асс., а на серебро 38 руб. 57 коп., и по обоюдномъ согласіи, помолились Богу, и я отдалъ выряженное Толмачевымъ на свадебный случай означенное количество денегъ невѣсткѣ его Парасковьѣ Толмачевой, нынѣшней тещи моего сына, а Толмачевъ далъ честное слово отдать со внучкой обѣщанныя изъясненныя вещи въ приданое. 3-е) хотя крестьянинъ Толмачевъ и проситъ истребовать отъ сына моего и внучки приданую вещамъ запись, но таковой дѣйствительно у насъ нѣтъ, да и никогда въ здѣшнемъ уѣздѣ при крестьянскихъ свадьбахъ таковыхъ не бывало, и вовсе объ этомъ никто не знаетъ, а по обыкновенію дѣлается всегда на совѣсть и честное слово; на каковомъ основаніи и я, давая невѣсткѣ Толмачева деньги 135 руб. асс., не взялъ отъ нея и Толмачева никакого документа, и деньги по сіе время находятся за нимъ. Что же касается до духовнаго завѣщанія бабки моей невѣстки, жены Толмачева, то оного не было нужды, по моему мнѣнію, составлять, потому что жена Тол-

мачева, еще за долгое время до смерти, будучи здоровою, жемчужными серьгами невѣстку мою, жену моего сына, благословила во всегдашнее владѣніе и послѣ смерти ея на поминъ ея души; а кисейный шарфъ и шугай несены бабкою внучкѣ приносомъ, какъ у насъ по обыкновенію водится, и всегда въ подарокъ, назадъ же ничего изъ несеннаго на бѣлила, кѣмъ бы то ни было, не берется. И наконецъ, что Толмачевымъ прописанныя въ прошеніи вещи отданы въ приданое, а не на подержаніе, въ этомъ можно удостовѣриться и отъ матери нынѣшней моей невѣстки и отъ сватьи Татьяны Скомороховой, находившейся при сговорѣ нашемъ съ Михайломъ Толмачевымъ. А потому покорнѣйше прошу земскій судъ войти въ разсмотрѣніе вышеизъясненнаго, не отбирая, по просьбѣ Толмачева, какъ несправедливо ищущаго, принадлежащей невѣсткѣ моей, слѣдовательно, и сыну моему, ихъ собственности, тѣмъ болѣе, что я въ замѣнъ приданыхъ вещей далъ собственныя деньги, какъ выше объяснено на свадебный случай, 135 руб. асс.“. Такъ какъ свидѣтели не подтвердили справедливости просьбы Толмачева, то въ искѣ его было отказано судомъ [1]).

Въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ губерніи, платное приданое составляетъ полную собственность жены, до котораго никто не вправѣ касаться. На счетъ денежнаго приданаго въ разныхъ мѣстностяхъ, а иногда и въ одной и той же мѣстности, существуютъ различные обычаи; такъ, по однимъ обычаямъ, этого рода приданое, какъ и платное, принадлежитъ только женѣ, а по другимъ, входитъ въ общее имущество мужа и жены, при чемъ оно болѣе зависитъ отъ мужа, нежели отъ жены. Въ селѣ Лямцѣ, Онежскаго уѣзда, по словамъ мѣстнаго священника, существуетъ такое правило, что если какія-либо деньги (рублей 10—30) у жены пришли въ приданое, то онѣ ей и принадлежатъ во всю жизнь, а не мужу; она ими ссужаетъ, во время нужды, мужа, сосѣдей и пр. Въ селѣ Ракулѣ, Холмогорскаго уѣзда мужъ можетъ пользоваться деньгами только съ согласія жены, напримѣръ, можетъ пускать ихъ въ оборотъ. Здѣсь же, близъ Холмогоръ, деньги жены менѣе ограждены обычаемъ отъ произвола мужа, нежели платное

[1]) Изъ бумагъ покойнаго крестьянина М. Толмачева.

приданое; если мужъ издержитъ деньги жены, то назадъ не отдаетъ. Остальное приданое, напримѣръ, рогатый скотъ, лошади и пр., входятъ въ составъ общаго имущества мужа и жены, право распоряженія которымъ принадлежитъ болѣе мужу, какъ главѣ семьи. По словамъ крестьянъ, жена не можетъ распоряжаться скотомъ; безъ мужа она не можетъ продать скотины, пришедшей съ нею въ приданое. На вопросъ: почему жена не можетъ распорядиться съ коровой по своему усмотрѣнію, а мужъ имѣетъ на это право, одна дѣвушка отвѣчала: „Мужъ, вѣдь, можетъ спросить жену: „на чьей душѣ сѣно-то родилось?“ Вообще, въ значительномъ числѣ случаевъ отчужденіе скота совершается съ согласія жены, причемъ мужъ считаетъ долгомъ завести женѣ какую-либо обновку. Для отдачи приданаго въ залогъ, въ особенности платнаго, мужъ долженъ тоже испросить согласіе жены; напримѣръ, въ случаѣ крайнихъ недостатковъ и нужды, мужъ обращается ласково къ женѣ, чтобы та дала вещи подъ закладъ, уговаривая ее: „сѣно продадимъ или что другó и выкупимъ“, и жена удовлетворяетъ просьбу мужа. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, строгій и пьяный мужъ растрачиваетъ и пропиваетъ приданое жены, придерживаясь поговорки: *жена моя и все мое*. Это, разумѣется, не одобряется порядочными людьми изъ крестьянъ; и въ такихъ случаяхъ жены нерѣдко обращаются съ жалобами въ волостные суды, и возникаютъ дѣла. Подобныхъ дѣлъ бываетъ не мало. Ниже сего приводимъ нѣсколько такихъ дѣлъ, а здѣсь сдѣлаемъ указаніе на то, на сколько изложенные обычаи, на счетъ распоряженія приданымъ при жизни жены, соотвѣтствуютъ тѣмъ обычаямъ, которые могутъ быть выведены изъ помѣщенныхъ уже брачныхъ записей и рѣшеній волостныхъ судовъ и изъ рѣшеній судовъ, которыя будутъ помѣщены ниже.

Платное приданое во всѣхъ рѣшеніяхъ безспорно признается неприкосновенною собственностью жены; оно, по выраженію одной истицы, „не должно поступать въ общее хозяйство безъ ея (то-есть, жены) на то согласія, а особливо украдкой“, такъ что мужъ, заложившій нѣкоторыя вещи жены, обязывается судомъ выкупить ихъ и возвратить женѣ. Но мужская одежда иногда дается зятю въ полное его распоряженіе. Что касается до денежнаго прида-

наго, то по одному рѣшенію, оно признается собственностью жены, такъ что мужъ, разстраивающій свое хозяйство и растрачивающій имущество жены, подвергается тѣлесному наказанію; въ другомъ же случаѣ, деньги передаются отцомъ зятю и его матери, а не своей дочери; въ третьемъ, мужъ прямо заявляетъ, что деньги даны ему въ надѣлокъ безвозвратно; то же самое заявляетъ онъ на счетъ озадка двора, а другой—на счетъ овецъ. Еще представляется случай, гдѣ зять самъ требуетъ отъ тестя жеребца, обѣщаннаго ему въ надѣлокъ. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ, лошадь дается зятю на заведеніе платья женѣ, такъ что когда двоюродный братъ жены, послѣ ея смерти и смерти мужа, потребовалъ лошадь отъ отца мужа, то долженъ былъ заплатить за возвращенную ему лошадь деньги. Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи существуетъ обычай, по которому надѣлокъ не только поступаетъ въ распоряженіе мужа, но и дѣлается его собственностью. Что касается земли, то она нынѣ, кажется, всегда переходитъ въ собственность зятя, а иногда даже и его отца.

4.

1868 года 13-го января. Крестьянская жена Аѳаносовскаго сельскаго общества Александра Филиппова Попова подала 7-го декабря 1867 года въ Великониколаевское волостное правленіе, Шенкурскаго уѣзда, прошеніе, въ коемъ изъяснила, что въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1867 года, вышедъ она въ замужество за крестьянина Аѳанасовскаго общества Петра Андреева Попова, и помянутый мужъ ея Петръ Поповъ изъ принесеннаго ею въ приданое имѣнія продалъ 5 овецъ, стоющихъ 10 руб., овчинный тулупъ 6 руб., гарусную женскую шубу 2 р. 50 коп., шелковую шаль 3 рубля, серьги 40 коп., скатерть 75 коп., тонкаго холста 33 аршина по 10 коп. на 3 руб. 30 коп., французской платокъ 60 коп., конецъ тонкаго холста 28 арш. по 10 коп. на 2 руб. 80 коп. и житной муки 1 пудъ 1 руб. 20 коп., а всего на сумму 30 руб. 55 коп. серебромъ. Всѣ вышеозначенныя вещи, онъ, Петръ, украдкою отъ ея, Александры, заложилъ крестьянамъ: Антипѣ Задорину, Михайлу Задорину въ деревнѣ Починкѣ, а скатерть Ивану Филиппову на Те-

ремцѣ; не знаетъ навѣрно, куда онъ, Петръ, употребилъ взятыя за оные деньги, на поддержаніе ли своего съ матерью, тремя братьями и тремя сестрами, семейства, или на пьянство, и ея приданое имущество не должно поступать въ общее хозяйство, безъ ея на то согласія, а особенно украдкой, хотя онъ, Петръ и законный мужъ; а въ случаѣ требованія ею таковыхъ, то мужъ ея Петръ наноситъ ей побои, и сверхъ сего, съ праздника Михаила Архангела выгналъ ее изъ дому, говоря, что нѣтъ тебѣ ни хлѣба, ни дѣла,—почему проситъ сдѣлать надлежащее по сему дѣлу разбирательство.

Вызванный на 13-е число сего января въ волостной судъ, крестьянинъ Петръ Поповъ объяснилъ, что онъ изъ вышеприписанныхъ вещей заложилъ только овчинный тулупъ крестьянину Антипѣ Задорину въ 4 руб., женскую шубу и тонкаго холста 23 аршина крестьянину Михайлу Задорину въ Починкѣ въ 2 руб. 90 копѣйкахъ, съ согласія на то жены его Александры Поповой, и деньги употребилъ на необходимыя въ хозяйствѣ потребности, какъ то: на уплату податей и проч., что шелковая шаль находится у родной сестры его, овцы же и житной муки 1 пудъ даны ему въ приданое безвозвратно; что прочихъ вещей, какъ то: серегъ, скатерти, французскаго платка и конца тонкаго холста 28 арш. онъ никуда не продавалъ, не закладывалъ и были ли женою таковые принесены онъ не знаетъ; что обидъ женѣ своей Александрѣ никогда и никакихъ не наносилъ и изъ дому ея никогда не выгавивалъ.

Спрошенные по сему дѣлу сосѣдніе крестьяне села Молодихинскаго Алексѣй Поповъ, Иванъ Высошинъ, Василій и Сергѣй Поповы письменнымъ показаніемъ, даннымъ 12-го числа сего января, показали, что крестьянинъ Петръ Поповъ поведеніе въ жизни имѣетъ хорошее, а ссоры между имъ и женою происходятъ болѣе отъ жены его Александры, потому что она не имѣетъ къ мужу и свекрови своимъ послушанія во всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи, опредѣлилъ: понудить крестьянина Петра Попова выкупить заложенныя крестьянамъ Антипѣ и Михайлу Задоринымъ вещи: овчинный тулупъ, гарусную женскую шубу и 33 арш. тонкаго холста, которыя и

предоставить въ пользу жены Петра Попова, Александры Филиповой, приказавъ крестьянской женѣ Александрѣ Поповой жить въ семействѣ мужа своего Петра Попова и быть въ его повиновеніи. Обстоятельство же объ истребованіи крестьянскою женой Александрой Поповой отъ мужа ея Петра Попова серегъ, скатерти, французскаго платка и холста 28 арш., какъ бездоказательное, оставить безъ удовлетворенія.

5.

1866 года 5-го августа. Великониколаевскій волостной старшина Федуринъ, передалъ въ волостной судъ на разбирательство присланную г. мировымъ посредникомъ 2-го участка Шенкурскаго уѣзда, при предписаніи отъ 28-го минувшаго іюля за № 351, переписку, начавшуюся съ объявленія крестьянской жены Едемскаго сельскаго общества Татьяны Семеновой Трофимовой о растратѣ мужемъ ея крестьяниномъ Егоромъ Ивановымъ Трофимовымъ, выданнаго ему въ пособіе изъ магазиновъ, хлѣба, ржи 2-хъ четвериковъ и овса 4-хъ четвериковъ, посредствомъ заклада сосѣду крестьянину Петру Андрееву Трофимову, употребленіи полученныхъ за оный деньги на пьянство, и о тайномъ уносѣ имъ отъ жены, также для пропитія или заклада на покупку вина, разныхъ вещей, а именно: двухъ женскихъ ситцевыхъ бѣлыхъ юбокъ съ гранетуровыми узорами, одной шелковой разноцвѣтной старинной юбки, одной бѣлой изъ коровьей шерсти юбки, женскаго штофнаго полушубка, однихъ серебряныхъ серегъ, одной мѣдной пивной братыни, одной оловянной тарелки, двухъ шерстяныхъ нарукавниковъ, одного шелковаго краснаго платка, однаго французскаго платка, однаго холщеваго фартука, четырехъ холщевыхъ рубахъ, однихъ янтарей и 7 десятковъ пачеснаго льну.

Крестьянинъ Егоръ Трофимовъ, на спросъ его, показалъ, что дѣйствительно онъ заложилъ сосѣду Петру Трофимову овса 4 четверика и ржи около 2-хъ четвериковъ, но получилъ ли и сколько за оный хлѣбъ денегъ и куда таковые употребилъ, не упомнитъ, равно и братыню, за которую получилъ 20 копѣекъ, и деньги употребилъ на молотье хлѣба; сверхъ того, заложилъ онъ, съ со-

гласія своей жены, крестьянину Терентью Семенову Валькову шелковую разноцвѣтную старинную юбку, около 7 лѣтъ тому назадъ, за 1 руб. 40 копѣекъ, отозвавшись при томъ, что можетъ быть, выпивши онъ снесъ изъ дому своего что-либо другое Петру Трофимову, ибо послѣдній привѣтствовалъ его водкой, но положительно объ этомъ объяснить ничего не можетъ, ибо не упомнитъ своихъ дѣйствій, когда бываетъ пьянъ.

Крестьянинъ Петръ Трофимовъ показалъ, что онъ принялъ подъ залогъ отъ Егора Трофимова овса 4 четверика и ржи немного болѣе 1 четверика равно и братыню, за которые выдавалъ ему денегъ 2 руб. 40 копѣекъ, но куда оные Егоръ употребилъ, не знаетъ, въ принятіи же подъ залогъ другихъ вещей отозвался. Жена же Петра Трофимова Матрена Матвѣева объяснила, что она, якобы безъ вѣдома мужа ея, приняла отъ жены Егора Трофимова въ закладъ серебряныя серьги и янтари и шерстяные нарукавники, за 75 копѣекъ.

Просительница женка Татьяна Трофимова на спросъ ея отозвалась, что сама она никому никакихъ вещей не закладывала.

По сдѣланному волостными судьями тщательному дознанію, заложены ли крестьяниномъ Егоромъ Трофимовымъ вышеупомянутыя вещи—ничего не открылось. Поля же Егора Трофимова оказались всѣ засѣянными озимовымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи приговариваетъ: крестьянина Егора Трофимова, 37 лѣтъ отъ роду, за мотовство и пьянство его, за пропитіе даже выданнаго изъ магазина хлѣба, наказать при волостномъ правленіи розгами двадцатью ударами. Крестьянина Петра Трофимова, виновнаго въ принятіи отъ Егора подъ закладъ магазейнаго хлѣба и нѣкоторыхъ вещей, выдававшаго ему за сіе деньги на пьянство, и чрезъ то содѣйствовавшаго мотовству Егора, употребить въ общественную работу при волостномъ правленіи на шесть дней въ 21-е, 22-е, 23-е, 24-е, 25-е и 26-е числа августа. Мѣдную братыню, серьги, янтари и нарукавники отобрать отъ крестьянина Петра Трофимова и жены его Матрены, которые и предоставить женѣ Егора Трофимова Татьянѣ, съ тѣмъ чтобы Егоръ уплатилъ за оные выданные ему деньги 95 копѣекъ.

6.

1867 года апрѣля 2-го. Крестьянская женка Холмогорскаго уѣзда, Емецкаго общества, Васса Алексѣева Рудакова жалуется, что мужъ ея крестьянинъ Рудаковъ растратилъ приданое, то-есть, деньги 8 руб., и къ тому же заложилъ армякъ за 6 руб., всего на 14 руб.; сверхъ того, наноситъ ей побои, когда она удерживала его отъ развратства.

Вслѣдствіе этой жалобы Емецкій волостной судъ, сего 2-го апрѣля, вызвалъ крестьянина Алексѣя Рудакова и нашелъ, что какъ изъ словъ его, Рудакова, дѣйствительно видна виновность его, поэтому постановилъ: за разстройство хозяйства арестовать Рудакова при волостномъ правленіи на двое сутокъ и предупредить его, чтобы онъ впредь отнюдь не дѣлалъ растраты имущества.

Въ случаѣ расходокъ мужа и жены, имущество послѣдней, въ особенности приданое, должно быть отдано женѣ, хотя это достигается иногда не иначе какъ по рѣшенію суда. Дѣйствительно, когда волостные суды предоставляютъ право женамъ, подвергающимся преслѣдованіямъ и тяжкимъ побоямъ со стороны мужей, жить отдѣльно отъ нихъ, то-есть, въ домѣ своихъ родителей или гдѣ пожелаютъ, то приговариваютъ, чтобъ и одежда была возвращена женамъ. Такъ, въ деревнѣ Товрѣ, близъ Холмогоръ, былъ случай, что родители взяли жену отъ мужа, который тиранилъ ее. Приданое ей было возвращено черезъ судъ. Нѣкоторыя вещи, впрочемъ незначительныя, мужъ захватилъ и пропилъ. Жена жаловалась въ судъ и требовала, чтобы ему не выдавали паспорта, покуда онъ не возвратитъ вещей. Судъ нашелъ ея требованіе справедливымъ и остановилъ выдачу паспорта. Такого же рода рѣшеніе было постановлено 13-го октября 1867 года Устьпаденгскимъ волостнымъ судомъ по жалобѣ жены.

Въ 1-й книгѣ нашего сборника юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи было сказано, что къ приданому, при жизни жены, не могутъ прикасаться ни мужъ, ни частные кредиторы мужа, ни власти, при казенныхъ взысканіяхъ съ мужа (стр. 42). На это дѣлаетъ замѣчаніе священникъ Макаровъ: „Приданое, при жизни жены, равно какъ и деньги, вырученныя ею за разные продукты, не

свою вдову Татьяну Рогову взять къ себѣ на жительство согласенъ, состоящую же за нимъ рожъ 6 четвериковъ обязался отдать по осени сего же года деньгами или же рожью.

На основаніи чего Устьпаденскій волостной судъ опредѣлилъ: дозволить крестьянской вдовѣ Татьянѣ Роговой проживать при домѣ отца своего крестьянина деревни Максимовской Михайла Коноплева, платокъ и сарафанъ нынѣ же обязанъ крестьянинъ Захаръ Роговъ отдать невѣсткѣ своей Татьянѣ Роговой, а равно и взятую крестьяниномъ Коноплевымъ рожъ 6 четвериковъ возвратить по урожаю въ семъ же году Захару Рогову, что по запискѣ въ книгу объявить какъ просительницѣ, такъ и отвѣтчику. (Рѣшеніемъ всѣ остались довольны).

9.

Крестьянская вдова Кушевской волости Быстрокурскаго общества Холмогорскаго уѣзда Ирина Березина предъявила Кушевскому волостному суду жалобу на свекра своего Петра Березина и свекровку Анну Березину о томъ, что послѣ того, какъ въ 1866 году мужъ ея Елисей Березинъ, а имъ сынъ, умеръ въ С.-Петербургѣ безъ дѣтей отъ нея, свекоръ сталъ дѣлать стѣсненіе и наконецъ отказалъ во всемъ хозяйствѣ и не вознаградилъ за труды никакимъ имуществомъ, между тѣмъ заложилъ крестьянкѣ Машковой соболій воротникъ изъ приданого ея имѣнія въ 1 руб., и еще забралъ около 9 руб. для домашнихъ надобностей, потому и проситъ объ отобраніи того воротника и о предоставленіи въ ея пользованіе.

1867 года октября 26-го дня волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое отвѣтчика Петра Березина и жену его, которые показали, что они у снохи своей Ирины Березиной собольяго воротника крестьянкѣ Θеклѣ Машковой никогда не закладывали ни на какую домашнюю надобность, а оный воротникъ заложилъ сынъ ихъ Елисей Березинъ для своей надобности. Крестьянка же Θекла Машкова показала, что деньги подъ воротникъ брали слѣдующія лица: Петръ Березинъ деньгами 2 р., онъ же муки и рыбы и жена его Анна и Елисей Березинъ на 6 р., во время бытности послѣдняго на родинѣ, да еще бралъ онъ же Елисей на похороны дѣтей

2 руб., а всего 10 р. Сосѣдъ ихъ Ѳедоръ Березинъ въ судѣ показалъ, что деньги въ займы у Машковой брали для всего вообще дому, а воротникъ принадлежитъ ей Иринѣ, какъ онъ знаетъ. Почему волостной судъ предложилъ просительницѣ и отвѣтчикамъ между собою добровольную сдѣлку, но отвѣтчики по вздорному своему характеру не согласились; потому судъ, основываясь на показаніи сосѣда и зная ея просительницы хорошее и смирное поведеніе, опредѣлилъ: заложеннымъ собольимъ воротникомъ крестьянкѣ Машковой предоставить воспользоваться Иринѣ Березиной, а свекру и свекровкѣ приказать выкупить его у Машковой для воспользованія снохѣ ихъ Иринѣ, тѣмъ болѣе, что они чинили ей по смерти мужа разныя оскорбленія и отказали въ хозяйствѣ; принимая же во вниманіе, что она въ замужествѣ жила немногое время, въ имуществѣ ей отказать.

Приданое дочери составляетъ во всякомъ случаѣ выдѣлъ изъ общаго имущества, такъ что по смерти отца, при раздѣлѣ братьями общаго имѣнія, замужней сестрѣ ничего не дается. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ отцы и по завѣщанію ничего не оставляютъ замужнимъ. „Чѣмъ благословлена отцомъ при замужествѣ, тѣмъ и будь довольна, а отъ братьевъ во второй разъ не можетъ требовать," объяснилъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

Послѣ смерти жены, у которой не осталось дѣтей, почти все ея приданое возвращается къ ея родителямъ. На мой вопросъ: можетъ ли жена завѣщать своему мужу платное и иное приданое, объяснявшій мнѣ обычаи крестьянинъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ не бывало, но что, по его мнѣнію, онъ не можетъ этого сдѣлать, потому, что приданое должно возвратиться въ семью ея родителей. Но изъ одного, приводимаго ниже, рѣшенія можно заключать, что еслибы мужъ могъ доказать, что завѣщаніе дѣйствительно существовало, то могъ бы воспользоваться приданымъ жены. Безъ завѣщанія же, просто по обычаю, мужу послѣ бездѣтной жены остается только благославленная икона да постель, и все то, что было зашито въ банникѣ, гдѣ таковый бываетъ: ложка, тарелка, миска, солонка и проч. Подвѣнечное платье жены и обручальное кольцо, если эти вещи подарены были женихомъ, также остаются у мужа. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ обыкно-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословленный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-пріемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что̀ продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ распрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы нравамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданымъ первой жены!“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена носила все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умрутъ, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданого жены. Таковы обычаи, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣтельствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣтяхъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близъ Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратить ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратить послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаградить родителей покойной, но онъ можетъ отговариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значитъ *душу трясти* дочери; Богъ съ нимъ! скажутъ родители и отступятся“. Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушеніе обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда возстановляются права истцовъ, какъ мож-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословленный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-пріемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что̀ продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ распрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы нравамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданымъ первой жены!?“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена носила все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умрутъ, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданого жены. Таковы обычаи, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣтельствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣтяхъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близь Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратить ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратить послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаградить родителей покойной, но онъ можетъ отговариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значитъ *душу трясти* дочери; Богъ съ нимъ! скажутъ родители и отступятся“. Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушеніе обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда возстановляются права истцовъ, какъ мож-

венно не упоминается объ указанныхъ вещахъ, только въ одномъ говорится о постели, но это разумѣется само собою. Что благословленный образъ и постель, а также, заведенныя женихомъ, подвѣнечное платье и кольцо обручальное не отбирается отъ мужа,—это обычай повсемѣстный и твердо соблюдаемый. Иногда родители, по доброй волѣ, даютъ мужу что-нибудь изъ платнаго на память. Что же касается до денежнаго приданаго и вообще надѣлка, то въ Холмогорскомъ уѣздѣ мужъ, если онъ не зять-пріемышъ, не имѣетъ на него никакого права по смерти жены, такъ что если останется что-нибудь, напримѣръ, корова и проч., то оно возвращается родителямъ покойной, а то, что̀ продано и прожито при жизни жены, уже не требуется. Въ с. Матигорахъ былъ недавно такой примѣръ, что отъ мужа, прожившаго съ женой 20 лѣтъ, послѣ смерти послѣдней, отобрали все приданое и весь наличный надѣлокъ. Но если надѣлокъ данъ на заведеніе платья женѣ или безвозвратно мужу, то онъ уже не отдается назадъ. Когда я сталъ распрашивать крестьянина — не сохранился ли между ними старинный обычай оставлять зятю что-нибудь изъ приданаго до его новой женитьбы, то получилъ въ отвѣтъ, что такой обычай противорѣчилъ бы нравамъ народа; родные покойной и народъ сказали бы: „Развѣ онъ хочетъ похвастать приданымъ первой жены!?“ Когда же мужъ заведетъ женѣ что-либо изъ одежды, а она не носитъ своего, потому что оно или негодно, или немодно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ воспользоваться соотвѣтственною частью платнаго его умершей жены. А если жена носила все заведенное мужемъ, то право родителей на ея имущество прекращается, потому что если бы она носила свое приданое, то износила бы его; значитъ мужъ въ правѣ замѣнить его своимъ.

Вещи, заложенныя зятемъ на содержаніе малолѣтней дочери или сына до ихъ смерти, зять обязанъ выкупить: „Самъ заложилъ самъ и выкупай,“ объяснилъ мнѣ крестьянинъ. Мужъ же долженъ кормить дѣтей, и если умрутъ, то хоронить ихъ на свои средства, какъ отецъ, а не на средства покойной жены своей; по этому онъ ничего не можетъ и оставить на этотъ предметъ у себя изъ приданого жены. Таковы обычаи, существующіе близъ Холмогоръ. Но въ другихъ мѣстностяхъ, какъ свидѣтельствуютъ рѣшенія волост-

ныхъ судовъ, за мужемъ покойной оставляются нѣкоторыя вещи для упомянутой цѣли, а заложенное изъ вещей, которымъ не сдѣлана опись, выкупается самими родителями. При дѣтяхъ мужескаго пола, оставшихся по смерти матери, судя по рѣшеніямъ, нѣкоторая часть приданого возвращается къ родителямъ жены, а остальное остается у мужа. Но здѣсь, близь Холмогоръ, этого не бываетъ; въ семью мужъ въ правѣ не возвратить ничего, если остались мальчики.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе рядныхъ записей, мужъ обязывался возвратить послѣ смерти жены въ домъ ея родителей или весь надѣлокъ, шедшій съ женой, или только наличныя вещи, не уплачивая денегъ за издержанное, если онъ подтвердитъ прямымъ словомъ, передъ образомъ, дѣйствительности издержки.

Нынѣ, если вещи утрачены мужемъ, и это будетъ доказано, то онъ обязанъ вознаградить родителей покойной, но онъ можетъ отговариваться тѣмъ, что не было сдѣлано описи имуществу, или доказать, что жена сама утратила или износила приданое; тогда онъ не отвѣчаетъ. На вопросъ—не обязываютъ ли родители умершей своего зятя присягнуть въ доказательство того, что онъ ничего не утаиваетъ изъ имущества жены, я получилъ отвѣтъ: „Требовать присяги отъ зятя значитъ *душу трясти* дочери; Богъ съ нимъ! скажутъ родители и отступятся“. Если же самъ зять захочетъ поцѣловать икону, то къ этому его допускаютъ.

Приданое, которое должно возвратиться въ домъ родителей или родныхъ покойной, берется отцомъ и матерью или братьями, тогда, когда они пріѣзжаютъ на похороны умершей. А по полученіи, оно идетъ тому, кому дастъ отецъ; платнымъ обыкновенно распоряжается мать и передаетъ дочерямъ или снохамъ, если нѣтъ первыхъ; надѣлокъ часто идетъ въ общее семейное имущество.

Какъ нарушеніе обычая о принадлежности приданого родителямъ жены, случаются захваты его со стороны мужа покойной и его родныхъ. Такіе захваты обыкновенно вызываютъ жалобы со стороны родныхъ умершей волостнымъ судамъ, и рѣшеніями послѣднихъ почти всегда возстановляются права истцовъ, какъ мож-

но убѣдиться изъ рѣшеній, помѣщенныхъ ниже сего. Только если родители зятя заложатъ что-нибудь изъ приданаго, для того, напримѣръ, чтобъ окупить издержки по погребенію снохи, то по рѣшеніямъ, на основаніи обычая, выкупаютъ сами родители жены, если тѣ откажутся выкупить.

Когда у покойной жены остались дѣти, мужскаго или женскаго пола, все равно, въ такомъ случаѣ все приданое идетъ въ пользу ихъ. У многихъ родители жены даже не довѣряютъ приданаго, легко утрачиваемаго, мужу. Отецъ приведетъ все въ извѣстность черезъ опись и наблюдаетъ, чтобы не продали и не заложили; иной сложитъ все въ сундукъ, который стоитъ у зятя, запретъ его и ключъ возьметъ къ себѣ до возраста дѣтей; пересмотритъ, просушитъ и опять складетъ. Остальнымъ имуществомъ—хлѣбомъ, коровой, деньгами, мужъ, при дѣтяхъ, можетъ пользоваться.

Вотъ рѣшенія волостныхъ судовъ, указывающія на судьбу приданаго послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей, и бездѣтной.

10.

1867 года 29-го августа. Слушали прошеніе крестьянина Тарнянскаго сельскаго общества Великониколаевской волости, Шѣнкурскаго уѣзда, Александра Максимова Дешевицына, поданное въ Великониколаевское волостное правленіе, ходатайствующаго о истребованіи съ зятя его, крестьянина того же общества Степана Егорова Гашева имущества, даннаго въ приданое съ дочерью своею Марфой, которая волею Божіей нынѣ померла и дѣтей никого не оставила, на сумму 25 руб. серебромъ.

Вызванный въ волостной судъ, крестьянинъ Степанъ Гашевъ объяснился, что жена его Марфа при смерти своей отказывала ему одинъ утиральный платокъ тонкаго холста, одинъ французской платокъ и коробейку, но въ подтвержденіе своего голословнаго заявленія не представилъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Вслѣдствіе того волостной судъ по внимательномъ обсужденіи, на основаніи мѣстнаго обычая, приговариваетъ: взыскать съ крестьянина Степана Гашева все полученное въ приданое съ покойною женою его Марфою имущество, которое предоставить въ пользу отца послѣдней крестьянина Александра Дешевицына.

Подобное рѣшеніе было учинено Сороцкимъ волостнымъ судомъ, Кемскаго уѣзда, 1867 года февраля 5-го, по просьбѣ одного крестьянина объ отобраніи отъ зятя его приданаго имущества, оставшагося послѣ жены послѣдняго, а перваго дочери. Тутъ судъ постановилъ: „приказать отвѣтчику возвратить шубейку и корову, за утраченныя имъ жемчужныя петли отдать 5 руб., а за остальную одежду, изношенную покойной не взыскивать".

11.

1867 года марта 19-го дня. Въ Мардинскомъ волостномъ судѣ, Онежскаго уѣзда, присутствовали судьи: Алексѣй Крысановъ, Федоръ Гавриловъ, Яковъ Гурьевъ и Степанъ Кузьминъ; слушали жалобу крестьянина Хачельской деревни Андрея Анцыфорова о вытребованіи отъ крестьянина Каеркульской деревни Ивана Никулина вещей на сумму 29 р. 20 к., оставшихся у Никулина послѣ смерти перваго дочери, а послѣдняго жены. По учиненному въ волостномъ судѣ разбору оказалось, что Никулинъ выдалъ въ разное время Андрею Анцыфорову деньгами, рыбой и пр. на 40 руб. 21½ коп. Этотъ послѣдній представилъ счетъ уплаты Никулину 34 руб. 15 к. Обѣ стороны счеты признали правильными; кромѣ того оказалось, что Дмитріемъ Анцыфоровымъ уплачено деньгами 5 руб., и хотя Никулинъ и сознался въ полученіи этихъ денегъ, но объявилъ, что имѣетъ отдѣльный счетъ съ нимъ Дмитріемъ, почему деньги 5 р. въ счетъ не приняты до возвращенія Дмитрія. Свидѣтелей ни которая изъ тяжущихся сторонъ не представила. Волостной судъ опредѣлилъ: изъ находящихся у Ивана Никулина вещей, оставшихся послѣ смерти жены, оставить на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по 107 ст. Общ. Полож., въ пользу Никулина одно одѣяло ситцевое на ватѣ, два суконныхъ постельника и подушку съ ситцевою наволочкою, а прочія вещи, какъ то: одну женскую суконную шубу на ватѣ, одинъ женскій на ватѣ полушубокъ, одно овчинное одѣяло, покрытое домашнимъ сукномъ, возвратить Андрею Анцыфорову; слѣдующія по расчету съ Анцыфорова достальныя деньги 6 руб. 60½ к. взыскать въ пользу Никулина, а для уплаты сего долга назначить двухнедѣльный срокъ до 2-го апрѣля сего года.

12.

1868 года 27-го мая. Крестьянская жена Ѳедоровскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Акулина Григорьева Рожина заявила 27-го сего мая въ Великониколаевскомъ судѣ словесную просьбу объ отобраніи отъ крестьянина Груздовскаго сельскаго общества Прокопья Антонова Шишкина оставшагося послѣ смерти дочери ея Рожиной Александры, бывшей въ замужествѣ за Шишкинымъ, имущества, а именно: одной красной штофной шубы, стоющей 10 рублей, одной шубы полушелковой—5 руб., однаго сарафана шелковаго клѣтками, стоющаго 9 руб.; одной юбки шелковой штофной одноцвѣтной—3 р., одного шелковаго хорошаго платка—2 руб., однаго шелковаго голубого удирка—1 руб., однаго полушубка шелковаго травчатаго, голубаго—1 руб., одного разшивнаго хорошаго сборника—3 руб., двухъ хорошихъ рубашекъ, изъ коихъ одна ситцевая бѣлая, а другая англинская красная — 1 руб., восьми холщевыхъ рубашекъ полновыхъ — 2 руб., шести холщевыхъ воротушекъ безъ поднаставокъ — 1 руб., одного гаруснаго платка порядочной величины и доброты — 1 руб., одного гаруснаго передника — 70 коп., одного двоеликаго, немного поношеннаго полушубка—80 к., двухъ кумачныхъ полушубковъ—1 руб. 40 коп., кумача на полушубокъ—80 коп., однѣхъ красныхъ перстятокъ изъ дорогой шерсти—20 коп., однѣхъ красныхъ перстятокъ домашней работы—15 коп., трехъ утиральниковъ, одинъ изъ нихъ кумачный пропускной, съ узоромъ, второй шитый въ пялахъ и третій браной, съ наборцами кругомъ,—2 р. 50 к., одной браной съ наборомъ салфетки—1 р., одной бѣлой съ наборомъ юбки—25 коп. одной холстиновой бумажной юбки—30 коп., одной красной овчарной юбки—1 руб., однѣхъ серебряныхъ безъ пробы серегъ — 15 коп., одного серебрянаго пробнаго кольца—20 коп., одного крашеннаго съ замкомъ ящика—1 р., одной съ замкомъ коробьи—40 коп., одной конопянной браной салфетки—10 коп., и одной бѣлой каменной тарелки—10 коп., а всего на сумму 51 руб. 5 коп.

Вызванный на 27-е число сего мая въ волостной судъ крестьянинъ Прокопій Шишкинъ объяснилъ, что все вышеобъясненное Рожиной, оставшееся послѣ смерти первой жены его, а Рожиной

дочери, Александры, имущество находится въ цѣлости, которое и согласился предоставить въ пользу крестьянской жены Акулины Рожиной, просилъ ее предоставить въ пользу его, Шишкина, только одинъ утиральникъ съ наборцами кругомъ и одно серебрянное кольцо, на что̀ крестьянская жена Акулина Рожина согласилась.

Волостной судъ, по внимательномъ обсужденіи сего дѣла, опредѣлилъ: согласно соглашенію крестьянской жены Акулины Рожиной и крестьянина Прокопья Шишкина, считать сіе дѣло конченнымъ, поручивъ исполненіе сего рѣшенія Груздовскому сельскому старостѣ.

13.

На просьбу крестьянина Благовѣщенской волости, Шенкурскаго уѣзда, Проурзина объ отобраніи приданаго отъ крестьянина Попова, которое осталось послѣ его дочери, выданной въ замужество въ 1864 году и умершей, Благовѣщенскій волостной судъ 24-го іюля 1866 года постановилъ: отобрать отъ Попова все имѣніе, какое принесла съ собою въ приданое покойная жена его, кромѣ полукапотья и красной англійскаго ситца рубашки, которыя предоставить ему въ собственность за покупку имъ части красной бумаги въ сарафанъ покойной жены своей.

14.

1867 года 22-го октября. Слушали словесную просьбу крестьянина Володимірскаго сельскаго общества, Шенкурскаго уѣзда, Ларіона Павлова Малютина, ходатайствующаго о истребованіи обратно съ зятя его, крестьянина Никольскаго общества Григорья Михайлова Хабарова, данныхъ ему въ приданое съ сестрой его Натальей Павловой, нынѣ умершей, озадка двора и денегъ 5 р. сер.

Вызванный въ Великониколаевскій волостной судъ крестьянинъ Григорій Хабаровъ показалъ, что озадокъ двора и деньги 5 рублей даны ему были въ надѣлокъ безвозвратно, и что самъ проситель Ларіонъ Малютинъ состоитъ ему должнымъ не заплаченными за плотничную работу 1 рублемъ 25 копѣйками. Крестьянинъ Ларіонъ Малютинъ заявилъ, что деньги 5 руб. даны были Григорью Хабарову не въ надѣлокъ, а въ займы, и Малютинъ по соглашенію

*

съ Хабаровымъ заявленіе свое подтвердилъ Богомъ; при чемъ они миролюбно между собою согласились въ томъ, что Хабаровъ обязался возвратить Малютину озадокъ двора, а Малютинъ долженъ заплатить Хабарову за работу деньги одинъ рубль двадцать пять копѣекъ серебромъ, съ тѣмъ что Малютинъ взысканіе съ Хабарова 5 рублей оставляетъ.

Вслѣдствіе чего волостной судъ опредѣляетъ: по случаю миролюбнаго соглашенія крестьянъ Ларіона Малютина и Григорья Хабарова считать сіе дѣло конченнымъ, о чемъ дать знать сельскимъ старостамъ Володимірскаго и Никольскаго обществъ для наблюденія за выполненіемъ обязательствъ крестьянъ Малютина и Хабарова.

15.

1867 года октября 5-го. Крестьяне деревни Лешуконской, Мезенскаго уѣзда, Иванъ, Панфилъ и и Афанасій Пескины объявляютъ, что у нихъ выдана была въ замужество за крестьянина деревни Каращельской Ѳедора Опарина, сестра Ирина, которая померла около 9 лѣтъ, но смерти ея осталась дочь Агафья и имѣніе изъ платья, а именно: штофникъ со всѣмъ прибором—10 р., коротенька со всѣмъ прибором — 3 руб., кумашникъ тоже съ прибором—2 р., тулупъ—7 р., сарафанъ аглицкаго ситца—2 р., двѣ женскихъ рубахи съ рукавами, первая синей холстники, вторая... 2 р., суконная красная шаль—1 руб., малиновый двоерядный поясъ — 50 к., нарукавники аглицкаго ситца — 50 к., передникъ бѣлаго ситцу — 50 коп., сарафанъ ситцевый — 70 к., аглицкій платъ—1 р., а всего на 30 руб.; дочь нашей сестры, а наша племянница Агафья нынѣ померла; поэтому мы желаемъ получить вышеписанное имѣніе обратно отъ бывшаго зятя крестьянина Опарина, или чтобы онъ удовлетворилъ насъ деньгами 30 руб., въ чемъ и подписуемся.

Вызовъ отвѣтчика назначенъ 5-го ноября. Ноября 5-го Лешуконскій волостной судъ въ числѣ трехъ судей разбиралъ настоящее дѣло, и оказывается слѣдующее: крестьянинъ Опаринъ не отрицаетъ, что дѣйствительно вещи поименованныя въ жалобѣ Пескиныхъ были даны въ приданое съ покойною его женой Ириной,

и изъ нихъ находится у Опарина на лицо все, кромѣ кумашника, который заложенъ у крестьянина Петра Климцова въ 50 к., штофника у крестьянина Ивана Климцова въ 7 р., тулупа и сарафана аглицкаго ситцу у Катерины Климцовой въ 3 р., коротенька у крестьянина Константина Опарина въ 1 р. 50 к., всего на 12 р. с.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и при несогласіи тяжущихся на предложенный миръ, волостной судъ, принимая во вниманіе, что Опаринъ въ приданыхъ жениныхъ вещахъ не отпирается и Пескиными во время смерти Опарина жены, а ихъ сестры, описи имуществу сдѣлано не было, также что, по объясненію Опарина, означенныя вещи имъ были заложены по несостоятельности его, для пропитанія Пескиныхъ племянницы, а у Пескиныхъ имущество не было сдано подъ опеку, рѣшилъ: вышеописанное имущество отобрать отъ Опарина и передать по принадлежности Пескинымъ—тѣ вещи, которыя есть въ наличности, а заложенныя вещи предоставить, если они Пескины имѣютъ на то выгоду, то выкупайте и пользуйтесь ими безъ участія какъ въ выкупѣ, такъ пользованіи Опарина, а если Пескины не пожелаютъ на выкупъ вещей, то имъ предоставляется таковыя оставить навѣчно за Климцовыми и Опаринымъ. Постановленіе это учинено согласно прежнимъ, вошедшимъ здѣсь обычаямъ, на основаніи 96 ст. Положенія 19-го февраля 1861 г.; затѣмъ дѣло зачислить рѣшеннымъ.

Рѣшеніемъ этимъ истцы Пескины остались недовольны; оно окончательно исполнено 6-го ноября.

16.

1867 года апрѣля 2-го. Лявленскій волостной судъ Архангельскаго уѣзда входилъ въ разсмотрѣніе дѣла по объявленію повѣреннаго крестьянъ Петра Андреева, жены его Ирины Антоновой и сына ихъ Якова Петрова Немоновыхъ, первымъ двумъ сына, а послѣднему брата, крестьянина д. Малыичевской Дмитрія Петрова Немонова, въ коемъ онъ изъясняетъ, что проживавшая въ нераздѣльномъ семействѣ съ ними родная его сестра, дѣвица Матрена Петрова Немонова, съ согласія родителей его, равно и его Дмитрія, въ 1860 года выдана въ замужество за крестьянина одной съ нимъ деревни Василія Михайлова Морева, и при выдачѣ съ нею

отданы, какъ вышесказанными родителями и братомъ его, равно и самимъ имъ, въ приданое пріобрѣтенныя общими силами всѣхъ членовъ ихъ семейства разныя вещи, заключающіяся въ женской одеждѣ, какъ-то: бѣльѣ, платьяхъ, обуви, верхней одеждѣ, головномъ уборѣ, жемчугѣ и сундукахъ, всего на сумму слишкомъ 200 р. с. По истеченіи года послѣ бракосочетанія сказанная сестра его Матрена волію Божіею умерла, оставя послѣ себя на попеченіи своего мужа Василья Морева законно прижитаго съ нимъ сына Филиппа, имѣвшаго тогда отъ рожденія одинъ день. По смерти сказанной его сестры, а Морева жены, Матрены, онъ Моревъ возвратилъ имъ нѣкоторыя вещи менѣе цѣнныя противъ прочихъ, изъ бѣлья и платья, отданныя ему съ женою въ приданое, въ распоряженіе ихъ, а болѣе цѣнныя, по оцѣнкѣ ихъ, стоющія не менѣе нижеозначенной цѣны: жемчугъ въ 3-хъ прядяхъ, вѣсомъ до 10 золотниковъ—на 40 р., женскій парчевой полушубокъ—15 р., два шелковыя платья — 15 р., штофная юбка съ мишурными газами—10 р., и шелковый женскій большой платокъ—10 р., всего на сумму 90 р. с., оставилъ у себя, какъ имѣвшій тогда на то право, по случаю нахожденія у него законно прижитаго съ покойною его сестрою сына, который, проживъ у Морева 4 1/2 года, тоже волею Божіею умеръ; за симъ крестьянинъ Василій Моревъ, *на основаніи существующихъ законовъ*, какъ жившій съ женою короткое время и не имѣющій прижитыхъ съ нею на содержаніи у себя дѣтей, лишился права пользоваться отданнымъ съ нею приданымъ имѣніемъ, которое, по справедливости и на основаніи закона, должно быть возвращено имъ Немоновымъ, какъ прямымъ наслѣдникамъ покойной ихъ сестры Матрены, и тѣмъ болѣе, что таковое пріобрѣтено не однимъ ея, а общими силами всего ихъ семейства. Они неоднократно обращались къ нему Мореву о возвращеніи приданаго, но Моревъ хотя и изъявилъ согласіе возвратить имъ всѣ вышеписанныя вещи, исключая жемчуга, который стоитъ, какъ выше о семъ объявлено, 40 р., но не возвратилъ. Почему онъ, Немоновъ, какъ довѣренный отъ семейства ихъ на ходатайство о возвращеніи имъ таковаго, проситъ волостное правленіе сдѣлать зависящее распоряженіе объ отобраніи отъ Морева всѣхъ вышеписанныхъ вещей и жемчуга и выдать ему въ общую пользу членовъ ихъ семейства.

Вслѣдствіе чего отвѣтчикъ Моревъ былъ вызываемъ въ волостной судъ 5-го числа марта мѣсяца, но къ суду не явился безъ законныхъ къ тому причинъ, за что, согласно приговору сего суда, состоявшемуся того же числа, на основаніи 126 и 267 ст. 3 разд. Сборн. постан. для руков. вол. и сельск. упр., подвергнутъ взысканію пени 50 к. въ мірской капиталъ; сего числа снова былъ вызванъ въ судъ, гдѣ на предъявленную просьбу крестьянина Немонова о возвращеніи ему вышеписанныхъ вещей или по стоимости оныхъ денегъ объяснилъ, что онъ согласенъ возвратить Немоновымъ отданное ему въ приданое съ женою и остальное имущество, за исключеніемъ жемчужныхъ перлъ, за содержаніе до смерти оставшагося на его попеченіи послѣ смерти покойной жены его Матрены, законнаго сына Филиппа въ теченіе 4½ годовъ, и кромѣ того, проситъ взыскать съ Немонова взятыя у него тещею его, а Немонова матерью, собственно ему принадлежащія деньги 5 р. с., на что Немоновъ согласился, съ тѣмъ однако, что денегъ Мореву отдать не 5, а 3 р., какъ таковые принадлежали не собственно ему Мореву, а покойной сестрѣ его, но Моревъ и на сіе согласился, и потому споръ этотъ они прекратили сего числа на волостномъ судѣ миролюбно и безобидно для той и другой стороны, съ тѣмъ, чтобы дѣла этого, послѣ сего рѣшенія, ни той, ни другой сторонѣ нигдѣ не возобновлять. Волостной судъ, имѣя въ виду, что на основаніи закона тяжущимъ лицамъ предоставляется право примиренія и тѣмъ окончательно рѣшать дѣла на волостномъ судѣ, постановилъ: условія примиренія ихъ записать въ настоящую книгу и дать подписать тяжущимся, затѣмъ дѣло по сему предмету зачислить въ рѣшенныхъ.

17.

1867 года іюля 23-го. Отставной рядовой, проживающій въ деревнѣ Хайбутовской, Благовѣщенской волости Шенкурскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Кичевъ прошеніемъ, поданнымъ въ волостное правленіе, просилъ отобрать отъ крестьянина той же деревни Ѳедора Дмитріева Пшеницына разное женское имущество, оставшееся послѣ смерти падчерицы его, Кичева, Матрены Пшеницыной, выданной за

него Пшеницына назадъ тому девять лѣтъ, потому что послѣ смерти ея не осталось наслѣдниковъ женскаго пола.

Благовѣщенскій волостной судъ по обсужденіи этого дѣла постановилъ: такъ какъ умершая жена крестьянина Ѳедора Пшеницына Матрена жила съ мужемъ своимъ 9 лѣтъ, слѣдовательно, она большею частью носила платье, заведенное мужемъ, а не приданое, а потому отъ крестьянина Ѳедора Пшеницына въ пользу рядоваго Кичева отобрать, вмѣсто просимаго имъ имущества, только одинъ суконный полушубокъ, а затѣмъ дѣло это считать рѣшеннымъ. Остальное же имѣніе умершей Матрены, принесенное ею въ приданое, находящееся у Ѳедора Пшеницына, онъ Ѳедоръ обязанъ хранить въ цѣлости до совершеннолѣтія сына своего.

18.

1864 года января 13-го. Дѣло бывшаго Устьпаденскаго приказа, по прошенію крестьянина Устьпаденской волости, Шенкурскаго уѣзда Ѳедора Григорьева Коноплева о взысканіи съ таковаго жъ Степана Андреева Карамышева имущества, оставшагося послѣ смерти дочери перваго, а невѣстки послѣдняго. По сему предмету было производство въ удѣльномъ приказѣ 17-го ноября 1860 года, и при личномъ между истцомъ и отвѣтчикомъ разсчетѣ постановлено миролюбивое соглашеніе, съ тѣмъ чтобы Карамышевъ возвратилъ Коноплеву то имѣніе, которое окажется у сына перваго въ Рыбинскомъ.

Карамышевъ былъ въ Рыбинскомъ у сына и по возвращеніи оттуда отдалъ Коноплеву только юбку и платокъ покойной дочери, больше ничего, въ чемъ словесно и удостовѣряетъ; Коноплевъ же этому не вѣритъ, предоставляетъ Карамышеву удостовѣрить передъ Богомъ присягой, на что сей не согласенъ; а потому Коноплевъ и удерживаетъ у Карамышева палтасу 5 пудовъ, которые онъ, Карамышевъ, взыскиваетъ съ него, Коноплева.

Опредѣленіе волостнаго суда: Если Карамышевъ не подтвердитъ передъ Богомъ честнымъ словомъ, что никакого имѣнія покойной невѣстки изъ Рыбинска отъ сына не привезъ, кромѣ отданнаго Коноплеву, то палтасу 5 пудъ лишается, а если подтвердитъ или сколько есть отдастъ, то Коноплевъ обязанъ Карамышеву отдать

за палтасъ 7 р. 50 к.—цѣну, заплаченную имъ въ Архангельскѣ, а не по здѣшнимъ цѣнамъ, какъ требуетъ Карамышевъ, потому что Коноплевъ купилъ на свои деньги, а не на Карамышевскіе; всѣ же разсчеты, бывшіе между ними до 17-го ноября 1860 года, въ которыхъ тогда обоюдно согласились, впредь не возобновлять. Каковое опредѣленіе суда тяжущимъ и объявлено.

19.

1868 года 21-го октября. Сельскій староста Груздовскаго общества, отъ 16-го сего октября за № 231, донесъ Великониколаевскому волостному правленію, Шенкурскаго уѣзда, что по производившемуся у него дѣлу, начавшемуся съ просьбы крестьянина Павла Ѳедорова Птицына объ отобраніи лошади мерина отъ крестьянина Степана Иванова Безсонова, данной въ приданое съ двоюродною сестрою его Птицына, Авдотьей Сергѣевой, на заведеніе платья, при выдачѣ ея въ январѣ мѣсяцѣ сего года въ замужество за сына Безсонова, Петра Степанова, которые оба нынѣ уже умерли,—онъ староста склонить ихъ къ миролюбному соглашенію не могъ, а потому проситъ дѣло это передать на разсмотрѣніе и разбирательство волостнаго суда.

Вызванные на 21-е число сего октября въ волостной судъ крестьянинъ Павелъ Птицынъ и по довѣрію крестьянина Степана Безсонова, братъ его, солдатъ Григорій Ивановъ, и жена Анна Егорова Безсоновы миролюбно между собою согласились въ томъ, что Безсоновы обязались возвратить Птицыну данную въ приданое съ покойною сестрою его лошадь, а Птицынъ, со своей стороны, обязался уплатить Безсонову за возвращеніе лошади деньгами 12 рублей въ два срока, а именно: на 8-е число ноября сего года 6 рублей и на 1-е число февраля будущаго 1869 года остальные 6 рублей.

Волостной судъ опредѣлилъ: отобрать отъ крестьянина Степана Безсонова помянутую лошадь мерина, которую предоставить въ пользованіе крестьянина Павла Птицына, затѣмъ взыскать съ Птицына сказанныя деньги двѣнадцать рублей серебромъ въ вышеназначенные сроки, коими и удовлетворить Безсонова.

20.

1868 года октября 30-го дня. Жалоба крестьянина Малошуйскаго селенія Онежскаго уѣзда Артемья Андронова объ отобраніи вещей отъ крестьянина Степана Липатова, бывшихъ у него на сохраненіи по случаю смерти дочери Андронова, бывшей за мужемъ за крестьянина Гаврилой Филимоновымъ, и оставшагося послѣ ея сына, —которыя должны нынѣ поступить въ наслѣдство ему Андронову.

Вещи, находящіяся на сохраненіи у Липатова, оставшіяся послѣ смерти дочери Андронова и сына ея Папилы, умершаго одного мѣсяца отъ роду, оказались по приложенной описи на лицо; но изъ нихъ гарусникъ, кумашникъ и красной платокъ употреблены на погребеніе младенца Папилы и на няньки женская рубашка. А потому Вачевскій волостной судъ, Онежскаго уѣзда, 4-го ноября постановилъ: оставшіяся вещи по описи отдать подъ присмотръ сельскаго старосты Малошуйскаго общества до уплаты Андроновымъ государственныхъ податей на вторую половину 1867 года и сей 1868 годъ, а равно и за выданныя сѣмена на посѣвъ; когда Андроновъ взнесетъ эти недоимки, тогда староста Баевъ долженъ выдать Андронову эти вещи.

Какъ въ другихъ отдѣлахъ нашего труда, для ознакомленія съ юридическими понятіями прежняго времени и съ характеромъ рѣшеній духовнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, приводятся дѣла, разбиравшіяся въ здѣшнемъ духовномъ судѣ въ прошломъ столѣтіи, такъ и теперь приведемъ одно разбирательство, предметомъ котораго служитъ приданое, оставшееся послѣ смерти жены, имѣвшей дѣтей. Оно носитъ названіе: „Дѣло 1711 года съ просьбы вдовы Пелагіи Матвеевой о взысканіи приданаго съ бывшаго зятя Холмогорца Ѳедора Янкина по смерти дочери ея“ [1]). Просьба эта слѣдующая:

„Государю преосвященному Рафаилу, архіепископу Холмогорскому и Важескому, бьетъ челомъ и плачется вдова Пелагія Матвѣева дочь. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 710 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ

---

1) Изъ бывшаго архіерейскаго архива, находящихся въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ.

19-го числа, дочь моя Параскева, а бывшая жена Глинскаго посаду Ѳедора Янкина, волею Божіею въ рожденіи младенца преставися, а при смерти во исповѣди была того жъ посада у священника Максима, а до смерти своей она Параскева дочь моя за недѣлю дала мнѣ въ сохраненіе приданаго моего имѣнія кокошникъ объярпной насыпной съ золотомъ, обнизанъ жемчюгомъ, и приказывала мнѣ, аще Богъ благоизволитъ въ той моей тяжести въ рожденіи смерть, и изъ того кокошника по пѣнѣ поправить по душѣ моей поминовеніе по церквамъ, и при той, она, Параскева, въ рожденіи младенца, при исповѣди, при отцѣ духовномъ и при мужѣ своемъ Ѳедорѣ приказывала все свое приданое поправить по душѣ своей въ поминовеніе и послѣ отца своего духовнаго, при мужѣ своемъ, она Параскева еще о томъ, съ подтвержденіемъ мнѣ, матери своей, приказывала о приданомъ имѣніи въ поминовеніе поправить, и тогда жъ именно при мужѣ своемъ приказывала отдать съ шубки своей тафту рудожелтую новую на Нижной посадъ къ церкви Рождественской, на строеніе дьяконскаго стихаря, и для поминовенія прежде бывшихъ у тоя церкви сродниковъ своихъ; а жила она Параскева съ нимъ Ѳедоромъ мужемъ своимъ только четыре года и осталось отъ роду отъ нея съ нимъ Ѳедоромъ сынъ одинъ Иванъ двухъ лѣтъ, а что̀ съ нею я, Параскевою, въ приданое отъ своего труда притяженное во вдовствѣ моемъ дала, и что̀ по смерть ея Параскевы, заложа тожъ ея кокошникъ, гдѣ издержано по нея въ поминовеніе, подъ сею челобитнею написана роспись, и онъ Ѳедоръ прежде бывшій зять мой мене, старую вдову, (за то, что) для управленія по душѣ дочери моей Параскевы изъ того даннаго мнѣ кокошника учинила поминовеніе, съ великою онъ злобою и ругательствомъ мене бранитъ и поноситъ и о томъ мене безпомошную челобитьемъ разорить похваляется. Милостивый государь преосвященный Рафаилъ, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, призри на мое безпомошное вдовство, которое я въ своемъ вдовствѣ отъ рукодѣлія моего притяжала и съ дочерью моею Параскевою въ приданое, какъ за него Ѳедора идя замужъ дала, пожалуй, государь, благоизволи то мое приданое имѣніе, которое у него Ѳедора есть, ему ко мнѣ отдать и изъ того поправить за душу дочери моей въ поминовеніе. Государь смилуйся!

„Роспись приданому животу:

„Наборошникъ, въ немъ три золотника жемчюгу.

„Зарукавникъ, въ немъ два золотника жемчюгу.

„Да простаго жемчюгу золотникъ, изъ того построила она Параскева затыльникъ.

„Шубка, мѣхъ заечинной черевей, поволоченъ кумакомъ.

„Шубка каразейная красная съ пуговицы серебряными.

„Кумакъ на шубку.

„Сукникъ яренги новой.

„Тряухъ обложенъ бобромъ, камки алой, круживо золотное.

„Таѳты рудожелтой полпята аршина, и та таѳта шита на шубку.

„Трои рукава полотняныхъ и прочего бѣлья, платковъ и рубахъ коробка.

„А живучи она Параскева при мужѣ своемъ изъ приданаго моего имѣнія и отъ своихъ трудовъ построила кокошникъ жемчюжной, а тотъ жемчюгъ изъ вышепомянутаго моего даннаго наборошника и зарукавья пять золотниковъ, да сверхъ того въ прибавку положила жемчюгу изъ приданого жъ моего имѣнія въ продажѣ бѣлья: платы и рубашки, и къ тому строенію золота ей я давала жъ, а тотъ кокошникъ объяри насыпной золотной, а ту объярь я взяла въ долгъ у горожанина Ивана Андреева Звягина, въ цѣну двадцать-шесть алтынъ четыре деньги, и деньги ему и донынѣ не даны. Да она жъ Параскева построила при мужѣ своемъ наборошникъ жемчюжной отъ своихъ трудовъ, а въ тотъ наборошникъ взято жемчюгу у монахини Анны два золотника, за одинъ золотникъ дано цѣны два рубли, а за другой золотникъ полтора рубли—ей монахини и до нынѣ деньги не даны; да на шубку тафтяную взято кружива шелковаго двѣ полосы, цѣною въ пять алтынъ, а деньги еще и до нынѣ не даны. И то все приданое имѣніе и строеніе ей Параскевы, кромѣ кокошника жемчюжнаго, за нимъ Ѳедоромъ Янкинымъ, а кокошникъ жемчюжный, который сама она Параскева до смерти своей мнѣ въ соблюденіи дала, и я тотъ кокошникъ по смерть ея заложила за пять рублевъ и по приказу за душу ея поминовеніе отправляла, большаго собора священнослужителемъ въ сенонникъ во вседневной дано рубль, да на сорокъ дней за просфоромисаніемъ поминать имъ же соборнымъ

дано четыре гривны, Успенскому священнику дана гривна, да въ сорокоустіе Глинскаго посада священникомъ дано рубль, а другой рубль имъ же священникомъ додать, на Нижній посадъ Рождественскому священнику дано въ поминовеніе полтина, да при погребеніи ея дано нищимъ рубль, да богадѣленнымъ нищимъ дано шесть алтынъ за чтеніе псалтири дано осмь алтынъ, Покровскому священнику дано гривна".

Спрошенный, вслѣдствіе настоящаго челобитья, отвѣтчикъ Яникинъ объявилъ, что „въ прошломъ 710 году жена его, при рожденіи младенца мучась, отцу своему духовному, Глинскаго посаду священнику Максиму, грѣховъ своихъ исповѣдывалась, и лежавъ въ бани, скорбя, при немъ Ѳедорѣ, и въ то де время челобитчица теща его Пелагія, пришедъ въ баню, при немъ же Ѳедорѣ да при бабкѣ повивальней, Никольскаго дворника Василья Кирилова при матери, отвязавъ отъ нея, скорбной жены его, поясъ съ ключами и съ ворота отъ креста мошеночку съ деньгами (а денегъ его было девять алтынъ, да колтушки изъ ушей серебряны), и тѣми ключами съ дочерьми своими замужними Ѳедорою да съ Анною въ клѣть собою и ходили, и что приданого живота къ нему пришло, также которое и его пристрою пожитковъ на жену его положено было, все изъ клѣти вынесли тайно; а тогда де въ домѣ его стороннихъ людей никого не было, и при томъ случаѣ въ бани безъ тещи его жена его приказывала ему, что де есть ея приданаго живота и его Ѳедорова пристрою жемчюжное кокошникъ низанъ по объяри, и то все у ней покладено въ клѣти въ малой коробкѣ, а та де малая коробка поставлена въ большей коробьи, и чтобъ онъ Ѳедоръ изъ тѣхъ пожитковъ приданыхъ ея продалъ три шубки, въ томъ числѣ сукню яренкову подержану, каразейникъ, куманникъ подержаные жъ, и тѣмъ, когда ей смерть ключится, и по смерть по душѣ ея тѣмъ поправилъ; а про тотъ приказъ вѣдомо вышепомянутому отцу духовному священнику Максиму въ томъ онъ Ѳедоръ во всемъ на него священника и шлется; а достальное что ея приданого и его Ѳедорова пристрою жемчюжнаго и иной какой мелочи и останется, приказала она жена его, отходя свѣта сего, во владѣніе ему мужу своему Ѳедору съ сыномъ ея малолѣтнимъ Иваномъ, потому что тотъ сынъ ихъ от-

цовскимъ и матернимъ статкамъ наслѣдникъ и живетъ у него отца своего, а не у ней челобитчицы, а такого де приказу при смерти ея жены его отъ ней при вышепомянутомъ отцѣ духовномъ и при немъ Ѳедорѣ, чтобъ по смерть ея все приданое поправить по душѣ ея и, съ шубки тафту рудожелтую новую снявъ, отдать на Нижній посадъ къ Рождественской церкви на дьяконской стихарь не было и не отказывала; то де она челобитчица въ челобитьѣ своемъ написала на нее дочь свою умершую не въ правду; въ томъ онъ Ѳедоръ на него жъ священника и шлется жъ. А онъ де Ѳедоръ челобитчицы тещи своей Пелагіи при смерти жены своей и по смерть ея у себя въ домѣ и нигдѣ никакъ не бранивалъ и ничѣмъ не ругалъ. А какъ де жена его Ѳедорова преставилась, и учали ее обмывать, и тогда его Ѳедора въ домѣ не было, былъ на базарѣ, и безъ него де Ѳедора теща его Пелагея съ дочерьми своими, пошедъ въ клѣть его по рубашку къ погребенію, и достальное все приданое свое и его пристрою кокошникъ отдала дочери своей Аннѣ, про то вѣдомо Глинскаго посаду Ѳедора Шульгина женѣ его Парасковьи, да Ѳедосьи Макаровы дочери, да Марьи Евдокимовы, да Ѳедоровы женѣ Сорокина Оксеньи. А по погребеніи жены его, отъѣдчи хлѣба, теща его, пошедъ собою въ клѣть и изъ той клѣти вынесши приданую коробью въ сѣни и отомкнувъ ключемъ, которой ключъ съ поясомъ отъ жены его скорбной она отвязала, мелочное приданое все выбравъ, и роздала дочерямъ безъ его Ѳедорова приказу, и собравъ съ пересова приданые дочери своей суконю, кумашникъ, теплой каразейникъ, два треуха, при немъ Ѳедорѣ и при сродцахъ его въ ту коробью и поклала, и ту коробью замкнувъ, и запечатала своею печатью, и ключъ къ себѣ взяла, и изъ дому съ мелочнымъ приданымъ съ дочерьми своими и уѣхала нагло и внука де своего, а его малолѣтняго сына, тѣмъ всѣмъ помишала и хочетъ помишать и овсе. А кокошникъ де низаной жемчюгомъ его Ѳедорова пристрою, а не жены его умершей, потому что онъ въ прошлыхъ годѣхъ, купя, привезши съ Подвинья ошивку жемчюжную и осыпавъ, а по вѣсу было жемчюгу два золотника не сполна; да къ тому жъ жемчюгу давалъ онъ Ѳедоръ женѣ своей на покупку жемчюга свои деньги, также на покупку объяри и на всякой при-

кладъ разными дачами, и купя она жена его жемчюгу и прикладъ на его деньги и построила, а жемчюгъ и прикладъ и обьярь у кого она жена его покупала, того онъ подлинно не знаетъ, потому что онъ Ѳедоръ тогда былъ въ морскихъ и въ иныхъ отъѣзжихъ промыслѣхъ, а на горожанина Ивана Звягина и на монахиню Анну Окулову по сему дѣлу слаться ему и не къ чему, потому что въ тотъ кокошникъ жены своей во всякій прикладъ и на жемчюгъ давалъ деньги онъ Ѳедоръ съ избыткомъ, что̀ выше объявлено; а приданое де наборошникъ и зарукавье послѣ вышепомянутаго кокошешнаго строенія жена его Ѳедорова, осыпавъ жемчюгъ и тотъ жемчюгъ, да брачнаго его дара два полотенца, да рубашку кроену, только не шиту, да золота четыре золотника, продала съ общаго совѣту, за что̀ онъ при брацѣ и о Пасхѣ противо тещу и иныхъ сродниковъ отдаривалъ, и на тѣ деньги жена его Парасковья, купя жемчюгу покрупняе, наборошникъ и подзатыльникъ и построила, мимо тещу его челобитчицу Пелагею; а въ томъ новопостроенномъ его наборошникѣ жемчюгу вѣсомъ три золотника, а въ подзатыльникѣ полтретья золотника, и тѣ де наборошникъ и подзатыльникъ и семь перстней серебряныхъ да крестъ и колтушки и кокошникъ у ней челобитчицы, а не у него Ѳедора".

Роспись приданого имущества, приложенная отвѣтчикомъ, пополнена слѣдующими вещами:

Кокошникъ краснаго атласу съ золотными галунами.

Двои колтушки серебряные, однѣ съ плашками, а другіе скатками серебряными.

Затыльникъ на красномъ атласѣ, шитъ золотомъ.

Крестъ серебряной на шелковомъ гойтанѣ, золоченой съ прорезками серебряными.

Два платка лощенаго полотна съ кружевы золотными.

Два ящика съ полотняными платками.

Семь персней серебряныхъ золоченыхъ женскихъ со ставками.

Изъ числа спрошенныхъ по сему дѣлу свидѣтелей, повивальная бабка подтвердила только то обстоятельство, что челобитчица во время нахожденія ея дочери въ бани отвязала отъ креста только мошеночку съ деньгами по приказу своей дочери, которая велѣла

находящіеся тамъ деньги отдать по смерти ея нищимъ въ богадѣльню. Глинскаго посаду священникъ Максимъ показалъ, что покойная жена Янкина во время исповѣди ея приказывала въ случаѣ ея смерти продать только три ея приданыя шубки. Относительно же спора о приданомъ, бывшаго между челобитчицей и отвѣтчикомъ по погребеніи Парасковьи Янкиной, свидѣтель показалъ согласно священнику Рождественской церкви Якову. А этотъ послѣдній заявилъ, что послѣ обѣда Ѳедоръ Янкинъ, „призвавъ ихъ священниковъ въ сѣни и съ прочими сродниками, вынесъ изъ клѣти коробью съ женскими шубками и иною мелочью, которую разбирали и разсматривали съ тещой, и при этомъ осмотрѣ между ними учинился споръ, и Янкинъ заявилъ, что теща обнесла его Ѳедора портнами и рубашками; на что̀ теща отвѣчала, что она хотя брала рубашки для мытья, во время беременности дочери, но возвратила ихъ обратно, а портенъ не брала; теща же его, взявъ изъ коробьи красный кокошникъ съ галуномъ, бросила дочери своей Ѳедорѣ и говорила, что тотъ кокошникъ ея. Мать умершей говорила свидѣтелю, что покойная ея дочь велѣла тафтяной спорокъ съ шубки отдать по душѣ своей въ поминовеніе въ Рождественскую церковь для перешивки на дьяконскій стихарь; но онъ священникъ такого не получалъ, а получилъ только отъ тещи въ поминовеніе по дочери деньгами полтину. Зять челобитчицы, по погребеніи его жены, сулилъ дать въ поминовеніе по душѣ его жены ему священнику съ дьякономъ рубль денегъ, но ничего не далъ и сказывалъ имъ, что при смерти его жена велѣла ему отдать съ каразейной шубки серебряныя пуговицы имъ священникамъ Максиму и Якову пополамъ на раздѣлъ, и послѣ того отговорилъ, что онъ тѣ пуговицы всѣ отдаетъ одному священнику Максиму, а ему въ то число, за пуговицы, дастъ деньгами; однако ничего ему и причетникамъ не далъ„.

Свидѣтельница вдова Афимья Ростовцева дала такое показаніе: „Какъ де челобитчицыну дочь погребши и отобѣдали, и по обѣдѣ у Ѳедора съ челобитчицей учинился крикъ, и въ томъ крику Ѳедоръ являлъ всѣмъ людямъ, что теща его Пелагія его Ѳедора разорила и обнесла приданое дочери своей и его пристрою всякіе пожитки портна и рубашки, и къ тому де теща его Ѳедорова гово-

рила, что де портенъ и полотна она изъ дому его никогда ни для чего не вынашивала, а рубашки до смерти дочь ея отдала мыть, а кому именно, того она не говорила, и гдѣ де тѣ рубашки, про то она не знаетъ, а при осмотрѣ только въ коробьи явилось двѣ рубашки да двои рукава женскіе и два треушка и иная женская мелочь, и разбирая де она Пелагія, взявъ себѣ отъ мелочей въ руки, показавъ зятю своему, говорила: „это де не его ль зятне“, и то чинила не однова, и зять де ея, иное изъ рукъ выхватя, въ коробью жъ и бросалъ, а иное и себѣ теща его за пазуху клала, а что она объявляла и зять у ней изъ рукъ выхватилъ и за пазуху она клала, про то подлинно сказать—не знаетъ, потому что она человѣкъ старой и стояла отъ нихъ одаль, а дѣтскую рубашку взявши, она Пелагія изъ коробьи и отдала дочери своей Ѳедоры и ту коробью она челобитчица заперла и запечатала своею печатью, а ключъ взяла къ себѣ и ту коробью снесла и положила въ клѣть.

По выслушаніи свидѣтелей по этому дѣлу, была составлена выписка постановленій изъ Кормчей книги и гражданскихъ узаконеній о наслѣдованіи имѣнія послѣ умершаго супруга, оставившаго дѣтей: Кормчая, въ законѣ, Богомъ данномъ Моисею, глава 45, листъ 364 на оборотѣ [1]); Закона градскаго, грань 1, гл. 49, листъ 459 на оборотѣ [2]); Леона царя и Константина гл. 8, листъ 498 на оборотѣ [3]),

---

[1]) „Рече Господь къ Моисеови, къ сыновомъ Израилевымъ, да речеши глаголя: человѣкъ, аще умретъ, и сына не будетъ у него, да возметъ наслѣдіе его дщи его. Аще же не будетъ у него дщери, да дастъ я наслѣдіе брату его. Аще же не будетъ у него брата, да дасте часть брату отца его; аще ли не будетъ брата отца его, да дасте наслѣдіе ужицы его, или ближнему его отъ племене его причастити я“.

[2]) „Егда скончается мужъ или жена безъ завѣта, ни единаго же отъ восходящихъ и нисходящихъ или отъ сущихъ отъ страны, или законнаго, или роднаго не имѣста наслѣдника, тогда мужъ во все цѣло жены своея призывается наслѣдіе; и жена мужа своего да пріемлетъ“.

[3]) „Аще ли ключится женѣ безъ дѣтей преже мужа умрети, четвертую часть то: чію отъ всего, якоже речено есть; исповѣданаго отъ нея пристроя въ своемъ пріобрѣтеніи удержати ему, и прочее полчетвертыя части таковаго пристроя къ наслѣдникомъ вдати конечнаго ея обѣщанія, или къ несовѣщаннымъ нарицаемымъ ея наслѣдникомъ отдати“.

листъ 505, статья 5 [1]); указъ великого государя—Соборное Уложеніе глава 17, статья 15 [2]).

На основаніи этихъ постановленій, архіепископъ Рафаилъ написалъ резолюцію: „челобитчицѣ отказать отъ дѣла, а пожитки всѣ матерніи отдать наслѣднику съ роспискою".

Послѣ сего была потребована въ духовный приказъ отъ Янкина коробья съ приданымъ и заведеннымъ имъ имуществомъ покойной его жены; осмотрѣно содержавшееся въ коробьѣ имущество, и составлена ему опись, а отъ матери умершей истребованъ кокошникъ по обьяри золотной, низанный жемчугомъ. Коробья съ имуществомъ отдана зятю челобитчицы, а кокошникъ самой челобитчицѣ, въ наслѣдіе сыну перваго, а внуку второй и „малолѣтнему Ивану до возраста его въ сохраненіе".

Было уже упомянуто, что въ нашемъ краѣ издавна, со временъ Новгородскаго владычества [3]) до 1831 года, вслѣдствіе участковаго владѣнія землями, существовалъ обычай давать въ приданое земли. Объ этомъ обычаѣ мы собрали подробныя свѣдѣнія, какъ изъ преданій народныхъ, такъ и изъ письменныхъ источниковъ, и излагаемъ здѣсь эти данныя цѣликомъ. Считаемъ тѣмъ болѣе необходимымъ это сдѣлать, что старый обычай готовъ воз-

---

[1]) „Завѣту же речено бысть отнюдъ бывающу—аще родителя своя имѣютъ присная чада, и едино отъ нихъ оставятъ безъ памяти, да разсудятъ послуси тая; и аще многажды обрящутся укоривше родителя, или ино что на устрашеніе ею показавше, да пребываетъ недвижно родителю уставленіе. Аще ли по сотвореніи завѣта родится има чадо, рождьшуся ему единому, прощеніе убо и благословеніе, съ таковымъ завѣтомъ да держать силу, рождьшее же ся да внидетъ съ прочею братіею и да наслѣдуетъ".

[2]) „А будетъ послѣ которого умершого останутся дѣти, а братія ихъ или сестры учнутъ обидить ихъ, и отцова или матерня имѣнія учнутъ ихъ отлучать, и тѣмъ умершаго дѣтемъ имѣнія отца ихъ или матери раздѣлити по жеребьямъ, всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ.

„Да въ прошломъ во 137 году, блаженныя памяти великій государь святѣйшій Филаретъ Никитичь, патріархъ Московскій и всея Руси, указалъ вотчины родовые и за службы даные отдавати вотчичамъ дѣтемъ сыну, а будетъ умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ".

[3]) Акты юрид., стр. 39, 40, 144.

родиться вновь между крестьянами, съ выкупомъ ими земель, какъ можно убѣдиться изъ примѣра, указаннаго выше (см. рядную № 13).

„Теперь такихъ *приданницъ* нѣтъ, какія были прежде, до перваго дѣлу“, говорилъ мнѣ одинъ старикъ-крестьянинъ изъ Мезенскаго уѣзда,—„прежде которыя *останицы* имѣли свою деревню и домъ, тѣ принимали себѣ мужей или сами шли съ деревней и назывались *деревенщицами;* теперь деревенщицъ нѣтъ“. Другой крестьянинъ, Холмогорскаго уѣзда, передавалъ такой случай: „Богоявленскаго Ухтострова съ погосту крестьянинъ Антоновъ давалъ дочь за крестьянина Палехова, Гольцевской деревни; при сватовствѣ, между другими вещами, просили у него въ приданое *чебакъ* (женская мѣховая шапка), а у него чебака не было; такъ онъ отдалъ поле: На-те вамъ поле, вмѣсто чебака, сказалъ онъ. И нынче то поле по этому случаю называется чебакомъ“. Крестьянинъ Нечаевъ, изъ Быстрокурьи, сообщилъ слѣдующее: „Не однѣ останицы получали въ приданое земли. Бывало и такъ, что дочери, по раздѣлу отца, доставалась земля на ряду съ сыномъ; иногда родители давали дочерямъ даже лучшія земли, нежели сыновьямъ. Если братья сами дѣлились по смерти отца, то они сестрамъ не давали земли, а обязывались сестру скрутить и выдать замужъ. А тѣ сестры, которыя получали земляные участки отъ родителей, иногда продавали свои земли братьямъ или сосѣдямъ, часто предпочитая послѣднихъ, если боялись, чтобы братья не обмацули ихъ. Иногда дѣвушки вовсе не продавали земли, а *уносили* ее не только въ сосѣднія деревни, но и въ другія волости и даже въ сосѣдній уѣздъ“. То же замѣчаетъ и священникъ Дьячковъ о жителяхъ селенія Лямицы, Онежскаго уѣзда, говоря: „Прежде выходящая въ замужество даже и изъ сосѣдней деревни невѣста переводила съ собой землю (сѣнокосную) на правахъ приданаго; но нынѣ этого нѣтъ“. Даже въ 40-хъ годахъ одному бывшему окружному начальнику приходилось, по его словамъ, разбирать въ Архангельскомъ уѣздѣ дѣла между крестьянами о земляхъ, перешедшихъ, въ видѣ приданаго, изъ одного селенія въ другое. Крестьяне, разумѣется, старались, въ особенности въ послѣднее время, о томъ, чтобы земли не выходили изъ предѣловъ своихъ селеній, и говорили, ворча

на женщинъ, которыя уходили съ землей въ другія селенія: „Она уйдетъ и землю унесетъ, лучше бы ее у себя оставить; развѣ жениховъ у насъ нѣтъ“. Оттого и пословица пошла: „*земля съ собой не носится*“. „А что земля уносилась, на это вотъ и примѣры вамъ“, говорилъ крестьянинъ Нечаевъ;—„въ дальнемъ колѣнѣ былъ у насъ родственникъ Артемій Черняевъ, который имѣлъ сына и дочь; когда онъ началъ давать дочь замужъ, то раздѣлилъ землю поровну между нею и сыномъ, при чемъ далъ въ надѣлокъ ей лучшую часть, безъ асоту. Дочь Артемія Черняева вышла замужъ за крестьянина Сорванова и унесла землю въ родъ Сорвановыхъ. Сынъ же Артемія, Ѳедоръ женился на моей бабкѣ, которая вскорѣ осталась вдовою. Тогда Артемій Черняевъ усыновилъ себѣ моего дѣдка Нечаева и женилъ на своей невѣсткѣ, вдовѣ, съ которой перешли къ намъ и земли Черняевскія. Такимъ способомъ, мы остались на корню, а тетка Сорванова ушла и землю унесла; этою землею и теперь владѣютъ ея дѣти, по надѣлу. А то еще былъ случай въ селѣ Быстрокурьѣ. У крестьянина Антонова была дочь осталица; она получила въ приданое поля и сѣнокосную землю. Когда она выходила замужъ въ деревню Паленьгу, Пинежскаго уѣзда, за крестьянина Костина, то передъ свадьбою заложила моему дѣдку деревню въ 50 руб., а послѣ уже, по выходѣ въ замужество, продала ее дѣдку въ вѣчное владѣніе, получивъ еще 50 руб. И теперь эта земля находится у насъ по раздѣлу и называется Афимьинской, по имени продавицы Афимьи. Земля, унесенная въ другое селеніе, записывалась въ веревную книгу, и такимъ способомъ перечислялась туда, ибо *веревна́* (то-есть, веревная книга) имѣла силу. У насъ въ Быстрокурьѣ у Комаровыхъ была пожня; когда дочь ушла замужъ въ село Чухчерьму, то записала ту пожню, доставшуюся ей въ приданое, въ веревную книгу, и пожня стала Чухчеремска навсегда; оттого и черезполосность пожней между селеніями. „Прежде“ заключилъ свой разсказъ крестьянинъ Нечаевъ, „давались на землю передаточныя записи отъ женъ мужьямъ, а не то женихи даже прежде брака заключали условія съ осталицами или съ родителями о приданой землѣ и требовали, чтобы родственники подписались; другимъ невѣстамъ съ деревней женихи даже давали деньги на свадьбу“.

Надобно полагать, что и въ прежнее время, какъ теперь, существовала значительная разница въ правахъ относительно приданого мужей, бравшихъ женъ къ себѣ въ домъ, или шедшихъ въ домъ жены; права первыхъ всегда ограниченнѣе, нежели послѣднихъ. Но и въ первомъ случаѣ особые договоры расширяли эти права, тогда какъ во второмъ суживали ихъ. То же самое относится и къ земельному приданому. Мы имѣемъ немало свидѣтельствъ о томъ, что жена, шедшая въ домъ мужа, свободнѣе распоряжалась своею землей, нежели жена принимавшая животника. Иногда жены сами продавали земли, только по согласію съ мужемъ. Такъ, въ сговорной записи 10-го іюля 1758 года, о продажѣ приданой земли крестьянскою женой, Волокопинежскихъ волостей, Нижнопаленской деревни, Евфиміей Костиной крестьянину Быстрокурской волости Митрофану Нечаеву написано, что „Ермила Тимофѣева сына Костина жена его Евфимія Степанова дочь *по совѣту съ мужемъ своимъ* Ермиломъ дали сіе сговорное письмо Быстрокурской волости крестьянину Митрофану Григорьеву сыну Нечаеву въ томъ, что продали *я Евфимія и съ мужемъ своимъ Ермиломъ* ему Нечаеву владѣнія своего, *я* Евфимія отца своего статковъ, бывшаго Стеоана Ѳоминыхъ, а я Ермилъ остатковъ тестя своего, въ ихъ же Быстрокурской волости поле орамой тяглой земли званіемъ Ручьевое..... а продали *мы Евфимія съ мужемъ своимъ* Ермиломъ то вышеписанное владѣніе ему Нечаеву въ вѣкъ и вдернь безъ выкупа, а цѣны ряди мы Евфимія съ мужемъ своимъ Ермиломъ за то свое вышеписанное владѣніе семдесятъ рублевъ денегъ, а деньги приняли при семъ сговорномъ письмѣ всѣ вручъ безъ остатка“. Изъ дѣла Холмогорской Нижней Расправы 1781 года объ отдачѣ крестьянской женкѣ Кузнецовой, Ухтостровской волости, на выкупъ земли, проданной ея сестрою крестьянамъ Кузнецовымъ, видно, что крестьянская жена Старопопова сама продала доставшійся ей въ приданое земляной участокъ. Вотъ содержаніе этого дѣла. Въ 1758 году крестьянинъ Кузнецовъ завѣщалъ свои земли двумъ роднымъ дочерямъ и женѣ; одна изъ нихъ была выдана замужъ за крестьянина Поташева съ принятіемъ его въ домъ, другая за крестьянина Старопопова Волокопинежской волости, Пильегорской деревни, Пинежскаго уѣзда. По словамъ Поташевой, Старопопова въ 1772 году,

при вервленіи земель, отдала ей въ вѣчное владѣніе пожню осоты въ клочкахъ на пять волоковыхъ кучъ, а потомъ ту же пожню продала за пять рублей троюродному брату Кузнецову, съ приписью пятнадцати рублей, почему просила расправу предоставить ей право выкупить ту пожню за 5 руб. Старопопова же показала, что сестра ея Поташева завервила пожню, данную ей отцомъ въ поминовеніе души, подъ свое тягло, подъ имя своего свекра, назвавъ ложно собственною своею, почему ежегодно и уродившееся сѣно они снимали и тѣмъ тягломъ прикрывались отъ бобыльскаго окладу; поэтому она неоднократно предлагала Поташевой купить присвоиваемую ею пожню, но та, пообѣщавъ, послѣ долгой проволочки времени, отказалась; тогда она въ 1780 году отступила пожню троюроднымъ братьямъ Кузнецовымъ, съ условіемъ, чтобъ они ежегодно давали ей на пропитаніе по пяти рублей. Холмогорская нижняя расправа, находя, что Старопопова владѣла пожнею по духовному завѣщанію отца до 1762 года, слѣдовательно, до публикаціи манифеста 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель, признала право Старопоповой на землю, съ такимъ заключеніемъ: „Хотя она Старопопова по жительству своему принадлежитъ другому селенію, но полюбовною отдачей поступилась свою пожню ближайшимъ по линіи родственникамъ, яко въ свой родъ; почему имъ Кузнецовымъ и владѣть пожнею, а Поташевой отказать".

1810 г. февраля 15-го, крестьянская жена Моржегорской волости Варвара Выдрина, имѣя мужа, который „оставилъ ее во всемъ сиротствѣ", то-есть, заставилъ нищенствовать, сама поступилась своимъ приданымъ земельнымъ участкомъ зятю своему и родной сестрѣ, съ полученіемъ отсыпи, съ тѣмъ чтобы мужу ея Ѳедору Выдрину и дочери не вступаться въ тотъ участокъ.

Бывали даже случаи, что женщины, принимавшія къ себѣ въ домъ мужей изъ другихъ деревень, завѣщали свои земли дѣтямъ своимъ, помимо мужей. Такъ, въ 1769 году октября 1-го, Моржегорской волости крестьянка Ксенія Выдрина написала въ своей духовной росписи, что „отказала отца своего и дѣда деревенскій участокъ дѣтямъ своимъ Ивану, Анисіи и Аннѣ.... а ежели Господь Богъ изволитъ и дѣти мои помрутъ, то деревенскій участокъ въ церковную казну къ церкви Богоотецъ Акима и Анны отдать, а

мужу моему Якову пожилыя деньги погодныя отдать изъ церковной казны".

Если жены животниковъ умирали вскорѣ послѣ брака, то зятья, принятые въ домъ родителями жены, часто не пользовались никакимъ приданымъ, не говоря уже о землѣ. Для обезпеченія себя въ этомъ случаѣ, они заключали съ членами прежней своей семьи, напримѣръ, съ братьями, сговорныя полюбовныя письма, въ которыхъ отказывались отъ своей доли въ имуществѣ отца, съ условіемъ получить только въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ и кое-какія вещи, при чемъ присовокупляли оговорку въ родѣ слѣдующей: „а ежели, паче чаянія, судьбой Божіей, у меня Якова нынѣ вскорѣ и до ревизіи жена моя помретъ, то принять тебѣ Ивану меня Якова въ домъ свой безпрепятственно" (1811 г. февраля 2-го); или: „а если, паче чаянія, до истеченія трехъ лѣтъ жена у Ивана помретъ, и онъ у тестя жить не захочетъ, то брату Ѳедору принять его на отцовское движимое и недвижимое имѣніе обратно, съ тѣмъ чтобы онъ и пожилые, слѣдующіе съ Харитонова (тестя) за каждый годъ по 100 руб. и весь надѣлокъ взнесъ брату Ѳедору" (1816 г. февраля 12-го).

Чаще же зятья-пріемыши обезпечивали свои права на приданую землю и другое имущество вполнѣ, такъ что, даже женившись вторично, они не утрачивали своихъ правъ на имущество, пришедшее съ первою женой; напримѣръ, въ полюбовномъ согласномъ письмѣ крестьянина Чулченемскаго села деревни Кенискои Егора Ваганова, заключенномъ въ 1810 г. января 22-го съ крестьяниномъ Буяковской деревни, Василіемъ Баюновымъ и Афимьей Баюновой, первый, женившійся на дочери послѣдней и пришедшій къ нимъ въ домъ, выговорилъ себѣ права такъ: „а ежели у меня Егора законная жена моя Марья, не доживъ вѣку, умретъ, а дѣтей никого не останется, то вольно ему Ваганову въ наши пожитки понять другую жену, а намъ ни въ чемъ не препятствовать. Въ другомъ пріемномъ письмѣ 1826 года февраля 9-го, крестьянской вдовы Галушиной, принявшей зятя къ своей дочери на все движимое и недвижимое имущество, оговорено: „буде дочь моя помретъ, хотя и дѣтей не останется, но онъ, зять мой Кириловъ, на все то же самое имущество имѣетъ полное право (хотя бы пожелалъ) жениться на другой женѣ".

Въ 1747 году крестьянинъ Сійской волости, Хоробрицкой деревни, Ваймугинъ, принявшій въ 1741 году въ свой домъ къ дочери зятя Ивана Трескина, поступился ему „и дочери своей Агафьи и внуку Василью деревенскимъ своимъ участкомъ", съ облзательствомъ поить и кормить его Ваймугина, при чемъ устранялъ племянника и другихъ родственниковъ отъ притязаній на тотъ участокъ. Съ женой своею, дочерью Ваймугина, Трескинъ жилъ 35 лѣтъ и имѣлъ нѣсколько сыновей, которые при его жизни померли. Оставаясь въ домѣ своей первой жены, Трескинъ, послѣ ея смерти, вступилъ во второй бракъ, отъ котораго также имѣлъ дѣтей. Пользуясь землей, доставшейся отъ первой жены, онъ въ то же время имѣлъ *прародную* землю въ Емецкомъ селеніи, въ которомъ былъ записанъ въ ревизію. Выборные Хоробрицкой деревни писали въ 1793 году, что „Ивану Трескину владѣть тою землею въ ихъ деревнѣ не принадлежитъ, такъ какъ онъ владѣетъ ею безъ родства, ибо у него отъ первой жены дѣтей ни мужеска, ни женска пола нѣтъ, и онъ женился на другой, да у него, кромѣ той, чрезвычайно много земли, и по ревизской сказкѣ записанъ въ Емецкомъ селѣ, гдѣ имѣетъ землю, также хлѣбъ и сѣно продаетъ повсягодно по Емецку". Не смотря на это представленіе, Холмогорская нижняя расправа не отобрала земли отъ Трескина, основываясь на томъ, что онъ жилъ въ Хоробрицкомъ селеніи и владѣлъ землею въ теченіе 46 лѣтъ, притомъ же и родственники первой его жены, Ваймугины не вступались въ эту землю.

Свѣдѣнія эти мы заимствовали изъ дѣла Холмогорской нижней расправы, производившагося въ 1793 году о присвоеніи крестьяниномъ Рудаковымъ земли, принадлежащей крестьянину Ваймугину. Вотъ еще четыре дѣла той же расправы и уѣзднаго суда, знакомящія насъ съ обычаями относительно земельнаго приданаго.

Въ 1785 году крестьянинъ Хаврогорской волости Данило Марковъ подалъ въ Холмогорскую нижнюю расправу прошеніе слѣдующаго содержанія: „Назадъ тому минуло лѣтъ 40 съ годомъ, какъ я, нижайшій, понялъ себѣ въ жену Хаврогорской волости, деревни Епифановской, умершаго крестьянина Ѳедора Бушкова дочь, Парасковью. При взятіи ея въ замужество были въ живыхъ теща моя Ульяна и дочь

ея малолѣтняя Анна; и имѣлъ я, нижайшій, съ помянутою моею тещею договоръ, чтобъ мнѣ, нижайшему, по вступленіи въ означенное супружество, владѣть какъ въ хоромномъ строеніи, такъ и въ деревенскомъ участкѣ, котораго всего состоитъ 82 сажени и 4 чети, а другою половиною владѣть помянутой малолѣтней моей свойкѣ, а тещѣ съ моей стороны давать на пропитаніе ржи и жита, по половинѣ, 6 мѣръ, на корову сѣна и по два овина соломы въ годъ, притомъ довольствовать обувью и одеждою; когда же помянутая свойка моя вздумаетъ итти замужъ, то отъ меня, нижайшаго, деревенскаго участка другимъ постороннимъ, кромѣ меня, во владѣніе не отдавать. А какъ помянутая теща умерла, свойка моя Анна, будучи въ возрастѣ, того жь года вышла въ замужество той же Хаврогорской волости за крестьянина Михайла Григорьева, и половинный свой участокъ взяла во владѣніе къ себѣ и съ помянутымъ крестьяниномъ въ супружествѣ жила 14 лѣтъ, а въ прошломъ 783 году померла. Оная жь, свойка моя, до смерти своей, будучи въ болѣзни, вышеупоминаемой деревенскій участокъ чрезъ духовное писмо отказала племяннику своему, а моему сыну Василью. Но помянутый крестьянинъ Григорьевъ послѣ смерти своей жены, а моей свойки, деревенскимъ участкомъ владѣетъ сильно, меня, нижайшаго, написаннаго на тотъ участокъ тремя ревизскими душами, ко владѣнію не допущаетъ". Вслѣдствіе этого Марковъ проситъ расправу отобрать участокъ отъ Григорьева и возвратить ему. Но прежде, нежели расправа разсмотрѣла это дѣло, тяжущіеся добровольно помирились между собою; „снискавъ въ сердцахъ своихъ правду". Въ мировой ихъ между прочимъ сказано: „Хотя я, Григорьевъ, деревенскимъ участкомъ послѣ жены 2 года владѣлъ, но какъ послѣ жены моей наслѣдниковъ никого не осталось, а у свояка моего Маркова имѣются дѣти, поэтому я и поступаюсь свояку участкомъ, съ тѣмъ чтобы онъ отдалъ по душѣ жены моей, а его своячины, въ Соловецкій монастырь въ поминовеніе 2 руб. 50 коп. [1]).

Иногда землями, данными въ приданое, завладѣвали свекры,

---

[1]) См. дѣло Холм. нижней расправы объ отобраніи отъ крестьянина Григорьева деревенскаго участка и отдачѣ онаго Маркову 1785 г., по описи № 30.

устранивъ отъ владѣнія невѣстку и своего сына. Крестьянинъ Кривецкой волости Иванъ Масловъ подалъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ прошеніе: „Назадъ тому времени минуло лѣтъ 20, какъ выдалъ я именованный свою дочь въ замужество той же волости и деревни своей Горничевской за крестьянина Степана Ѳедотова сына Маслова, Парасковью, съ которой и дано было въ награжденіе во владѣніе опому зятю сѣвчей земли разсѣвомъ ячменя на двѣ мѣры, сѣннаго покосу на 30 кучь, а по веревной книгѣ состоитъ 10 сажень, съ таковымъ условіемъ, чтобы ему Степану давать мнѣ на пропитаніе хлѣба ржи 4 четверика, ячменя 6 четвериковъ да на харчи и обувь по рублю на каждый годъ, но означенный мой сватъ Ѳедотъ помянутаго моего зятя, а своего сына, Степана отдалъ за деньги, крестьянину Семену Нифантову для отдачи въ рекруты за семейство его Нифантова, назадъ тому минуло лѣтъ десять, послѣ же его дѣтей никого не осталось, а осталась только жена его Парасковья, а моя дочь, которой онъ отъ хлѣба отказалъ 1794 года, а награжденною мною землею съ дочерью Парасковьею владѣетъ и мнѣ еще по письменному договору 1780 года іюля 20-го дня слѣдуемыхъ еще не заплатилъ за 15 лѣтъ 15-ти рублей; и нынѣ оная моя дочь скитается и пропитывается мірскимъ подаяніемъ, да и онъ же ей по письменному условію съ 1794 года по три четверика ржи и ячменя на годъ не отдаетъ“. Поэтому Масловъ просилъ судъ изъ владѣнія своего свата: „за отдачею въ рекруты сына своего Степана, а моего зятя, награжденную землю съ дочерью Парасковьею мнѣ во владѣніе по прежнему возвратить и съ его взыскать за шесть годовъ слѣдуемыхъ моей дочери Парасковьи по учиненному условію по три четверика ржи и ячменя или что̀ слѣдуетъ, по нынѣшней цѣнѣ деньги, а равно и мнѣ по письменному договору за владѣніе тою землею еще и не доплаченныхъ 15 рублей“. Холмогорскій уѣздный судъ, вслѣдствіе этой просьбы, предписалъ земскому суду, если просьба истца справедлива, то землю немедленно отобрать отъ отвѣтчика и „отдать въ полное Ивана Маслова владѣніе, какъ оная есть и была ему собственно принадлежащею, а ему, Ѳедоту, какъ уже у него сына нѣтъ, а отданъ имъ въ рекруты и дѣтей никого не осталось, ни почему не при-

надлежитъ, также и на счетъ хлѣба и денегъ удовлетворить просителя“ [1]).

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда 1800 г. о неправильномъ отводѣ отъ крестьянина Курейской волости Спиридона Юрьева исправникомъ Ивановымъ земли съ насѣяннымъ хлѣбомъ двоюродной сестрѣ Аннѣ Пискуновой видно, что родственники жены иногда отбирали себѣ земли, оставленныя родителями жены зятю и наслѣдникамъ, даже при дѣтяхъ мужскаго пола. Крестьянская вдова Анна Пискунова, на требованіе суда, дала показаніе, что отецъ ея кречатной, помытчикъ Курейской волости Никифоръ Юрьевъ, жительство имѣлъ въ деревни Гавриловской въ собственномъ своемъ домѣ вообще съ братомъ своимъ Андреемъ не въ раздѣлѣ, и какъ у отца ея мужескаго поколѣнія дѣтей не было, опричь ея и другой сестры Аксеньи, то отецъ ея, при жизни еще своей, принялъ въ домъ въ мужа ей, Анны, той же волости деревни Ботовской, крестьянина Ивана Пискунова, который и переѣхалъ изъ Ботовской деревни съ матерью своей, а ей свекровкою, въ домъ тестя, въ которомъ и занималъ мѣсто хозяина въ распахиваніи земель, а отецъ ея былъ въ то время боленъ и отдалъ мужу ея принадлежащую ему отъ брата его часть земли какъ пашенной, такъ и сѣнокосной, 16 сажень, на которую и духовную далъ; по умертвіи же отца ея, выдала она сестру свою Аксенью въ Быстрокурскую волость, и по выдачѣ жили всѣ вообще, какъ она съ мужемъ и свекровью, такъ съ дядей своимъ Андреемъ и двоюроднымъ братомъ Спиридономъ, а землею владѣли все тоже вообще и проживали до случившагося въ ихъ деревни пожара, а въ которомъ году, показать не знаетъ, а только знаетъ, что до пожару въ мѣстномъ домѣ жили 19 лѣтъ, гдѣ тогда уже дяди ея Андрея въ живыхъ не было, и раздѣлились съ братомъ двоюроднымъ Спиридономъ Юрьевымъ по разной постройки домовъ, а данная мужу ея духовная въ случившійся тогда пожаръ сгорѣла, но послѣ пожара еще владѣли тою землею 17 лѣтъ, а въ 1792 году по небытію въ домѣ двухъ сыновей ея и невѣстки, которые находи-

[1]) Дѣло Холмогорскаго уѣзд. суда о возвращеніи крестьянину Ивану Маслову отъ Ѳедота Маслова насильно завладѣнной имъ земли 1800 г. № 240.

лись въ отлучкѣ въ С.-Петербургѣ, и когда мужа ея въ живыхъ уже не было, Спиридонъ Юрьевъ оною землею завладѣлъ, а по какому повелѣнію или отводу—она не знаетъ; съ мужемъ своимъ она жила 30 лѣтъ, а безъ мужа живетъ 15 лѣтъ, а хотя у мужа ея и была въ деревни Ботовской земля, посѣву на полторы мѣры, а какъ онъ изъ той деревни вышелъ въ домъ отца ея, то по отдаленности и малоимѣніи земли той и продалъ ее крестьянину Ивану Ильину. Двѣнадцать человѣкъ крестьянъ подтвердили, что дѣйствительно Никифоръ Юрьевъ съ женою своею, по неимѣнію у нихъ мужскаго пола дѣтей, взялъ въ домъ свой къ дочери Аннѣ въ мужья, крестьянина Ивана Пискунова на такомъ положеніи, чтобъ ему Пискунову всѣмъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, при нихъ и по ихъ смерти, владѣть и управлять, а по смерти его наслѣднику его и всему потомству вѣчно. Крестьянинъ же Спиридонъ Юрьевъ, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ 1800 году въ Холмогорскій уѣздный судъ, писалъ, что „въ 1792 году мірское наше общество отвело родственную мнѣ во владѣніе пашенную и сѣнокосную землю, состоящую въ деревнѣ Гавриловской, владѣемую прежде сего сестрою двоюродною Анной Никифоровой дочерью, которая выдана была деревни Ботовской, состоящей отъ нашей въ шести верстахъ, за крестьянина Ивана Пискунова, и по смерти его осталось два сына, и оную землю запустили, каковую, по отдачѣ мнѣ обществомъ, возстановилъ своими трудами и владѣлъ до сего году, оплачивая съ ней какъ государственныя подати, такъ и прочіе мірскіе расходы бездоимочно; а сего года въ маѣ мѣсяцѣ за отлучкою моею для промыслу рыбы въ море, не знаю съ какого повелѣнія земскій исправникъ Ивановъ отвелъ оную землю паки означенной сестрѣ двоюродной Аннѣ Никифоровой, перешедшей въ нашу деревню на подворье“; поэтому Юрьевъ просилъ судъ признать землю за нимъ, какъ родовую. Какъ бы рѣшилъ уѣздный судъ это дѣло, положительно не извѣстно, такъ какъ и оно, и другія дѣла между крестьянами о земляхъ, на которыя не было особливыхъ дачь и законныхъ крѣпостей, были, вслѣдствіе предложенія губернскаго прокурора, производствомъ вовсе прекращены. Но можно полагать, основываясь на другихъ рѣшеніяхъ уѣзднаго суда, что судъ оставилъ

бы эту землю за Пискуновою, такъ какъ она владѣла ею 36 лѣтъ, въ томъ числѣ 10 лѣтъ до изданія манифеста 20-го октября 1765 года о генеральномъ размежеваніи земель и межевой инструкціи 1766 года. Обыкновенно судъ въ своихъ рѣшеніяхъ о спорныхъ земляхъ придерживался буквально 4-го пункта манифеста 1765 года, въ которомъ сказано: „Никому какъ владѣльцамъ и городамъ, такъ и однодворческимъ и прочимъ всякаго безъ изъятія казеннаго вѣдомства селамъ, слободамъ и деревнямъ отнюдь не распространять отнынѣ владѣнія земель своихъ за тѣ границы, въ которыхъ публикація сего манифеста каждаго застанетъ, кромѣ особливыхъ на то указовъ, покупокъ и другихъ указныхъ дачъ или полюбовныхъ раздѣловъ, но паче всякому оставаться въ прежнихъ предѣлахъ, ожидать спокойно государственнаго размежеванія".

Въ вышеупомянутой межевой инструкціи 1766 года есть между прочимъ двѣ статьи, относящіяся до поземельнаго приданаго у черносошныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Тамъ положительно сказано, что земель, оставшихся послѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ, на которыхъ они въ подушный окладъ положены, между наслѣдниками и женами на части не дѣлить и за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ другихъ селеній, не отдавать, а оставлять при тѣхъ селеніяхъ, къ которымъ оныя примежеваны будутъ (пунк. 8), и если послѣ которыхъ государственныхъ крестьянъ сыновей не останется, а останутся дочери и выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, которые пожелаютъ жить на земляхъ, принадлежавшихъ умершимъ, то земли сіи отдавать оставшимся послѣ крестьянъ дочерямъ и ихъ мужьямъ, а земли, бывшія за такими, вступившими въ бракъ, крестьянами въ селеніяхъ, къ которымъ они принадлежали, оставлять въ пользу прочихъ жителей тѣхъ селеній (пунк. 9) [1]). Этотъ законъ на практикѣ часто обходился даже судебными мѣстами, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше дѣлъ, въ особенности изъ дѣла 1793 г. между крестьянами Вайкугинымъ и Рудаковымъ, и обычай уносить земли существовалъ до

---

[1]) Исторія Росс. гражд. законовъ, *Неволина*. Спб. 1858 г., ч. II, кн. 2, стр. 311.

1831 года, не смотря на то, что онъ иногда встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны мірскихъ обществъ. Другой обычай, воспрещенный приведенною статьей межевой инструкціи, отдавать въ приданое крестьянскія тяглыя земли за дочерями, выходящими въ замужество за людей другого званія, также существовалъ на практикѣ долго послѣ обнародованія инструкціи; но противъ него были принимаемы болѣе строгія и рѣшительныя мѣры, какъ мы увидимъ изъ нижеслѣдующихъ судныхъ дѣлъ.

Въ дѣлѣ о владѣніи Архангельскими и Холмогорскими купцами и мѣщанами деревенскими участками, производившемся въ Холмогорской нижней расправѣ въ 1791 году, упоминаются четыре лица не крестьянскаго сословія, владѣвшія тяглыми землями, полученными ими или ихъ предками, въ видѣ приданаго, отъ крестьянъ. Объ этихъ земляхъ тамъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: Архангелогородскій мѣщанинъ Худяковъ, по собственному показанію, получилъ по духовной, составленной въ 1753 году, отъ роднаго дѣда по матери, Холмогорской округи, Борисоглѣбской Матигорской волости, крестьянина Ѳедота Тархова, земляной участокъ въ той же волости и владѣлъ имъ слишкомъ тридцать лѣтъ, но 1786 году той же волости крестьянинъ Михайло Тарховъ, который его дѣду Ѳедоту будетъ племянникъ двоюродный, завладѣлъ его природнымъ участкомъ, чрезъ что нанесъ ему нестерпимую обиду.“ По словамъ же Михайла Тархова, онъ отобралъ упомянутый участокъ отъ Худякова, какъ ближайшій наслѣдникъ, и потому еще, что Худяковъ, состоя мѣщаниномъ, не долженъ пользоваться крестьянскими землями, тѣмъ болѣе, что жена его, Худякова, выдана была Ѳедотомъ Тарховымъ въ замужество съ хорошимъ надѣлкомъ.

При производствѣ дознанія по настоящему же дѣлу о земляхъ, владѣемыхъ купцами и мѣщанами, у Архангельскихъ мѣщанъ Михайла и Ивана Ѳедоровыхъ Пругавиныхъ оказалась во владѣніи земля въ Борисоглѣбской Матигорской волости, на которую они не могли представить документовъ; но изъ находящагося при дѣлѣ духовнаго завѣщанія Холмогорца, посадскаго человѣка Ивана Пругавина, составленнаго въ 1719 году видно, что она досталась ему въ видѣ приданаго за женой его, крестьянкой Матигорскаго селенія, и при смерти Пругавина была завѣщана ей же. „А что есть

Божія милосердія святыхъ иконъ", сказано въ завѣщаніи, „приданыхъ за женою моею, образъ Всемилостиваго Спаса въ деисусѣ подъ окладомъ серебрянымъ гладкимъ, да два образа: одинъ Пресвятой Богородицы, другой Іоанна Предтечи на краскахъ, образъ Воскресенія Христова подъ окладомъ серебрянымъ, образъ Богоявленія Господня, образъ Пресвятой Богородицы Владимірскія, образъ живоначальныя Троицы, въ моленіи Антоній Сійскій чудотворецъ, образъ Николая чудотворца, образъ Алексѣя человѣка Божія, всѣ подъ окладомъ серебрянымъ, да посуды приданой же шесть блюдъ оловянныхъ, да котелъ долгой мѣдной, три мѣденика, дюжина стакановъ оловянныхъ, также и у жены моей что есть жемчюжной серебряной кузни и платья приданого жь и моего Иванова платья: шубка отласная теплая на бѣлье мѣху съ кружевомъ серебрянымъ, двѣ шубки камчатыхъ теплые жъ на песцахъ, шубка холодная, кармазинная красная, двѣ шубки китаечныя, одна шубка киндяшная, треухъ соболей, другой куней, да дворъ, что на Холмогорахъ на Николаевскомъ посадѣ, со всякимъ хоромнымъ строеніемъ и съ подворною землею, и съ анбаромъ, и съ пашенными полями, что въ Загорскомъ стану, да въ Двинскомъ уѣздѣ въ Матигорской волости въ Борисоглѣбскомъ приходѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ, и съ подворною, и пашенною землею, и сѣнными покосы, которыми владѣлъ тесть мой покойной Алексѣй Пенега, и тѣми вышеписанными святыми иконами и посудою и жемчужной, и серебряной кузнью, и платьемъ, и дворами, что на Холмогорахъ и въ Матигорской волости, съ хоромнымъ строеніемъ, и съ подгорными, и пашенными землями, и амбаромъ, и сѣнными покосы, владѣть всѣмъ женѣ моей Стефанидѣ Алексѣевѣ дочери, а племянникомъ моимъ, вышеписаннымъ Ѳедору и Михаилу, въ то ни во что не вступаться и не отымать и никому дѣла нѣтъ". Какимъ образомъ упоминаемая здѣсь земля перешла отъ жены Ивана Пругавина къ сыновьямъ его племянника Ѳедора, изъ дѣла не видно.

У Ѳедора Баженина, Архангельскаго купца, также была покупная земля отъ Устюга Великаго посадскихъ людей Королевыхъ, къ которымъ она пришла въ видѣ приданого. Въ купчей крѣпости Королевыхъ между прочимъ написано: „Лѣта 1710 октября въ 18 день Устюга Великаго посацкіе люди Иванъ Анисимовъ

сынъ и Петръ Лукинъ сынъ Королевы и вмѣсто сестры своей дѣвицы Ульяны Анисимовыхъ дочери Королева продали есмь и поступились гостинные сотни Ѳедору Андрееву сыну Баженину въ Двинскомъ уѣздѣ къ тяглымъ его орамымъ и сѣнокоснымъ землямъ и къ угодьямъ во владѣніе станки упокойныхъ дѣда моего Иванова и сестры моей Ульяны, а моего Петрова свата, гостинные жъ сотни Дорофѣя Прокопьева сына Мелцова и жены его бабушки нашей Ивановой и Ульянины, а моей Петровой сватьи, Акилины Савины дочери Комарова, чѣмъ по смерть ихъ владѣли отецъ нашъ Ивановъ и сестры моей Ульяны, а мой Петровъ двоюродной братъ Устюжанинъ же, посацкой человѣкъ Анисимъ Ивановъ сынъ Королевъ, и мати моя Иванова и сестры моей Ульяны, а моя Петрова невѣстка Татьяна Дорофѣева дочь Мелцова, и по ихъ мы Иванъ и сестрою своею Ульяною и я Петръ Королевъ же, спомогая имъ, владѣли“.... Въ поясненіе приведенной выписки надобно сказать, что крестьянинъ Матигорскаго селенія Николаевскаго прихода Савва Комаровъ, выдавъ дочь свою Акилину за Холмогорца, гостинныя сотни Дорофѣя Мельцова, отдалъ за нею въ приданое землю въ томъ же селеніи Матигорахъ. Послѣ смерти Дорофѣя и Акилины Мельцовыхъ, земля эта перешла по наслѣдству къ дочери ихъ Татьянѣ, вышедшей замужъ за Устюжанина Анисима Королева, а отъ послѣднихъ къ имъ дѣтямъ Ивану и Ульянѣ и двоюродному брату Анисима, Петру Лукину Королеву, которые и продали ее Баженину. Въ томъ же дѣлѣ упоминается о владѣніи Холмогорскимъ купцомъ Иваномъ Никифоровымъ землею, полученною имъ въ видѣ приданого за женою, дочерью крестьянина Симанова. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ дѣлѣ не оказалось рѣшенія, и мы не знаемъ, какое послѣдовало постановленіе суда на счетъ земель, пріобрѣтенныхъ посадскими людьми отъ крестьянъ вообще, и въ частности—на счетъ полученныхъ въ приданое. Если можно основываться на рѣшеніи суда позднѣйшемъ, именно 1802 года, по дѣлу о раздѣлѣ земли, оставшейся послѣ смерти крестьянина Расходовской деревни Ѳедора Симанова на крестьянъ той же деревни, то слѣдуетъ думать, что приданыя земли были отобраны отъ посадскихъ людей.

14-го августа 1800 года Архангельскій мѣщанинъ Иванъ Ники-

форовъ подалъ въ Холмогорскій уѣздный судъ слѣдующую просьбу: „Назадъ тому годовъ съ девять, бывъ я въ Холмогорскомъ посадѣ въ числѣ посадскихъ гражданъ, женился на оставшейся послѣ покойнаго Нижне-Матигорской волости крестьянина Ѳедора Алексѣева сына Симонова дочери дѣвицѣ Натальи Ѳедоровой, которая послѣ отца своего и дѣда обще съ матерью своею владѣла оставшимся послѣ отца какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имѣніемъ, яко то: пашенною и сѣнокосною землею, покупною, до состоянія еще запрещенія, у разныхъ людей, дѣдомъ и отцомъ, а равно и матерью жены моей, по крѣпостямъ, писаннымъ и совершеннымъ у крѣпостныхъ дѣлъ: 1-ю—въ 1749 годѣ апрѣля въ 10 день Борисоглѣбской Матигорской волости у священнической жены, вдовы Марьи Баранкѣевой съ дѣтьми, полемъ называемымъ на Куричьей горѣ, за 40 рублей; 2-ю—въ 1751 годѣ декабря въ 16, Николаевской Матигорской волости у крестьянина Якова Титова подъ названіемъ Большое и съ набережьемъ, лежащее въ Борисоглѣбской Матигорской волости, за 140 рублей; 3-ю—въ 1757 годѣ февраля 22-го дня, у Холмогорскаго посадскаго человѣка Аѳанасья Ерюхина, пожнею подъ названіемъ Дмитріевою, лежащею въ той же волости, за 100 рублей; 4-ю—въ 1765 годѣ марта въ 23 день той же волости бывшаго церковнаго дьячка Семена Васильева Попова, у жены вдовы Овдотьи Максимовой, полемъ подъ названіемъ на Куричьей горѣ, за 12 руб. 15 коп.,—которыми землями жена моя и послѣ смерти матери своей, бывъ за мной, владѣла, яко наслѣдственнымъ и оставшимся послѣ отца, по духовной, имѣніемъ и яко крѣпостное по крѣпостямъ, по силѣ указа 7205 года февраля 21-го дня, всѣмъ безъ изъятія безъ всякаго отъ кого-либо спору безпрекословно, а послѣ смерти ея съ 1797 года и я именованный съ сыномъ моимъ Андреемъ, родившимся отъ означенной покойной жены моей, яко настоящимъ послѣ ея наслѣдникомъ, и по оставшейся отъ нея духовной безъ всякого отъ кого-либо спору, платя съ той земли въ міръ надлежащія подати бездоимочно. Но въ 1799 году двоюродный дядя покойной жены моей, тое жь Нижематигорской волости крестьянинъ Иванъ Васильевъ сынъ Симановъ, вступясь якобы по наслѣдству въ означенныя купленныя дѣдомъ, отцомъ и матерью жены моей земли, подан-

нымъ въ Архангельское губернское правленіе прошеніемъ просилъ, чтобъ имѣемыя на показанныя земли крѣпости хранящіяся у меня, якобы писанныя на общее имя покойнаго тестя моего Ѳедора съ братомъ Васильемъ, а его Ивана отцомъ отъ меня отобрать и ему отдать и повелѣть землею, яко настоящему наслѣднику, владѣть, а мнѣ съ сыномъ отказать, по которой просьбѣ губернское правленіе указомъ предписало Архангельскому городовому магистрату, чтобы онъ отъ меня ознаменованныя на крестьянскія земли крѣпости, буде подлинно ихъ у себя безъ всякаго законнаго права удерживаю, немедленно отобравъ, отослалъ для отдачи, кому онѣ по справедливости принадлежатъ. Городовой же магистратъ, отобравъ отъ меня надлежащее по сему предмету объясненіе и отобравъ подлинныя на означенныя земли крѣпости и данныя отъ отца женѣ моей, а отъ жены съ сыномъ мнѣ духовныя, вошедъ въ подробное сего дѣла разбирательство, и наконецъ, постановленнымъ въ 11-е число іюня прошлаго 1799 года опредѣленіемъ заключилъ мнѣ съ сыномъ моимъ отъ владѣнія показанныхъ земель отказать, а предоставить оныя въ пользу и владѣніе просителю Симанову или кому по праву принадлежать будутъ, однако съ платежемъ за оныя по крѣпостямъ денегъ, даванныхъ дѣдомъ и отцомъ и матерью покойной жены моей, безъ всякой помощи означеннаго просителя Ивана, отца, Василья Симанова, какъ точно сами тѣ крѣпости утверждаютъ". Но такъ какъ Симановъ опредѣленныхъ ко взысканію денегъ по крѣпостямъ не уплатилъ, то Никифоровъ просилъ уѣздный судъ войдти въ разсмотрѣніе этого дѣла и сдѣлать ему удовлетвореніе. Судъ же рѣшеніемъ своимъ 1802 года мая 3-го постановилъ: „Оной Никифоровъ, женясь на покойной Натальи Симановой, состоялъ Холмогорскаго общества гражданиномъ, котораго за силою узаконеній 1765 года сентября 19-го дня манифеста 1766 года мая 25-го дня межевой инструкціи, 19 гл. 2 пунк. 20 гл. 4, 6 и 10 пунк., и указовъ 1782 года іюля 11-го, 1785 г. мая 16-го, правительствующаго сената, подтверждающаго 1782 года указа 1801 года іюля 30-го, никакое право на тѣ земли не простиралось, равно какъ и на его сына, рожденнаго отъ него въ состояніи гражданина, но не болѣе того и самая жена его Наталья Симанова, за силою той же межевой инструкціи 20 гл.

12 пунк., какъ скоро вышедъ за Никифорова замужъ, имѣла право на владѣніе реченными землями, а ежели бы и хотѣлося ей воспользоваться значущими за землями въ крѣпостяхъ деньгами, то тогда же бы, при выходѣ ея замужъ, надлежало учинить въ разсужденіе сего или съ Иваномъ Симановымъ дядею своимъ, или по отреченію его отъ сего, съ кѣмъ-либо другимъ изъ крестьянъ Нижноматигорской волости, и той самой деревни, гдѣ она жительствовала и земли состоятъ съ вѣдома общества Матигорскихъ крестьянъ, сдѣлку или какое условіе, единственно въ разсужденіи земли, которая безотъемлемо должна была остаться въ пользу того селенія и во владѣніе того, кому общество надъ оными землями владѣть предоставило бы, чего теперь за прошествіемъ десяти лѣтъ, хотя бы то и можно было, по силѣ указа 1787 года іюля 28-го, допустить и не можно, а по всѣмъ симъ прямымъ и законнымъ причинамъ оный Никифоровъ съ сыномъ какъ не состоялъ тѣхъ земель наслѣдникомъ, такъ и слѣдовательно къ полученію по крѣпостямъ денегъ никакого права не имѣлъ и не имѣетъ".

Этимъ не окончились дѣла о земляхъ крестьянъ, поступившихъ въ видѣ приданаго къ гражданамъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Около 1808 года, при размежеваніи Холмогорскихъ городскихъ земель отъ крестьянскихъ, землемѣръ, посланный съ этою цѣлью Архангельскимъ губернскимъ правленіемъ, „открылъ, что за градскимъ выгономъ изъ гражданъ за 8-ю человѣками имѣется сѣнокосная земля во владѣніи, въ крестьянскихъ дачахъ, по разнымъ волостямъ, въ пяти мѣстахъ всего 9 десятинъ 2362 сажень". Изъ числа упомянутыхъ владѣльцевъ мѣщанинъ Кулаковъ владѣлъ землею, доставшеюся его женѣ по раздѣльной записи, совершенной въ 1766 года іюля 21-го дня въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ; эта запись дана „отъ жены Куростровской волости крестьянина Герасима Шерыпина, Парасковьи, дочерямъ ея, рожденнымъ отъ перваго мужа, Николаевской Матигорской волости крестьянина Попова, находящимся въ замужествѣ, первой—Аннѣ, за Холмогорскимъ посадскимъ человѣкомъ Ѳедоромъ Кулаковымъ, а второй—Маріѣ, Двинскаго уѣзда Курейской волости за крестьяниномъ Михайломъ Скрыповымъ, въ томъ, что отдала она въ вѣчное владѣніе доставшагося ей отъ перваго ея мужа часть недвижимаго имѣнія—сѣн-

наго покосу, состоящаго въ Матигорской волости, а именно: Аннѣ, пожню званьемъ Логушу, а Маѳѣ пожню жь званіемъ за Плоучимъ въ Бояркурьѣ". Сенатъ, при утвержденіи межеваго плана Холмогорскимъ землямъ въ 1814 г., постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ 1814 году, опредѣлилъ: упомянутыя земли отобрать отъ гражданъ и оставить ихъ внутри волостей, среди коихъ оныя находятся [1]).

Въ Холмогорскомъ уѣздномъ судѣ, кромѣ показанныхъ дѣлъ, производилось еще съ 1798 по 1800 г. дѣло по прошенію жены отставнаго сержанта Маѳы Зайковой о надѣленіи ея землей, которое имѣло предметомъ также землю, данную въ приданое. Жена отставнаго сержанта Якова Зайкова, Маѳа Иванова, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ Холмогорскій уѣздный судъ, изъяснила: „Назадъ тому лѣтъ съ 14, отецъ мой родной, здѣшней округи Куростровской волости крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ сынъ Рычковъ, отдалъ мнѣ, за неимѣніемъ здѣсь у него мужеска пола дѣтей, для владѣнія, доставшуюся ему отъ прародителей пашенную и сѣнокосную землю, съ тѣмъ чтобъ давать ему для свободнаго, гдѣ онъ пожелаетъ, жительства, плакатные паспорты и оплачивать за него государственныя подати и всякія нести мірскія, съ прочими на равнѣ тягости; по смерти же его, если кто будетъ вступаться въ оную землю изъ родственниковъ его, то дали бъ мнѣ, вмѣсто приданаго, въ награжденіе подлежащую часть деньгами, потому что я выдана въ замужество не имъ самимъ, а Архангельскимъ купцомъ Зыковымъ и другими матери моей родственниками; оною землею и по смерти отца моего владѣла годовъ съ семь, безъ всякаго какъ той волости мірскихъ людей, такъ и ближнихъ родственниковъ спору, съ которой земли, а равно и за душу отца моего до послѣдней переписи оплачивала въ мірѣ всѣ государственныя и протчія подати бездоимочно, да и нынѣ оплачиваю тожь мірскія тягости, наравнѣ съ прочими. Нынѣ же, вступась той Куростровской волости крестьянинъ Яковъ Васильевъ сынъ Рычковъ, отнимаетъ, безъ всякаго по завѣщанію родителя моего

[1]) Указъ Арх. губ. правленія Холмог. нижн. земск. суду 15-го окт. 1814 г., изъ Архива Матигорской земской избы.

награжденія, и нынѣшняго лѣта насѣяться не даетъ; прочіе же ближайшіе мои родственники, Григорій Рычковъ и Степанъ Супаловъ, на коихъ я и плюся о владѣніи мнѣ тою землею, такого прекословія и спору не имѣютъ". Вслѣдствіе этого, истица просила уѣздный судъ приказать оставить за нею ту землю до размежеванія земель, въ случаѣ же законнаго спору Рычкова, или кто тою землею будетъ владѣть, дать ей по завѣщанію отца, вмѣсто приданаго, деньгами, что по узаконеніямъ будетъ слѣдовать. Судъ постановилъ: означенную землю, дошедшую отцу истицы по просроченной закладной, данной ему въ 1734 году отъ капитанши Катерины Воробьевой и засвидѣтельствованной въ Архангельскѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, слѣдовательно, не родственную, а самими пріобрѣтенную, безъ прикосновенія прочихъ именъ Рычковыхъ, въ сходственность Уложенія 10 гл. 196, 247, а также и 17 гл. 31 и 33 ст., равно и по силѣ указовъ 7205 февраля 21-го, яко крѣпостную по крѣпостямъ, и 1765 году сентября 19-го, какъ издавна за крестьяниномъ Иваномъ Рычковымъ, а послѣ его и за просительницею дочерью его состоящую, утвердить впредь до генеральнаго земель размежеванія за нею Зайковой, которую ей и возвратить въ полное владѣніе и съ насѣяннымъ на оной въ прошломъ 1798 году хлѣбомъ и съ уродившимся сѣномъ; впрочемъ же не отъемлется отъ нихъ и сія воля, буде пожелаютъ, чтобъ и оною крѣпостною землею владѣть, то бъ полюбовно съ означенною Зайковой условясь, съ обѣщаніемъ ей вмѣсто приданаго заплатить по учиненному согласію деньги". Однако это рѣшеніе было отмѣнено въ слѣдующемъ году Архангельскою палатою суда и расправы, которая постановила отобрать землю отъ Зайковой и отдать Рычковымъ, на основаніи 12 пун. 20 гл. межевой инструкціи 1766 г., которою воспрещалось давать земли государственныхъ крестьянъ въ приданое за дочерьми, выходящими замужъ за лицъ другого званія.

Основываясь на приведенныхъ фактахъ относительно земельнаго приданаго, можемъ сказать, что обычаи на счетъ права распоряженія и наслѣдованія супруговъ этого рода приданымъ были весьма разнообразны, и что они почти всегда выражались въ брачныхъ договорахъ и другихъ документахъ, замѣнявшихъ родъ крѣпостныхъ актовъ на недвижимое имущество. Можно однако полагать,

что земельнымъ приданымъ распоряжался больше мужъ, нежели жена, по причинѣ той подчиненной роли, какую играла жена въ семействѣ; такимъ образомъ, обычное выраженіе купчихъ крѣпостей, что мужъ продаетъ земли *по согласію* съ своею женой, часто также могло быть одною формальностью. Но все таки поземельное приданое, какъ нелегко сбываемое, могло служить болѣе вѣрнымъ источникомъ обезпеченія для жены, въ случаѣ смерти мужа, расходокъ и т. п., нежели всякій другой надѣлокъ.

И въ болѣе отдаленныя времена, напримѣръ, въ XIV и XV вв., въ Двинской землѣ не было однообразія въ обычаяхъ, касавшихся правъ супруговъ на распоряженіе недвижимымъ имуществомъ. Такъ, по актамъ видно, что въ одномъ случаѣ приданая вотчина продается обоими супругами: „Се купи Василей Филимоновичь и Евсѣй Онаньинъ у Ѳедоры у *Григорьевы дочери и у ея мужа* у Ѳедора у Ѳедоровича, село земли на Ижьмѣ, Фофановьское, отчину ея, дворъ и дворище, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшіи лѣсы, и бобровыи ловища, и въ тонѣ участокъ, у Ижемьского кола шестая часть, со всими угодьи, гдѣ ни есть, все безъ вывѣта, что Ѳедорѣ дали братья Аврамъ и Яковъ, отчину свою, Ижемьское село со всемъ володѣньемъ. А далъ Василей Филимоновъ и Евсѣй Ананьинъ на томъ селѣ Ѳедорѣ Григорьевѣ дочери и еѣ мужу Ѳедору Ѳедоровичу девять сороковъ бѣлъки, а пополонка куря“ [1]). Въ другомъ случаѣ отчина жены продается мужемъ: „Се купи игуменъ Василей, у Якова у Баева, отчину Михѣеви дочери Ѳедосьину, у Глухомъ погости, полъдворища и полъогородца, на гори, на Заецкомъ поли,... и въ другомъ мѣстѣ полполца орамици,... и на Низу, на Лужи, половина орамици, и бережного лоскута половина орамици, на Мудьюгини наволоки лоскутъ земли, и Микулина ѣзу положенки, и возли Кочкомъозеро половина орамици, и пожни, и притеребъ, и полпутика, Мѣхѣеви земли Ѳедосьини отчини, горніи земли, и за погостомъ земли игумну Василью чисты“ [2]). Въ третьемъ случаѣ самъ мужъ покупаетъ имѣніе у жены своей, зятя ея

---

[1]) Акты Юрид. Новгор. купчія XIV и XV вв., № 71, X, стр. 112.

[2]) Тамъ же, № 71, XXII, стр. 115.

и жены его. „Се купилъ Филипей Семеновицъ у Ульянѣ, у своей жены, и у еѣ у зятя, у Нафлока, и у его жены Марьи, землю Сенькинскую, на Икшинѣ островѣ, и дворъ за рѣкою, и въ Нарьи пожни, отъ Ермолини межи до игуменовы, съ притеребы, до Двины, и Плоскую веретею, и починки свои, чертежища свои, всю свою треть Икшина острова, и Пусевицъ истокъ, и перевѣсища, опричь дву Ермолиныхъ участковъ. А далъ имъ на нихъ Филипей два рубли, да овцу пополонка, по старой купли, по Семенови грамотѣ; а купилъ себѣ въ одерень и своимъ дѣтемъ“ [1]).

Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи описанныхъ обычаевъ о приданомъ къ юридическимъ обычаямъ западныхъ Славянъ и къ русскимъ узаконеніямъ, разсматриваемымъ въ ихъ историческомъ развитіи. Вмѣстѣ съ переходомъ брачнаго обряда чрезъ три существенныя формы его, о которыхъ было говорено выше, то есть чрезъ похищеніе, покупку и собственно бракъ, обычаи относительно приданаго подвергались существеннымъ перемѣнамъ. Наши ученые утверждаютъ, что въ то время, когда сѣверноруссkіе Славяне еще похищали женъ, у нихъ не могло быть приданаго. Дѣйствительно, даже и теперь, какъ уже было сказано, при бракахъ *уходомъ*, приданого не бываетъ, развѣ только, когда молодые примирятся съ родителями; вообще же невѣста беретъ себѣ только то изъ платья, что̀ сумѣетъ захватить съ собою. Но если мы вспомнимъ, что похищеніе невѣстъ у русскихъ Славянъ уже по свидѣтельству начальной лѣтописи имѣло характеръ чисто внѣшнаго обряда, ибо происходило по совѣту съ невѣстами, то тутъ можно предполагать и участіе воли родителей, а какъ только является послѣдняя, то уже нѣтъ препятствій и для возникновенія приданаго. Но наши ученые идутъ далѣе и высказываютъ мнѣніе, будто появленіе приданаго нельзя отнести не только къ эпохѣ похищеній, но даже и къ эпохѣ купли невѣстъ. Г. Кавелинъ, напримѣръ, считаетъ приданое и плату явленіями несовмѣстными, исключающими одно другое. Онъ говоритъ, что „трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за

[1]) Акты Юр., № 71, XXVIII стр. 117.

нее плату. „Это“, по его словамъ, „было бы чѣмъ-то такимъ искусственнымъ, чего простымъ, здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ. Различіе этихъ явленій относится собственно не къ невѣстѣ, а къ взаимнымъ отношеніямъ родовъ, между членами которыхъ заключаются брачные союзы. Гдѣ есть похищеніе невѣстъ, насильственное отнятіе ихъ, о чемъ въ обычаяхъ тоже сохранились воспоминанія,—тамъ еще нѣтъ между родами никакихъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; покупка невѣстъ по существу своему предполагаетъ уже мирныя, невраждебныя сношенія между родами, существованіе въ извѣстной степени гражданскаго союза; наконецъ, приданое свидѣтельствуетъ уже о нѣкоторой степени развитости гражданскаго союза“ [1]). Противъ этого можно замѣтить, что въ то время, о которомъ говоритъ начальная лѣтопись, похищеніе невѣстъ не обусловливалось непремѣнно враждебностью родовъ, ибо происходило по совѣщанію съ дѣвушками, на религіозныхъ принципахъ. А что купля невѣстъ не исключаетъ приданого, можно убѣдиться изъ аналогическихъ явленій существованія приданого у такихъ народовъ, у которыхъ до сихъ поръ невѣсты покупаются. Такъ, инородцы Архангельской губерніи—Самоѣды, Лопари, Корелы и Зыряне, на ряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое. Да и у другихъ народовъ восточнаго происхожденія, не вышедшихъ еще изъ формъ родоваго быта, купля невѣстъ не исключаетъ приданого. У Киргизовъ, напримѣръ, отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки въ родѣ приданого. Это называется *иненкелыенъ-джасау*, то есть, принесенное изъ дому отца[2]). Остяки также даютъ за своими дочерьми приданое, не смотря на то, что продаютъ ихъ женихамъ [3]). Изъ славянскихъ народовъ, Морлаки, живущіе въ Далмаціи, а также Словенцы, покупаютъ невѣстъ (о послѣднихъ, впрочемъ, славяно-

---

[1]) Сочиненія *Кавелина*, III, стр. 243.

[2]) Изъ собранныхъ мною свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ Киргизовъ Малой Орды.

[3]) Этнографическій Сборникъ, IV, стр. 313.

CALIFORNIA ACADEMY OF SCIENCES

любцы говорятъ, будто бы обычай купли невѣстъ они заимствовали отъ Турокъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ за ними приданое. У Черногорцевъ, по словамъ Ковалевскаго, жена не приноситъ приданаго мужу; напротивъ, послѣдній долженъ еще платить за жену отцу ея. На это г. Богишичъ справедливо замѣчаетъ, что, во всякомъ случаѣ, жена должна принести съ собою свое платное [1]). Великороссійскіе обычаи подтверждаютъ тоже самое. У насъ, въ Архангельской губерніи, какъ сказано выше, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ, какъ напримѣръ, въ селѣ Устьцыльмѣ, невѣстъ до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга, приданое все таки идетъ съ невѣстой. И въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, вмѣстѣ съ кладкой или калымомъ жениха, бываетъ уговоръ и о приданомъ со стороны невѣсты [2]). Приводя эти факты, мы не хотимъ безусловно утверждать, что купля невѣстъ всегда сопровождается дачей приданого со стороны родителей невѣсты. Такое положеніе могло бы быть опровергнуто данными противоположнаго свойства, хотя весьма и весьма немногочисленными, составляющими уклоненіе отъ общаго правила [3]). Наша цѣль — доказать, что два такія разнородныя явленія, какъ купля невѣстъ и полученіе съ ними приданаго, легко уживаются вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, апріористическія соображенія г. Кавелина о несуществованіи у древнихъ Славянъ приданого, при существованіи второй формы брака, то есть, въ эпоху купли невѣстъ, разбиваются о факты. Въ пользу догадки г. Кавелина не можетъ служить и та мысль, что съ одной стороны, надѣленіе невѣсты приданымъ, съ другой — покупка ихъ, суть вещи несообразныя. Не надобно забывать того, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: *подарки дарятъ — отдарковъ глядятъ*, а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіемъ, заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

---

[1]) Pravni običaji u Slovena, стр. 121, 122.

[2]) Тамъ же, стр. 124—126.

[3]) Тамъ же, стр. 122, 124, 125.

Тотъ же авторъ, слова котораго приведены выше, говоритъ о происхожденіи приданого: „Пока невѣсты продавались, ихъ родные получали калымъ или плату за вѣно; когда же бракъ сталъ договоромъ, условіемъ, сдѣлкой двухъ родовъ, скрѣплявшею и упрочивавшею ихъ союзъ и согласіе, и слѣдовательно, полный разрывъ новобрачныхъ съ своимъ родомъ не могъ имѣть мѣста, какъ прежде, ея родственники, весьма естественно старались, по возможности, обезпечить хозяйство и довольство молодыхъ. Вотъ первый поводъ давать за невѣстой приданое. Оно стало потомъ предметомъ соревнованія между родами, члены которыхъ соединялись бракомъ. Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое. Такимъ образомъ, послѣднее стало необходимою принадлежностью брачныхъ союзовъ. Оттого, напримѣръ, у Уральскихъ казаковъ о приданомъ не спрашиваютъ: что̀ дадутъ родители, тѣмъ довольны, молодые всегда надѣятся, что ихъ надѣлятъ достаточно“ [1]). Мы уже сказали, что покупка невѣстъ не влекла за собою полнаго разрыва новобрачной съ своимъ родомъ, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы препятствовать обезпеченію молодой приданымъ. Можно полагать, что первоначально приданое состояло только въ одеждѣ и женскихъ украшеніяхъ, а потомъ стало проявляться въ формѣ дара отцемъ невѣсты послѣдней или жениху другихъ хозяйственныхъ предметовъ и проч. Замѣчательно что первый нашъ лѣтописецъ, для выраженія понятія о приданомъ, употребляетъ описательную форму: „приношаху по ней, что вдадуче“. Это выраженіе именно показываетъ, что сначала приданое состояло изъ вещей, которыхъ можно было *приносить*, то есть, изъ движимаго имущества: платья, украшеній и т. п. Въ послѣдствіи приносомъ стали называть и недвижимое имущество, даже землю, которая приносилась невѣстой. Такъ въ одномъ изъ древнихъ Двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: „полдеревни... *приносу* матери его“ [2]). Съ другой стороны, выраженіе: „что вдадуче“ имѣетъ тѣсную связь съ словами дàнье, дàнница и приданое. Соревнованіе между брачущимися сторо-

---

[1]) Сочиненія *Кавелина*, IV, стр. 177—178.

[2]) Акты Юридич. № 19, стр. 40.

нами, о которомъ говоритъ г. Кавелинъ, конечно существовало; оно проявлялось въ томъ, что сторона невѣсты старалась дать приданое соотвѣтственно цѣнѣ, даваемой за невѣсту. До сихъ поръ у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на *жиросмотринахъ*. А у нѣкоторыхъ инородцевъ нашей губерніи, напримѣръ, Корелъ и Самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданого. Тоже наблюдается и у инородцевъ другихъ губерній, напримѣръ, у Татаръ, Черемиссъ, Чувашей и Вотяковъ Казанской губерніи [1]).

Разсматривая различные роды приданого, отъ самаго простого до болѣе полнаго, мы можемъ судить о томъ, какъ понятіе о приданомъ постепенно складывалось и развивалось у насъ. Первоначально, какъ мы только что сказали, приданое должно было состоять изъ одного женскаго *снаряда*, такъ что цѣль родителей, при дачѣ приданого, состояла собственно въ томъ, чтобы *снарядить* или *скрутить* дочь къ замужеству, то есть, снабдить ее необходимою одеждой. Что именно такова была первичная форма приданого, видно, между прочимъ, изъ названій его: *скрута*, *платно*, *коробья*, и изъ того, что у насъ, равно какъ у всѣхъ почти западныхъ Славянъ, до нынѣ приданое чаще всего состоитъ изъ одной только одежды. Затѣмъ, къ платному приданому вскорѣ присоединились дары (приносы), которые дѣлали отецъ невѣсты и другіе члены рода невѣстѣ и ея мужу: кое-что изъ одежды, нѣкоторыя принадлежности хозяйства, скотъ, а въ послѣдствіи деньги. Тутъ цѣлью приданаго становится желаніе надѣлить молодыхъ, хотя отчасти, хозяйствомъ, или вѣрнѣе, помочь ихъ будущему хозяйству. И здѣсь еще приданое не можетъ быть признано наградой за какое-либо, хотя мнимое право невѣсты на семейное имущество, потому что она не имѣетъ наслѣдственныхъ правъ. Въ послѣдствіи времени, когда стали зарождаться имущественныя права дѣвушекъ, именно, когда отцы при своей жизни начали надѣлять ихъ недвижимымъ имуществомъ и даже землею, тогда возникло у

[1]) Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, *Г. Ф. Миллера*, Спб. 1791 г., стр. 69—71.

насъ иное понятіе о приданомъ. Если приданое назначалось не отцомъ, а другими членами семьи, напримѣръ, братьями, то невѣста получала надѣлокъ или надѣлъ, хотя бы и платной, какъ бы въ вознагражденіе за ту часть недвижимаго имущества, которую она могла бы получить по волѣ отца; слѣдовательно, здѣсь приданое служило выдѣломъ, въ замѣнъ фиктивнаго права невѣсты на часть общаго семейнаго имущества. Такое значеніе приданого указывается въ нашихъ дѣльныхъ записяхъ XVII вв., выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „взяла надѣлку у братьи своей за свой третей участокъ изо всего вопче живота, за всякой житейской жировной животъ и за всякой скотъ.... и за деревню, и за дворъ, и за дворище, и за хоромы, и за все про все“... (№ 4), или въ раздѣльной трехъ братьевъ и сестры: „подѣлились есми межь собя полюбовно отца своего статками хлѣбомъ и солью, конми и коровами, и всякимъ скотомъ, шубами и сермягами, и всякимъ платьемъ, и мѣднымъ и желѣзнымъ, серебрянымъ и оловяннымъ и деревяннымъ, дворомъ и дворищемъ, и деревнею, и всякимъ житейскимъ запасомъ, всемъ поровну, на четыре участка, и поделяся я *такая-то* взяла есми у брати своей... надѣлку себѣ за свой участокъ...“ (№ 7).

У западныхъ Славянъ также можно встрѣтить разницу въ названіяхъ приданого, по которой можно заключать о существованіи различныхъ родовъ этого имущества. У Поляковъ, напримѣръ, приданое, состоящее изъ одного женскаго платья, называется wyprawa (wyprawić córkę—снабдить (собственно: приготовить) дочь всѣмъ нужнымъ изъ платья, сверхъ приданого; wyprawić córkę za mąż—выдать дочь за-мужъ), а состоящее изъ остальнаго движимаго и недвижимаго имѣнія—posag; у Чеховъ věno и roucho, у нѣкоторыхъ сербскихъ племенъ — ruho и blago, а вообще приданое prćija и т. п. [1]). Большинство Славянъ (именно—жители Славоніи, Босніи, Далмаціи, Болгаріи, Словаки и пр.) ограничиваетъ приданое одною одеждой невѣсты, къ которой иногда присоединяются подушки и постель. Рѣдко даютъ, сверхъ этого, домашнюю утварь, скотъ или деньги, и то преимущественно въ Хорватіи, Загребскомъ Загорьи Верхнихъ Лужицахъ, Угорской Руси и пр. Недвижимое же имуще-

[1]) Pravni obicaji u Slavena, стр. 120—126.

ство—часть нивы, виноградника, дается только на островѣ Адріатическаго моря Ластово да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Болгаріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ почти Славянъ невѣстѣ даются дары отъ ея рода и отъ рода ея жениха [1]).

Ужь изъ сообщеннаго можно заключать, что и по обычаямъ западныхъ Славянъ дочери не пользовались равными съ сыновьями имущественными правами. И дѣйствительно, у всѣхъ почти Славянъ, до которыхъ не коснулось иноземное вліяніе, дѣвушки, имѣющія братьевъ, не получаютъ части въ отцовскомъ имуществѣ; на братьяхъ лежитъ только обязанность приготовить ихъ за-мужъ, сообразно своему состоянію, или выдать вмѣсто того деньгами [2]). Только безъ братьевъ пользуются дочери вполнѣ наслѣдственными правами [3]). Это вполнѣ сходно съ нашими теперешними обычаями, по которымъ дочери имѣютъ право на все отцевское имущество лишь въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ сонаслѣдниковъ мужескаго пола въ лицѣ братьевъ; при братьяхъ же сестра пользуется тѣмъ только, что̀ удѣлятъ ей первые. Обращаясь къ древнѣйшему русскому законодательному памятнику, къ Русской Правдѣ, находимъ, что приданое давалось въ ту эпоху либо отцемъ невѣсты, отъ воли котораго зависѣло дать ей часть, равную части сыновей или меньшую, либо княземъ, выдѣлявшимъ часть изъ имѣнія умершаго смерда, не имѣвшаго дѣтей мужескаго пола, либо братьями, которые должны были снарядить для замужества сестру по своему достатку; но ни въ какомъ случаѣ сестры при братьяхъ не имѣли права наслѣдованія.

Какъ ни узки были права сестеръ при братьяхъ, все таки со стороны братьевъ постоянно существовало стремленіе къ ограниченію ихъ. Это въ особенности рельефно выражается въ одномъ донынѣ уцѣлѣвшемъ обычаѣ западныхъ Славянъ. Именно у Далматинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ существуетъ обычай, по которому когда братъ мужа явится въ домъ невѣсты за сундуками съ приданымъ, тогда на эти сундуки садится меньшой братъ не-

---

[1]) Рг. ob., стр. 120—126.
[2]) Тамъ же стр. 120, 121 и 163.
[3]) Тамъ же стр. 167.

вѣсты и не выдаетъ ихъ, не смотря на мольбу и угрозы деверя, пока тотъ не вознаградитъ его какою-либо монетой. У насъ этотъ обычай сохранился въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто брата невѣсты на сундуки съ приданымъ садится сватья, и не выдаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ *выкупа* со стороны жениха [1]).

Переданное въ домъ мужа, приданое частью остается въ распоряженіи жены, частью переходитъ въ распоряженіе мужа. Такъ, платное и у насъ, и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, равно какъ въ Малороссіи и во многихъ отрасляхъ западныхъ Славянъ составляетъ собственность жены, которою она можетъ располагать по своему усмотрѣнію, и на которую мужъ не имѣетъ никакого права. Остальное имущество, въ томъ числѣ и деньги, принадлежитъ къ семейному имуществу супруговъ, но располагаетъ ими мужъ по своему усмотрѣнію. Это общій обычай, существующій и у западныхъ Славянъ [2]). Но въ иныхъ мѣстностяхъ бываютъ и особыя обыкновенія. У насъ, въ Архангельской губерніи, кое-гдѣ жена сама распоряжается деньгами, полученными въ видѣ приданого; ссужаетъ ими мужа, сосѣдей и пр. Такъ точно въ Далмаціи нѣкоторыя женщины, вышедшія замужъ изъ болѣе богатыхъ домовъ и принесшія съ собою сколько-нибудь денегъ или получившія отъ родныхъ какое-либо домашнее животное, распоряжаются полученнымъ сами: хранятъ у себя дома съ остальнымъ имуществомъ или отдаютъ изъ половины сосѣдямъ и знакомымъ поселянамъ [3]).

При разводѣ или расходкѣ съ мужемъ, а также при вторичномъ выходѣ въ замужество, жена у насъ всегда получаетъ обратно свое приданое. То же наблюдается и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, и у нѣкоторыхъ западно-славянскихъ племенъ, напримѣръ, въ Болгаріи, у жителей Военной Границы и пр. [4]).

---

[1]) Сборн. юрид. обыч. Арх. губ., кн. 1, стр. 39.

[2]) Pravni obič. u Slov. стр. 123, 127 и 130; Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1-й: Народн. юрид. обычаи въ Царевококшайскомъ уѣздѣ, стр. 20; Записки Отд. Этногр. Русск. Геогр. Общ. 1869 г. т. 2-й: Очеркъ нар. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи, *Чубинскаго*, стр. 691.

[3]) Pravni obič. u Slov. 42.

[4]) Тамъ же, стр. 137 и 163. Труды Казанск. стат. ком. 1869 г. вып. 1, стр. 21.

Послѣ смерти жены, какъ у насъ, такъ и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, приданое сберегается для дѣтей, въ особенности для дочерей, хотя бы мужъ и женился на другой. Со смертью же бездѣтной жены, приданое возвращается въ родъ ея, и мужъ ничего не смѣетъ утратить; за утраченное онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Онъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ банника. То же самое сообщается этнографами и о нѣкоторыхъ изъ западныхъ Славянъ; напримѣръ, у жителей Военной Границы, когда умретъ жена, не оставивши дѣтей, то все ея приданое возвращается къ ея родителямъ, отъ которыхъ она получила его, если только передъ смертью она не запишетъ и не оставитъ своего имущества мужу; въ этомъ случаѣ послѣдняя воля ея считается священною. Мужъ, не получившій по завѣщанію приданаго, не смѣетъ ничего издержать. Бываютъ такіе случаи, что послѣ смерти жены, когда все ея имущество возвращается матери, нѣкоторыя вещи изъ числа приданаго окажутся не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны, напримѣръ, одежда разорванною, тогда мужъ замѣняетъ ихъ и возвращаетъ новыми. Мужу остается, какъ и у насъ, только постель, которая обыкновенно дается съ дочерью [1]).

По смыслу нашихъ приданыхъ записей XVII столѣтія можно заключать, что приданое цѣликомъ возвращалось въ родъ жены, но записи, кромѣ того, что̀ издержано самою женой. Дѣйствительность издержки подтверждалась со стороны мужа прямымъ, то есть, честнымъ словомъ, предъ образомъ, но онъ при этомъ не былъ обязанъ цѣловать икону. За издержанное же имъ самимъ онъ обязывался вознаградить родныхъ жены. Такъ, и по Псковской судной грамотѣ, отъ мужа, отдавшаго приданое въ родъ покойной жены нельзя было требовать присяги въ томъ, что за нимъ болѣе ничего не осталось; достаточно его слова: „А у котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, і женя мать, или сестра, или іное племя, а имутъ искать платья, іно мужъ ея, право по души (то есть по чистой совѣсти), платья отдасть, а на останки мужу въ женни платьи целованья нѣтъ“ [2]). Такъ и теперь не заста-

---

[1]) Pravni obič. u Slov. 163.

[2]) Гражд. законы Псковск. Судн. Грамоты. Изслѣдованіе *Энгельмана*, стр. 88—89.

вляютъ мужа цѣловать икону, въ доказательство того, что онъ передалъ все имущество покойной жены, „чтобы не трясти души ея“.

До сихъ поръ рѣчь шла о платномъ приданомъ. Что касается до остального приданаго, и въ особенности земли, то въ этомъ отношеніи, вѣроятно, не было единообразія въ обычаяхъ, а все обусловливалось предварительнымъ договоромъ, такъ что иногда приданое возвращалось въ родъ жены, иногда оставалось у мужа, и въ послѣднемъ случаѣ, то, что̀ было издержано, напримѣръ, деньги, скотъ и разнаго рода хозяйственныя принадлежности, не требовалось обратно. Изъ одной статьи Псковской судной грамоты видно, что жена могла оставить свою приданую землю по завѣщанію мужу; если же не было завѣщанія, то мужъ владѣлъ ею до своей смерти или до новой женитьбы [1]). У насъ же земли часто оставались за мужьями навсегда, дѣлаясь иногда собственностью всей семьи мужа. Впрочемъ, могло случиться и такъ, что земля отходила къ роднымъ жены даже отъ зятя-пріемыша, если только они уплачивали пожилыя деньги. Тутъ все зависѣло отъ письменнаго брачнаго договора, который составлялся всегда, какъ только дѣло касалось земли. Оттого большая часть брачныхъ записей здѣшней мѣстности, въ особенности болѣе поздняго времени, приняла характеръ актовъ, укрѣпляющихъ поземельную собственность за извѣстнымъ лицомъ: они у насъ замѣнили такимъ образомъ, *справку* земли за женихомъ, которая требовалась для вотчинъ и помѣстій узаконеніями XVII столѣтія.

Не смотря на незначительность вообще приданаго, оно часто служитъ приманкой для родныхъ мужа, въ особенности свекра; послѣдніе нерѣдко, даже при жизни снохъ, но послѣ смерти мужей, посягаютъ на приданое, въ особенности тогда, когда невѣстки уходятъ въ домъ своихъ родителей. Разумѣется, это составляетъ уже не обычай народный, а нарушеніе обычая.

Такія же нарушенія обычнаго права часто случались и въ старину, такъ что еще въ Псковской судной грамотѣ вызвали особую статью для огражденія правъ невѣстокъ: „А у кого помретъ сынъ,

---

[1]) Гражд. зак. Пск. Суди. Грам., стр. 88.

Послѣ смерти жены, какъ у насъ, такъ и въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ, приданое сберегается для дѣтей, въ особенности для дочерей, хотя бы мужъ и женился на другой. Со смертью же бездѣтной жены, приданое возвращается въ родъ ея, и мужъ ничего не смѣетъ утратить; за утраченное онъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ. Онъ получаетъ только постель, икону и вещи изъ банника. То же самое сообщается этнографами и о нѣкоторыхъ изъ западныхъ Славянъ; напримѣръ, у жителей Военной Границы, когда умретъ жена, не оставивши дѣтей, то все ея приданое возвращается къ ея родителямъ, отъ которыхъ она получила его, если только передъ смертью она не запишетъ и не оставитъ своего имущества мужу; въ этомъ случаѣ послѣдняя воля ея считается священною. Мужъ, не получившій по завѣщанію приданаго, не смѣетъ ничего издержать. Бываютъ такіе случаи, что послѣ смерти жены, когда все ея имущество возвращается матери, нѣкоторыя вещи изъ числа приданаго окажутся не въ томъ видѣ, въ какомъ они даны, напримѣръ, одежда разорванною, тогда мужъ замѣняетъ ихъ и возвращаетъ новыми. Мужу остается, какъ и у насъ, только постель, которая обыкновенно дается съ дочерью [1]).

По смыслу нашихъ приданыхъ записей XVII столѣтія можно заключать, что приданое цѣликомъ возвращалось въ родъ жены, но записи, кромѣ того, что издержано самою женой. Дѣйствительность издержки подтверждалась со стороны мужа прямымъ, то есть, честнымъ словомъ, предъ образомъ, но онъ при этомъ не былъ обязанъ цѣловать икону. За издержанное же имъ самимъ онъ обязывался вознаградить родныхъ жены. Такъ, и по Псковской судной грамотѣ, отъ мужа, отдавшаго приданое въ родъ покойной жены нельзя было требовать присяги въ томъ, что за нимъ болѣе ничего не осталось; достаточно его слова: „А у котораго человѣка помретъ жена, а мужъ ея оженится, і женя мать, или сестра, или іное племя, а имутъ искать платья, іно мужъ ея, право по души (то есть по чистой совѣсти), платья отдасть, а на останки мужу въ женни платьи целованья нѣтъ“ [2]). Такъ и теперь не заста-

[1]) Pravni obič. u Slov. 163.

[2]) Гражд. законы Псковск. Суд. Грамоты. Изслѣдованіе *Энгельмана*, стр. 88—89.

ное считается собственностью жены, а надѣлокъ составляетъ общее имущество супруговъ, которымъ болѣе распоряжается мужъ, нежели жена. Наконецъ, относительно наслѣдованія мужа въ приданомъ народъ ограничиваетъ права его гораздо болѣе, нежели законъ, который предоставляетъ ему четвертую часть въ имуществѣ жены. Такимъ образомъ, новыя узаконенія о приданомъ не коснулись народа и нисколько не измѣнили его понятій и обычаевъ; въ этомъ отношеніи народъ остался съ воззрѣніями до-петровскихъ временъ.

П. Ефименко.

Г. Холмогоры.

О КУЦО-ВЛАХАХЪ

ЭПИРА, ѲЕССАЛІИ И МАКЕДОНІИ.

О КУЦО-ВЛАХАХЪ

ЭПИРА, ѲЕССАЛІИ И МАКЕДОНІИ.

дованія этнографа въ связи съ географіей, особенно тамъ, гдѣ историческіе памятники или исчезли, или неполны, какъ это оказывается, между прочимъ, по отношенію къ Балканскому полуострову. Современной наукѣ приходится пополнять этотъ недостатокъ и догадками замѣнять отсутствіе точныхъ указаній.

Весь Балканскій полуостровъ въ этомъ отношеніи интересенъ, и вездѣ этнографическое изученіе его трудно; но въ южной части этого полуострова, которая оканчивается настоящею Греціей, столпилось особенно много народностей, и народности эти особенно перепутаны. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо трудно рѣшить, кто здѣсь жилъ прежде, кто кого выгналъ, и даже кому въ настоящее время приходится или надобно здѣсь жить. Такъ, напримѣръ, кто жилъ въ Эпирѣ и Θессаліи во время Пирра, кажется, просто не возможно рѣшить; кто жилъ тамъ во время Силлы или Аларика — рѣшить трудно; можно сказать утвердительно только о томъ, кто тамъ жилъ во время Нѣманичей. Нѣтъ сомнѣнія, что то были Славяне. Но отъ этихъ-то именно послѣднихъ обитателей страны ничего почти не осталось, кромѣ названій да бѣлокурыхъ волосъ. Отъ древнѣйшихъ временъ, напротивъ того, остались развалины, языки и даже обычаи и привычки.

Можетъ быть, покажется страннымъ, что я, путешествовавшій по этимъ странамъ, и именно только вслѣдствіе этнографическихъ и географическихъ наблюденій надъ ними, но безъ розысканій въ историческихъ источникахъ, допускаю предположеніе, что во времена, напримѣръ, Силлы и Аларика здѣсь жили Римляне, или по крайней мѣрѣ, вообще народъ, принадлежавшій къ латинскому, италійскому племени и говорившій латинскимъ языкомъ. Тамъ до сихъ поръ сохранилось во всей, можетъ быть, чистотѣ только племя латинскаго корня, говорящее своимъ языкомъ и сохраняющее несомнѣнные физіологическіе признаки народа, живущаго теперь въ окрестностяхъ Рима и Флоренціи. Не буду вдаваться въ доказательство этого предположенія. Противъ доводовъ моихъ возопили бы и Албанцы, которые почти владѣютъ этою страной, и Греки, которые побѣдили ее своею культурой, и Славяне, которые окрестили горы, селы и рѣки этой страны своими названіями, и которымъ тоже хочется быть какъ можно болѣе старымъ и почтен-

нымъ племенемъ. Но въ объясненіе того, почему мнѣ пришло въ голову упомянутое предположеніе, я могу только разсказать, гдѣ и какъ живутъ указываемые мною остатки Римлянъ; пусть люди болѣе ученые приведутъ мои замѣтки въ систему, сообразятъ ихъ съ историческими извѣстіями и обстоятельствами, и можетъ быть, рѣшатъ вопросъ.

Народъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, нѣкогда носилъ гордое имя Римлянъ, въ послѣдствіи времени былъ переименованъ въ Валаховъ, и наконецъ, въ Куцо-Влаховъ и даже въ Гоговъ,— названіе, о которомъ, едва-ли кто слышалъ, кромѣ тѣхъ, кто проникалъ въ самыя почти непроходимыя трущобы Пинда и Шаръ-планины. Валахами это племя называютъ Славяне и теперь Греки, перенявъ это названіе, вѣроятно, отъ Нѣмцевъ, ибо Welschen, то есть, Галлами, Германцы называли сначала Галловъ, жившихъ въ Галліи и нынѣшней Ломбардіи, а потомъ стали называть и всѣхъ Италіянцевъ безъ разбора. Откуда взялось названіе Куцо-Влаховъ— сказать съ точностью нельзя; можно только догадываться, что въ этомъ случаѣ Валахамъ удружили Греки, приставя къ ихъ имени слово κούτσος или какъ теперь произносятъ—*куцосъ*, то есть, глупый. Это вѣроятно, ибо Грекъ, относящійся вообще съ презрѣніемъ къ чужимъ народностямъ, особенно любитъ подтрунить надъ Валахомъ Пинда, неповоротливымъ, упрямымъ, неразговорчивымъ, широкоплечимъ, часто чуть не въ сажень ростомъ. Эти качества или недостатки особенно непріятны Грекамъ еще и потому, что Греки никогда не могли одолѣть эту горсть иноплеменнаго населенія. Въ странѣ, гдѣ все поддалось греческому вліянію и культурѣ, одни только Валахи упрямы, говорятъ своимъ языкомъ и ведутъ жизнь совершенно обособленную и оригинальную. Гогами называютъ Куцо-Влаховъ Славяне на сѣверѣ въ Шаръ-дагѣ, около Призрена, Ипека и до Габрова. Гого есть сокращенное по валашски имя Георгій. Мнѣ кажется, что Славяне окрестили весь народъ Куцо-Влаховъ именемъ Георгія потому, что въ средѣ его особенно часто встрѣчается это имя, а встрѣчается оно часто потому, что нѣтъ почти валашскаго села, въ которомъ не было бы церкви во имя св. Георгія.

Выше сказано, что въ той части Балканскаго полуострова, гдѣ

дованія этнографа въ связи съ географіей, особенно тамъ, гдѣ историческіе памятники или исчезли, или неполны, какъ это оказывается, между прочимъ, по отношенію къ Балканскому полуострову. Современной наукѣ приходится пополнять этотъ недостатокъ и догадками замѣнять отсутствіе точныхъ указаній.

Весь Балканскій полуостровъ въ этомъ отношеніи интересенъ, и вездѣ этнографическое изученіе его трудно; но въ южной части этого полуострова, которая оканчивается настоящею Греціей, столпилось особенно много народностей, и народности эти особенно перепутаны. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо трудно рѣшить, кто здѣсь жилъ прежде, кто кого выгналъ, и даже кому въ настоящее время приходится или надобно здѣсь жить. Такъ, напримѣръ, кто жилъ въ Эпирѣ и Θессаліи во время Пирра, кажется, просто не возможно рѣшить; кто жилъ тамъ во время Силлы или Аларика — рѣшить трудно; можно сказать утвердительно только о томъ, кто тамъ жилъ во время Нѣманичей. Нѣтъ сомнѣнія, что то были Славяне. Но отъ этихъ-то именно послѣднихъ обитателей страны ничего почти не осталось, кромѣ названій да бѣлокурыхъ волосъ. Отъ древнѣйшихъ временъ, напротивъ того, остались развалины, языки и даже обычаи и привычки.

Можетъ быть, покажется страннымъ, что я, путешествовавшій по этимъ странамъ, и именно только вслѣдствіе этнографическихъ и географическихъ наблюденій надъ ними, но безъ розысканій въ историческихъ источникахъ, допускаю предположеніе, что во времена, напримѣръ, Силлы и Аларика здѣсь жили Римляне, или по крайней мѣрѣ, вообще народъ, принадлежавшій къ латинскому, италійскому племени и говорившій латинскимъ языкомъ. Тамъ до сихъ поръ сохранилось во всей, можетъ быть, чистотѣ только племя латинскаго корня, говорящее своимъ языкомъ и сохраняющее несомнѣнные физіологическіе признаки народа, живущаго теперь въ окрестностяхъ Рима и Флоренціи. Не буду вдаваться въ доказательство этого предположенія. Противъ доводовъ моихъ возопили бы и Албанцы, которые почти владѣютъ этою страной, и Греки, которые побѣдили ее своею культурой, и Славяне, которые окрестили горы, селы и рѣки этой страны своими названіями, и которымъ тоже хочется быть какъ можно болѣе старымъ и почтен-

σύγος значитъ просто—хребетъ, хребетъ по преимуществу. Пиндъ отъ Артскаго залива идетъ прямо на сѣверъ безъ перерыва до озеръ Охриды и Преспы, проходитъ между ними подъ названіемъ Сухой горы и поворачиваетъ на западъ около города Охриды подъ названіемъ Истокъ горы, записаннымъ и въ греческихъ лѣтописяхъ, ибо на склонѣ этой горы, въ одномъ селѣ, родился Юстиніанъ. Потомъ на правомъ берегу Бѣлаго Дрина хребетъ поворачиваетъ опять на востокъ, пока не соединяется съ другимъ, встрѣтившимся ему на пути хребтомъ — Шаръ-планиной, по турецки Шаръ-дагомъ. На протяженіи этого хребта, тамъ, гдѣ верховья рѣки Пенея орошаютъ Θессалійскую долину, отъ него отдѣляется какъ бы отрогъ, въ началѣ—около извѣстнаго въ новой греческой исторіи монастыря Спилеонъ и города Шатисты—скалистый и неприступный, а потомъ отлогій и покрытый роскошною растительностью, извѣстный теперь подъ названіемъ Хатья. Отрогъ этотъ идетъ непрерывно, отдѣляя долину Θессаліи отъ равнинъ западной Македоніи до горы Олимпа, и сливается съ нею. Затѣмъ отъ Олимпа идетъ на сѣверо-западъ еще кряжъ горъ, называемый Карагашъ, высокій, скалистый и тоже ограниченный съ обѣихъ сторонъ равнинами. Этотъ кряжъ проходитъ на западъ отъ городовъ Ениджe, Водены и Озера (теперь называется Островомъ) и примыкаетъ къ Пинду ниже Битоля и Преспинскаго озера у Сухой горы. Этотъ послѣдній хребетъ, Пиндъ и хребетъ Хатья составляютъ почти правильный треугольникъ, внутри котораго есть тоже горы, но небольшія, помѣщаются города Касторія, Шатиста, Кожани, и живетъ народъ, говорящій исключительно по гречески. Всѣ же эти хребты, которыхъ направленіе обозначено выше, и составляютъ почти сплошь страну Куцо-Влаховъ. Притомъ, главные ихъ центры, тѣ мѣста, гдѣ населеніе Валаховъ образуетъ не линію, а группу или сплошную массу селъ, находятся именно на самыхъ неприступныхъ, самыхъ скалистыхъ, дикихъ, лѣсистыхъ и высокихъ мѣстахъ этихъ горъ; а именно, населеніе это сплошное тамъ, гдѣ хребетъ Хатья отдѣляется отъ Пинда, гдѣ онъ особенно высокъ, богатъ снѣжными вершинами и даетъ начало пяти самымъ большимъ и извѣстнымъ въ греческой исторіи и миѳологіи рѣкамъ, Ахелою, Араксу, Каламѣ, Пенею и Аосу. Затѣмъ Валахи живутъ

проходитъ Пиндъ, по обѣимъ сторонамъ его, помѣстилось много разныхъ народностей—Греки, Албанцы, Валахи, Славяне и даже настоящіе Турки, подъ названіемъ Коньяръ. Народности эти перемѣшаны между собою, особенно въ Эпирѣ, самымъ страннымъ образомъ. Такъ, въ долинѣ Янины живутъ Греки, на западъ отъ нея Албанцы, на югъ тоже; въ десяти часахъ отсюда, еще болѣе къ югу, вокругъ Артскаго (въ древности Амвракійскаго) залива опять Греки; но за этимъ заливомъ, на востокъ и югъ отъ Арты до самой границы Греческаго королевства гнѣздятся въ непреступныхъ почти горахъ опять Албанцы, которые однако носятъ славянское имя—Радовицы.

Среди этой смѣси только Валахи живутъ сплошною массой на всемъ протяженіи Пинда. Какъ и какимъ образомъ они одни уцѣлѣли сплошною массой, тогда какъ направо и налѣво отъ нихъ все перемѣшалось и перепуталось,—на это можетъ отвѣтить географія, но она же свидѣтельствуетъ и о томъ, что Валахи не могли жить искони вѣковъ тамъ, гдѣ они живутъ теперь. Разсказъ объ ихъ обычаяхъ равнымъ образомъ покажетъ, что бытъ этого народа сложился подъ вліяніемъ весьма стѣсненныхъ обстоятельствъ. Можно предположить только, что нѣкогда Валахи вслѣдствіе тяжкой необходимости убѣжали въ страну, гдѣ пребываютъ нынѣ, и укрываясь въ ней за скалами, лѣсами и снѣгами, могли просуществовать здѣсь донынѣ только благодаря не установившемуся ходу жизни вокругъ нихъ, благодаря безпорядкамъ, которые начались, вѣроятно, еще съ набѣга на Эпиръ Аларика, затѣмъ были поддерживаемы нашествіями сперва Славянъ, а потомъ Турокъ, и продолжаются до сихъ поръ. Никому не было дѣла до этого маленькаго племени, всѣ были заняты своею собственною участью, а потому оно и уцѣлѣло понынѣ безъ существенныхъ измѣненій въ своемъ бытѣ.

Между Эпиромъ и Ѳессаліей, отъ самой границы настоящаго Греческаго королевства, на равномъ почти разстояніи отъ заливовъ Артскаго и Вольскаго, подымается и ясно выдѣляется между другими горными формаціями, большей или меньшей высоты, длинный и стройный хребетъ горъ; это—хребетъ Пинда, какъ звали его древніе Греки, или Зигосъ, какъ его зовутъ Греки новые. Слово

σύγος значитъ просто—хребетъ, хребетъ по преимуществу. Пиндъ отъ Артскаго залива идетъ прямо на сѣверъ безъ перерыва до озеръ Охриды и Преспы, проходитъ между ними подъ названіемъ Сухой горы и поворачиваетъ на западъ около города Охриды подъ названіемъ Истокъ горы, записаннымъ и въ греческихъ лѣтописяхъ, ибо на склонѣ этой горы, въ одномъ селѣ, родился Юстиніанъ. Потомъ на правомъ берегу Бѣлаго Дрина хребетъ поворачиваетъ опять на востокъ, пока не соединяется съ другимъ, встрѣтившимся ему на пути хребтомъ — Шаръ-планиной, по турецки Шаръ-дагомъ. На протяженіи этого хребта, тамъ, гдѣ верховья рѣки Пенея орошаютъ Θессалійскую долину, отъ него отдѣляется какъ бы отрогъ, въ началѣ—около извѣстнаго въ новой греческой исторіи монастыря Спилеонъ и города Шатисты—скалистый и неприступный, а потомъ отлогій и покрытый роскошною растительностью, извѣстный теперь подъ названіемъ Хатья. Отрогъ этотъ идетъ непрерывно, отдѣляя долину Θессаліи отъ равнинъ западной Македоніи до горы Олимпа, и сливается съ нею. Затѣмъ отъ Олимпа идетъ на сѣверо-западъ еще кряжъ горъ, называемый Караташъ, высокій, скалистый и тоже ограниченный съ обѣихъ сторонъ равнинами. Этотъ кряжъ проходитъ на западъ отъ городовъ Іенидже, Водены и Озера (теперь называется Островомъ) и примыкаетъ къ Пинду ниже Битоля и Преспинскаго озера у Сухой горы. Этотъ послѣдній хребетъ, Пиндъ и хребетъ Хатья составляютъ почти правильный треугольникъ, внутри котораго есть тоже горы, но небольшія, помѣщаются города Касторія, Шатиста, Кожани, и живетъ народъ, говорящій исключительно по гречески. Всѣ же эти хребты, которыхъ направленіе обозначено выше, и составляютъ почти сплошь страну Куцо-Влаховъ. Притомъ, главные ихъ центры, тѣ мѣста, гдѣ населеніе Валаховъ образуетъ не линію, а групу или сплошную массу селъ, находятся именно на самыхъ неприступныхъ, самыхъ скалистыхъ, дикихъ, лѣсистыхъ и высокихъ мѣстахъ этихъ горъ; а именно, населеніе это сплошное тамъ, гдѣ хребетъ Хатья отдѣляется отъ Пинда, гдѣ онъ особенно высокъ, богатъ снѣжными вершинами и даетъ начало пяти самымъ большимъ и извѣстнымъ въ греческой исторіи и миѳологіи рѣкамъ, Ахелою, Араксу, Каламѣ, Пенею и Аосу. Затѣмъ Валахи живутъ

группою въ большихъ горахъ, около Сухой горы и города Битоля, гдѣ другой кряжъ горъ отдѣляется отъ Пинда, ограничивая Македонскую долину, и идетъ до Олимпа. По этому кряжу валашскія села гнѣздятся одно около другого по линіи, а близь Олимпа образуютъ опять цѣлую групу по восточному его склону, на плоскихъ возвышенностяхъ, соединяющихъ горы Олимпъ и Аморбей, на сѣверъ отъ Лариссы.

Я съ намѣреніемъ точно опредѣлилъ направленіе этихъ горныхъ кряжей, ибо оно составляетъ точное опредѣленіе географическихъ границъ Валашскаго племени. Впрочемъ, границъ такихъ, собственно говоря, нѣтъ. Какъ по сторонамъ горныхъ кряжей идутъ равнины, такъ по сторонамъ валашскихъ поселеній, изъ которыхъ ни одно, можетъ быть, не построено ниже, чѣмъ на 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, живутъ въ равнинахъ сплошною массой Греки, Албанцы, Славяне, Турки; тамъ, гдѣ хребты суживаются, села валашскія вытягиваются въ линіи, все-таки никогда не сходя въ долины; тамъ же, гдѣ хребты эти расширяются, представляя узлы горныхъ сплетеній, неправильныхъ, скалистыхъ и неприступныхъ, тамъ селы Валаховъ групируются гнѣздами.

Такое разселеніе цѣлой народности, говорящей однимъ языкомъ и отличающейся неоспоримо однимъ типомъ физіологическимъ, можетъ ли быть слѣдствіемъ естественнаго положенія вещей? Нельзя не предположить, что народъ этотъ когда-то населялъ долины и поля у подножій своихъ теперешнихъ поселеній, но былъ загнанъ въ горы набѣгами другихъ народовъ—сначала Германскимъ племенемъ при Аларикѣ, потомъ Славянами, а затѣмъ Турками и давно присоединившимся къ нимъ Албанцами, которые ожили и ободрились послѣ нашествія Турокъ на Европу. Вѣроятно, энергическое Валашское племя, богато одаренное природой, особенно въ физіологическомъ отношеніи, не желавшее покориться счастливымъ побѣдителямъ, оторванное наплывомъ полудикихъ народовъ отъ общенія съ остальнымъ міромъ, ушло въ горы какъ можно повыше, за естественныя преграды, которыя природа полагала нашествію иноплеменниковъ, за быстрыя рѣки, за скалистыя окраины хребтовъ, и за ними побѣдители не нашли ни нужнымъ, ни полезнымъ послѣдовать. Такъ, Валахи и остались до сей поры, ревниво охраняя

свое убѣжище, ревниво огражденное и самою природой, которая засыпаетъ ихъ снѣгомъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году. Это исключительное и трудное существованіе сохранило ихъ замѣчательно и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ. Въ физическомъ отношеніи они не носятъ на себѣ примѣси чужой крови, крѣпки, необыкновенно сильны, массивны, красивы и упрямы, какъ животное, дающее имъ пропитаніе, мулъ. Въ нравственномъ отношеніи они представляютъ замѣчательное явленіе: направо и налѣво отъ ихъ жилищъ, подобно народностямъ, перемѣшались и религіи. Мусульмане, православные, католики помѣстились смѣшанно въ долинахъ, спорятъ и воюютъ между собою теперь, а встарь къ этому хаосу присоединялись еще богумилы, павликіане и т. д. Не смотря на все это, всѣ Валахи неизмѣнно православные, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до послѣдняго времени пользовались даже независимостью своего церковнаго управленія отъ Константинопольскаго патріарха. Они кое-гдѣ сохранили экзархаты, какъ напримѣръ, въ Мецовѣ, центральномъ городѣ ихъ поселенія въ Эпирѣ. Экзархами этими были архимандриты, и хотя ихъ рукополагали ближайшіе греческіе епископы, но на веденіе ими своихъ дѣлъ эти послѣдніе не имѣли никакого вліянія.

Географическое положеніе настоящаго мѣстожительства Куцо-Влаховъ крайне замѣчательно, какъ это видно изъ вышеизложеннаго: едва ли есть еще на свѣтѣ народъ, живущій въ столь необыкновенныхъ условіяхъ. Но внутренняя жизнь этого народа, семейный и общественный бытъ, способы, употребляемые имъ для снисканія средствъ къ жизни, можетъ быть, еще страннѣе и оригинальнѣе.

Въ Испаніи, которая своимъ геологическимъ образованіемъ похожа на Турцію, до сихъ поръ существуетъ цѣлое сословіе номадовъ — странствующихъ пастуховъ; но это не народъ, а только классъ народа, не имѣющій нигдѣ осѣдлости. Въ Россіи существуютъ Владимірскіе офени; но это тоже странствующій классъ народа. Куцо-Влахи—это цѣлый особый народъ, живущій въ условіяхъ номадовъ, и притомъ съ тою особенностью, что имѣетъ свою осѣдлость, свое отечество, живетъ своею особенною жизнью, да еще столь крѣпкою, столь живучею, что даже въ нынѣшнемъ

столѣтіи не разъ съ оружіемъ въ рукахъ и очень энергично защищалъ свое отечество, то-есть, свои горы, свои села.

Куцо-Влаховъ, живущихъ на всемъ протяженіи Пинда и Олимпа, отъ греческой границы до Шаръ-дага, можно раздѣлить по образу ихъ жизни на двѣ категоріи. На пространствѣ отъ границы Греціи до Битоля или Охридскаго озера Валахи почти исключительно пастухи или погонщики муловъ; около же Битоля и далѣе къ сѣверу они торговцы и ремесленники; но и тамъ, и здѣсь они номады.

Какъ уже сказано выше, села Валаховъ расположены по хребтамъ горъ, обыкновенно очень высоко, непремѣнно ограждены почти непроходимыми скалистыми обрывами и отдѣлены большею частью отъ долинъ, на право и на лѣво, быстрыми и довольно большими горными рѣками. Такъ, со стороны Эпира поселенія Валаховъ Пинда ограничены теченіемъ рѣкъ Аракса и Каламы, и за этими рѣками, которыя какъ-бы отрѣзываютъ хребетъ Пинда отъ холмовъ Эпира, нѣтъ ни одного поселенія Валаховъ. По хребту Хатья область Валаховъ ограничена съ сѣвера рѣкою Саламвріей, а къ югу Пенеемъ. Главный центръ ихъ поселеній находится въ горахъ, которыя даютъ начало пяти упомянутымъ выше знаменитымъ греческимъ рѣкамъ. Тутъ въ серединѣ стоитъ городокъ Мецово, небольшой, но весьма важный по своему центральному положенію и по вліянію, которое онъ имѣетъ вслѣдствіе того на остальные валашскіе города и села. Мецово есть какъ-бы столица этого племени. Тутъ живетъ валашскій экзархъ, который имѣлъ прежде довольно обширную юрисдикцію, но теперь, вслѣдствіе постоянныхъ посягательствъ со стороны Грековъ, сохранилъ въ своемъ вѣдѣніи только пять селъ. Жизнь Мецовскихъ жителей также отличается отъ жизни другихъ Валаховъ. Это единственные представители этого племени, которые не живутъ какъ номады. Они занимаются, такъ сказать, нравственною администраціей своего народа, даютъ тонъ его стремленіямъ и направленію и выдѣляютъ изъ себя личности, которыя становятся турецкими сановниками, и въ качествѣ таковыхъ, засѣдаютъ въ совѣтахъ Янины и даже Константинополя, какъ-бы въ видѣ представителей и защитниковъ своего народа. Греческая цивилизація проникла въ Мецово въ

значительной степени, болѣе чѣмъ во всѣ остальныя поселенія Валаховъ Пинда, но все-таки это богатое село твердо сохраняетъ свою національную особенность, свои обычаи. Въ Мецовѣ даже многія женщины знаютъ читать и писать по гречески, но даже живя въ Янинѣ или Лариссѣ, ревниво сохраняютъ свой костюмъ и свой языкъ въ семействѣ. Мецово, вѣроятно, и въ древнія времена было центральнымъ пунктомъ, господствовавшимъ надъ Эпиромъ и Ѳессаліей. Около города есть плоская возвышенность, богатый лугъ, окруженный скалистыми вершинами горъ, который и теперь называется Императоріей. Мѣстные грамотѣи увѣряютъ путешественниковъ, что здѣсь была главная твердыня Пирра. И дѣйствительно, въ одномъ углу Императоріи остались развалины отъ IV или V вѣка до Рождества Христова — стѣны, сложенныя безъ цемента изъ большихъ квадратовъ дикаго камня, уже довольно правильно обтесанныхъ. Мецово стоитъ почти на высотѣ 3500 футовъ надъ поверхностью моря; но люди могутъ еще жить здѣсь постоянно, то есть, зимой и лѣтомъ. Около Мецова на различномъ разстояніи по протяженію Пинда, отъ границъ Греціи до горы Смольки, тянутся настоящія коренныя валашскія села, изъ которыхъ главныя суть Каларитесъ, Краня, Периволи, Авделя, Саморина. Жизнь этихъ селъ крайне любопытна и оригинальна. Видно, что только тяжелыя историческія обстоятельства, отчаянная борьба за жизнь могли загнать цѣлый народъ въ такое мѣсто, гдѣ жить нельзя, и гдѣ однако люди ухитряются жить. Ни одно изъ вышеупомянутыхъ селъ и множество другихъ меньшаго размѣра не построены ниже 4000 футовъ надъ поверхностью моря, и притомъ, при такихъ условіяхъ, что шесть или семь мѣсяцевъ въ году ихъ засыпаетъ снѣгъ, такъ что изъ-подъ него не видно ни одной домовой крыши. Еслибъ человѣкъ могъ зимой забраться на то мѣсто, гдѣ стоитъ, напримѣръ, Каларитесъ, Периволи или Саморина—что почти не вѣроятно,—то онъ прошелъ бы поверхъ города по снѣгу, ни чуть не подозрѣвая даже, что подъ нимъ находится болѣе тысячи отлично построенныхъ домовъ, въ которыхъ лѣтомъ кипитъ бурная, богатая и обильная довольствомъ жизнь. Лѣтомъ, пробираясь въ Периволи, гдѣ я былъ нѣсколько разъ, я чуть было не утонулъ въ рѣкѣ Каламѣ, переполнившейся водою послѣ грозы;

потомъ, пробираясь по дремучему сосновому лѣсу и по откосамъ горъ почти перпендикулярнымъ, я думалъ забраться въ ужасную глушь и дичь, — и каково же было мое удивленіе, когда, выйдя изъ лѣса, я увидѣлъ передъ собою на зеленой снѣжей ливадѣ, окруженной соснами, цвѣтущій богатый городъ, чисто построенный, съ домами не рѣдко въ 15 оконъ врядъ, въ два этажа, городъ, наполненный прекраснымъ рослымъ народомъ, красивыми женщинами, одѣтыми въ самые разноцвѣтные и яркіе костюмы. Я понялъ тогда, почему турецкое войско никогда не заходило въ это село. Пробираясь въ Каларитесъ, въ одномъ мѣстѣ я тоже чуть было не сорвался съ лошади съ страшнаго крутого обрыва въ рѣку Араксъ и покорился моему проводнику, которому сначала не хотѣлъ вѣрить, когда онъ увѣрялъ меня, что въ Каларитесъ ходятъ только пѣшкомъ, а если ѣздятъ, то на мулахъ; я не хотѣлъ этому вѣрить, ибо зналъ, что Каларитесъ—богатый городъ, имѣющій болѣе 1000 домовъ, и что въ немъ недавно одинъ египетскій богачъ, Томица, построилъ чуть не дворецъ, большую школу и больницу. Еще болѣе удивила меня Саморина, въ которой болѣе 1500 домовъ; я пріѣхалъ туда въ первый разъ на праздникъ св. Георгія и былъ пораженъ красотой здѣшнихъ построекъ, стеченіемъ народа веселаго и красиваго, а главное—пѣлыми складами валашскаго товара, который здѣсь въ этотъ день продается, какъ на ярмаркѣ, почти на все Валашское племя, и въ массѣ котораго преобладали ковры, *веленцы* (толстое лохматое сукно), толстое красное сукно для женщинъ и бѣлое для мущинъ, сыръ и мулы. И гдѣ стоитъ эта Саморина? По изысканіямъ недавно умершаго географа Турціи, Француза Лежана, на высотѣ 5200 футовъ, надъ самою вершиною Смольки, среди дикаго лѣса и скалъ. И всѣ эти села, о которыхъ я говорю, засыпаются зимою снѣгомъ, такъ что ихъ даже не замѣтно. Какъ же живутъ люди при такихъ условіяхъ? Живутъ хорошо, въ довольствѣ, безъ сомнѣнія, несравненно лучше Албанцевъ, которыхъ почти содержитъ и кормитъ турецкое правительство, и Грековъ, которые воздѣлываютъ богатыя поля у подножія куцо-влашскихъ горъ.

Понятно, что племя можетъ сохранить свой языкъ, свою народность, свой образъ жизни, если оно постоянно живетъ въ своихъ

горахъ, какъ напримѣръ, Черногорцы. Но нѣтъ, Куцо-Влахи не живутъ въ своихъ горахъ постоянно. Половину года села ихъ необитаемы, и все племя переселяется на шесть мѣсяцевъ въ году въ долины, гдѣ живутъ то Греки, то Славяне, то Альбанцы; оно странствуетъ съ своими мулами по всей Турціи и все-таки не теряетъ своей народности до такой степени, что, кромѣ развѣ уроженокъ Мецова, вы не найдете ни одной куцо-влашской женщины, которая умѣла бы говорить на какомъ-либо другомъ языкѣ, кромѣ валашскаго. Дѣло въ томъ, что Валахи, сходя съ своихъ горъ въ долины, живутъ также обособленно, какъ и въ горахъ, не смѣшиваясь съ окрестными жителями своихъ временныхъ обиталищъ.

Села Валаховъ, какъ я сказалъ, построены на горныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, обыкновенно тамъ, гдѣ беретъ начало какая-нибудь горная рѣка, гдѣ кругомъ есть много ливадъ, горныхъ луговъ. Сосновый дремучій лѣсъ есть вездѣ около селъ Валаховъ. Дома ихъ строятся изъ большихъ кусковъ дикаго камня, едва обтесанныхъ, массивно, крѣпко, некрасиво, въ родѣ ящика. Но дома бываютъ отличные, большіе, крѣпкіе, словно крѣпости; въ нихъ дѣлаются маленькія окна въ родѣ крѣпостныхъ бойницъ, и низкія двери, въ которыя высокіе и стройные Валахи входятъ сгибаясь въ три погибели и затѣмъ скорѣе спѣшатъ сѣсть, чтобъ не удариться головой о потолокъ. Комнатъ много, и женщины не живутъ здѣсь вмѣстѣ съ мужчинами, какъ это часто встрѣчается у Грековъ. Дома покрыты аспидными плитами и строятся безъ печей, убраны крайне незатѣйливо, но часто богато; видно только, что въ нихъ живутъ временно, какъ на кочевкѣ. Все убранство дома такое, что его можно захватить съ собою въ одинъ день и унести куда-нибудь безъ малѣйшаго затрудненія. Полъ устланъ коврами, по сторонамъ комнаты лежатъ тюфяки, набитые овечьею шерстью и покрытые веленцами, толстымъ лохматымъ сукномъ, обыкновенно—краснаго или темно-синяго цвѣта. Стѣны обыкновенно украшены сплошь шкапиками, полочками, этажерками, нишами. Все это рѣзное, и рѣзано съ артистическимъ умѣньемъ и вкусомъ изъ орѣховаго дерева или изъ сосны. Въ этихъ шкапчикахъ и этажеркахъ разставлена посуда, непремѣнно мѣдная, а у зажиточныхъ людей—и серебряная. Даже стекла почти нѣтъ, такъ какъ оно не удобно для переноски. Въ углахъ нава-

лены казаны—большія кострюли изъ мѣди, а по всему дому встрѣчаются ведра, высокіе и узкіе боченки, чашки и всякая другая деревянная посуда. Чистота вездѣ замѣчательная. Все, что̀ находится въ домѣ, исключая мѣдной посуды, по обилію которой судятъ о богатствѣ или бѣдности хозяина, все сдѣлано руками домашнихъ: и ковры, и веленцы, и деревянная посуда, и деревянныя украшенія стѣнъ. Нѣтъ ничего купленнаго. Накормятъ васъ бараньимъ мясомъ, непремѣнно жаренымъ, отличнымъ молокомъ и сыромъ, а для дорогаго гостя изжарятъ и форелей. Вина почти нигдѣ не найдете; Валахи его не пьютъ.

Таково помѣщеніе Куцо-Влаха лѣтомъ. Что жь онъ тутъ дѣлаетъ?

Я упомянулъ, что главный и почти единственный источникъ богатства валашскихъ селъ состоитъ въ овцахъ, мулахъ и деревѣ. Геологическое устройство Пинда таково, что внизу онъ скалистъ, неплодороденъ, голъ, но около вершинъ своихъ онъ поросъ лѣсомъ, а на самомъ верху представляетъ большія плоскости, покрывающіяся лѣтомъ отличною, сочною, высокою травою. На этихъ ливадахъ могутъ пастись огромныя стада. Въ Периволи, напримѣръ, имѣющимъ до 500 домовъ, имѣлось, когда я тамъ бывалъ, до 200,000 головъ овецъ. Всѣ эти стада бродятъ по ливадамъ и лужайкамъ въ лѣсахъ; ихъ пасутъ мужчины, вооруженные съ ногъ до головы; они же доятъ овецъ, бьютъ масло, варятъ сыръ, живя и день и ночь въ *колибахъ*, шалашахъ, построенныхъ изъ сосновыхъ вѣтвей, часто очень далеко отъ села, въ которое они ходятъ по праздникамъ къ обѣднѣ, да для того, чтобы запастись хлѣбомъ. Женщины тутъ никогда не найдешь. Доятъ овецъ вечеромъ, бьютъ масло ночью, чтобы молоко не скислось; днемъ пастуху скучно и дѣлать нечего, а потому онъ коротаетъ день сидя съ ножемъ въ рукахъ и вырѣзывая изъ дерева разныя фигурки, столбики, шканчики, которыми потомъ украшаются валашскіе дома и церкви. Искусство рѣзьбы доведено у Валаховъ до значительной степени совершенства. Путешественники Англичане при мнѣ часто приходили въ восторгъ отъ вещей, сдѣланныхъ Валахами, и дорого за нихъ платили. Изъ ближайшихъ греческихъ городовъ валашскимъ пастухамъ часто дѣлаютъ большіе заказы для церквей, и въ самомъ дѣлѣ, рѣзьба, украшающая, напримѣръ, богатыя церкви

Янины, очень замѣчательна. Янинскій соборъ заплатилъ Валахамъ Каларитеса за свой иконостасъ и архіерейскій тронъ до 5,000 ливровъ.

Но такъ какъ мужскаго населенія слишкомъ много для занятій пастушествомъ и рѣзьбою, то остатокъ его, люди самые смѣтливые и крѣпкіе, занимаются извозомъ; они — *кираджи*, погонщики муловъ. Ливады Пинда, доставляя обильную пищу большимъ стадамъ овецъ, доставляютъ ее также и стадамъ муловъ, разведеніемъ которыхъ тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла занимаются Валахи. Такихъ прекрасныхъ муловъ, какъ у нихъ, я видѣлъ только въ южной Испаніи, съ тою лишь разницею, что испанскіе мулы вороные, и какъ извѣстно, упрямые, а валашскіе гнѣдые и рыжіе и удивительно покорны и кротки. Этихъ муловъ на Пиндѣ множество, и они составляютъ главную перевозную силу Турецкой имперіи. Безъ валашскихъ муловъ турецкое войско не могло бы переходить съ мѣста на мѣсто. Этихъ муловъ, съ ихъ погонщиками Валахами, вы встрѣтите вездѣ въ Турціи—въ Болгаріи, въ Ѳракіи, въ Малой Азіи. Замѣчательна соціальная сторона этого промысла. Стадо муловъ и группа ихъ погонщиковъ изъ одного села, а часто не только села, но и цѣлаго валашскаго округа, составляетъ артель. Мулы эти принадлежатъ лично тому или другому погонщику, но распоряжаться ими каждый отдѣльно не можетъ. Они нанимаются отъ артели, которая повинуется выбранному изъ среды своей кираджи-башѣ. Онъ назначаетъ кому куда идти, опредѣляетъ плату, собираетъ деньги и распредѣляетъ ихъ между хозяевами. Для Турецкой имперіи, то есть, для турецкаго правительства, устройство этихъ артелей и этотъ промыселъ Валаховъ такъ важны, что въ послѣднее время, послѣ смутъ, произведенныхъ Греціей въ Эпирѣ въ 1854 году, правительство запретило выбирать кираджи-башей, а назначаетъ ихъ само и даетъ каждому кираджи-башѣ при его назначеніи орденъ Меджидіе. Въ турецкой чиновной іерархіи онъ стоитъ наравнѣ съ бинъ-баши, батальоннымъ командиромъ. Но это обстоятельство весьма подрываетъ благосостояніе Валаховъ. Лѣтомъ тѣ валашскіе кираджи, которыхъ не нанимаютъ торговцы окрестныхъ городовъ, и которые не наряжены турецкими военными

или гражданскими начальниками, перевозятъ изъ валашскихъ селъ въ разные концы Турціи сыръ и масло, продаютъ ихъ, покупаютъ и везутъ въ свои села муку, соль и *чарухи*, то есть, особенную кожу для своей обуви. Соль потребна Валахамъ въ огромномъ количествѣ для овецъ и для соленія сыра; чарухи тоже необходимы для людей, вѣчно ходящихъ по камнямъ.

Въ то время, какъ мужское поколѣніе, отъ мала до велика, занято описанными мною занятіями, женское сидитъ дома и тоже работаетъ на общую пользу; женщины въ это время прядутъ шерсть, ткутъ ковры, веленцы, *кабаницы*, *флокаты* (одѣянія Валаховъ), синее сукно для мужскихъ шароваръ, красное для себя и шерстяные пояса для обоихъ половъ. Женщины изготовляютъ все убранство дома и всю одежду, какъ мужскую, такъ и женскую. Валахъ рѣшительно ничего изъ платья не покупаетъ. Только самые богатые носятъ полотняныя рубашки. Обыкновенно Валахи носятъ все шерстяное и никогда своей одежды не перемѣняютъ,—ни зимой, ни лѣтомъ. Мужчины носятъ бѣлые длинные кафтаны, опоясанные краснымъ кушакомъ, синіе шаровары до колѣнъ, толстую бѣлую шерстяную обувь на голеняхъ и во время дождя покрываются черною кабаницей или бѣлою флокатой. Кабаница есть совершенное подобіе черкесской бурки; флоката тоже сдѣлана изъ косматаго сукна, но бѣлаго, обхватываетъ талію и имѣетъ полурукава, заброшенные назадъ и дающіе Валаху или Греку, ее носящему, видъ цыпленка, который собирается летѣть. Женщины тоже одѣваются своими средствами, но только не въ бѣлое, а въ красное платье, и расшиваютъ свои одежды, особенно фартуки, искусными и разноцвѣтными узорами. Чулки тоже представляютъ замѣчательную мозаику красокъ. Женщины эти такія скопидомки, что онѣ даже волосы своихъ умершихъ матерей, бабушекъ и прабабушекъ собираютъ и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ нѣчто въ родѣ шиньоновъ, часто огромныхъ размѣровъ, которые передаются изъ рода въ родъ и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ выростаютъ въ размѣрахъ. Я видѣлъ шиньоны, которымъ, по увѣренію ихъ владѣтельницъ, было за 200 лѣтъ. Впрочемъ, кое-что Валахъ и покупаетъ для своего костюма, именно—золотые и шелковые гайтаны, которыми онъ расшиваетъ свою жилетку—*елекъ*; но это дѣлаютъ только богатые. На-

стоящій же Валахъ, какъ и его жена, и лѣтомъ, и зимой ходитъ съ открытою грудью.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ кругомъ страны Куцо-Влаховъ все въ Турціи наводнено произведеніями австрійскихъ и англійскихъ фабрикъ, между тѣмъ какъ ткани, сдѣланныя на манеръ восточныхъ въ Богеміи, Штиріи и Манчестрѣ, вытѣснили въ Турціи восточныя произведенія и убили мѣстное рукодѣліе и ремесло, одни только Валахи не поддаются этому вліянію и безъ охранительной системы фабрикуютъ для себя все потребное,—да и не только для себя, но еще вывозятъ большими массами и продаютъ въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Македоніи и даже въ Греческомъ королевствѣ свои ковры и свои веленцы, которые они умѣютъ мастерски окрашивать, особенно въ красный цвѣтъ.

Но вотъ приходитъ конецъ августа или начало сентября. Утромъ настаютъ очень чувствительные морозы, иней покрываетъ ливады и сосновый лѣсъ, а иногда выпадаетъ снѣжокъ, который потомъ таетъ на солнцѣ, но отъ котораго вянетъ трава. На овцахъ шерсть уже выросла, ягнята перестали сосать и привыкли щипать зелень. Все валашское село, иногда, какъ напримѣръ, въ Саморинѣ, въ 10,000 душъ населенія, какъ одинъ человѣкъ, подымается съ своего мѣста. Стада муловъ пригоняются въ село. Веленцы, ковры свертываются въ трубки, какъ и всѣ пожитки, и навьючиваются на муловъ; поверхъ ихъ кладется мѣдная и деревянная посуда. Стада овецъ тоже собираются вокругъ села. Обѣдня отслужена, священники окропляютъ стада святою водой. Всѣ двери и окна запираются наглухо тяжелыми засовами и замками, мужчины закидываютъ за спину свои ружья, женщины затыкаютъ сзади, за воротникъ верхней толстой одежды, палки, на которыхъ возвышаются клоки шерсти, и берутъ въ руки веретена; впередъ выѣзжаетъ на рыжемъ мулѣ кираджи-баши, окруженный огромною стаей веселыхъ лохматыхъ собакъ, и все село, старики, старухи, дѣти, до послѣдняго человѣка, трогается въ путь, пропадаетъ въ лѣсу, потомъ переходитъ съ горы на гору и идетъ часто за 200 или 300 верстъ къ берегу моря, въ какую-нибудь долину Эпира, Ѳессаліи или Македоніи, на зимнее житье. Я присутствовалъ разъ, именно въ Саморинѣ, при этомъ исходѣ цѣлаго населенія. Минута эта

дѣйствительно торжественна и умилительна. Всѣ серіезны, никто почти не говоритъ ни слова. Какая энергія должна быть въ народѣ, переносящемъ такую жизнь въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и какая крѣпость здоровья и мышцъ! Старые старики и старухи за 80 лѣтъ также плетутся за толпой, какъ и малыя дѣти, ни чуть не ропща на судьбу и не думая, что такая жизнь не конфортабельна, что множество людей укутывается на зиму въ своихъ домахъ, а не идетъ жить въ шалашахъ подъ дождемъ и среди слякоти южной зимы.

Въ селѣ не остается никого, и обыкновенно чрезъ два или три дня, много чрезъ недѣлю послѣ ухода жителей, его засыпаетъ снѣгъ и такимъ образомъ замѣняетъ собою сторожей. Итакъ, богатый, но пустой городъ остается одинъ безъ людской охраны, тогда какъ внизу, подъ горой, живутъ хищные Албанцы, которые научили всѣхъ въ этихъ странахъ не класть плохо. А между тѣмъ примѣровъ почти не было, чтобъ оставленный Валахами городъ былъ ограбленъ этими Албанцами. Зимой этого сдѣлать нельзя: отъ снѣговъ не доберешься до города. Но разъ случилось съ Саморино такое происшествіе: послѣ ухода жителей прошло довольно много времени, а снѣгъ не выпадалъ. Албанцы изъ города Премети и его окрестностей воспользовались этимъ обстоятельствомъ и ограбили Саморину, то есть, то немногое, что могли въ ней найдти по уходѣ жителей. Валахи это узнали; пришло лѣто, и они собрали сильную дружину, которая напала на Преметійскій уѣздъ и дала себя знать. Это было въ сороковыхъ годахъ, и Албанцы разсказываютъ объ этомъ происшествіи, называя его валашскимъ набѣгомъ.

Вообще, чтобы быть въ безопасности отъ Албанцевъ, какъ лѣтомъ въ своихъ селахъ, такъ и на зимнихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ защиты горъ, Валахи должны держать Албанцевъ въ страхѣ и доказывать имъ постоянно, что съ ними не такъ-то выгодно дѣлать недоброе дѣло; поэтому они постоянно носятъ оружіе и дерутся съ Албанцами съ большимъ удовольствіемъ. Въ прежнее время турецкое правительство, и особенно Аали-паша Янинскій, пользовались этимъ обстоятельствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Когда властямъ турецкимъ приходило иногда на мысль ограничить албанское своеволіе или подвергнуть преслѣдованію шайку

албанскихъ разбойниковъ, которая уже слишкомъ начинала надоѣдать, то онѣ обыкновенно приглашали Валаховъ, и это было самое надежное войско. Валахи хоть и христіане, но Турки охотно дозволяли имъ такія военныя упражненія. Вопервыхъ, эта обособленная народность не увлекалась теоріями и стремленіями къ возрожденію, которыя обуревали греческій Эпиръ и Ѳессалію, а вовторыхъ, существованіе Валаховъ нужно было для Турціи, имѣвшей настоятельную потребность въ погонщикахъ муловъ. Теперь эти отношенія измѣнились. Въ стремленіяхъ своихъ Валахи южной Турціи присоединяются къ Грекамъ, и упражненія ихъ съ оружіемъ дѣлаются неудобными для турецкаго правительства; оно уже не употребляетъ ихъ болѣе противъ Албанцевъ. Впрочемъ, и эти послѣдніе стали теперь гораздо смирнѣе.

Валахи идутъ отъ своего лѣтняго жилья на зимнее (*кишла* по турецки, *химадьо* по гречески) цѣлымъ селомъ, въ одной группѣ; часто соединяются въ одну общину даже два или три села; они идутъ медленно, ибо нужно вести большія стада, охранять ихъ, да еще и дорогою не терять времени—бить масло и варить сыръ. Валахи заранѣе на всемъ протяженіи своего пути откупаютъ ливады и луга у мѣстныхъ собственниковъ. Этотъ порядокъ заведенъ издавна, и споровъ тутъ не бываетъ. Химадьо обыкновенно есть долина, изобилующая травой, около моря. Ее Валахи также откупаютъ у селъ, которымъ она принадлежитъ. Зимою всѣ берега Іоническаго моря и Артскаго залива, съ одной стороны, и Вольскаго и Салоникскаго заливовъ, съ другой, усѣяны валашскими стадами и коливами и наполняются лаемъ ихъ косматыхъ собакъ старой милосской породы, о которой разсказывалъ еще Геродотъ.

Пришедши на мѣста, откупленныя для зимы, Валахи на равнинахъ строятъ свои такъ называемые *станы*, лагери. Извѣстную часть поля, по возможности около проточной воды, они обносятъ рвомъ, защищаютъ его заборомъ изъ вѣтвей колючихъ растеній и въ серединѣ этой крѣпости воздвигаютъ коливы, помѣщая ихъ въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Каждое семейство строитъ себѣ коливу, а часто и нѣсколько коливъ, если оно богато. Коливы строятся конусообразно изъ толстаго хвороста, покрываются сначала коврами, а по нимъ камышемъ или хворостомъ

деревъ, не теряющихъ зимой листа, — лавра, мирты и т. п. Въ серединѣ коливы помѣщается очагъ, надъ которымъ виситъ постоянно котелъ; кругомъ раскладываются тюфяки, ковры и веленцы, на которыхъ спятъ женщины и дѣти, и какъ лѣтомъ, изготовляютъ шерстяныя принадлежности своего жилья и костюма. Кругомъ коливы обыкновенно дѣлается навѣсъ, подъ которымъ разставляется деревянная посуда для сыру, молока и масла. Вдали отъ коливъ, въ углу стана, обыкновенно находится помѣщеніе для варенія молока: туда сносятъ, подоивши овецъ, все молоко; всѣ хозяева сливаютъ его въ общіе котлы и вмѣстѣ варятъ, записывая или запоминая количество, какое кто принесъ.

Нѣкоторая часть валашскихъ полукомадовъ живетъ и не въ коливахъ. Села по берегамъ Ахелоя (Аспропотамо) и вокругъ Олимпа исключительно нанимаютъ на зиму цѣлыя села около Вольскаго залива и отчасти на сѣверъ отъ Лариссы, даже въ Темпейской долинѣ. Въ этихъ селахъ, нанятыхъ, по соглашенію съ общиною, Валахи помѣщаются вмѣстѣ съ хозяевами Греками, но занимаются тѣмъ же дѣломъ, какимъ занимаются и ихъ соотчичи, обитатели коливъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, села валашскія около Аспропотамо и Олимпа гораздо болѣе другихъ валашскихъ поселеній носятъ на себѣ отпечатокъ греческой культуры и болѣе другихъ участвуютъ въ политической жизни Грековъ. Такъ, знаменитая встарь шайка греческихъ клефтовъ около Олимпа и Оссы на половину состояла изъ Валаховъ, и нѣкоторыми изъ представителей этихъ послѣднихъ гордились Греки, какъ напримѣръ, клефтами Кацандинисъ, Жако и многими другими.

Но Греки гордятся и другими представителями Валашскаго племени, которыхъ они пріобщили къ своей политической жизни. Таковъ, напримѣръ, Колетти, самый знаменитый греческій министръ, а главное — самый практичный, единственный, можетъ быть, человѣкъ, который умѣлъ управлять Греками и много для нихъ сдѣлалъ. Прежде чѣмъ быть министромъ короля Оттона, онъ былъ домашнимъ секретаремъ и докторомъ Али-паши Янинскаго, которому также служилъ вѣрой и правдой. Колетти былъ Валахъ изъ села Каларитесъ. Въ Вѣнѣ теперь есть богатѣйшее семейство знаменитаго банкира барона Сина, который

всѣмъ извѣстенъ какъ Грекъ. Но на самомъ дѣлѣ Сина—Валахъ изъ почти не существующаго теперь города Воскополиса.

По этому поводу я долженъ сказать, что не всѣ Валахи — осѣдлые номады. Описанный родъ жизни ведутъ исключительно Валахи Пинда, Хатьи и Олимпа. На сѣверъ отъ горы Смольки, то есть, приблизительно отъ городовъ Премети и Касторіи, характеръ жизни Валаховъ совершенно осѣдлый. Тутъ встрѣчаются богатыя торговыя села Трново, Маргарово и др., которыя поражаютъ путешественника красотою своихъ богатыхъ, чистыхъ домовъ и культурнымъ превосходствомъ своихъ жителей надъ всѣмъ окружающимъ міромъ, не исключая даже и греческаго. Зная нѣмецкій или французскій языкъ, вы можете совершенно свободно существовать въ этихъ селахъ, помѣщенныхъ въ ужасной глуши и трущобахъ. Жители этихъ селъ—торговцы, имѣющіе дѣла прямо съ Европой. Въ ихъ рукахъ до сихъ поръ сосредоточивается торговля въ этихъ странахъ среди Славянъ и Албанцевъ. Самый городъ Битоль болѣе валашскій, чѣмъ какой-либо другой, а наиболѣе богатое населеніе этого города принадлежитъ скорѣе Валашскому, чѣмъ какому-либо другому племени.

Теперь однако значеніе Валаховъ, какъ торговцевъ, очень уменьшилось, именно съ тѣхъ поръ, какъ сообщенія съ внутреннею Турціей сдѣлались свободнѣе, и миръ все болѣе или менѣе установляется между народностями, ее составляющими. Но въ старину, до и во время Али-паши въ Янинѣ, Бушатли въ Скутари, Курдъ-паши въ Бератѣ когда Албанцы, Греки, Славяне дрались между собою, населеніе Валаховъ между Бератомъ, Корчею и Битолемъ составляло оазисъ, не принимавшій участія въ этой брани и потому богатѣвшій. Тутъ произошло явленіе чуть ли не единственное въ мірѣ. Въ теченіе нѣсколько можетъ быть столѣтій тутъ процвѣтали большіе и богатые города и затѣмъ вдругъ исчезли съ лица земли, исчезли совершенно, не оставивъ никакого почти слѣда. Это произошло лѣтъ сорокъ тому назадъ, такъ сказать, въ одно мгновеніе. Правда, Албанцы грабили эти города во время отчаянной борьбы между Али-пашею Янинскимъ и Курдъ-пашею Бератскимъ и благодаря происходившему отъ этой борьбы хаосу. Но это не было главною причиной ихъ исчезновенія. Впрочемъ, какова была эта

причина—я не берусь объяснить, а только отмѣчаю, съ точки зрѣнія этнографіи, что сорокъ лѣтъ тому назадъ въ городѣ Воскополисѣ было до 12,000 домовъ, фабрики, типографіи и большія школы, въ Бискукѣ до 10,000 домовъ, въ Шипскѣ до 6,000. Теперь же въ Бискукѣ и Шипскѣ только нѣсколько албанскихъ шалашей ютятся на грудахъ камня, на старыхъ развалинахъ, а въ Воскополисѣ, въ бывшей валашской столицѣ (*Воско*-полисъ—городъ Восковъ, Валаховъ-пастуховъ), существуетъ не болѣе до сотни домовъ. Но этого, подъѣзжая къ городу издали, нельзя почти замѣтить. Вся долина Воскополиса покрыта еще строеніями, какъ кажется издали; только подъѣхавъ ближе, вы видите, что это лишь печальные остовы домовъ и церквей, полуразрушенные, обросшіе мхомъ и плющемъ. Тяжелое зрѣлище!

Итакъ, таланты и призваніе Валашскаго племени разнообразны. Далѣе Охриды, на Шаръ-дагѣ, около Призрена, Приштины, Ласковаца, племя ихъ называется Гогами. Тутъ они не составляютъ отдѣльнаго поселенія, не живутъ отдѣльными общинами и селами, и потому вовсе не имѣютъ географическихъ границъ. Они разсѣяны по всѣмъ почти городамъ сѣверной и восточной Македоніи и Старой Сербіи и занимаются ремеслами, большею частью кузнечествомъ и другими производствами изъ металловъ. Гоги составляютъ, такъ сказать, слабое звѣно, соединяющее между собою сплошныя поселенія Куцо-Влаховъ Эпира, Ѳессаліи и Македоніи съ такимъ же сплошнымъ населеніемъ Валаховъ Дунайскихъ, которые теперь называютъ себя Румунами—Римлянами.

Чтобъ окончить эти бѣглыя замѣтки о житьѣ-бытьѣ цѣлаго племени, о которомъ даже мало кто и слыхивалъ, мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ объ его численности и физіологическихъ признакахъ.

Количество Валаховъ, живущихъ въ горахъ между Эпиромъ, Ѳессаліей и Македоніей, то есть, тѣхъ, которые живутъ сплошною массою, не перемѣшанною съ другими народностями, опредѣлить весьма трудно, а количество тѣхъ Валаховъ, которые живутъ на сѣверъ отъ Охриды и около Берата, подъ именемъ Арванито - Влаховъ, и совсѣмъ невозможно исчислить. Статистическія свѣдѣнія въ Турціи получаются вообще нелегко потому что правительство еще не

заботится о точномъ исчисленіи своихъ подданныхъ. Однако еще возможно приблизительно опредѣлить, напримѣръ, количество жителей города, уѣзда, губерніи; возможно также знать приблизительно, сколько жителей принадлежитъ къ той или другой вѣрѣ. Но опредѣлить количество населенія по національностямъ болѣе чѣмъ трудно; для этого нужны личныя и самыя тщательныя изысканія. Въ отношеніи Валаховъ это еще труднѣе. На югѣ они хотя и живутъ массою, но слыли до послѣдняго времени за Грековъ. Болѣе къ сѣверу они такъ разсѣяны, что ихъ почти нельзя и выдѣлить изъ другихъ народностей, а потому о числѣ ихъ, даже и приблизительномъ, нельзя говорить серьезно: вышли бы лишь гадательныя цифры. Только Валаховъ Пинда, Олимпа, Хатьи и Караташа можно счесть до нѣкоторой степени.

Впрочемъ, до сихъ поръ о численности Куцо-Влаховъ почти никто и не писалъ кромѣ одного греческаго автора, жителя Янины—Аривандино. Въ своей хронографіи Эпира, книгѣ почтенной, но часто отличающейся грубыми ошибками, нечаянными и предумышленными, онъ перечисляетъ села Валаховъ по близости Эпира и называетъ ихъ 36. Но онъ ничего не знаетъ о Валахахъ около Битоля, Олимпа и на Караташѣ, а между тѣмъ тутъ существуютъ самые значительные валашскіе поселенія: Крушево имѣетъ до 2,000 домовъ, Влахо-Клиссура до 1,200, Трново, Маргарово, Влахо-Ливада, Ксеро-Ливада (около Водены) около того же. Аравандино — Грекъ, и потому ему трудно сказать, что Эпиръ и Ѳесалія на половину не принадлежатъ Греческому племени. Я ѣздилъ по этимъ странамъ часто и много и отъ села Краня на Аспропотамо до Охриды и Олимпа насчиталъ до 52 валашскихъ селъ и городовъ поэтому я думаю, что здѣшнее валашское населеніе никакъ не менѣе 200,000 душъ. Если же взять всѣхъ Куцо-Влаховъ въ сложности, то ихъ окажется никакъ не менѣе 300,000, то есть, очень немногимъ меньше числа Албанцевъ, а между тѣмъ объ Албанцахъ знаютъ всѣ, и племя ихъ составляетъ уже не только этнографическій, но и политическій элементъ.

Въ физіологическомъ отношеніи нельзя не признать Валаховъ потомками ихъ доблестныхъ предковъ: типъ Тосканы и окрестностей Рима ярко воспроизводится на Пиндѣ, только здѣсь формы

дѣлаются массивнѣе, ростъ выше, мускулы крѣпче, чему причиною—трудовая и здоровая жизнь въ продолженіе вѣковъ. Голова Валаховъ замѣчательно красива. Черные волосы обильны, римскій типъ носа, идущаго прямо ото лба безъ углубленной переносицы, сохранился в сьма замѣтно. Орлиныхъ носовъ мало. Лице продолговатое, но безъ угловъ, правильное, овальное. Валахи при массивности своего тѣла отличаются тонкостью своихъ оконечностей. Руки и ноги часто необыкновенно малы, удлинены и костлявы. Впрочемъ толстыхъ Валаховъ вообще не бываетъ. Однимъ словомъ, Валахи по виду рѣзко отличаются отъ народностей, ихъ окружающихъ, и развѣ только въ селахъ около Битоля можно замѣтить, что къ ихъ крови примѣшалась и славянская, да около Корчи они мельчаютъ ростомъ и начинаютъ имѣть орлиные носы и угловатое лице, что, можетъ быть, свидѣтельствуетъ, что въ здѣшнихъ Валахахъ есть примѣсь Албанцевъ, особенно костляваго и малорослаго племени. Греческой примѣси среди Валаховъ почти и быть не могло, ибо настоящаго Греческаго племени вокругъ ихъ и нѣтъ, развѣ только въ Ѳессаліи, гдѣ, какъ кажется, дѣйствительно сохранились Греки. Впрочемъ, этнографически, конечно, Греціи не принадлежитъ, хотя и составляетъ самую энергическую греческую провинцію—въ смыслѣ политическихъ стремленій.

Что касается до права Валаховъ, то и онъ рѣзко отличается отъ права окружающихъ ихъ племенъ. Валахъ трудолюбивъ, настойчивъ, упрямъ, мрачно, молчаливо упрямъ. Его сосѣдъ Болгаринъ тоже трудолюбивъ, но вовсе не настойчивъ и не упрямъ. Болгаринъ можетъ вдругъ разбогатѣть и вдругъ прожиться: съ Валахомъ этого не случается. Болгарина можно вѣкъ заставить работать до пота лица на другого человѣка, и онъ будетъ этою жизнью довольствоваться: Валахъ на другого работаетъ рѣдко, а если работаетъ, то съ упрямствомъ откладываетъ сбереженіе, отъ скуднаго заработка пока самъ не станетъ хозяиномъ. Валахъ смѣтливъ, такъ сказать — флегматически хитеръ, очень способенъ къ торговлѣ и предпріимчивъ. Его сосѣдъ Грекъ тоже смѣтливъ, хитеръ и предпріимчивъ, но нервно, суетливо, блестяще, хвастливо. Валахъ никогда не суетится и никогда не хвастается. Валахъ храбръ, отчаянно храбръ, но только тогда, когда почув-

ствуетъ особенную, настойчивую нужду въ храбрости; безъ этой нужды его трудно заставить рисковать своимъ существованіемъ. Грекъ храбръ большею частью именно тогда, когда этого не бываетъ нужно, но когда на него смотрятъ, когда ему удивляются. Валахъ въ своей одеждѣ всегда простъ, практиченъ и часто неуклюжъ; все на немъ широко, солидно. Грекъ перетянутъ въ рюмочку, расшитъ, разукрашенъ; юбка порядочнаго Грека должна содержать въ себѣ непремѣнно 100 аршинъ полотна.

Валахъ живетъ почти всегда на чистомъ воздухѣ, въ лѣсахъ, въ горахъ со стадами овецъ; онъ—почти номадъ. Албанецъ, его сосѣдъ, ведетъ ту же жизнь, онъ тоже почти номадъ; но Валахъ упорно держится своего мѣста, не перемѣняетъ его ни за что, а Албанецъ никогда не можетъ посидѣть на мѣстѣ; онъ съ ума сойдетъ, если ему воспретить фантастическое передвиженіе; его пѣсни наполнены мечтами о томъ, какъ хорошо забраться въ такое мѣсто, куда никто не заходитъ, и гдѣ какой-нибудь Тагиръ или Османъ-бей даетъ 100 піастровъ въ мѣсяцъ жалованья и два фунта боботы (маисовый хлѣбъ). Валахъ ни за что не сдѣлается номадомъ за жалованье.

И такъ, вотъ какъ живутъ въ своемъ забытомъ уголкѣ потомки Римлянъ, владѣвшихъ когда-то міромъ: они составляютъ теперь только этнографическій курьезъ.

А. Іонинъ.

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ

ЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДѢЛОВЪ

АДРІАТИКИ.

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДѢЛОВЪ АДРІАТИКИ [1]).

(Изъ письма къ чл.-с. контръ-адмиралу А. В. Фрейгангу).

Приступая къ обзору мѣстныхъ названій въ славянскихъ предѣлахъ Адріатики, считаю нужнымъ прежде всего обратить вниманіе на этнографическія отношенія этихъ предѣловъ, такъ какъ они считаются главнымъ источникомъ мѣстныхъ названій.

Этнографическія условія истрійскаго, хорватскаго, далматинскаго и албанскаго прибрежій Адріатики представляютъ исключительное явленіе въ славянскомъ мірѣ. Между тѣмъ какъ въ настоящее время почти всѣ морскія прибрежья славянскихъ земель, исключая до нѣкоторой степени Россію, заняты населеніемъ неславянскаго происхожденія, по Адріатикѣ, напротивъ того, есть мѣстности, гдѣ сплошное славянское населеніе, простираясь извнутри страны, доходитъ до морскаго берега и пользуется въ полной мѣрѣ всѣми выгодами своего приморскаго положенія; на этомъ прибрежьи есть даже города, издревле обладавшіе высокою образованностью—по происхожденію латинскіе, но сдѣлавшіеся съ теченіемъ времени славянскими [2]). Славянскій элементъ на Адріатикѣ не только рас-

---

[1]) Предлагаемый списокъ былъ составленъ собственно съ цѣлью способствовать исправленію мѣстныхъ названій на русскихъ гидрографическихъ картахъ; поэтому въ немъ обращено вниманіе только на тѣ названія, которыя встрѣчаются на гидрографическихъ картахъ Адріатическаго моря. Относительно сообщенія свѣдѣній и указаній я долженъ благодарить слѣдующихъ лицъ: гг. Алоизія и Абеля Серральи въ Дубровникѣ; г. К. де-Войновича въ Сплѣтѣ; г. А. Симонича въ Задрѣ, и гг. П. Магуду, Б. Милиновича и М. Мариновича въ Одессѣ.

[2]) Напримѣръ, Дубровникъ — Ragusa (въ которомъ до XI вѣка говорили преимущественно по латыни), Которъ — Ascrivium, Сплѣтъ — Spalatium, Трогиръ — Tragurium и т. д.

пространился по берегамъ, но и занялъ всѣ многочисленные острова Адріатическаго моря. Даже острова Кварнерскаго залива, до котораго Итальянцы охотно распространяли свои этнографическія границы, сохранили до сихъ поръ свой чисто-славянскій характеръ.

Изъ частей адріатическаго приморья, въ которыхъ находится славянскій элементъ, намъ слѣдуетъ бросить взглядъ только на четыре страны, именно: Албанію, Далмацію (съ Дубровницкою территоріей и Бокою Которскою), Хорватію (гражданскую и военную) и Истрію.

Въ Албаніи, изъ полутора милліона не славянскаго населенія считается около 150,000 душъ Славянъ, именно Болгаръ и Сербовъ; но послѣдніе занимаютъ по морскимъ берегамъ только незначительное пространство, отъ австрійской границы по городъ Баръ (Antivari). Берега южнѣе Бара заняты Албанцами и Греками, которые и составляютъ неславянскій элементъ въ населеніи Албаніи. Далмація, побережная и нагорная, со всѣми островами заселена почти исключительно Славянами (племя Сербо-Хорватское), такъ что изъ 442,000 ея жителей считается Итальянцевъ не болѣе 15,000, безъ собственной территоріи, но разбросанныхъ по отдѣльнымъ городамъ; кромѣ того, они смѣшиваются родственными связями со славянскою массою народонаселенія. Отъ города Бага (Carlopago) до Рѣки (Fiume), съ ея территоріей, прибрежное пространство называется Хорватскимъ приморьемъ; а такъ какъ вся Хорватія гражданская и военная, съ 2 почти милліонами жителей, не имѣетъ другого населенія, кромѣ сербо-хорватскаго, то и въ названномъ приморьи, за исключеніемъ нѣсколькихъ купеческихъ домовъ, все населеніе принадлежитъ Хорватскому племени. Въ Истріи, исключая Тріестъ и его территорію, но включая Кварнерскіе острова, считается до 250,000 жителей, изъ коихъ 185,000 Славянъ, и только 65,000 Италіянцевъ. Въ Истріи Славяне заняли почти всю землю, и только приморскіе города, начиная съ Пули (Pola) и оттуда на западъ, совершенно италіянскіе и нисколько не ославянились, какъ это случилось въ Далмаціи. Острова и здѣсь почти исключительно славянскіе.

Эти этнографическія отношенія соотвѣтствуютъ преимущественно настоящему времени; но они суть результатъ многочисленныхъ измѣненій, совершившихся въ теченіе многихъ вѣковъ.

Самый древній народъ, жившій на означенной почвѣ, и о которомъ помнитъ исторія, были Иллирійцы. Юго-славянскіе ученые первой половины текущаго вѣка считали ихъ своими непосредственными предками въ этнографическомъ отношеніи, то есть Славянами; но теперь большинство филологовъ смотритъ на нихъ какъ на предковъ Албанцевъ или Скипетаровъ. Полагаютъ, что Иллирійцы занимали эти земли по крайней мѣрѣ уже 1500 лѣтъ до Р. Х. Греческіе и латинскіе писатели сохранили даже имена нѣкоторыхъ иллирійскихъ племенъ, какъ-то: славныхъ мореходцевъ *Либурновъ*, занимавшихъ берега моря отъ рѣчки Раси (Arsa) въ Истріи до Крки въ Далмаціи; далѣе *Булиновъ*, *Гилиновъ*, *Нестовъ*, *Мановъ*, *Энхелеевъ*, *Вардіевъ*, *Дасаретовъ* и т. д. Но кромѣ Иллирійцевъ, которые составляли какъ-бы фонъ цѣлаго народонаселенія, находились здѣсь въ самыя древнія уже времена и колоніи другихъ народовъ. Нѣкоторые ученые указываютъ на финикійскія колоніи въ этихъ краяхъ; но доводы ихъ кажутся мнѣ не довольно прочными. Напротивъ того, мы имѣемъ положительныя извѣстія о колоніяхъ греческихъ. Сюда, конечно, не принадлежатъ преданія о Геркулесовой стоянкѣ и обладаніи имъ частью Далмаціи, а равно и занятіе Греками острововъ Мелиты (Meleda—Млѣтъ) и Корциры Мелены (теперь Curzola — Корчула) вслѣдствіе переселенія сюда Дорійцевъ въ 1100 году до Р. Х. Но около конца V и начала IV вѣка до Р. Х. колонизація греческая на иллирійскомъ берегу имѣетъ всѣ признаки историческаго факта. Прежде всего, кажется, населенъ былъ Греками островъ Висъ (Ἴσσα), который Сиракузскій тиранъ Діонисій Младшій отнялъ у Либурновъ, чтобъ этимъ, такъ сказать, ключемъ Адріатическаго моря расширить сицилійскую торговлю. Оттуда сицилійскіе Греки въ короткое время распространили свои колоніи и на другіе острова: Pharus (теперь по италіянски Lesina, по славянски Хваръ), Olintha (Maslinica), Bavo (Bua—Буа), Krathis (la Brazza — Брагъ) и т. д. На далматинскомъ материкѣ они основали крѣпость Tragurion (Traú — Трогиръ), Epetion (Стобрецъ за Сплѣтомъ), и заселили все прибрежье между Сплѣтомъ и Трогиромъ, которое оттого и назвали землею Сикуловъ. Города Epidaurus (Ragusa vecchia — Cavtat), Rhizon (Risano — Рисанъ) и Buthoë (Budua — Будва) были скорѣе

греческими колоніями, чѣмъ иллирійскими городами, какъ полагали прежде. Но когда они были основаны, трудно опредѣлить съ достовѣрностью.

Римскія колоніи начали основываться въ Истріи и Либурніи во II вѣкѣ до Р. Х., именно въ 178 году (Tergeste, Pola), въ Далмаціи же только въ I столѣтіи до нашей эры. Въ 76 году до Р. Х. основаны были здѣсь первыя римскія колоніи въ Іадерѣ (теперь Zara — Задаръ, главный городъ Далмаціи) и въ Салонѣ (теперь деревня Солинъ у города Сплѣта). Во время войны Октавіана Августа съ Далматами здѣшній край такъ былъ опустошенъ, что Римляне легко могли основывать здѣсь свои колоніи; и въ самомъ дѣлѣ, всѣ древніе приморскіе города, а нѣкоторые и внутри области, сдѣлались до того латинскими, что уже въ I вѣкѣ по Р. Х. могли принять муниципальныя учрежденія,—таковы города Sicum, Narona, Epidaurus и т. д.,—или даже были прозваны прямо городами римскихъ гражданъ, какъ: Ascrivium (теперь Cattaro — Которъ), Rhizinium (теперь Risano—Рисанъ), Butua (теперь Будва), и т. д. Латинизація стала дѣлать еще бо́льшіе успѣхи, когда римскій императоръ Діоклетіанъ, уроженецъ далматинскій, отрекшись отъ престола въ 305 году, избралъ мѣстомъ своего пребыванія свой родной городъ Салону. Въ IV вѣкѣ Далмація, Либурнія и Истрія, или по крайней мѣрѣ, ихъ города, такъ были латинизованы, что большая часть занимаемаго ими пространства была присоединена къ Италійской префектурѣ (praefectura Italiae) въ 325 году. Въ концѣ IV вѣка (въ 395 г.), вслѣдствіе раздѣленія Римской имперіи на восточную и западную, земли эти были присоединены къ послѣдней.

Въ началѣ V вѣка Далмація и сосѣднія земли подвергаются опять опустошенію германскихъ ордъ, особенно Готовъ, шедшихъ въ Италію въ 408 году; потомъ въ 444 году онѣ подверглись нашествію Гунновъ, при чемъ, конечно, народонаселеніе страны должно было значительно уменьшиться. Въ VII вѣкѣ, именно въ 630 году, Авары, подъ начальствомъ страшнаго своего хана Бояна, вторглись въ Далмацію, и подчинивъ себѣ внезапно главный городъ Салону, опустошили всю землю, а народонаселеніе частью уничтожили, частью выгнали на острова. Аварское владычество впрочемъ продолжалось

недолго, потому что славянскія племена Сербовъ и Хорватовъ въ 636 году силою заняли эти земли, а Аваровъ уничтожили или подчинили себѣ.

Съ этого времени этнографическія отношенія на сѣверо-восточномъ прибрежьи Адріатическаго моря становятся для насъ еще болѣе интересными, потому что этотъ край въ силу переселенія Сербо-Хорватовъ дѣлается славянскимъ. Правда, есть авторы иностранные (Маннертъ) и славянскіе (Суровецкій), которые старались доказать, что въ земляхъ около Адріатическаго прибрежья Славяне жили съ самыхъ древнихъ временъ, и что даже италіянскіе Венеты принадлежали къ Вендскому, то есть, Славянскому племени. Глубоко ученый и даровитый Шафарикъ высказалъ свое сужденіе объ этихъ мнѣніяхъ [1]: онъ убѣжденъ, что по недостатку источниковъ, можно спорить pro и contra, и хотя оба мнѣнія имѣютъ нѣкоторые доводы въ свою пользу, но нельзя положительно принять ни то, ни другое [2]). Однако, за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше прихода Сербовъ и Хорватовъ находимъ нѣкоторыя несомнѣнныя историческія извѣстія о томъ, что Славяне приходили въ большемъ количествѣ въ эти края. Самое важное свидѣтельство въ этомъ отношеніи находится въ одномъ письмѣ папы Григорія I къ экзарху Италіи Каллиннику, въ которомъ папа радуется о побѣдѣ послѣдняго надъ Варварами. Въ 600 году въ письмѣ того же папы къ архіепископу Салоны говорится прямо: „Et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde imminet, affligor vehementer et conturbor. Affligor in his, quoniam in vobis patior, conturbor, quia per Istriae aditum jam Italiam intrare caeperunt“. (Mans. conc. coll. X, 117).

---

[1]) Slov. Starožitnosti, I, § 11, №№ 12 и 13.

[2]) Остроумныя изслѣдованія о славянизмѣ древнихъ Венетовъ А. Ѳ. Гильфердинга (который занимался этимъ вопросомъ съ огромною эрудиціей) не могли, полагаю, еще перешагнуть означенныхъ Шафарикомъ границъ по этому предмету. То обстоятельство, что у древнихъ писателей встрѣчаются иногда мѣстныя имена, относящіяся къ землѣ Венетовъ, къ полуострову Истріи, Паннониі и Иллиріи, и имѣющія славянскій колоритъ, не можетъ еще служить прочнымъ историческимъ доводомъ въ пользу древняго славянизма этихъ земель: каждому извѣстно, до какихъ нелѣпыхъ результатовъ подобные доводы привели Коллара относительно Италіи (см. его сочиненіе: Staroitalia Slavianska, vo Viedni, 1853).

Нельзя сказать съ точностью, много ли осталось греческаго населенія въ адріатическихъ предѣлахъ по приходѣ Сербовъ и Хорватовъ. Не извѣстно также, сколько они нашли тамъ древняго иллирійскаго населенія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что во время ихъ прихода всѣ города въ Истріи, Либурніи и Далмаціи были латинскіе или латинизованные. Что касается Грековъ, то Далмація очень долго оставалась въ весьма отдаленныхъ политическихъ связяхъ съ Византіей. Византійскіе преторы имѣли свою столицу въ Задрѣ до XI вѣка; даже въ XII вѣкѣ мы видимъ двѣ военныя экспедиціи византійскаго императора Эммануила Комнина въ Далмацію, но тѣмъ не менѣе нѣтъ и помину о какихъ-нибудь греческихъ поселеніяхъ въ Далмаціи. Вѣроятно, вскорѣ послѣ римской колонизаціи греческіе поселенцы слились въ одно съ римскими поселенцами въ этихъ краяхъ, примѣръ чего мы имѣемъ въ самой Великой Греціи, гдѣ греческія колоніи, хотя были гораздо сильнѣе, очень легко ассимилировались съ туземнымъ латинскимъ элементомъ. Равнымъ образомъ и о древнемъ иллирійскомъ населеніи, кромѣ собственной Албаніи, не сохранилось ни памятниковъ послѣ VIII вѣка, ни другихъ слѣдовъ: 900 душъ уже ославянившихся Албанцевъ, заселившихъ село Арбанаси (итал. Borgo Erizzo), недалеко Задра въ Далмаціи, принадлежатъ потомкамъ Албанцевъ только въ XVIII вѣкѣ переселившихся туда изъ Албаніи.

Мы сказали, что всѣ приморскіе города, во время прибытія Хорватовъ въ эти края, были латинскіе; но рождается вопросъ: было ли латинское населеніе и внѣ городовъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: не только прежде прихода Сербо-Хорватовъ въ Далмацію не упоминаются тамъ, кромѣ городовъ, никакія другія римскія колоніи, но есть и положительныя свѣдѣнія, еще отъ начала X вѣка, о томъ, что въ Далмаціи внѣ городовъ не было никакихъ латинскихъ поселеній. Въ одномъ письмѣ папы Льва VI къ епископамъ далматинскимъ, отъ 928 года, не только противополагается окрестной Хорватской землѣ (terra Chroatorum), городъ Сплѣтъ (civitas Spalatensis) но и прямо говорится, что власть архіепископа Сплѣтскаго должна простираться и на Хорватскую землю, такъ какъ иначе епархія его не переходила бы за стѣны города Сплѣта (infra muros civitatis). Что̀ сказано о Сплѣ-

естественныя произведенія противоположнаго континента должны были вызвать потребность въ обмѣнѣ произведеній обѣихъ странъ. Не удивительно по этому, что еще до прихода Хорватовъ и Сербовъ въ здѣшніе края, даже раньше, чѣмъ на противоположномъ адріатическомъ берегу Италіи, на берегахъ далматинскихъ мы находимъ Либурновъ, уже прославившихся своимъ мореплаваніемъ. У Римлянъ, какъ извѣстно, былъ даже въ употребленіи особый родъ кораблей скораго плаванія, называвшійся liburnicae или liburniae. Въ восточной части, именно въ не либурнской Далмаціи, мореплаваніе должно было особенно процвѣтать, потому что тамъ, какъ мы видѣли, было немалое число греческихъ колоній. Набѣги и переходы чрезъ эти земли Германцевъ, Гунновъ и Аваровъ хотя и могли уменьшить этотъ промыселъ, даже измѣнить мирное торговое мореплаваніе въ пиратство, но никакъ не уничтожить движеніе судовъ. Такимъ образомъ, по вытѣсненіи или уничтоженіи Аваровъ, Хорваты и Сербы, поселившись на берегахъ Адріатики, нашли морской промыселъ болѣе или менѣе развитымъ и могли тотчасъ же имъ воспользоваться, овладѣвъ не только материкомъ и островами, но и водами, которыми обладали ихъ предшественники. И въ самомъ дѣлѣ, еще Константинъ Порфирородный разсказываетъ о хорватскомъ военномъ флотѣ въ Далмаціи, который, по его словамъ, состоялъ изъ 80 большихъ кораблей (sagenas) и 100 меньшихъ (condiras). Этотъ военный флотъ, который былъ порожденъ непрестаннымъ пиратствомъ Сарациновъ на Средиземномъ морѣ, предполагаетъ и сильное развитіе торговаго флота на далматинскомъ прибрежьи. Но судоходство хотя существовало у всѣхъ вообще Славянъ, жившихъ на адріатическомъ прибрежьи отъ Пулы въ Истріи до Бара въ Албаніи, однако процвѣтало только въ отдѣльныхъ пунктахъ или предѣлахъ означеннаго пространства, и то въ разныя времена.

Какъ у Балтійскихъ Славянъ мореплаваніе носило на себѣ характеръ преимущественно морскаго разбоя, особенно въ предѣлахъ сосѣднихъ съ Нѣмцами и Датчанами, такъ у Адріатическихъ Славянъ оно отличалось своимъ торговымъ направленіемъ, хотя и здѣсь внѣшнія нападенія и другія неизвѣстныя намъ причины способствовали развитію пиратства на извѣстныхъ мѣстахъ и въ

продолженіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Прежде всего еще въ IX вѣкѣ пиратство развилось у Неретвянъ, жителей жупы, лежащей въ предѣлахъ рѣки Неретвы. Причиной того, по всей вѣроятности, было, кромѣ набѣговъ сарацинскихъ, которые вызвали отпоръ, и то обстоятельство, что Неретвяне, не хотѣвшіе принять христіанство, навлекали на себя нападенія даже со стороны своихъ крещенныхъ единоплеменниковъ. Во второй половинѣ IX вѣка (въ 867 г.) наконецъ они крестились, но промыселъ морскихъ разбойниковъ не оставили. Только въ концѣ X вѣка (въ 997 г.), послѣ 160 лѣтъ сильной борьбы, ихъ разбилъ на голову венеціянскій дожъ Піетро Урсеоло, и тѣмъ окончились морскіе разбои Неретвянъ. Въ XII вѣкѣ развилось опять пиратство въ другомъ краю, именно въ Омишѣ и Полицахъ, недалеко отъ города Сплѣта. Оно было такъ сильно, что въ 1274 году неаполитанскій король Карлъ вступилъ въ союзъ съ далматинскими городами Сплѣтомъ и Шибеникомъ, чтобы поразить омишскихъ разбойниковъ, и только Венеціянцы, на корабли которыхъ они непрестанно нападали, долгою войною и регулярною осадою принудили ихъ, въ концѣ XIII вѣка, оставить этотъ промыселъ. Въ третій и послѣдній разъ является морская война въ Далмаціи въ XVI вѣкѣ: то была оборона Ускоковъ, въ хорватскомъ приморьи у города Сеня, противъ нападеній Венеціянцевъ и Турокъ; она съ теченіемъ времени обратилась въ морской разбой, но исключительно противъ Венеціянцевъ и Турокъ. Ускоки эти были большею частію бѣглецы въ хорватское приморье изъ сербскихъ земель, занятыхъ Турками, отъ чего и получили названіе Ускоковъ. Борьба эта продолжалась болѣе вѣка, началась въ 1523, а кончилась въ 1635 году, и стоила Венеціянской республикѣ до 200,000 червонцевъ въ годъ. Чтобы покончить съ этимъ дѣломъ, Венеція и императоръ Фердинандъ заключили между собою особый договоръ о переселеніи Ускоковъ въ предѣлы, отдаленные отъ Адріатическаго приморья.

И морская торговля получила развитіе въ разныя времена также на трехъ пунктахъ славянской Адріатики. Прежде всего и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ развился морской торговый флотъ въ Дубровникѣ. Еще въ X вѣкѣ Дубровчане, въ союзѣ съ Неретвянами, дали своими кораблями такой отпоръ императору Оттону II,

что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ замысловъ противъ ихъ свободы. Въ XIII вѣкѣ зависимость отъ Венеціянцевъ и пиратство Омишанъ причинили много вреда торговлѣ и флоту Дубровницкому, такъ что этотъ вѣкъ можно считать періодомъ его упадка. Но уже въ началѣ XIV вѣка Дубровникъ начинаетъ опять подвигаться и расширять свою торговлю левантскую, индійскую и африканскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развивать свой торговый флотъ. Равнымъ образомъ, и XV вѣкъ былъ благопріятенъ для процвѣтанія дубровницкаго флота, который въ это время достигъ значительнаго объема. Въ XVI вѣкѣ уменьшается самостоятельная и прямая торговля Дубровника, но за то дубровницкіе корабли ведутъ посредническую торговлю между Италіей, Франціей, Испаніей, Англіей и даже Америкою; кромѣ того, они покушались посредничать въ торговлѣ между восточною Индіей и Персіей. Дальнѣйшее развитіе дубровницкаго флота было остановлено завоевательными предпріятіями императора Карла V въ Тунисъ, Триполи и Алжиръ, гдѣ участвовало, въ разныхъ экспедиціяхъ, до 300 большихъ кораблей дубровницкихъ. Они почти всѣ погибли отъ сильной бури. Но и послѣ этого погрома, въ XVII вѣкѣ, морская торговля поддерживалась до страшнаго землетрясенія 1667 года; послѣ же этого событія судоходство дубровницкое не могло никогда больше подняться на прежнюю высоту. Однако въ XVIII вѣкѣ торговый флотъ Дубровника опять развился значительно, но въ войнѣ Россіи съ Турціею 1768—1774 г., русскіе адмиралы, особенно Орловъ, остановили его успѣхи, трактуя дубровницкіе корабли какъ турецкую собственность. Торговый флотъ Дубровника сохранялъ нѣкоторое значеніе даже въ началѣ нашего вѣка, въ силу своего древняго права нейтральности, по которому могъ и во время войны перевозить подъ своимъ флагомъ товары обѣихъ воюющихъ сторонъ. Съ 1806 года, послѣ того, какъ Французы уничтожили республику и подчинили Дубровникъ своей власти, это право было утрачено, и Наполеоновскія войны причинили большой вредъ остаткамъ древняго дубровницкаго флота. Въ новѣйшее время онъ опять началъ развиваться, особенно вслѣдствіе необыкновеннаго процвѣтанія двухъ недавно основанныхъ обществъ судоходства (въ городѣ Дубровникѣ и въ Пелешцѣ—Sobioncello), такъ

продолженіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Прежде всего еще въ IX вѣкѣ пиратство развилось у Неретвянъ, жителей жупы, лежащей въ предѣлахъ рѣки Неретвы. Причиной того, по всей вѣроятности, было, кромѣ набѣговъ сарацинскихъ, которые вызвали отпоръ, и то обстоятельство, что Неретвяне, не хотѣвшіе принять христіанство, навлекали на себя нападенія даже со стороны своихъ крещенныхъ единоплеменниковъ. Во второй половинѣ IX вѣка (въ 867 г.) наконецъ они крестились, но промыселъ морскихъ разбойниковъ не оставили. Только въ концѣ X вѣка (въ 997 г.), послѣ 160 лѣтъ сильной борьбы, ихъ разбилъ на голову венеціянскій дожъ Піетро Урсеоло, и тѣмъ окончились морскіе разбои Неретвянъ. Въ XII вѣкѣ развилось опять пиратство въ другомъ краю, именно въ Омишѣ и Полицахъ, недалеко отъ города Сплѣта. Оно было такъ сильно, что въ 1274 году неаполитанскій король Карлъ вступилъ въ союзъ съ далматинскими городами Сплѣтомъ и Шибеникомъ, чтобы поразить омишскихъ разбойниковъ, и только Венеціянцы, на корабли которыхъ они непрестанно нападали, долгою войною и регулярною осадою принудили ихъ, въ концѣ XIII вѣка, оставить этотъ промыселъ. Въ третій и послѣдній разъ является морская война въ Далмаціи въ XVI вѣкѣ: то была оборона Ускоковъ, въ хорватскомъ приморьи у города Сеня, противъ нападеній Венеціянцевъ и Турокъ; она съ теченіемъ времени обратилась въ морской разбой, но исключительно противъ Венеціянцевъ и Турокъ. Ускоки эти были большею частію бѣглецы въ хорватское приморье изъ сербскихъ земель, занятыхъ Турками, отъ чего и получили названіе Ускоковъ. Борьба эта продолжалась болѣе вѣка, началась въ 1523, а кончилась въ 1635 году, и стоила Венеціянской республикѣ до 200,000 червонцевъ въ годъ. Чтобы покончить съ этимъ дѣломъ, Венеція и императоръ Фердинандъ заключили между собою особый договоръ о переселеніи Ускоковъ въ предѣлы, отдаленные отъ Адріатическаго приморья.

И морская торговля получила развитіе въ разныя времена также на трехъ пунктахъ славянской Адріатики. Прежде всего и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ развился морской торговый флотъ въ Дубровникѣ. Еще въ X вѣкѣ Дубровчане, въ союзѣ съ Неретвянами, дали своими кораблями такой отпоръ императору Оттону II,

что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ замысловъ противъ ихъ свободы. Въ XIII вѣкѣ зависимость отъ Венеціянцевъ и пиратство Омишанъ причинили много вреда торговлѣ и флоту Дубровницкому, такъ что этотъ вѣкъ можно считать періодомъ его упадка. Но уже въ началѣ XIV вѣка Дубровникъ начинаетъ опять подвигаться и расширять свою торговлю левантскую, индійскую и африканскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развивать свой торговый флотъ. Равнымъ образомъ, и XV вѣкъ былъ благопріятенъ для процвѣтанія дубровницкаго флота, который въ это время достигъ значительнаго объема. Въ XVI вѣкѣ уменьшается самостоятельная и прямая торговля Дубровника, но за то дубровницкіе корабли ведутъ посредническую торговлю между Италіей, Франціей, Испаніей, Англіей и даже Америкою; кромѣ того, они покушались посредничать въ торговлѣ между восточною Индіей и Персіей. Дальнѣйшее развитіе дубровницкаго флота было остановлено завоевательными предпріятіями императора Карла V въ Тунисъ, Триполи и Алжиръ, гдѣ участвовало, въ разныхъ экспедиціяхъ, до 300 большихъ кораблей дубровницкихъ. Они почти всѣ погибли отъ сильной бури. Но и послѣ этого погрома, въ XVII вѣкѣ, морская торговля поддерживалась до страшнаго землетрясенія 1667 года; послѣ же этого событія судоходство дубровницкое не могло никогда больше подняться на прежнюю высоту. Однако въ XVIII вѣкѣ торговый флотъ Дубровника опять развился значительно, но въ войнѣ Россіи съ Турціею 1768—1774 г., русскіе адмиралы, особенно Орловъ, остановили его успѣхи, трактуя дубровницкіе корабли какъ турецкую собственность. Торговый флотъ Дубровника сохранялъ нѣкоторое значеніе даже въ началѣ нашего вѣка, въ силу своего древняго права нейтральности, по которому могъ и во время войны перевозить подъ своимъ флагомъ товары обѣихъ воюющихъ сторонъ. Съ 1806 года, послѣ того, какъ Французы уничтожили республику и подчинили Дубровникъ своей власти, это право было утрачено, и Наполеоновскія войны причинили большой вредъ остаткамъ древняго дубровницкаго флота. Въ новѣйшее время онъ опять началъ развиваться, особенно вслѣдствіе необыкновеннаго процвѣтанія двухъ недавно основанныхъ обществъ судоходства (въ городѣ Дубровникѣ и въ Пелешцѣ—Sobioncello), такъ

что теперь Дубровникъ съ окрестностями имѣетъ до 100 кораблей дальняго плаванія.

Въ какомъ вѣкѣ началъ развиваться морской флотъ въ Бокѣ Которской—нельзя опредѣлить; но знаемъ, что еще въ XVII вѣкѣ онъ былъ весьма значителенъ. Извѣстно, что Петръ I, при устройствѣ своего флота, выписывалъ оттуда учителей морскаго дѣла для образованія русскихъ морскихъ офицеровъ. Теперь торговый флотъ здѣсь небольшой, и число судовъ дальнаго плаванія меньше, чѣмъ въ Дубровникѣ.

Торговый флотъ на Кварнерскихъ островахъ, особенно въ Лошинахъ, развился только съ конца XVIII вѣка. Теперь города Сень, Рѣка и обѣ Лошины, имѣютъ больше кораблей дальнаго плаванія, чѣмъ Бока Которская и Дубровникъ, взятые вмѣстѣ.

Торговый флотъ австрійскій, въ настоящее время, не считая каботажныхъ судовъ, имѣетъ болѣе 600 кораблей дальняго плаванія. Изъ издаваемаго Тріестскимъ Ллойдомъ альманаха „Annuario marittimo“ можно видѣть, что около 90% общаго количества этихъ кораблей принадлежитъ Славянамъ; равнымъ образомъ, шкипера и матросы на этихъ судахъ почти исключительно Славяне.

Въ обозрѣніи развитія мореплаванія въ славянской части Адріатики я могъ упомянуть только главные пункты и моменты этого развитія. Но что въ среднихъ вѣкахъ славянское судоходство на всѣхъ пунктахъ этого моря было болѣе или менѣе значительно, свидѣтельствуетъ названіе этого моря, даже самими Италіянцами, Славянскимъ моремъ [1]). Что главными и лучшими моряками во

---

[1]) Come Appenin scopre il *mar schiavo*. (Orlando fur. c. IV, 11).

Si come neve tra le vive travi
Per lo dosso di Italia si congela.
Soffiata e stretta dalli *venti schiavi*. (*Dante*, Purgatorio, canto XXX).

Національность судоходцевъ, болѣе чѣмъ народонаселеніе береговъ, даетъ имя рѣкамъ и морямъ; такъ, напримѣръ, арабскій писатель IX вѣка Ибнъ Кордадъ Бегъ называетъ Волгу Славянскою рѣкою, единственно потому, что Славяне, еще не утвердившіеся на берегахъ ея, уже плавали однако по ея водамъ. Нѣкоторые римскіе и греческіе писатели, какъ напримѣръ, Корнелій Непотъ и Марціанъ Гераклеота, называютъ западную часть Балтійскаго моря mare Vindicum, а Несторъ и Константинъ Багрянородный Черное море—Русскимъ, безъ сомнѣнія, по той же причинѣ.

всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ предпріятіяхъ Венеціянцевъ противъ Турокъ были Далматинцы, это видно на каждой страницѣ исторіи этой славной республики. Еще болѣе извѣстно современникамъ, откуда набирается личный составъ австрійскаго военнаго флота, и кто былъ главнымъ виновникомъ извѣстной побѣды при Висѣ (Lissa) въ 1866 году. Славянскій элементъ въ австрійскомъ военномъ флотѣ занимаетъ столь видное, если даже не исключительное мѣсто, что австрійское военное министерство должно было ввести сербско-хорватскій языкъ, какъ обязательный предметъ преподаванія, въ военно-морскомъ училищѣ въ Рѣкѣ.

Пора, теперь, перейдти къ отдѣльнымъ групамъ мѣстныхъ названій въ означенныхъ земляхъ, и сказать нѣсколько словъ объ ихъ свойствахъ и взаимныхъ отношеніяхъ.

Что касается времени возникновенія этихъ названій, то должно прежде всего различать двѣ эпохи: эпоху до прихода Славянъ въ эти края цѣлыми отрядами, въ VI и VII вѣкахъ по Р. Х., и эпоху славянскую, съ тѣхъ поръ до настоящаго времени.

Въ отношеніи къ этнографическимъ элементамъ дославянской эпохи мѣстныя названія можно было бы раздѣлить на три категоріи, именно: названія иллирійскія, греческія и латинскія.

Иллирійскія названія—самыя древнія въ этихъ земляхъ; но уже по этому обстоятельству и по тому, что всѣ названія позднѣйшихъ народовъ легли на нихъ, какъ позднѣйшіе геологическіе пласты, очень трудно означить ихъ въ точности, тѣмъ болѣе, что до насъ не дошло ни одного письменнаго памятника древняго иллирійскаго языка. Мѣстныя названія: Albona, Flanona, Scardona, Stridon, Jadera, Senia, Promona, Andertium, и имена личныя: Bardilis, Pleurates, Teuta, Agron; наконецъ, племенныя имена: Bulini, Vardi, Nesti, Dasareti, непремѣнно иллирійскаго происхожденія; но такъ какъ мы знаемъ эти имена только изъ греческихъ и римскихъ писателей, то не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, что они переданы намъ вѣрно, а не перепачены соотвѣтственно съ духомъ и направленіемъ греческаго и латинскаго языка и выговора.

Изъ греческихъ названій нѣкоторыя сохранились только у древнихъ писателей, какъ напримѣръ, имена: Epidauros, Olyntha, Kra-

this, Epetion; но нѣкоторыя изъ нихъ можно еще узнать и до настоящаго времени въ числѣ живыхъ славянскихъ мѣстныхъ названій. Такъ, напримѣръ, въ названіяхъ Хваръ (Pharos), Корчула (Corcyra), Млѣтъ (Melita), Трогиръ (Tragurion) и т. д. скрываются первоначальныя греческія имена, если, впрочемъ, и они не передѣланы переселенцами Греками изъ еще болѣе древнихъ иллирійскихъ названій.

При разборѣ латинскихъ названій изслѣдователь долженъ строго различать древнія названія, существовавшія до Латинянъ, и которымъ Римляне дали только свою форму, хотя въ сущности они остались древними иллирійскими или греческими, отъ названій, которыя прямо даны Римлянами. Къ первой категоріи во всякомъ случаѣ надо причислить имена: Epidaurus, Salonae, Rhisinium и т. д., ко второй—названія: Mons Aureus, Spalatium, Flumen и т. п.

Въ славянскую эпоху, къ прежнимъ формаціямъ присоединяются еще два значительные пласта, именно: славянскій и италіянскій [1]). Но оба эти элемента по степени своего вліянія весьма различны другъ отъ друга.

Славянскія мѣстныя названія въ означенныхъ нами земляхъ Адріатики и по ихъ количеству, и по народному самосознанію можно назвать домашними, всѣ же остальныя иностранными. Огромное количество славянскихъ названій позволяетъ намъ раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій. Прежде всего можно бы раздѣлить ихъ: 1) на названія чисто славянскаго происхожденія, и 2) на названія, въ основѣ которыхъ лежатъ старыя иностранныя слова.

Названія первой категоріи можно, въ свою очередь, раздѣлить на три разряда:

а) Названія, происходящія отъ личныхъ именъ, каковы: Нерѣжићи, Нестрашићи, Поповићи, Лепетани, Лучина, Луково, Щедрово, Баошићи, Брачевобрдо, Станѣвићи. Этотъ родъ названій можно бы еще далѣе подраздѣлить, по имени рода, по имени ро-

---

[1]) О нѣмецкомъ и турецкомъ элементѣ въ Адріатическомъ приморьи говорить нельзя, потому что ихъ тамъ никогда не было: нѣмецкія формы *Triest, Zengg*, обязаны своимъ существованіемъ австрійской администраціи. Изъ турецкихъ названій я замѣтилъ только одно, именно *Читлукъ*.

доначальника или основателя мѣстности; потомъ для лингвистовъ интересно было бы раздѣленіе по формамъ окончаній и т. д.

б) Названія, проистекающія изъ свойствъ данной мѣстности, каковы: Есенице, Новиградъ, Маслиница, Примошћенъ, Дренова, Дубовица, Хумацъ, Стариградъ, Прико, Ораховацъ, Трстено, Гребени, Плочица, Полице, Нивице и т. д.

в) Названія, образовавшіяся на основаніи какого-нибудь событія, разсказа, преданія, общаго убѣжденія, каковы: Пакошћани, Скочићѣвойка, Зечево-брдо, Мокошица, Богомолье и т. д.

Другую категорію названій, именно имѣвшихъ въ себѣ иностранные элементы, можно раздѣлить на два вида:

а) Простое видоизмѣненіе чужаго названія по духу славянскаго языка, безъ обращенія вниманія на его значеніе; такъ, напримѣръ, древне-иллирійскія названія: Albona, Scardona, Senia передѣланы въ Лабинъ, Скрадинъ, Сень; древне-греческія: Κορκύρα, Φάρος, Μελίτη, Τραγούριον, передѣланы въ Корчула [1]), Хваръ, Млетъ, Трогиръ; латинскія: Tergeste, Pola, Mons Aureus, Pagus обращены въ Трстъ, Пула, Мосоръ, Пагъ. Кромѣ мѣстныхъ именъ съ древне-латинскою подкладкой, новыя италіянскія названія очень рѣдко передѣлывались въ славянскія.

б) Такое же видоизмѣненіе, но случайно имѣвшее какое-нибудь значеніе въ новой формѣ по такъ называемой народной этимологіи; напримѣръ, Ластово, передѣланное изъ Augusta (итал. Lagosta), Цавтатъ изъ Civitas [2]), Сплѣтъ отъ Spalatum, Солинъ отъ Salona, Драчъ изъ Dyrrhachium и т. д.

---

[1]) Древняя форма Коркуръ.

[2]) Собственно изъ civitat (civitatem), потому что, какъ извѣстно, всѣ подобныя формаціи ново-романскихъ языковъ основаны на акузативѣ, какъ итал. bontade, umanitade, gratitudine и т. д. Нѣкоторое затрудненіе можетъ представить звукъ c = ц, о которомъ имѣемъ намекъ, что при приходѣ Славянъ въ адріатическое приморье, этотъ звукъ выговаривался тамошними Латинцами какъ к и предъ *i* и *e*, а не какъ ц. Еще и въ теперешнемъ дубровницкомъ славянскомъ діалектѣ сохранились слова *лукърница* отъ лат. lucerna; *рекеса* отъ лат. recessum — отливъ, а въ комедіи „Дундо Мароє", писанной Држичемъ въ 1550 году, встрѣчается слово *плакъръ*, которое образовалось изъ средне-латинскаго слова, какъ италіянское piacere и французское plaisir.

Въ этомъ отношеніи австрійское правительство, начавшее свое владычество въ этихъ краяхъ отчасти еще съ конца прошлаго вѣка, ничего не измѣнило; даже напротивъ, съ расширеніемъ въ послѣднее время круга дѣйствій администраціи увеличивалось и вліяніе италіянщины. Даже военный флотъ австрійскій до роковаго 1848 года былъ совершенно италіянскимъ; на италіянскомъ языкѣ велись всѣ акты; италіянскій языкъ господствовалъ и доселѣ господствуетъ въ морскихъ училищахъ. Картографическія работы и при австрійскомъ правительствѣ дѣлались не на нѣмецкомъ, а на италіянскомъ языкѣ, а тѣмъ болѣе кадастральныя описи должны были дѣлаться по италіянски, при чемъ, разумѣется, вписывались названія по актамъ и ученымъ сочиненіямъ, гдѣ они были; на живыя же народныя названія обращали вниманіе только при отсутствіи первыхъ, но и въ послѣднемъ случаѣ народныя названія получали всегда иностранный колоритъ и призвукъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго не покажется нисколько удивительнымъ то, что мѣстныя названія въ славянскомъ адріатическомъ приморьи носятъ на себѣ характеръ дуализма, равно какъ и то, что иностранныя названія болѣе извѣстны въ литературѣ, чѣмъ домашнія. О мѣстахъ, имѣющихъ еще особыя названія на латинскомъ языкѣ (которыя употребляются и до сихъ поръ въ церковныхъ дѣлахъ), кромѣ славянскаго и италіянскаго, — считаю излишнимъ распространяться.

Въ заключеніе я долженъ сказать два слова и о томъ, какимъ образомъ собранъ, распредѣленъ и записанъ матеріалъ въ прилагаемомъ спискѣ.

Названія мѣстъ, обозначенныхъ на картахъ, я переписалъ съ карты подъ заглавіемъ: Idrografia generale del mare Adriatico. Primo foglio ultimato nell' i. r. istituto geografico militare in Milano 1825. При этомъ я принялъ на востокѣ городъ Авлону, а на западѣ рѣку Сочу (Isonzo) крайними предѣлами славянскаго населенія на адріатическомъ прибрежьи. Славянскія названія, записанныя мною рядомъ съ иностранными, я собиралъ большею частію изъ живыхъ источниковъ, посредствомъ устнаго и письменнаго распроса; многія же и самъ зналъ. Что касается вѣрности названій, то по крайней мѣрѣ относительно послѣднихъ могу ручаться. Изъ

книгъ я пользовался только сочиненіемъ Сабляра: Rječnik mjestnih imena trojedne Kraljevine. Zagreb 1860. Впрочемъ, есть около сотни названій, которымъ я не могъ узнать соотвѣтствующія славянскія имена, почему они и исключены изъ списка. Самымъ удобнымъ распредѣленіемъ матеріала я счелъ алфавитный порядокъ, при чемъ на отдѣльныя части названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, сдѣланы особыя ссылки. Впрочемъ, въ сложныхъ названіяхъ часто встрѣчающіяся слова, каковы: porto (гавань, пристань); isola (островъ); scoglio (небольшой каменистый островъ); valle (бухта); golfo (заливъ); secca (отмель); capo (мысъ); punta (носъ); canale (каналъ); fiume (рѣка); lago (озеро); monte (гора),— я не счелъ нужнымъ переводить при каждомъ упоминаніи; для болѣе удобнаго пріисканія обозначены въ особомъ столбцѣ земля, округъ, полуостровъ или островъ, въ которыхъ находится та или другая мѣстность. При списываніи названій съ карты я держался способа, употребленнаго составителями карты, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они ошибочны [1]).

На счетъ славянскихъ названій, хотя они чисто сербо-хорватскія, я держался, на сколько это было возможно, русскаго правописанія; звуки же названій, которыхъ въ русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ, обозначены общепринятыми письменами. Впрочемъ ихъ только два, именно ђ и ћ. Первый выговаривается еще мягче, чѣмъ по русски *дьжь* (образовался изъ старославянскаго *ж*); второй мягче, нежели по русски *тьчь* (образуется изъ старославянскаго *щ*). Звукъ *р*, въ смыслѣ гласнаго, оставленъ безъ другихъ гласныхъ; напримѣръ, я писалъ *Крка*, а не Керка или Кръка.

СПИСОКЪ НАЗВАНІЙ.

A.

Abba scoglio, см. Scoglio Abba.

Abbazia — Опатія. Окр. Истрія.

Abo — Аб. Окр. Задаръ.

---

[1]) Напримѣръ, Covist писано вмѣсто Loviste, Cernagora вмѣсто Zernagora и т. д.

Abo, isola, см. Isola Abo.
Abrega — Абрегъ. Окр. Истрія.
Albanassi, scoglio, см. Scoglio Albanassi.
Albezoni, porto, см. Porto Albezoni.
Alessandria scoglio, см. Scoglio Alessandria.
Albona — Лабинъ. Окр. Истрія.
Almissa — Омишъ. Окр. Сплѣтъ.
Almissa, rada di, см. Rada di Almissa.
Altese — Алтезъ. Окр. Истрія.
Allura — Алюра. Окр. Истрія.
Amica, punta, см. Punta Amica.
Andreis, castello, см. Castel' Andreis.
Antivari — Баръ. Албанія.
Antivari, baja di, см. Baja di Antivari.
Arbe — Рабъ. Остр. Рабъ.
Arbe, isola, см. Isola Arbe.
Arbania — Арбанія. Окр. Сплѣтъ.
Arcangelo, scoglio, см. Scoglio Arcangelo.
Aron, fiume, см. Fiume Aron.
Artan, valle di, см. Valle di Artan.
Artich, porto, см. Porto di Artich.
Arsa, canale di, см. Canale di Arsa.
Arvasca — Хрватска. Остр. Брачъ.
Asinello, scoglio, см. Scoglio Asinello.
Aulona — Авлона. Албанія.
Aulona, baja di, см. Baja di Aulona.

B.

Babaroviscia — Бабаровишће. Остр. Брачъ.
Babaroviscia, valle, см. Valle Babaroviscia.
Babinopoglie — Бабинополь. Остр. Млѣтъ.
Bacili, scogli, см. Scogli Bacili.
Bacili, scogli, см. Ssogli Bacili.
Badessa, castel, см. Castel Badessa.
Badia, scoglio della, см. Scoglio della Badia.
Bagno — Баня. Полуостр. Пелѣш

— Баня.	Окр. Дубровникъ.
porto, см. Porto Bagna.	
n, scoglio, см. Scoglio Bagotin.	
'Antivari — Баръ.	Албанія.
li Aulona — Авлона.	
li Durazzo — Драчъ.	
li Baticovica — Батковица.	Полуостр. Пелѣшацъ.
li Traste — Траште.	Окр. Которъ.
li Tucepi — Тучепи.	Окр. Сплѣтъ.
in, porto, см. Porto di Baldarin.	
eide, punta, см. Punta Balvereide.	
h — Баошићи.	Окр. Которъ.
ıa — Барбанъ.	Окр. Истрія.
riga — Барбаригъ.	
riga, punta, см. Punta Barbariga.	
ciza — Бабишица.	Остр. Висъ.
estrovaz — Барићестровацъ.	Остр. Млитъ.
ki, scogli, см. Scogli Bariaski.	
alle di, см. Valle di Bas.	
ia — Басанић.	Окр. Истрія.
ia, punta, см. Punta Bassania.	
nuova — Новабашка.	Остр. Крк.
nuova, valle di, см. Valle di Bascanuova.	
oda — Башкавода.	Окр. Сплѣтъ.
ecchia — Старабашка.	Остр. Крк.
ecchia, valle di, см. Valle di Bascavecchia.	
— Бастъ.	Окр. Сплѣтъ.
ovina — Батаховина.	Окр. Дубровникъ.
viza, baja di, см. Baja di Baticoviza.	
i, torre, см. Torre Benlini.	
glie, valle di, см. Valle di Berguglie.	
zza, punta см. Punta Bernazza.	
o, valle, см. Valle Berusco.	
zi — Бечићи.	Окр. Которъ.
, valle, см. Valle Besdia.	
— Бевче.	Окр. Истрія.

Bianca — Бѣла. Окр. Которъ.
Bianca, punta, см. Punta Bianca.
Bianche, punte, см. Punte Bianche.
Bibigue — Бргудъ. Окр. Сплитъ.
Bibigne — Бирбине. Остр. Лука.
Bielaz, scoglio, см. Scoglio Bielaz.
Bieliviza, valle, см. Valle Bieliviza.
Bila, scoglio, см. Scoglio Bila.
Bilecarizza — Билекариза. Хорватіа.
Bilibrach — Билибракъ. Остр. Рабъ.
Bissach, scoglio, см. Scoglio Bissach.
Bissaga, scoglio, см. Scoglio Bissaga.
Bisicoviza, porto, см. Porto Bisicoviza.
Blasilna, valle см. Valle Blasilna.
Blaso, valle, см. Valle Blaso.
Blatazza, scoglio, см. Scoglio Blatazza.
Blatta — Блата. Остр. Корчула.
Blazza, valle, см. Valle di Blazza.
Bocche di Cattaro — Бока Которска.
Bocca falsa — Траште. Окр. Которъ.
Bacca di Pago — Пагъ. Остр. Пагъ.
Bocca Pompejana Harpoli — Арпати. Окр. Дубровникъ.
Bocca di Segna — Сень. Хорватіа.
Boccagnazzo, lago di, см. Lago di Boccagnazzo.
Bacicosin, porto, см. Porto di Bacicosin.
Bogomoglie — Богомолѣ. Остр. Хваръ.
Bojana, fiume, см. Fiume Bajana.
Bokal, porto, см. Porto Bokal.
Bol — Болъ. Остр. Брачъ.
Bonazza, valle, см. Valle Bonazza.
Boraja — Борая. Окр. Задаръ.
Baraja, monte, см. Monte Baraja.
Borak, monte, см. Monte Borak.
Boric — Борић. Остр. Пелѣшацъ.
Borolognac, porto, см. Porto Borolognac.
Borovnik, scoglio, см. Scoglio Borovnik.

Bosava — Божава.	Остр. Лука.
Bossigliava — Босилява.	Окр. Сплѣтъ.
Bossolo, porto, см. Porto Bosul.	
Boticella — Бачвице.	Окр. Задаръ.
Bracevoberdo, monte, см. Monte Bracevoberdo.	
Bracietto — Рукавацъ.	Окр. Задаръ.
Brazza, isola, см. Isola Brazza.	
Braziol, porto, см. Porto Braziol.	
Brasgnach, scoglio, см. Scoglio Brasgnach.	
Brelle — Бреле.	Окр. Сплѣтъ.
Breno — Жупа.	Окр. Дубровникъ.
Breno, valle di, см. Valle di Breno.	
Brestenovaz, porto, см. Porto Brestenovaz.	
Brestine, valle di, см. Valle di Brestine.	
Brevilaqua — Привлака.	Окр. Задаръ.
Brevilaqua, stretto di, см. Stretto di Brevilaqua.	
Briesta — Бриста.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Brioni, isola, см. Isola Brioni.	
Brist — Бристъ.	Окр. Сплѣтъ.
Brista, valle, см. Valle Brista.	
Bristova, valle, см. Valle Bristova.	
Brozze — Бродци.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Bruscie — Брусіе.	Остр. Хваръ.
Brusnik, scoglio — Scoglio Brusnik.	
Buccari — Бакаръ.	Хорватіа.
Budicovaz, scoglio, см. Scoglio Budicovaz.	
Budua — Будва.	Окр. Которъ.
Budua, porto di, см. Porto di Budua.	
Buot, secca di, см. Secca di Buot.	
Busi, isola, см. Isola Busi.	
Busi, porto, см. Porto di Busi.	
Buccarizza — Бакарацъ.	Хорватіа.

C.

Cabal, punta, см. Punta Cabal.	
Cablin, valle, см. Valle Cablin.	

Caino, porto, см. Porto Caino.	
Calamota, isola, см. Isola Calamota.	
Caldota, punta, см. Punta Caldota.	
Cale — Кали.	Остр. Улянъ.
Caleare, valle, см. Valle Caleare.	Остр. Улянъ.
Calugerá, scoglio, см. Scoglio Calugerá.	
Camenova, punta, см. Punta Camenova.	
Camera, porto, см. Porto Camera.	
Camignak, scogli, см. Scogli Camignak.	
Campora — Каппоръ.	Остр. Рабъ.
Campora, vallone di, см. Vallone di Campora.	
Canale dell'Arsa — Арза.	Окр. Задаръ.
Canale della Corsia — Коршія.	Окр. Истрія.
Canale di Calamota — Калочикъ.	Окр. Дубровникъ.
Canale di Fasana — Фазана.	Окр. Истрія.
Canale di Farasina — Фаразина.	Окр. Истрія.
Canale di Lesina — Хваръ.	Остр. Хваръ.
Canale di Lemo — Лемъ.	Окр. Истрія.
Canale di Meleda — Млѣтъ.	Остр. Млѣтъ.
Canale di Mattempo — Матемпъ.	Окр. Задаръ.
Canale di Nona — Нинъ.	
Canale delle Castella — Каштела.	Окр. Сплитъ.
Canale d'Ossero — Осеръ.	Остр. Цресъ.
Canale di Pogliana nuova — Поляна нова.	Остр. Пагъ.
Canale di Pago o della Montagna — Пагъ.	Остр. Пагъ.
Canale di Scardizza o Maon — Скардица.	Окр. Задаръ.
Canale di Sebenico — Шибеникъ.	
Canale di Selve ed Ulbo — Жельва и Олибъ.	
Canale di Stagno piccolo — Мали Стонъ.	Окр. Дубровникъ.
Canale delle Zirone — Дрвеникъ.	Окр. Задаръ.
Canale di Traú — Тротръ.	Окр. Сплѣтъ.
Canale di Zara — Задаръ.	Окр. Задаръ.
Canidole, scogli, см. Scogli Canidole.	
Canosa — Трстено.	Окр. Дубровникъ.
Cantofige — Кантафигъ.	
Capo Cesto — Примоштенъ.	Окр. Задаръ.

to, porto e scoglio, см. Porto e Scoglio di Capo Cesto.	
mena — Као Гумина.	Полуостр. Пелѣшацъ.
nipare — Конпаръ.	Окр. Истрія.
ria — Копаръ.	
legrino — Биръ.	Остр. Хваръ.
lle Planche — Синёва	Остр. Брачъ.
eo — Ражньи.	Остр. Корчула.
Капріе.	Остр. Капрнѣ.
ola, см. Isola Capri.	
— Цара.	Окр. Задаръ.
porto, см. Porto Carboni.	
o — Карлобагъ или Багъ.	Окр. Задаръ.
re, valle, см. Valle Caricatore.	
porto, см. Porto Carober.	
porto, см. Porto Carober.	
hi, monte, см. Monte Czarovichi.	
— Карвиня.	Окр. Задаръ.
— Слапъ.	
valle, см. Valle Cassion.	
punta, см. Punta Cassion.	
monte, см. Monte Cassone.	
— Казела.	Окр. Задаръ.
— Кайзола.	Остр. Цресъ.
Andreis — Ядрстовацъ.	Окр. Задаръ.
Sadessa — Гомилица.	Окр. Сплитъ.
Sambio — Камбеловацъ.	
ella Daila — Даила.	Окр. Истрія.
i Lastua — Ластва.	Окр. Которъ.
ischio — Омишаль.	Остр. Кркъ.
ovo — Нови.	Окр. Которъ.
ovo — Нови.	Окр. Сплѣтъ.
. Steffano — Свети Стѣпанъ.	Окр. Которъ.
tafileo — Стафилиѣъ.	Окр. Сплѣтъ.
uzzuraz — Сѣурацъ.	
ecchio — Старь.	

Castel Venier — Винћрацъ. Окр. Задаръ.
Castel Vitturi — Лушићъ. Окр. Сплѣтъ.
Cattaro — Которъ. Окр. Которъ.
Cazza isola, см. Isola Cazza.
Cazziola, isola, см. Isola Cazziola.
Cerduk, valle, см. Valle Cerduk.
Cernicca, valle, см. Valle Cernicca.
Cervera, porto, см. Porto Cervera.
Cessara, valle, см. Valle Cessara.
Cesarizza, valle, см. Valle Cesarizza.
Cessinova, valle, см. Valle Cessinova.
Chelm, monte, см. Monte Chelm.
Cherso — Цресъ. Остр. Цресъ.
Cherso, isola, см. Isola Cherso.
Cherso, porto di, см. Porte Cherso.
Cherso, vallone di, см. Vallone di Cherso.
Chiatz, porto, см. Porto di Chiatz.
Chiave, porto, см. Porto Chiave.
Chiave, porto, см. Porto Chiave.
Chiave, porto, см. Porto Chiave.
Chiave, porto, см. Porto Chiave.
Chiavlina, valle di, см. Valle di Chiavlina.
Chiaz, valla, см. Valle Chiaz.
Cicola, fiume, см. Fiume Cicola.
Cigale, porto, см. Porto Cigale.
Ciprianda, valle, см. Valle Ciprianda.
Cis, monte, см. Monte Cis.
Cisichie — Чижићи. Остр. Крк.
Cisto, porto, см. Porto Cisto.
Cittanova — Поградъ или Новиградъ. Окр. Истрія.
Citluc — Читлукъ. Окр. Сплѣтъ.
Cittàvecchia — Старигрдъ. Остр. Хваръ.
Cittavecchia, valle e porto, см. Valle e Porto di Cittavecchia.
Ciuton, scoglio, см. Scoglio Ciuton.
Cobi, porto, см. Porto Cobi.

Cocogliari, scoglio, см. Scoglio Cocogliari.
Cogn, scoglio, см. Scoglio Cogn.
Collane — Колани. Остр. Пагъ.
Collerat, porto, см. Porto Collerat.
Colludar, scoglio, см. Scoglio Colludar.
Com — Комъ. Остр. Пашманъ.
Comisa — Комижа. Остр. Висъ.
Comisa, vallone di, см. Vallone di Comisa.
Con — Конъ. Остр. Рабъ.
Conivize — Конивице. Остр. Кркъ.
Contarara, scoglio, см. Scoglio Contarara.
Contovello — Контовель. Окр. Истрія.
Convento — Манастиръ.
Convento di S. Maria del Cepo—Манастиръ Богородице отъ Чепа. } Остр. Кркъ.
Convento S. Nicoló, — Св. Никола. Остр. Цресъ.
Convento di Stagnevich — Станѣвиhъ. Окр. Которъ.
Convento di Zavstrogh — Заострогъ. Окр. Сплѣтъ.
Coritta — Корита.
Coromacna, porto, см. Porto Coromacna.
Covist, scoglio, см. Scoglio Covist.
Coperto, porto, см. Porto Coperto.
Corbanaz, scoglio, см. Scoglio Corbanaz.
Coromazna, porto, см. Porto Coromazna.
Cosia, porto, см. Porto Cosia.
Cosia, valle, см. Valle Cosia.
Cosiraccia, valle, см. Valle Cosiraccia.
Cossara, scoglio, см. Scoglio Cossara.
Cosvinizzo, scoglio, см. Scoglio Cosvinizza.
Costina, punta, см. Punta Costina.
Crapano — Крапань. Окр. Задаръ.
Creul, porto, см. Porto Creul.
Czriquinizza — Цриквеница. Хорватія.
Croce — Крижъ. Окр. Истрія.
Croce, porto, см. Porto Croce.
Croce, punta, см. Punta Croce.

Croce, punta, см. Punta Croce.
Croazia Militare — Военa Граница или просто: Граница.
Crucizza — Кручица. Окр. Задаръ.
Crucizza, scoglio, см. Scoglio Crucizza.
Crucizza, scoglio, см. Scoglio Crucizza.
Cuciste — Кућиште. Полуостр. Пелѣшацъ.
Cudizza, scoglio, см. Scoglio Cudizza.
Cuje, porto di, см. Porto di Cuje.
Curbabella, isola, см. Isola Curbabella.
Curzola, isola, см. Isola Curzola.
Cut — Кутъ. Остр. Висъ.
Cutesoci — Кутишићи. Окр. Сплѣтъ.
Cubula, secca, см. Secca Cubula.
Czarovichi, monte, см. Monte Czarovichi.

D.

Daba, valle, см. Valle Daba.
Daila, castello, см. Castel Daila.
Daina — Дашни. Окр. Задаръ.
Daxa, scoglio, см. Scoglio Daxa.
Deda, porto, см. Porto Deda.
Dente, punta del, см. Punta del Dente.
Derkudich, valle, см. Valle Derkudich.
Dersciavala, valle, см. Valle Dersciavala.
Dervenik — Дрвеникъ. Окр. Сплѣтъ.
Desviglie, monte, см. Monte Desviglie.
Dignano — Водњанъ. Окр. Истрія.
Digniska, valle, см. Valle Digniska.
Digniska — Дињиска. Остр. Пагъ.
Diclo — Дикло. Окр. Задаръ.
Dingach — Дингачъ. Полуостр. Пелѣшацъ.
Dobrace — Добраће. Окр. Сплѣтъ.
Dobrigno, vallone di, см. Vallone di Dobrigno.
Dobrota — Доброта. Окр. Которъ.
Dobrotoch, scoglio, см. Scoglio Dobrotoch.

Dogna, punta, см. Punta Dogna.
Doll, valle, см. Valle Doll.
Dolli — Доли. Окр. Дубровникъ.
Dolli, valle, см. Valle Dolli.
Dolin, scoglio, см. Scoglio Dolin.
Dolfin, scoglio, см. Scoglio Dolfin.
Domboch, porto, см. Porto Domboch.
Donzella, scoglio, см. Scoglio Donzella.
Draguniza, valle e porto, см. Valle e Porto Draguniza.
Dragogna, fiume, см. Fiume Dragogna.
Dragove — Драгове. Остр. Лука.
Drasnizze — Драшнице. Окр. Сплѣтъ.
Drasumanschi, scoglio, см. Scoglio Drasumanschi.
Drenova, monte, см. Monte Drenova.
Duba — Дуба. Полуостр. Пелѣшацъ.
Duba — Дуба. Окр. Сплѣтъ.
Duba, porto di, см. Porto di Duba.
Duba, valle di, см. Valle di Duba.
Dubas, valle di, см. Valle di Dubas.
Dubovizza — Дубовица. Албанія.
Duboviza, monte, см. Monte Duboviza.
Duboca, valle, см. Valle Duboca.
Dubrovasca, monte, см. Monte Dubrovasca.
Dubrovizza — Дубравица. Окр. Дубровникъ.
Duce — Дуѣе. Окр. Сплѣтъ.
Dulcigno — Оцинь. } Албанія.
Dulcigno vecchio — Старій Оцинь. }
Dumboca, valle, см. Valle Dumboca.
Durazzo — Драчъ. Албанія.
Durazzo, baja di, см. Baja di Durazzo.

E.

Ellenizza, valle, см. Valle Ellenizza.
Erbosgnak, scoglio, см. Scoglio Erbosgnak.
Eso — Ижъ. Остр. Ижъ.

Eso, isola, см. Isola Eso,
Eso, porto di, см. Porto d'Eso.

F.

Farasina, porto di, см. Porto di Farasina.	
Fasana — Фазана.	Истрія.
Fasana, canale di, см. Canale di Fasana.	
Fenera, scoglio di, см. Scoglio di Fenera.	
Fianona — Фланона.	Истрія.
Figarola, scoglio di, см. Scoglio di Figarola.	
Figliaccia, porto di, см. Porto di Figliaccia.	
Finocchio, porto di, см. Porto Finocchio.	
Firasma, canale di, см. Canale di Firasma.	
Fiume — Рѣка.	Хорватія.
Fiume Aron — Аронъ.	Истрія.
Fiume Dragogna — Драгоня.	
Fiume Drino — Дрина.	Албанія.
Fiume Kerka — Крка.	Окр. Задаръ.
Fiume Cicola — Чикола.	Истрія.
Fiume Kovaja — Ковая.	Албанія.
Fiume Isonzo — Соча.	Горица.
Fiume Narenta — Неретва.	Окр. Сплѣтъ.
Fiume Ricina — Ричина.	Окр. Задаръ.
Fiume Risano — Рисанъ.	Истрія.
Fiume Salona — Солинъ.	Окр. Сплѣтъ.
Fiume Zettina — Цетина.	
Fiume di S. Stefano — Св. Сѣпанъ.	Албанія.
Foci della Bojana — Бояна.	
Fogon, porto, см. Porto Fogon.	
Foci del fiume Narenta — Неретва.	Окр. Сплѣтъ.
Forte Imperiale — Срѣъ.	Окр. Дубровникъ.
Fort 'Opus — Опузено.	Окр. Сплѣтъ.
Forte Smerdan — Смрданъ.	
Forte Spagnuolo — Спаньолска.	Окр. Которъ.
Fucin, scoglio, см. Scoglio Fucin.	

ı, scoglio, см. Scoglio Fuha.
ıe di Kurisnizza — Курашница. Окр. Задаръ.

G.

ian, scoglio, см. Scoglio Gaglian.
n — Гай. Истрія.
arol, scoglio, см. Scoglio Gangarol.
urich — Грґурић. Окр. Дубровникъ.
lo, punta. см. Punta Gatolo.
nak, porto, см. Porto Gedmak.
a — Еша. Остр. Хваръ.
ninak, scoglio, см. Scoglio Germinak.
ıahora, monte, см. Monte Gernahora.
no, porto, см. Porto Gianno.
ıana, valle, см. Valle Giuliana.
ana — Жуліана. Полостр. Полѣшацъ.
ana, isola, см. Isola Giupana.
at, scoglio, см. Scoglio Glovat.
och, scoglio, см. Scoglio Glavoch.
ina, porto, см. Porto Glavina.
ba, stretto di, см. Stretto di Gliuba.
baz — Любацъ. Окр. Задаръ.
baz, valle di, см. Valle di Gliubaz.
a — Груда. Окр. Которъ.
izza, porto, см. Porto di Gnivizza.
izza, scoglio, см. Scoglio di Gnivizza.
o Bocche di Cattaro — Бока Которска. Окр. Которъ.
di Drino — Дрина. Албанія.
di Trieste — Трстъ. Истрія.
la, scoglio, см. Scoglio Goliola.
, monte, см. Monte Golis.
scoglio, см. Scoglio Golo.
ignach, scoglio, см. Scoglio Gomignach.
na, punta, см. Punta Gorgna.
zza — Горица. Остр. Пагъ.
giar — Говеђари. Остр. Млѣтъ.

Grabovizza, scoglio, см. Scoglio Grabovizza.
Gradaska, valle, см. Valle Gradaska.
Gradaz — Градацъ. Окр. Сплѣтъ.
Grado, monte, см. Monte Grado.
Grande, porto, см. Porto Grande.
Grande, valle, см. Valle Grande.
Gravosa — Гружь. Окр. Дубровникъ.
Grebascizza — Гребашица. Окр. Задаръ.
Grasgnich, valle, см. Valle di Grasgnich.
Grille, secca, см. Secca di Grille.
Grignano, punta di, см. Punta di Grignano.
Grossa, punta, см. Punta Grossa.
Grossa, punta, см. Punta Grossa.
Grui, punta, см. Punta Grui.
Gruizza, scoglio, см. Scoglio Gruizza.
Grudda — Груда.
Gruc — Грухъ. Окр. Сплѣтъ.
Gustignan, punta, см. Punta Gustignan.

I.

Ichsichi, punta, см. Punta Ichsichi.
Idolo, scoglio, см. Scoglio Idolo.
Ika — Ика. Окр. Истрія.
Igrane — Играни. Окр. Сплѣтъ.
Imperiale, forte, см. Forte Imperiale.
Ingannatore, porto, см. Porto Ingannatore.
Isola Abo — Абъ. } Окр. Задаръ.
Isola Arbe — Рабъ. }
Isola Brioni — Брионъ. Окр. Истрія.
Isola Brazza — Брачъ. } Окр. Сплѣтъ.
Isola Busi — Буа. }
Isola Calamota — Колочепъ. Окр. Дубровникъ.
Isola Capri — Капрія. Окр. Задаръ.
Isola Cazza — Кача. } Окр. Сплѣтъ.
Isola Cazziola — Копиште. }
Isola Cherso — Цресъ. Военная Граница.

Isola S. Clemente — Свети Клете.	Окр. Сплѣтъ.
Isola Curbabella — Курбавеля.	Окр. Задаръ.
Isola Curzola — Корчула.	Окр. Дубровникъ.
Isola Eso — Ижъ.	Окр. Задаръ.
Isola — Отокъ.	Окр. Истрія.
Isola Giupana — Щипанъ.	Окр. Дубровникъ.
Isola Isto — Йстъ.	
Isola Jakli n — Яклянъ.	
Isola Kakan — Какань.	Окр. Задаръ.
Isola Kerknata — Кркната.	
Isola Labdara — Лабдара.	
Isola di Lesina — Хваръ.	Окр. Сплѣтъ.
Isola di Lissa — Висъ.	
Isola de Lossini — Лошинь.	Окр. Задаръ.
Isola Lunga — Лука.	
Isola Lunga o Grossa — Лука.	
Isola Maon — Маонъ.	
Isola Lagosta — Ластово.	
Isola di Meleda — Млѣтъ.	
Isola di Melada — Мулатъ.	
Isola di Mezzo — Лопудъ.	Окр. Дубровникъ.
Isola Morter — Мортеръ.	Окр. Задаръ.
Isola Pago — Пагъ.	
Isola Premuda — Премуда.	
Isola Puntadura — Виръ.	
Isola Rava — Рава.	
Isola Rivagn — Ривань.	
Isola Scarda — Скарда.	
Isola Scardizza — Скардица.	
Isola Sant'Andrea — Свети Андрія.	Окр. Сплѣтъ.
Isola Selve — Жельва.	Окр. Задаръ.
Isola Smajan — Змаянъ.	
Isola Sansego — Сансегъ.	
Isola Solta — Шольта.	Окр. Сплѣтъ.
Isola Spalmadore — Шкои Фарски.	
Isola Sestrun — Сеструнь.	Окр. Задаръ.

Isola Sverinaz — Зверинацъ. Остр. Задаръ.
Isola Torcola — Шчедрово. Окр. Сплѣтъ.
Isola Ugliano — Улянъ. Окр. Задаръ.
Isola Ulbo — Олибъ. Окр. Задаръ.
Isola Veglia — Крк. Окр. Задаръ.
Isola Vergada — Вргада. Окр. Задаръ.
Isola Zlarina — Зларинъ. Окр. Задаръ.
Isola Unie — Уніе. Окр. Задаръ.
Isola Zirona grande — Вельи Зларинъ. Окр. Сплѣтъ.
Isola Zirona piccola — Малый Зларинъ. Окр. Сплѣтъ.
Isola Zit — Йстъ. Окр. Задаръ.
Isola Zuri — Зуръ. Окр. Задаръ.
Isola Zut — Зутъ. Окр. Задаръ.
Isonzo, fiume, см. Fiume Isonzo.
Ista — Исто. Окр. Задаръ.
Ivancia, valle, см. Valle Ivancia.

J.

Jablanaz, punta, см. Punta Jablanaz.
Jachisnizza, valle, см. Valle Jachisnizza.
Jaklian, isola, см. Isola Jaklian.
Janina, valle e Porto, см. Valle e Porto di Janina.
Jarta, scoglio, см. Scoglio Jarta.
Jasich — Язичъ. Окр. Задаръ.
Jasine, porto di, см. Porto di Jasine.
Jelenizza, valle, см. Valle Jelenizza.
Jeschova, valle di, см. Valle di Jeschova.
Jesenizza — Есенице. Окр. Сплѣтъ.

K.

Kablin, valle di, см. Valle di Kablin.
Kakan, isola, см. Isola Kakan.
Kamenisciakow, scoglio, см. Scoglio Kamenisciakow.
Karin, mare di, см. Mare di Karin.
Karin, stretto di, см. Stretto di Karin.

oli — Кртоли.	Окр. Которъ.
rat, punta, см. Punta Kenirat.	
a, fiume, см. Fiume Kerka.	
nata, isola, см. Isola Kerknata.	
a — Клада.	Военная Граница.
, valle di, см. Valle di Klek.	
sova — Клясова.	Окр. Дубровникъ.
, scoglio, см. Scoglio Klib.	
un, valle di, см. Valle di Klokun.	
sa, scoglio, см. Scoglio Knesa.	
are — Кобаре.	Полуостр. Пелѣшацъ.
ila, punta, см. Punta Kobila.	
rava, scoglio, см. Scoglio Kobrava.	
ik, scoglio, см. Scoglio Konik.	
bar — Кумбуръ.	Окр. Которъ.
rena — Кострена.	Хорватія.
schizza, valle, см. Valle Kruschizza.	
lizza — Куклица.	Остр. Улянъ.
izza, porto di, см. Porto di Kuklizza.	
snizza, futine di, см. Futine di Kurisnizza.	
ja — Ковая.	Албанія.

L.

oticella — Бачвице.	Окр. Задаръ.
ara, isola, см. Isola Labdara.	
oma, scoglio, см. Scoglio Lacroma.	
a, valle, см. Valle Ladra.	
gn, scoglio, см. Scoglio Lagagn.	
stini, scogli, см. Scogli Lagostini.	
di Bocagnazzo — Боканяцъ.	Окр. Задаръ.
Morigne — Моринье.	
Proklian — Проклянъ.	
di Scutari — Скадаръ.	Албанія.
di Vrana — Врана.	Окр. Задаръ.
di Vrana — Врана.	Остр. Цресъ.

Lago grande, porto di, см. Porto di Lago grande.
Lago piccolo, porto di, см. Porto di Lago piccolo.
Lagosta — Ластово. Остр. Ластово.
Lagosta, isola, см. Isola Lagosta.
Lamane, valle di, см. Valle di Lamane.
Lapad — Лападъ. Окр. Дубровникъ.
Lasariza, valle, см. Valle Lasariza.
La Rocca — Рока. Окр. Задаръ.
Lasiza — Ласица. Окр. Дубровникъ.
Lastovska, punta, см. Punta Lastovska.
Lavina, valle, см. Valle Lavina.
Lavze, scoglio, см. Scoglio Lavze.
Lazaretto — Лазаретъ. Окр. Истрія
Leandra, punta, см. Punta Leandra.
Le due sorelle — Сестрице. Окр. Дубровникъ.
Le due sorelle — Дви сестрице. Окр. Задаръ.
Lemo — Лемъ. Окр. Истрія.
Lenga, punta, см. Punta Lenga.
Lenga, punta, см. Punta Lenga.
Lepetano — Лепетани. Окр. Которъ.
Lesina — Хваръ. Остр. Хваръ.
Lesina, isola, см. Isola Lesina.
Levante, secca di, см. Secca di Levante.
Levernaka, scoglio, см. Scoglio Levernaka.
Levrera, scoglio, см. Scoglio Levrera.
Lipzi — Липци. Окр. Которъ.
Lissa — Висъ. Остр. Висъ.
Lissa, isola, см. Isola Lissa.
Locorano — Лукоранъ. Окр. Сплѣтъ.
Loni, punta, см. Punta Loni.
Lopara — Лопаръ. Остр. Пагъ.
Lossin grande — Вельи Лошинь. } Остр. Лошинь.
Lossin piccolo — Малый Лошинь. }
Lossini, isola, см. Isola Lossini.
Lovo, punta, см. Punta Lovo.

Lovrana — Ловрана. Окр. Истрія.
Luche, valle, см. Valle di Luche.
Lucina, porto, см. Porto Lucina.
Lucietta, scoglio, см. Scoglio Lucietta.
Lucietta, secca, см. Secca Lucietta.
Lucize, porto, см. Porto Lucize.
Luka — Лука. Окр. Дубровникъ.
Luka, valle, см. Valle Luka.
Luka, valle, см. Valle Luka.
Luka, porto, см. Porto Luka.
Luka, porto, см. Porto Luka.
Lukovo, porto, см. Porto Lukovo.
Lukovo, porto, см. Porto Lukovo.
Lukovaz, scoglio, см. Scoglio Lukovaz.
Lund, secca, см. Secca Lund.
Lunga, punta, см. Punta Lunga.
Lunga, punta, см. Punta Lunga.
Lungo, porto, см. Porto Lungo.
Lungo, porto, см. Porto Lungo.
Lunga, isola, см. Isola Lunga.
Lunga o Grossa, isola, см. Isola Lunga o Grossa.
Lustiza, monte, см. Monte Lustiza.
Lutestraz, scoglio, см. Scoglio Lutestraz.
Luzmarinach, scoglio, см. Scoglio Luzmarinach.

M.

Macarsca — Макарска. Окр. Сплѣтъ.
Macarsca, porto, см. Porto Macarsca.
Macocina, porto, см. Porto Macocina.
Madonna — Госпа. Остр. Хваръ.
Madonna, porto, см. Porto Madonna.
Magazzino, porto, см. Porto Magazzino.
Magrisina, scoglio, см. Scoglio Magrisina.
Maini — Майни. Окр. Которъ.
Maisan, scoglio, см. Scoglio Maisan.
Makaraz, porto, см. Porto Makaraz.

Maladraga, valle, см. Valle Maladraga.
Malaluka, porto, см. Porto Malaluka.
Malimandre, valle, см. Valle Malimandre.
Malinska — Малинска. Остр. Крк.
Malfi, porto, см. Porto Malfi.
Malivosce — Мали-возъ Окр. Дубровникъ.
Malta, porto, см. Porto Malta.
Mamarano — Мамаранъ.
Mana, scoglio, см. Scoglio Mana.
Manego, porto, см. Porto Manego.
Manera, porto, см. Porto Manera.
Manestar — Манестаръ. Хорватія.
Mandoler, porto, см. Porto Mandoler.
Manfrin, stabilimento di, см. Stabilimento di Manfrin.
Maon, isola, см. Isola Maon.
Marciara, isola, см. Isola Marciara.
Marcana, scoglio, см. Scoglio Marcana.
Mare di Karin — Море Каринско. } Окр. Задаръ.
Mare di Novigradi — Новиградъ. }
Maricchio, porto, см. Porto Maricchio.
Marincovaz, scoglio, см. Scoglio Marincovaz.
Marlognaco, scoglio, см. Scoglio Marlognaco.
Marnik, scoglio, см. Scoglio Marnik.
Martinschiza, porto, см. Porto Martinschiza.
Martinschizza, porto, см. Porto Martinschizza.
Martinska, porto, см. Porto Martinska.
Martognach, scoglio, см. Scoglio Martognach.
Marusic — Марушићъ. Окр. Сплѣтъ.
Marziculet, valle, см. Valle Marziculet.
Masliniva, valle, см. Valle Masliniva.
Maso — Мазъ. Окр. Истрія.
Massurina, scoglio, см. Scoglio Massurina.
Mataglie — Матальи. Хорватія.
Mavrizza — Маврица. Остр. Брачъ.
Mazoria — Мазоръ. Окр. Истрія.

Medolino — Медолинъ.	
Megline — Мелине.	Окр. Которъ.
Melada — Мулатъ.	Остр. Мулатъ.
Melada, isola, см. Isola Melada.	
Meleda, isola, см. Isola Meleda.	
Meli, val, см. Val Meli.	
Melino, valle, см. Valle Melino.	
Mellini, valle di, см. Valle di Mellini.	
Menticchio — Ментићи.	Окр. Истрія.
Mercize, punta, см. Punta Mercize.	
Mesagn, scoglio, см. Scoglio Mesagn.	
Metcovich — Метковићи.	Окр. Сплѣтъ.
Mezzo, isola di, см. Isola di Mezzo.	
Micovizza — Миковица.	Остр. Зуръ.
Milnà — Милна.	Остр. Брачъ.
Mirce — Мирче.	
Mischiach, scogli, см. Scogli Mischiach.	
Misgnach, scogli, см. Scogli Misgnach.	
Mocosera — Мокошица.	Окр. Дубровникъ.
Moschenize — Мошћенице.	Окр. Истрія.
Molontá grande, porto di, см. Porto di Molontá grande.	
Molontá piccola, porto di, см. Porto di Molontá piccola.	
Monte Boraja — Борая.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Borak — Боракъ.	
Monte Bracevoberdo — Брачевобрдо.	Окр. Дубровникъ.
Monte Czarovichi — Царевићъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Monte Cassone — Кашунъ.	Окр. Которъ.
Monte Chelm — Келмъ.	Остр. Цресъ.
Monte Cis — Чишъ.	
Monte Desvigli — Десевилie.	Окр. Которъ.
Monte Drenova — Дренова.	Хорватія.
Monte Duboviza — Дубовица.	Окр. Которъ.
Monte Dubrovaska — Дубровашка.	Остр. Корчула.
Monte Gernaћora — Црнагора.	Окр. Задаръ.

Monte Golis — Голишъ.	Окр. Которъ.
Monte Gradina — Градина.	Окр. Истрія.
Monte Grado — Градъ.	Остр. Млѣтъ.
Monte Hum — Умацъ.	Остр. Висъ.
Monte Lustiza — Люштица.	Окр. Которъ.
Monte della Madonna — Госпиħъ.	Окр. Истрія.
Monte Marian — Марянъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Montorogo — Монтеруга.	Окр. Дубровникъ.
Monte Mossor — Мосоръ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte d'Ossero — Осеръ.	Окр. Задаръ.
Monte d'Ostrigne — Остриніе.	Окр. Истрія.
Monte Plana — Плана.	Остр. Хваръ.
Monte Sniegsnizza — Снѣжница.	Окр. Дубровникъ.
Monte S. Elia — Свети Илія.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Sant'Elia — Илійно-брдо.	Окр. Дубровникъ.
Monte San Giorgio — Юрьево-брдо.	Остр. Церцсъ.
Monte San Giorgio — Ђурђево-брдо.	Остр. Ластово.
Monte S. Nicoló — Свети Никола.	Остр. Хваръ.
Monte S. Salvatore — Спасово-брдо.	Окр. Которъ.
Monte S. Vito — Сутвидъ.	Остр. Рабъ.
Monte Sella — Ловħенъ.	Окр. Которъ.
Monte Strasischie — Стражижħе.	Окр. Дубровникъ.
Monte Straza — Стража.	Остр. Шольта.
Monte Sustvid — Сутвидъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Timor — Тморъ.	Окр. Дубровникъ.
Monte Trebiansiz — Требіянчиħъ.	Остр. Цресъ.
Monte Triskavaz — Трискавацъ.	Остр. Кркъ.
Monte Ullaco — Улакъ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Veglia — Веля.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Monte Velagora — Велягора.	Окр. Которъ.
Monte Velebich — Велебиħъ.	Военная Граница.
Monte delle Vipere — Свети Илія, или Випера.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Monte Vlasca — Влашка.	Окр. Сплѣтъ.
Monte S. Vito — Видно.	Остр. Брачъ.
Monte Vermatz — Врмацъ.	Окр. Которъ.

Monte Vratnien — Вратникъ.	Окр. Дубровникъ.
Monte Vrezero — Вречево.	Окр. Задаръ.
Monte Movar — Муваръ.	Окр. Сплѣтъ.
Monte Zercerberdo — Зечево-брдо.	Остр. Корчула.
Morigne — Моринье.	Окр. Которъ.
Morigne, lado di, см. Lado di Morigne.	
Morina, scoglio, см. Scoglio Morina.	
Morovnik, scoglio, см. Scoglio Morovnik.	
Morovnich, secca, см. Secca Morovnich.	
Morter, isola, см. Isola Morter.	
Mravnizza — Мравница.	Окр. Дубровникъ.
Mucchiana, torre, см. Torre Mucchiana.	
Muja — Муя.	Окр. Истрія.
Muja, vecchia — Муя, старая	
Mula — Муо.	Окр. Которъ
Muli, scoglio, см. Scoglio Muli.	
Mulo, scoglio, см. Scoglio Mulo.	
Mutovaz, valle, см. Valle Mutovaz.	

N.

Narenta, fiume, см. Fiume Narenta.	
Nastrasiscia — Настражишћи.	Остр. Хваръ.
Neresi — Нережишћи.	Остр. Брачъ.
Neresine — Нережини.	Остр. Лошинь.
Nona — Нинъ.	Окр. Задаръ.
Nona, valle di, см. Valle di Nona.	
Norin, torre di, см. Torre di Norin.	
Nosdre, scoglio, см. Scoglio Nosdre.	
Novaglia nuova — Новаля нова.	Остр. Пагъ.
Novaglia vecchia — Новаля стара.	Остр. Пагъ.
Novi — Нови.	Хорватія.
Novigliane — Новляни.	Окр. Задаръ.
Novigradi, mare di, см. Mare di Novigradi.	
Novigradi — Новиградъ.	Окр. Задаръ.

O.

Oblica — Облиза.	Албанія.
Obognano — Обонянъ.	Окр. Задаръ.
Obrovazzo — Обровацъ.	
Obud — Ободъ.	Окр. Дубровникъ.
Obun, scoglio. см. Scoglio Obun.	
Obrucian, scoglio, см. Scoglio Obrucian.	
Ochiuch, scoglio, см. Scoglio Ochiuch.	
Okruch — Округъ.	Окр. Сплѣтъ.
Okrucho — Округъ.	
Ogliran, scoglio, см. Scoglio Ogliran.	
Olebach, scoglio, см. Scoglio Olebach.	
Olipa, scoglio, см. Scoglio Olipa.	
Oliveto, porto, см. Porto Oliveto.	
Oliveto, porto, см. Porto Oliveto.	
Olok, monte, см. Monte Olok.	
Olmi, punta di, см. Punta d'Olmi.	
Olmo piccolo, porto, см. Porto Olmo piccolo.	
Olmo grande, porto, см. Porto Olmo grande.	
Oltra — Прѣко.	Окр. Истрія.
Omago — Омажь.	
Omago, porto di, см. Porto d'Omago.	
Omago, porto di, см. Porto d'Omago.	
Ombla, valle di, см. Valle d'Ombla.	
Opat, porto di, см. Porto d'Opat.	
Opschina — Опћина.	Окр. Истрія.
Orabova — Ораховацъ.	Окр. Которъ.
Orebicio — Оребићъ.	Полуостр. Пелѣша
Ornile, scoglio, см. Scoglio Ornile.	
Orud, scoglio, см. Scoglio Orud.	
Osero — Осоръ.	Остр. Цресъ.
Ossero, punta, см. Punto d'Ossero.	
Ossera, — Осоръ.	Окр. Истрія.
Ossero, monte, см. Monte Ossero.	
Ossero, canale di, см. Canale d'Ossero.	
Ossit, punta di, см. Punta d'Ossit.	

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

Ossuri, scoglio, см. Scoglio Ossuri.
Ostrigne, monte, см. Monte Ostrigne.
Otprigradizza, scogli, см. Scogli Otprigradizza.

P

Pacosciani — Пакошћани.	Окр. Задаръ.
Pago — Пагъ.	Остр. Пагъ.
Pago, isola, см. Isola Pago.	
Palá, scoglio, см. Scoglio Palá.	
Palazzo, porto, см. Porto Palazzo.	
Palermo, porto, см. Porto Palermo.	
Palma, punta, см. Punta Palma.	
Palludi, valle di, см. Valle di Palludi.	
Panitole, scoglio, см. Scoglio Panitole.	
Panzano, porto, см. Porto Panzano.	
Panzana, secca, см. Secca Panzana.	
Paranze — Параници.	Окр. Задаръ.
Paranzo — Поречъ.	Окр. Истрія.
Parga, punta, см. Punta Parga.	
Parura, scoglio, см. Scoglio Porura.	
Parvicchio, scoglio, см. Scoglio Parvicchio.	
Pasman — Пашманъ.	Остр. Пашманъ.
Pasman, isola, см. Isola Pasman.	
Pasman, stretto di, см. Stretto di Pasman.	
Passo, porto, см. Porto Passo.	
Patehio, porto, см. Porto Patehio.	
Pazal, valle, см. Valle Pazal.	
Pedoccio, porto, см. Porto Pedoccio.	
Pelegrino, porto, см. Porto Pelegrino.	
Peles, porto, см. Porto Peles.	
Pelinovich, valle, см. Valle Pelinovich.	
Pendja, punta, см. Punta Pendja.	
Penisola di Sabiancello, — Пелѣшацъ.	
Perasto — Перастъ.	Окр. Которъ.
Persagn, scoglio, см. Scoglio Persagn.	
Pernata, punta, см. Punta Pernata.	

Pero — Перъ.	Окр. Истрія.
Percevaz, scoglio, см. Scoglio Percevaz.	
Persgnach, scoglio, см. Scoglio Persgnach.	
Persagno — Прчажъ.	Окр. Которъ.
Persna — Пржево.	
Peschiera, scoglio, — Scoglio Peschiera.	
Peterzani — Петрићани.	Окр. Задаръ.
Pettini — Гребени.	Окр. Дубровникъ.
Pettini, porto, см. Porto Pettini.	
Petrina, porto, см. Porto Petrina.	
Petrova — Петрова.	Окр. Истрія.
Petrovaz, scoglio, см. Scoglio Petrovaz.	
Pirano — Пиранъ.	Окр. Истрія.
Plana, monte, см. Monte Plana.	
Planca, punta della, см. Punta della Planca.	
Planche, Capo delle, см. Capo delle Planche.	
Planchetta — Плочице.	Остр. Хваръ.
Planich, scoglio, см. Scoglio Planich.	
Planirad, porta, см. Porta Planirad.	
Platamone, punta, см. Punta Platamone.	
Plaunich scoglio, см. Scoglio Plaunich.	
Ploce, val di, см. Val di Ploce.	
Ploccia, porto, см. Porto Ploccia.	
Plocize — Плочизе.	Окр. Дубровникъ.
Pociscie — Пучиште.	Остр. Брачъ.
Poclib, porto, см. Porto Poclib.	
Pocognidol, scoglio, см. Scoglio Pocognidol.	
Pogliana nuova — Поляна нова.	Остр. Пагъ.
Pogliana vecchia — Поляна стара.	
Poglie — Полѣ.	Окр. Задаръ.
Poglizza — Польица.	Окр. Сплѣтъ.
Poglize — Польице.	Окр. Дубровникъ.
Pola — Пуль.	Окр. Истрія.
Pola, porto di, см. Porto di Pola.	
Poluga, punta, см. Punta Poluga.	
Pomer — Померъ.	Окр. Истрія.

Pomo, scoglio, см. Scoglio Pomo.

Ponte — Мостъ. Остр. Крк.

Poprecizze, valle di, см. Valle di Poprecizze.

Porer, scoglio, см. Scoglio Porer.

Porta Planirad — Планирать Остр. Хваръ.

Porto Albezoni — Албезонъ. Окр. Истрія.

Porto Sant' Antonio — Свети Антонъ. Остр. Жельва.

Porto Sant' Antonio — Св. Антонъ. Остр. Пашманъ.

Porto Artich — Хртићъ. Окр. Задаръ.

Porto Bagna — Баня.
Porto Baldarin — Балдаринъ.
Porto Bokal — Бокалъ. } Остр. Цресъ.

Porto Borolognac — Боролоняцъ. Остр. Ижъ.

Porto Bossolo — Босуль. Окр. Истрія.

Porto Braziol — Брацолъ. Остр. Крк.

Porto Brestenovaz — Брестеновацъ. Окр. Истрія.

Porto di Budua — Будва. Окр. Которъ.

Porto Busi — Буа. Окр. Сплѣтъ.

Porto Caino — Каинъ. Окр. Задаръ.

Porto Camera — Камера. Остр. Млѣтъ.

Porto di Capo Cesto — Примоштенъ. Окр. Задаръ.

Porto Carboni — Карбуни. Остр. Корчула.

Porto di Carlopago — Карлобагъ. Окр. Задаръ.

Porto Carober — Кароберъ. Остр. Висъ.

Porto Carober — Рогачи. Остр. Шолта.

Porto Cassion — Касионъ. Остр. Крк.

Porto Cervera — Чрвера. Окр. Истрія.

Porto di Cherso — Чресъ. Остр. Цресъ.

Porto di Chiave — Ключи. Остр. Ластва.

Porto Chiave — Ключи. Остр. Хваръ.

Porto Chiave — Ћаве. Остр. Пашманъ.

Porto Chiave — Ключъ. Остр. Висъ.

Porto Chiatz — Ћацъ. Остр. Крк.

Porto Cigale — Чигалъ. Остр. Лошинь.

Porto Cisto — Чисто. Остр. Пагъ.

Porto Cobi — Коби Остр. Цресъ.

Porto Colerat—Коловратъ.	Остр. Цресъ.
Porto di Comisa—Комижа.	
Porto Coperto—Покривеникъ.	Остр. Хваръ.
Porto Coromazna—Коромазна.	Остр. Цресъ.
Porto Coromazna—Коромачна.	Остр. Хваръ.
Porto Cosia—Козія.	
Porto Costina—Костина.	Остр. Желька.
Porto Creul—Креуль.	Остр. Премуда.
Porto S. Cristoforo—Св. Христофоръ.	Остр. Рабъ.
Porto Croce—Крижица.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Cuje—Куіе.	Остр. Истрія.
Porto Deda—Деда.	Остр. Пагъ.
Porto del Castello—Каштео.	Окр. Истрія.
Porto Domboch—Домбокъ.	Остр. Лука.
Porto di Duba—Дуба.	Окр. Истрія.
Porto di Eso—Ижъ.	Остр. Ижъ.
Porto S. Eufemia—Св. Фема.	Остр. Улянъ.
Porto e Scoglio Santa Eufemia—Св. Фема.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Farasina—Фаражина.	Окр. Истрія.
Porto di Fianona—Фланона.	
Porto Figliaccia—Хиляча.	Окр. Задаръ.
Porto Finocchio—Финоћъ.	Остр. Зуръ.
Porto Fogon—Фогунъ.	Остр. Уніе.
Porto S. Fosca—Св. Фошка.	Остр. Крк̀ъ.
Porto Gedmak—Гедмакъ.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Gianni—Яна.	Остр. Крк̀ъ.
Porto San Giorgio—Свети Юрай.	Остр. Висъ.
Porto San Giorgio—Св. Юрай.	Военная Граница.
Porto San Giorgio—Св. Юрай.	Остр. Крк̀ъ.
Porto San Giovanni—Св. Иванъ.	Остр. Корчула.
Porto San Giuseppe—Св. Осипъ.	Остр. Брачъ.
Porto e Valle Gradaz — Градацъ.	Остр. Висъ.
Porto Glavina — Главина.	Остр. Крк̀ъ.
Porto Gnivizze — Нивице.	Остр. Лошинь.
Porto Grande — Вели Поратъ.	Остр. Шчедрово.
Porto San Gregorio — Св. Гргуръ.	Окр. Истрія.

Ingannatore — Гонутурка.	Остр. Млѣтъ.
Isto — Исто.	Окр. Задаръ.
e Valle Janina — Янина.	Остр. Кркъ.
Jasine — Язине.	Остр. Лука.
di Kuklizza — Куклица.	Остр. Улянъ.
Lago grande — Вели Лагъ.	Остр. Ластово.
Lago piccolo — Мали Лагъ.	
Lovo — Ловъ.	Остр. Лошинь.
Lovrana — Ловрана.	Окр. Истрія.
Lucina — Лучина.	Остр. Лука.
Lucize — Лучице.	Остр. Брачъ.
Luka — Лука.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Luka — Лука.	Остр. Лука.
Lukovo — Луково.	Военная Граница.
Lukovo — Луково.	Остр. Цресъ.
Lukovo — Луково.	Окр. Задаръ.
Lungo — Лука.	Окр. Истрія.
Lungo — Лука.	Окр. Задаръ.
Lungo — Лука.	Остр. Уніе.
di Lustiza — Люштица.	Окр. Которъ.
di Macarsca — Макарска.	Окр. Сплѣтъ.
Macocina — Макочина.	Остр. Рабъ.
Madonna — Под Госпу.	Остр. Шчедрово.
Magazzino — Лучина.	Окр. Задаръ.
Makaraz — Макарацъ.	Остр. Млѣтъ.
Maloluka — Малолука.	Остр. Кркъ.
Malinska — Малинска.	
Malfi — Затонъ.	Окр. Дубровникъ.
Malta — Малта.	Окр. Задаръ.
Manego — Рукавацъ.	Остр. Висъ.
Manera — Сикирача.	Окр. Сплѣтъ.
Mandoler — Баямово.	
Manzo — Манзо.	Остр. Мулатъ.
S. Margherita — Св. Маргарита.	Остр. Рабъ.
S. Marino — Св. Марянъ.	Окр. Истрія.
S. Martiano — Св. Мартинъ.	Остр. Цресъ.

Porto S. Martino — Сумартинъ.	Остр. Брачъ.
Porto Maricchio — Марићи.	Окр. Истрія.
Porto Martinschiza — Мартиншћица.	Хорватія.
Porto Martinschizza — Мартиншћица	Остр. Цресъ.
Porto Martinska — Мартинска.	Остр. Хваръ.
Porto Cono di Meleda — Млѣтъ.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Milná — Милна.	Остр. Брачъ.
Porto di Molonta grande — Малунатъ велики	Окр. Дубровникъ.
Porto di Molonta piccola — Малунатъ мали.	
Porto di Novaglia nuova — Новаля нова.	Остр. Пагъ.
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	Окр. Задаръ.
Porto S. Nicoló — Свети Никола.	
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	
Porto S. Nicoló — Св. Никола.	Остр. Олибъ.
Porto Palazzo — Полаче.	Остр. Млѣтъ.
Porto Palermo — Гарска.	Остр. Хваръ.
Porto Palma — Помена.	Остр. Млѣтъ.
Porto Panzano — Панцанъ.	Окр. Истрія.
Porto S. Pavlo — Св. Павао.	
Porto Passo — Пашѣ.	Хорватія.
Porto Patchio — Пачія.	Окр. Дубровникъ.
Porto Pedoccio — Лука.	Остр. Корчула.
Porto Pelegrino — Виръ.	Остр. Хваръ.
Porto Peles — Пелешъ.	Окр. Задаръ.
Porto Petrina — Петриня.	Остр. Кркъ.
Porto Ploccia — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Porto S. Pietro di Nembo — Свети Петаръ од Немба.	Окр. Задаръ.
Porto di Pociscie — Пучишће.	Остр. Брачъ.
Porto di Poclib — Поклибъ.	Окр. Задаръ.
Porto di Pola — Пуль.	Окр. Истрія.
Porto di Premuda — Пармуда.	Окр Задаръ.
Porto di Prilaka — Привлака.	Хорватія.
Porto Priluka — Трилука.	Окр. Истрія.
Porto Progiura — Проћура.	Остр. Млѣтъ.
Porto Rabaz — Рабацъ.	Окр. Истрія.

Porto Racischie — Рачишће.	Остр. Корчула.
Porto Rastova — Растова.	Остр. Висъ.
Porto Re — Кралѣвица.	Хорватія.
Porto di Rogosnizza — Рогозница.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Rose — Руже.	Окр. Истрія.
Porto Rosso — Росићъ.	Остр. Шчедрово.
Porto Rosso — Чрнѣни.	Остр. Шолта.
Porto Rosso — Порто Росо.	Остр. Ластово.
Porto Ruda — Руда.	Остр. Висъ.
Porto Sablanova — Сапунара.	Остр. Млѣтъ.
Porto Oliveto — Маслиница.	Остр. Брачъ.
Porto Oliveto — Маслиница.	Остр. Шолта.
Porto Olmo grande — Веля Дубица.	Окр. Истрія.
Porto Olmo piccola — Мала Дубица.	
Porto Omago — Омажъ.	
Porto Omago — Омажъ.	Остр. Пагъ.
Porto Opat — Опат.	Окр. Задаръ.
Porto Saracino — Сарачинска.	Остр. Зуръ.
Porto e Valle Sarpliceca — Срплички.	Остр. Виръ.
Porto Schiavina — Шћавина.	Окр. Задаръ.
Porto di Sebenico vecchio.—Шибеникъ стари.	
Porto di Segna — Сень.	Военная Граница.
Porto Serschizza — Сршћица.	Остр. Кркъ.
Porto Sessola — Шешула.	Остр. Шолта.
Porto Simone — Св. Шимунъ.	Остр. Пагъ.
Porto Slano — Слано.	Окр. Дубровникъ.
Porto Socolizza — Соколица.	Остр. Хваръ.
Porto Soline — Солине.	Окр. Задаръ.
Porto Sordo — Глухо.	Остр. Шолта.
Porto Spinizze — Спиница.	Остр. Хваръ.
Porto di S. Stefano — Св. Степанъ.	Окр. Истрія.
Porto di S. Stefano — Сустипанъ.	Остр. Брачъ.
Porto Stomoska — Стомоска.	Остр. Шолта.
Porto Stupiza — Ступица.	Остр. Зуръ.
Porto Svegliegamora — Свѣтѣгамора.	Остр. Ластово.
Porto Syb — Шибъ.	Остр. Олибъ.

Porto Tojer — Таѣръ.	Окр. Задаръ.
Porto Tavernelle — Таверньлъ.	Остр. Пагъ.
Porto Tertar — Тртаръ.	Окр. Истрія.
Porto Testenich — Тештенићи.	Полуостр. Пелѣша
Porto Tolero — Талиръ.	Окр. Сплѣтъ.
Porto Tonara — Тонара.	Окр. Задаръ.
Porto Torcolo — Торкулъ.	Остр. Крк̀ъ.
Porto Tre porti — Тре порти.	Остр. Корчула.
Porto di Ulbo — Олибъ.	Окр. Задаръ.
Porto d'Unie — Уніе.	Остр. Уніе.
Porto Vecchia — Стара.	Остр. Крк̀ъ.
Porto di Veglia — Крк̀ъ.	
Porto Velibog — Вельи-богъ.	
Porto Verbosca — Врбойска.	Остр. Хваръ.
Porto e Scoglio di Veruda — Веруда.	Окр. Истрія.
Porto Vestri — Вестри.	
Porto Vlasca — Влашка.	Остр. Хваръ.
Porto e Monte Vratnien — Вратникъ.	Окр. Дубровникъ.
Porto Vucovo — Вуково.	Остр. Хваръ.
Porto Zaglava — Заглава.	Остр. Млѣтъ.
Porto di Zapontello — Запунтелъ.	Остр. Мулатъ.
Porto Zubine — Зубине.	Остр. Олибъ.
Porto Zert — Зертъ.	Окр. Истрія.
Porto Jurcovo — Зурково.	Хорватія.
Porto di Zyri — Зури.	Остр. Зуръ.
Porto di Xaniza — Жанице.	Окр. Которъ.
Possidarin — Пошидаринъ.	Окр. Задаръ.
Postire — Постире.	Остр. Брачъ.
Postrana — Пострана.	Окр. Задаръ.
Postuppa — Поступъ.	Полуостр. Пелѣша
Povie — Повіе.	Остр. Брачъ.

Povobosch, valle, см. Valle Povobosch.

Prapratna, valle, см. Valle Prapratna.

Prapratina, valle e Porto, см. Valle e Porto Prapratina.

Prasna, valle, см. Valle Prasna.

s chizza — Предошћица.	Остр. Пресъ.
ıdizza, valle, см. Valle Pregradizza.	
ıda, isola, см. Isola Premuda.	
ıiach, scoglio, см. Scoglio Preschiach.	
lgna, valle, см. Valle Pricodgna.	
a, porto, см. Porto Prilaka.	
— Присна.	Окр. Задаръ.
ca — Привлака.	Окр. Дубровникъ.
le, scoglio, см. Scoglio Proisde.	
an, lago di, см. Lago di Proklian.	
:co — Просекъ.	Окр. Истрія.
chio — Првићъ.	Окр. Задаръ.
dura — Виръ.	Окр. Задаръ.
dura, isola, см. Isola Puntadura.	
Amica — Мика.	Окр. Задаръ.
Sant'Andrea — Св. Андрія.	Окр. Дубровникъ.
e Valle Sant'Antonio — Св. Антонъ.	Остр. Маонъ.
di Antivari — Баръ.	Албанія.
Balvareide — Балварейдъ.	Остр. Лошинь.
Barbariga — Барбаригъ	Окр. Истрія.
Bassania — Басанићъ.	
Bernazza — Брнаца.	
S. Biaggio — Св. Блажъ.	Остр. Крквъ.
Bianche — Белератъ.	Окр. Задаръ.
Bianca — Била.	Остр. Лошинь.
Cabal — Кабалъ.	Остр. Крквъ.
Caldota — Калдонта.	
Camenova — Каменова.	Окр. Которъ.
Cobi — Коби.	Остр. Цресъ.
Croce — Крижи.	Остр. Цресъ.
Croce — Крижи.	Остр. Крквъ.
del Dente — Зубацъ.	Окр. Истрія.
Dogna — Доня.	Окр. Дубровникъ.
Gatolo — Гатоло.	Остр. Буа.
S. Giorgio — Суђурай.	Остр. Брачъ.
S. Giorgio — Суђурацъ.	Окр. Сплћтъ.

Punta S. Giorgio — Св. Юрай.	Остр. Висъ.
Punta Gorgna — Горня.	Окр. Дубровникъ.
Punta Grignano — Гринянъ.	Окр. Истрія.
Punta Grossa — Веля.	Остр. Уніе.
Punta Grossa — Веля.	Окр. Истрія.
Punta Grui — Груй.	Остр. Млѣтъ.
Punta Gustignan — Густинянъ.	Окр. Истрія.
Punta Garbagliava — Грблява.	Окр. Дубровникъ.
Punta Ichsichi — Икшићи.	Окр. Истрія.
Punta Kenirat — Кенират.	Остр. Корчула.
Punta di Klek — Клекъ.	Турецкая территорія.
Punta Kobila — Кобила.	Окр. Дубровникъ.
Punta Jablanaz — Ябланацъ.	Окр. Истрія.
Punta Lastovska — Ластовска.	Остр. Млѣтъ.
Punta Leandra — Леандра.	Окр. Дубровникъ.
Punta Lenga — Ленга.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Punta Lenga — Ленга.	Остр. Млѣтъ.
Punta Loni — Луньъ.	Остр. Пагъ.
Punta S. Lorenzo — Св. Ловре.	Окр. Истрія.
Punta di Lossin piccolo — Лошинь мали.	Остр. Лошинь.
Punte Lukovo — Луково.	Остр. Цресъ.
Punta Lunga — Дуга.	Остр. Брачъ.
Punta Lunga — Лука.	Окр. Сплѣтъ.
Punta S. Martino — Св. Мартинъ.	Остр. Кркъ.
Punta Mercizze — Мрчица.	Окр. Дубровникъ.
Punta d'Olmi — Дубовица.	Окр. Истрія.
Punta Ossit — Осичацъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Punta d'Ossero — Осеръ.	Остр. Цресъ.
Punta d'Ostro — Остра.	Окр. Которъ.
Punta Palma — Палма.	Остр. Млѣтъ.
Punta Parga — Парга.	Остр. Ижъ.
Punta Pendja — Пенджа.	Окр. Дубровникъ.
Punta Pernata — Црната.	Остр. Цресъ.
Punta della Planca — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Punta Platamone — Платамуны.	Окр. Которъ.
Punta Poluga — Полуга.	Окр. Дубровникъ.

Punta Remo — Весю.	Окр. Которъ.
Punta del Sallurell — Салурелъ.	Окр. Истрія.
Punta Scala — Скала.	Окр. Задаръ.
Punta Scillo — Шило.	Остр. Кркъ.
Punta di Sdobba o foci d'Isonzo — Соча.	Окр. Истрія.
Punta Secca — Сика.	Остр. Цресъ.
Punta Sginbovax — Жуковацъ.	Окр. Которъ.
Punta Silla — Шила.	Остр. Рабъ.
Punta Slatina — Слатина.	Остр. Пагъ.
Punta Sottile — Танка.	Окр. Истрія.
Punta Sottile — Танка.	Остр. Олибъ.
Punta Stinuza — Штинуца.	
Punta Stupischi — Ступићи.	Остр. Висъ.
Punta Suora o mezza Meleda — Совра или Полъ Млѣта.	Остр. Млѣтъ
Punta Ubas — Убасъ.	Окр. Истрія.
Punta di Ulbo — Олибъ.	Остр. Олибъ.
Punta S. Maria — Госпа.	Остр. Кркъ.
Punta Scocidievoica — Скочићевойка.	Окр. Которъ.
Punta delle Vecchie — Стара.	Окр. Задаръ.
Punta Visnovizza — Вишньовица.	Остр. Цресъ.
Punta e Valle di Visnovizza — Вишньовица.	Окр. Сплѣтъ
Puttana grande, scoglio, см. Scoglio Puttana grande.	

R

Rabaz, porto, см. Porto Rabaz.	
Racischie, porto, см. Porto Racischie.	
Rada d'Almissa — Омишъ.	Окр. Сплѣтъ.
Rada di Fiume — Рѣка.	Хорватія.
Rada di Pirano — Пиранъ.	Окр. Истрія.
Rada di Sassobianco — Билибригъ.	
Rada di Selve — Желька.	Остр. Желька.
Radocevo, valle, см. Valle Radocevo.	
Radescichi — Радешићи.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Radovna, valle, см. Valle Radovna.	

Ragusa — Дубровникъ.
Ragusa vecchia — Цавтатъ. Окр. Дубровникъ.
Ralabne, scoglio, см. Scoglio Ralabne.
Rasanze — Разанци. Окр. Задаръ.
Rasanzi, scoglio, см. Scoglio Rasanzi.
Rassip, scoglio, см. Scoglio Rassip.
Rasocatezza, valle, см. Valle Rasocatezza.
Rataz — Ратацъ. Окр. Дубровникъ.
Ravajasco — Раваяшко. Окр. Задаръ.
Ravanich, scoglio, см. Scoglio Ravanich.
Ravna, scoglio, см. Scoglio Ravna.
Ravnasika, scoglio, см. Scoglio Ravnasika.
Re, porto, см. Porto Re.
Remo, punta, см. Punta Remo.
Repai — Репай. Окр. Которъ.
Ribgna, valle, см. Valle Ribgna.
Ricina, fiume, см. Fiume Ricina.
Risano — Рисанъ. Окр. Которъ.
Risano, fiume, см. Fiume Risano.
Rischizza — Ричица Окр. Дубровникъ.
Roberson, torre, см. Torre Roberson.
Rocca, la, см. La Rocca.
Rogosnizza, porto, см. Porto Rogosnizza.
Rondoni, scoglio, см. Scoglio Rondoni.
Rosalia, valle, см. Valle Rosalia.
Rosario — Розарio. Полуостр. Пелѣшацъ.
Roscie, scoglio, см. Scoglio Roscie.
Rose — Розе. Окр. Которъ.
Rose, porto, см. Porto Rose.
Rosso, porto, см. Porto Rosso.
Rosso, porto, см. Porto Rosso.
Rosso, porto, см. Porto Rosso.
Rosoka, valle, см. Valle Rosoka.
Rosujat — Росуля. Окр. Дубровникъ.
Rosoka, valle, см. Valle Rosoka.
Rovigno — Ровинь. Окр. Истрія.

— Развалине. Окр. Сплѣтъ.
porto, см. Porto Ruda.
scoglio, см. Scoglio Rudda.

S.

ello, penisola di, см. Penisola di Sabioncello.
va, porto, см. Porto Sablonova.
, valle, см. Valle Sacaron.
- Сале. Остр. Лука.
valle, см. Valle Saline.
— Солинъ. Окр. Сплѣтъ.
fiume, см. Fiume Salona.
— Затонъ. Окр. Дубровникъ.
punta di, см. Punta di Sallurell.
— Салворъ. Окр. Истрія.
ci — Самарићи. Албанія.
ad, scoglio, см. Scoglio Samograd.
ogli, scoglio, см. Scoglio Sanonscogli.
drea, scoglio, см. Scoglio Sant'Andrea.
drea — Св. Андрія. Окр. Истрія.
drea — Св. Андрія. Остр. Цресъ.
drea, isola, см. Isola Sant'Andrea.
drea, scoglio, см. Scoglio Sant'Andrea.
na — Св. Анна. Окр. Дубровникъ.
tonio, porto, см. Porto Sant'Antonio.
tonio, punto e valle, см. Punta e Valle Sant'Antonio.
tonio, porto, см. Porto Sant'Antonio.
tonio — Св. Антонъ.
tonio — Св. Антонъ. } Окр. Задаръ.
tonio — Св. Антонъ.
tonio — Св. Антунъ. Окр. Истрія.
tonio, scoglio, см. Scoglio Sant'Antonio.
rcangelo, scoglio, см. Scoglio Sant'Arcangelo.

Santa Brigida, scoglio, см. Scoglio Santa Brigida.	
San Casino — Св. Кажинъ.	Остр. Крк̀ъ.
San Cassano — Св. Кашанъ.	Окр. Задаръ.
Santa Caterina, Scoglio, см. Scoglio Santa Catarina.	
San Clemente — Каменъ.	Окр. Сплѣтъ.
San Clemente, isola, см. Isola S. Clemente.	
San Cosimo — Св. Кузма.	Остр. Брачъ.
San Cosmo — Св. Кузма.	Окр. Задаръ.
San Cristoforo, porto, см. Porto S. Cristoforo.	
Santa Croce — Крижи.	Окр. Дубровникъ.
Santa Domenica — Недѣля.	
Santa Domenica — Св. Нед̀еля.	Окр. Которъ.
Santa Ellena — Св. Iелена.	Военная Граница.
Sant'Elia, monte, см. Monte Sant'Elia.	
Sant'Elia, monte, см. Monte Sant'Elia.	
Sant'Elia, valle, см. Valle Sant'Elia.	
Sant'Eufemia, porto, см. Porto Sant'Eufemia.	
Sant'Eufemia, porto e scoglio, см. Porto e Scoglio S. Eufemia.	
Sant'Eufemia, scoglio, см. Scoglio Sant'Eufemia.	
Sant'Eufemia, valle, см. Valle Sant'Eufemia.	
San Filippo e Giacomo — Св. Филипъ и Яковъ.	Окр. Задаръ.
Santa Fosca, porto, см. Porto Santa Fosca.	
San Giorgio, porto, см. Porto San Giorgio.	
San Giorgio, porto, см. Porto San Giorgio.	
San Giorgio, monte, см. Monte San Giorgio.	
San Giorgio, monte, см. Monte San Giorgio.	
San Giorgio, scoglio, см. Scoglio San Giorgio.	
San Giorgio — Суђурье.	Остр. Хваръ.
San Giorgio — Св. Юрай.	Военная Граница.
San Giorgio — Св. Юрай.	Остр. Пагъ.
San Giorgio — Суђурађъ.	Окр. Дубровникъ.

San Giovanni in Pelago, scogli, см. Scogli S. Giovanni in Pelago.	
San Giovanni — Св. Иванъ.	Остр. Пагъ.
San Giovanni — Светиванъ.	Окр. Истрія.
San Giovanni — Св. Иванъ.	Окр. Задаръ.
San Giovanni — Св. Иванъ.	Окр. Истрія.
San Giovanni — Сутиванъ.	Остр. Брачъ.
San Guiseppe, porto, см. Porto San Guiseppe.	
San Guiseppe — Св. Йозипъ.	Хорватія.
San Gregorio, scoglio, см. Scoglio San Gregorio.	
San Gregorio, porto, см. Porto San Gregorio.	
San Lorenzo — Св. Ловре.	Окр. Истрія.
San Marco, scoglio, см. Scoglio S. Marco.	
Santa Margharita, punta, см. Punta Santa Margharita.	
Santa Maria, punta, см. Punta Santa Maria.	
Santa Maria, porto, см. Porto Santa Maria.	
San Marino, porto, см. Porto San Marino.	
San Martino — Св. Мартинъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
San Martino, porto, см. Porto San Martino.	
San Martino, porto, см. Porto S. Martino.	
San Martino, valle, см. Valle San Martino.	
San Martino — Св. Мартинъ.	Остр. Цресъ.
San Martino — Св. Мартинъ.	Истрія.
San Martino — Сумартинъ.	Остр. Брачъ.
San Michiele di Lemo — Св. Миховило одъ Лема.	Окр. Истрія.
San Michiele — Св. Миховилъ.	Остр. Улянъ.
San Nicoló con torre — Св. Никола.	Окр. Истрія.
San Nicoló, porto, см. Porto San Nicoló.	
San Nicoló, porto, см. Porto San Nicoló.	
San Nicoló, scoglio, см. Scoglio San Nicoló.	
San Nicoló, — Св. Николай.	Албанія.
San Nicoló, porto, см. San Nicoló.	
San Nicoló, porto, см. San Nicoló.	

San Nicoló, monte, см. Monte S. Nicoló.
San Nicolo, convento di, см. Convento di San Nicoló.
San Paolo, porto, см. Porto S. Paolo.
San Pietro di Nembo, — Св. Петаръ одъ Немба. Окр. Задаръ.
San Pietro — Супетаръ. Остр. Брачъ.
San Salvatore, monte, см. Monte S. Salvatore.
San Sergio — Св. Срѣъ. Албанія.
San Steffano — Сустипанъ. Окр. Дубровникъ.
San Steffano, castello, см. Castello S. Steffano.
San Steffano, porto, см. Porto S. Steffano.
San Steffano, porto, см. Porto S. Steffano.
San Steffano, monte, см. Monte S. Steffano.
San Vito, monte, см. Monte S. Vito.
San Teodoro — Св. Тодоръ. Албанія.
Sasso, valle, см. Valle Sasso.
Sassobianco, rada di, см. Rada di Sassobianco.
Saracino, porto, см. Porto Saracino.
Sarpliceca, porto e valle, см. Porto e Valle Sarpliceca.
Savro — Савро. Остр. Лука.
Scala, porto, см. Porto Scala.
Scardona — Скрадинъ. Окр. Задаръ.
Schiavina, porto, см. Porto Schiavina.
Scillo, punta, см. Punta Scillo.
Scillo, scoglio см. Scoglio Scillo.
Scipanna, valle di, см. Valle di Scipanna.
Scirocca, valle di, см. Valle di Scirocca.
Scocidievoica, punta. см. Punta Scocidievoica.
Scoglio Abba — Аба. Окр. Задаръ.
Scoglio Alessandria — Алесандрія. Полуостр. Пелѣшацъ
Scoglio Altese — Алтезъ. Окр. Истрія.
Scoglio Sant'Andrea — Св. Андрія. Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Sant'Andrea — Св. Андрія. Окр. Дубровникъ.
Scoglio Sant'Antonio — Св. Антонъ. Военная Граница.

io Sant'Arcangelo — Арканђеловацъ.	Окр. Сплѣтъ.
io Asinello — Магараць.	Окр. Задаръ.
i Bacili — Стубови.	
i Bacili — Бачили.	Остр. Корчула.
io della Badia — Подъ Отокъ.	Окр. Дубровникъ.
io Bagotign — Баготинь.	Окр. Сплѣтъ.
io Bargnestrovaz — Брнѣстровацъ.	Остр. Млѣтъ.
io Bariaski — Баряски.	Остр. Висъ.
io Bielaz — Бѣлацъ.	Окр. Дубровникъ.
io Bilo — Била.	Остр. Ижъ.
io Bissach — Бисаћъ.	Остр. Корчула.
io Bissaga — Бисага.	Окр. Сплѣтъ.
io Blatazza — Блатацъ.	Остр. Корчула.
io Borovnik — Боровникъ.	Окр. Задаръ.
io Brasgnack — Брашнякъ.	
io S. Brigida — Св. Бригида.	Окр. Истрія.
io Brusnich — Брусникъ.	Окр. Сплѣтъ.
io Budicovaz — Будиковацъ.	Остр. Висъ.
io Calugerá — Калуђеравацъ.	Остр. Улянъ.
i Camignach — Каменякъ.	Окр. Задаръ.
i Canidole — Канидоли.	
io e Porto di Capo Cesto — Примоштенъ.	
io S. Catarina — Св. Ката	Окр. Истрія
io Ciutin — Сутонъ.	
io Cocogliare — Коколяръ.	Окр. Задаръ.
io Cogn — Конь.	
io Colludar — Колударъ.	
io Cantarara — Кантарара.	
io Corbanaz — Курбанацъ.	Окр. Истрія.
io Cossara — Кошара.	Окр. Задаръ.
io Cosvinizza — Чесвиница.	Окр. Дубровникъ.
io Covist — Ловиште.	
io Crucizza — Кручица.	
io Cudizza — Кудица.	Окр. Задаръ.
io Daxa — Дакса.	Окр. Дубровникъ.
io Dobrotoch — Добротокъ.	Окр. Сплѣтъ.

Scoglio Dolin — Долинъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Dolfin — Долфинъ.	
Scoglio Donzalla — Св. Андрія.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Drasumanschi — Драшумански.	Окр. Задаръ.
Scoglio Santa Domenica — Св. Неђеља.	Окр. Которъ.
Scoglio e valle Duga — Дуга.	Остр. Хваръ.
Scoglio Erbosgnach — Ръбошнякъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Sant'Eufemia — Св. Фема.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Fenera — Фенѣра.	Окр. Истрія.
Scoglio Figarola — Фигарола.	
Scoglio Fucin — Фучинъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Gaglian — Галянъ.	
Scoglio Galiola — Сика Галиола.	
Scoglio Gangarolo — Гангоролъ.	
Scoglio Germinach — Ерминакъ.	
Scoglio S. Giorgio — Св. Юрай.	Окр. Истрія.
Scoglio di S. Gionanni in Pelago — Св. Иванъ у Пелагу.	
Scoglio Glovat — Гловатъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Glavoch — Главошъ.	Остр. Пашманъ.
Scoglio Gnivizza — Нивица.	Окр. Истрія.
Scoglio Golo — Голо.	Окр. Истрія.
Scoglio Gomignach — Гуминякъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Graboviza — Грабовица.	Окр. Истрія.
Scoglio S. Gregorio — Св. Гъргуръ.	
Scoglio Gruizza — Груица.	Окр. Задаръ.
Scoglio Idolo — Идолъ.	
Scoglio Jarta — Ярта.	
Scoglio Kamenisciakovo — Каменишняковъ.	
Scoglio Klib — Клибъ.	
Scoglio Knesa — Кнеза.	
Scoglio Kobrava — Кобрава.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Konik — Коньикъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Kosiak — Кошякъ.	
Scoglio Lacroma — Локрунъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Lagagn — Лагань.	Окр. Задаръ.

Scoglio Lagostini — Ластовски.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Lavze — Лавча.	Окр. Задаръ.
Scoglio di Lemo o Lungo — Лемъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Lavernaka — Левърняка.	Окр. Задаръ.
Scoglio Levrera — Зечиякъ.	Остр. Цресъ.
Scoglio Lucietta — Луція.	Окр. Задаръ.
Scoglio Lucovaz — Луковацъ.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Lutestraz — Лутештразъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Luzmarinach — Луцмаринякъ.	
Scoglio Magresina — Магрижина.	
Scoglio Maisan — Маисанъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Marincovaz — Маринковацъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Mana — Мана.	Окр. Задаръ.
Scoglio Marcana — Мркань.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio S. Marco — Св. Марко.	Окр. Истрія.
Scoglio Marlognach — Марлонякъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Marnik — Марникъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Martognach — Мартонякъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Massirina — Масирина.	
Scoglio Messagn — Месань.	
Scoglio Mischiach — Мишякъ.	
Scoglio Misgnach — Мишнякъ.	
Scoglio Morina — Морина.	Окр. Истрія.
Scoglio Molonta — Молунатъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Morovnich — Моровникъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Muli — Мулацъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Mulo — Мулацъ.	
Scoglio S. Nicoló — Св. Никола.	Окр. Которъ.
Scoglio S. Nicoló con torre — Св. Никола.	Окр. Истрія.
Scoglio Nosdre — Ноздре.	Остр. Зуръ.
Scoglio Obun — Обунъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Obrucian — Обручанъ.	
Scoglio Ochiuch — Окручъ.	
Scoglio Ogliran — Олѣранъ.	Остр. Млѣтъ.
Scoglio Olebach — Уленi бокъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Olipa — Олипъ.	Окр. Дубровникъ.

Scoglio Opus — Опузъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Ornile — Орнилъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Orud — Орудъ.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Ossuri — Осуръ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Otprigradizza — Приградица.	Остр. Корчула.
Scoglio Pala — Пала.	Окр. Истрія.
Scoglio Panitole — Панитулъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Paranze — Паранци.	
Scoglio Parura — Паруръ.	
Scoglio Parvicchio — Првиѣъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Peschiera — Пишкера.	Окр. Задаръ.
Scoglio Parcevaz — Прчевацъ.	
Scoglio Persagn — Прсань.	Остр. Висъ.
Scoglio Persgnach — Пршнякъ.	Остр. Корчула.
Scoglio Pettini — Гребени.	Окр. Задаръ.
Scoglio Pettini — Гребени.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Petrovaz — Петровацъ.	Окр. Дубровникъ.
Scoglio Plana — Плана.	Окр. Задаръ.
Scoglio Planicik — Планичикъ.	
Scoglio Plaunich — Плавниѣъ.	Окр. Истрія.
Scoglio Pocognidol — Покойни-дôлъ.	Остр. Хваръ.
Scoglio Poclib — Поклибъ.	Окр. Задаръ.
Scoglio Pomo — Ябука.	Окр. Сплѣтъ.
Scoglio Porer — Пореръ.	Окр. Истрія.
Scoglio Proizdo — Произдо.	Остр. Корчула.
Scoglio Preschiach — Пресіякъ.	Остр. Ластва.
Scoglio Puttana grande — Курба-веля.	Окр. Задаръ.
Scoglio Ralabne — Ралабань.	
Scoglio Rassip — Расипъ.	
Scoglio Rasanzi — Разаньци.	
Scoglio Ravanich — Раванићъ	Остр. Висъ.
Scoglio Ravna — Равна.	Окр. Задаръ.
Scoglio Ravnasika — Равнасика.	
Scoglio Regata — Регата.	Окр. Истрія.
Scoglio Roscie — Рошье.	
Scoglio Rondoni — Жаница.	Окр. Которъ.

Ruda — Руда.	Окр. Дубровникъ.
Samograd — Самоградъ.	Окр. Задаръ.
Sanonscogli — Занани.	
Sgrisagne — Сгрисань.	
Scillo — Шило.	
Smerduglia — Смрдуля.	
Smirinovich — Смириновичь.	Окр. Корчула.
Smoquizza — Смоквица.	Окр. Дубровникъ.
Smoquizza — Смоквица.	Окр. Сплѣтъ.
Srignach — Сриняћъ.	Остр. Корчула.
Sissagn — Шишань.	Окр. Задаръ.
Stradioti — Отокъ.	Окр. Которъ.
Stipanska — Стипаньска.	Окр. Сплѣтъ.
Stolaz — Столацъ.	Остр. Рабъ.
Stomorin — Стоморинъ.	Окр. Дубровникъ.
Taino — Тайни.	
Tajer — Таіеръ.	Окр. Заларъ.
Temesgnach — Темишнякъ.	
Terstenich — Трстенићъ.	Остр. Копиште.
Terstenich — Трстенићъ.	Окр. Истрія.
Trimole — Тримули.	Окр. Задаръ.
Ton — Тунь.	
Tetevisgnach — Тетевишнякъ.	
Tovariak — Товарякъ.	
Vitelli — Телећево.	Остр. Висъ.
Zecia — Зечія.	Военная Граница.
Zeciovo — Зечево.	Остр. Хваръ.
Zicovza — Зиковацъ.	Окр. Задаръ.
— Скадаръ.	Албанія.
valle, см. Valle Sdralova.	
— Ждрелацъ.	Остр. Пашманъ.
— Шибеникъ.	Окр. Задаръ.
vecchio, porto di, см. Porto di Sebenico vecchio.	
unta см. Punta Secca.	
Albanassi — Арбанаси.	Окр. Которъ.

Stinizza — Стиница. Окр. Истрія.
Stinuza, punta, см. Punta Stinuza.
Stipana, valle, см. Valle Stipana.
Stipanska, scoglio, см. Scoglio Stipanska.
Stobrec — Стобрећъ. Окр. Сплѣтъ.
Stolaz, Scoglio, см. Scoglio Stolaz.
Stomoska, porto, см. Porto Stomoska.
Stomorin — Стоморинъ. Окр. Дубровникъ.
Stonsiza — Стоньица. Остр. Висъ.
Stoselle — Стоселе. Окр. Задаръ.
Straine, valle, см. Valle Straini.
Strasischie, monte, см. Monte Strasischie.
Straza, monte, см. Monte Straza.
Stretto di Brevilaqua — Привлака.
Stretto di Gliuba — Люба.
Stretto di Karin — Каринъ. } Окр. Задаръ.
Stretto di Masliniza — Маслиница.
Srtetto di Pasman — Пашманъ.
Stretto delle Porte di Spalatro — Сплѣтъ. Окр. Сплѣтъ.
Stretto di Sdrelaz — Ждрелацъ. Остр. Пашманъ.
Stupischi, punta — Ступићи. Остр. Висъ.
Stupizza, porto, см. Porto Stupizza.
Studenaz, valle, см. Valle Studenaz.
Subgliava — Шублява. Полуостр. Пелѣшацъ
Studenikoiska, valle, см. Valle Studenikoiska.
Suora o Mezza Meleda, punta, см. Punta Suora o Mezza Meleda.
Sustvid, monte, см. Monte Sustvid.
Suzzuraz, caset, см. Castel Suzzuraz.
Svegligamora, porto, см. Porto Svegligamora.
Sviciana, valle, см. Valle Sviciana.
Syb, porto, см. Porto Sub.

T.

Tabignach, valle, см. Valle Tabignach.
Taino, scogli, см. Scogli Taino.

, porto, см. Porto Tajer.
, scoglio, см. Scoglio Tajer.
ıa, valle, см. Valle Tativna.
nelle, porto, см. Porto Tavernelle.
— Тиватъ. Окр. Которъ.
sgnach, scoglio, см. Scoglio Temesgnach.
enich, scoglio, см. Scoglio Terstenich.
enich, scoglio, см. Scoglio Terstenich.
enizza, valle, см. Valle Terstenizza.
r, porto, см. Porto Tertar.
nich, porto, см. Porto Testenich.
ıa, valle, см. Valle Testina.
isgnach, scoglio, см. Scoglio Tetevisgnach.
', monte, см. Monte Timor.
, punta, см. Punta Toisti.
o, porto, см. Porto Tolero.
sina, valle, см. Valle Tomosina.
scoglio, см. Scoglio Ton.
'a, porto, см. Porto Tonara.
— Топла. Окр. Которъ.
lo, porto, см. Porto Torcolo.
— Атлагиħа Кула. } Окр. Задаръ.
Benlini — Беньтикъ. }
Mucchiana — Муħъ. Окр. Сплѣтъ.
Roberson — Шупурине. } Окр. Висъ.
Vellington — ħурħева-брда. }
te — Кулице. Окр. Задаръ.
— Торињъ. Полуостр. Пелѣшацъ.
iak, scoglio, см. Scoglio Tovariak.
'aschizza, valle, см. Valle Toveraschizza.
ano — Трпањ. Полуостр. Пелѣшацъ.
e — Бигово. Окр. Которъ.
e, baja di, см. Baja di Traste.
— Трогиръ. Окр. Сплѣтъ.
vecchia, valle di, см. Valle di Traù vecchia.

Trebiansiz, monte, см. Monte Trebiansiz.	
Trebocconi — Трибокуна.	Окр. Задаръ.
Trepozzi — Трепоци.	Остр. Корчула.
Tre sorelle — Три сестрице.	Окр. Задаръ.
Trieste — Трстъ.	Окр. Истрія.
Triluke, valle, см. Valle Triluke.	Окр. Задаръ.
Trimole, scoglio, см. Scoglio Trimole.	
Trinita, porte — Троица.	Окр. Которъ.
Triskavaz, monte, см. Monte Triskavaz.	
Tucepi, baja di, см. Baja di Tucepi.	
Torre di Norin — Норинска Кула.	Окр. Сплѣтъ.

U.

Ubas, punta, см. Punta Ubas.	
Ugliano — Улянъ.	Остр. Улянъ.
Ugliano, isola, см. Isola Ugliano.	
Ulbo — Олибъ.	Остр. Олибъ.
Ulbo, isola, см. Isola Ulbo.	
Ulbo, porto di, см. Porto di Ulbo.	
Ullaco, monte, см. Monte Ullaco.	
Ustrine — Устрине.	Остр. Цресъ.

V.

Val, secca di, см. Secca di Val.	
Valdinoce — Орашацъ.	Окр. Дубровникъ.
Valle di Artan — Хртань.	Окр. Задаръ.
Vall' Arvasca — Хрватска.	Остр. Брачъ.
Valle di Busi — Буа.	Остр. Пагъ.
Valle di Babaroviscia — Бабаровиħе.	Остр. Брачъ.
Valle di Bas — Башъ.	Остр. Пагъ.
Valle di Bascavecchia — Старабашка.	Остр. Кркъ.
Val Berguglie — Брулъ.	Остр. Мулатъ.
Val di Bascanuova — Башканова.	Остр. Кркъ.
Val Bersecine — Брсечине.	Окр. Дубровникъ.
Val Berusco — Берушиħъ.	Окр. Истрія.

Val Besdia — Бездія.	Остр. Висъ.
Valle Bielivizza — Бѣливица.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Valle Blaso — Блажъ.	
Valle Blasilna — Басильнѣна.	Остр. Хваръ.
Valle Blazza — Блата.	Остр. Корчула.
Valle Bonazza — Бонаца.	Военная Граница.
Valle di Breno — Жупа.	Окр. Дубровникъ.
Valle Brestine — Брестине.	
Val Brista — Бриста.	Остр. Корчула.
Val Bristova — Бристова.	Остр. Хваръ.
Val Cablin — Каблинъ.	Остр. Пашманъ.
Valle Caleare — Каляри.	Окр. Задаръ.
Vallone di Campora — Кампоръ.	Остр. Рабъ.
Valle Caneve — Канаве.	Остр. Кркъ.
Val Caricatore — Карикатуръ.	Остр. Цресъ.
Val Cassion — Сукошандрага.	Остр. Пагъ.
Vallone di Castelmuscio — Омышаль.	Остр. Кркъ.
Val Cerduk — Чердукъ.	Военная Граница.
Val Cernicca — Црница.	Остр. Рабъ.
Val Cessara — Цесарица.	Окр. Истрія.
Val Cesarizza — Цесарица.	Окр. Задаръ.
Valle Cessinova — Чесенова.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Vallone di Cherso — Чресъ.	Остр. Цресъ.
Valle di Chiavlina — Чавлина.	Остр. Кркъ.
Valle Chiaz — ћацъ.	Окр. Задаръ.
Val Ciprianda — Чипранда.	Остр. Улянъ.
Val Cosiraccia — Косирача.	Остр. Исто.
Val Cosia — Козія.	Остр. Хваръ.
Vallone di Comisa — Комижа.	Остр. Висъ.
Valle e Porto di Cittavecchia — Стариградъ.	Остр. Хваръ.
Valle Daba — Даба.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Val Derchudieh — Дркудићъ.	Окр. Истрія.
Valle Dorsiciava — Држића-вала.	Окр. Задаръ.
Valle Digniska — Диниска.	Остр. Пагъ.
Vallone di Dobrigno — Добринь.	Остр. Кркъ.
Valle Dolli — Доли.	Остр. Кача.

Valle Dolli — Доли.	Окр. Дубровникъ.
Valle e Porto Draganiza — Драганица.	Окр. Задаръ.
Valle Duba — Дуба.	Окр. Сплѣтъ.
Valle Dubas — Дубашъ.	Остр. Кркъ.
Valle Dubocca — Дубока.	Остр. Хваръ.
Valle Dumboca — Думбока.	Военная Граница.
Valle S. Ellena — Св. Елена.	
Valle Elleniza — Еленица.	Остр. Улянъ.
Val Sant'Elia — Св. Илія.	Военная Граница.
Valle di Sant' Eufemia — Св. Фема.	Остр. Рабъ.
Valle di Guiliana — Жуліяна.	Полуостр. Пелѣшацъ.
Val di Gliubaz — Любацъ.	Окр. Задаръ.
Val Gradaska — Градашка.	Остр. Шолта.
Valle Gradaz — Градацъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle e Punta Gradaz — Градацъ.	Остр. Висъ.
Val Grande — Веля-вала.	Остр. Корчула.
Val Grasgnich — Грашникъ.	Окр. Задаръ.
Val Ivancia — Иванка.	Окр. Истрія.
Valle Jaschisnizza — Якишница.	Остр. Пагъ.
Val Jelonizza — Еленица.	Остр. Рабъ.
Val Jeschova — Ешкова.	Окр. Задаръ.
Valle Kablin — Каблинъ.	Остр. Сеструнь.
Valle di Klek — Клекъ.	Турецкая территорія.
Val Klada — Клада.	Окр. Истрія.
Val Klokun — Клокунъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle Kruschizza — Крушкица.	Остр. Цресъ.
Valle Ladra — Лупешка.	
Valle di Lamiane — Ламіяни.	Остр. Улянъ.
Val Lisariza — Лисарица.	Окр. Задаръ.
Valle Lovina — Ловина.	Окр. Истрія.
Val Locorano — Лукоранъ.	Остр. Улянъ.
Val Lopara — Лопаръ.	Остр. Рабъ.
Val Luche — Лука.	Остр. Брачъ.
Val Luka — Лука.	Остр. Шолта.
Val Luka — Лука.	Остр. Корчула.
Val Maladraga — Маладрага.	Военная Граница.

limandre — Малимандра.	Остр. Пагъ.
. Martino — Св. Мартинъ.	Окр. Истрія.
rzieulet — Марчунъ.	Полуостр. Пелѣшацъ.
li — Мель.	Остр. Цресъ.
line — Мелини.	Военная Граница.
licoviza — Миковица.	Остр. Зуръ.
laslíniva — Маслиница.	Остр. Хваръ.
i Mutovaz — Мутовацъ.	Остр. Пашманъ.
. Nicoló — Св. Никола.	Остр. Цресъ.
. Nicoló — Св. Никола.	Остр. Пашманъ.
i Noce — Баямово.	Албанія.
Nona — Нинъ.	Окр. Задаръ.
i Novaglia vecchia — Новаля стара.	Остр. Пагъ.
i Ombla — Рѣка.	Окр. Дубровникъ.
i Pago — Пагъ.	Остр. Пагъ.
i Palludi — Полюди.	Окр. Сплѣтъ.
aral — Пацалъ.	Окр. Истрія.
elinovich — Пелиновичъ.	Остр. Хваръ.
Porto S. Pietro — Св. Петаръ. ce — Плоче.	Остр. Рабъ.
Pogliana vecchia — Поляна.	Окр. Задаръ.
precizza — Попречица.	Остр. Жельва.
rapratna — Прапратна.	Остр. Хваръ.
rapratna — Прапратно.	Полуостр. Пелѣшацъ.
sna — Празна.	Окр. Дубровникъ.
gradizza — Приградица. odgna — Приходня.	Остр. Корчула.
locevo — Радочево.	Окр. Сплѣтъ.
ovna — Радовна.	Остр. Брачъ.
gna — Рибня.	Окр. Дубровникъ.
alia — Под. Розарѣ. oka — Росока.	Полуостр. Пелѣшацъ.
ron — Сакаронъ.	Окр. Задаръ.
line — Солине.	Окр. Сплѣтъ.
Scirocco — Широка.	Остр. Шчедрово.
Scipanna — Шипанъ.	Окр. Дубровникъ.

Valle di Sdralova — Ждралова.	Военная Граница.
Val Slana — Слана.	Остр. Пагъ.
Val Slatina — Слатина.	Остр. Олибъ.
Valle Slatina — Слатина.	Остр. Пагъ.
Val di Sloselle — Злоселе.	Окр. Задаръ.
Valle Slobena — Злобена.	Остр. Пагъ.
Valle Smarska — Смрска.	Остр. Хваръ.
Val Sasso — Каменъ.	Остр. Висъ.
Val Straini — Страини.	Остр. Премуда.
Val Sviciana — Свићана.	Остр. Пагъ.
Val Studenaz — Студенац.	Остр. Брачъ.
Val Stipana — Стипана.	Остр. Кркъ.
Val Spasaz — Спасацъ.	Военная Граница.
Val Sparsina — Пржина.	Остр. Корчула.
Valle Sottile — Танки ратъ.	Остр. Кача.
Valle Soline — Сулини.	Окр. Сплѣтъ.
Val Smocoviza — Смоковица.	Окр. Дубровникъ.
Val Smocova — Смокова.	Остр. Висъ.
Val Stiniva — Стинива.	Остр. Корчула.
Valle Stinuza — Стинуца.	Остр. Висъ.
Valle Studenicovoiska — Суденикъ.	Остр. Млѣтъ.
Valle Tatignach — Татиня.	Остр. Шолта.
Valle Tativna — Тативна.	Окр. Истрія.
Valle Terstenizza — Трстеница.	Остр. Хваръ.
Valle Tativna — Веля Лука.	Остр. Корчула.
Valle Tomosina — Томозина.	Окр. Задаръ.
Valle Toveraschizza — Товерашица.	Остр. Цресъ.
Val di Traú vecchio — Стари Трогиръ.	Окр. Сплѣтъ.
Val Ttiluke — Трилуке.	Окр. Задаръ.
Val Veliboc — Велибокъ.	Остр. Цресъ.
Valle Velicadraga — Великадрага.	Остр. Пагъ.
Valle Velicajavoma — Великаявома.	Окр. Задаръ.
Valle Velicaluka — Великалука.	Остр. Кркъ.
Valle Vicevich — Ивићевићъ.	Окр. Сплѣтъ.
Valle di Vignole — Виньоле.	Окр. Истрія.
Valle Vlaka — Влака.	

Valle Vlasca — Влашка. Остр. Хваръ.
Valle Vlaska — Влашка. Военная Граница.
Valle Vlassich — Власићъ. Остр. Пагъ.
Valle della Vrullia — Вруля. Окр. Сплѣтъ.
Valle Zaglava — Заглава. Остр. Пагъ.
Valle Zaglava — Заглава. Остр. Цресъ.
Valle Zapoviza — Заповица. Полуостр. Пелѣшацъ.
Valle Zarelopizza — Зарелопица. Остр. Цресъ.
Val Ziric — Зирићъ. Остр. Брачъ.
Val Zasca — Зашка. Остр. Пагъ.
Val Zavalatizza — Завалатица. Остр. Корчула.
Val Zmirceviza — Змирчевица. Остр. Висъ.
Valle Zamograv — Замоградъ. Остр. Корчула.
Valovska — Воловска. Окр. Истрія.
Vanlaccio — Ванлацићъ. Остр. Кркъ.
Vecchie, punta delle, см. Punta delle Vecchie.
Vecchia, porto, см. Porto Vecchia.
Vecchio Dulcigno, см. Dulcigno vecchio.
Vecchia Muja, см. Muja vecchia.
Veglia — Кркъ. Остр. Кркъ.
Veglia, isola, см. Isola di Veglia.
Veglia, monte, см. Monte Veglia.
Veglia, porto di, см. Porto di Veglia.
Velagora, monte, см. Monte Velagora.
Velebich, monte, см. Monte Velebich.
Veliboc, valle, см. Valle Veliboc.
Velibog, porto, см. Porto Velibog.
Velicadraga valle, см. Valle Velicadraga.
Velichi Zaton — Велики Затонъ. } Окр. Дубровникъ.
Velichi Vratnik — Велики Вратникъ. }
Velicajavoma, valle, см. Valle Velicajavoma.
Velicaluca, val, см. Val Velicaluka.
Vellington, torre, см. Torre Vellington.
Verbenico — Врбникъ. Остр. Кркъ.
Verbosca — Врбойска. Остр. Хваръ.
Verbosca, porto, см. Porto Verbosca.

Verbiza — Врбица. Окр. Дубровникъ.
Verchi — Врхъ. Окр. Задаръ.
Vermatz, monte, см. Monte Vermatz.
Verpoglie — Врполе. Окр. Сплѣтъ.
Veruda, porto e scoglio, см. Porto e scoglio Veruda.
Vestri, porto, см. Porto Vestri.
Vetergnach, monte, см. Monte Vetergnach.
Vicevich, valle, см. Valle Vicevich.
Vignole, valle di, см. Valle di Vignole.
Vipere, monte delle, см. Monte delle Vipere.
Visnóvizza, punta, см. Punta Visnovizza.
Vitaglina — Виталина. Окр. Дубровникъ.
Vitelli, scogli, см. Scogli Vitelli
Vlasca, monte, см. Monte Vlasca.
Vlasca, porto, см. Porto Vlasca.
Vlaska, valle, см. Valle Vlaska.
Vlaska, valle, см. Valle Vlaska.
Vlaka, valle, см. Valle Vlaka.
Vlassich — Власиѣъ. Остр. Пагъ.
Vlassich, valle, см. Valle Vlassich.
Vodizze — Водице. Остр. Цресъ.
Vodizze — Водице. Окр. Задаръ.
Vragnizza — Враница. Окр. Сплѣтъ.
Vrana, lago di, см. Lago di Vrana.
Vrana, lago di, см. Lago di Vrana.
Vratnien, monte, см. Monte Vratnien.
Vratnien, monte e Porto, см. Monte e Porto Vratnien.
Vrecevo — Вречево. Окр. Задаръ.
Vucovo, porto, см. Porto Vucovo.
Vrullia, valle della, см. Valle della Vrullia.

Z.

Zaglava — Заглава. Остр. Лука.
Zaglava — Заглава. Остр. Млѣтъ.

Zaglava, valle, см. Valle Zaglava.	
Zaglava, valle, см. Valle Zaglava.	
Zamasline — Замаслине.	Окр. Дубровникъ.
Zappontello, porto di, см. Porto di Zappontello.	
Zapoviza, valle, см. Valle Zapoviza.	
Zara — Задаръ.	Окр. Задаръ.
Zaza vecchia — Стари Задаръ.	
Zarelopizza, valle, см. Valle Zarelopizza.	
Zaric, valle, см. Valle Zaric.	
Zasca, valle, см. Valle Zasca.	
Zatton — Затонъ.	Окр. Задаръ.
Zaton — Затонъ.	
Zaton, velichi, см. Velichi Zaton.	
Zavalatizza — Завалатица.	Остр. Корчула.
Zavstrog — Завстрогъ.	Окр. Сплѣтъ.
Zecia, scogli, см. Scoglio Zecia.	
Zellevich — Зелевиѣъ.	Окр. Сплѣтъ.
Zercerberdo, monte, см. Monte Zercerberdo.	
Zeciovo, scoglio, см. Scoglio Zeciovo.	
Zermagna, fiume, см. Fiume Zermagna.	
Zernova — Зрнова.	Остр. Корчула.
Zert, porto, см. Porto Zert.	
Zettina, fiume, см. Fiume Zettina.	
Zicovza, scoglio, см. Scoglio Zicovza.	
Zirona grande — Дрвеникъ.	
Zirona piccola — Плоча.	Окр. Сплѣтъ.
Zlarina — Зларинъ.	Окр. Задаръ.
Zmircoviza, valle, см. Valle Zmircoviza.	
Zocol — Цоколъ.	Окр. Задаръ.
Zomograv, valle, см. Valle Zomograv.	
Zuri, isola, см. Isola Zuri.	
Zuri, punta di, см. Punta di Zuri.	
Zubine, porto, см. Porto Zubine.	

В. Богишичъ.

Одесса. 25-го мая 1871 года.

О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАСЕЛЕНІЯ

ВЪ

КНЯЖЕСТВѢ СЕРБСКОМЪ.

О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАСЕЛЕНІЯ

ВЪ КНЯЖЕСТВѢ СЕРБСКОМЪ [1]).

Славяне искони занимали своими сельбищами значительное пространство Европы и если по численности не всегда стояли выше остальныхъ ея народовъ, то отнюдь и не ниже ихъ. Пространство Европы опредѣляется обыкновенно въ 182,000 кв. г. миль; если же мы выкинемъ мало населенныя мѣстности Швеціи, Норвегіи и Европейской Россіи, то пространство Европы опредѣлится лишь въ 142,000 кв. г. миль.

Въ политическомъ отношеніи Славяне независимы въ одной лишь, но за то въ наибольшей части своихъ сельбищъ, а именно въ Россіи (Черную-гору мы не считаемъ по ея малозначительности), тогда какъ въ Австріи, Турціи и Германіи они подчинены иноплеменникамъ. Въ Австріи считается ихъ 17 м. душъ или почти половина всего населенія государства (вѣрнѣе 47%), въ Турціи (вмѣстѣ съ Сербіей) и въ Черной-горѣ 4.600,000 душъ, что̀ составляетъ также половину всего количества народонаселенія; въ Германіи же Славянъ всего 2.650,000 душъ, а именно Сербовъ Лужицкихъ 90,000, Чеховъ до 60,000 и около 2.500,000 Поляковъ.

Для отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ число душъ и количество

---

[1]) Статья эта, доставленная авторомъ въ Географическое Общество на сербскомъ языкѣ въ рукописи, переведена д. чл. В. Н. Майновымъ.

занимаемаго ими пространства во всѣхъ четырехъ поименованн
государствахъ Европы, по свѣдѣніямъ 1870 г., оказываются
дующими:

	Кв. миль.	Всего жителей.	На одну милю среднее число душъ.
1. Русскіе	60,000	64.450,000	1,073
2. Поляки	3,200	10.000,000	3,125
3. Чехи	1,520	6.600,000	4,342
4. Сербы	3,850	5.600,000	1,454
5. Болгары	2,000	2.000,000	1,000
6. Словенцы	400	1.200,000	3,000
7. Луж. Сербы	30	150,000	5,000
Вообще Славяне .	71,000	90.000,000	1,270
Не-Славяне . . .	71,000	208.000,000	2,930
Всего въ Европѣ	142,000	298.000,000	2,100

Всѣ эти цифры могутъ считаться лишь приблизительными,
какъ точно опредѣлить ихъ въ однихъ случаяхъ не возможно
другихъ очень трудно. Если прибавить къ вышеупомянут
цифрамъ 550,000 Славянъ и 1.450,000 не-Славянъ, населяю
сѣверныя пространства Европы, то мы увидимъ, что насе
всей Европы будетъ равняться 300.000,000 душъ, а простра
ея—182,000 кв. г. милямъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ народъ Русскій самый м
численный, и сельбища его занимаютъ наибольшее простран
Кромѣ того, народъ этотъ господствуетъ надъ 12 иноплемен
народами, раздѣленными на 50 народцевъ, которые рано или
дно должны будутъ въ силу обстоятельствъ слиться съ наро
Русскимъ. Защищенные неприступными границами, Русскіе
бѣдимы и притомъ составляютъ какъ по величинѣ своего гос
ства, такъ и по количеству своихъ подвластниковъ, первую
тическую силу Европы; въ средѣ Славянъ Русскіе занимаютъ т
первое мѣсто въ отношеніи важности ихъ литературы. Ру
населяютъ земли еще мало населенныя и притомъ еще стре
колонизировать и сосѣднія съ ихъ государствомъ простран
Въ настоящее время Русскіе составляютъ 71,6% всего сла
ства, такъ что на четверыхъ Славянъ приходится трое Русск

Въ отношеніи количества народонаселенія за Русскими слѣдуютъ Поляки, тогда какъ по количеству занимаемаго сельбищами пространства первое мѣсто послѣ Русскихъ принадлежитъ Сербамъ. Поляки не составляютъ самостоятельнаго государства и живутъ теперь подъ господствомъ трехъ державъ: Россіи, Германіи и Австріи. Тѣмъ не менѣе они обладаютъ значительною литературой, по численности своей составляютъ 11,1% всего славянскаго населенія Европы и занимаютъ около 45,% всего пространства, населеннаго Славянскимъ племенемъ.

Чехи съ Моравами и Словаками не занимаютъ своими сельбищами значительнаго пространства, но могутъ считаться первыми между Славянами по образованности и промышленности. Литература чешская процвѣтала уже въ весьма отдаленныя отъ насъ времена, и Чехи могутъ по истинѣ назваться народомъ совершенно зрѣлымъ въ политическомъ отношеніи; они подвластны Австріи, исключая незначительнаго числа ихъ, которое живетъ въ Прусскомъ округѣ Глацѣ въ Силезіи. Чехи составляютъ 7,33% всего славянства и занимаютъ 2,14% всего пространства, населеннаго Славянами.

По численности за Чехами слѣдуютъ Сербы, хотя по пространству, занимаемому ихъ поселеніями, они и стоятъ тотчасъ послѣ Русскихъ. Сербы занимаютъ 5,42% всего пространства населеннаго Славянами, количество же ихъ не превышаетъ 6,22% всего Славянскаго племени. Литература сербская съ каждымъ годомъ развивается все болѣе и болѣе; письменность у нихъ двоякая, такъ какъ часть Сербовъ исповѣдуетъ католичество и назвалась Хорватами; такая разъединенность не можетъ не вредить обще-сербскимъ интересамъ.

Болгары не особенно многочисленны, если взять во вниманіе занятое ими пространство земли, которое болѣе даже области, населенной Чехами. Количество ихъ составляетъ 2% всего славянства, тогда какъ поселенія ихъ занимаютъ около 3% всего пространства, заселеннаго Славянскимъ племенемъ. Находясь подъ игомъ Азіятцевъ, Болгары, конечно, не могутъ идти по пути прогресса, хотя и слѣдуетъ надѣяться, что они быстро пойдутъ впередъ, если имъ удастся освободиться: трудолюбіе ихъ необыкновенно.

Словенцы малочисленны и населяютъ весьма малое пространство; въ случаѣ освобожденія славянства они неминуемо должны посербиться, такъ какъ и въ настоящее время они уже имѣютъ весьма много общаго (въ особенности въ литературномъ отношеніи) съ Хорватами. Теперь литература Словенцевъ весьма незначительна.

Послѣдними по количеству душъ и занимаемаго пространства въ ряду народовъ славянскихъ стоятъ Лужицкіе Сербы; они почти не имѣютъ національной литературы и представляютъ собою незначительный славянскій островокъ среди необъятнаго нѣмецкаго океана; политической будущности они не могутъ имѣть, такъ какъ неминуемо должны слиться съ нѣмецкою стихіей, что уже и случилось съ Лютичами и Бодричами.

Изъ сказаннаго видно, что славянскіе народы занимаютъ своими сельбищами половину всего обитаемаго пространства Европы. Однако нельзя сказать, чтобы населеніе этой обширной области было довольно густо, что главнымъ образомъ проистекаетъ для восточныхъ племенъ славянскихъ — отъ татарскаго погрома XIII вѣка, а для западныхъ—отъ покоренія и ига турецкаго, продолжающагося и до сего времени. Чрезъ 130 лѣтъ — весьма вѣроятно—Славянъ будетъ въ Европѣ столько же, сколько и не-Славянъ, и тогда наша часть свѣта будетъ имѣть право называться Славеніей или Россіей.

Многолюдное племя Славянское, населяющее пространство въ 71,000 кв. миль и численностью доходящее до 90.000,000 душъ, имѣетъ въ своей средѣ представителей почти всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Такъ, Русскіе въ своемъ отечествѣ всѣ православные, а въ Польшѣ и Австріи—уніаты. Поляки почти всѣ католики, кромѣ небольшаго числа протестантовъ въ царствѣ Польскомъ и Пруссіи. Чехи съ Моравами почти всѣ католики, а Словаки почти безъ исключеній (700,000)—протестанты. Двѣ трети Сербовъ—православные, а одна треть, вмѣстѣ съ Хорватами,—католическаго вѣроисповѣданія. Болгары (кромѣ 20,000 католиковъ)—всѣ православные, тогда какъ Словенцы — католики, а Лужицкіе Сербы — протестанты.

По плотности населенія, какъ видно изъ вышеприведенной таб-

лицы, на первомъ мѣстѣ стоятъ Лужицкіе Сербы, которыхъ приходится 5,000 душъ на каждую квадратную милю. За ними слѣдуютъ Чехи (4,342 д. на кв. милю), затѣмъ Поляки и Словенцы (3,000 д. на кв. милю), далѣе Сербы, съ населеніемъ въ 1,454 д. на каждую кв. милю, и наконецъ, Русскіе и Болгары, которые наименѣе густо населяютъ свою землю, такъ что на кв. милю приходится ихъ лишь по 1,000 душъ. Всѣ Славянскія земли населены лишь въ половину густо противъ земель, населенныхъ народами не-славянскими, а потому и возможно ожидать, что съ прошествіемъ нѣкотораго времени количество Славянскаго племени должно удвоиться.

Всѣ нынѣшнія вѣтви великаго Славянскаго племени произошли отъ одного народа, колыбелью котораго было пространство между Валдайскими и Карпатскими горами, съ одной стороны, и между рѣками Вислой и Дономъ — съ другой; съ юга пространство это граничило нынѣшнимъ Новороссійскимъ краемъ, гдѣ тогда жили кочевники Тюркско-Татарскаго племени. Сербы населили свои настоящія сельбища — бывшій Иллирикъ — около 626 года по Р. Х., когда Авары, имѣя уже въ своихъ рукахъ лѣвый берегъ Дуная и нынѣшнюю Славонію, во второй разъ осадили съ европейской стороны Цареградъ, тогда какъ со стороны азіятской онъ былъ въ то же время осажденъ Персами. На Цареградскомъ престолѣ сидѣлъ тогда императоръ Ираклій, прославившійся своею борьбою съ Персами въ Азіи. По приглашенію византійскаго императора, если вѣрить историческимъ преданіямъ, но вѣрнѣе — независимо отъ зова, лишь пользуясь тѣмъ, что аварскій ханъ Боянъ обложилъ Цареградъ своимъ войскомъ, воинственныя сербскія дружины двинулись изъ закарпатскихъ предѣловъ, изъ такъ называемой Бойки, пограбили аварскія села (аулы) въ Венгріи и отбили свои настоящія сельбища какъ отъ Аваровъ, такъ и отъ римскихъ поселенцевъ на Далматинскомъ приморьѣ. Затѣмъ они разорили главный городъ Далмаціи — Салону въ 640 году и подчинили себѣ поселившихся тамъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Славянъ, которые до того были подчинены Аварамъ и извѣстны подъ именемъ Рватовъ (Хорватъ—по сербски Рватъ). Тогда же учредили они у себя правительствующую династію, сперва въ лицѣ

великихъ жупановъ, а затѣмъ переименованную въ царей и королей, и имѣвшую столицы въ Дуклѣ, Скадрѣ на Боянѣ, затѣмъ въ Рассѣ (Новый Пазаръ), Приштинѣ и Призренѣ, главныхъ городахъ Старой Сербіи. Сербы и въ старой отчизнѣ своей были всегда самостоятельны и свободны, и даже народное имя ихъ этимологически происходитъ отъ персидскаго слова *серъ*—глава, а Сербъ значитъ главарь, владыко, старѣйшина, одного корня съ древнемидійскимъ словомъ Сарматъ. Въ различіе отъ господствующаго племени данники назывались какъ въ старой отчизнѣ, такъ и на новыхъ мѣстахъ—Рватами, а слово это есть ничто иное какъ простой переводъ татарскаго слова *татъ* (Тотъ, Татчи) и турецкаго—*коптъ* (Гепидъ). *Татъ*, точно также, какъ и *коптъ*, означаетъ побѣжденнаго, покореннаго, несвободнаго человѣка; то же означаетъ и славянское слово *рватъ* [1]).

Въ этой статьѣ мы будемъ говорить лишь о той части Сербскаго народа, которая создала политическое тѣло, извѣстное подъ именемъ княжества Сербскаго. Здѣсь наиболѣе сохранились преданія о народной династіи древней Сербіи, и эта часть народа уже значительное время живетъ болѣе или менѣе свободно, тогда какъ остальные Сербы все еще несутъ чужеземное иго.

Но кромѣ народа чисто Славянскаго племени, есть въ Сербіи и представители другихъ, не-славянскихъ народностей, изъ которыхъ наиболѣе многочисленны Валахи и Цыгане. Валахи тянутъ къ своимъ единоплеменникамъ, живущимъ въ Валахіи и Банатѣ, а потому и населяютъ преимущественно тѣ части княжества, которыя прилегаютъ къ этимъ землямъ; Цыгане же разсѣяны по всей странѣ и ведутъ жизнь частью осѣдлую, частью кочевую. Оба эти народа подвластны Сербамъ и имѣютъ совершенно одинаковыя съ Сербами политическія и гражданскія права; впрочемъ, въ княжествѣ живутъ и подданные другихъ государствъ, которые по большей части суть иноплеменники и иновѣрцы. Больше всего въ этомъ числѣ Нѣмцевъ, а за ними слѣдуютъ Мадьяры,

[1]) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ другихъ, ниже сего, предлагаемое авторомъ объясненіе племенныхъ и народныхъ названій едва-ли можетъ выдержать научную критику; тѣмъ не менѣе догадки автора помѣщаются здѣсь безъ всякихъ измѣненій со стороны редакціи. *Ред.*

такъ какъ оба эти народа сосѣдятъ съ Сербами; большинство иностранныхъ подданныхъ, живущихъ въ Сербіи, суть католики.

При общей девятой народной переписи, произведенной въ 1866 году, введена была въ таблицы народонаселенія особая графа для не-сербскихъ народностей. Въ переписныхъ книгахъ значутся особо Валахи, Цыгане, Нѣмцы и пр., не смотря на то, что иногда и не употребляютъ своего языка и по нуждѣ говорятъ языкомъ большинства. Такъ, напримѣръ, Цыгане говорятъ обыкновенно своимъ языкомъ, но кромѣ того, между Тимокомъ и Колубаромъ знаютъ и по валашски; многіе изъ нихъ знаютъ и по сербски, а между Колубаромъ и Дриномъ они постоянно говорятъ по сербски и изрѣдка лишь по турецки. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ иноплеменникахъ; только Сербы говорятъ вездѣ по сербски, и лишь находясь внѣ Сербіи, употребляютъ иностранные языки.

Валахи или *Румыны*, какъ уже сказано выше, населяютъ сѣверо-восточный уголъ Сербіи, и то лишь собственно четыре округа: Крайнскій, Чернорѣчскій, Пожаревацкій и Чупрійскій. Въ перепись 1846 г. показано было лишь количество жителей, а въ 1866 году удалось узнать и количество душъ, и количество домовъ. На основаніи данныхъ 1846 и 1866 годовъ, въ слѣдующей таблицѣ помѣщены всѣ города и села сѣверо-восточной Сербіи, въ которыхъ живутъ Валахи, и кромѣ того, показано въ нихъ число жителей Сербовъ; Цыгане же и остальные народы, тутъ же живущіе, показаны общимъ числомъ ниже, въ главной сводной таблицѣ.

Названія округовъ, уѣздовъ, городовъ и селъ.	1846 г.	В ъ 1 8 6 6 г о д у.				
	Число душъ.	Число домовъ.	Число душъ.	Сербовъ.	Всего жителей.	Валаховъ приходится на 100.
	В а л а х о в ъ.					
I. Пожаревацкій округъ.						
Голубацкій уѣздъ.						
Городъ Пожаревацъ . . .	362	62	371	5,671	6,909	5,4
Берница	202	54	246	—	246	100,0
Вуковичъ	417	96	466	—	466	100,0
Голубацъ	132	32	179	727	925	19,2
Житковица	117	29	180	—	180	100,0
Дворище	246	57	309	—	332	93,1
Добра	196	47	214	538	764	28,0
Кривача	227	62	345	12	446	77,4
Кудрежъ	190	51	265	1	273	97,1

Лѣшница	251	52	284	—	284	10
Малешево	20	6	36	252	288	1
Милевиче	180	49	239	263	523	4
Пониква	40	14	53	62	115	4
Снѣготинъ	205	64	311	—	319	9
Србце	218	47	206	8	221	9
Всего въ уѣздѣ	2,641	660	3,333	1,863	5,382	6
Звиждскій уѣздъ.						
Буковска	362	96	607	4	621	9
Волуя	605	162	725	4	844	8
Дубока	1,530	430	2,283	11	2,339	9
Каона	550	144	750	—	756	9
Кучайна	—	26	149	513	678	2
Майданъ-Кучайна	—	23	69	—	207	3
Мустапиче	805	195	1,196	23	1,232	8
Нерѣсница	1,146	298	1,462	16	1,571	9
Ракова Бара	405	135	559	139	717	7
Сена	206	50	228	16	248	9
Турія	365	83	495	278	781	6
Церовица	155	38	194	1	195	9
Всего въ уѣздѣ	6,129	1,680	8,717	1,005	10,189	8
Млавскій уѣздъ.						
Алюдово	167	41	227	—	227	10
Буровацъ	—	2	15	542	585	
Бусуръ	577	138	797	—	809	9
Витовница	366	78	453	6	459	9
Дубочка	718	161	934	—	938	9
Ждрело	848	178	960	3	963	9
Кладурова	561	131	750	—	759	9
Кобиле	843	185	1,004	23	1,031	9
Лесковацъ	325	80	441	5	446	9
Манастырица	710	191	1,092	1	1,097	9
Мельница	1,088	290	1,641	7	1,686	9
Петровацъ	—	1	5	87	1,422	
Рановацъ	1,578	393	2,200	9	2,232	9
Рашанцы	1,067	251	1,433	13	1,446	9
Стамница	977	213	1,129	—	1,166	9
Старчево	575	134	826	—	833	9
Всего въ уѣздѣ	10,400	2,474	13,907	1,996	16,099	8

Моравскій уѣздъ.

Арнаутскій Поповацъ. . .	100	17	132	829	967	85,7
Бошнякъ	70	32	159	156	323	49,2
Велико Село	364	79	432	581	1,150	37,5
Влашкій долъ	550	140	784	539	1,363	57,5
Вошановацъ	30	8	46	360	419	11,0
Врбница	572	133	634	9	654	96,9
Добрнѣ	203	34	183	405	588	31,1
Жабари	35	9	49	904	962	5,1
Кочетинъ	241	53	296	4	306	96,7
Кушилѣво	200	44	268	2,219	2,538	10,6
Миріево	471	114	688	—	688	100,0
Орѣшковицы	54	11	64	573	673	9,5
Орлѣво	275	69	414	—	414	100,0
Панково	141	26	157	217	377	41,6
Породинъ	1,806	417	2,212	81	2,332	94,8
Полатна	45	9	51	260	329	15,5
Праово	676	107	517	1,017	1,561	33,1
Ракинацъ	301	70	332	1,099	1,480	22,4
Свинярево	138	30	180	—	186	96,8
Сибница	105	25	148	410	570	26,0
Тичевацъ	219	53	260	—	260	100,0
Всего въ уѣздѣ	6,596	1,480	8,006	9,663	18,134	44,1

Омольскій уѣздъ.

Близнякъ	193	52	303	109	412	73,5
Брезница	160	34	215	—	215	100,0
Влаоле	216	72	464	6	470	98,7
Жагубица	636	170	968	1,027	2,016	48,0
Крепольинъ	454	94	501	629	1.137	44,1
Крупая	—	2	20	209	239	8,4
Лазница	1,416	343	2,066	12	2,097	98,5
Лесково	—	50	291	—	291	100,0
Магудица	212	56	272	—	282	96,4
Милатовацъ	—	1	14	740	754	1,9
Осаница	755	229	1,288	—	1,300	99,1
Сига	383	100	598	12	610	98,
Суводолъ	28	8	47	1,103	1,154	4,1
Ясиково	347	72	463	6	474	97,7
Всего въ уѣздѣ	4,800	1,283	7,510	3,853	11,451	65,6

Пожаревацкій уѣздъ.

Батовацъ	—	2	12	582	615	2,0
Батуша	—	1	2	548	567	0,4
Брадарцы	—	1	6	551	586	1,0
Брежане	595	132	785	284	1,086	71,3
Забрега	134	33	219		220	99,5
Кленовникъ	—	1	4	526	551	0,7
Костолацъ	30	6	37	561	614	6,0
Лучица	—	15	78	1,369	1,507	5,2
Набрдье	67	10	78	211	298	26,2
Петка	316	50	258	547	818	31,5
Поляна	731	149	884	583	1,496	59,1
Салаковацъ	186	39	192	233	553	34,7
Топоница	—	1	4	940	1,024	0,4
Трняни	210	37	232	495	730	31,8
Црниче велико	187	12	55	429	596	9,2
Црниче мало	50	19	87	564	709	12,2
Шливовацъ	72	28	163	7	170	95,9
Всего въ уѣздѣ	2,578	536	3,096	8,431	12,140	25,5

Рамскій уѣздъ.

Доляшница	430	92	545	—	553	98,6
Кличевацъ	73	24	90	1,123	1,239	7,2
Куряче	28	8	40	841	898	4,4
Кусиче	208	20	115	514	629	18,3
Рамъ	245	50	200	89	289	69,2
Рѣчица	493	101	561	—	564	99,5
Тополовникъ	974	189	1,186	1	1,205	98,4
Чешлева бара	564	123	640	—	640	100,0
Дьюраково	175	93	254	—	254	100,0
Всего въ уѣздѣ	3,190	650	3,631	2,568	6,271	57,9

II. Крайнскій округъ.

Брзопаланкскій уѣздъ.

Городъ Неготинъ	771	163	756	3,206	4,325	17,5
Брза Паланка	302	96	442	169	616	71,8
Вратна	389	92	405	18	428	94,6
Дупляни	419	120	615	—	625	98,4
Каменица	579	135	666	—	673	99,0
Купусище	294	97	460	—	464	99,1
Малайница	697	180	916	—	923	99,2
Миняловацъ	878	200	1,087	5	1,107	98,2

. . . . .	924	184	1,145	—	1,152	99,4
. . . . .	822	203	1,177	—	1,177	100,0
. . . . .	142	91	186	4	190	97,9
. . . . .	560	132	608	3	953	63,8
. . . . .	940	275	1,315	175	1,514	86,8
ацъ	1,971	567	2,775	10	2,842	97,7
. . . . .	1,327	336	1,792	28	1,838	97,5
Всего въ уѣздѣ	10,244	2,658	13,589	412	14,502	93,7
ючскій уѣздъ.						
. . . . .	705	155	776	2	778	99,7
. . . . .	168	38	161	2	163	98,8
. . . . .	377	119	466	—	466	100,0
ица	407	93	433	3	443	97,7
велика	550	131	660	3	663	99,5
мала	393	109	505	9	514	98,2
ица	923	226	1,107	24	1,187	93,3
ца велика	446	117	511	32	800	63,9
. . . . .	411	115	510	735	1,480	34,4
ница	409	83	416	—	416	100,0
. . . . .	727	163	781	6	795	98,3
. . . . .	233	58	290	8	298	97,3
ырица	158	35	164	2	166	98,8
село	—	3	17	361	382	4,4
ка	263	109	517	6	528	97,9
. . . . .	541	136	712	—	720	98,9
. . . . .	73	126	91	2	93	97,9
. . . . .	315	82	383	2	397	96,5
. . . . .	673	164	815	135	982	83,0
рацъ	317	71	316	3	325	97,2
Всего въ уѣздѣ	7,258	2,056	9,631	1,335	11,596	83,1
аинскій уѣздъ.						
овацъ	272	61	369	—	379	97,4
. . . . .	1,279	292	1,611	—	1,641	98,2
ца	780	195	1,092	9	1.113	98,1
ница	1,041	276	1,546	2	1,581	97,7
шъ	309	78	391	—	391	100,0
. . . . .	718	154	971	127	1,110	87,5
ье	1,020	259	1,447	10	1,492	97,0
щъ	1,246	310	1,675	107	1,801	93,0
новацъ	333	81	391	—	403	97,0
. . . . .	591	138	642	—	642	100,0

Табаковацъ	227	47	292	8	300	97
Чоконьяръ	115	33	154	—	154	100
Ясикова велика	962	266	1,342	12	1,354	99
Ясикова мала	426	95	516	11	527	97
Всего въ уѣздѣ	9,319	2,285	12,439	286	12,888	96
Порѣчско-Рѣчскій уѣздъ.						
Больетинъ	95	28	136	136	275	49
Голубинье	323	80	458	129	600	76
Горняни	1,265	284	1,618	—	1,634	99
Клокочевацъ	445	105	493	—	496	99
Милановацъ-Дольный . .	337	90	368	747	1,207	30
Мосна	319	72	348	13	375	92
Рудна глава	730	186	935	3	950	98
Танда	476	93	494	—	498	99
Топольница	361	72	343	—	352	97
Црнайка	587	139	776	11	793	98
Всего въ уѣздѣ	4,938	1.149	5,969	1,039	7,180	83
Майданпекскій уѣздъ.						
Майданпекъ	303	124	570	134	1,024	59
III. Чернорѣчскій округъ.						
Больевацкій уѣздъ.						
Городъ Заечаръ	946	72	392	3,102	3,860	10
Бачевица	360	92	547	45	599	91
Валаконье	1,345	290	1,835	—	1,850	99
Добро-поле	321	92	538	1	736	73
Злотъ	2,234	548	3,100	26	3,137	99
Изворъ малый	410	87	590	370	969	60
Луково	252	47	271	447	851	31
Осничъ	906	226	1,317	7	1,330	99
Подгорацъ	2,526	642	3,273	22	3,311	99
Шарбановацъ	857	219	1,297	2	1,310	99
Всего въ уѣздѣ	9,211	2,243	12,768	920	14,093	90
Заечарскій уѣздъ.						
Боръ	376	102	556	—	563	99
Брестовацъ	1,012	239	1,221	1	1,241	99
Бучье	501	109	678	—	682	99
Гамзиградъ	284	89	555	38	598	94
Грлянъ	896	211	1,207	528	1,757	68
Дубочани	721	168	948	1	971	97

CALIFORNIA. ACADEMY OF SCIENCES

ель	1,329	323	1,997	15	2,032	98,3
ица	809	180	1,114	21	1,142	97,5
вница	599	162	884	—	890	99,3
личево	593	155	801	4	805	99,9
ель	533	118	681	—	689	98,8
ита	268	59	385	—	394	97,7
ина	—	1	3	1,914	1,940	0,2
ина	1,032	243	1,205	10	1,215	99,2
а	173	41	245	—	245	100,0
зваръ	262	64	416	32	453	91,8
Всего въ уѣздѣ	9,388	2,264	12,896	2,564	15,617	82,6

Чупрійскій округъ.

упрійскій уѣздъ.

дъ Чупрія	—	9	39	—	2,439	(?)

Арачинскій уѣздъ.

нацъ	385	96	567	—	567	100,0
еница	955	207	1,324	—	1,324	100,0
ка	304	66	329	—	329	100,0
ово	593	141	780	16	796	98,0
ка	114	22	138	388	526	26,2
Всего въ уѣздѣ	2,351	532	3,138	404	3,542	88,6

Ресавскій уѣздъ.

йка	566	122	706	—	706	100,0
ва	1,035	244	1,543	5	1,568	98,6
тово	—	3	22	308	330	6,6
жево	564	141	860	1	861	99,9
на	253	49	299	—	299	100,0
ица	133	24	145	412	568	25,5
о	70	27	172	224	396	43,4
нье	179	45	297	87	384	77,4
вица	—	3	15	259	274	5,5
ваць	226	51	291	—	296	98,4
вникъ	10	3	20	187	207	9,6
тинацъ	178	30	181	25	206	87,8
вица долня	247	55	287	—	287	100,0
айнацъ	—	3	7	3,921	4,009	0,2
тица	552	114	549	10	606	90,6
онье	308	66	363	541	910	39,9
ово	676	142	893	3	896	99,7
Всего въ уѣздѣ	4,997	1,122	6,650	5,983	12,803	51,9

Съ цѣлію болѣе нагляднаго изображенія разселенія Валаховъ отдѣльными поселками и смѣшанно съ Сербами при семъ приложена этнографическая карта, составленная по наиболѣе достовѣрнымъ въ настоящее время источникамъ; на нее нанесены всѣ тѣ селенія, гдѣ только живутъ Валахи въ упомянутыхъ выше округахъ Краинскомъ, Чернорѣчскомъ, Пожаревацкомъ и Чупрійскомъ. Съ перваго взгляда на эту карту становится совершенно ясно, что Валахи населяютъ густыми массами лишь тѣ части Сербіи, которыя прилегаютъ къ Румыніи и къ мадьярской области Банату. Начиная отъ древняго города Голубца, Валахи, за немногими исключеніями, занимаютъ почти весь правый берегъ Дуная, прилегая на востокѣ къ Тимоку. Ихъ передовыя колоніи граничатъ съ округами Княжевацкимъ и Алексинацкимъ на югѣ, а дойдя до рѣки Моравы—съ округами Ягодинскимъ, Крагуевацкимъ и Смедѣвскимъ. За упомянутыми рѣками, и кромѣ названныхъ четырехъ округовъ, нѣтъ ни одного села ни чисто валашскаго, ни смѣшаннаго.

Валахи—многочисленнѣйшій послѣ Сербовъ народъ въ Сербіи: они составляютъ почти 10,4% всего народонаселенія княжества и потому заслуживаютъ подробнаго этнографическаго изслѣдованія. Въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ теперь живутъ Валахи, лѣтъ 100 по Р. Х. обитали многіе народы татарско-тюркскаго, германскаго и славянскаго корня. Общее ихъ имя было тогда—*Даки*, или что то же, *татчи*, какъ и по сю пору называются побѣжденные въ Персіи и Бухаріи. Этимологію этого слова слѣдуетъ искать въ языкѣ татарскомъ, гдѣ оно значитъ то же, что и вышеупомянутое сербское слово *Рвати*, то есть, люди побѣжденные, покоренные, побореннные. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что выражается нынче въ сербскомъ языкѣ словомъ: *поданикъ*, въ нѣмецкомъ—Unterthan, во французскомъ—sujet. Въ то время, когда Карлъ Великій, лѣтъ 1070 тому назадъ, сломилъ аварскую силу въ нынѣшней Венгріи, всѣ германскіе народы были прозваны общимъ именемъ Teutsche—Deutsche; названіе это заимствовано изъ татарскаго языка и доселѣ употребляется у Мадьяръ для обозначенія Словаковъ и Хорватовъ, которыхъ они называютъ *Тотъ*. Извѣстно изъ римскихъ историковъ, что императоръ Траянъ, въ первые годы II вѣка по

. X., покорилъ Дакію подъ власть Рима, и въ видахъ большихъ
юбствъ административныхъ и стратегическихъ, соорудилъ вели-
ственный мостъ у Кладова, на Дунаѣ. Слѣдуя древне-римской
литикѣ, Траянъ и наслѣдники его населили вновь завоеван-
ю область значительнымъ числомъ римскихъ гражданъ, которые
лѣдствіе благопріятныхъ для расположенія условій вскорѣ и овла-
ли всею землею. Два вѣка спустя, мы уже не видимъ здѣсь
имскаго господства, но значительное количество римскихъ граж-
анъ осталось въ своемъ новомъ отечествѣ, и лишь уступая на-
ору Атиллиныхъ ордъ, удалилось въ непрпступныя горы Эрделя
Трансильваніи). Татарско-монгольскіе народы частью погибли здѣсь,
астью же снова ушли на востокъ, откуда явились; Славяне слились
ь Римлянами, и только остатки Мадьяръ и Нѣмцевъ удержали свою
ародность среди латинской стихіи. Изъ Мадьяръ весьма многіе
огутъ быть узнаны и теперь, но лишь по нѣкоторымъ политиче-
кимъ преимуществамъ, которыми они пользуются, а не по языку,
акъ какъ они говорятъ по валашски. Между Нѣмцами сохрани-
ись кое-какіе остатки Остъ-Готовъ, а также потомки тѣхъ коло-
истовъ, которые переселились въ Эрдель въ половинѣ XII вѣка,
ри мадьярскомъ королѣ Гейзѣ II; всѣ они сохранили свой языкъ
ъ школѣ, въ церкви и внутренней администраціи, и всѣ остались
истыми Нѣмцами. Но все вышесказанное относится лишь къ Эр-
елю, тогда какъ въ равнинахъ Молдавіи и Валахіи всѣ жители
оворятъ по валашски, даже и Цыгане, которыхъ тамъ насчиты-
аютъ почти столько же, сколько въ Сербіи Валаховъ, то есть,
коло 10% всего народонаселенія.

Въ древнія времена жили въ предѣлахъ Карпатскихъ горъ на-
оды, называвшіеся *Галы* и *Валы*, что означаетъ великаны, гос-
одствующіе, съ одной стороны, и подданные, побѣжденные—съ
ругой. Народы Нѣмецкаго племени—Остъ-Готы, а потомъ и Вестъ-
оты, также нѣкоторое время жили въ тѣхъ предѣлахъ и назы-
али подданныхъ римской рѣчи — *Валахъ-хи*; названіе это упо-
ребляли и позднѣйшіе Славяне, но замѣнили лишь повторяющуюся
укву *а* въ обоихъ мѣстахъ буквою *о*; Сербы же, съ своей стороны,
ократили одинъ слогъ, выговаривая въ единственномъ числѣ
Влахъ, а во множественномъ: *Влахи-си*.

Между тѣмъ слова: *Влахъ*, *Тотъ* или *Татчи* (Deutsche), *Рвати* выражаютъ одно и то же понятіе, то есть, обозначаютъ подданныхъ въ отличіе отъ владыкъ, которые назывались: *Галы* (оттуда—Галиція), *Боланы* (позднѣе Поляки) и *Сербы*. Народное имя Сербовъ мы находимъ и въ разсказѣ римскаго писателя Плинія, жившаго въ I вѣкѣ по Р. Х.; онъ помѣщаетъ древнія сельбища Сербовъ въ нынѣшнюю Кубанскую область, на восточномъ берегу Азовскаго моря, гдѣ жилъ, по разсказамъ его, и народъ Валы. Но персидскій корень имени *Сербъ*, означающій главу, господина, главаря, при переводѣ на славянскій языкъ значитъ то же, что отмѣнный, великій, достохвальный, добрый и славный, ибо въ русскомъ языкѣ, какъ наиболѣе чисто сохранившемся между всѣми славянскими языками, *славный* означаетъ не только (какъ напримѣръ въ сербскомъ), человѣка, прославившагося военными подвигами, но и человѣка господствующаго, почетнаго, важнаго, въ отличіе отъ простого, обыкновеннаго, не важнаго. Также точно отъ лихой—*Лехи*, въ противоположность *Боланамъ*, отъ татарскаго слова *болъ*—великій, прозваннымъ по славянски *Велиты*, *Влцы*, которые погибли въ борьбѣ съ Франками Карла Великаго; *Боланы* — испорчено въ *Поланы*, нынѣ *Поляки*. Лихой — неважный, есть ничто иное, какъ переводъ турецко-татарскаго имени *Карпы*, которое употреблялось для означенія народовъ, населявшихъ западные Карпаты, и переводится: простые, отверженные люди. Персидское слово *Сербъ* и *Сербы* Славяне перевели на свой языкъ черезъ *Славанъ*, *Славены*, что значитъ глава, господинъ такъ какъ по персидски голова (глава) и до сихъ поръ называется *серъ*, а воины — *сербазъ*, по турецки свободный, каковыми всегда были воины; арабское же слово *сарбъ* означаетъ непобѣдимаго, неодолимаго человѣка.

Народныя прозвища *Сербы—Славены* и *Валы*, *Влахи—Рвати* имѣютъ свое начало въ обоюдныхъ отношеніяхъ двухъ народовъ, населявшихъ одну и ту же страну, а отнюдь не въ какомъ-либо племенномъ различіи одной расы людей, обитающихъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ; какъ мы въ обыкновенномъ разговорѣ замѣчаемъ, что гдѣ есть сиротина, тамъ и хозяинъ (десіромаха, тамо и панъ) также точно всюду въ старое время тамъ

или Рваты, гдѣ жили и Сербы; оба эти прозвища означаютъ динъ и тотъ же народъ, говорящій тѣмъ же языкомъ, часть которого служила, работала, а другая властвовала.

Народъ Валашскій, живущій въ Сербіи, населяетъ густыми массами все пространство отъ берега Дуная на сѣверо-восточной границѣ княжества до рѣки Моравы, частью отдѣльными селами, частью въ перемѣшку съ Сербами. Поселенія эти уже перечислены въ вышеприведенныхъ таблицахъ. Но кромѣ густыхъ массъ, Валахи живутъ отдѣльными группами среди Сербовъ, какъ видно изъ прилагаемой карты, въ особенности въ Пожаревацкомъ и Чуприйскомъ округахъ; такихъ отдѣльныхъ группъ насчитывается тринадцать. Съ другой стороны, есть и нѣсколько сербскихъ поселеній между Валахами, каковы, напримѣръ, Черногорское поселеніе въ Петровомъ селѣ, основанное въ 1854 году. Эти сербскія поселенія имѣютъ возможность со временемъ расшириться въ такой степени, что валашскія поселенія будутъ въ нихъ расположены лишь отдѣльными группами, а наконецъ, и совершенно осербятъ Валаховъ. На приложенной этнографической картѣ обозначены всѣ мѣстности со смѣшаннымъ населеніемъ, и притомъ такъ, что если Сербы составляютъ болѣе 0,5% всего населенія, то мѣстность признана сербскою, а въ противномъ случаѣ—валашскою.

Не менѣе любопытно было бы дознаться, въ какое время Валахи переселились въ Сербію, такъ какъ теперь они составляютъ здѣсь 10,5% всего народонаселенія. Нѣтъ сомнѣнія, что бо́льшая часть Сербіи во II, III и IV вѣкахъ по Р. Х. главнымъ образомъ была населена Римлянами, и что тотъ край Сербіи, въ которомъ теперь наиболѣе Валаховъ, извѣстенъ былъ подъ названіемъ Адріановой Даціи. Но послѣ гуннскаго нашествія въ V и аварскаго въ VI вѣкахъ римскіе переселенцы были истреблены здѣсь почти совершенно, такъ что Сербы, при занятіи этой страны въ VII вѣкѣ, нашли здѣсь лишь весьма небольшое число римскихъ колонистовъ. Въ продолженіе 9-ти-вѣковаго владычества Сербовъ въ Иллирикѣ остатки не-славянскихъ народностей вымерли или осербились, такъ что когда Турки, послѣ взятія Бѣлграда въ 1521 году, забрали всѣ Сербскія земли, то они, кромѣ Сербовъ, никого уже здѣсь не встрѣтили. Всего вѣроятнѣе, что насто-

ящіе сербскіе Валахи поселились въ восточной части Сербіи по
того, какъ Сербы съ патріархомъ своимъ Арсеніемъ III Черноевич
въ 1690 году переселились въ Австрію, и такимъ образомъ м
ность эта опустѣла. Точно такимъ же образомъ и въ то же вр
поселились Арнауты въ сербской жупѣ на Косовомъ и въ
тохіи. Валахи, съ одной стороны, и Арнауты, съ другой—за
гористыя мѣстности Сербіи, и до сихъ поръ мы замѣчаемъ,
Валахи въ княжествѣ, а Арнауты въ Старой Сербіи населяют
ристыя мѣста, тогда какъ Сербы живутъ въ долинахъ и по ра
намъ. Что не Валахи, а Сербы жили въ тѣхъ частяхъ Се
которыя теперь населены Валахами, до взятія Бѣлграда въ
году, или вѣрнѣе, до Карловацкаго мира въ 1699 году, это
тверждается еще и тѣмъ, что изъ 213 городовъ и селъ, въ
рыхъ живутъ теперь Валахи, только 12 носятъ названія валашс
корня, 25—турецкаго, а 176 — чисто славянскаго. Валашскій
рень замѣтенъ въ названіяхъ: Кушильво, Крпеольпнъ, Магу
Костолацъ, Рамъ, Малайница, Борделъ, Костолъ, Джеджерацъ, Ч
няръ, Сиколе и Ошитрѣль. Мѣстности, носящія турецкія имена,
Кучайна-Майданъ, Мустапиче, Турія, Салашъ, Буровацъ, Бу
Батовацъ, Батуша, Куряче, Салаковацъ, Кусиче, Брза-Пал
Джанѣво, Карбулово, Текія, Короглашъ, Табаковацъ, Самар
вацъ, Кочетинъ, Майданпекъ, Бачевица, Шарбановацъ, Чу
Батинацъ и Гамзиградъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ П
ревацкомъ и Чуприйскомъ округахъ Валахи говорятъ банатс
валашскимъ говоромъ, тогда какъ въ Крапинскомъ и Чернорѣчс
округахъ они говорятъ нарѣчіемъ болѣе схожимъ съ гово
мало-валашскимъ.

ТАБЛИЦА ОБЩАГО ЧИСЛА ЖИТЕЛЕЙ ВЪ СЕРБІИ.

Округа и уѣзды.	Сербовъ.		Валаховъ.		Цыганъ.		Инопле-менни-ковъ.	Все	
	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	1866.	1846.	
г. Пожаревацъ.	3,691	5,671	362	371	—	844	23	4,053	
уѣздъ его . .	15,346	21,652	2,578	3,096	294	1,146	8	18,218	2
у. Моравскій .	9,638	13,358	6,596	8,006	508	624	—	16,742	2
» Млавскій . .	10,031	13,644	10,400	13,907	165	559	5	20,596	2
» Голубацкій .	6,047	8,003	2,641	3,333	154	269	11	8,842	1

ский . .	12,062	16,576	3,190	3,631	248	329	15	15,500	20,551
льский .	4,128	5,986	4,800	7,510	170	121	—	9,098	13,617
ждский .	2,016	2,867	6,129	8,717	226	371	143	8,371	12,098
аревацкій	62,999	87,757	36,696	48,571	1,765	4,263	205	101,460	140,790
отинъ .	2,314	3,206	771	756	—	289	74	2,085	4,325
даппекъ.	—	134	314	570	—	127	193	314	1,024
ѣчско-									
чскій . .	1,237	912	4,938	5,969	14	295	4	6,189	7,180
чскій . .	555	1,335	8,040	9,631	51	613	17	8,646	11,596
опаланк-									
ій . . .	5,313	7,338	10,244	13,589	191	606	—	15,748	21,533
инскій .	8,853	11,521	9,319	12,439	47	669	6	18,219	24,635
инскій .	18,272	24,446	33,626	42,954	303	2,599	294	52,201	70,293
ларъ . .	1,305	3,103	946	392	20	339	26	2,271	3,860
ьевацкій	7,788	10,725	9,211	12,768	301	546	—	17,300	24,039
ларскій .	9,626	12,066	9,388	12,896	127	423	—	19,141	25,385
орѣчскій	18,719	25,894	19,545	26,056	448	1,308	26	38,712	53,284
рія . .	1,809	2,372	—	39	17	22	6	1,826	2,439
авскій .	19,536	24,453	4,997	6,650	485	537	—	25,018	31,640
ачинскій.	14,218	18,558	2,351	3,138	118	109	—	16,687	21,805
рійскій .	35,563	45,383	7,348	9,827	620	668	6	43,531	55,884
ее число	135,553	183,480	97,215	127,402	3,136	8,838	531	235,904	320,251

ТАБЛИЦА ОТНОШЕНІЯ НАРОДНОСТЕЙ ВЪ СЕРБІИ.

га и уѣзды.	Сербовъ.		Валаховъ.		Цыганъ.		Инопле-менни-ковъ.
	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	1866.
аревацъ . .	91,07	82,08	8,93	5,37	—	12,22	0,33
аревацскій .	84,24	83,59	14,15	11,95	1,61	4,42	0,04
авскій . . .	57,57	60,77	39,40	36,40	3,03	2,83	—
вскій . . .	48,70	48,53	50,50	49,47	0,80	1,99	0,01
убацкій . .	68,40	68,89	29,86	28,68	1,74	2,32	0,11
скій	77,82	80,65	20,58	17,67	1,60	1,60	0,08
льскій . . .	45,37	43,96	52,76	55,15	1,87	0,89	—
ждскій . . .	24,09	23,70	73,31	72,05	2,70	3,15	1,10
каревацкій .	62,10	62,93	36,16	34,50	1,74	3,02	0,15
отинъ . . .	75,01	74,13	24,99	17,48	—	6,68	1,71
даппекъ . .	—	13,09	100,00	55,66	—	12,40	18,85
рѣчско-Рѣчск.	19,98	12,70	79,79	83,13	0,23	4,11	0,06
очскій . . .	6,46	11,51	92,95	83,06	0,59	5,29	0,14
опаланкскій.	33,74	34,08	65,05	63,11	1,21	2,81	—

у. Краинскій . . .	48,59	46,77	51,15	50,49	0,26	2,72	0,02
о. Краинскій . . .	35,00	34,78	64,42	61,11	0,58	3,70	0,41
г. Заечаръ	57,46	80,39	41,65	10,16	0,89	8,78	0,67
у. Больевацскій .	45,02	44,61	53,28	53,11	1,75	2,28	—
» Заечарскій . .	50,29	47,53	49,05	50,80	0,66	1,67	—
о. Чернорѣчскій. .	48,35	48,60	50,48	48,90	1,17	2,45	0,05
г. Чупрія	99,07	97,25	—	1,60	0,93	0,90	0,25
у. Ресавскій . . .	78,08	77,28	19,98	21,02	1,94	1,70	—
» Парачинскій . .	85,20	85,11	14,08	14,39	0,72	0,50	—
о. Чупрійскій . .	81,70	81,21	16,88	17,58	1,42	1,20	0,01
Общее число. .	57,16	57,29	41,21	39,78	1,33	2,76	0,47

Изъ этихъ таблицъ видно, что въ теченіе 20 лѣтъ въ Пожаревацкомъ округѣ во всѣхъ уѣздахъ, по всѣмъ тремъ народностямъ, населеніе значительно прибавилось, и что только въ самомъ городѣ Пожаревцѣ количество Валаховъ увеличилось весьма незначительно; въ Омольскомъ уѣздѣ число Цыганъ уменьшилось почти на цѣлую треть. Въ Краинскомъ округѣ измѣненія гораздо значительнѣе: тамъ число Сербовъ въ Порѣчскомъ уѣздѣ значительно уменьшилось, а въ Краинскомъ уѣздѣ значительно увеличилось; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что они съ Порѣча (острова) переселились во вновь выстроенный Майданпекъ, а изъ Текіи въ Петрово-село. Валахи всюду увеличились въ численности, исключая города Нѣготина. Въ Чернорѣчскомъ округѣ всѣ три народности увеличились въ численности, исключая Валаховъ въ Заечарѣ, гдѣ прежде подъ именемъ Валаховъ показывались чистые Сербы. Наконецъ, въ Чупрійскомъ округѣ Валахи также размножились даже болѣе Сербовъ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ВАЛАХОВЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ ПОЛА.

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Городъ Пожаревацъ	213	158	371
Уѣздъ Голубацкій.	1,784	1,549	3,333
» Звиждскій	4,499	4,218	8,717
» Млавскій	7,202	6,705	13,907
» Моравскій	4,136	3,870	8,006
» Омольскій	3,924	3,586	7,510
» Пожаревацкій . . .	1,591	1,505	3,096
» Рамскій.	1,853	1,778	3,631
Округъ Пожаревацскій. . .	25,202	23,369	48,571

Городъ	Нѣготинъ	419	337	756
»	Майданпекъ.	315	255	570
Уѣздъ	Брзопаланкскій . .	6,940	6,649	13,589
»	Ключскій	5,017	4,614	9,631
»	Кранпскій	6,296	6,143	12,439
»	Порѣчско-Рѣчскій. .	3,089	2,880	5,969
Округъ	Кранпскій	22,076	20,878	42,954
Городъ	Заечаръ	215	177	392
Уѣздъ	Больевацскій	6,630	6,138	12,768
»	Заечарскій	6,571	6,325	12,896
Округъ	Црнорѣчскій . . .	13,416	12,640	26,056
Городъ	Чупрія	20	19	39
Уѣздъ	Парачинскій.	1,596	1,542	3,138
»	Ресавскій.	3,360	3,290	6,650
Округъ	Чупрійскій	4,976	4,851	9,827
	Общее число	65,670	61,738	127,408

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, въ валашскомъ населеніи количество мужчинъ превышаетъ количество женщинъ; то же замѣтно и въ населеніи сербскомъ. Условія жизни одни и тѣ же для обѣихъ народностей: такъ какъ переселеніе въ Сербію превышаетъ численностью выселеніе, и притомъ, переселяется въ княжество больше мужчинъ, нежели женщинъ, то понятно, что въ Сербіи вообще мужчинъ больше, нежели женщинъ; кромѣ того, нельзя не замѣтить, что и излишекъ рожденій надъ смертностью значительнѣе по отношенію къ мужскому полу.

Изложивъ свѣдѣнія о численности сербскаго, валашскаго и цыганскаго населенія въ тѣхъ краяхъ Сербіи, въ которыхъ встрѣчаются валашскія поселенія, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь и цифры средняго увеличенія этихъ народностей съ 1846 по 1866 годъ:

	Сербы.		Валахи.		Цыгане.		Всего.	
	Число душъ.	% увел.	Число душъ.	% увел.	Число душъ.	% увел.	Число душъ.	% увел.
Округъ Пожаревацкій	1,188	1,59	644	1,46	125	4,14	1,966	1,62
» Кранпскій . .	309	1,45	467	1,22	115	7,93	905	1,48
» Црнорѣчскій .	359	1,61	325	1,42	43	5,06	729	1,38
» Чупрійскій . .	498	1,21	124	1,44	3	0,40	624	1,26
Всего . . .	2,354	1,49	1,560	1,37	286	4,75	4,224	1,52

ЧИСЛО ЦЫГАНЪ ВЪ СЕРБІИ ПО ВѢРОИСПОВѢДАНІЯМЪ.

	1846.		1866.		Христіанъ.		Магометанъ.		Общее число.		Число браковъ.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.	1846.	1866.
Городъ Бѣлградъ	128	88	62	48	96	110	120	—	216	101	70	31
Округъ Алексинацкій	499	520	478	447	448	93	571	832	1,019	925	208	184
» Бѣлградскій	869	814	1,053	1,064	1,596	2,117	87	—	1,683	2,117	332	427
» Вальевскій	492	469	1,249	1,230	897	2,248	64	231	961	2,479	200	484
» Княжевацкій	320	302	481	505	17	2	605	984	622	986	133	199
» Крагуевацкій	602	550	789	738	921	1,154	231	373	1,152	1,527	243	312
» Крайнскій	156	147	1,298	1,301	303	2,599	—	—	303	2,599	67	532
» Крушевацкій	189	160	210	212	70	160	279	262	349	422	81	95
» Подринскій	471	432	386	331	68	47	835	670	903	717	195	137
» Пожаревацкій	899	866	2,193	2,070	1,765	4,263	—	—	1,765	4,263	379	983
» Рудникскій	52	61	107	104	113	161	—	50	113	211	19	37
» Смедеревскій	788	720	1,257	1,239	1,464	2,496	44	—	1,508	2,496	294	523
» Ужицкій	242	227	56	54	2	10	467	100	469	110	105	23
» Црнорѣчскій	235	213	682	626	234	939	214	369	448	1,308	105	262
» Чачакскій	63	56	21	17	45	—	74	38	119	38	26	9
» Шабацкій	1,011	911	1,417	1,424	1,552	2,256	370	585	1,922	2,841	406	559
» Ягодинскій	368	371	455	458	496	607	243	306	739	913	169	188
» Чуприйскій	324	296	326	346	551	534	69	138	620	672	134	133

Обращаемся къ обзору *Цыганъ* въ княжествѣ Сербскомъ. Обыкновенно полагаютъ, что Цыгане лишь въ 1416 году появились на нижнемъ Дунаѣ, затѣмъ тотчасъ же перешли въ Венгрію, а въ 1418 году встрѣчаются уже въ Чехіи и Германіи. Думаютъ также, что отечество ихъ Индія, и что переселеніемъ части ихъ въ Европу наша часть свѣта обязана тѣмъ опустошеніямъ, которыя совершены были на ихъ родинѣ Тамерланомъ въ 1398 году. Что языкъ ихъ принесенъ ими изъ Индіи, доказывается вполнѣ сходствомъ ихъ рѣчи съ санскритомъ, но приходъ ихъ въ Европу, одновременный съ появленіемъ Османлійскихъ Турокъ, болѣе чѣмъ невѣроятенъ. Уже старѣйшина всѣхъ европейскихъ лѣтописцевъ Геродотъ утверждаетъ, что въ нынѣшней Валахіи и въ Банатѣ жили между различными народами и *Сигане*, что чрезвычайно сходно съ Цыганами, да и до сей поры Цыганъ въ этихъ мѣстностяхъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Нигдѣ нѣтъ столько Цыганъ, сколько ихъ въ Валахіи, да и притомъ представители этой народности постепенно убываютъ повсюду, кромѣ лишь Валахіи. Какъ замѣчена та характерная этнографическая черта, что Евреевъ много тамъ, гдѣ много Поляковъ, точно также и Цыгане живутъ преимущественно тамъ, гдѣ живутъ Валахи. На 10 Валаховъ приходится болѣе одного Цыгана. Есть много основаній предполагать, что Цыгане составляли значительный контингентъ населенія древней Дакіи, которую во II в. по Р. Х. покорили Римляне и населили своими колонистами, а затѣмъ опустошили и покорили Готы и Гунны. Извѣстно, что Остъ-Готы основали свое царство въ Испаніи, и что до сихъ поръ Испанцы называютъ Цыганъ *Гитанами*, что весьма напоминаетъ самое названіе Готовъ. Цыганъ много и въ Сербіи, а именно около 2% всего народонаселенія принадлежитъ къ цыганской народности, такъ что въ таблицѣ народовъ, населяющихъ Сербію, они стоятъ на третьемъ мѣстѣ. Что они переселились, вѣроятно, изъ Валахіи, доказывается тѣмъ, что наравнѣ съ своимъ природнымъ языкомъ они употребляютъ и валашскій. Только тѣхъ Цыганъ, которые живутъ въ Подриньѣ, можно считать старосельцами, и здѣсь они говорятъ по большей части по сербски.

бін цыганская колонизація и произошла изъ этихъ именно переселенцевъ, которые перешли границу вслѣдствіе боязни, чтобъ эта новая эмансипація не оказалась такою же, какая была уже объявлена разъ въ 1848 году. Сказанное о переселеніи Цыганъ изъ Валахіи относится лишь до Цыганъ-христіанъ; Цыгане-магометане, напротивъ того, выселились изъ Сербіи въ значительномъ числѣ въ 1862 году. Когда покидали Сербію Турки, то вмѣстѣ съ ними и Цыгане-магометане удалились изъ городовъ и округовъ Бѣлградскаго, Подринскаго, Смедеревскаго и Ужицкаго; только Шабацкіе Цыгане-магометане остались на мѣстѣ, такъ какъ они надѣялись получить бо̀льшія выгоды отъ Сербовъ, чѣмъ отъ Турокъ. Если бы не случилось этого послѣдняго выселенія, то число Цыганъ въ Сербіи возросло бы еще на 1,000 душъ.

Цыгане раздѣляются въ Сербіи на осѣдлыхъ и скитающихся. Къ числу первыхъ относятся всѣ почти магометане и нѣкоторая часть христіанъ, къ числу же послѣднихъ — остальные христіане. До 1855 года Цыгане всѣ платили *арачъ* трехъ родовъ, но въ этомъ году арачъ остался лишь для скитающихся, а всѣ осѣдлые были подчинены системѣ сборовъ, существующей для всего остальнаго населенія. Слѣдующая таблица можетъ показать постепенное увеличеніе арачныхъ душъ, по которому мы можемъ смѣло заключать вообще объ увеличеніи цыганскаго населенія.

Годы.	Число арачныхъ душъ.	Годовое увеличеніе.
1840	2,440	
1841	2,479	+ 39
1842	2,559	+ 80
1843	2,593	+ 34
1844	2,527	— 66
1845	2,820	+ 293
1846	2,942	+ 122
1847	2,939	— 3
1848	3,269	+ 330
1849	3,212	— 57
1850	3,240	+ 38
1851	3,410	+ 170
1852	3,523	+ 113
1853	3,597	+ 74
1854	3,578	— 19

Таблица эта ясно показываетъ численность Цыганъ въ 1846 и 1866 годахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя большинство Цыганъ и исповѣдуетъ христіанство, тѣмъ не менѣе остатки древне-языческаго культа еще очень живы у нихъ. Меньшинство Цыганъ исповѣдуетъ исламизмъ, но принадлежность ихъ къ магометанству выражается лишь въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядахъ, напримѣръ, въ обрѣзаніи, въ присвоеніи магометанскихъ именъ и т. п.; настоящіе же мусульмане никогда не допускаютъ ихъ съ собою въ джамію и не молятся съ ними вмѣстѣ. Поэтому, на Цыганъ слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на невѣрныхъ, чѣмъ какъ на истинныхъ мусульманъ; они не имѣютъ ни молитвенныхъ зданій, ни духовенства. Тѣмъ болѣе очевидно, что скоро наступитъ то время, когда всѣ они сдѣлаются православными. Въ городѣ Бѣлградѣ и въ округахъ Бѣлградскомъ, Крапинскомъ, Пожаревацкомъ и Смедеревскомъ православныхъ Цыганъ уже болѣе, чѣмъ магометанъ, но въ Рудникскомъ и въ Чачакскомъ ихъ еще очень мало; много же ихъ лишь въ тѣхъ округахъ, которые граничатъ съ Болгаріей, то есть, въ Алексинацкомъ и Княжевацкомъ.

Что касается до отношенія между полами, то слѣдуетъ замѣтить, что и у Цыганъ, какъ у остальнаго населенія Сербіи, замѣтно преобладаніе въ численности мужскаго пола надъ женскимъ. Это объясняется какъ тѣмъ, что Цыгане не обязаны выставлять контингентъ постояннаго войска, такъ и тѣмъ, что и у нихъ инколонизація превышаетъ эксколонизацію.

Общее число Цыганъ, какъ видно изъ таблицы, сильно увеличивается (сильнѣе, чѣмъ увеличивается народонаселеніе Сербовъ и Валаховъ): въ 1846 году оно составляло 15,000 душъ, а въ 1866 г. 25,000 душъ. Такое значительное увеличеніе главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что съ 1856 года Цыгане начали переселяться въ Сербію изъ Валахіи, выйдя изъ того рабскаго положенія, въ которомъ они находились до той поры въ Дунайскихъ княжествахъ. Извѣстно, что у валашскихъ бояръ Цыгане занимали всѣ домашнія должности и даже няньчили ихъ дѣтей. Цыгане и французскіе учителя обоихъ половъ—вотъ та челядь, которою окружаютъ себя валашскіе господа, и въ кругу которыхъ растетъ и воспитывается валашская аристократія. Въ сосѣднихъ съ Валахіей округахъ Сер-

бін цыганская колонизація и произошла изъ этихъ именно переселенцевъ, которые перешли границу вслѣдствіе боязни, чтобъ эта новая эмансипація не оказалась такою же, какая была уже объявлена разъ въ 1848 году. Сказанное о переселеніи Цыганъ изъ Валахіи относится лишь до Цыганъ-христіанъ; Цыгане-магометане, напротивъ того, выселились изъ Сербіи въ значительномъ числѣ въ 1862 году. Когда покидали Сербію Турки, то вмѣстѣ съ ними и Цыгане-магометане удалились изъ городовъ и округовъ Бѣлградскаго, Подринскаго, Смедеревскаго и Ужицкаго; только Шабацкіе Цыгане-магометане остались на мѣстѣ, такъ какъ они надѣялись получить бо̀льшія выгоды отъ Сербовъ, чѣмъ отъ Турокъ. Если бы не случилось этого послѣдняго выселенія, то число Цыганъ въ Сербіи возросло бы еще на 1,000 душъ.

Цыгане раздѣляются въ Сербіи на осѣдлыхъ и скитающихся. Къ числу первыхъ относятся всѣ почти магометане и нѣкоторая часть христіанъ, къ числу же послѣднихъ — остальные христіане. До 1855 года Цыгане всѣ платили *арачъ* трехъ родовъ, но въ этомъ году арачъ остался лишь для скитающихся, а всѣ осѣдлые были подчинены системѣ сборовъ, существующей для всего остальнаго населенія. Слѣдующая таблица можетъ показать постепенное увеличеніе арачныхъ душъ, по которому мы можемъ смѣло заключать вообще объ увеличеніи цыганскаго населенія.

Годы.	Число арачныхъ душъ.	Годовое увеличеніе.
1840	2,440	
1841	2,479	+ 39
1842	2,559	+ 80
1843	2,593	+ 34
1844	2,527	— 66
1845	2,820	+ 293
1846	2,942	+ 122
1847	2,939	— 3
1848	3,269	+ 330
1849	3,212	— 57
1850	3,240	+ 38
1851	3,410	+ 170
1852	3,523	+ 113
1853	3,597	+ 74
1854	3,578	— 19

ЪЪ СЕРВІИ 1866 ГОДА.

и	т	е	л	е	й.															
Чеховъ.			Поляковъ.			Нѣмцевъ.			Мадьяръ.			Испанцевъ.			Италіянцевъ.			Французовъ.		
м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	мужч.	жен.	всего.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.	м.	ж.	в.
185	136	321	13	16	29	930	985	1,915	253	264	517	652	671	1,323	11	6	17	9	4	13
7	3	10	—	—	—	3	3	6	7	2	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	12	21	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	1	1	—	1	2	4	6	—	—	—		—	—	—	—	—
17	15	32	1	1	2	113	72	185	47	7	54	1	1	2	—	—	—	3	1	4
49	33	82	9	4	13	87	62	149	14	1	15	3	2	5	13	6	19	9	6	15
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	6	15	—	—	—	80	66	146	22	20	42	32	41	73	1	1	2	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	16	26	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	5	2	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	8	1	—	1	7	2	9	3	2	5	—	—	—	2	—	2	—	—	—
3	1	4	—	—	—	19	10	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	1	1	3	4	80	50	130	11	5	16	28	27	55	—	—	—	—	—	—
4	—	4	—	—	—	7	5	12	11	5	16	—	—	—	1	—	1	—	—	—
1	1	2	—	—	—	—	—	—	3	1	4	3	4	7	—	—	—	—	—	—
279	200	479	25	25	50	1,332	1,259	2,589	373	311	684	738	774	1,512	28	13	41	21	11	32

Вышеприведенная таблица весьма наглядно показываетъ, сколько представителей каждой народности живетъ въ каждомъ изъ округовъ. Изъ нея же явствуетъ, что Сербія есть страна чисто славянская, такъ какъ Славяне живутъ въ ней въ количествѣ $^{9}/_{10}$ всего населенія. Валахи, кромѣ своихъ четырехъ восточныхъ округовъ, гдѣ они живутъ компактными массами, живутъ еще въ городахъ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ, Ягодинѣ и Горномъ Милановцѣ; кромѣ нихъ, есть кое-гдѣ и иные представители Романскаго племени—Цынцары, которые однако успѣли уже осербиться, точно также, какъ Болгары. Представители иныхъ народностей живутъ въ городахъ, а Цыгане живутъ преимущественно по уѣздамъ. Русскихъ, Хорватовъ, Грековъ, Турокъ и Англичанъ весьма малое число находится въ Бѣлградѣ.

Общее количество народонаселенія княжества по народностямъ въ 1866 году было слѣдующее:

Наименованіе народностей.	Число жителей. Мужч.	Женщ.	Всего.	Итого на 100.
1. Сербовъ	545,320	512,867	1.058,187	87,02
2. Валаховъ . . .	65,787	61,758	127,545	10,49
3. Цыганъ	12,520	12,214	24,734	2,03
4. Нѣмцевъ . . .	1,332	1,257	2,589	0,21
5. Испанцевъ. . .	738	774	1,512	0,12
6. Мадьяръ . . .	373	311	684	0,06
7. Чеховъ	279	200	479	0,04
8. Грековъ	136	47	183	0,015
9. Поляковъ . . .	25	25	50	—
10. Италіянцевъ. .	28	13	41	—
11. Французовъ . .	21	11	32	—
12. Турокъ . . .	25	2	27	—
13. Англичанъ . . .	5	5	10	—
14. Русскихъ . . .	5	2	7	—
15. Хорватовъ . .	3	3	6	—
Всего . .	626,597	589,489	1.216,086	100,00

Округа.	На 10,000 жителей приходится: Сербовъ.	Валаховъ.	Цыганъ.	Иностранцевъ.
1. Г. Бѣлградъ . . .	8,176	40	44	1,740
2. Алексинацкій .	9,803	—	192	20

3. Бѣлградскій. .	9,668	—	332	—
4. Вальевскій . . .	9,701	—	297	2
5. Княжевацскій. .	9,820	—	179	1
6. Крагуевацскій .	9,815	1	155	29
7. Крайнскій . . .	3,477	6,111	370	42
8. Крушевацскій . .	9,938	—	62	—
9. Подринскій . . .	9,853	—	147	—
10. Пожаревацскій .	6,220	3,449	303	28
11. Рудникскій . . .	9,955	—	45	—
12. Смедеревскій . .	9,575	5	415	5
13. Ужицкій. . . .	9,989	—	11	—
14. Црнорѣчскій . .	4,860	4,890	246	4
15. Чачакскій . . .	9,988	—	6	6
16. Шабацкій . . .	9,586	—	386	28
17. Ягодинскій . . .	9,848	—	147	5
18. Чуприйскій . . .	8,119	1,758	120	3
Всего въ Сербіи	8,702	1,049	203	46

ъ вышесказаннаго видно, что пятнадцать народностей имѣютъ
ъ представителей въ Сербіи, но что только три народности за-
ваютъ наибольшаго вниманія, такъ какъ, въ сравненіи съ ихъ
нностью, численность остальныхъ составляетъ лишь ничтож-
роцентъ всего населенія. По всѣмъ вѣроятіямъ, Сербы, какъ
ъ главенствующій и имѣющій свою собственную культуру,
итъ со временемъ остальныя народности, и конечно, это про-
етъ скорѣе всего съ тѣми, кто исповѣдуетъ одну съ Серба-
лигію. Болгары, населяющіе въ значительномъ числѣ вос-
ія окраины Сербіи, въ самомъ скоромъ времени должны усво-
ербскій языкъ, какъ болѣе пригодный по своему благозвучію
розы и поэзіи, нежели языкъ болгарскій.

слѣдующая таблица показываетъ намъ, что кромѣ Крайнскаго и
орѣчскаго округовъ, Сербы вездѣ составляютъ большинство,
оро и въ Чернорѣчскомъ округѣ число ихъ превыситъ число
ковъ. Не пройдетъ и одного человѣческаго вѣка, какъ всѣ ино-
въ Сербіи, наравнѣ съ своимъ роднымъ языкомъ, будутъ
ить и по сербски, такъ какъ знаніе этого языка будетъ имъ
одимо въ жизни.

концѣ настоящаго очерка не будетъ излишне изложить кон-

Вышеприведенная таблица весьма наглядно показываетъ, сколько представителей каждой народности живетъ въ каждомъ изъ округовъ. Изъ нея же явствуетъ, что Сербія есть страна чисто славянская, такъ какъ Славяне живутъ въ ней въ количествѣ 9/10 всего населенія. Валахи, кромѣ своихъ четырехъ восточныхъ округовъ, гдѣ они живутъ компактными массами, живутъ еще въ городахъ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ, Ягодинѣ и Горномъ Милановцѣ; кромѣ нихъ, есть кое-гдѣ и иные представители Романскаго племени—Цынцары, которые однако успѣли уже осербиться, точно также, какъ Болгары. Представители иныхъ народностей живутъ въ городахъ, а Цыгане живутъ преимущественно по уѣздамъ. Русскихъ, Хорватовъ, Грековъ, Турокъ и Англичанъ весьма малое число находится въ Бѣлградѣ.

Общее количество народонаселенія княжества по народностямъ въ 1866 году было слѣдующее:

Наименованіе народностей.	Число жителей. Мужч.	Женщ.	Всего.	Итого на 100.
1. Сербовъ	545,320	512,867	1.058,187	87,02
2. Валаховъ . . .	65,787	61,758	127,545	10,49
3. Цыганъ	12,520	12,214	24,734	2,03
4. Нѣмцевъ . . .	1,332	1,257	2,589	0,21
5. Испанцевъ. . .	738	774	1,512	0,12
6. Мадьяръ . .	373	311	684	0,06
7. Чеховъ	279	200	479	0,04
8. Грековъ	136	47	183	0,015
9. Поляковъ . . .	25	25	50	—
10. Италіянцевъ. .	28	13	41	—
11. Французовъ . .	21	11	32	—
12. Турокъ . . .	25	2	27	—
13. Англичанъ . . .	5	5	10	—
14. Русскихъ . . .	5	2	7	—
15. Хорватовъ . .	3	3	6	—
Всего . .	626,597	589,489	1.216,086	100,00

Округа.	На 10,000 жителей приходится: Сербовъ.	Валаховъ.	Цыганъ.	Иностранцевъ.
1. Г. Бѣлградъ . . .	8,176	40	44	1,740
2. Алексинацкій .	9,803	—	192	20

ОЧЕРКИ ЧАСТНАГО БЫТА

ЕВРЕЕВЪ.

кретныя и процентныя цифры увеличенія разныхъ народностей въ Сербіи съ 1846 по 1866 годъ.

Наименованіе народностей.	Всего. 1846	1866	На сто. 1846	1866	Увеличилось въ годъ. Средняя.	На сто.
Сербовъ	802,954	1.058,187	87,78	87,02	12,762	1,37
Валаховъ . . .	97,215	127,545	10,59	10,49	1,516	1,35
Цыганъ	14,911	24,734	1,63	2,03	491	2,48
Иностранцевъ. .	—	5,620	—	0,46	—	—
Всего . . .	915,080	1.216,086	100	100	15,050	1,40

Въ годъ первой переписи въ Сербіи было такъ мало иностранцевъ, что ихъ отдѣльно не считали, но показывали вмѣстѣ съ Сербами. Тотъ фактъ, что процентъ Сербовъ въ 1866 году уменьшился противъ 1846 года, объясняется несоразмѣрнымъ напливомъ Цыганъ послѣ эмансипаціи 1856 года; то же самое видно и изъ того, что цифра цыганскаго населенія значительно увеличилась, между тѣмъ какъ цифра сербскаго и валашскаго населенія осталась безъ измѣненія.

В. Якшичъ.

Бѣлградъ.
Ноябрь 1871 года.

ОЧЕРКИ ЧАСТНАГО БЫТА

ЕВРЕЕВЪ.

историческое странствованіе; напримѣръ, у нихъ право гражданства получили слова: *крыя* вмѣсто льдины, *пріизба*—земляной прилавокъ при хатѣ, *мáкетеръ* или *тёрле* — глиняный прямостѣнный горшокъ, въ которомъ готовится національное еврейское блюдо „кýгель“: это слово—русское „макотёръ“, или общеупотребительнѣе—„макйтра“, горшокъ, въ чемъ макъ трутъ, отъ того же и—тёрле. Просторѣчіе свое, или какъ бы сказать — „жаргонъ,“ сами Евреи называютъ „йдышъ“ (юдишь), когда выражаются устно, и „йвритѣйцъ“, то есть, еврейско-нѣмечина, когда говорятъ о просторѣчіи въ печати, но *жидовскимъ* языкомъ называть его не любятъ. Богослужебныя ихъ книги и разсужденія излагаются у нихъ на мертвомъ древне-*еврейскомъ*, то есть, на библейскомъ языкѣ, но всѣ духовныя сочиненія и богословско-философскія изслѣдованія пишутся тоже на мертвомъ, *раввинскомъ* языкѣ, то есть, на древне-еврейскомъ же, но съ сильною примѣсью халдейскаго; поэтому мы видимъ, что въ одной и той же книгѣ текстъ весь печатается на ветхозавѣтномъ еврейскомъ языкѣ, а комментаріи къ нему — на раввинскомъ. Наконецъ, почти всѣ книги кабалистическаго содержанія, то есть, касающіяся гностики, мистики, пишутся обыкновенно опять-таки на мертвомъ языкѣ — *по халдейски*, тогда какъ всѣ молитвенники для женщинъ, и равномѣрно, сочиненія по части легкой литературы пишутся обыкновенно на живомъ языкѣ *по-жидовски*, на просторѣчіи. Всѣ эти четыре рода письменности изображаются въ рукописяхъ и печатаются въ книгахъ еврейскими буквами, еврейскимъ шрифтомъ, а нѣсколько десятилѣтій назадъ были еврейскими же буквами напечатаны даже чисто нѣмецкіе переводы, напримѣръ, весь ветхій-завѣтъ, и позже, нѣкоторыя части Талмуда; но теперь этого уже не бываетъ.

Прежде, не такъ еще давно, Евреи и думать не дерзали, чтобъ возможно было печатать „священными“ буквами такія вздорныя, по ихъ мнѣнію, вещи, которыя, будучи лишены религіознаго содержанія, относятся къ какому-нибудь роду литературы свѣтской: это называли профанаціей святаго дѣла печати. Въ фанатизированной и до чрезвычайности набожной массѣ еврейскаго населенія эту мысль о профанаціи очень старались поддерживать, вслѣдствіе того, что въ Вильнѣ, напримѣръ, была только одна на весь край, да

и то привиллегированная, еврейская типографія и такъ была завалена работами, что бывшія въ большомъ ходу книги ей приходилось печатать стереотипомъ [1]): доходы съ книжнаго дѣла были отлично гарантированы, потому что книги расходились между Евреями въ громадныхъ массахъ и такими невѣдомыми, но вѣрными, путями, о какихъ, вѣроятно, не додумался еще ни одинъ изъ нашихъ коробейниковъ. Нельзя при этомъ упускать изъ виду, что Евреи *всѣ поголовно* грамотны; едва ли на тысячу человѣкъ найдется одинъ не знающій читать и писать. И что жь бы это былъ за человѣкъ, какой онъ былъ бы Еврей, какъ сталъ бы онъ отправлять свои молитвы, которымъ нѣсть числа, и процессъ чтенія которыхъ составляетъ всю суть богослуженія у Евреевъ? Женщинъ неграмотныхъ гораздо больше, но у нихъ и молитвъ меньше, и религіозныхъ, строго-обязательныхъ надобностей неизмѣримо меньше, чѣмъ у мужчинъ. Но времена измѣнились, и нѣкоторыя привиллегіи прекратились; право владѣнія типографіей расширено, явилась конкуренція, понадобилось кусокъ хлѣба схватывать съ боя — и вотъ теперь у Евреевъ возникла свѣтская литература: мы видимъ еврейскіе сатирическіе разсказы, еврейскіе романы, еврейскіе журналы и газеты.

Собственно-Евреи раздѣляются нынѣ на двѣ громадныя, но не равночисленныя массы: одна масса—это миснагедъ, во множественномъ миснагедимъ, по-русски, слово въ слово, „противники“; но по русскимъ понятіямъ миснагедъ обозначаетъ обыкновеннаго, намъ всѣмъ знакомаго Еврея; другая масса — это хассиды или такъ здѣсь называемые „скакуновичи“, съ ихъ цадиками. Самимъ Евреямъ слово „скакуны“—не извѣстно.

Секта хассидовъ возникла съ конца прошлаго столѣтія, но она

---

[1]) Стереотипомъ и теперь многое печатается, конечно больше все старье разное, но Еврею цѣнное и дорогое. Нынѣ лучшая въ Вильнѣ еврейская типографія — это старая типографія Ромма; завѣдующій ея стереотипнымъ отдѣленіемъ г. Пушкинъ, конечно—Еврей же, обучился этому дѣлу въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ пробылъ долгое время. Въ этой старинной типографіи гг. Роммовъ, кромѣ стереотипнаго отдѣла, обращаютъ на себя вниманіе прекрасное переплетное отдѣленіе (прекрасное по отношенію къ Вильнѣ, но никакъ не къ Петербургу) и цѣлый, въ примѣрномъ порядкѣ содержимый архивъ стереотипныхъ досокъ.

жизни этой семьи я могъ вполнѣ тщательно присмотрѣться, окруживъ себя къ тому же многочисленнымъ еврейскимъ знакомствомъ разнаго рода. Съ апрѣля 1869 года по февраль 1871 года я былъ старшимъ, при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ, чиновникомъ особыхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, порученій и по обязанностямъ службы не разъ посѣщалъ губерніи Виленскую и Ковенскую. Съ февраля 1871 года я занимаю должность Виленскаго отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ, и понятное дѣло, обязанъ тщательно вникать во всѣ фазисы литературнаго движенія въ краѣ. Но такъ какъ я, подобно моимъ предмѣстникамъ, еврейскимъ языкомъ не обладаю, то для еврейской цензуры въ Вильнѣ и нынѣ состоятъ при мнѣ два ученые сотрудника-Еврея, семейные въ цвѣтѣ лѣтъ люди, извѣстные своими трудами, пользующимися огромнымъ уваженіемъ. Одинъ изъ нихъ — Овсей Наумовичъ Штейнбергъ, старшій учитель еврейскаго и халдейскаго языковъ при Виленскомъ раввинскомъ училищѣ, авторъ, между прочимъ „Полнаго курса еврейской грамматики для систематическаго изученія языка ветхаго завѣта, его исторіи, этимологіи и синтаксиса“ и интересной статьи, напечатанной въ 1871 году, въ Вѣстникѣ Европы: „Органическая жизнь языка“; другой, равномѣрно дѣятельный мой сотрудникъ—Ассиръ Лазаревичъ Воль, тоже старшій учитель раввинскаго училища по каѳедрѣ талмуда и религіозныхъ узаконеній, издавшій нѣсколько строго-научныхъ изслѣдованій по эбреизму, и между прочимъ „Исторію Евреевъ“, „Опытъ перевода изъ Мишны трактата Берахотъ“ (о благословеніяхъ), переводъ „Молитвъ Евреевъ“ и проч. Безпрестанное сближеніе, по цензурѣ еврейскихъ книгъ, съ такими почтенными, научно-развитыми сотрудниками дало мнѣ возможность воспользоваться ихъ готовностію самымъ точнымъ, почти буквальнымъ образомъ перевести одну брошюру, содержащую въ себѣ строго-обязательныя для женщинъ „Установленія о Миквѣ“: этотъ-то переводъ, съ моими къ нѣкоторымъ параграфамъ объяснительными статьями, я и представляю благосклонной внимательности Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества.

ВВЕДЕНІЕ.

Израильскій народъ, населяющій Сѣверо-Западный край, раздѣляется на двѣ коренныя, но далеко неравночисленныя отрасли: „Евреевъ“, болѣе или менѣе признающихъ Талмудъ и вѣрующихъ въ каждую его букву, и „Караймовъ“, отвергающихъ Талмудъ, хотя и они все-таки не чистые библеисты, не строгіе мозаисты, ибо и они руководствуются тоже собственнымъ собраніемъ своихъ преданій. Караимское населеніе, всего лишь въ нѣсколько сотъ семей, я нашелъ только въ городѣ Трокахъ, да нѣсколько мелкихъ отбросковъ его встрѣтилъ въ Вильнѣ; есть, безъ сомнѣнія, еще кое-гдѣ Караимы, незамѣтные въ массѣ, какъ единичные жители. Уподоблять здѣшнихъ Караимовъ Караимамъ, живущимъ въ Евпаторіи и въ Чуфутъ-кале, понятное дѣло, невозможно. Народный говоръ у здѣшнихъ Караимовъ—ломанное татарское нарѣчіе, съ нѣкоторымъ процентомъ словъ польскихъ и русскихъ, а кое-какая литература, или лучше сказать, издаваемыя для употребленія Караимовъ книги пишутся на древнемъ библейскомъ *еврейскомъ* языкѣ, кромѣ трудовъ г. Фирковича, пишущаго *по-раввински*. Караимъ съ Евреемъ не ведутъ разговора иначе какъ по-русски или по-польски: еслибъ они вздумали говорить каждый на своемъ просторѣчіи, то никогда не поняли бы другъ друга. Несомнѣнное дѣло, что Караимы владѣютъ польскою рѣчью бойчѣе, чѣмъ русскою, хотя и по-русски тоже говорятъ хорошо, а караимскихъ женщинъ рѣшительно уже ничѣмъ нельзя отличить отъ „тутѣйшихъ“ шляхтянокъ, или разныхъ панны и паней.

Евреи, то-есть, главная, милліонная, масса здѣшняго населенія, въ домашнемъ быту говорятъ *по-жидовски*, то есть, ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ; напримѣръ, вмѣсто „komm“ произносятъ „кум“, вмѣсто „geh'weg“—„ге авек“; вмѣсто „Vater“—„фотеръ“; вмѣсто „wollen wir gehen spazieren“ — „*ло́ миръ* гейнъ спацирнъ“; но въ просторѣчіи этомъ есть множество словъ русскихъ, польскихъ и иныхъ народовъ, среди которыхъ Евреи совершали свое

достославнаго царствія. Благословенъ Ты, Іегова, (слова „Іегова“ Еврей страшится; онъ его *никогда* вслухъ не читаетъ и не произноситъ, замѣняя его на устной молитвѣ словомъ „Адонай“, Господь), обновляющій мѣсяцы“. Послѣ этого, обратясь къ лунѣ, толпа троекратно произноситъ слѣдующее: „Какъ я, возносясь (собственно, „подскакивая“) къ тебѣ, не въ состояніи дотронуться до тебя, такъ враги мои да не будутъ въ состояніи дотрогиваться до меня“. Въ продолженіе этого троекратнаго причитанія, каждый членъ еврейской толпы старается сколь возможно чаще и сколь-возможно выше приподняться на цыпочки, опять опуститься на каблуки и опять приподняться на концы пальцевъ, а люди, какъ Евреи говорятъ, „набожные“, изъ молитвеннаго усердія, можетъ быть, и дѣйствительно припрыгиваютъ, тогда какъ болѣе развитые люди, незамѣтно для посторонняго глаза, лишь слегка переступаютъ съ каблучка на цыпочки, и обратно. Но все-таки это дѣлаютъ не одни хассиды, а всѣ вообще Евреи.

Раздѣленіе на двѣнадцать израилевыхъ колѣнъ у Евреевъ давно уже въ дѣйствительности утратилось. Теперь у Евреевъ существуютъ только „когены“, то есть, по прямой линіи, потомки Аарона „левиты“, потомки левитовъ, сыновъ Левія, и простой „израиль“, то есть, остальной еврейскій людъ. Въ частной жизни раздѣленіе это не имѣетъ никакого значенія и не придаетъ Еврею никакой особой родовитости, никакихъ преимуществъ; но въ синагогѣ когену принадлежитъ право первой „алія“, или извѣстнаго рода молитвеннаго возглашенія, а левитамъ—послѣ нихъ. Кромѣ того, въ извѣстные еврейскіе праздники, именно въ извѣстную пору богослуженія, „въ мусафѣ“, 1-ый, 2-ой, 7-ой и 8-ой дни Пасхи, въ Пятидесятницу, въ Новолѣтіе, въ День Прощенія и въ 1-ый, 2-ой и 8-ой дни Праздника Кущей [1]), левиты, снявъ сапоги, обливаютъ,

---

[1]) Праздникъ Кущей, здѣсь въ краѣ, все простолюдье, въ томъ числѣ и не доучившіеся Евреи, зоветъ Кучками, будто бы оттого, что Евреи *кучками* сидятъ въ наскоро устроиваемыхъ во дворахъ (а иногда и въ постоянныхъ) и приспособливаемыхъ къ тому холодныхъ помѣщеніяхъ, обкладываемыхъ сверху еловыми вѣтвями, съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобъ накидываемый потолокъ былъ разверзтъ. Въ этихъ кущахъ еврейскія семейства должны совершать трапезу, то

тоже разутому, когену руки. Послѣ этого обряда, когенъ, весь покрывшись тàлисомъ [1]), то есть, обычною у каждаго Еврея молитвенною ризой, такъ чтобы и рукъ его изъ-подъ нея не было видно, но держа ихъ въ извѣстномъ направленіи, именно—отдѣливъ на каждой рукѣ большой палецъ, а также мизинецъ, вмѣстѣ съ безымяннымъ, отъ сомкнутыхъ вмѣстѣ указательнаго и средняго перста, простираетъ эти запрятанныя подъ тàлисъ руки надъ головами народа и благословляетъ его [2]). Есть и еще одна особенность у когѐновъ: они не могутъ вступать въ бракъ вообще съ разведенною женой, а также ходить на кладбище и вообще быть подъ одною крышей съ мертвымъ тѣломъ, Евреемъ или не-Евреемъ. Что нынѣшніе когены суть потомки Аарона—въ этомъ никто изъ Евреевъ не сомнѣвается, но чтобъ они были чистокровные ааронпды—этому, конечно, никто уже не вѣритъ, тѣмъ болѣе, что̀ между Евреями жива вѣра въ то, что когда явится Мессія, а его ожидаетъ, на него возлагаетъ упованіе каждая Еврейка, каждый Еврей, тогда начнется самый строгій пересмотръ правъ современныхъ когѐновъ на присвоиваемое имъ званіе.

Можно допустить у Евреевъ еще и иное раздѣленіе, это отдѣлы: свѣтилъ, аристократовъ, обыкновенныхъ людей и простую пѣшку. Понятное дѣло, что свѣтилами считаются только люди въ родѣ Дизраели, Ротшильда, Монтефіоре, Кремье или Фульда, имена которыхъ пользуются чуть не всесвѣтною извѣстностью. Чтобы считаться аристократомъ богатство не нужно: необходима безусловная родовитость или преемственность почетнаго положенія въ большой еврейской общинѣ. Такъ, море-гердэ, слово-въ-слово —„указывающій законъ“, или то, что̀ у насъ обыкновенно вели-

---

есть, обѣдать и ужинать во все теченіе праздника. Куща—это походный шатеръ, палатка, джуламейка, юрта, кибитка, донынѣ очень схожія у Буратъ, Киргизовъ, Башкирцовъ, Калмыковъ, Арабовъ.

[1]) У Когена талисъ долженъ быть спущенъ съ головы на столько, чтобъ лица его было не видать молящемуся люду.

[2]) По одному шутливому поученію, обращаемому къ любопытнымъ и пытливымъ зрителямъ, особенно къ дѣтямъ, смотрѣть, во время благословенія когена, на персты его—нельзя: кто разъ посмотритъ—ослѣпнетъ, а *другой разъ* взглянетъ (то есть, послѣ того какъ ослѣпнетъ)—умретъ.

чается словомъ раввинъ, конечно, не „казенный“, котораго вліяніе очень и очень ничтожно, а такъ называемый „духовный“ раввинъ, если его и отецъ и дѣдъ были тоже море-гердэ, принимается безусловно всѣми какъ наипочетнѣйшее лицо, какъ чистѣйшій аристократъ. Море-гердэ, у котораго отецъ былъ „магидъ“, по русски проповѣдникъ или опять тоже, что у насъ иногда безразлично зовется раввиномъ, или по чему то—подрабйнкомъ, а дѣдъ былъ, положимъ, „дайономъ“, судьей, подходитъ опять подъ эту же породу. Сынъ такого человѣка, въ какой бы нищетѣ семья его ни обращалась, всегда и вездѣ найдетъ себѣ и почетный пріемъ, и поддержку, и что для Еврея главное, приличную невѣсту. Простой пѣшкой зовется не отесанный Еврей, простой работникъ, слуга, и вообще самый низшій классъ [1]).

Затѣмъ существуетъ и еще одно различеніе у Евреевъ: въ противоположность предыдущему, такъ сказать, продольному, его можно назвать поперечнымъ; это различеніе: 1) обыкновенныхъ людей, 2) людей „набозьныхъ“ или аскетовъ, 3) „апикирейцевъ“ или эпикурейцевъ и 4) нѣмчиковъ или берлинеровъ. Обыкновенные люди —это люди, держащіеся золотой середины: сурово, на глаза другихъ, соблюдающіе установленія о трѣфѣ и коширѣ, то есть, о заповѣдномъ, преступномъ и о разрѣшенномъ кушаньѣ и питьѣ (а по этой части Евреи, черезъ женщинъ, особенно черезъ прислугу, сильно другъ за другомъ шпіонничаютъ); усердно посѣщающіе „храмъ ученія“, то есть, синагогу, бетъ-гамѣдрашъ, клаузъ, штйбель или мйньйонъ, то есть, простую моленную школу, и ведущіе себя, въ обрядовомъ отношеніи, совершенно безупречно; это, при общественномъ расположеніи къ выполненію только однихъ наружныхъ формъ, не дѣлаетъ изъ Еврея ни законопреступ-

---

[1]) Невѣста—великое дѣло для каждаго Еврея. Каждый Еврей, по Божескому закону, *долженъ* быть женатъ и *долженъ* имѣть дѣтей: иначе онъ отступникъ и отверженецъ. Кромѣ Ковны и Вильны, имъ здѣсь житья себѣ не найдти, но и въ Вильнѣ холостыхъ, вошедшихъ уже въ лѣта, живущихъ безбоязненно, а все-таки подъ охраной власти предержащей, найдется лишь нѣсколько человѣкъ. Положеніе ихъ очень драматическое. Незнакомый съ еврействомъ человѣкъ никогда не повѣритъ, что это чистый героизмъ—быть Евреемъ-холостякомъ.

глаза, бьютъ себя въ грудь, потрясаютъ кулаками по направленію къ небу и выдѣлываютъ нестерпимые даже для хладнокровнаго зрителя молитвенные жесты и кривлянія, сопровождаемыя самыми нежданными всхлипываніями, вздохами, воемъ, ревомъ и взвизгиваніемъ. Основой этого — слова псалмопѣвца: „всѣ *кости* мои *заговорятъ*: Господи, кто Тебѣ подобенъ?“

Вотъ отъ этихъ-то именно хассидовъ остальные Евреи и получили, а затѣмъ уже и сами себѣ усвоили прозвище миснагедовъ, „противниковъ“ (подразумѣвается: противники хассидизма, а въ вольномъ переводѣ—протестаторы, протестанты).

„Скакунчиками“ хассидовъ называютъ совершенно неосновательно. Полагаютъ, что только одни хассиды, глядя на луну, скачутъ на улицѣ. Это дѣлаютъ не одни хассиды, а положительно всѣ Евреи. И въ Гроднѣ, и въ Ковнѣ, и въ Вильнѣ мнѣ не разъ самому случалось видѣть и лѣтомъ, и зимой, вскорѣ послѣ новолунія, на перекресткахъ или на площадяхъ, огромныя толпы Евреевъ, отправляющихъ такъ называемое „благословеніе за луну“. Это особый родъ общественнаго богослуженія, когда Евреи, глядя на луну, на чистомъ воздухѣ возсылаютъ опредѣленныя молитвы. Молитвословіе это начинается, какъ и всякое „благословеніе“—а этихъ благословеній можно насчитать цѣлыя сотни, — обычною формулой: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, Царь вселенной, который“... и проч., сообразно обстоятельству. Затѣмъ, въ данномъ здѣсь случаѣ, произносится: „...который повелѣлъ лунѣ обновляться въ своемъ лучезарномъ вѣнцѣ предъ тѣми, которыхъ онъ лелѣялъ во утробѣ, и которые нѣкогда обновятся, подобно ей, и будутъ превозносить своего Создателя, во имя Его

школой или училищемъ. У Евреевъ синагога, храмъ—домъ ученія, гдѣ Евреи и Закону учатъ, и сами поучаются Закону. Зданія меньшія противъ синагоги, а главное—не безъ печей, а непремѣнно съ печами, такъ что очень удобно производить кейфъ и на дѣлѣ испытывать dolce far niente, прикрываясь при этомъ религіозными стремленіями, называются безразлично школами и пришколками. У хассидовъ школы отдѣльны отъ школъ другихъ Евреевъ, отъ миснагидовъ; въ дѣлахъ вѣры тѣ и другіе питаютъ другъ къ другу сильнѣйшее отвращеніе. Укромная комната моленной школы, съ печью и со скамьей для спанья, – настоящій рай бродягѣ и гунеядцу: въ этомъ-то раѣ и укрываются безпаспортные святоши.

врядъ ли проститъ родному сыну. Названіе берлинеровъ и нѣмчиковъ получило начало съ Мендельсона, то есть, со времени перевода Евреями Библіи на нѣмецкій языкъ.

„Апикоресъ"—это ужь совсѣмъ отпѣтый человѣкъ, это положительный отступникъ: онъ не только фракъ носитъ, онъ и въ синагогу глазъ не кажетъ; онъ послѣ куска бифстекса пьетъ кофе со сливками, тогда какъ подобное смѣшеніе воспрещено въ Библіи самимъ Господомъ Богомъ, слѣдовательно, на вѣки вѣковъ затрефлено; онъ предался „гойскимъ", не еврейскимъ, не богоданнымъ, не талмудическимъ, а вымышленнымъ гоями знаніямъ и обычаямъ, до того, что и говядину ѣстъ сжаренною на коровьемъ маслѣ, и мясо ѣстъ не еврейскаго рѣзанья, и на извощикѣ ѣздитъ по субботамъ, и сигары въ субботу куритъ.... и вообще онъ отвергаетъ всю непреложность и всю обязательность навьюченныхъ на Евреевъ премудростью Талмуда истинъ и вѣрованій.

Но каковъ бы ни былъ человѣкъ, пребывающій въ еврействѣ, будь это хоть самый зачумленный наукою апикоресъ, — и между этою братіей много найдется такихъ, которые всегда останутся вѣрны неразлучнымъ съ еврействомъ „цицелю", „талису", „тефилину" и „мезузѣ". Здѣсь вся рѣчь идетъ пока о мужчинахъ; на женщинъ еврейство и рукой махнуло: женщины, что рабы, и въ пол-человѣка не считаются; ни на цицель, ни на талисъ, ни на тефилинъ онѣ и права не имѣютъ. У Евреевъ есть великая святыня, обязательная для каждаго, это именно рядъ извѣстныхъ молитвъ о единствѣ Божіемъ, о любви къ Богу, объ изученіи и соблюденіи Закона и о нитяхъ или кистяхъ видѣнія; весь этотъ рядъ молитвъ извѣстенъ подъ названіемъ „шема": женщины даже отъ шемы и вообще отъ всякихъ молитвъ освобождены, кромѣ трехъ случаевъ: а) при зажиганіи субботнихъ свѣчъ, б) при отдѣленіи, на сожженіе, перваго куска тѣста, приготовленнаго для халлы, для мацы и для всякаго вообще хлѣба или булки, и в) при миквенномъ погруженіи. Женщинамъ и въ моленной залѣ отведены мѣста не внутри зданія, не между „народомъ Божіимъ", а на галереяхъ, окружающихъ молельню снаружи, хотя и съ окнами во внутренность синагоги, но прикрытыхъ особою стѣной и кровлей; дѣвицы и вовсе въ синагогу не ходятъ. Это формаль-

тоже разутому, когену руки. Послѣ этого обряда, когенъ, весь покрывшись тàлисомъ [1]), то есть, обычною у каждаго Еврея молитвенною ризой, такъ чтобы и рукъ его изъ-подъ нея не было видно, но держа ихъ въ извѣстномъ направленіи, именно—отдѣливъ на каждой рукѣ большой палецъ, а также мизинецъ, вмѣстѣ съ безымяннымъ, отъ сомкнутыхъ вмѣстѣ указательнаго и средняго перста, простираетъ эти запрятанныя подъ тàлисъ руки надъ головами народа и благословляетъ его [2]). Есть и еще одна особенность у когѐновъ: они не могутъ вступать въ бракъ вообще съ разведенною женой, а также ходить на кладбище и вообще быть подъ одною крышей съ мертвымъ тѣломъ, Евреемъ или не-Евреемъ. Что нынѣшніе когены суть потомки Аарона—въ этомъ никто изъ Евреевъ не сомнѣвается, но чтобъ они были чистокровные ааронады—этому, конечно, никто уже не вѣритъ, тѣмъ болѣе, что между Евреями жива вѣра въ то, что когда явится Мессія, а его ожидаетъ, на него возлагаетъ упованіе каждая Еврейка, каждый Еврей, тогда начнется самый строгій пересмотръ правъ современныхъ когѐновъ на присвоиваемое имъ званіе.

Можно допустить у Евреевъ еще и иное раздѣленіе, это отдѣлы: свѣтилъ, аристократовъ, обыкновенныхъ людей и простую пѣшку. Понятное дѣло, что свѣтилами считаются только люди въ родѣ Дизраели, Ротшильда, Монтефіоре, Кремье или Фульда, имена которыхъ пользуются чуть не всесвѣтною извѣстностью. Чтобы считаться аристократомъ богатство не нужно: необходима безусловная родовитость или преемственность почетнаго положенія въ большой еврейской общинѣ. Такъ, море-гердэ, слово-въ-слово —„указывающій законъ“, или то, что у насъ обыкновенно вели-

---

есть, обѣдать и ужинать во все теченіе праздника. Куща—это походный шатеръ, палатка, джуламейка, юрта, кибитка, донынѣ очень схожія у Бурятъ, Киргизовъ, Башкирцовъ, Калмыковъ, Арабовъ.

[1]) У Когена талисъ долженъ быть спущенъ съ головы на столько, чтобъ лица его было не видать молящемуся люду.

[2]) По одному шутливому поученію, обращаемому къ любопытнымъ и пытливымъ зрителямъ, особенно къ дѣтямъ, смотрѣть, во время благословенія когена, на персты его—нельзя: кто разъ посмотритъ—ослѣпнетъ, а *другой разъ* взглянетъ (то есть, послѣ того какъ ослѣпнетъ)—умретъ.

врядъ ли проститъ родному сыну. Названіе берлинеровъ и нѣмчиковъ получило начало съ Мендельсона, то есть, со времени перевода Евреями Библіи на нѣмецкій языкъ.

„Апикіріецъ"—это ужь совсѣмъ отпѣтый человѣкъ, это положительный отступникъ: онъ не только фракъ носитъ, онъ и въ синагогу глазъ не кажетъ; онъ послѣ куска бифстекса пьетъ кофе со сливками, тогда какъ подобное смѣшеніе воспрещено въ Библіи самимъ Господомъ Богомъ, слѣдовательно, на вѣки вѣковъ затрѣфлено; онъ предался „гойскимъ", не еврейскимъ, не богоданнымъ, не талмудическимъ, а вымышленнымъ гоями знаніямъ и обычаямъ, до того, что и говядину ѣстъ сжаренною на коровьемъ маслѣ, и мясо ѣстъ не еврейскаго рѣзанья, и на извощикѣ ѣздитъ по субботамъ, и сигары въ субботу куритъ.... и вообще онъ отвергаетъ всю непреложность и всю обязательность навьюченныхъ на Евреевъ премудростью Талмуда истинъ и вѣрованій.

Но каковъ бы ни былъ человѣкъ, пребывающій въ еврействѣ, будь это хоть самый зачумленный наукою апикіріецъ, — и между этою братіей много найдется такихъ, которые всегда останутся вѣрны неразлучнымъ съ еврействомъ „цицелю", „тàлису", „тефилѝну" и „мезýзѣ". Здѣсь вся рѣчь идетъ пока о мужчинахъ; на женщинъ еврейство и рукой махнуло: женщины, что̀ рабы, и въ пол-человѣка не считаются; ни на цѝцель, ни на тàлисъ, ни на тефилѝнъ онѣ и права не имѣютъ. У Евреевъ есть великая святыня, обязательная для каждаго, это именно рядъ извѣстныхъ молитвъ о единствѣ Божіемъ, о любви къ Богу, объ изученіи и соблюденіи Закона и о нитяхъ или кистяхъ впдѣнія; весь этотъ рядъ молитвъ извѣстенъ подъ названіемъ „шемà": женщины даже отъ шемы и вообще отъ всякихъ молитвъ освобождены, кромѣ трехъ случаевъ: а) при зажиганіи субботнихъ свѣчъ, б) при отдѣленіи, на сожженіе, перваго куска тѣста, приготовленнаго для хàллы, для мацы и для всякаго вообще хлѣба или булки, и в) при миквенномъ погруженіи. Женщинамъ и въ моленной залѣ отведены мѣста не внутри зданія, не между „народомъ Божіимъ", а на галереяхъ, окружающихъ молельню снаружи, хотя и съ окнами во внутренность синагоги, но прикрытыхъ особою стѣной и кровлей; дѣвицы и вовсе въ синагогу не ходятъ. Это формаль-

ника, ни погруженнаго въ святошество отшельника: это и есть то, что̀ у насъ называется „ни шатко, ни валко, ни на̀-сторону“.

„Набо́зные“—это или набожные ханжи, тартюфы, или дѣйствительно люди, пропитанные набожностію, старики или даже еще не отцвѣтшая молодежь, вдавшаяся въ задачу изучить всю премудрость и завоевать себѣ славу ученаго мужа, конечно, ученаго въ еврейскомъ смыслѣ. Это люди, учащающіе посѣщать бетъ-гамѐдрашъ или школьное зданіе съ печью, со скамьями, съ библіотекой и съ такимъ устройствомъ, что жить тутъ можно: они тамъ днюютъ и ночуютъ; они налагаютъ на себя разные обѣты; они, болѣе или менѣе искренно, всѣ дни, всѣ минуты жизни посвящаютъ посту и изученію „То̀ры“ — Закона, то есть, пятикнижія, и „Та̀лмуда“, или толкованія Закона. Люди эти доходятъ положительно до аскетизма, отрекаются отъ всякаго мяса, отрекаются отъ всякаго житейскаго увеселенія или удовольствія, отрекаются отъ всего, что̀ могло бы развлечь ихъ мысли и хоть на минуту сбить съ той идеи, которой они предались всѣми помыслами души, и додумываются иногда до невѣроятныхъ вещей: встрѣчаются молодые люди, юноши, вышедшіе давно изъ отроческихъ лѣтъ, которые отказались носить панталоны, не только верхніе, но и нижніе, изъ сознательнаго трепета, чтобы треніе платьемъ мимовольно не раздражало сознательно-умерщвляемой плоти.... Да и бѣдность же здѣсь бываетъ страшная. Особенною славою въ преподаваніи мистической еврейской премудрости издавна и всесвѣтно пользуется мѣстечко Воло̀жинъ (Ошмянскаго уѣзда): по массѣ адептовъ и по „плодотворности“ успѣховъ, его смѣло можно приравнять къ любому богословскому факультету, опять-таки смотря на предметъ съ чисто-еврейской точки зрѣнія.

„Нѣмчика“ или „берлинера“ можно легко признать съ перваго же взгляда: у него не только нѣтъ пейсовъ, но и висковъ, близко подходящихъ къ идеѣ пейсовъ, то есть, подстриженныхъ не на столько коротко, чтобъ ужь не оставалось и возможности закрутить ихъ кончики, хотя бы въ воспоминаніе о пейсѣ: у нѣмчика рѣшительно всѣ виски выстрижены подъ гребенку; онъ осмѣливается всенародно носить пальто или пиджакъ, а главное — посягаетъ надѣвать фракъ, что̀ не только набожный человѣкъ, но и обыкновенный Еврей

фигурируетъ въ прозаическомъ картузѣ или въ цилиндрѣ; лицо у него, отъ горячихъ моленій, отъ жары и отъ спертаго воздуха мокрымъ-мокрешенько, и эта смѣсь слипшихся волосяныхъ сосулекъ, ризы и цилиндра дѣлаетъ его уже далеко не картиннымъ. Та́лисъ хранится въ особомъ у Евреевъ чехлѣ—„та̀лисъ-закъ"; въ немъ, въ этомъ мѣшкѣ, обыкновенно помѣщается другой, меньшій мѣшечекъ съ тефили́нами, съ молитвенникомъ и съ ермолкой, „я̀рмолкэ", которая, будучи изгоняема изъ общежитія, сдѣлалась у многихъ какъ-бы молитвенною принадлежностью. Та̀лисъ, обыкновенно, составляетъ брачный подарокъ жениху отъ невѣсты, и смотря по степени ея зажиточности, и на этотъ разъ, тароватости, бываетъ болѣе или менѣе блестящъ и цѣненъ.

Тефили́новъ у каждаго Еврея должно быть два, одинъ для лѣвой руки, другой для лба. Каждый представляетъ собою небольшой, кубической формы, кожанный футляръ, съ вытисненными, на лицевой сторонѣ, литерами: „Шада́й", Всемогущій. Каждый футляръ содержитъ въ себѣ по четыре выдержки изъ пятикнижія Моисеева, написанныхъ на крошечныхъ пергаментныхъ свертках: Исхода главы XIII, стихи отъ 1-го до 11-го; Исхода той же главы, стихи 11 — 16; Второзаконія VI главы, стихи 4 — 9 и Второзаконія же главы XI, стихи 13 — 21. Каждый изъ этихъ двухъ тефилиновъ снабженъ чернымъ сыромятнымъ ремешкомъ, и на время молитвы, прикрѣпляется одинъ ко лбу, а другой къ лѣвой рукѣ.

Мезу́за—тоже пергаментный свертокъ, съ выписками изъ Второзаконія стиховъ 4—9 главы VI и 13—20 главы XI. Мезуза прибивается наискось къ дверямъ косякамъ внутреннихъ жилыхъ покоевъ, по правую руку входа. Она вставляется обыкновенно въ оправу, и въ серединѣ оправы всегда видиѣется чрезъ отверзтіе, чрезъ которое какъ-бы выглядываетъ буква Ш или сокращеніе слова „Шадай", Всемогущій: вслѣдствіе этого, каждый входящій и выходящій Еврей или прямо губами прикладывается къ мезузѣ, или прикоснется къ ней пальцемъ, и палецъ этотъ облобызаетъ, а иные прикасаются двумя пальцами и ихъ со чмокомъ цѣлуютъ. Набожныя женщины, отходя ко сну, почти всегда усердно, даже слезно цѣлуютъ мезузу.

При этомъ невлишнее припомнить слѣдующія слова кн. Исходъ,

глава XIII, стихи 9 и 16 и Второзаконія, глава XI, стихъ 18: „И да будетъ это знакомъ на рукѣ твоей и вмѣсто повязки надъ глазами твоими, ибо рукою крѣпкою Господь вывелъ насъ изъ Египта"; Второзаконія глава XVII стихъ 8: „И навяжи ихъ въ знакъ на руку твою, и да будутъ они повязкою надъ глазами твоими". Второзаконія стихъ 9-й, а также и стихъ 20 главы XI: „И напиши ихъ на косякахъ дома твоего и на воротахъ твоихъ".

Заповѣди эти, какъ видится, строго Евреями донынѣ соблюдаются; а такъ какъ заповѣдями у Евреевъ называется все то, что въ Пятикнижіи поставлено въ повелительномъ наклоненіи, а такихъ оборотовъ рѣчи насчитывается 360, то одною изъ первѣйшихъ заповѣдей Евреи признаютъ повелѣніе: „Плодитеся и множитеся, и наполняйте землю, и обладайте ею". Но кромѣ заповѣдей или прямыхъ выраженій воли Божіей, есть еще запреты: такихъ запретовъ, вмѣстѣ съ повелѣніями, насчитано 613.

Молитвъ, или молитвенныхъ обращеній къ Богу, или какъ уже принято ихъ называть, „благословеній" на каждый спеціальный случай,—необыкновенное множество. Проснется ли Еврей и встанетъ съ своего ложа, онъ долженъ воздать благословеніе Богу. Но такъ какъ, проснувшись, онъ еще нечистъ, душа, отлетавшая отъ него при засыпаніи, только при просонкахъ возвратилась, а между тѣмъ на каждомъ пальцѣ руки, по существующимъ вѣрованіямъ, сидятъ еще чертики и разная нечистая сила, и такъ какъ не очистившись же, то-есть, не то что не вымывши, а не сполоснувши рукъ, имени Божія нельзя произнести ни въ какой его формѣ—то Еврей вмѣсто обычнаго „благословенія", всегда начинающагося извѣстными словами, никогда не измѣняемыми, произноситъ только: „Благодарю Тебя, царя вѣчноживущаго, что Ты возвратилъ мнѣ душу: истинность Твоя—безконечно-вѣчная милость".

Когда послѣ того Еврей очистится, сполоснетъ водой съ концовъ пальцевъ чертиковъ, тогда только онъ возсылаетъ установленное „благословеніе": „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который заповѣдалъ намъ омовеніе". Надѣнетъ ли Еврей свою арба-канфотъ, разбираетъ ли онъ въ талисѣ нити видѣнія, надѣваетъ ли потомъ талисъ этотъ на себя, собирается ли надѣть тефилѣнъ, возлагаетъ ли его на себя, навертываетъ ли ремень на

пальцы, снимаетъ ли его съ себя, омываетъ ли руки, исправляетъ ли нужды, обыкновенно называемыя естественными, увидитъ ли радугу, увидитъ ли море, услышитъ ли грозу, выслушаетъ ли добрыя вѣсти, получитъ ли непріятное письмо, встрѣтитъ ли ученаго мужа, надѣнетъ ли новое платье, ѣстъ ли мясо, пьетъ ли вино, ѣстъ ли пирожное, ложится ли спать и проч., и проч., и проч., каждый разъ онъ обязанъ произнести спеціальное на данный случай благословеніе.

Я уже предупредилъ, что у меня встрѣтятся мѣста и нескромныя, и циническія; но въ дѣлѣ этнографическаго этюда, каковъ настоящій мой трудъ, даже самая грязь освѣщаетъ пока еще темныя для насъ стороны еврейской жизни. Цинизмъ, доходящій до послѣднихъ предѣловъ, будетъ дальше, въ текстѣ „установленій о миквѣ“; теперь прошу позволенія сказать два слова о „нуждахъ“. Исправленіе естественныхъ нуждъ—вещь чрезвычайно многозначащая у Евреевъ, вообще не умѣющихъ сдерживаться въ этомъ отношеніи. Для многихъ, думаю, будетъ ново, если я прибавлю, что Еврей, по вѣрованіямъ своимъ, даже обязанъ не сдерживаться; во время молитвы, даже не дочитавши ее до конца или до конца стиха, или даже до точки, Еврей преспокойно выходитъ на „школьный дворъ“, то есть, на дворъ, прилегающій къ синагогѣ, бет-гамедрашу, клаузу и тому подобному „дому ученія“, и справивъ свое дѣло, возвращается на мѣсто, для продолженія начатаго пѣснопѣнія, конечно, сполоснувъ руки: вотъ объясненіе того удушающаго зловонія, которое обыкновенно, вмѣстѣ съ отвратительными лужами, бываетъ существенною, непремѣнною принадлежностью ближайшаго къ молитвенному дому пространства. Но даже и въ этихъ отправленіяхъ Еврей, при каждомъ движеніи, чуть-чуть не при каждомъ оборотѣ, связанъ извѣстными строго-обязательными правилами, „благословеніями“.

Между различными „благословеціями“, особеннымъ формализмомъ выдаются благословенія за трапезой, то есть, за обѣдомъ и ужиномъ или и за завтракомъ, если только это не легкая закуска, а какая-нибудь сытная пища. Надъ хлѣбомъ Еврей обязанъ произносить: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который производишь пищу изъ земли“. Надъ зеленью это видоизмѣняется

такъ: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который творишь разные роды травъ". Надъ грушей надо говорить уже иначе „...который сотворилъ плодъ древа". Надъ картофелемъ или бураками опять иная формула: „...который сотворилъ плодъ земли".

При обѣдахъ и ужинахъ особенно замѣчателенъ законъ объ обобщеніяхъ. Въ одномъ изъ трактатовъ Мишны, именно въ Берахотъ, посвященномъ благословеніямъ, прямо говорится слѣдующее: „Трое, поѣвшихъ вмѣстѣ, должны обобщиться". Это значитъ, что если трое Евреевъ сѣли за столъ, то они предварительно должны сговориться совершить одну общую для всѣхъ ихъ застольную молитву. Это сговариваніе на обобщеніе дѣлается такъ, что одинъ изъ застольниковъ, обыкновенно—старѣйшій по лѣтамъ или по общественному положенію, приглашаетъ остальныхъ участниковъ поблагодарить Бога за пищу. Если ѣдятъ только трое, то уставщикъ этотъ возглашаетъ: „поблагословимъ"; а если ихъ четверо, то онъ ужь не можетъ сказать: „поблагословимъ", а непремѣнно обязанъ провозгласить: „поблагословите". Если обѣдаютъ десятеро, то уставщикъ обязанъ сказать иначе, именно: „поблагословимъ нашего Бога", а если застольниковъ десятеро, а самъ уставщикъ уже одиннадцатый, то произносить слова въ прежней формѣ уже нельзя; надо сказать: „поблагословите нашего Бога". Если за столомъ сто человѣкъ, уставщикъ долженъ проговорить: „поблагословимъ Господа Бога нашего", а если хоть однимъ человѣкомъ больше, то: „поблагословите Господа Бога нашего"; если собралось народу на трапезу ровно тысяча человѣкъ, тогда надо сказать: „поблагословимъ Господа Бога нашего, Бога Израилева", а если десять тысячъ то: „поблагословимъ Господа Бога нашего, Бога Израилева, Бога воинствъ, возсѣдающаго между херувимами, за пищу, которую мы вкусили". Остальные участники въ трапезѣ повторяютъ эти благословенія вслухъ и произносятъ: „Благословенъ Ты, Іегова...", а затѣмъ прибавляютъ: „Который далъ намъ пищу, и по благости Котораго мы живемъ", и ужь послѣ этого дѣйствительнаго обобщенія начинается самая застольная молитва.

Но женщины въ этотъ счетъ не то что не включаются, а онѣ

пальцы, снимаетъ ли его съ себя, омываетъ ли руки, исправляетъ ли нужды, обыкновенно называемыя естественными, увидитъ ли радугу, увидитъ ли море, услышитъ ли грозу, выслушаетъ ли добрыя вѣсти, получитъ ли непріятное письмо, встрѣтитъ ли ученаго мужа, надѣнетъ ли новое платье, ѣстъ ли мясо, пьетъ ли вино, ѣстъ ли пирожное, ложится ли спать и проч., и проч., и проч., каждый разъ онъ обязанъ произнести спеціальное на данный случай благословеніе.

Я уже предупредилъ, что у меня встрѣтятся мѣста и нескромныя, и циническія; но въ дѣлѣ этнографическаго этюда, каковъ настоящій мой трудъ, даже самая грязь освѣщаетъ пока еще темныя для насъ стороны еврейской жизни. Цинизмъ, доходящій до послѣднихъ предѣловъ, будетъ дальше, въ текстѣ „установленій о миквѣ“; теперь прошу позволенія сказать два слова о „нуждахъ“. Исправленіе естественныхъ нуждъ—вещь чрезвычайно многозначащая у Евреевъ, вообще не умѣющихъ сдерживаться въ этомъ отношеніи. Для многихъ, думаю, будетъ ново, если я прибавлю, что Евреи, по вѣрованіямъ своимъ, даже обязаны не сдерживаться; во время молитвы, даже не дочитавши ее до конца или до конца стиха, или даже до точки, Еврей преспокойно выходитъ на „школьный дворъ“, то есть, на дворъ, прилегающій къ синагогѣ, бет-гамедрашу, клаузу и тому подобному „дому ученія“, и справивъ свое дѣло, возвращается на мѣсто, для продолженія начатаго пѣснопѣнія, конечно, сполоснувъ руки: вотъ объясненіе того удушающаго зловонія, которое обыкновенно, вмѣстѣ съ отвратительными лужами, бываетъ существенною, непремѣнною принадлежностью ближайшаго къ молитвенному дому пространства. Но даже и въ этихъ отправленіяхъ Еврей, при каждомъ движеніи, чуть-чуть не при каждомъ оборотѣ, связанъ извѣстными строго-обязательными правилами, „благословеніями“.

Между различными „благословеніями“, особеннымъ формализмомъ выдаются благословенія за трапезой, то есть, за обѣдомъ и ужиномъ или и за завтракомъ, если только это не легкая закуска, а какая-нибудь сытная пища. Надъ хлѣбомъ Еврей обязанъ произносить: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, царь вселенной, который производишь пищу изъ земли“. Надъ зеленью это видоизмѣняется

особенно неуклюжая здѣшняя, одна изъ самыхъ безтолковѣйшихъ въ мірѣ печей, дровъ требуетъ, а дрова—цѣнный расходъ. И вотъ всю недѣлю, цѣлые шесть дней, Еврей трудится въ проголодь для того, чтобы законно встрѣтить и отпраздновать шабасъ. Кромѣ пищи и вина, для шабаса необходимъ свѣтъ огня: для дешевизны, покупаются свѣчи тоненькія, тощенькія, крошечныя, называемыя „шабашу́вками". Тушить ихъ нельзя: въ шабасъ онѣ должны сами собою потухать, сгорѣвъ до основанія, и понятное дѣло, смрадъ и чадъ отъ этого въ еврейскихъ крошечныхъ комнаткахъ, гдѣ еще бываютъ скучены члены всѣхъ семействъ, нанимающихъ комнатки эти сообща, царствуетъ нестерпимый. Кромѣ того, Еврей въ шабасъ обязанъ „радоватися и веселитися"; отъ этого онъ обязательно отправляется „на-спа́циръ"—лѣтомъ in's Grüne, зимой на у́лицу, расфранченный—и онъ, и жена, и дѣти, на сколько хватаетъ силъ и умѣнья; но упаси Боже, если набо́зьный человѣкъ встрѣтитъ дочь свою въ шабасъ въ перчаткахъ или съ зонтичкомъ въ рукѣ: вѣрующій родитель ни за что̀ не дастъ такойдочери спуску. Въ шабасъ носить нельзя ничего, ни даже платка носоваго; мужчины повязываютъ его поверхъ сюртука, на животъ (вѣдь это они не въ карманѣ носятъ), а женщины—или тоже на животъ, или чаще всего, на шею. Въ Вильнѣ, впрочемъ, исключенія очень часты. Но вѣдь за то это Вильна. Гродна же хоть и губернскій городъ, а тамъ за нарушеніе святыни шабаса виновному не дадутъ проходу; я былъ неоднократно очевидцемъ того, какъ и порядочныя съ виду Еврейки всенародно ругались изъ-за этого; я зналъ примѣры, что тесть съ тещей били и волочили по полу молоденькихъ женъ своихъ сыновей за то, что тѣ или парика (цѣльнаго на всю голову, или только накладки на темя, съ проборомъ) носить не хотѣли, или осмѣливались надѣвать перчатки, брать зонтикъ въ руки или что-нибудь писать въ шабасъ. Про здѣшніе уѣздные городишки или про захолустныя мѣстечки, про то, какъ тамъ Евреи заскорузли въ разной мертвечинѣ, особенно хассиды, и говорить нечего.

Евреи, какъ и у насъ въ церкви принято, начинаютъ счетъ дня съ того вечера, который этому дню предшествуетъ: поэтому и шабасъ, день субботній, начинается съ сумерками пятницы.

Вечерняя трапеза этого начала шабаса непремѣнно сопровождается, даже у послѣдняго бѣдняка, бокаломъ или чаркой вина и двумя цѣльными ковригами бѣлаго хлѣба, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ „халлы“, хотя собственно халла вообще означаетъ начатокъ, первый комъ всякаго тѣста, изъ котораго хлѣбъ печется: этотъ кусокъ (принадлежавшій, до разрушенія Храма, когену, на основаніи стиха 20, главы XV книги Чиселъ), за прекращеніемъ, по неимѣнію Храма, жервоприношеній, нынѣ предается всесожженію въ хозяйской печи. При этой вечерней трапезѣ совершаются два „благословенія“: одно относится къ празднуемому дню, а другое — къ вину или хлѣбу. Но вотъ образецъ того, до какой мелочной щепетильности доходила требовательность еврейскихъ авторитетовъ по отношенію къ обрядности; по словамъ самой Мишны, были вотъ какіе спорные вопросы между школами Шаммая и Гиллеля.

Школа Шаммая говоритъ: благословляютъ день, а потомъ вино; школа Гиллеля, со всею основательностію, утверждаетъ, что благословляютъ сперва вино, а потомъ уже день.

Школа Шамая говоритъ: умываютъ руки, а потомъ наливаютъ бокалъ; школа Гиллеля утверждаетъ: наливаютъ бокалъ, а потомъ умываютъ руки.

Школа Шаммая говоритъ: утерши руки полотенцемъ, кладутъ его на столъ; школа Гиллеля утверждаетъ, что, умывши руки, полотенце надо положить на подушку.

Школа Шаммая говоритъ: подметаютъ комнату, а потомъ умываютъ руки; школа Гиллеля утверждаетъ: сперва умываютъ руки, а потомъ ужь подметаютъ комнату.

Теперь партій, соперничествующихъ на этотъ счетъ, уже нѣтъ; жизнь выработала свое рѣшеніе, сообразно указаніямъ Гиллеля, а о подметаніи комнаты и о полотенцѣ прекратились всѣ толки.

Еврейскія омовенія правильнѣе было бы назвать, въ большинствѣ случаевъ, споласкиваніями, потому что обыкновенный Еврей изъ толпы не столько моетъ, сколько обливаетъ водой кисти рукъ или части этой кисти, и потомъ, обтираетъ ее полой своего грязнаго, вонючаго, засаленнаго и пзлохмоченнаго лапсардака и тѣмъ, конечно, не смываетъ, а только больше еще растираетъ и распространяетъ

особенно неуклюжая здѣшняя, одна изъ самыхъ безтолковѣйшихъ въ мірѣ печей, дровъ требуетъ, а дрова—цѣнный расходъ. И вотъ всю недѣлю, цѣлые шесть дней, Еврей трудится въ проголодь для того, чтобы законно встрѣтить и отпраздновать шабасъ. Кромѣ пищи и вина, для шабаса необходимъ свѣтъ огня: для дешевизны, покупаются свѣчи тоненькія, тощенькія, крошечныя, называемыя „шабашу́вками". Тушить ихъ нельзя: въ шабасъ онѣ должны сами собою потухать, сгорѣвъ до основанія, и понятное дѣло, смрадъ и чадъ отъ этого въ еврейскихъ крошечныхъ комнаткахъ, гдѣ еще бываютъ скучены члены всѣхъ семействъ, нанимающихъ комнатки эти сообща, царствуетъ нестерпимый. Кромѣ того, Еврей въ шабасъ обязанъ „радоватися и веселитися"; отъ этого онъ обязательно отправляется „на-спа́циръ"—лѣтомъ in's Grüne, зимой на у́лицу, расфранченный—и онъ, и жена, и дѣти, на сколько хватаетъ силъ и умѣнья; но упаси Боже, если набо́зьный человѣкъ встрѣтитъ дочь свою въ шабасъ въ перчаткахъ или съ зонтичкомъ въ рукѣ: вѣрующій родитель ни за что̀ не дастъ такойдочери спуску. Въ шабасъ носить нельзя ничего, ни даже платка носоваго; мужчины повязываютъ его поверхъ сюртука, на животъ (вѣдь это они не въ карманѣ носятъ), а женщины—или тоже на животъ, или чаще всего, на шею. Въ Вильнѣ, впрочемъ, исключенія очень часты. Но вѣдь за то это Вильна. Гродна же хоть и губернскій городъ, а тамъ за нарушеніе святыни шабаса виновному не дадутъ проходу; я былъ неоднократно очевидцемъ того, какъ и порядочныя съ виду Еврейки всенародно ругались изъ-за этого; я зналъ примѣры, что тесть съ тещей били и волочили по полу молоденькихъ женъ своихъ сыновей за то, что тѣ или парика (цѣльнаго на всю голову, или только накладки на темя, съ проборомъ) носить не хотѣли, или осмѣливались надѣвать перчатки, брать зонтикъ въ руки или что-нибудь писать въ шабасъ. Про здѣшніе уѣздные городишки или про захолустныя мѣстечки, про то, какъ тамъ Евреи заскорузли въ разной мертвечинѣ, особенно хассиды, и говорить нечего.

Евреи, какъ и у насъ въ церкви принято, начинаютъ счетъ дня съ того вечера, который этому дню предшествуетъ: поэтому и шабасъ, день субботній, начинается съ сумерками пятницы.

Вечерняя трапеза этого начала шабаса непремѣнно сопровождается, даже у послѣдняго бѣдняка, бокаломъ или чаркой вина и двумя цѣльными ковригами бѣлаго хлѣба, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ „халлы“, хотя собственно халла вообще означаетъ начатокъ, первый комъ всякаго тѣста, изъ котораго хлѣбъ печется: этотъ кусокъ (принадлежавшій, до разрушенія Храма, когену, на основаніи стиха 20, главы XV книги Чиселъ), за прекращеніемъ, по неимѣнію Храма, жервоприношеній, нынѣ предается всесожженію въ хозяйской печи. При этой вечерней трапезѣ совершаются два „благословенія“: одно относится къ празднуемому дню, а другое — къ вину или хлѣбу. Но вотъ образецъ того, до какой мелочной щепетильности доходила требовательность еврейскихъ авторитетовъ по отношенію къ обрядности; по словамъ самой Мишны, были вотъ какіе спорные вопросы между школами Шаммая и Гиллеля.

Школа Шаммая говоритъ: благословляютъ день, а потомъ вино; школа Гиллеля, со всею основательностію, утверждаетъ, что благословляютъ сперва вино, а потомъ уже день.

Школа Шамая говоритъ: умываютъ руки, а потомъ наливаютъ бокалъ; школа Гиллеля утверждаетъ: наливаютъ бокалъ, а потомъ умываютъ руки.

Школа Шаммая говоритъ: утершн руки полотенцемъ, кладутъ его на столъ; школа Гиллеля утверждаетъ, что, умывши руки, полотенце надо положить на подушку.

Школа Шаммая говоритъ: подметаютъ комнату, а потомъ умываютъ руки; школа Гиллеля утверждаетъ: сперва умываютъ руки, а потомъ ужь подметаютъ комнату.

Теперь партій, соперничествующихъ на этотъ счетъ, уже нѣтъ; жизнь выработала свое рѣшеніе, сообразно указаніямъ Гиллеля, а о подметаніи комнаты и о полотенцѣ прекратились всѣ толки.

Еврейскія омовенія правильнѣе было бы назвать, въ большинствѣ случаевъ, споласкиваніями, потому что обыкновенный Еврей изъ толпы не столько моетъ, сколько обливаетъ водой кисти рукъ или части этой кисти, и потомъ, обтираетъ ее полой своего грязнаго, вонючаго, засаленнаго и изхомоченнаго лапсардака и тѣмъ, конечно, не смываетъ, а только больше еще растираетъ и распространяетъ

зовутъ, напримѣръ, Гурьевъ, Сакмарскъ, Илецкъ и др.) число миквъ очень ограничено, я думаю, вслѣдствіе еврейской жадности и общественнаго корыстолюбія, а число женщинъ, моральное существованіе которыхъ отъ нихъ зависитъ, доходитъ до весьма почтенныхъ размѣровъ, то можно себѣ представить, въ какой степени эти миквы могутъ называться „чистымъ источникомъ".

Такъ какъ самый актъ супружескаго совокупленія у Евреевъ считается за актъ религіозный, за богоугодное дѣло, то и предшествующій ему актъ „правильнаго" погруженія въ микву есть тоже совершеніе богоугоднаго дѣла. Безъ исполненія его, женщина нечиста, осквернена, недоступна, отторжена отъ супружескихъ ласкъ, она—отверженница: и богобоязненная жажда духовнаго очищенія до такой степени воспламеняетъ хлопочущихъ о чадородіи еврейскихъ женщинъ [1]), что при отсутствіи миквы въ мѣстахъ случайнаго и одиночнаго поселенія еврейской семьи, когда съѣздить въ городъ или въ мѣстечко нарочно для подготовки къ брачному дѣлу или далеко, или по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ—не возможно, иныя женщины, зимой, бросаются въ прорубь, и въ этой естественной миквѣ, въ этой живой водѣ, совершаютъ духовное очищеніе себя отъ всякія скверны. Вѣчно трудящіяся, вѣчно хлопочущія, вѣчно изъ силъ выбивающіяся, Еврейки прилагаютъ стараніе, чтобъ на шабасъ быть совершенно чистыми и доступными мужу. Не лишнее присовокупить къ этому, что при супружескихъ совокупленіяхъ въ ночь на субботу, Евреямъ вмѣняется въ набожную обязанность—сколько возможно отдалять отъ себя страстные, плотскіе порывы.

Миквенные обряды и уставы объ очищеніи, независимо отъ того, что они имѣютъ чисто-санитарныя цѣли для народа, который цѣлые вѣка живетъ въ поразительной нищетѣ и грязи, вліяютъ на семейный бытъ Евреевъ еще и моральнымъ путемъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ году, а въ общемъ счетѣ половину всей своей супружеской жизни, мужъ и жена, не смотря на пылкость еврейской крови, должны сдерживать всякую животненность страсти. Въ теченіе половины всей своей супружеской жизни еврейская женщина должна

---

[1]) Безплодіе жены служитъ у Евреевъ поводомъ къ расторженію брачнаго союза.

ше ординарной платы, глядя по достатку подвергающейся погруженію особы.

Погруженіе въ микву строго-обязательно только для невѣстъ, готовящихся къ совершенію брака, и для замужнихъ женщинъ— послѣ родовъ и послѣ каждой менструаціи, когда женщина, по закону Моисееву, считается нечистою, оскверненною. Для женщинъ остальныхъ разрядовъ и для мужчинъ миква не обязательна, хотя люди набожные стараются къ ней прибѣгать всегда, когда сочтутъ себя нечистыми или оскверненными (въ случаяхъ, напримѣръ, указанныхъ въ главѣ XV книги Левитъ), и когда со всею искренностію вѣруютъ, что погруженіемъ въ микву они совершаютъ надъ собою, такъ сказать, полное, совершенное духовное очищеніе. Этимъ именно характеромъ миква и отличается отъ обыкновенной бани: въ банѣ хоть сто разъ перебывай — все это ровнешенько ничего не значитъ сравнительно съ однократнымъ, но совершеннымъ по всѣмъ правиламъ еврейскаго закона погруженіемъ въ миквѣ. Что это за правила, что это за таинственность—все это разоблачится далѣе, изъ текста и изъ объяснительныхъ статей къ „Установленіямъ о миквѣ".

Нормальный minimum объема воды въ миквѣ долженъ быть въ 44,118½ „пальцевъ", что, по исчисленію самихъ Евреевъ, составитъ ровно три кубическіе аршина [1]), и то при условіи, чтобы глубина миквы была такова, чтобъ погрузившейся въ нее женщинѣ вода была на одинъ палецъ выше пупа: такой minimum указанъ закономъ. Конечно, чѣмъ резервуаръ обширнѣе, и чѣмъ воды больше, тѣмъ лучше, но ужь изъ опредѣленія нормы minimum'а легко догадаться, что, вѣроятно, и въ дѣйствительности, и въ практической жизни эти водные резервуары не могутъ быть бассейнами кристальной воды. Оно такъ и есть: миква—это какая-то конура, комната— не комната, колодезь — не колодезь, а юдоль какая-то мглистая. А такъ какъ въ переполненныхъ Евреями городахъ, городкахъ, городишкахъ и „мѣстечкахъ" (отъ польскаго miasto — городъ; miasteczko Западной Россіи соотвѣтствуетъ нашему „городку", какъ

[1]) По этому разсчету окажется, что нашъ дюймъ = 1,49 еврейскимъ „пальцамъ", а еврейскій „палецъ" = 0,67 дюйма, или проще, полтора и двѣ трети.

зовутъ, напримѣръ, Гурьевъ, Сакмарскъ, Илецкъ и др.) число миквъ очень ограничено, я думаю, вслѣдствіе еврейской жадности и общественнаго корыстолюбія, а число женщинъ, моральное существованіе которыхъ отъ нихъ зависитъ, доходитъ до весьма почтенныхъ размѣровъ, то можно себѣ представить, въ какой степени эти миквы могутъ называться „чистымъ источникомъ".

Такъ какъ самый актъ супружескаго совокупленія у Евреевъ считается за актъ религіозный, за богоугодное дѣло, то и предшествующій ему актъ „правильнаго" погруженія въ микву есть тоже совершеніе богоугоднаго дѣла. Безъ исполненія его, женщина нечиста, осквернена, недоступна, отторжена отъ супружескихъ ласкъ, она—отверженница: и богобоязненная жажда духовнаго очищенія до такой степени воспламеняетъ хлопочущихъ о чадородіи еврейскихъ женщинъ [1]), что при отсутствіи миквы въ мѣстахъ случайнаго и одиночнаго поселенія еврейской семьи, когда съѣздить въ городъ или въ мѣстечко нарочно для подготовки къ брачному дѣлу или далеко, или по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ—не возможно, иныя женщины, зимой, бросаются въ прорубь, и въ этой естественной миквѣ, въ этой живой водѣ, совершаютъ духовное очищеніе себя отъ всякія скверны. Вѣчно трудящіяся, вѣчно хлопочущія, вѣчно изъ силъ выбивающіяся, Еврейки прилагаютъ стараніе, чтобъ на шабасъ быть совершенно чистыми и доступными мужу. Не лишнее присовокупить къ этому, что при супружескихъ совокупленіяхъ въ ночь на субботу, Евреямъ вмѣняется въ набожную обязанность—сколько возможно отдалять отъ себя страстные, плотскіе порывы.

Миквенные обряды и уставы объ очищеніи, независимо отъ того, что они имѣютъ чисто-санитарныя цѣли для народа, который цѣлые вѣка живетъ въ поразительной нищетѣ и грязи, вліяютъ на семейный бытъ Евреевъ еще и моральнымъ путемъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ въ году, а въ общемъ счетѣ половину всей своей супружеской жизни, мужъ и жена, не смотря на пылкость еврейской крови, должны сдерживать всякую животненность страсти. Въ теченіе половины всей своей супружеской жизни еврейская женщина должна

---

[1]) Безплодіе жены служитъ у Евреевъ поводомъ къ расторженію брачнаго союза.

еврейской литературѣ. При невозможности, для небогатаго человѣка, обладать такимъ сокровищемъ, какъ Талмудъ, и при поголовной грамотности Евреевъ, настольною книгою почти каждаго изъ нихъ должно быть непремѣнно какое-нибудь извлеченіе изъ него. Самымъ распространеннымъ, въ этомъ отношеніи, сборникомъ надо признать особенно одну книгу, озаглавленную „Шульханъ-

---

Географія	1	10	2,000
Смѣсь	5	5	50,100
Итого	36	340	288,760
	27½%	25%	39¾%
2. На одномъ *раввинскомъ* языкѣ:			
Произведенія словесности	1	3½	400
Философскія сочиненія	1	12½	2,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	23	318	48,700
Смѣсь	2	2	4,000
Итого	27	336	55,100
	20⅗%	25%	9½%
3. На одномъ *жидовскомъ* языкѣ:			
Произведенія словесности	17	35	93,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	17	139	70,000
Смѣсь	4	2	13,500
Итого	38	176	176,000
	29%	12½%	30½%
4. На языкахъ: *еврейскомъ* и *русскомъ*:			
Богословско-догматическія	1	16¾	7,500
Смѣсь	1	¼	1,000
Итого	2	17	8,500
	1⅗%	1¼%	1½%
5. На *еврейскомъ*, *русскомъ*, *французскомъ* и *нѣмецкомъ*:			
Азбука	1	1	5,000
	⅘%	1/100%	⅘%
6. На *еврейскомъ* и *жидовскомъ*:			
Религіознаго содержанія книги	12	182	65,000
	9%	13½%	11%

ныхъ собраній законодательства, дотолѣ развивавшагося лишь путемъ устной передачи, а въ III вѣкѣ, и именно въ 237 году нашей эры, рабби Іуда, прозванный Святымъ, первый привелъ въ систему весь накопившійся до его времени религіозно-юридическій матеріалъ въ такъ называемой Мишнѣ, написанной на мертвомъ уже и для того времени еврейскомъ языкѣ.

Мишна состоитъ изъ шести отдѣловъ, называемыхъ по-еврейски „порядки"; въ каждомъ такомъ „порядкѣ" отъ 7 до 12-ти отдѣльныхъ трактатовъ, а всего ихъ 63, и между ними, особый трактатъ — Нйдда—о половой нечистотѣ женщинъ и объ очищеніи, и особый же трактатъ—Миквàотъ—о миквенныхъ погруженіяхъ.

Мишна составляетъ какъ бы ядро всего еврейскаго вѣроученія. Въ III вѣкѣ въ Палестинѣ, а въ V в. въ Вавилоніи были соединены въ одно цѣлое всѣ сборники, объяснявшіе и комментировавшіе Мишну: эти сборники называются Гемарою. Отдѣльныхъ изданій Гемары нѣтъ: она всегда издается вмѣстѣ съ Мишною, подъ общимъ названіемъ Тàлмуда, который и представляетъ собою нынѣ громадный фоліантъ въ 2,947 листовъ. Талмудъ бываетъ или Палестинскій, или Вавилонскій, смотря по той мѣстности, гдѣ была собрана Гемара [1]).

Послѣ Библіи, Мишна занимаетъ первое мѣсто въ духовной

---

[1]) Недавно вышли въ свѣтъ нѣкоторые трактаты Талмуда новымъ изданіемъ— Богъ вѣсть ужъ которымъ, такъ какъ счетъ имъ давно потерянъ; позволяю себѣ по этому случаю передать здѣсь нѣсколько любопытныхъ данныхъ о еврейской прессѣ въ Вильнѣ за 1871 годъ.

	Число:		
	Всѣхъ изданій.	Печатныхъ листовъ.	Отпечатанныхъ экземпляровъ.
1. На одномъ *еврейскомъ* языкѣ:			
Азбука	1	½	5,000
Грамматика	1	20	2,000
Произведенія словесности	5	42½	9,060
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	22	254	158,500
Историческія сочиненія	2	8	2,100

еврейской литературѣ. При невозможности, для небогатаго человѣка, обладать такимъ сокровищемъ, какъ Талмудъ, и при поголовной грамотности Евреевъ, настольною книгою почти каждаго изъ нихъ должно быть непремѣнно какое-нибудь извлеченіе изъ него. Самымъ распространеннымъ, въ этомъ отношеніи, сборникомъ надо признать особенно одну книгу, озаглавленную „Шульханъ-

---

Географія	1	10	2,000
Смѣсь	5	5	50,100
Итого	36	340	288,760
	27½%	25%	39¾%
2. На одномъ *раввинскомъ* языкѣ:			
Произведенія словесности	1	3½	400
Философскія сочиненія	1	12½	2,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	23	318	48,700
Смѣсь	2	2	4,000
Итого	27	336	55,100
	20⅘%	25%	9½%
3. На одномъ *жидовскомъ* языкѣ:			
Произведенія словесности	17	35	93,000
Богословско-догматическія и вообще религіознаго содержанія книги	17	139	70,000
Смѣсь	4	2	13,500
Итого	38	176	176,000
	29%	12½%	30½%
4. На языкахъ: *еврейскомъ* и *русскомъ*:			
Богословско-догматическія	1	16¾	7,500
Смѣсь	1	¼	1,000
Итого	2	17	8,500
	1⅘%	1¼%	1½%
5. На *еврейскомъ*, *русскомъ*, *французскомъ* и *нѣмецкомъ*:			
Азбука	1	1	5,000
	⅘%	1/100%	⅘%
6. На *еврейскомъ* и *жидовскомъ*:			
Религіознаго содержанія книги	12	182	65,000
	9%	18½%	11%

къ постановленіямъ о „трефѣ“ и о „кошерѣ“; во второй части наложены законы о соблюденіи менструаціи, объ осквернении, объ омовеніяхъ въ банѣ, объ очищеніи, о погруженіи въ миквѣ, объ обѣтахъ, о клятвахъ, о почитаніи родителей, наставниковъ и вообще ученыхъ людей, объ обученіи Торѣ (Пятикнижію), Мишнѣ

образомъ фанатизируются не талмудическими умствованіями, не хассидическими разглагольствованіями въ книгахъ да въ брошюрахъ, а устною болтовнею „магидовъ“, проповѣдниковъ.

Между тѣмъ какъ вообще свобода устнаго слова встрѣчаетъ у насъ болѣе или менѣе значительныя ограниченія, одинъ на Руси ораторъ—магидъ—конь разнузданный, бѣшено мечущійся и по привольной степи, и по пространнымъ пажитямъ съ тощими Фараоновыми колосьями; одинъ магидъ блаженствуетъ, наслаждаясь исключительностію положенія Еврейчика, прикрытаго эгидою ничтожества. Наши Евреи въ этомъ отношеніи въ самомъ дѣлѣ народъ безпримѣрный: публично произносить проповѣди, говорить рѣчи въ синагогахъ, бетгамедрашахъ, въ тайникѣ запрятанныхъ на заднемъ дворѣ маленькихъ частныхъ молелень или на кладбищахъ—у нихъ безвозбранно можетъ всякій, кому только вздумается; всякій считаетъ себя въ правѣ говорить, что только взбредетъ ему въ голову, и его охотно будутъ слушать, лишь бы рѣчь его сопровождалась почаще ссылками на еврейскихъ святыхъ мудрецовъ, подведеніемъ религіозныхъ текстовъ, и какъ можно побольше, разными воздыханіями. Вотъ гдѣ разгадка всякихъ „хѣйримовъ“ (родъ знакомства) и „кагальныхъ“ безобразій... А вотъ, для образца, проповѣдь по случаю рекрутскаго набора 1872 г., не говоренная въ дѣйствительности, но составленная по подобіе тѣхъ, которыя дѣйствительно были произносимы: „Дѣти Авраама, Исаака и Іакова, опять на насъ рухнуло горе!.... Вы, сыны народа Божія, опять надъ вами разразилась гроза!.... Благочестивѣйшіе мои братія Израиль, нашихъ дѣтей опять отъ насъ отнимаютъ!.... Какъ они тамъ содержать станутъ святую вѣру нашу? Вспомните Бога! Вспомните, что вы избранный народъ Его! держитесь Его святой воли! Будьте преданы святому Его закону!... Но воля земнаго владыки нашего, Государя Императора, должна быть священна!.... Наемщики запрещены, но за то продаются новаго рода рекрутскія квитанціи по 800 рублей за штуку!... Отдайте все, несите послѣдній грошъ, выкупайте сыновъ Израиля отъ грозящей бѣды!“

Вслѣдствіе этого еврейскимъ обществомъ было постановлено: шабатъ съ вечера 4-го на 5-е февраля всѣмъ праздновать одною селедкой, а все, что бы должно было быть израсходовано на достодолжное, въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, чествованіе седьмаго дня Господня, все принесть въ жертву общему дѣлу. Въ четвергъ, 3-го февраля, потекли отцы и матери, потекли по всѣмъ улицамъ на школьный (синагогальный) дворъ съ посильною лептой. И зажиточный портной Пташекъ, а въ обрусѣломъ видѣ Пташкинъ, внесъ, еженедѣльно

и Талмуду, и проч. Третій томъ называется „Хòшенъ - Хамѝшпатъ“, что̀ по-русски означаетъ „Щитъ Суда“; въ этомъ томѣ также двѣ части; обѣ трактуютъ и излагаютъ постановленія по вопросамъ чисто гражданскихъ отношеній. Четвертый томъ имѣетъ заглавіемъ „Е́венъ Газзеръ“, по рýсски: „Камень Спасенія“; здѣсь содержатся завѣты о распложеніи и размноженіи рода человѣческаго, о половыхъ супружескихъ сношеніяхъ, о бракѣ и брачномъ союзѣ, о свадьбахъ, о дозволенныхъ и не дозволенныхъ союзахъ и прочее, въ этомъ же родѣ, наконецъ—о разводѣ.

Понятное дѣло, что и въ Шульханъ-Арухѣ, какъ и въ Талмудѣ, есть очень много фанатизма и религіозной нетерпимости, но надо принять въ разсчетъ, что языкъ этого религіознаго кодекса не всякому Еврею доступенъ, что жизнь все-таки беретъ свое и многое смягчила, а многое не только сгладила, но и вовсе изгладила изъ понятій и убѣжденій Евреевъ, все-таки увлекаемыхъ общимъ потокомъ современнаго прогресса и рвущихся по пути реформъ и всяческихъ преобразованій. Молодое поколѣніе этого талантливаго племени дѣлаетъ такіе гигантскіе шаги на пути своего гражданскаго, умственнаго и нравственнаго развитія, что поклонники хассидизма цѣпенѣютъ отъ ужаса при мысли: „куда идетъ нынѣшнее еврейство?“

Шульханъ-Арухъ написанъ на языкѣ мертвомъ, непонятномъ и недоступномъ для полнаго усвоенія его простолюдьемъ и женщи-

---

на шабашъ расходуемые его семьей, тринадцать цѣлковыхъ, и чуть-чуть не совсѣмъ нищая вдова Роха доставила свои 13½ копѣекъ. Кажущуюся неровность этого счета она объяснила искренно тѣмъ, что, по бѣдности, она никогда не въ силахъ чествовать шабашъ иначе, какъ лишь двумя селедками, по три копѣйки, булкой (халлой) и картошкой на шесть копѣекъ, чаемъ, покупаемымъ ровно на копѣйку (здѣсь торговля спитымъ чаемъ идетъ въ тѣхъ же подвалахъ, гдѣ продается лукъ и деготь) и кипяткомъ изъ водогрѣйни на полкопѣйки. Ей возвращали ея лепту, какъ не подлежащую взносу и равноцѣнную съ одною хорошею селедкой, но Роха взять назадъ отказалась. Въ приношеніи на общую пользу приняли участіе и нѣкоторыя изъ тѣхъ семей (еврейскихъ семействъ въ Вильнѣ считается 12.000), которыя, по привиллегированному положенію, вовсе о рекрутствѣ и знать ничего не хотятъ. Если ввести кое-какія не офиціальныя данныя, то въ результатѣ получимъ, что чествованіе одного лишь шабаша обходится Евреямъ города Вильны почти въ полмилліона рублей въ годъ, и то только на одинъ столъ.

нами: стоитъ только сравнить приведенныя нами цифры о количествѣ книгъ, выходящихъ на раввинскомъ языкѣ; для милліонной толпы Евреевъ дѣлаются изъ Шульханъ-Аруха выборки, составляются, на жидовскомъ языкѣ, особые сборники по разнымъ частямъ обрядовыхъ знаній, такъ что невѣдѣніемъ ихъ положительно ужь никому нельзя извиняться.

Одинъ изъ такихъ сборниковъ, взятый изъ помѣщеннаго въ „Іоре-деа“ трактата, называемаго „Гильхотъ Нйдда“, то есть, законы о женскомъ осквернении, собранные изъ разныхъ кодификаторовъ старыхъ и новыхъ, переведены съ раввинскаго языка на жидовскій, обработаны подъ своеобразною системой раввиномъ (конечно, ужь не такъ называемымъ „казеннымъ“) изъ мѣстечка Иліи, Вилейскаго уѣзда Виленской губерніи, Моисеемъ Таутельбаумомъ, и сведены въ одну брошюру подъ заглавіемъ „Маайанъ-тагоръ“, по-русски: „Источникъ Чистый“; брошюра эта трактуетъ только объ однихъ женскихъ миквенныхъ погруженіяхъ и совершенно обходитъ установленія, впрочемъ, какъ я уже сказалъ, необязательныя для мужчинъ.

Переводъ этой-то брошюры, для того, чтобъ сохранить весь еврейскій букетъ и чтобъ дать понятіе о еврейской манерѣ трактовать религіозные предметы, сдѣланъ гг. Волемъ и Штейнбергомъ почти дословно, не смотря на весь цинизмъ нѣкоторыхъ страницъ; смыслъ переданъ, конечно, съ строгою точностью.

УСТАНОВЛЕНІЯ О МИКВѢ.

(Переводъ съ жидовскаго).

ГЛАВА I.

§ 1. Такъ какъ почти у каждой женщины свое время приходитъ въ опредѣленные сроки, черезъ каждые 20—30, больше или меньше, дней, то мужъ, пока срокъ еще не насталъ, можетъ у нея быть, и она не нуждается въ предварительномъ себя осмотрѣ; но она обязана сама себя осмотрѣть предъ самымъ актомъ, если онъ случится около того времени, но такъ, чтобъ мужъ этого не видѣлъ; чѣмъ больше она себя осматриваетъ, тѣмъ больше получитъ награды.

Поясненіе. — Время, о которомъ здѣсь говорится, есть періодъ менструаціи. Самый актъ супружескихъ сношеній есть актъ религіозный, сопровождаемый, въ первую ночь, извѣстнаго рода молитвословіемъ и благословеніемъ, въ томъ случаѣ, если невѣста—дѣвица. Подготовленіе женщины къ этому акту—богоугодное дѣло. Малѣйшее цвѣтное пятно, открывшееся у женщины, есть уже признакъ ея осквернія. Награда, о которой тутъ упоминается, подразумѣвается небесная.

§ 2. Мужъ долженъ отдалиться отъ жены заблаговременно. Именно, если срокъ ея времени послѣдуетъ вечеромъ тридцатаго или инаго дня, то мужъ не долженъ у нея быть цѣлый тотъ день, отъ самаго его начала. Если она осмотрѣла себя, по закону, на канунѣ срочнаго дня и не замѣтила крови, то мужъ можетъ быть у нея въ слѣдующій день. Если время ея наступаетъ ночью, то всю ту ночь и весь предшествующій день она для мужа запретна. Но если кровей вовсе не было, она на весь слѣдующій день для него дозволена. Съ другой стороны, если ея времени слѣдуетъ наступить утромъ тридцатаго или инаго дня, то жена не можетъ совокупляться съ мужемъ цѣлый день, даже вече-

ромъ, хотя бы она, осмотрѣвъ себя, ничего на себѣ не нашла; но въ ночь, предшествовавшую срочному дню, она можетъ ложиться съ нимъ, потому что законъ одинаковъ— наступаетъ ли время въ началѣ, въ срединѣ или въ концѣ ночи; къ тому жь еще все равно—опредѣлился у нея этотъ періодъ три раза, или нѣтъ. Предъ наступленіемъ срочнаго времени мужъ не долженъ ни обнимать, ни цѣловать жену.

Поясненіе.—День, сутки, считается у Евреевъ съ появленіемъ вечерней звѣзды и оканчивается съ сумерками слѣдующихъ сутокъ. Срочный періодъ устанавливается, когда женщина, по троекратномъ наблюденіи себя, вполнѣ убѣдится, что время ея приходитъ на такіе-то сутки и въ такую-то пору. Она запретна, отвержена для мужа; это по еврейски выражается: „она есть нйдда“.

§ 3. Женщина, имѣющая свое время неопредѣлительно, то на такіе-то сутки, то на иные, такъ что оно у нея колеблется и рознится на двои или на трои сутки, во все это сомнительное время отвержена мужу.

§ 4. Если у женщины время обыкновенно наступаетъ до восхода солнца, то время это принадлежитъ еще къ ночи и поэтому во всю ту ночь она запретна. Если она въ сомнѣніи о срокѣ, до или послѣ восхода солнца упадаетъ моментъ начала кровей, то она запретна въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, то есть, въ предшествующую ночь и въ слѣдующій день; также если она обыкновенно получаетъ свое время въ промежутокъ между днемъ и ночью (въ продолженіе сумерекъ), то запрещена въ продолженіе цѣлыхъ предшествующихъ сутокъ.

§ 5. Женщина беременная, или кормящая ребенка грудью, не должна обращать вниманія на прежніе сроки ея времени, развѣ у нея появится кровь.

Поясненіе.—Не обращать вниманія значитъ не стѣсняться; слѣдовательно, въ такомъ положеніи женщина — не нидда, пока не оказалось крови.

§ 6. Выше (§ 2) было сказано, что женщинѣ сообщеніе съ мужемъ возбраняется, либо разрѣшается, „весь день“. Но да не дерзаютъ онѣ думать, будто въ самомъ дѣлѣ „можно“

УСТАНОВЛЕНІЯ О МИКВѢ.

(Переводъ съ жидовскаго).

ГЛАВА I.

§ 1. Такъ какъ почти у каждой женщины свое время приходитъ въ опредѣленные сроки, черезъ каждые 20—30, больше или меньше, дней, то мужъ, пока срокъ еще не насталъ, можетъ у нея быть, и она не нуждается въ предварительномъ себя осмотрѣ; но она обязана сама себя осмотрѣть предъ самымъ актомъ, если онъ случится около того времени, но такъ, чтобъ мужъ этого не видѣлъ; чѣмъ больше она себя осматриваетъ, тѣмъ больше получитъ награды.

Поясненіе. — Время, о которомъ здѣсь говорится, есть періодъ менструаціи. Самый актъ супружескихъ сношеній есть актъ религіозный, сопровождаемый, въ первую ночь, извѣстнаго рода молитвословіемъ и благословеніемъ, въ томъ случаѣ, если невѣста—дѣвица. Подготовленіе женщины къ этому акту—богоугодное дѣло. Малѣйшее цвѣтное пятно, открывшееся у женщины, есть уже признакъ ея осквернения. Награда, о которой тутъ упоминается, подразумѣвается небесная.

§ 2. Мужъ долженъ отдалиться отъ жены заблаговременно. Именно, если срокъ ея времени послѣдуетъ вечеромъ тридцатаго или инаго дня, то мужъ не долженъ у нея быть цѣлый тотъ день, отъ самаго его начала. Если она осмотрѣла себя, по закону, на канунѣ срочнаго дня и не замѣтила крови, то мужъ можетъ быть у нея въ слѣдующій день. Если время ея наступаетъ ночью, то всю ту ночь и весь предшествующій день она для мужа запретна. Но если кровей вовсе не было, она на весь слѣдующій день для него дозволена. Съ другой стороны, если ея времени слѣдуетъ наступить утромъ тридцатаго или инаго дня, то жена не можетъ совокупляться съ мужемъ цѣлый день, даже вече-

нымъ раввиномъ, не казеннымъ, не назначеннымъ правительствомъ (раввинъ, опредѣляемый администраціей, называется „общественнымъ“: его выбираютъ на общественныхъ выборахъ, но это фикція: общественный раввинъ только ведетъ, такъ сказать, нотаріальную часть, именно списки рожденій, смертей, браковъ и разводовъ; наружнымъ почетомъ онъ, конечно, пользуется). Этотъ „море-героэ“ есть вершитель всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ и казуистическихъ недоумѣній. Разсказываютъ, что въ Вильнѣ вовсе нѣтъ такого лица, которое бы, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, дѣйствительно называлось раввиномъ; въ Вильнѣ послѣдній человѣкъ, носившій это званіе, умеръ 160 лѣтъ тому назадъ: но этотъ послѣдній раввинъ былъ такой человѣкъ, что въ теченіе 160 лѣтъ Евреи не нашли еще никого, кого возможно было бы признать за достойнаго чести быть преемникомъ этого раввина. По этому въ Вильнѣ теперь четыре море-героэ. Эти море-героэ считаютъ себя такъ высоко поставленными, и дѣйствительно, держатъ себя съ такимъ достоинствомъ, что громадное уваженіе, которымъ они пользуются у своихъ единоплеменниковъ, вполнѣ заслуженно: они не дозволяютъ себѣ никакихъ вымогательствъ при совѣщаніяхъ, и какъ бѣдному люду, такъ и богатымъ капиталистамъ, преподаютъ результаты своей опытности совершенно безмездно, хотя ѳеократическій народъ, особенно женщины, безпрестанно осаждаютъ и тормошатъ ихъ. Казенные раввины—вездѣ люди передовые, люди безупречные; но именно потому, что они передовые, болѣе или менѣе европейски-развитые люди и прогрессисты, пока жизнь и окружающая среда ихъ не заѣла и не огадила,—они, понятное дѣло, представляются стадообразному еврейскому люду берлинерами; притомъ же они и по лѣтамъ не старцы, стало быть, вдвойнѣ не любы. Теперь, полагаю я, будетъ понятно, какимъ образомъ и по этой части у Евреевъ и государственный законъ о раввинахъ соблюденъ, и государственный законъ о раввинахъ обойденъ. Смотря на даваемыхъ администраціей, хотя предварительно и баллотируемыхъ на выборахъ казенныхъ раввиновъ какъ на берлинеровъ, нѣмчиковъ, Евреи вмѣстѣ съ тѣмъ смотрятъ на нихъ и какъ на правительственныхъ чиновниковъ. Кстати, нельзя не упомянуть, что раввинство все-таки не духовное сословіе, какъ каста: на это есть

когѣны и левиты; раввины, какъ и всѣ Евреи,—просто Евреи, безъ особенныхъ знаковъ отличій наружныхъ въ одеждѣ и въ сословныхъ правахъ; у Караимовъ, въ городѣ Трокахъ, ихъ „гахамъ“ и газзанъ“ отличаются хоть особою формою одежды и шапокъ, съ такъ называемою Давидовою звѣздой при богослуженіи; у Евреевъ и этого нѣтъ: у нихъ всѣ предполагаются равными, хотя раввины, и духовный, и казенный, пользуются передовыми, почетнѣйшими мѣстами. Здѣсь нѣтъ рѣчи о хассидахъ; у нихъ вовсе не то; ихъ „цадики“ — совсѣмъ особь статья: это, положительно, какіе-то царьки, даже больше—это божки, передъ которыми все преклоняется, все падаетъ ницъ, все мгновенно повинуется каждому ихъ звуку.

§ 2. Женщина, не имѣющая опредѣленнаго срока ея времени, должна осматривать себя до и послѣ акта и удостовѣриться: нѣтъ ли пятна на ней самой, или на томъ, чѣмъ мужъ обтерся. Хотя бы, въ теченіе ночи, было и нѣсколько сообщеній, все-таки достаточно одного осмотра съ начала ночи, а другого утромъ. Осмотру подлежатъ тряпки, которыми онъ и она, послѣ акта, обтираются.

§ 3. Вотъ общее правило: женщина, не имѣющая опредѣленнаго времени, должна поступать въ тридцатый день такъ, какъ иная женщина поступаетъ въ обычный и извѣстный для нея день того періода.

ГЛАВА III.

§ 1. Женщина, имѣющая опредѣленный срокъ своего времени, должна, предъ наступленіемъ его, подвергнуть себя тщательному осмотру, хотя бы и ничего еще даже не почувствовала. Если же она осмотрѣла себя, когда уже и срокъ прошелъ, и даже тогда ничего на себѣ не нашла,—она обязана обратиться о семъ къ мудрецу, потому что въ этихъ случаяхъ много бываетъ различныхъ казусовъ. Но безъ всякаго осмотра она безусловно запрещена мужу, хотя бы ничего даже и не чувствовала, а не то что̀ увидѣла бы.

§ 2. Такимъ же образомъ должна въ тридцатый день поступать всякая женщина, не имѣющая установившаго опредѣленнаго срока.

ГЛАВА IV.

§ 1. Если мужъ собирается въ дорогу *около* времени жениной менструаціи, онъ можетъ цѣловать и обнимать ее, хотя во всѣхъ другихъ случаяхъ это и не дозволено, какъ сказано выше (глава I, § 2). Ибо, предъ отправленіемъ въ дорогу, онъ, собственно, долженъ былъ бы „навѣстить“ ее, но такъ какъ это теперь ему не дозволяется, то онъ, по крайней мѣрѣ, исполняетъ свою обязанность посредствомъ поцѣлуевъ, обниманій или даже посредствомъ пріятныхъ словъ любви. Когда же мужнина отлучка совпадаетъ съ самымъ срокомъ менструаціи, то по закону, даже объятія и поцѣлуи воспрещены.

§ 2. Когда мужу предстоитъ дорога, а жена еще нечиста, но до времени погруженія ея въ микву ужь недалеко, напримѣръ, всего день, то лишь въ случаѣ крайней надобности онъ можетъ отправиться въ путь, и не исполнивъ заповѣди о супружескомъ долгѣ.

Поясненіе.—Когда особенной крайности къ немедленному отъѣзду путь не настоитъ, мужъ обязанъ выждать время, остающееся полнаго очищенія жены, и послѣ миквы „навѣстить“ ее, а гда ужь и ѣхать. За день до приступа менструаціи, во все время продолженія и въ теченіе семи „чистыхъ“ дней послѣ полнаго окончательнаго ея прекращенія, жена, въ отношеніи къ мужу, итается ниддою, оскверненною. Подробности будутъ дальше.

§ 3. Если женщина, въ продолженіе „своихъ чистыхъ“ дней, увидитъ на себѣ пятно, чѣмъ, конечно, она ужь осквернилась, и если снова начнетъ отсчитывать „чистые“ дни, а время погруженія въ микву подойдетъ близко къ сроку ея опредѣленнаго времени, то объ этомъ случаѣ она должна распросить мудреца, чтобъ рѣшить: можно ли ей идти въ микву, или нельзя. Въ этомъ вопросѣ много бываетъ разныхъ казусовъ.

§ 4. Предварительно приступа къ совершенію супружескаго долга, мужъ долженъ спросить жену: осмотрѣлась ли она по закону, или нѣтъ. Но этотъ вопросъ надлежитъ дѣлать лишь при дѣйствительномъ намѣреніи приступить къ это-

му долгу въ день послѣ окончательнаго очищенія, или послѣ тридцатаго дня,—у женщины, не имѣющей, какъ сказано выше (гл. III § 1), опредѣленнаго срока.

ГЛАВА V.

§ 1. Мужъ не долженъ вообще сообщаться съ нечистою женою, хотя бы, по его догадкамъ, и выходило, что она ужь успѣла сходить въ микву: развѣ сама она ясно ему скажетъ о совершившемся погруженіи.

§ 2. Когда мужъ знаетъ, что отъ начала періода осквернения не прошло еще столькихъ дней, чтобы жена успѣла уже побывать въ миквѣ, ему и не слѣдуетъ подаваться на женины увѣренія, будто бы она уже совершила миквенное погруженіе.

ГЛАВА VI.

§ 1. Когда жена, во время акта совершенія супружескаго дѣла, объявитъ мужу о своей нечистотѣ и скажетъ, что сейчасъ только почувствовала, какъ у ней будто хлынуло, мужъ обязанъ тотчасъ „перестать“, употребивъ все стараніе отдалиться отъ нея не съ живымъ членомъ. Если же онъ отдалится съ живымъ, то подвергнется карѣ небесной, отъ чего да сохранитъ насъ Господь Богъ.

Поясненіе.—Евреи зовутъ, въ данномъ случаѣ, нормальное состояніе мертвымъ, въ противоположность напряженному, или, по ихъ выраженію, живому. Освобожденіе въ напряженномъ состояніи, производя все-таки раздраженіе стѣнокъ, считается за дѣйствительный актъ, а актъ съ ниддою законопреступенъ.

§ 2. Что жь ему дѣлать? А онъ долженъ упереться ногами въ ложе, и именно такъ упереться руками и ногами, чтобъ отнюдь не касаться жены, быть рѣшительно безъ всякаго движенія, какъ камень, безчувственнымъ и оставаться въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока „то“ не омертвѣетъ, то есть, не потеряетъ своей твердости. Тогда только отдѣлиться, но со страхомъ, съ большимъ трепетомъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ о томъ, что съ нимъ приключилось; ибо это совершилось не по напрасну: еслибъ онъ былъ добрый чело-

вѣкъ, то Господь не допустилъ бы его до такого грѣха. Оба, и мужъ, и жена, должны тогда тщательно осмотрѣться, обсудить свои дѣла и поступки и предаться горькому раскаянію предъ Господомъ Богомъ—да будетъ Онъ благословенъ!—а главное, остерегаться отъ прежнихъ злыхъ дѣлъ; тогда съ нимъ дальнѣйшихъ преткновеній не будетъ, а о случившемся преткновеніи онъ не обязанъ нести покаянія, если только на этотъ разъ не былъ онъ виновенъ, а подвернулось ему оно за какой-то другой грѣхъ.

§ 3. Это сказано лишь про тотъ единственно случай, когда дѣло происходило въ періодъ, по закону дозволенный, не подлежавшій ни малѣйшей тѣни запрета. Но если мужъ имѣлъ сообщеніе съ женой во время, ближайшее къ сроку ея менструаціи, когда она, какъ сказано въ главѣ I, ему запретна,—о, тогда это великое преступленіе! Онъ долженъ принесть покаяніе. Онъ обязанъ обратиться къ море-героэ, а тотъ, по своему усмотрѣнію, назначитъ ему родъ покаянія, согласно сказанію священныхъ книгъ. Если онъ отдѣлился отъ жены съ „живымъ“, хотя бы онъ и не зналъ, что это воспрещается, онъ всенепремѣнно долженъ выдержать покаяніе, по указанію море-героэ.

ГЛАВА VII.

§ 1. Если случится, что жена троекратно увидитъ у себя, во время супружескаго дѣйствія, кровь, она должна заявить объ этомъ море-героэ и освѣдомиться отъ него, какъ ей слѣдуетъ поступить: можетъ ли она жить съ мужемъ, держась обычнаго своего счета дней, и можетъ ли совершать миквенныя погруженія; при такихъ обстоятельствахъ много встрѣчается различныхъ казусовъ. Я только указываю, что необходимо обращаться къ море-героэ, а того, на основаніи чего ужь онъ долженъ разрѣшать, я не перевелъ.

Поясненіе.—Въ статьяхъ, изложенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ, рѣчь ведется отъ имени собирателя и переводчика [1])

[1]) Съ раввинскаго языка на жидовскій.

му долгу въ день послѣ окончательнаго очищенія, или послѣ тридцатаго дня,—у женщины, не имѣющей, какъ сказано выше (гл. III § 1), опредѣленнаго срока.

ГЛАВА V.

§ 1. Мужъ не долженъ вообще сообщаться съ нечистою женою, хотя бы, по его догадкамъ, и выходило, что она ужь успѣла сходить въ микву: развѣ сама она ясно ему скажетъ о совершившемся погруженіи.

§ 2. Когда мужъ знаетъ, что отъ начала періода осквернения не прошло еще столькихъ дней, чтобы жена успѣла уже побывать въ миквѣ, ему и не слѣдуетъ подаваться на женины увѣренія, будто бы она уже совершила миквенное погруженіе.

ГЛАВА VI.

§ 1. Когда жена, во время акта совершенія супружескаго дѣла, объявитъ мужу о своей нечистотѣ и скажетъ, что сейчасъ только почувствовала, какъ у ней будто хлынуло, мужъ обязанъ тотчасъ „перестать“, употребивъ все стараніе отдалиться отъ нея не съ живымъ членомъ. Если же онъ отдалится съ живымъ, то подвергнется карѣ небесной, отъ чего да сохранитъ насъ Господь Богъ.

Поясненіе.—Евреи зовутъ, въ данномъ случаѣ, нормальное состояніе мертвымъ, въ противоположность напряженному, или, по ихъ выраженію, живому. Освобожденіе въ напряженномъ состояніи, производя все-таки раздраженіе стѣнокъ, считается за дѣйствительный актъ, а актъ съ ниддою законопреступенъ.

§ 2. Что жь ему дѣлать? А онъ долженъ упереться ногми въ ложе, и именно такъ упереться руками и ногами, чтобъ отнюдь не касаться жены, быть рѣшительно безъ всякаго движенія, какъ камень, безчувственнымъ и оставаться въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока „то“ не омертвѣетъ, то есть, не потеряетъ своей твердости. Тогда только отдѣлиться, но со страхомъ, съ большимъ трепетомъ и съ сердечнымъ сокрушеніемъ о томъ, что съ нимъ приключилось; ибо это совершилось не по напрасну: еслибъ онъ былъ добрый чело-

вѣкъ, то Господь не допустилъ бы его до такого грѣха. Оба, и мужъ, и жена, должны тогда тщательно осмотрѣться, обсудить свои дѣла и поступки и предаться горькому раскаянію предъ Господомъ Богомъ—да будетъ Онъ благословенъ!—а главное, остерегаться отъ прежнихъ злыхъ дѣлъ; тогда съ нимъ дальнѣйшихъ преткновеній не будетъ, а о случившемся преткновеніи онъ не обязанъ нести покаянія, если только на этотъ разъ не былъ онъ виновенъ, а подвернулось ему оно за какой-то другой грѣхъ.

§ 3. Это сказано лишь про тотъ единственно случай, когда дѣло происходило въ періодъ, по закону дозволенный, не подлежавшій ни малѣйшей тѣни запрета. Но если мужъ имѣлъ сообщеніе съ женой во время, ближайшее къ сроку ея менструаціи, когда она, какъ сказано въ главѣ I, ему запретна,—о, тогда это великое преступленіе! Онъ долженъ принесть покаяніе. Онъ обязанъ обратиться къ море-героэ, а тотъ, по своему усмотрѣнію, назначитъ ему родъ покаянія, согласно сказанію священныхъ книгъ. Если онъ отдѣлился отъ жены съ „живымъ“, хотя бы онъ и не зналъ, что это воспрещается, онъ всенепремѣнно долженъ выдержать покаяніе, по указанію море-героэ.

ГЛАВА VII.

§ 1. Если случится, что жена троекратно увидитъ у себя, во время супружескаго дѣйствія, кровь, она должна заявить объ этомъ море-героэ и освѣдомиться отъ него, какъ ей слѣдуетъ поступить: можетъ ли она жить съ мужемъ, держась обычнаго своего счета дней, и можетъ ли совершать миквенныя погруженія; при такихъ обстоятельствахъ много встрѣчается различныхъ казусовъ. Я только указываю, что необходимо обращаться къ море-героэ, а того, на основаніи чего ужь онъ долженъ разрѣшать, я не перевелъ.

Поясненіе.—Въ статьяхъ, изложенныхъ въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ, рѣчь ведется отъ имени собирателя и переводчика [1])

[1]) Съ раввинскаго языка на жидовскій.

дучи еще въ сомнѣніи, или если въ „наше время“ не было еще получено надлежащаго на свадьбу разрѣшенія, то о всѣхъ этихъ сомнительныхъ случаяхъ надо заявить мудрецу, чтобъ отъ него узнать: слѣдуетъ ли ей снова отсчитывать семь дней, или не нужно. Тутъ вѣдь много различныхъ узаконеній. И извѣщать о семъ законѣ—великое богоугодное дѣло, потому что простой народъ и не вѣдаетъ, что такой-то случай подлежитъ еще вопросу, и полагаетъ, что коль скоро невѣста отсчитала себѣ семь чистыхъ дней, съ нея этого ужь и довольно. О срокѣ погруженія въ микву и о томъ, можетъ ли она окунаться въ миквѣ за день до свадьбы, будетъ сказано дальше, въ статьѣ объ окунаніи.

§ 3. Когда кто снова женится на той, съ которою уже развелся, то и она, подобно всякой невѣстѣ, должна имѣть семь чистыхъ дней.

Поясненіе.—Брать себѣ въ жены прежнюю жену, если она „вѣнчалась“ (если выразиться по русски) съ другимъ человѣкомъ и потомъ съ нимъ развелась, Еврею воспрещено: новый бракъ съ прежнею женою возможенъ только внѣ этого условія. Русское выраженіе „вѣнчаться“, „идти подъ вѣнецъ“ не примѣнимо къ Еврею; ему соотвѣтствуетъ еврейское „идти подъ балдахинъ, или подъ хупу“, „быть подъ балдахиномъ“. Но тутъ уже въ русской рѣчи слово „балдахинъ“ несовсѣмъ подходяще: понятіе о балдахинѣ сопряжено, по преимуществу, съ идеей о гробѣ, о покойникѣ. Обрядъ еврейской свадьбы обыкновенно происходитъ на школьномъ дворѣ, а еще чаще, просто во дворѣ частнаго дома, гдѣ играется свадьба, даже у корчмы (не смотря на зимнее время). Зажигаются свѣчи въ рукахъ у поѣзжанъ, присутствуютъ раввины, духовный и казенный; играетъ оркестръ музыкантовъ-Еврейчиковъ; у невѣсты все лицо закутано; молодыхъ водятъ кругомъ подъ „хупой“. Хупа—это просто складная „сѣнь“: четыре крашенныя жерди или длинныя палки, и поверхъ ихъ натянута холстина—вотъ и все. Хупа даетъ доходъ, потому что она сберегается въ синагогѣ. Но любопытно то, что о единобрачіи или о запрещеніи многоженства нѣтъ въ еврейскомъ законѣ ни слова. Моногамія введена лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ знаменитымъ еврейскимъ авторитетомъ рабби Гер-

шономъ, жившимъ въ XIII в. по Р. Х. Его завѣтъ или хейримъ о единоженствѣ, имѣвшій силу лишь до 1240 года, продолженъ, послѣ этого, соборомъ раввиновъ на неопредѣленное будущее, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ и христіанства, и экономическихъ разсчетовъ, и санитарной предусмотрительности. Извѣстно, что въ Азіи, и кажется, въ Африкѣ полигамія существуетъ у Евреевъ до сего времени.

ГЛАВА X.

§ 1. Если кто женился на дѣвицѣ, то тотчасъ послѣ перваго ея „посѣщенія", долженъ отъ нея отдѣлиться и уйдти. Посвятить въ этотъ законъ жениха и невѣсту—великое богоугодное дѣло, потому что большая часть этого не знаетъ; иные дерзаютъ „посѣщать" два раза, а это настоящій запретъ; и родители, и поѣзжане обязаны извѣстить объ этомъ какъ жениха, такъ и невѣсту.

§ 2. Новобрачная должна снова отсчитать себѣ семь чистыхъ дней, начавъ съ пятаго дня послѣ посѣщенія ея супругомъ. Хотя иная женщина должна начать этотъ счетъ и гораздо позже, но такъ какъ новобрачная осквернилась вслѣдствіе дѣвственной крови, то довольно начать счетъ съ пятаго дня.

§ 3. Хотя она осквернилась вслѣдствіе лишь изліянія дѣвственной крови, а не менструаціонной, она все-таки обязана исполнять все то же самое, что установлено закономъ для другихъ женщинъ въ ихъ менструаціонный періодъ.

ГЛАВА XI.

§ 1. Если женщина уже сидѣла на родильномъ креслѣ, готовясь родить, но родильныя потуги прекратились, и она продолжаетъ быть беременною, то хотя бы при этомъ и не показалось крови, она обязана обратиться къ мудрецу, чтобъ узнать: осквернена ли она для мужа, или нѣтъ.

Поясненіе. — Родильныхъ креселъ теперь не существуетъ, по-крайней мѣрѣ въ Вильнѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о ложныхъ потугахъ.

§ 2. Такъ какъ относительно срока погруженія родильницы

дучи еще въ сомнѣніи, или если въ „наше время“ не было еще получено надлежащаго на свадьбу разрѣшенія, то о всѣхъ этихъ сомнительныхъ случаяхъ надо заявить мудрецу, чтобъ отъ него узнать: слѣдуетъ ли ей снова отсчитывать семь дней, или не нужно. Тутъ вѣдь много различныхъ узаконеній. И извѣщать о семъ законѣ—великое богоугодное дѣло, потому что простой народъ и не вѣдаетъ, что такой-то случай подлежитъ еще вопросу, и полагаетъ, что коль скоро невѣста отсчитала себѣ семь чистыхъ дней, съ нея этого ужь и довольно. О срокѣ погруженія въ микву и о томъ, можетъ ли она окунаться въ миквѣ за день до свадьбы, будетъ сказано дальше, въ статьѣ объ окунаніи.

§ 3. Когда кто снова женится на той, съ которою уже развелся, то и она, подобно всякой невѣстѣ, должна имѣть семь чистыхъ дней.

Поясненіе.—Брать себѣ въ жены прежнюю жену, если она „вѣнчалась“ (если выразиться по русски) съ другимъ человѣкомъ и потомъ съ нимъ развелась, Еврею воспрещено: новый бракъ съ прежнею женою возможенъ только внѣ этого условія. Русское выраженіе „вѣнчаться“, „идти подъ вѣнецъ“ не примѣнимо къ Еврею; ему соотвѣтствуетъ еврейское „идти подъ балдахинъ, или подъ хупу“, „быть подъ балдахиномъ“. Но тутъ уже въ русской рѣчи слово „балдахинъ“ несовсѣмъ подходяще: понятіе о балдахинѣ сопряжено, по преимуществу, съ идеей о гробѣ, о покойникѣ. Обрядъ еврейской свадьбы обыкновенно происходитъ на школьномъ дворѣ, а еще чаще, просто во дворѣ частнаго дома, гдѣ играется свадьба, даже у корчмы (не смотря на зимнее время). Зажигаются свѣчи въ рукахъ у поѣзжанъ, присутствуютъ раввины, духовный и казенный; играетъ оркестръ музыкантовъ-Еврейчиковъ; у невѣсты все лицо закутано; молодыхъ водятъ кругомъ подъ „хупой“. Хупа—это просто складная „сѣнь“: четыре крашенныя жерди или длинныя палки, и поверхъ ихъ натянута холстина—вотъ и все. Хупа даетъ доходъ, потому что она сберегается въ синагогѣ. Но любопытно то, что о единобрачіи или о запрещеніи многоженства нѣтъ въ еврейскомъ законѣ ни слова. Моногамія введена лишь нѣсколько столѣтій тому назадъ знаменитымъ еврейскимъ авторитетомъ раббн Гéр-

ѣваютъ сбѣгать въ микву для нырка, дѣлаемаго почти
но. Безмездность миквы въ субботу установилась не
тропическихъ, соціалистическихъ или коммунистическихъ
, а просто потому, что въ шабасъ нельзя „носить"; а такъ
тдающій, и принимающій деньги должны ихъ носить, дер-
рукахъ, а это законопреступно, — то и пришлось ввести
ость. Разъ допустивши себя проговориться о мужчинахъ,
хъ въ микву, я долженъ ужь заодно передать вкратцѣ
щее. Мужчины-Евреи посѣщаютъ микву въ особые отъ жен-
ни. Они пользуются миквой, не будучи обязаны предвари-
вымыться въ банѣ, тогда какъ у еврейскихъ женщинъ этого
нѣтъ. Мужчины окунаются въ миквѣ днемъ, что̀ женщинамъ
не дозволяется. Обыкновенные Евреи-миснагиды должны
жаться въ миквѣ два раза въ годъ — передъ Іомъ-Кипуромъ
едъ Рошъ-Гошаной. Набожные люди посѣщаютъ микву ча-
о своему усмотрѣнію. Фанатики же хассиды погружаются
иквѣ несравненно чаще: люди независимые, свободные и до-
очные бѣгаютъ туда ежедневно по утрамъ, люди зависимые,
чій людъ—непремѣнно каждую субботу предъ моленьемъ.

§ 3. Запрещаются забавы, смѣхъ и шутки съ женой въ то время, когда она нидда. Запрещается вести съ нею легкіе разговоры и шутки.

§ 4. Мужъ не долженъ прикасаться къ тѣлу жены или къ ея платью ни малѣйшимъ пальцомъ, ни прямо, ни посредственно, какъ-бы посредство это ни было удлиннено. Мужъ не долженъ также что̀ бы то ни было бросать женѣ на руки, или на колѣни, ни жена мужу.

§ 5. Они не должны ѣсть вмѣстѣ изъ одной миски. Если же у нихъ въ обыкновеніи не ѣсть изъ одной посудины и въ чистое время, то соблюденіе этого же обыкновенія при жениномъ оскверненіи не можетъ собственно служить признакомъ ея положенія. А такъ какъ мужъ съ женой ѣдятъ у насъ обыкновенно изъ одной и той же посудины, то неѣда изъ одной миски достаточна для времени жениной нечистоты.

§ 6. Мужу воспрещается доѣдать или допивать то, чего жена не доѣла или не допила; но ему разрѣшается доѣсть

въ миквѣ нѣтъ никакого надзора, и каждая женщина въ этомъ случаѣ поступаетъ безразлично, по своей прихоти, то отъ этого происходятъ большія преткновенія; по этому „для починки пролома въ оградѣ“ слѣдуетъ „бездину“ въ каждомъ городѣ установить извѣстный порядокъ, согласуясь съ потребностями.

Поясненіе.—Всякая роженица до принятія миквы есть непремѣнно нидда, какъ и женщина въ менструаціонномъ періодѣ.—„Бездинъ“ значитъ „домъ суда“, а затѣмъ и самый „судъ“, каждый изъ трехъ членовъ котораго называется „даіонъ“. „Для починки пролома въ оградѣ“ — это оборотъ еврейской рѣчи, соотвѣтствующій нашему „въ предупрежденіе нарушенія правилъ“.

§ 3. Если женщина, оборони Богъ, выкинетъ, она во всемъ должна поступать по указаніямъ море-героя.

ГЛАВА XII.

§ 1. Каждый Еврей обязанъ отдѣлиться отъ жены, когда она осквернена, до тѣхъ поръ, пока она не кончитъ счета семи чистыхъ своихъ дней и не очистится миквеннымъ погруженіемъ. Еслибъ она не была въ миквѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, она все это время продолжаетъ оставаться ниддою.

Поясненіе.—Слѣдовательно, при аккуратномъ соблюденіи, послѣ бани, обряда погруженія въ микву, жена недоступна мужу въ продолженіе 12—15 дней.—Сравн. стихъ 28 и далѣе до конца главы XV книги Левитъ.

§ 2. Женщина не должна долго оставаться оскверненною, а обязана принять микву при первой возможности.

Поясненіе.—За пользованіе миквой установленъ опредѣленный сборъ, въ разныхъ мѣстностяхъ различный; въ Вильнѣ, напримѣръ, берутъ по семи копѣекъ, а кто побогаче—съ того 20 и 30 коп., и съ мужчины, и съ женщины. Въ субботу миква безмездная; въ субботу купается рабочій народъ, изъ хассидовъ, но не женщины, которымъ посѣщеніе въ субботу воспрещено; это оттого, что синагогальное молитвословіе начинается у миснагидовъ часовъ въ семь утра, а у хассидовъ — позже, часовъ съ одиннадцати:

они и успѣваютъ сбѣгать въ микву для нырка, дѣлаемаго почти моментально. Безмездность миквы въ субботу установилась не изъ филантропическихъ, соціалистическихъ или коммунистическихъ взглядовъ, а просто потому, что въ шабасъ нельзя „носить“; а такъ какъ и отдающій, и принимающій деньги должны ихъ носить, держать въ рукахъ, а это законопреступно, — то и пришлось ввести безмездность. Разъ допустивши себя проговориться о мужчинахъ, ходящихъ въ микву, я долженъ ужь заодно передать вкратцѣ слѣдующее. Мужчины-Евреи посѣщаютъ микву въ особые отъ женщинъ дни. Они пользуются миквой, не будучи обязаны предварительно вымыться въ банѣ, тогда какъ у еврейскихъ женщинъ этого права нѣтъ. Мужчины окунаются въ миквѣ днемъ, что̀ женщинамъ отнюдь не дозволяется. Обыкновенные Евреи-миснагиды должны погружаться въ миквѣ два раза въ годъ — передъ Іомъ-Кипуромъ и передъ Рошъ-Гошаной. Набожные люди посѣщаютъ микву чаще, по своему усмотрѣнію. Фанатики же хассиды погружаются въ миквѣ несравненно чаще: люди независимые, свободные и достаточные бѣгаютъ туда ежедневно по утрамъ, люди зависимые, рабочій людъ—непремѣнно каждую субботу предъ моленьемъ.

§ 3. Запрещаются забавы, смѣхъ и шутки съ женой въ то время, когда она нидда. Запрещается вести съ нею легкіе разговоры и шутки.

§ 4. Мужъ не долженъ прикасаться къ тѣлу жены или къ ея платью ни малѣйшимъ пальцомъ, ни прямо, ни посредственно, какъ-бы посредство это ни было удаленно. Мужъ не долженъ также что̀ бы то ни было бросать женѣ на руки, или на колѣни, ни жена мужу.

§ 5. Они не должны ѣсть вмѣстѣ изъ одной миски. Если же у нихъ въ обыкновеніи не ѣсть изъ одной посудины и въ чистое время, то соблюденіе этого же обыкновенія при женіномъ осквернении не можетъ собственно служить признакомъ ея положенія. А такъ какъ мужъ съ женой ѣдятъ у насъ обыкновенно изъ одной и той же посудины, то неѣда изъ одной миски достаточна для времени женіной нечистоты.

§ 6. Мужу воспрещается доѣдать или допивать то, чего жена не доѣла или не допила; но ему разрѣшается доѣсть

и допить послѣ кого другого, кто ѣлъ и пилъ то, чего она не доѣла или не допила.

§ 7. Если жена пила изъ полнаго стакана и не допила, а оставила, примѣрно, половину, а потомъ стаканъ долили дополна, то мужу запрещается пить изъ этого стакана. Но если она выпила весь стаканъ, тогда и онъ можетъ пить изъ того же стакана, даже не выполоскавши его. Но если мужъ захочетъ поступить со всею тонкостію и выполощетъ стаканъ, то на такомъ мужѣ почіетъ благословеніе Божіе.

§ 8. Если остатокъ пищи послѣ жены будетъ переложенъ въ другую посуду, то мужъ изъ этой послѣдней можетъ ѣсть то, чего жена не доѣла.

§ 9. Если жена чего-нибудь не доѣла или не допила и оставила, а мужъ потомъ увидитъ и захочетъ самъ доѣсть или допить, не зная вовсе, что это—женины остатки, то его въ этомъ не надо останавливать, потому что запрещеніе ѣсть и пить остатки произошло вслѣдствіе того, что отъ подобнаго дѣйствія возникаетъ во второмъ потребителѣ любовность къ первому: поэтому-то здѣсь и нѣтъ мѣста запрещенію, такъ какъ мужъ не знаетъ, что это жена оставила.

§ 10. По этому, въ отсутствіе мужа, жена можетъ поѣсть и оставить для него что-нибудь въ той же мискѣ, только ему объ этомъ не сказывать. Все это относится лишь къ данному случаю.

Чтожь касается до другихъ вещей, которыя мужъ, вслѣдствіе усиленной набожности, поставилъ себѣ за правило соблюдать, не въ примѣръ другимъ, напримѣръ, не ѣсть того, что̀ подлежитъ спросу у мудреца, хотя бы сей послѣдній и окошѐрилъ это, или не ѣсть мяса отъ животнаго, на легкихъ котораго оказалась бы излишняя слизь, или ѣсть въ Пасху мацȕ береженную, или ѣсть въ пасху неиначе какъ изъ новой посуды, и тому подобное, то жена не должна дѣлать помѣхи его правиламъ, хотя бы онъ и не прозналъ про то. Недолжна тоже она его и отговаривать: „вѣдь это, молъ, кошеръ, всѣ Евреи это ѣдятъ“; она, пожалуй, придастъ этому видъ даже набожности, выкажетъ желаніе оказать вѣрность мужу, ради

заботъ, чтобъ ему было чего поѣсть. Но объявляется женщинамъ, что не этимъ выражается вѣрность; напротивъ: это такой же запретъ, какъ еслибъ она дала ему ѣсть свинину, ибо все, что человѣкъ возлагаетъ на себя ради исполненія или соблюденія, все считается для него обѣтомъ, и все, отъ чего человѣкъ отрекся по обѣту, все это воспретится окончательно, словно падаль. Женщины, которыя подобнымъ образомъ кладутъ преткновенія своимъ мужьямъ, совершаютъ тѣмъ великій грѣхъ, за который они пропадутъ въ аду. Онѣ порочатъ этимъ свою жизнь и свои дни, порочатъ даже собственныхъ дѣтей. Священные мудрецы писали, что честна только та жена, которая исполняетъ мужнину волю, то есть, та, которая дѣлаетъ все, чего хочетъ мужъ. Только такая жена и есть жена кошѐрная: она удостоится имѣть добрыхъ дѣтей, благъ будущей жизни и всего добраго.

Поясненіе.—Понятіе о трѐфѣ и кòшерѣ не есть понятіе растяжимое—о дозволенномъ и не дозволенномъ: это полное сознаніе о преступномъ и благословенномъ. Если, напримѣръ, рѣзали гуся или быка, и тоньше бритвы отточенный ножъ не далъ ни одной тончайшей щербинки, мясо не трефно, а окошѐрено; если же, напротивъ того, на ножѣ зоркій глазъ замѣтитъ едва замѣтную зазубринку, то ѣсть такое мясо для Еврея законопреступно: его и сбываютъ христіанамъ. Оттого-то наше мясо непремѣнно обходится дешевле еврейскаго. Маца̀ — это родъ большихъ, величиной въ тарелку и соразмѣрной тому толщины, облатокъ или лепешекъ изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста. „Береженною“ мацо̀ю называется та маца̀, тѣ опрѣсноки, на приготовленіе которыхъ было устремлено исключительное, въ нашихъ понятіяхъ даже безпримѣрное вниманіе. Отъ приготовленія поля, отъ засѣва зеренъ, отъ начала жатвы и до самаго испеченія мацы́, до выхода ея изъ печи, Евреи зорко блюдутъ, чтобы хлѣбъ этотъ, во всѣ періоды его видоизмѣненій, не подвергся какому бы то ни было, хотя бы случайному окисленію или даже чему-нибудь схожему на то. Для „береженной мацы́“, во всѣхъ мѣстностяхъ, обитаемыхъ Евреями, соблюдается въ охранѣ, отводимая собственно для этого, крошечная нивка; ее старательно воздѣлываютъ; за посѣвомъ ея усердно присматриваютъ; за чистотой

ея, вплоть до окончательной уборки хлѣба, ухаживаютъ заботливо; совершенно отдѣльно ото всего, хлѣбъ этотъ жнутъ, везутъ молоть изъ отдѣльныхъ закромовъ, мелютъ отдѣльно, хранятъ отдѣльно и потомъ ужь пекутъ и ссужаютъ знакомыхъ. Выпеченная изъ береженаго хлѣба маца распредѣляется мелкими партіями даже въ тѣ семейства, которыя сами пекутъ мацу въ большихъ запасахъ, только не изъ береженной, а изъ обыкновенной покупной муки. Не зажиточные люди довольствуются всего тремя лепешками „береженной мацы“ и потребляютъ ихъ въ два первые торжественные вечера Пасхи: ею Евреи какъ-бы разгавливаются и относятся къ ней съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ у насъ богобоязливые люди къ артосу. Отъ этой „береженной мацы“ Еврей не посягнетъ дать христіанину ни крошки, хотя обыкновенною мацою, которую употребляетъ онъ во все продолженіе Пасхи, онъ охотно и съ удовольствіемъ ссужаетъ иновѣрца. Къ сожалѣнію, я долженъ здѣсь упомянуть, что въ мѣстныхъ захолустьяхъ, у невѣжественнаго люда, въ головѣ, какъ гвоздь, засѣла нелѣпая мысль, которою мужики, особенно католики, а впрочемъ и православные тоже, дѣлятся лишь въ тайнѣ съ людьми, къ которымъ питаютъ довѣріе, будто береженная маца готовится на крови христіанскаго младенца. Разныя сказки, въ родѣ знаменитыхъ дѣлъ Велижскаго двадцатыхъ годовъ, а потомъ Саратовскаго, Минскаго и др., въ старину возникали періодически и въ Европѣ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ Евреи жили, и гдѣ невѣжество раздувало къ нимъ ненависть.—Теперь очередь сдѣлать кое-какія поясненія и о посудѣ. „Семь дней не должно быть ничего кваснаго въ домахъ вашихъ“, говорится въ 19 стихѣ XII гл. книги Исходъ, и вслѣдствіе этого закона, посуда у Еврея на Пасху безусловно должна быть обновлена. Еврейскія религіозныя установленія дозволяютъ, посредствомъ оттираній, чистки, выжиганій и ошпариваній кипяткомъ, приспособлять къ пасхальному употребленію металлическую посуду, употреблявшуюся уже въ теченіе года, но ригористы въ дѣлѣ религіозной обрядности налагаютъ на себя добровольные подвиги и затрудненія ѣсть въ Пасху не иначе какъ изъ новой посуды. Это только касается, повторяю посуды металлической; но посуда глиняная, стеклянная, фаянсовая и фарфоровая непремѣнно должна быть закуплена для Пасхи вновь,

оттого-то у Евреевъ и мало держится этой посуды. Однако жь и это требуетъ поясненія. У Евреевъ, въ теченіе года, должно быть три рода посуды: одна для изготовленія или храненія молочной пищи, другая точно также—для пищи мясной; третій родъ, какъ-бы сказать—нейтральный,—для пищи такой, которая, вслѣдствіе ли ея характера, или вслѣдствіе ея употребленія въ такую, а не въ иную пору послѣ предшествовавшаго принятія пищи, не можетъ относиться ни къ одному изъ названныхъ двухъ разрядовъ. Но въ продолженіе Пасхи, когда нейтральной пищи у Евреевъ вовсе не случается, да и молочнаго обыкновенно не готовится, а въ ходу исключительно мясная пища, новая посуда, кромѣ вообще металлической, закупается собственно для мясной пищи.

§ 11. Женѣ послѣ мужа можно ѣсть и пить всякіе остатки.

§ 12. Мужъ не долженъ сидѣть на кровати жены-нидды, хотя бы она на ту пору и отсутствовала.

Поясненіе.—Срав. книгу Левитъ, гл. XV, стихи 20—23 и 26.

§ 13. Жена можетъ сидѣть на кровати мужа въ его отсутствіе, но никакъ не лежать, хотя бы и во всемъ платьѣ, ни днемъ, ни ночью.

§ 14. Мужъ можетъ дотрогиваться до ея постели или до простыни, хотя бы на послѣдней и были пятна крови. Есть люди, которые стерегутся этого, но это ошибка; изъ этой строгости выходитъ лишь облегченіе: они думаютъ, что нельзя дотрогиваться до простыни, потому только что она запачкана кровью, а если жена начала ужь считать чистые дни, то думаютъ—можно дотрогиваться и сидѣть; но на самомъ дѣлѣ запрещено сидѣть на ея кровати и въ чистые дни, точно также, какъ и въ нечистые, а дотрогиваться до ея постели можно всегда, хотя бы она и была запачкана.

§ 15. Супруги, въ это время, не должны ѣздить вмѣстѣ на прогулки въ одной телегѣ или въ одной лодкѣ; но они могутъ вмѣстѣ ѣхать для коммерческаго дѣла; только если, кромѣ ихъ двоихъ, не будетъ съ ними на повозкѣ кого-нибудь третьяго, то они должны усѣсться такъ, чтобъ отнюдь не прикасаться другъ къ другу.

§ 16. Кровати ихъ не должны взаимно соприкасаться.

§ 17. Мужъ не долженъ кидать взгляда на такую часть женина тѣла, которая обыкновенно бываетъ скрыта подъ платьемъ.

§ 18. Женщинѣ слѣдовало бы, въ періодъ ея осквернения, носить особое платье, чтобы знали, что она—нидда.

§ 19. Жена не должна наливать мужу питья въ стаканъ въ то время, когда онъ на это смотритъ.

§ 20. Во время этого состоянія, жена должна выказывать какую-нибудь перемѣну противъ обыкновенныхъ дней; такъ, напримѣръ, ставя пищу на столъ или подавая что-нибудь мужу, она должна дѣлать это лѣвою рукой, а не правою, какъ обыкновенно.

§ 21. Женѣ не дозволяется, въ присутствіи мужа, класть простыню или одѣяло на мужнину кровать. Но это разрѣшается, когда мужъ не видитъ этого, хотя бы послѣ онъ и узналъ, что это жена постлала.

§ 22. Мужу не дозволяется налить стаканъ и послать его женѣ, чтобъ она выпила. Изъ этого запрета не исключается и такой стаканъ, надъ которымъ мужъ произнесъ благословеніе, развѣ кто-нибудь изъ постороннихъ отопьетъ изъ него.

§ 23. Жена не должна ставить мужу воды для умыванья.

§ 24. Всѣ находящіяся въ этой главѣ узаконенія обязательны для женщины отъ начала ея осквернения до момента погруженія въ микву, хотя бы то, что̀ выше говорилось, произошло въ промежуточное время ея нечистыхъ или чистыхъ дней.

§ 25. Въ случаѣ болѣзни одного изъ супруговъ—отъ чего да сохранитъ ихъ Господь!—когда одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ ухаживать за другимъ, они должны спросить мудреца, какъ имъ поступать.

ГЛАВА XIII.

§ 1. Многіе кодификаторы того мнѣнія, что женщинѣ, въ то время, когда она нидда, запрещается ходить въ синагогу, молиться, думать о какомъ-нибудь имени Божіемъ и прикасаться къ книгѣ. Отъ послѣтрапезной молитвы она

освобождается тѣмъ, что слышитъ какъ ее произноситъ другой, но за то она должна слышать слово въ слово; а когда нѣтъ уставщика, она можетъ сама молиться. То же самое относится и до „киддуша“. Другіе кодификаторы пишутъ, что женщина-нидда можетъ ходить въ синагогу, можетъ молиться, можетъ совершать всѣ благословенія и можетъ думать объ имени Божіемъ. Обыкновенно однако, онѣ не ходятъ въ синагогу. А когда у нея у самой въ домѣ есть „миніанъ“, она да не дерзаетъ поднимать глаза на свитокъ Торы въ то время, когда его поднимаютъ и являютъ народу.

Поясненіе.—Подъ „книгою“ здѣсь подразумѣвается книга еврейской печати, обыкновенно бывающая религіознаго содержанія, чемъ можно удостовѣриться изъ помѣщенныхъ уже мною выше ...ровыхъ данныхъ о еврейской прессѣ. „Киддушъ“—это освященіе ...боты и праздниковъ посредствомъ молитвы, произносимой мужами надъ цѣльными, еще не надломленными хлѣбами или надъ ...ною стопкой вина (въ каждой семьѣ еврейской, по большей ...ти, хранится завѣтная серебряная чарочка или стопочка). ...ей, въ теченіе шести недѣльныхъ дней, какъ рыба объ ледъ ...тся и питается чуть-чуть что не воздухомъ (причины этого — ...ашная нищета тамъ, гдѣ она есть, привычка—гдѣ и нѣтъ нищеты, и та степень жадности, которая такъ выразительно по-русски называется жидоморствомъ: оттого-то Евреи такіе жидкіе и ...сильные); но седьмой день для него святыня, и онъ копитъ и ...регаетъ послѣднія крохи, чтобы честно ее встрѣтить и проти [1]). „Миніанъ“ или и миньйонъ — это большею частію не ...вленная полиціи, и только потому называемая потайною, молен..., частная еврейская школка или пришколка, могущая быть въ ...ой еврейской каморкѣ, лишь бы накопилось по крайней мѣрѣ

[1]) „Шесть дней работай и дѣлай всякія дѣла твои, день седьмой, суббота — ...оду Богу твоему. Не дѣлай въ оный никакого дѣла, ни ты, ни сынъ твой, ни ...твоя, ни рабъ твой, ни раба твоя, ни волъ твой, ни оселъ твой, ни всякій ...ъ твой..... чтобъ отдохнулъ рабъ твой, и раба твоя, и оселъ твой, какъ и ...И помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской, но Господь Богъ твой... ...тѣлъ соблюдать день субботній и свято хранить его“. Второзаконія, гл. V, ...3, 14 и 15.

десять взрослыхъ Евреевъ—мужчинъ, а взрослымъ считается всякій Еврей, который пережилъ 13-й день своего рожденія. Въ эти годы еврейская дѣвица бываетъ уже совершенно сформирована; 11-ти-лѣтнія дѣвочки знаютъ, по большей части, по опыту, что надо вести счетъ днямъ извѣстнаго времени. Къ несчастью, 13-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ не только выдаютъ замужъ, но мнѣ извѣстны бывали случаи, когда тринадцатилѣтнія дѣвочки дѣлались уже матерями, хотя подобные случаи становятся нынѣ болѣе и болѣе рѣдкими. Понятное дѣло, что форменные документы ребенка показывали ему совершенно иной возрастъ, чтобъ подъ законъ подходить — ну, а чтобъ *подойти*, надо дорожку проложить, а на эту торную дорожку и сворачиваютъ, быть можетъ, иные „казенные“ раввины... Еслибъ, въ теченіе осеннихъ еврейскихъ праздниковъ, *добрымъ* путемъ собрать свѣдѣнія о числѣ всѣхъ явныхъ и тайныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ еврейскихъ молелень въ городахъ, въ мѣстечкахъ, а пожалуй, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, то можно бы получить прекрасную перепись еврейскаго населенія; но казеннымъ путемъ, черезъ полицію, съ штрафами, съ запугиваніями ровно ничего добраго тутъ не сдѣлаешь; первѣйшее же дѣло — это предать забвенію „прописныя души“ и дозволить имъ теперь же записываться безъ всякихъ платежей и взысканій съ общества или съ кого бы то ни было: результаты будутъ, въ полномъ смыслѣ, добрыми во всѣхъ отношеніяхъ. Объ истинныхъ причинахъ и вынужденности житейскими обстоятельствами существованія безсчетнаго количества тайныхъ молельныхъ школокъ вразумительно изложено въ небольшой статьѣ г. Брафмана, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о еврейскихъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ въ Россіи и о причинахъ ихъ размноженія“. „Тора“ — это пергаминный свитокъ Пятикнижія, хранимый Евреями въ каждой молельнѣ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Свитокъ этотъ, покрытый бархатнымъ, шолковымъ или парчевымъ чехломъ, покоится въ богатомъ футлярѣ съ роскошными украшеніями въ такъ называемомъ ковчегѣ, въ срединѣ восточной стѣны синагоги или всякаго молитвеннаго дома. Свитковъ бываетъ въ синагогѣ по нѣскольку. Замѣчательно, что въ нихъ не можетъ быть допущено ни малѣйшей описки. Свитки — всегда писанные, но уже одна, хотя бы и

ничтожная описка аннюлируетъ хартію и лишаетъ ее всякой цѣны.

§ 2. Въ чистые дни женщина можетъ ходить въ синагогу.

§ 3. Въ „страшные дни", въ дни прощенія и праздника вообще, когда всѣ ходятъ въ синагогу, и женщина тоже можетъ туда идти. То же самое относится и до времени свадьбы ея дѣтей, или когда она сама выходитъ въ первый разъ послѣ родовъ изъ дому.

Поясненіе.—Въ праздникъ новолѣтія Рошъ-Гашана, первый и второй дни и одинъ день праздника отпущенія Іомъ-Кипуръ называются „страшными днями": въ эти дни дѣйствительно всѣ, даже „апикирейцы", являются въ синагогу.

ГЛАВА XIV.

§ 1. Когда женщинѣ предстоитъ начать счетъ своихъ семи чистыхъ дней, то за день до того она должна осмотрѣть себя подъ вечеръ, въ сумерки. Если она убѣдится, что чиста, то съ утра слѣдующаго дня и начинаетъ счетъ семи своихъ чистыхъ дней.

Поясненіе.—Сравн. стихъ 28, гл. XV книги Левитъ.

§ 2. Счетъ чистыхъ дней начинается не ранѣе шестыхъ сутокъ послѣ того, какъ женщина стала осквернённою. Еслибы, вслѣдъ за оскверненіемъ, она перестала видѣть на себѣ кровь, она все-таки должна выждать пять сутокъ и вечеромъ пятаго дня осмотрѣть себя, а съ утра шестыхъ сутокъ начинается уже первый изъ семи чистыхъ ея дней.

§ 3. Многія привыкли начинать счетъ этотъ съ восьмаго дня послѣ осквернения, то есть, женщина осматриваетъ себя въ седьмой день, а на завтра начинаетъ счетъ чистыхъ дней. Это — нехорошій обычай: „богоугодное дѣло" надо ускорить.

§ 4. Если невѣста, послѣ совершенія обряда свадьбы, замѣтила на себѣ менструаціонную кровь, а между тѣмъ ея еще не уложили на брачное ложе, то она обязана идти „дѣлать вопросъ" мудрецу: когда ей начать счетъ чистыхъ дней.

§ 5. Равнымъ образомъ, невѣста, готовящаяся къ свадьбѣ, должна у него вопросить, когда ей начать счетъ семи дней чистыхъ.

§ 6. Хотя бы она увидала только одно пятно, она уже называется ниддою, сдѣлалась оскверненною, и семь чистыхъ ея дней начнутся только послѣ пятаго дня ея нечистоты, какъ у другихъ женщинъ.

§ 7. Это говорится только про обыкновенное время. Если же невѣста нашла пятно или даже кровь въ тѣ числа, которыя считаетъ уже чистыми, то она не должна ждать новыхъ пять дней, а какъ только станетъ чистою, тотчасъ же можетъ начать счетъ семи чистыхъ дней.

§ 8. Если она приняла микву, а въ ночь послѣ погруженія мужъ у нея не былъ, но на другой день утромъ она нашла пятно, или если женщина совсѣмъ чистая, у которой мужъ ночью не былъ, на завтра найдетъ пятно, то онѣ должны объ этомъ „дѣлать вопросъ“.

§ 9. Первый самоосмотръ, какъ переходъ отъ нечистыхъ дней къ семи чистымъ, долженъ быть произведенъ въ сумерки, передъ вечернею молитвой. Если же молитву эту уже отправили, хотя сама бы она еще и не молилась, или если уже совершили молитву срѣтенія субботняго дня, хотя бы еще и не свечерѣло, то она должна спросить—какъ ей поступать. А какъ (тогда) становится уже поздно, и уже некогда спрашивать, то должна прежде сдѣлать самоосмотръ, а потомъ спросить. Когда уже поздно, хотя народъ не отправилъ еще вечерней молитвы, она тоже должна обращаться съ вопросомъ.

ГЛАВА XV.

§ 1. Желая совершить самоосмотръ, женщина должна поступать вотъ какимъ манеромъ: вложить бѣлую тряпку „туда“, (какъ поясняется дальше въ главѣ XVI) передъ вечернею молитвой (какъ сказано въ предшествовавшей главѣ); потомъ вынуть тряпку и хорошенько ее осмотрѣть, нѣтъ ли на ней какой-нибудь красноты; потомъ опять вложить какъ прежде;

тряпка должна тамъ оставаться во все продолженіе сумерекъ, то-есть, до наступленія настоящаго вечера; потомъ опять вынуть тряпку и хорошенько пересмотрѣть—нѣтъ ли красноты: завтра съ утра и начинаются семь чистыхъ дней. А если на тряпкѣ есть краснота, этотъ обрядъ надо ей повторить на завтра.

§ 2. Такъ должна поступать каждая благочестивая женщина. Но еслибъ, въ дѣйствительности, она себя такимъ образомъ осмотрѣла только разъ, это въ преступленіе не вмѣняется.

§ 3. Въ день самоосмотра она должна надѣть бѣлую рубаху, рѣшительно безъ всякихъ пятенъ; простыня и наволочки на кровати тоже должны быть безъ пятенъ: завтра съ утра начинаются чистые дни.

§ 4. Есть обыкновеніе, честное и чистое, чтобы каждая женщина, дѣлающая себѣ осмотръ, обмылась и надѣла бѣлую рубаху и другое платье. Но когда человѣкъ въ нуждѣ —нѣтъ другого платья, даже обмыться не можетъ,—то достаточно подмыть нижнія части и надѣть рубаху безъ пятенъ.

ГЛАВА XVI.

§ 1. Каждые сутки, изъ числа семи чистыхъ дней, она должна осматривать себя два раза, утромъ и вечеромъ.

§ 2. Осмотръ долженъ быть при денномъ свѣтѣ, а не при свѣчахъ.

§ 3. Осмотры должны производиться при посредствѣ или бѣлой тряпки изъ стараго полотна, или бѣлой мягкой и чистой шерсти, или бумажной матеріи. Осмотръ долженъ быть произведенъ вполнѣ тщательно, въ дырахъ и щеляхъ. Осмотръ не вполнѣ законный, произведенный слегка, не считается осмотромъ.

§ 4. Если она не можетъ осмотрѣть себя надлежащимъ образомъ, то для дѣйствительности достаточно, если она, въ теченіе семи чистыхъ дней, хоть разъ осмотритъ себя вполнѣ глубоко. Нѣтъ сомнѣнія, лучше, если она можетъ произвести хорошій осмотръ въ первый день, но для дѣйствительности

достаточно съ нея, если хорошій осмотръ произведенъ былъ и въ другой который-нибудь день, изъ числа семи чистыхъ. Но если она ни въ одинъ день не сдѣлала законнаго, то есть, глубокаго осмотра, а только втирала немножко, то это вовсе не считается осмотромъ; ея семь чистыхъ дней не пойдутъ въ счетъ; ея погруженіе въ микву ничего не значитъ; этакъ она всегда остается полною нидою.

§ 5. Семь чистыхъ дней должны идти послѣдовательно одинъ за другимъ: нужно, чтобъ въ продолженіе ихъ она не нашла на себѣ ни малѣйшей капельки; а если нашла, она обязана снова себя осмотрѣть, снова начать семь чистыхъ дней, какъ показано выше.

ГЛАВА XVII.

§ 1. Если мужъ дома, то дѣло богоугодное — принять микву въ то именно время, когда женщинѣ наступитъ срокъ [1]).

§ 2. Женщина можетъ совершить миквенное погруженіе въ пятницу вечеромъ, если раньше не могла; но это только тогда, когда мужъ въ городѣ; если же его въ городѣ нѣтъ, то ей воспрещается совершать погруженія въ канунъ субботы; если даже онъ въ городѣ, а она могла сходить въ микву раньше, ей воспрещаются погруженія въ пятницу вечеромъ.

§ 3. Если она могла быть въ миквѣ раньше, но мужа не было, онъ пріѣхалъ только въ пятницу, тутъ ей разрѣшается идти въ микву и вечеромъ этого дня.

§ 4. Если она совершала погруженіе въ микву раньше, въ вечеръ съ четверга на пятницу, а потомъ узнала, что погруженіе это утратило всякое значеніе, напримѣръ, она открыла у себя какую-нибудь хацицу, или напримѣръ, въ ней возродилось какое бы то ни было сомнѣніе въ законосообразности ея миквенныхъ погруженій, то въ пятницу вечеромъ ей позволяется еще разъ быть въ миквѣ.

Поясненіе. — „Хацицею“ или „преградою“ называется всякое по-

---

[1]) Это означаетъ: не надо опаздывать, надо поспѣшать ради мужа: „богоугодное дѣло надо ускорить“ (гл. XIV § 3).

стороннее вещество на тѣлѣ женщины, не дозволяющее миквенной водѣ проникнуть вплоть до безусловно всѣхъ частей голаго тѣла, и только при такомъ проникновеніи, совершить дѣйствительно-духовное, по вѣрованіямъ Евреевъ, омовеніе. Подсохшій рубчикъ на тѣлѣ, не отмытая еще въ банѣ, слѣдовательно, до миквы волоска грязи, жиръ между волосъ, нечистота подъ ногтями, пыль въ пальцахъ у ногъ, крошечный прыщикъ, все это „хацица“. У Евреекъ я постоянно видѣлъ прескверные, поражающіе какою-то бьющею въ глаза некрасивостію и даже уродствомъ... не руки, а на рукахъ пальцы, и только послѣ долгаго всматриванья догадался, что уродству этому причина — неестественно короткіе, вплоть до голого мяса обрѣзанные ногти: это чтобъ хацицы не было. Въ банѣ приспособленныя къ своему дѣлу и уже напрактикованныя мыльщицы „отскребаютъ“ у молодой Еврейки или ужь у отживающей свой вѣкъ, заплывшей жиромъ Жидовки всякую задоринку, отколупываютъ каждый крохотный, поджившій подсохшій струпчикъ, вытягиваютъ всѣ складочки гдѣ бы то ни было образовавшихся морщинокъ, оттираютъ всю нечисть отовсюду, куда только возможно добраться, расчесываютъ всѣ волосы, такъ чтобъ ни одинъ волосокъ не слился и не скрутился съ другимъ волоскомъ, а особая, спеціально только на одинъ этотъ предметъ содержимая прислужница не то что стрижетъ, а особо-приспособленнымъ ножемъ рѣжетъ имъ на рукахъ и ногахъ ногти, положительно до голаго мяса, такъ что нерѣдко у не вошедшихъ еще въ полные лѣта бабенокъ пальцы постоянно болятъ, а изъ-подъ ногтей показывается кровь.

§ 5. Также, если она погружалась въ микву въ пятницу вечеромъ, а потомъ нашла у себя хацицу, напримѣръ, что-нибудь такое подъ ногтемъ, она можетъ снова погружаться въ микву. Или, напримѣръ, если, возвращаясь домой изъ миквы, она встрѣтитъ что-нибудь нечистое, напримѣръ, собаку или свинью, а послѣ такихъ встрѣчь она, по усвоенному ею обыкновенію или зароку, привыкла погружаться снова, то это второе принятіе миквы она можетъ совершить еще въ пятницу же вечеромъ.

Поясненіе.—Здѣсь подъ встрѣчею разумѣется только одна лишь

первая встрѣча. Нечистою встрѣчею считается не одна собака или свинья, а для ригористокъ — вообще мужчина, на открытомъ мѣстѣ, на улицѣ, на-юру отправляющій свои естественныя потребности, что въ здѣшнихъ мѣстностяхъ отнюдь не большая рѣдкость, какъ въ отношеніи къ мужчинамъ, также точно и въ отношеніи къ прекрасному полу: стѣсняться этимъ онѣ не охотницы, за исключеніемъ, конечно, Вильны и тѣхъ пунктовъ, въ другихъ городахъ, гдѣ есть возможность, кому слѣдуетъ, услѣдить за этимъ и прекратить неблагочиніе. Но надо сказать правду, вмѣстѣ съ собакой и съ свиньей, старовѣрствующіе Евреи считаютъ нечистою встрѣчей и встрѣчу съ гоемъ, то есть, съ христіаниномъ или съ Татариномъ (благо, этихъ послѣднихъ здѣсь много, хотя по наружнымъ примѣтамъ ихъ ничѣмъ нельзя отличить отъ другихъ: такъ они проникись всѣми атрибутами мѣстной интеллигенціи). Для устраненія подобныхъ неудобствъ, а для Еврейки, стремящейся къ мужу, даже и несчастія, каждая еврейская баня, какъ кажется, содержитъ при себѣ, по найму, особаго „перваго встрѣчнаго": замѣчательно находчивое изобрѣтеніе. Случается, что сами мужья ждутъ случая быть первыми встрѣчными: по цѣлымъ часамъ, иногда на трескучемъ морозѣ, а не то и въ непролазной грязи они поджидаютъ своихъ благовѣрныхъ, лишь бы дать имъ случай, для первой встрѣчи, платьемъ или локтемъ обтереться около мужа—для вѣрнѣйшаго кошера.

§ 6. Если она совершила миквенное погруженіе въ пятницу, а потомъ вдругъ спохватилась, что забыла подрѣзать ноготь, хоть бы одинъ, то должна обратиться къ мудрецу за совѣтомъ—какъ ей поступить.

§ 7. Исходъ субботы имѣетъ такой же законъ, какъ вечеръ пятницы: она не должна дѣлать погруженій въ миквѣ въ исходѣ субботы, развѣ раньше не могла.

§ 8. Праздникъ имѣетъ законъ субботы во всемъ, про что здѣсь говорилось.

§ 9. Если кто женится на вдовѣ, и первое ея, въ качествѣ невѣсты, погруженіе прійдется въ пятницу вечеромъ, то она должна спросить объ этомъ у мудреца.

§ 10. Никакая женщина не должна дѣлать погруженій въ

CALIFORNIA. ACADEMY OF SCIENCES

миквѣ днемъ: можно только вечеромъ, когда звѣзды показались.

§ 11. Если она проступилась противъ этого и дѣлала погруженія днемъ, то законъ вотъ что говоритъ: если это былъ седьмой, изъ числа чистыхъ, день, то погруженіе до появленія звѣздъ утратило все свое значеніе,—при звѣздахъ она должна снова идти въ микву; если же это случилось въ день послѣ семи чистыхъ дней, то погруженіе въ восьмой день, вслѣдствіе совершившагося уже факта погруженія, считается погруженіемъ, однакожь жена все еще запрещена мужу до вечера. Но смотря на дѣло легально, ни одна женщина не должна даже запоздалое погруженіе дѣлать днемъ: та, которая днемъ принимаетъ микву, называется развратною.

§ 12. Если она преступила заповѣдь и была въ миквѣ днемъ въ седьмой день, то, какъ мы уже сказали, она вечеромъ снова должна окунуться въ миквѣ. Таковъ же законъ, если это случилось даже въ пятницу.

§ 13. Если обстоятельства никакъ не дозволяютъ ей погрузиться въ миквѣ ночью, то законъ таковъ: въ седьмый день никакія обстоятельства не могутъ послужить ей въ оправданіе; при запоздаломъ погруженіи, напримѣръ, въ восьмой день, она должна спросить мудреца; онъ, по всей вѣроятности, ей разрѣшитъ; но сама по себѣ она отнюдь не должна этого дозволять.

§ 14. Невѣста, принимающая миквенное погруженіе передъ свадьбой, если это седьмой изъ ея чистыхъ дней, непремѣнно должна дѣлать погруженія ночью; но ей разрѣшается дѣлать это и днемъ въ восьмой изъ чистыхъ дней. Богоугодное дѣло разглашать этотъ законъ между женщинами, которыя думаютъ, что невѣстѣ всегда разрѣшено ходить въ микву днемъ, даже въ седьмой день: но въ седьмой день—сохрани Богъ! ни замужняя женщина, ни невѣста не могутъ дѣлать погруженій днемъ. Для восьмаго дня есть различеніе: невѣста можетъ, но женщина — de jure отнюдь не должна. Да и новобрачная, если они идетъ въ микву послѣ свадьбы, первое

свое погруженіе не можетъ de jure производить днемъ, хотя бы и на восьмые сутки.

Поясненіе.—Если бы желанный для еврейской женщины срокъ идти въ микву наступилъ въ день еврейскаго постнаго праздника, когда Еврею, въ продолженіе цѣлыхъ 26—30 часовъ, нельзя ни пить, ни ѣсть (именно, въ Іомъ-Кипуръ или въ день отпущенія, здѣсь по польски называемый Босѣны, потому что въ этотъ день Евреи должны и дома, и въ синагогѣ, непремѣнно быть босы, безъ обуви, хоть и въ чулкахъ), то погруженіе въ миквѣ дѣлается рѣшительно недостижимымъ: въ эти дни миква запрещена. Невѣста и, вообще, женщина, которой исполнилось 45 лѣтъ, и которая покончила всѣ расчеты по части осквернения, въ микву ужъ не ходятъ.

ГЛАВА XVIII.

§ 1. Женщина должна погрузить въ микву все тѣло сразу, но никакъ не частями или послѣдовательно, напримѣръ, сперва сунуть руку, потомъ ногой ступить: нѣтъ; надо разомъ нырнуть въ воду, черезъ голову, всѣмъ корпусомъ, чтобъ вода охватила все тѣло.

§ 2. Ни одинъ волосъ не долженъ быть спутанъ; если и одинъ волосъ спутанъ, погруженіе не въ погруженіе.

§ 3. Погруженіе теряетъ всю силу, если волосы на потѣющихъ частяхъ тѣла слиплись.

Поясненіе.—Въ микву, устрояемую обыкновенно ниже уровня общей площади банй, при которой она существуетъ, надо сходить по ступенькамъ, мокрымъ отъ слѣдовъ и скользкимъ отъ малой опрятности. Площадь миквы никакъ не больше 4 или 4½ аршинъ въ длину и ширину. Въ этой трущобѣ и днемъ царитъ мракъ. На одной изъ ступенекъ сидитъ опытная, пожилая Еврейка-блюстительница, либо съ горящею лучиною, либо съ сальною свѣчей, а не то и съ керосиновою лампочкой. Если та замѣтитъ, что полѣзшая въ микву женщина не такъ, какъ слѣдуетъ, нырнула, или вынырнувъ, не такъ, какъ слѣдуетъ, встала и совершила троекратное свое погруженіе, она кричитъ „трефъ!“—и женщина должна снова начать погруженія; если она замѣтитъ, что у нырнувшей

енщины, хотя бы въ одномъ изъ троекратныхъ ея окунаній, волосы не всѣ погрузились вмѣстѣ съ тѣломъ, а нѣсколько волосинокъ плаваютъ на поверхности воды, она снова кричитъ „трефъ!“ и та опять-таки должна все начать сызнова, пока надсмотрщица провозгласитъ „кошеръ!“ и не дастъ знать этимъ, что духовное очищеніе совершилось окончательно.

§ 4. Колтунъ у женщины, опасающейся его снять, не составляетъ хацицы.

§ 5. Гной на вѣкахъ глазныхъ, подсохшій или еще влажный, есть хацица. Но матерія подъ вѣками тогда только считается хацицей, когда подсохла, а если она мокра и мягка, это не хацица; но если она уже пожелтѣла, или позеленѣла, или посинѣла, то вотъ это хацица.

§ 6. Запекшаяся и подсохшая кровь на вередѣ—хацица, а матерія внутри вереда—не хацица.

§ 7. Если матерія изъ вереда вытекла и прилипла къ тѣлу, то до трехъ дней это не хацица, а послѣ трехъ дней хацица, потому что въ продолженіе этого времени она ужь подсохла.

§ 8. Сопли, засохшія около носа,—хацица; поэтому еще въ банѣ женщина должна тщательно обмыть носъ; то, что въ носу, не образуетъ хацицы, но ей слѣдуетъ также и носъ вычистить.

§ 9. Если женщина отворяла себѣ кровь, то остающаяся на ранкѣ кровь въ первые три дня—не хацица, а послѣ трехъ дней—хацица и будетъ хацицей, пока не пройдетъ совсѣмъ.

§ 10. Если у женщины короста или струпья, то она должна отпарить ихъ въ банѣ, въ теплой водѣ, пока не отмокнутъ; полутвердые струпья надо снять, хотя бы это и боль причиняло: иначе погруженіе въ микву не въ погруженіе. Въ нашихъ священныхъ книгахъ разсказывается, что нѣкоторые набожные и знающіе люди не довѣряли женамъ въ сниманіи подсохшихъ болячекъ и потому сильно предостерегаютъ женщинъ отъ подобнаго упущенія.

§ 11. Пластырь на вередѣ—хацица.

§ 12. Заноза деревянная, стеклянная или какая бы то ни

была, проникшая въ тѣло, должна быть передъ миквою вынута, если она не углубилась внутрь, за кожицу; но если она вошла ужь подъ кожу, это—не хацица.

§ 13. Легкій потъ на тѣлѣ—не хацица, но если онъ какъ бы заглазурился, подсохъ и лоснится, тогда это—хацица.

§ 14. Крошечные катышки грязи, образующіеся при потираніи рукой объ руку или при треніи по тѣлу,—хацица.

§ 15. Чернила, глина и кровь, если они крѣпко пристали къ тѣлу, хотя бы были и мокры, образуютъ хацицу. Краска—тоже.

§ 16. Всякая нечистота подъ ногтями—хацица.

§ 17. Самые ногти—хацица: если женщина была въ миквѣ и забыла обрѣзать какой - нибудь ноготь, она должна, обрѣзавъ его, снова совершить погруженіе.

§ 18. Если, съ наступленіемъ субботы, возвратясь изъ миквы, женщина спохватилась, что забыла своевременно обрѣзать ноготь, то она должна обратиться къ мудрецу съ вопросомъ, какъ ей поступить. Въ полупраздничные дни недѣль Пасхальной и Кущной она должна стараться, чтобъ ногти ей обрѣзывалъ не Еврей, а если такого у нея въ виду нѣтъ, то можетъ и сама: нужно только, чтобъ она обрѣзала себѣ ногти какъ-нибудь иначе, чѣмъ обрѣзаетъ ихъ обыкновенно.

§ 19. Если у нея на ногтѣ нарывъ, и остричь его она не можетъ, то должна „обратиться съ вопросомъ“.

§ 20. Она должна тщательно выковырять себѣ въ зубахъ, потому что иначе, если она найдетъ, что у нея въ зубахъ что-нибудь навязло, погруженіе ея въ миквѣ утрачиваетъ всякое значеніе.

§ 21. Во весь день передъ вечеромъ погруженія ей возбраняется ѣсть мясо.

§ 22. Если срокъ погруженія въ микву приходится въ исходѣ либо субботы, либо праздника, то она можетъ и мясо ѣсть, только непремѣнно послѣ того тщательно выковырять въ зубахъ.

§ 23. Если она не старательно вымыла сокрытыя части

тѣла и мѣста, гдѣ есть морщины и складочки, а потомъ нашла хацицу, то совершившееся въ миквѣ погруженіе теряетъ всякое свое значеніе и силу.

§ 24. Если во время миквы ей что-нибудь попадетъ въ ротъ, хотя бы волосокъ, или во время нырянія она крѣпко сожметъ ротъ, либо руки, такъ что миквенная вода не можетъ всюду свободно проникнуть, такая миква не въ микву.

§ 25. Когда женщина совершаетъ микву, къ ней никто не долженъ прикасаться; но если бы встрѣтилась необходимость поддержать ее, то надзирающія женщины должны прежде погрузить свои руки въ микву и ужъ тогда, мокрыми руками, ее придержать.

§ 26. Дно въ миквѣ должно быть безъ глины; если въ миквѣ женщина наступитъ на глину, миква не въ микву.

§ 27. Миква не даетъ очищенія и тогда, когда ей (*женщинѣ*) въ промежутки пальцевъ на ногахъ попадутъ щепочки или кусочки грязи.

§ 28. Женщина не должна совершать очистительнаго погруженія въ открытыхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ случиться прохожіе люди: въ противномъ случаѣ она изъ боязни, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ ея, станетъ торопиться и зря совершать микву.

§ 29. Она не должна окунаться въ миквѣ совершенностòймя или опустившись всѣмъ тѣломъ: при такихъ положеніяхъ корпуса многія его части остаются недоступными водѣ.

§ 30. Она должна слегка пригнуться такимъ образомъ, какой принимается когда тѣсто на столѣ катаютъ: тутъ вода проникнетъ и въ пахи, и подъ груди. При усиленномъ нагибаніи, опять-таки вода будетъ недоступна для сокрытыхъ частей тѣла.

§ 31. Руки и ноги она должна держать въ миквѣ въ такомъ положеніи, какъ будто ходитъ по улицѣ; если плотно прижать ихъ къ корпусу, вода не охватитъ всѣхъ частей тѣла, а безъ того и миква не въ микву.

§ 32. Воды въ миквѣ должно быть, по крайней мѣрѣ, на столько, чтобъ хватало на палецъ выше пупа.

§ 33. Она не должна ни сильно смыкать глазъ, ни сжимать рта, тоже и не раскрывать ихъ черезъ-чуръ, потому что въ такихъ случаяхъ погруженіе теряетъ свое значеніе.

§ 34. Женщина должна совершать миквенныя погруженія не торопливо, а обдуманно, и постоянно имѣть на мысляхъ все то, что ей предлежитъ по закону дѣлать. Она должна произносить благословеніе радостно и безбоязненно: бояться тутъ нечего! За совершеніе этой великой заповѣди она будетъ спасена отъ всего дурного. Благо ей, благо душѣ ея и въ семъ, и въ будущемъ мірѣ; она непремѣнно выроститъ дѣтей учеными. Но если она всего этого не станетъ соблюдать, горе ей, горе душѣ ея!—она живетъ съ мужемъ, будучи ниддою! Душа ея будетъ бросаема пращею, а тѣло истерзаютъ ангелы-истребители! И потому честныя жены, ради страха Божія, должны беречь себя, пожалѣть себя, пожалѣть свою душу: за это имъ непремѣнно хорошо будетъ.

Поясненіе. — Молитвенное къ Богу обращеніе, при окунаніяхъ въ миквенномъ погруженіи, состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: „Благословенъ Ты, Іегова, Богъ нашъ, Царь вселенной, освятившій насъ Своими заповѣдями и заповѣдавшій намъ миквенное (водное) погруженіе“. Надо постоянно помнить, что слово Іегова *никогда* не произносится; оно страшитъ Еврея и наводитъ на него священный ужасъ: отъ этого, если при присягѣ Еврей вынужденъ будетъ обстоятельствами выговорить собственными устами это слово, тогда его присяга будетъ крѣпка.—Въ выраженіи: „душа ея будетъ бросаема пращею“ подразумѣвается само собою слѣдующее дополненіе: изъ одного края преисподней въ другой.

§ 35. Израильтянка должна присутствовать при погруженіи женщинъ въ микву, слѣдить за погружающеюся и смотрѣть, не выдается ли у нея какая-нибудь часть тѣла или хоть даже волосъ изъ-подъ воды.

§ 36. Въ случаѣ сомнѣнія въ томъ, что волосъ не тонулъ, а держался на водѣ, она должна снова начать погруженіе.

§ 37. Передъ вступленіемъ въ микву надо, чтобъ она прочистилась, то есть, и помочилась, и „совершила большое“,

если можетъ, а потомъ, чтобъ всѣ мѣста подчистила отъ остатковъ изверженій.

§ 38. Два волоса, слѣпленные какъ глиною на головѣ, — хацица. Два волоса нижней рѣсницы, слѣпившіеся съ волосами верхней вѣжди,—хацица.

§ 39. Должна хорошо обмыть пыль съ ногъ.

§ 40. Бываютъ такія вши, что̀ крѣпко впиваются въ тѣло между волосъ; ихъ называютъ „мандавошками“: предъ погруженіемъ въ микву женщина обязана отпарить ихъ у себя въ теплой водѣ и выковырнуть ногтями.

Поясненіе.—Слово, поставленное между кавычками, получило ъ жидовскомъ языкѣ право гражданства; въ брошюрѣ, подавшей водъ къ настоящему переводу, оно набрано еврейскимъ шрифомъ, какъ свое родное.

§ 41. Женщина должна быть застѣнчива, то есть, не подавать и виду, что она идетъ въ микву. Та, которая разсказываетъ всякому, что она въ микву идетъ,—скотина: это про нее-то и сказано въ Писаніи: „проклятъ тотъ, кто со скотиной совокупляется“. И потому ей надо быть осторожною.

§ 42. Когда она, послѣ миквы, идетъ домой, она должна норовить такъ, чтобъ первою встрѣчей не попался ей какой-нибудь нечистый предметъ, напримѣръ, или собака, или свинья, или простолюдинъ, который не молится, не возлагаетъ на себя тефилиновъ, или нечестивецъ. Если она повстрѣчала кого-нибудь изъ нихъ, и если она женщина богобойная, она должна вторично принять микву, но уже безъ благословенія.

(О первой встрѣчѣ см. поясненіе къ § 5, гл. XVII.)

§ 43. Послѣ совершенія миквеннаго погруженія женщина не должна уже ни купаться, ни мыться.

ГЛАВА XIX.

§ 1. Мытье, непосредственно передъ миквой, въ банѣ должно распространяться на всѣ сокровенныя мѣста и только водою, но никакъ не другими жидкостями. Надо расчесать

всѣ волосы, такъ чтобъ ни одинъ волосокъ не сцѣпился съ другимъ.

§ 2. Потомъ она должна окатить себѣ все тѣло, и особенно, голову старательно вымыть теплою водой и высмотрѣть, чтобъ все было чисто оттерто и отскоблено.

§ 3. Промывку волосъ и мытье тѣла надо дѣлать не холодною, а только теплою водой. Особенно голову ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ обливать холодною водой.

§ 4. Мыться въ банѣ должно во время дня, въ ближайшую пору къ сроку, въ который дозволительно совершать миквенное погруженіе.

§ 5. Если срокъ миквы совпадаетъ съ исходомъ субботы, то въ пятницу до сумерекъ она должна сходить въ баню, вымыться и расчесать, какъ слѣдуетъ, волосы; но въ исходѣ субботы она снова должна сходить въ баню, снова вымыться и расчесаться и тогда ужь идти въ микву принимать водное погруженіе.

§ 6. Если срокъ воднаго погруженія приходится въ пятницу вечеромъ, то въ банѣ отмыться, обскоблиться, окатиться и расчесаться надо быть еще засвѣтло, чтобы какъ нибудь—оборони Богъ!—не нарушить субботней святыни; потомъ надо выждать появленія звѣзды, а тогда ужь и принять микву.

§ 7. Въ промежутокъ времени между баней и миквой, она не должна брать на руки ребенка; вообще должна беречься, какъ бы не опачкаться.

§ 8. Когда она, послѣ дней очищенія, взяла на руки ребенка, нечистаго отъ изверженій, глины или грязи, а потомъ, не осмотрѣвшись, чиста ли она, или нѣтъ, приняла микву, она должна вторично начать погруженіе.

§ 9. Если до принятія миквы женщина не тщательно расчесала себѣ волосы, хотя бы они и не были между собою спутаны, миква не въ микву. Миква не въ микву и тогда, если она и волосы себѣ расчесала какъ надо, да не осмотрѣла себя, чисто ли все тѣло.

§ 10. Относительно благословенія женщины должны быть

очень осторожны. Священный Шело пишетъ: мужчины должны предостерегать своихъ женъ, чтобъ онѣ прежде окупались, а потомъ произнесли бы благословеніе, и тогда ужь еще разъ погрузились. Тѣ, которымъ нѣтъ возможности еще разъ дѣлать погруженій, должны поступать, какъ сказано въ „Шульханъ - Арухѣ“: благословеніе возносить, совершивъ погруженіе.

Поясненіе.—Священный Шело—это названіе и книги, и автора ея. Но вотъ что тутъ надо замѣтить. Имя автора, по-еврейски, изображается тремя буквами Ш, Л и Г, съ выпускомъ, конечно, гласныхъ, и въ чтеніи произносится Ше Ло'Г. Въ сущности же и фамиліи этакой нѣтъ, это родъ псевдонима; здѣсь монограма, въ которой первая буква Ш означаетъ „Шлёме“, то есть, Соломонъ, Л означаетъ „Лейба“ или Левія, а Г значитъ „Гиршовичъ“, то есть, сынъ Гирша.

§ 11. Тѣ, которые имѣютъ обыкновеніе два раза дѣлать погруженія, должны оба погруженія совершать со всею тщательностію, отнюдь не допуская мысли, что это не важная штука.

§ 12. Тѣ, которые имѣютъ обыкновеніе по два раза погружаться въ микву, такъ всегда и должны поступать, никогда не измѣнять этому, потому что усвоенное обыкновеніе пріобрѣтаетъ важность обѣта.

§ 13. Вознося благословеніе, женщина не должна смотрѣть внизъ на воду; она должна поднять глаза кверху, а руки сложить у сердца. По окончаніи славословія, она опускаетъ руки и даетъ имъ обыкновенное положеніе, какъ бы во время ходьбы.

Павелъ Небольсинъ.

Вильна,
10-го января 1872 г.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

ВО ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ

НА ЮГО-ВОСТОКЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ [1]).

Главная задача моей поѣздки въ Олонецкую губернію была зоо-
графическая, и сообразно съ нею распредѣлялись мои занятія:
цѣль руководила мною въ выборѣ мѣстъ пребыванія, иногда
тынныхъ и малолюдныхъ, и она же опредѣляла періоды и время
ебыванія въ разныхъ пунктахъ губерніи, впрочемъ только въ юго-
точной ея части. Такъ, всю весну со второй половины апрѣля
начала іюля 1871 года, я провелъ при устьѣ р. Вытегры, имѣя
сь дѣло преимущественно съ озерными и рѣчными водами,
болотами и густыми лѣсами, и по временамъ только предприни-
ъ нѣкоторыя экскурсіи по сторонамъ; затѣмъ здѣсь же я про-
ъ и большую часть сентября, по возвращеніи съ Водлозера,

---

[1]) Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ часть результатовъ, пріобрѣтен-
ъ чл.-с. И. С. Поляковымъ въ теченіе его зоогеографической экспедиціи въ
нецкую губернію въ 1871 году. Свѣдѣнія, относящіяся до снаряженія этой
педиціи, а именно: представленіе Отдѣленія Физической Географіи и опредѣ-
іе Совѣта по этому предмету находятся въ Извѣстіяхъ Имп. Р. Геогр. Об-
тва, т. VII, отд. I, стр. 142 и 150—153; краткіе же отчеты о ходѣ экспеди-
помѣщены тамъ же, отд. II, 125 — 130, 158 — 160, 250 — 261, 311 — 320,
—353. *Ред.*

около котораго прожилъ почти весь іюль и часть августа, совершивъ отсюда экскурсію, въ виду тѣхъ же зоологическихъ цѣлей, на Кенозеро. Но если среди подобнаго хода путешествія я не могъ строго систематически вести этнографическія наблюденія, то съ другой стороны, не могъ и избѣжать столкновеній съ человѣкомъ. Многія ночи проведены мною среди крестьянской семьи по деревнямъ, въ рыбацкихъ хижинахъ по берегамъ водъ, въ звѣроловческихъ лачугахъ по лѣсамъ; даже самыя болота и берега озеръ, представляющія большой интересъ въ отношеніи своихъ животныхъ обитателей, не остались безъинтересными и по отношенію къ судьбѣ и развитію человѣка: и въ нихъ нашлись предметы, могущіе со временемъ послужить матеріаломъ для изученія уже вымершихъ человѣческихъ племенъ. На основаніи этихъ-то наблюденій и находокъ, вмѣстѣ со многими извѣстными, но разбросанными данными, составлены два нижеслѣдующіе этнографическіе очерка, касающіеся: первый — слѣдовъ существованія вымершаго человѣка, и второй — условій быта современнаго населенія въ юго-восточной части Олонецкой губерніи. При этомъ мнѣ хотѣлось уяснить роль природы въ судьбѣ человѣка, и обратно обозначить тѣ измѣненія, которыя человѣкъ произвелъ среди этой самой природы; сверхъ же того, при разсмотрѣніи многихъ фактовъ изъ современнаго быта, мнѣ хотѣлось также указать на нихъ, какъ на остатки вліянія прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ.

Слѣды каменнаго вѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи.

I.

Каменный вѣкъ: его всеобщее распространеніе; его интересъ по отношенію къ развитію и началу цивилизаціи человѣчества; отдаленность этого начала: измѣненіе климата, земной поверхности и животныхъ.—Указаніе на интересъ зоотехническій. — Отношеніе каменнаго вѣка къ бронзовому и желѣзному; его однообразіе.—Каменный вѣкъ въ новѣйшее время въ Камчаткѣ; его принадлежности сходны съ древнѣйшими и изъ различныхъ странъ.—Указаніе на причины однообразія каменнаго вѣка въ связи съ умственными свойствами людей.—Изслѣдованія Бутенева о каменныхъ орудіяхъ въ Олонецкой губерніи.

Въ тѣхъ мѣстахъ земной поверхности, гдѣ человѣкъ поселился въ историческія времена, и гдѣ, благодаря ему, блестятъ въ настоящее время разнообразнѣйшіе металлы и минералы, въ ихъ полной чистотѣ, въ самыхъ прихотливыхъ формахъ и видахъ, предназначенныхъ къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ цѣлей и потребностей, гдѣ развѣваются ткани, щеголяющія узорами и тонкостью своего сложенія,—тамъ въ почвѣ, при копаніи каналовъ для хода судовъ или при установкѣ фундаментовъ для домовъ огромной величины и изощренной архитектуры, нерѣдко находятъ особаго рода издѣлія изъ грубаго камня и кости, носящія на себѣ ясные слѣды глубокой древности, но чрезвычайно мало признаковъ труда такой же человѣческой руки, подъ вліяніемъ которой возникаетъ вся масса искусственныхъ предметовъ настоящаго времени. Однакоже теперь безспорно доказано, что эти грубыя издѣлія изъ камня и кости, находимыя на всѣхъ протяженіяхъ земной поверхности, во всѣхъ частяхъ свѣта, принадлежатъ человѣку и относятся къ той порѣ его существованія, когда онъ не зналъ употребленія металловъ. Эта эпоха человѣческаго развитія, называемая *каменнымъ вѣкомъ*, была одною изъ первыхъ ступеней, на которой человѣкъ проявилъ свои силы въ искусствѣ и доказано [1]), что чрезъ нее прошли всѣ историческіе цивилизованные народы, извѣстные теперь на землѣ; такимъ образомъ,

[1]) *Тайлоръ*, До-историческій бытъ человѣчества (М. 1868), стр. 254 и далѣе о каменномъ вѣкѣ.

каменный вѣкъ существовалъ у Японцевъ (отъ которыхъ привезена богатая коллекція каменныхъ орудій Зибольдомъ), у Китайцевъ, гдѣ о каменномъ вѣкѣ свидѣтельствуютъ письменные памятники, у Евреевъ, гдѣ это обнаруживается изъ лингвистическихъ данныхъ и обычаевъ (обрѣзаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ острымъ кремнемъ); существовалъ онъ также у различныхъ европейскихъ народовъ, начиная съ Грековъ и кончая Ирландцами, у которыхъ даже въ наше время въ кузницахъ, на ряду съ желѣзными молотками, употребляются большіе каменные, на подобіе того, какъ это замѣчено въ копяхъ алтайской Чуди [1]).

Это признаніе въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка вліянія человѣческаго труда, а также очевидная и часто тѣсная связь съ этимъ періодомъ нынѣ живущихъ народовъ, съ одной стороны, доказываютъ, что рамки обыкновенной исторіи человѣка весьма тѣсны и узки и далеко не охватываютъ въ настоящемъ объемѣ человѣческой дѣятельности; съ другой же стороны, эти остатки прошлаго труда приводятъ къ очевидному заключенію, что и человѣкъ, какъ всѣ другія органическія созданія, подчиняется закону постепеннаго развитія, что и онъ въ своей жизни, въ своей собственной организаціи и дѣятельности восходитъ отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ простыхъ жизненныхъ отношеній къ сложнымъ.

Отсюда становится яснымъ интересъ каменнаго вѣка съ бытомъ его обитателей, названнымъ до-историческимъ, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ той исторіи, которая называется въ тѣсномъ смыслѣ всеобщею исторіей человѣчества, и которой онъ тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе въ сѣдую глубину протекшихъ вѣковъ. Бытъ обитателей этого періода интересенъ для насъ, какъ забытая, но поучительная картина знаменитаго художника, краски которой стерлись силою времени и покрылись толстымъ покровомъ земли и пыли; возобновляя ихъ, мы возстановляемъ отдѣльныя подробности картины; можетъ быть, мы никогда не дойдемъ до возможности схватить выраженіе лица у представленныхъ дѣйствующихъ лицъ, но обнаружимъ ихъ обстановку и характеръ; получимъ

[1]) *Эйхвальдъ*, О чудскихъ копяхъ, стр. 520.

понятіе объ ихъ пищѣ, объ ихъ промыслахъ (чему служитъ прекраснымъ примѣромъ первобытный быкъ, найденный въ скандинавскихъ торфяникахъ со слѣдами каменной стрѣлы въ боку) [1]; въ первыхъ грубыхъ орудіяхъ изъ дикаго камня, въ неменѣе грубыхъ плетеныхъ произведеніяхъ изъ растительныхъ волоконъ, въ обломкахъ посуды изъ глины въ смѣси съ большимъ количествомъ песку, также въ весьма простыхъ и безыскусственныхъ украшеніяхъ прослѣдимъ зачатки той высокой, сравнительно со всѣмъ этимъ, культуры, которая въ настоящее время разрослась столь роскошнымъ цвѣтомъ. Но этимъ интересъ далеко не исчерпывается, даже еслибъ мы прибавили, что въ каменномъ вѣкѣ мы находимъ ключь къ раскрытію источника многихъ предразсудковъ, мнѣній и обычаевъ, распространенныхъ до сихъ поръ въ человѣчествѣ, въ силу того подмѣченнаго закона, по которому искусства или обычаи, вышедшіе изъ употребленія въ частной жизни, сохраняются въ торжественныхъ случаяхъ [2]; не иначе, какъ здѣсь же, есть возможность уловить связь между народами въ до-историческія времена, связь кровную, торговую, враждебную и т. д.

Есть еще одна не менѣе завлекательная сторона, выясняемая каменнымъ вѣкомъ въ исторіи развитія человѣка. Въ этой эпохѣ кроются доказательства, что не только человѣкъ видоизмѣнился съ первыхъ временъ своего появленія на землѣ, но даже и самыя мѣста, гдѣ онъ обиталъ въ до-историческія времена, приняли во многихъ случаяхъ другую физіономію. Первобытный человѣкъ наблюдалъ ледяной покровъ и терпѣлъ холодъ тамъ, гдѣ теперь мы видимъ созрѣваніе многихъ нѣжныхъ плодовъ и прекрасные сочные луга, какъ напримѣръ, въ Англіи [3]; долины, гдѣ онъ оставилъ свои грубыя издѣлія, заполнились въ наше время толщами глинъ, известковыхъ отложеній и т. д. (на берегахъ рѣки Соммы) [4]. Мѣста,

---

[1]) *Nilsson*, Das Steinalter oder die Ureinwohner des Scand. Nordens, табл. XI, фф. 220—222.

[2]) *Тайлоръ*, 218.

[3]) *Ляйелль*, Древность человѣка, 196 и 217; ср. *В. Генъ*, Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію, а также и въ остальную Европу, стр. 2 и слл.

[4]) *Ляйелль*, 114.

составлявшія во время его отдаленнаго существованія берега моря, теперь отдѣлены отъ морскихъ водъ цѣлыми милями разстоянія [1]); тамъ, гдѣ былъ проливъ, теперь перешеекъ (Ютландія) [2]); перешейки же, соединявшіе двѣ страны и служившіе путями сообщенія для людей, оказались проливами (Большой и Малый Зундъ) [3]). Еще ярче перемѣна въ животныхъ. Тѣ изъ нихъ, на которыхъ первобытный человѣкъ, можетъ быть, охотился, и по близости съ которыми жилъ, извѣстны въ настоящее время только по немногимъ рѣдкимъ остаткамъ, сохраняющимся въ музеяхъ; таковы мамонтъ [4]), носорогъ, гиппопотамъ, первобытный быкъ, пещерные медвѣди, гіены и т. д. Вся эта богатая и древняя фауна, которую такъ удачно пережилъ человѣкъ, относится преимущественно къ Западной Европѣ; у насъ каменныя орудія, вмѣстѣ съ костями нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ (мамонтъ, носорогъ и зубръ), были находимы въ Сибири, въ Нерчинскихъ золотоносныхъ розсыпяхъ [5]), и только остатки человѣческой дѣятельности, относящіеся къ болѣе новому періоду, встрѣчались собственно въ Россіи, въ черноземѣ [6]), образовавшемся однакоже въ то время, когда весь сѣверъ Россіи былъ покрытъ водами или льдомъ.

---

[1]) *Ляйелль*, 11.

[2]) *Ляйелль*, 12.

[3]) *Nilsson*, 186.

[4]) Какъ бы для большаго закрѣпленія этого факта въ памяти, первобытные обитатели Перигорской пещеры съ удивительнымъ искусствомъ и точностію вырѣзывали на своихъ орудіяхъ изображенія мамонта и многихъ другихъ животныхъ; эти памятники дошли до насъ. См. *Le Hon*, L'homme fossile en Europe etc., стр. 70 и слѣд.

[5]) *Эйхвальдъ*, Объ открытіяхъ мѣсторожденій каменнаго угля и графита и о подземныхъ пожарахъ по Нижней-Тунгузскѣ и Таймуру, стр. 33. Сюда же долженъ я присоединить указаніе на весьма интересную находку, сдѣланную въ самое недавнее время въ окрестностяхъ Иркутска: грубыя орудія были выдѣланы изъ бивней мамонта, изъ клыковъ настоящаго оленя-изюбря и изъ глины; погребенныя на глубинѣ 2 м. въ лесѣ, съ наземными раковинами, они сопровождались костями первобытнаго быка, обыкновенной лошади и другихъ млекопитающихъ, вмѣстѣ съ костями птицъ; этотъ слой характеризуется также присутствіемъ остатковъ носорога. *Черскій*, Нѣсколько словъ и проч., въ Извѣст. Сиб. отд. Р. Г. Общ., т. III, № 3, стр. 167.

[6]) Труды перв. съѣзда р. естествоиспытателей. Отд. Минер. и Геол. *Голоскинскій*. Древн. ост. челов. въ Каз. губ., 41.

Въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ положеній, одинаково важныхъ какъ для антропологіи, такъ и для зоологіи, получаетъ интересъ еще третья, уже чисто практическая область знанія—зоотехника, именно со стороны исторіи происхожденія и законовъ развитія домашнихъ животныхъ. Важныя изслѣдованія, произведенныя въ этомъ направленіи Рютимайеромъ, на основаніи матеріала изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ и частію Натузіусомъ, кратко очерчены профессоромъ К. Ѳ. Кесслеромъ [1]).

Послѣ этого указанія на интересъ каменнаго вѣка я позволю себѣ еще не на долго остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ распространенія его среди человѣчества. Онъ является въ такихъ же отношеніяхъ къ другимъ стадіямъ развитія человѣческой культуры, къ вѣкамъ бронзовому и желѣзному, какія мы замѣчаемъ въ распредѣленіи органической жизни въ теченіи геологическихъ эпохъ. Какъ намъ представляется, что простые и мало совершенные организмы, преобладающіе въ первобытной эпохѣ, смѣняются въ послѣдующія другими, болѣе сложными и совершенными, не переставая въ то же время сосуществовать съ ними одновременно, такъ и въ каменномъ вѣкѣ его принадлежности, находимыя въ концѣ ледниковой эпохи и непосредственно за нею слѣдующей, будучи самыми совершенными орудіями человѣка, смѣняются въ послѣдующіе періоды издѣліями изъ бронзы и желѣза, которыя потомъ у многихъ народовъ достигли замѣчательной сложности и совершенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ у многихъ народовъ грубый топоръ изъ камня, стрѣла и ножъ изъ кремня оставались до новѣйшихъ временъ единственными совершеннѣйшими орудіями, хотя и ставили обладателей ихъ выше тѣхъ животныхъ, которыя ихъ окружаютъ. Эти принадлежности каменнаго вѣка изъ новѣйшихъ временъ играютъ для изслѣдователя до-историческаго быта человѣчества ту же роль, какую для геолога имѣетъ изученіе низшихъ представителей современной флоры или фауны для легчайшаго ознакомленія съ жизнью отдаленнѣйшихъ эпохъ въ развитіи земли.

Хотя въ выдѣлкѣ принадлежностей каменнаго вѣка замѣчается

---

[1]) Нѣкот. замѣтки относительно исторіи домашн. животныхъ въ Труд. Вольнаго Экон. Общ. Т. IV. В. I. 1865 г.

нѣкоторый прогрессъ — на сколько это можно судить по раздѣленію всего періода на двѣ части: вѣкъ не сточенныхъ и вѣкъ сточенныхъ инструментовъ; однакоже самыя орудія у различныхъ народовъ, жившихъ въ отдаленнѣйшія другъ отъ друга времена и въ совершенно противоположныхъ точкахъ земнаго шара, носятъ на себѣ слѣды замѣчательнаго сходства и однообразія, такъ что по выдѣлкѣ и назначенію принадлежностей у новѣйшихъ народовъ вполнѣ вѣрно можно судить о роли ихъ и значеніи у народовъ наиболѣе древнихъ; но за то не менѣе трудно бываетъ отличить, безъ положительныхъ указаній, къ какому періоду времени и какому именно народу принадлежитъ то или другое орудіе. „Это однообразіе каменныхъ инструментовъ различныхъ мѣстъ и временъ", говоритъ Тайлоръ, „такъ велико, что стремится уничтожить ихъ значеніе, какъ отличительныхъ произведеній различныхъ расъ" [1]). Но смыслъ этого вывода, свидѣтельствуя о трудности задачи, не противорѣчитъ однако тому, что присутствіе или отсутствіе нѣкоторыхъ особенныхъ типовъ орудій, а также ихъ геологическое и ихъ географическое распредѣленіе, могутъ дать средство уловить оттѣнки до-историческаго быта въ разныхъ мѣстахъ, что и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ изслѣдованія.

Очеркъ характера каменнаго вѣка въ новѣйшее время мы находимъ между прочимъ у нашего даровитаго путешественника прошлаго столѣтія, Степана Крашенинникова, въ его „Описаніи Камчатки". Приводимъ его слова [2]):

„Вся камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему *чуманахъ*, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ, и собакамъ; кужни употребляли вмѣсто стакановъ, санки — къ ѣздѣ зимою, а лодки — лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нечего, если бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать — строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ

[1]) *Тайлоръ*, 271.

[2]) Опис. Камчатки, II, стр 45 изд. 1818 г. и стр. 31 изд. 1755 г.

ли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило
ѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ,
омянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче, что сіи средства
разумный или ученый народъ вымыслилъ, но дикій, грубый и
рехъ перечесть не умѣющій. Столь сильна нужда умудрять къ изо-
рѣтенію потребнаго въ жизни!

„Прежніе камчатскіе металлы, до прибытія почти Россіянъ,
ли кость и каменье. Изъ нихъ они (Камчадалы) дѣлали то-
ры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ
лались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на
одобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топори-
амъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили
одки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и
ъ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало
мъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія
одки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему *хомягами*
зываются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣлан-
ое изъ дорогаго металла превысокою работою, и всякій острожекъ
огъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью,
юбливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного
стя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Кам-
далъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ, какъ о томъ ниже
ъявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо
леными каменьемъ.

„Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго
усталя на подобіе ланцовъ востроконечные и насаживали ихъ на
ренье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы,
пья и ланцеты, которыми кровь и по нынѣ пускаютъ. Шваль-
ія иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не ток-
платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

„Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухого дерева, на
торыхъ по краямъ наверчены дирочки, да кругленькія изъ су-
го жь дерева палочки, которыя вертя въ ямочкахъ, огонь до-
авали. Вмѣсто трута употребляли они мятую траву тонничъ,
которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи
инадлежности, обертя берестою, каждый Камчадалъ носилъ съ

собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами".

При всей видимой оригинальности этой картины быта едва ли есть въ ней хотя двѣ-три незначительныя частности, исключительно принадлежащія Камчадаламъ. Вообще же подобное описаніе быта съ самыми ничтожными измѣненіями можетъ быть примѣнено и къ большинству другихъ народовъ каменнаго вѣка, которые также обходились безъ металловъ и все рубили, долбили и т. д. инструментами, сдѣланными изъ камня и кости, на подобіе камчатскихъ. Топоры изъ яшмы были распространены въ большей части Европы и даже въ Америкѣ, а стрѣлы, копья и ланцеты во всѣхъ странахъ міра почти всегда производились по совершенно одинаковому образцу; изъ горнаго же хрусталя встрѣчаются издѣлія въ Южной Америкѣ [1]).

Не одни Камчадалы были искусны въ выдѣлываніи иголокъ безъ ушковъ и съ ушками (въ послѣдующія времена они ухитрялись придѣлывать ушки къ сломаннымъ металлическимъ иголкамъ); Штаубъ указываетъ [2]) на подобныя же иголки изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ; только здѣшнія, въ противоположность камчатскимъ, были сдѣланы не изъ собольихъ, а изъ птичьихъ костей. Цѣнно показаніе Крашенинникова на способъ кипяченія камнями, который впрочемъ также не исключительно камчатскій: онъ весьма распространенъ въ Америкѣ и вообще въ южномъ полушаріи [3]). Указанный же способъ добыванія огня еще обширнѣе: онъ распространялся въ Австраліи, у первобытныхъ обитателей Индіи, въ сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ и т. д. [4]). Дважды упоминаемыя Крашенинниковымъ [5]) плетеныя изъ травы рогожи (чирелы) едва ли не имѣютъ чего-нибудь подобнаго въ Новой Зеландіи, произведенія которой, плетеныя изъ пучковъ волоконъ, пред-

---

[1]) *Тайлоръ*, 249.

[2]) Die Pfahlbauten in den Schweizer-Seen. I, 44; II, 21—24.

[3]) *Тайлоръ*, 359.

[4]) *Тайлоръ*, 322.

[5]) Описан. Камч., II, 26 и 102.

ютъ въ свою очередь замѣчательное сходство съ швей-
ими, изъ озерныхъ жилищъ [1]). Но примѣры, подобные
днему, гдѣ мы встрѣчаемъ сходство новѣйшихъ принадлеж-
й съ весьма древними, находятся въ изобилiи у
сона. Этотъ замѣчательный натуралистъ только путемъ
аго изученія новѣйшихъ орудій изъ Сѣверной Америки и
андіи, а также съ острововъ Курильскихъ и другихъ, лежа-
въ Восточномъ Океанѣ, и пр., могъ объяснить назначеніе
аго собранія каменныхъ орудій, вырытыхъ по большей части
скандинавскихъ торфяниковъ и оказавшихся въ большинствѣ
евъ сходными съ первыми [2]). Онъ поражается особенно однимъ
ательнымъ примѣромъ сходства двухъ острогъ, изъ которыхъ
принадлежитъ новѣйшимъ жителямъ Сѣверной Америки, а дру-
зята изъ древнихъ скандинавскихъ торфяниковъ. По этому по-
онъ говоритъ: „Мы замѣчаемъ, что шведское (schonische) орудіе
но также, какъ американское, и трудно понять, какимъ образомъ
акіе народа, какъ современные Эскимосы Сѣверной Америки и
бытные обитатели Скандинавіи, между которыми немыслимо
ить никакого родства, которые такъ отдалены другъ отъ друга
оему происхожденію и мѣсту жительства, пришли къ мысли
ть одинаковымъ образомъ орудіе, столь искусно составлен-
[3]).

другой стороны, Нильсонъ указываетъ [4]) на костяной гарпунъ
шведскихъ торфяниковъ и на подобный ему изъ Перигора во
ціи, гдѣ онъ найденъ вмѣстѣ съ костями давно вымершихъ
ных. Разница между ними та, что у шведскаго зубцы рас-
кены по одну сторону, а у французскаго на двухъ противо-
ных. П. А. Кропоткинъ сообщилъ мнѣ рисунокъ съ костя-
гарпуна, найденнаго въ окрестностяхъ Иркутска и имѣюща-
добное же назначеніе, какъ и два выше указанные. По об-
виду и по расположенію зубцовъ онъ совершенно уподо-

айлоръ, 496.
ilsson, 78, 79.
ilsson, 34.
ilsson, 30, табл. IV., фф. 71 и 72.

бляется Перигорскому, а по числу зубцовъ (4) сходствуетъ со шведскимъ, и отличается отъ нихъ тѣмъ, что у него, вмѣсто зубчиковъ для прикрѣпленія каната, просверлена съ боку дырочка.

Изъ всего этого становится ясною общность въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка на разстояніи тысячь верстъ и въ предѣлахъ длиннѣйшихъ періодовъ времени. И она есть результатъ многихъ обстоятельствъ—силы независимаго изобрѣтенія однихъ и тѣхъ же вещей, кровнаго родства племенъ, торговли и враждебныхъ столкновеній народовъ. Въ заключеніе я приведу слова Тайлора о подобной же общности въ умственной жизни [1]: „Существующее положеніе вещей, конечно, не представляетъ того, чтобъ одно племя дѣлало или знало совершенно то же, что и другое. Но тѣмъ не менѣе, одинаковыя ступени развитія повторяются въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Есть основаніе предполагать, что наши предки въ отдаленные вѣка добывали огонь съ помощію инструмента, очень сходнаго съ ново-зеландскимъ, а въ гораздо позднѣйшій періодъ употребляли лукъ и стрѣлы, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ многія дикія племена. Предыдущія главы, въ которыхъ говорилось объ исторіи нѣкоторыхъ древнихъ искусствъ, о чародѣйствѣ, о нѣкоторыхъ обычаяхъ и суевѣріяхъ, полны примѣрами повторенія сходныхъ явленій въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра. Мы можемъ основательно предположить, что люди одинаковаго ума, поставленные въ очень несходныя условія страны, климата, растительной и животной жизни и т. д., разовьютъ и различныя явленія цивилизаціи, и мы даже знаемъ на опытѣ, что это такъ бываетъ; но тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ степень умственнаго однообразія въ человѣчествѣ, когда мы видимъ, что въ спискѣ двадцати статей искусствъ или знаній, обычаевъ или суевѣрій, взятыхъ на удачу изъ описанія необразованной расы, трудно найдти хотя одну, для которой не нашлось бы нѣчто аналогичное въ другомъ мѣстѣ, у какой-нибудь другой расы, несходной съ первою въ физическихъ чертахъ и живущей за тысячу миль отъ нея“.

Имѣя въ данномъ случаѣ въ виду спеціальный очеркъ обитателей,

---

[1]) *Тайлоръ*, 496.

быта и принадлежностей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи, я привелъ предыдущія общія соображенія съ цѣлью показать, на какія приблизительно находки заранѣе можно разсчитывать (а именно—на каменные топоры, кремневые наконечники стрѣлъ, копья и пр.), и что въ большинствѣ случаевъ видимое отсутствіе однихъ изъ этихъ или подобныхъ имъ весьма распространенныхъ факторовъ тамъ, гдѣ найдены другіе, можетъ быть приписано скорѣе неимѣнію удобнаго случая открыть ихъ, чѣмъ дѣйствительному ихъ недостатку. Съ другой стороны слѣдуетъ, что рѣшительная важность принадлежностей и дѣйствительное ихъ значеніе для рѣшенія конечной задачи—возстановить до-историческій бытъ и племенныя свойства обитателей каменнаго вѣка мыслимы лишь подъ условіемъ полноты ихъ и связи со всесторонниимъ изслѣдованіемъ мѣстности во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, съ геологическаго до чисто антропологическаго. Если первая часть этого вывода побудитъ изслѣдователя къ энергичнымъ и настойчивымъ поискамъ, то вторая неизбѣжно должна воздержать его отъ заключеній преждевременныхъ. Вполнѣ признавая заслуги Н. Ѳ. Бутенева по собиранію его богатой коллекціи каменныхъ орудій въ Олонецкой губерніи, я полагаю, что онъ былъ не совсѣмъ правъ, когда говорилъ о рѣзкой противоположности въ характерѣ каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи сравнительно съ Западною Европой, слѣдующимъ между прочимъ образомъ: „Скопленія сколько-нибудь значительнаго числа каменныхъ орудій до сихъ поръ встрѣчено не было: а находились они обыкновенно по одиночкѣ, и мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, что найдены были три каменныя орудія вмѣстѣ, но какъ это было на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, то слѣдуетъ полагать, что они хранились въ домѣ и послѣ пожара остались на пепелищѣ. Глиняныхъ древнихъ сосудовъ, равно какъ и орудій костяныхъ, роговыхъ, бронзовыхъ, ни съ каменными предметами, ни особенно встрѣчено не было. Ни жертвенныхъ, ни надгробныхъ камней, равно какъ могильныхъ кургановъ, склеповъ и гробницъ и ничего имъ подобнаго розыскать я въ томъ краѣ не могъ, и полагаю, что ихъ тамъ нѣтъ“. Разница въ такомъ видѣ не оправдывается даже и общими заключеніями о характерѣ распространенія каменнаго вѣка, а съ другой стороны, изъ дальнѣй-

шаго хода изложенія будетъ несомѣнно, что въ Олонецкой губерніи существуютъ каменныя орудія всевозможныхъ сортовъ въ скопленіяхъ, вмѣстѣ съ глиняными сосудами, также съ валунами, выложенными въ цѣлесообразной формѣ, съ углями и пр., какъ это показано, относительно Западной Европы, Буше де-Пертомъ, которому противополагаетъ свои слова нашъ изслѣдователь. При нѣкоторыхъ поправкахъ и фактахъ, стремящихся до извѣстной степени сгладить ту своеобразность, которую полагали видѣть въ остаткахъ каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, я поставляю себѣ главною цѣлью доказать этимъ очеркомъ скорѣе необходимость дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи, чѣмъ пролить достаточно ясный свѣтъ на первобытныхъ обитателей нашего Сѣвера, гдѣ— сказать между прочимъ—даже и современные жители весьма мало извѣстны.

II.

Почвы Олонецкой губерніи: ледниковыя, безъ принадлежностей каменнаго вѣка, и новѣйшія, содержащія орудія.—Черепки и обломки кремней въ пескахъ, между устьями Ошты и Мегры, по берегу Онежскаго озера; мѣстонахожденіе принадежностей каменнаго вѣка на Лужандозерѣ.—Тудозеро у залива Щучья тоня; вѣроятность пониженія уровня Тудозера, заростаніе части залива торфомъ, происхожденіе вала и отложеніе въ немъ ила, который содержитъ орудія.—Пребываніе жителей на валу обусловливалось цѣлями рыболовческими.—Дальнѣйшее распространеніе орудій около залива.—Общій взглядъ на измѣненія въ мѣстности.—Каменный вѣкъ къ востоку отъ Онежскаго озера.—Кенозеро.—Кумбасъ-озеро.—Орудія лежатъ на пашняхъ, въ растительномъ слоѣ или подъ нимъ.—Полъ.—Ничтожныя измѣненія въ мѣстности со времени существованія здѣсь каменнаго вѣка.—Отсутствіе остатковъ каменнаго вѣка на Водлозерѣ и нѣкоторая вѣроятность, что оно было шире раскинуто во времена пребыванія современниковъ каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кенозера.

Пласты почвъ, господствующіе въ Олонецкой губерніи, относятся къ двумъ категоріямъ послѣ-третичнаго періода: это наносы ледниковые и новѣйшіе. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ сѣрыя глины или суглинокъ, съ примѣсью галекъ и щебня, также пески; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ изобилуютъ валунами весьма различной величины и въ разнообразныхъ пропорціяхъ; по мнѣнію однихъ, онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ той эпохѣ, когда весь сѣверъ Россіи былъ погруженъ подъ моремъ, по которому носились массы льдовъ и бороздили гранитныя, гнейсовыя и діоритовыя скалы,

разсѣянныя въ разныхъ точкахъ края [1]). Другіе стараются показать, что нѣкоторыя точки сѣвера были закованы ледниками на подобіе нынѣшней Гренландіи; отъ движенія ихъ въ сосѣднія страны могли произойдти часто тѣ же наносы, что̀ и отъ плавающихъ льдинъ. Ледниковыя образованія Скандинавіи, Финляндіи и Эстляндіи объясняются помимо покрытія моремъ [2]). Которому изъ двухъ указанныхъ явленій страна обязана наиболѣе выдающимися чертами своей физіономіи—это остается вопросомъ, требующимъ въ будущемъ вполнѣ точнаго, положительнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается совершенно темнымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ заселялась страна съ того времени, когда начала выходить изъ-подъ воды или очищаться отъ ледниковъ. Не рѣшенъ вопросъ и о человѣкѣ: видѣлъ ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣ физико-географическіе перевороты, о существованіи которыхъ теперь догадываются геологи? Есть отвѣты отрицательные, въ ледниковыхъ отложеніяхъ никакихъ слѣдовъ человѣка пока не найдено; но результаты могутъ представиться въ другомъ видѣ, если, съ одной стороны, наука, а съ другой—промышленность, оказавшая такъ много услугъ наукѣ объ ископаемомъ человѣкѣ на Западѣ, внимательно углубятся въ ледниковые наносы. Въ ожиданіи этого пріятнаго обстоятельства обратимся къ почвамъ болѣе новымъ или послѣ-ледниковымъ, которыя впрочемъ, по мнѣнію академика Гельмерсена, невсегда рѣзко отличаются отъ почвъ ледниковыхъ [3]).

Къ новѣйшимъ почвамъ принадлежитъ торфъ, образующійся на мѣстѣ высыхающихъ озеръ, или пески, суглинокъ—по берегамъ существующихъ озеръ и по долинамъ рѣкъ; сюда же относится

---

[1]) См. *Мурчисонъ*, Геологическое опис. Европейской Россіи и проч., перевелъ *Озерскій*, ч. II, стр. 375, 421, 431, 439, 444 и слѣд. *Н. Головкинскій*, О послѣтретичныхъ образованіяхъ по Волгѣ и проч., стр. 15 и далѣе отъ 29. *А. Иностранцевъ*, Геологическій обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, стр. 64 и далѣе.

[2]) *Ф. Шмидтъ*, Труды С.-Петербург. Общ. Естестовоисп., т. II, вып. I, стр. LXX—LXXX. Протоколы засѣд. по отд. Геолог. и Минерал.; *П. Кропоткинъ*, Письма во время геологич. поѣзд. по Финляндіи и Швеціи, въ Извѣст. Р. Г. О.; т. VII, № 6, стр. 295, 301 и проч.

[3]) Studien über die Wanderblöcke und die Diluvialgebilde Russlands. 37. 1869.

пахотный слой. Всѣ эти почвы характеризуются отсутствіемъ валуновъ, кромѣ мѣстныхъ, наносимыхъ и въ настоящее время.

Всѣ принадлежности каменнаго вѣка, привезенныя мною изъ Олонецкой губерніи, найдены въ почвахъ этой послѣдней категоріи. Къ очерку ихъ мѣстонахожденія я и приступлю въ настоящее время, начиная отъ запада къ востоку.

По всему юго-восточному берегу Онежскаго озера тянутся новѣйшіе пески; по одну сторону ихъ вездѣ разстилаются воды озера; по другую также виднѣются озера (*Имумновское*, *Мегорское*, *Панское*, *Великое*, *Котечное*), но здѣсь преобладаютъ главнымъ образомъ трясины и торфяники, которые, отходя отъ песковъ на разстояніе отъ одной до пяти верстъ, упираются въ плотные холмы съ сильно развитыми ледниковыми наносами. Въ ряду этихъ отложеній послѣ-ледниковыхъ наносовъ, старшинство въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, пескамъ; а рядомъ озеръ и торфяниковъ обозначается предѣлъ, до котораго могли доходить воды Онега на юго-востокъ. Во всякомъ случаѣ загадочнымъ представляется образованіе этихъ онежскихъ береговыхъ песковъ, даже если и допустить обмеленіе озера или отступленіе его водъ къ сѣверу. Вѣроятно, при высшемъ его уровнѣ на мѣстѣ песковъ находилась мель или уступъ, въ родѣ того, какой въ настоящее время замѣчается рыбаками у Вытегорскаго устья: эта мель могла разрости въ береговой валъ, близко уподобляющійся дюнѣ. Песчаные береговые валы представляются или одиночными, или же по нѣскольку въ рядъ, параллельными между собою, а также и водамъ озера; въ такомъ случаѣ между ними нерѣдко лежатъ болотца и озерки, что̀ служитъ доказательствомъ болѣе равномѣрнаго отступленія. Такова, напримѣръ, мѣстность между устьями рѣкъ Ошты и Мегры. Здѣсь самый первый изъ валовъ лежитъ нерѣдко на разстояніи версты отъ современнаго берега озера; онъ есть въ то же время и самый старшій изъ всѣхъ параллельныхъ и ближайшихъ къ озеру валовъ, съ другой стороны—онъ старше и бо̀льшей части трясинъ и торфяниковъ, лежащихъ между нимъ и ледниковыми образованіями на протяженіи 3 или 4 верстъ; въ одномъ изъ этихъ окраинныхъ песчаныхъ валовъ, чрезъ который проходитъ частію Онежскій каналъ,

версты на три къ востоку отъ впаденія въ него Ошты и недалеко, къ востоку же, отъ единственной въ этомъ мѣстѣ путейской казармы, найдены мною въ значительномъ количествѣ обломки кремней и горшковъ, несомнѣнно принадлежащіе каменному вѣку. Наклонность обитателей этого періода къ рыболовству обличается многими дальнѣйшими обстоятельствами, и весьма вѣроятно, что они черпали себѣ пропитаніе изъ озеръ, лежавшихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стелются обширныя трясины, намекая на будущую участь и тѣхъ озерковъ, которыя еще остались въ разныхъ мѣстахъ.

Второе за этимъ мѣстонахожденіе—Лужандозеро. Онежское озеро отдѣляется отъ него одиночнымъ песчанымъ валомъ (Кенда) и ленточидно идущимъ около него, довольно плотнымъ торфяникомъ, шириной около 150 саженъ. Въ свою очередь и Лужандозеро, состязающееся, по мнѣнію жителей, съ Онегомъ чистотою своихъ водъ, своимъ песчанымъ дномъ и вкусомъ рыбы, противопоставило ему на берегу, къ нему обращенномъ, Кенду, небольшой песчаный валъ, въ которомъ и найдены кремневые обломки, съ нѣкоторыми другими принадлежностями. Они будутъ описаны дальше. Нахожденіе же ихъ здѣсь доказываетъ, что до-историческіе обитатели края селились преимущественно на берегахъ мелкихъ озеръ. Если допустить, что послѣ образованія Онежской Кенды Лужандозеро было связано съ тѣмъ озеромъ, на мѣстѣ котораго теперь торфяникъ, что оно со стороны Онега начало потомъ заростать торфомъ (какъ это, очевидно, произошло съ Великимъ озеромъ [1]), и какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ и теперь съ самимъ Лужандозеромъ — на мысѣ „Толстой носъ“ или въ сѣверо-восточномъ его углу, около деревни Урюпиной), и что дальнѣйшій процессъ торфованія прекратился образованіемъ замѣченнаго вала,—то нужно вмѣстѣ съ этимъ допустить, что самый валъ Лужандозера новѣе нѣкоторыхъ торфяниковъ.

Теперь обратимся къ третьему мѣстонахожденію остатковъ каменнаго вѣка, наиболѣе важному и выдающемуся изъ всѣхъ, замѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Онежскаго озера: я говорю о

---

[1]) На это заростаніе я указалъ во второмъ письмѣ, напечатанномъ въ Изв. Русск. Геогр. Общ., в. IV.

пахотный слой. Всѣ эти почвы характеризуются отсутствіемъ валуновъ, кромѣ мѣстныхъ, наносимыхъ и въ настоящее время.

Всѣ принадлежности каменнаго вѣка, привезенныя мною изъ Олонецкой губерніи, найдены въ почвахъ этой послѣдней категоріи. Къ очерку ихъ мѣстонахожденія я и приступлю въ настоящее время, начиная отъ запада къ востоку.

По всему юго-восточному берегу Онежскаго озера тянутся новѣйшіе пески; по одну сторону ихъ вездѣ разстилаются воды озера; по другую также виднѣются озера (*Игумновское*, *Мегорское*, *Панское*, *Великое*, *Котечное*), но здѣсь преобладаютъ главнымъ образомъ трясины и торфяники, которые, отходя отъ песковъ на разстояніе отъ одной до пяти верстъ, упираются въ плотные холмы съ сильно развитыми ледниковыми наносами. Въ ряду этихъ отложеній послѣ-ледниковыхъ наносовъ, старшинство въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежитъ, по всему вѣроятію, пескамъ; а рядомъ озеръ и торфяниковъ обозначается предѣлъ, до котораго могли доходить воды Онега на юго-востокъ. Во всякомъ случаѣ загадочнымъ представляется образованіе этихъ онежскихъ береговыхъ песковъ, даже если и допустить обмеленіе озера или отступленіе его водъ къ сѣверу. Вѣроятно, при высшемъ его уровнѣ на мѣстѣ песковъ находилась мель или уступъ, въ родѣ того, какой въ настоящее время замѣчается рыбаками у Вытегорскаго устья: эта мель могла разрости въ береговой валъ, близко уподобляющійся дюнѣ. Песчаные береговые валы представляются или одиночными, или же по нѣскольку въ рядъ, параллельными между собою, а также и водамъ озера; въ такомъ случаѣ между ними нерѣдко лежатъ болотца и озерки, что служитъ доказательствомъ болѣе равномѣрнаго отступленія. Такова, напримѣръ, мѣстность между устьями рѣкъ Ошты и Мегры. Здѣсь самый первый изъ валовъ лежитъ нерѣдко на разстояніи версты отъ современнаго берега озера; онъ есть въ то же время и самый старшій изъ всѣхъ параллельныхъ и ближайшихъ къ озеру валовъ, съ другой стороны—онъ старше и бо́льшей части трясинъ и торфяниковъ, лежащихъ между нимъ и ледниковыми образованіями на протяженіи 3 или 4 верстъ; въ одномъ изъ этихъ окраинныхъ песчаныхъ валовъ, чрезъ который проходитъ частію Онежскій каналъ,

версты на три къ востоку отъ впаденія въ него Ошты и недалеко, къ востоку же, отъ единственной въ этомъ мѣстѣ путейской казармы, найдены мною въ значительномъ количествѣ обломки кремней и горшковъ, несомнѣнно принадлежащіе каменному вѣку. Наклонность обитателей этого періода къ рыболовству обличается многими дальнѣйшими обстоятельствами, и весьма вѣроятно, что они черпали себѣ пропитаніе изъ озеръ, лежавшихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стелются обширныя трясины, намекая на будущую участь и тѣхъ озерковъ, которыя еще остались въ разныхъ мѣстахъ.

Второе за этимъ мѣстонахожденіе—Лужандозеро. Онежское озеро отдѣляется отъ него одиночнымъ песчанымъ валомъ (Кенда) и лентовидно идущимъ около него, довольно плотнымъ торфяникомъ, шириной около 150 саженъ. Въ свою очередь и Лужандозеро, состязающееся, по мнѣнію жителей, съ Онегомъ чистотою своихъ водъ, своимъ песчанымъ дномъ и вкусомъ рыбы, противопоставило ему на берегу, къ нему обращенномъ, Кенду, небольшой песчаный валъ, въ которомъ и найдены кремневые обломки, съ нѣкоторыми другими принадлежностями. Они будутъ описаны дальше. Нахожденіе же ихъ здѣсь доказываетъ, что до-историческіе обитатели края селились преимущественно на берегахъ мелкихъ озеръ. Если допустить, что послѣ образованія Онежской Кенды Лужандозеро было связано съ тѣмъ озеромъ, на мѣстѣ котораго теперь торфяникъ, что оно со стороны Онега начало потомъ заростать торфомъ (какъ это, очевидно, произошло съ Великимъ озеромъ [1]), и какъ это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ и теперь съ самимъ Лужандозеромъ — на мысѣ „Толстой носъ“ или въ сѣверо-восточномъ его углу, около деревни Урюпиной), и что дальнѣйшій процессъ торфованія прекратился образованіемъ замѣченнаго вала,—то нужно вмѣстѣ съ этимъ допустить, что самый валъ Лужандозера новѣе нѣкоторыхъ торфяниковъ.

Теперь обратимся къ третьему мѣстонахожденію остатковъ каменнаго вѣка, наиболѣе важному и выдающемуся изъ всѣхъ, замѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Онежскаго озера: я говорю о

---

[1]) На это заростаніе я указалъ во второмъ письмѣ, напечатанномъ въ Изв. Русск. Геогр. Общ., в. IV.

Тудозерѣ. Въ сѣверо-западномъ углу своемъ оно образуетъ небольшой заливъ (см. таб. I, ф. 1 и 2) прилегающій съ одной стороны непосредственно къ Кендѣ Онега. Съ запада и юга этотъ заливъ упирается въ трясинистое торфяное болото, которое тянется потомъ по направленію къ Лужандозеру на разстояніи, уходящемъ за 1½ или 2 версты. Этимъ болотомъ, спертымъ съ одной стороны береговыми песками, а съ другой—холмами, обозначается, вѣроятно, нѣкогда существовавшее дальнѣйшее распространеніе залива Тудозера въ указанномъ направленіи. Берегъ Тудозера въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается заливъ, и начинается болото, представляется въ видѣ очень правильнаго вала, возвышающагося надъ уровнемъ воды приблизительно на 1 метръ, съ подобною же шириною; при всей ширинѣ болота, простирающейся отъ 100 до 150 саж., онъ начинается на разстояніи 40 или 50 саженей отъ юго-западнаго края и тянется по направленію къ Кендѣ саженъ на 50; не доходя до нея саженъ 10 или 15, онъ кончается, отдѣляясь отъ Кенды такимъ же вязкимъ и сырымъ болотомъ, какъ и со стороны холмовъ. Своимъ концомъ, обращеннымъ къ деревнѣ Бабовщинѣ, валъ примыкаетъ къ округленному возвышенію—острову, саженъ на 10—15 въ діаметрѣ, сухому, довольно плотному и заросшему высокимъ соснякомъ; оба они, валъ и островъ, составляютъ до нѣкоторой степени мостъ для перехода чрезъ болото.

Если допустить, что Тудозеро, какъ и многія другія подобныя озера, было нѣкогда тѣснѣе соединено съ Онежскимъ озеромъ, на что̀ есть основанія; что съ происшедшимъ здѣсь пониженіемъ уровня водъ, оно отдѣлилось отъ Онега, оставивши доказательства своего высшаго стоянія въ пескахъ около деревень Щекиной и Бабовщины, и что со временемъ оно приняло приблизительно тотъ уровень стоянія воды, на которомъ мы теперь его замѣчаемъ,—то при этомъ обмеленіе легко могло постигнуть тотъ заливъ, на мѣстѣ котораго теперь болото, и особенно въ свойственномъ ему затишьѣ онъ могъ предаться заростанію травой, мохомъ и торфованію. Этотъ послѣдній процессъ, начавшись со стороны Лужандозера, могъ остановиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь валъ; мягкая масса молодаго, образовавшагося въ сырости торфа согнулась на окраинѣ, обращенной напору волнъ, на подобіе листа

бумаги, какъ это происходитъ и въ наше время во многихъ мѣстахъ, даже на Тудозерѣ, напримѣръ, около его устья. Въ эту эпоху стояніе воды могло быть нѣсколько выше современнаго, и какъ самъ валъ, такъ и сосѣдній съ нимъ островъ могли хотя временно заливаться водою; поэтому, какъ въ первомъ, подвергавшемся еще и прибою волнъ, такъ и на второмъ, могъ отлагаться сѣроватый озерный илъ, съ нѣкоторымъ содержаніемъ песку. Въ настоящее время ни валъ, ни островъ уже не заливаются никогда водою, хотя это и случается еще съ окружающимъ ихъ болотомъ, которое въ одни года высыхаетъ весьма значительно, и выростающая на немъ трава выкашивается крестьянами, а въ другіе сильно заполняется водой и бываетъ совершенно недоступнымъ къ выкашиванію, какъ это произошло и въ 1871 году. Эта самая мѣстность была обитаема людьми въ эпоху отложенія сѣраго ила, достигающаго до 1½ вершковъ толщины, въ валу на торфѣ, и на возвышеніи или островѣ, гдѣ илъ лежитъ на красномъ пескѣ. На валѣ, во входящемъ въ составъ его илѣ, я нашелъ множество обломковъ горшковъ и кремней, а также кремневыхъ и сланцевыхъ орудій. Всѣ эти находки показываютъ, что здѣсь довольно долго процвѣтала цивилизація каменнаго вѣка, или же по крайней мѣрѣ видно, что здѣсь жило не одно только семейство. Валъ въ своемъ настоящемъ видѣ очень узокъ для того, чтобъ на немъ во всякое время дня и ночи можно было удобно располагаться, и нужно думать, что онъ съ тѣхъ поръ подмытъ со стороны залива, какъ это отчасти показываютъ вымытыя изъ него и валяющіяся въ береговомъ щебнѣ принадлежности каменнаго вѣка, а также сосны, выросшія на валу и потомъ въ силу подмыванія вала склонившія къ водѣ свои головы. Кромѣ того, видно, что жители пользовались и островомъ, какъ мѣстопребываніемъ: раскопка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показала, что въ красномъ пескѣ его, накрытомъ тонкимъ пластомъ ила до 1½ вершка толщины, разбросаны перегорѣвшіе камни; но здѣсь не найдено пока посуды или кремневыхъ обломковъ, почему можно думать, что если они здѣсь и существуютъ, то рѣдко, что̀ и можно принять въ свою очередь за доказательство, что главная промышленная дѣятельность жителей сосредоточивалась около вала.

Причины, заставившія первобытныхъ обитателей поселиться или временно, но часто и продолжительно бывать на этомъ во всякомъ случаѣ тѣсномъ мѣстѣ, могли быть различны. Имъ нужно было защищенное отъ непогодъ мѣсто, а заливъ совершенно удовлетворяетъ этому условію. Кенда, господствующая надъ окрестностью и заросшая высокимъ соснякомъ, защищаетъ его отъ западныхъ, сѣверныхъ и сопредѣльныхъ имъ вѣтровъ; въ то время, когда воды Онега отъ запада и сиверика бѣшено плещутся и стонутъ, въ заливѣ полная тишина; съ юга и юго-запада онъ также недоступенъ волненію, но свободно открытъ южному привету солнца; холмы съ этой стороны пологи и очень лѣсисты; восточные вѣтры для него нѣсколько опаснѣе. Всѣ эти географическія черты мѣста, избраннаго жителями для поселенія, замѣчательно согласуются съ тѣми, которыя нравились и обитателямъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ, и которыя П. И. Лерхомъ, на основаніи показаній Ф. Келлера, описаны въ слѣдующихъ словахъ: „Для поселеній сваестроители избирали мѣсто въ озерахъ, находившееся на солнечной сторонѣ и не въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ берега (иногда однако же въ 3,000 ф.). При этомъ они часто имѣли въ виду, чтобъ мѣстность была ограждена горами, окружающими озеро, или вдающеюся въ него косой отъ бури и сильнаго волненія. Преимущественно привлекали ихъ бухты, открытыя на югъ и лежавшія у подножія горы, заросшей лѣсомъ, въ чащѣ котораго скрывалась добыча охотника“ [1]).

Хотя остатковъ пищи, костей и т. д. мнѣ не удалось найдти у нашихъ обитателей, однако по нѣкоторымъ принадлежностямъ (грузила) можно судить объ ихъ наклонности къ рыболовству, откуда становится ясною другая причина поселенія на валу, помимо того, что здѣсь они могли чувствовать себя въ большей, чѣмъ гдѣ-либо, безопасности отъ враговъ. Эта причина была одною изъ тѣхъ, которыя поддерживали главнымъ образомъ существованіе озерныхъ жилищъ. По мнѣнію К. М. Бера, она заключалась въ томъ „что человѣку обезпечивалось большее количество

---

[1]) *П. И. Лерхъ*, Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Ст. вторая, стр. 19. (Отдѣльный оттискъ изъ Изв. Археол. Общ., томъ IV).

раньше начать новѣйшія отложенія, и вмѣстѣ съ этимъ, сдѣлаться скорѣе и наиболѣе доступнымъ для поселенія. И въ самомъ дѣлѣ, аллювій во многихъ мѣстахъ залегаетъ здѣсь большими толщами, напримѣръ, по берегамъ Кенозера, противъ деревни Филиповъ Ручей, а кремни въ береговомъ щебнѣ встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что трудно допустить, чтобъ они появились сюда помимо силъ самой природы; въ самомъ дѣлѣ нельзя сомнѣваться, что большая часть кремневыхъ кусковъ, величиною въ кулакъ, рѣдко болѣе, а чаще меньше, занесены водой изъ ихъ коренныхъ мѣсторожденій въ каменноугольныхъ образованіяхъ, развитыхъ въ окрестностяхъ Кенозера; но съ другой стороны, трудно не обратить вниманіе на то, что на большей части этихъ осколковъ существуютъ весьма ясные слѣды руки человѣческой, такъ что это изобиліе большихъ и малыхъ осколковъ должно объяснить преимущественно участіемъ обитателей каменнаго вѣка. Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ присутствіе настоящихъ орудій—стрѣлъ, иногда лежащихъ вмѣстѣ съ кремневыми кусками и осколками, иногда же отдѣльно разбросанныхъ въ мѣстности. Мною замѣчено было одно мѣсто на заливномъ лугу, на берегу Свинаго озера, составляющаго отдѣльный заливъ Кенозера, противъ потока Филиповъ-Ручей, гдѣ положеніе осколковъ въ растительномъ слоѣ совершенно сохранилось и свидѣтельствуетъ о кратковременномъ здѣсь пребываніи одного человѣка или семейства, занимавшагося, судя по самому характеру осколковъ, выдѣлкой кремневыхъ орудій.

Эта мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ любопытная, видимо заключающая въ себѣ слѣды большаго развитія культуры каменнаго вѣка и служившая, по всему вѣроятію, центромъ распространенія этой культуры, а также и другія, къ югу и востоку отъ нея лежащія, въ которыхъ, по доходившимъ до меня слухамъ, слѣды каменнаго вѣка представляются въ неменьшемъ изобиліи,—остались однако совершенно мнѣ неизвѣстными въ подробностяхъ, и вся находка моя въ окрестностяхъ Кенозера ограничилась нѣсколькими кремневыми наконечниками стрѣлъ, впрочемъ прекрасно выдѣланными, и кремневыми же осколками.

Но счастливый случай заставилъ меня познакомиться на возвратномъ пути къ Водлозеру, на западномъ склонѣ водораздѣла,

щимъ съ юго-запада залива. На сторонѣ Тудозера, противоположной заливу, около деревни Щекиной, въ пескахъ, я также самъ лично находилъ обломки кремней. Не рѣшаясь судить о значеніи этихъ послѣднихъ фактовъ, обращаюсь къ остаткамъ, скрытымъ въ валѣ.

Если наше предположеніе о ходѣ физико-географическихъ измѣненій соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени дѣйствительности, то изъ него видно, что прежде чѣмъ человѣкъ появился на валу, совершилось довольно много процессовъ, а именно: пониженіе водъ, раздѣленіе Тудозера съ Онегомъ и торфованіе залива. Отъ того же времени, когда человѣкъ удалился отсюда, появившись, можетъ быть, при нѣсколько высшемъ стояніи водъ, чѣмъ теперь, не произошло въ мѣстности никакихъ замѣтныхъ измѣненій; только илъ, въ которомъ человѣкъ оставилъ свои орудія и остатки своего хозяйства, покрылся торфовидною массой изъ едва перегнившихъ растеній и достигающей 1 — 1½ вершка толщины, а илъ, покрывающій песокъ на островѣ, едва успѣлъ сверху принять черноватый оттѣнокъ. Изъ всего этого видно, что эпоха, въ которую процвѣталъ здѣсь каменный вѣкъ, весьма недалека отъ насъ; но точнѣйшее опредѣленіе ея отдаленности въ глубь временъ должно составлять послѣднее слово многихъ совокупныхъ изслѣдованій.

На восточной сторонѣ Онежскаго озера принадлежности каменнаго вѣка также не составляютъ рѣдкости; по слухамъ мнѣ извѣстно, что онѣ находятся во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ развиты новыя образованія; таковы, напримѣръ, окрестности Пудожа, съ богатою аллювіальными отложеніями долиной рѣки Водлы. По личному же опыту я узналъ богатство остатковъ каменнаго вѣка на сѣверо-востокъ отсюда, на водораздѣлѣ между Онежскимъ и Бѣломорскимъ бассейнами, въ окрестностяхъ Кенозера, — мѣстность, на изслѣдованіе которой я не могъ, къ сожалѣнію, удѣлить больше нѣсколькихъ дней. Самая роль этой мѣстности — служить водораздѣломъ, указываетъ нѣкоторымъ образомъ на ея относительную высоту. И если справедливо, что Сѣверъ былъ нѣкогда подъ водою, то указанное мѣсто, какъ наиболѣе высокое изъ другихъ, должно было раньше обнажить многіе изъ своихъ пунктовъ,

ности; онъ лежитъ на желтомъ рѣчномъ пескѣ безъ валуновъ, который, въ свою очередь залегаетъ, какъ кажется, на желтой ледниковой глинѣ, съ валунами; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно судить потому, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и отъ пашни растительный слой и песокъ кончаются, и начинается сырое болотистое мѣсто, заросшее высокимъ лѣсомъ; въ одной части его обнажается глина. Но не смотря на близость ея къ песку и на то что она выходитъ здѣсь на поверхность, она не содержитъ въ себѣ никакихъ остатковъ человѣческой дѣятельности, хотя, еслибъ они заключались въ ней, существовала бы и возможность открыть ихъ: черезъ пашни, лежащія на глинѣ, проведены довольно глубокія канавы; въ обнаженномъ такимъ образомъ слоѣ, до 0,5 метра толщиною, содержатся многочисленные небольшіе валуны, и между ними нѣтъ ни одного орудія, ни одного обломка горшка или кремня.

Другое дѣло — распаханная нами пашня; здѣсь въ пескахъ и въ растительномъ слоѣ скрыто почти все главное и необходимое въ хозяйствѣ жителя каменнаго вѣка: это топоры, стрѣлы, ножи, рубанокъ, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней и горшковъ, остатки жилища и пр. Трудно съ точностью сказать, въ какомъ положеніи находились первоначально всѣ эти принадлежности, такъ какъ пашня была очень много разъ распахиваема, и они въ большинствѣ случаевъ сдвинуты съ своего мѣста. Однако же, судя по остаткамъ жилья, я пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что орудія оставлены были на иловатомъ пескѣ. Это былъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фундаментомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой полъ, какіе были позднѣе, въ историческія времена, въ употребленіи у нашихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго времени дѣлаются у Эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки. Полъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы: были валуны закругленные водой, были остроугольные и остроребериые; былъ одинъ валунъ до $^3/_4$ аршина въ длину и въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, находились и меньшіе, длиной до четверти; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были связаны ни какимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря аккуратной укладкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженіи-

съ остатками каменнаго вѣка въ окрестностяхъ Кумбасъ-озера. Недальнее, двадцати-верстное разстояніе этого мѣста отъ Кенозера даетъ право разсчитывать и на общую тѣсную связь въ ихъ каменныхъ принадлежностяхъ, и какъ мѣстонахожденіе, такъ и составъ Кумбасъ-озерскихъ орудій могутъ служить указаніемъ на общій характеръ кенозерской культуры, хотя эта послѣдняя можетъ заключать въ себѣ слѣды большей древности и большаго развитія.

На Кумбасъ-озерѣ встрѣчается меньше кремней и мало такихъ глыбъ, какія есть на Кенозерѣ, и которыя не были подвержены обработкѣ; по большей же части встрѣчались такіе осколки, которые остались отъ обдѣлки. Съ первыми же шагами по береговому щебню озера я находилъ значительное количество такихъ осколковъ, и между ними нашелъ обломокъ горшка, что и заставило меня произвести здѣсь болѣе дѣятельную развѣдку лично и черезъ распросы.

Кумбасъ-озеро расположено въ широкой чашевидной долинѣ среди довольно высокихъ холмовъ; само оно представляется также въ округленной формѣ, приближающейся къ эллипсису, и достигаетъ до 4 или 5 верстъ длины и до 2 верстъ ширины. Изъ сѣверо-западнаго своего края оно даетъ рѣку Кумбасу, достигающую при истокахъ саженъ 15 ширины; здѣсь же холмы особенно близко приступаютъ къ рѣкѣ и къ водамъ озера, и здѣсь расположено современное населеніе. При самомъ истокѣ рѣки, по ту и другую ея сторону, расположены двѣ полосы пашенъ, и въ нихъ-то я добылъ орудія. Пашня, лежащая на сторонѣ деревни, особенно ими изобиловала, но по своей близости она всегда была доступна деревенскимъ юношамъ, которые, разыскивая на ней горшечные черепки и плоскіе кремневые обломки, а также стрѣлы, бросали ихъ въ рѣку. Благодаря этому обстоятельству, научный интересъ пашни былъ истощенъ, и я, ограничившись нѣсколькими не очень важными находками, переправился на другую сторону рѣки, гдѣ пашня была лучше ограждена отъ посѣщеній непрошенныхъ гостей. Съ этой пашни только что снятъ былъ ленъ, и я, при помощи ея хозяина, долженъ былъ перепахать ее, чтобъ вывести на свѣтъ ея сокровища. Пахатный ея слой имѣлъ отъ 1½ до 3 вершковъ мощ-

сти; онъ лежитъ на желтомъ рѣчномъ пескѣ безъ валуновъ, ко-
рый, въ свою очередь залегаетъ, какъ кажется, на желтой лед-
ковой глинѣ, съ валунами; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ
жно судить потому, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки и
ъ пашни растительный слой и песокъ кончаются, и начинается
рое болотистое мѣсто, заросшее высокимъ лѣсомъ; въ одной части
обнажается глина. Но не смотря на близость ея къ песку и на то
о она выходитъ здѣсь на поверхность, она не содержитъ въ себѣ
какихъ остатковъ человѣческой дѣятельности, хотя, еслибъ они
лючались въ ней, существовала бы и возможность открыть ихъ: че-
зъ пашни, лежащія на глинѣ, проведены довольно глубокія канавы;
обнаженномъ такимъ образомъ слоѣ, до 0,5 метра толщиною,
держатся многочисленные небольшіе валуны, и между ними нѣтъ
одного орудія, ни одного обломка горшка или кремня.

Другое дѣло — распаханная нами пашня; здѣсь въ пескахъ и
растительномъ слоѣ скрыто почти все главное и необходимое
хозяйствѣ жителя каменнаго вѣка: это топоры, стрѣлы, ножи,
банокъ, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней и гор-
ковъ, остатки жилища и пр. Трудно съ точностью сказать, въ
комъ положеніи находились первоначально всѣ эти принадлеж-
сти, такъ какъ пашня была очень много разъ распахиваема, и
и въ большинствѣ случаевъ сдвинуты съ своего мѣста. Однако
, судя по остаткамъ жилья, я пришелъ въ концѣ концовъ къ
ключенію, что орудія оставлены были на иловатомъ пескѣ.
о былъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фунда-
нтомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой полъ, ка-
былъ позднѣе, въ историческія времена, въ употребленіи у
шихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго
емени дѣлаются у Эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки.
олъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы:
ли валуны закругленные водой, были остроугольные и остроре-
рные; былъ одинъ валунъ до $^3/_4$ аршина въ длину и въ нѣ-
олько пудовъ вѣсомъ, находились и меньшіе, длиной до четвер-
; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были
язаны ни какимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря
куратной укладкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженіи

яхъ каменнаго вѣка. Имѣя довольно ровную поверхность, этотъ каменный полъ является округленнымъ, до 1½ метра въ діаметрѣ; около одного изъ краевъ его былъ найденъ камень съ обточенною верхнею стороной; онъ былъ уже вставленъ сюда въ такомъ видѣ и служилъ точиломъ, на которомъ готовились топоры или другія сточенныя орудія; промежутки между камнями были заполнены частію пескомъ, частію горшечными обломками, кремнями или углями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались остатки сосновой коры и береста; видно, что жители не только дѣлали здѣсь свои орудія, но разводили огонь и варили пищу; кора сосны и бересты служила, вѣроятно, покровомъ для хижины, размѣры которой легко могли быть больше, чѣмъ величина каменнаго пола.

Это сооруженіе находилось среди пашни, представляясь въ формѣ небольшаго выпуклаго возвышенія. Сверху оно было покрыто растительнымъ слоемъ, подъ которымъ лежалъ песокъ, и затѣмъ только, въ глубинѣ, было самое сооруженіе. Отсюда видно, что полъ существовалъ тогда, когда еще не было перегноя; отъ хозяевъ онъ остался открытымъ, среди песку, которымъ потомъ и засыпался, благодаря, можетъ быть, вѣтрамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь начала водворяться растительность, трава и ивы, за которыми послѣдовали березки или сосна, и такимъ образомъ началось, вѣроятно, отложеніе пахатной почвы. Въ то время, когда первобытные обитатели были живы, рѣка подходила ближе къ ихъ хижинамъ; ихъ сооруженіе стояло непосредственно на берегу ея, такъ какъ и теперь современные пески лежатъ только около самаго берега. Прежде рѣка была выше пола, затѣмъ она отходила по направленію къ правому берегу и теперь находится отъ пола саженъ на 30 и на нѣсколько метровъ ниже. По этому можно судить, что измѣненія въ мѣстности, происшедшія со времени изчезновенія жителей каменнаго вѣка, весьма не велики; причина ихъ можетъ заключаться или въ простомъ измѣненіи рѣчнаго русла, или въ уменьшеніи количества водъ, но въ слѣдствіе ли поднятія мѣстности, или вырубки лѣсовъ, или инаго какого-либо случая, для этого доказательствъ не имѣется. Самое теченіе рѣки Кубасы весьма медленно; во многихъ своихъ плесахъ она подобна озеру, исключая нижнихъ частей, гдѣ она порожиста. Съ другой

вою". Жители замѣчаютъ также на Водлозерѣ выступаніе подводныхъ каменистыхъ мелей или лудъ выше поверхности воды и затѣмъ указываютъ на заростаніе ихъ травой и кустарниками. Я не могъ однако же прослѣдить старые береговые валы на большихъ разстояніяхъ отъ современныхъ водъ, что должно было бы существовать въ случаѣ дѣйствительнаго уменьшенія озера; но эти валы могли быть замыты и занесены землей; притомъ такіе валы существуютъ по большей части на берегахъ, гдѣ вода наиболѣе глубока, и лежатъ они иногда хотя и близко отъ берега, но на такой высотѣ, что водою не заливаются (около Куго-Наволока, Охтомы и пр.). Допуская такимъ образомъ уменьшеніе размѣровъ Водлозера, можно предположить причину этому въ поднятіи мѣстности. Въ виду сказаннаго самый фактъ отсутствія, или можетъ быть, вѣрнѣе, рѣдкости принадлежностей каменнаго вѣка на Водлозерѣ я думалъ бы объяснить предположеніемъ, что въ то время, когда на Кенозерѣ отлагались существующіе тамъ пласты новѣйшихъ иловатыхъ и песчаныхъ отложеній, и когда тамъ обитали уже люди, оставившіе принадлежности своего быта, окрестности Водлозера, по крайней мѣрѣ ближайшія и теперь заселенныя, были еще скрыты подъ водою. Видя въ подобномъ предположеніи нѣкоторую вѣроятность, я принимаю однакоже въ соображеніе тѣ въ общей сложности незначительныя измѣненія, которыя найдены въ мѣстностяхъ залеганія орудій на Кено, Кумбасъ и Тудозерѣ; одновременно съ ними около Водлозера пришлось бы допустить гораздо большія измѣненія въ характерѣ мѣстности, съ чѣмъ трудно согласиться, а потому и окончательное рѣшеніе вопроса я долженъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ; можетъ быть, больній запасъ фактовъ дастъ возможность иначе объяснить вышеописанныя явленія, хотя, напримѣръ, съ той стороны, что кристаллическія породы, лежащія въ основаніи новѣйшихъ образованій на Водлозерѣ и къ сѣверу отъ него, труднѣе поддаются размыванію и труднѣе даютъ рыхлый аллювій, чѣмъ это можетъ быть около Кенозера, гдѣ лежитъ въ основаніи каменноугольная формація, гораздо легче доступная разрушенію; съ другой стороны, каменноугольная формація, какъ источникъ кремня, могла уже поэтому сосредоточивать около себя до-историческое населеніе.

III.

Общій характеръ жизни обитателей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи.—Остатки ихъ дѣятельности: валъ на берегу Лужандозера; орудія и способы ихъ приготовленія: обиваніе и обтачиваніе. Точила. Топоры. Рубанокъ. Конусъ и цилиндръ. Долбня. Молотки и сѣкиры. Копья и стрѣлы. Ножи. Праща. Грузила. Украшенія. Горшки. Горныя породы, служившія матеріаломъ для орудій. Догадки о племенныхъ свойствахъ обитателей.

Съ представленнымъ очеркомъ мѣстонахожденій орудій, а также съ принадлежностями каменнаго вѣка, находящимися на лицо, открывается передъ нами небольшой отрывокъ изъ длинной лѣтописи, написанной весьма неразборчивымъ почеркомъ, и на которомъ въ добавокъ лѣтописецъ забылъ выставить годъ; но при всемъ томъ, въ этихъ отрывочныхъ и часто неполныхъ показаніяхъ мы находимъ не безинтересныя свѣдѣнія о человѣческой дѣятельности. Составъ нашей коллекціи показываетъ, что первобытные обитатели Олонецкой губерніи, не отличаясь отъ насъ потребностью питаться, умѣли удовлетворять ей приличными въ ихъ положеніи средствами. Они ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣста, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или себѣ подобнымъ непріятелемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись, и за цѣлость которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшенія. Хотя мы и не имѣемъ остатковъ ихъ пищи, чтобъ наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съ варившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ, ее дававшихъ. Олончане каменнаго вѣка имѣли для этого глиняную посуду. Главная отличительная ихъ черта проглядываетъ въ томъ, что они сумѣли пред-

вою". Жители замѣчаютъ также на Водлозерѣ выступаніе подводныхъ каменистыхъ мелей или лудъ выше поверхности воды и затѣмъ указываютъ на заростаніе ихъ травой и кустарниками. Я не могъ однако же прослѣдить старые береговые валы на большихъ разстояніяхъ отъ современныхъ водъ, что̀ должно было бы существовать въ случаѣ дѣйствительнаго уменьшенія озера; но эти валы могли быть замыты и занесены землей; притомъ такіе валы существуютъ по большей части на берегахъ, гдѣ вода наиболѣе глубока, и лежатъ они иногда хотя и близко отъ берега, но на такой высотѣ, что водою не заливаются (около Куго-Наволока, Охтомы и пр.). Допуская такимъ образомъ уменьшеніе размѣровъ Водлозера, можно предположить причину этому въ поднятіи мѣстности. Въ виду сказаннаго самый фактъ отсутствія, или можетъ быть, вѣрнѣе, рѣдкости принадлежностей каменнаго вѣка на Водлозерѣ я думалъ бы объяснить предположеніемъ, что въ то время, когда на Кенозерѣ отлагались существующіе тамъ пласты новѣйшихъ иловатыхъ и песчаныхъ отложеній, и когда тамъ обитали уже люди, оставившіе принадлежности своего быта, окрестности Водлозера, по крайней мѣрѣ ближайшія и теперь заселенныя, были еще скрыты подъ водою. Видя въ подобномъ предположеніи нѣкоторую вѣроятность, я принимаю однакоже въ соображеніе тѣ въ общей сложности незначительныя измѣненія, которыя найдены въ мѣстностяхъ залеганія орудій на Кено, Кумбасъ и Тудозерѣ; одновременно съ ними около Водлозера пришлось бы допустить гораздо большія измѣненія въ характерѣ мѣстности, съ чѣмъ трудно согласиться, а потому и окончательное рѣшеніе вопроса я долженъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ; можетъ быть, большій запасъ фактовъ дастъ возможность иначе объяснить вышеописанныя явленія, хотя, напримѣръ, съ той стороны, что кристаллическія породы, лежащія въ основаніи новѣйшихъ образованій на Водлозерѣ и къ сѣверу отъ него, труднѣе поддаются размыванію и труднѣе даютъ рыхлый аллювій, чѣмъ это можетъ быть около Кенозера, гдѣ лежитъ въ основаніи каменноугольная формація, гораздо легче доступная разрушенію; съ другой стороны, каменноугольная формація, какъ источникъ кремня, могла уже поэтому сосредоточивать около себя до-историческое населеніе.

III.

Общій характеръ жизни обитателей каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи.—Остатки ихъ дѣятельности: валъ на берегу Лужандозера; орудія и способы ихъ приготовленія: обиваніе и обтачиваніе. Точила. Топоры. Рубанокъ. Конусъ и цилиндръ. Долбня. Молотки и сѣкиры. Копья и стрѣлы. Ножи. Праща. Грузила. Украшенія. Горшки. Горныя породы, служившія матеріаломъ для орудій. Догадки о племенныхъ свойствахъ обитателей.

Съ представленнымъ очеркомъ мѣстонахожденій орудій, а также съ принадлежностями каменнаго вѣка, находящимися на лицо, открывается передъ нами небольшой отрывокъ изъ длинной лѣтописи, написанной весьма неразборчивымъ почеркомъ, и на которомъ въ добавокъ лѣтописецъ забылъ выставить годъ; но при всемъ томъ, въ этихъ отрывочныхъ и часто неполныхъ показаніяхъ мы находимъ не безинтересныя свѣдѣнія о человѣческой дѣятельности. Составъ нашей коллекціи показываетъ, что первобытные обитатели Олонецкой губерніи, не отличаясь отъ насъ потребностью питаться, умѣли удовлетворять ей приличными въ ихъ положеніи средствами. Они ловили рыбу, охотились, вѣроятно, за звѣрями; выбирая удобныя для этого мѣста, они обезпечивали себѣ успѣхъ добычи соотвѣтственными цѣли орудіями. Приготовленіе этихъ послѣднихъ требовало съ ихъ стороны ремесленныхъ знаній, которыми они въ своей сферѣ обладали въ совершенствѣ. Послѣ трудовъ въ лѣсу или на болотѣ, послѣ холодной схватки со звѣремъ или себѣ подобнымъ непріятелемъ, послѣ путешествія за матеріаломъ для новаго орудія, они возвращались къ своимъ семейнымъ очагамъ, гдѣ грѣлись, и за цѣлость которыхъ стояли. Здѣсь согрѣвалъ ихъ не тотъ только внѣшній огонь, отъ котораго археологъ находитъ угли, но и тотъ, о которомъ свидѣтельствуютъ украшенія. Хотя мы и не имѣемъ остатковъ ихъ пищи, чтобъ наглядно судить объ ея качествахъ, однакоже полагаемъ, что въ способахъ ея приготовленія они далеко превосходили многихъ изъ своихъ собратьевъ, начиная съ варившихъ ее въ корытахъ, въ сосновой и еловой корѣ, и кончая тѣми, которые готовили пищу въ собственныхъ желудкахъ и шкурахъ животныхъ, ее давшихъ. Олончане каменнаго вѣка имѣли для этого глиняную посуду. Главная отличительная ихъ черта проглядываетъ въ томъ, что они сумѣли пред-

околачиванія; здѣсь этотъ способъ, очень замѣтный въ устройствѣ вышепредставленнаго вала и вполнѣ удовлетворявшій тамъ весьма крупнымъ нуждамъ, дошелъ до тонкости; чрезъ *сколачиваніе* обитатель получалъ красивую и острую стрѣлу, съ десятками зазубринъ; *откалывалъ* онъ тѣмъ же быстрымъ ударомъ гладкія и острыя, часто весьма длинныя пластинки кремня, служившія ножами. Въ приготовленіи топоровъ выступаетъ наконецъ способъ *обтачиванія*, и онъ также видоизмѣняется и въ тѣхъ или другихъ случаяхъ достигаетъ различнаго совершенства; вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о преобладаніи того или другого изъ способовъ не можетъ быть допущенъ, такъ какъ оба они, являясь иногда въ западной Европѣ отдѣльно, представляются на юго-востокѣ Олонецкой губерніи взаимно-слившимися и одинаково неизбѣжными въ той или другой отрасли одного и того же хозяйства. Способъ околачиванія орудій былъ проще и непосредственнѣе велъ къ цѣли, чѣмъ обтачиваніе; чтобъ приготовить орудіе, стрѣлу или ножъ, требовались самые простые приборы [1]); пользуясь ими, житель часто употреблялъ также при околачиваніи естественные валуны изъ твердаго камня [2]). Есть и въ нашей коллекціи обломки, служившіе, по видимому, для околачиванія. Стачиваніе было сложнѣе; часто орудіе послѣ околачиванія подвергалось уже полировкѣ, какъ это замѣчено въ Скандинавіи [3]). Въ Олонецкой же губерніи стачиванію рѣдко предшествовало обиваніе матеріала; для приготовленія, напримѣръ, топора житель пользовался острымъ, рѣжущимъ и твердымъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму простаго кремневаго ножа или *пилы*, на подобіе тѣхъ, какія были находимы въ швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ [4]). Слѣды такого инструмента замѣчаются на весьма многихъ изъ нашихъ орудій; таковы боковыя борозды, изображенныя на рисункахъ табл. VIII, фф. 3 и 4; это два *параллелепипеда*, надпиленные, вѣроятно, въ естественной

---

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. 1 и описаніе въ текстѣ, 28—34. Начиная отсюда, ссылки дѣлаются на французскій переводъ Нильсона.

[2]) Тамъ же, табл. I. ф. 11.

[3]) *Nilsson*, табл. VII, фиг. 154 и 157,—и стр. 25 текста.

[4]) *Staub*, Die Pfahlbauten, II, и *Le Hon*, L'homme fossile en Europe, стр. 151.

рическій обитатель, при всей бѣдности въ инструментахъ, по единственно при ловкости своей руки, обращался съ камнями какъ столяръ, вооруженный пилою и топоромъ, съ кусками дерева. Имѣя въ виду получить сплошную каменную стѣну, устойчивую и крѣпкую, работникъ каменнаго вѣка пригонялъ камень къ камню, одну плитку къ другой, и притомъ такъ, чтобъ естественная выпуклость одного камня совпадала съ вогнутостью другого; если одинъ камень не устанавливался плотно и тѣсно съ другими, то строитель дѣлалъ на немъ выемку и отсѣкалъ отъ него торчащій бокъ въ степени, вполнѣ соотвѣтствующей обстоятельствамъ и надобности. По видимому, у строителя былъ запасъ камня, въ видѣ матеріала, и если въ какомъ-либо случаѣ иныя составныя каменныя части вала не прилаживались одна къ другой, то откалывался нужнаго вида кусокъ и ставился въ приличное ему положеніе. Осколки одного такого камня найдены мною въ различныхъ частяхъ вала, и я составилъ изъ нихъ цѣлый валунъ такого вида, какимъ онъ вышелъ изъ рукъ природы. Видя въ устройствѣ этого вала проявленіе нѣкотораго искусства, я однако же не рѣшаюсь сказать что-нибудь положительное объ его назначеніи. При указанной глубинѣ его верхнихъ частей отъ поверхности (0,250 м.), онъ имѣлъ до 0,200 м. въ ширину и такую же высоту. Къ линіи, параллельной береговому валу озера, а также къ самой береговой линіи, онъ представлялъ выгнутую на сторону озера дугу. По окружности онъ имѣлъ 2,900 м. Между камнями были остатки углей, береста отъ тонкихъ вѣтвей березы, кой-гдѣ въ окрестностяхъ обломки кремней, но больше никакихъ принадлежностей не найдено. Очагомъ этотъ валъ служить не могъ: зачѣмъ въ такомъ случаѣ дѣлать его дугой? Видѣть въ немъ составную часть хижины также нельзя, ибо онъ не составляетъ никакой правильной и полной фигуры. А потому и остается отложить разгадку его значенія до благопріятнаго случая, который несомнѣнно представится, если увеличатся факты. Въ ожиданіи этого посмотримъ, чѣмъ вооружилъ себя представившійся намъ работникъ.

Вооруженіе первобытнаго обитателя состояло въ топорахъ, копьяхъ или стрѣлахъ, въ ножахъ и пращахъ,—предметахъ, на приготовленіе которыхъ онъ употреблялъ различные способы; стрѣлы, ножи, а частію и топоры, рубанки и пр., онъ дѣлалъ способомъ

околачиванія; здѣсь этотъ способъ, очень замѣтный въ устройствѣ вышепредставленнаго вала и вполнѣ удовлетворявшій тамъ весьма крупнымъ нуждамъ, дошелъ до тонкости; чрезъ *сколачиваніе* обитатель получалъ красивую и острую стрѣлу, съ десятками зазубринъ; *откалывалъ* онъ тѣмъ же быстрымъ ударомъ гладкія и острыя, часто весьма длинныя пластинки кремня, служившія ножами. Въ приготовленіи топоровъ выступаетъ наконецъ способъ *обтачиванія*, и онъ также видоизмѣняется и въ тѣхъ или другихъ случаяхъ достигаетъ различнаго совершенства; вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о преобладаніи того или другого изъ способовъ не можетъ быть допущенъ, такъ какъ оба они, являясь иногда въ западной Европѣ отдѣльно, представляются на юго-востокѣ Олонецкой губерніи взаимно-слившимися и одинаково неизбѣжными въ той или другой отрасли одного и того же хозяйства. Способъ околачиванія орудій былъ проще и непосредственнѣе велъ къ цѣли, чѣмъ обтачиваніе; чтобъ приготовить орудіе, стрѣлу или ножъ, требовались самые простые приборы [1]); пользуясь ими, житель часто употреблялъ также при околачиваніи естественные валуны изъ твердаго камня [2]). Есть и въ нашей коллекціи обломки, служившіе, по видимому, для околачиванія. Стачиваніе было сложнѣе; часто орудіе послѣ околачиванія подвергалось уже полировкѣ, какъ это замѣчено въ Скандинавіи [3]). Въ Олонецкой же губерніи стачиванію рѣдко предшествовало обиваніе матеріала; для приготовленія, напримѣръ, топора житель пользовался острымъ, рѣжущимъ и твердымъ приборомъ, который легко могъ имѣть форму простаго кремневаго ножа или *пилы*, на подобіе тѣхъ, какія были находимы въ швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ [4]). Слѣды такого инструмента замѣчаются на весьма многихъ изъ нашихъ орудій; таковы боковыя борозды, изображенныя на рисункахъ табл. VIII, фф. 3 и 4; это два *параллелепипеда*, надпиленные, вѣроятно, въ естественной

---

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. 1 и описаніе въ текстѣ, 28—34. Начиная отсюда, ссылки дѣлаются на французскій переводъ Нильсона.

[2]) Тамъ же, табл. I. ф. 11.

[3]) *Nilsson*, табл. VII, фиг. 154 и 157,—и стр. 25 текста.

[4]) *Staub*, Die Pfahlbauten, II, и *Le Hon*, L'homme fossile en Europe, стр. 151.

глыбѣ горной породы и затѣмъ выломленные; слѣды этого излома также замѣтны въ видѣ тонкаго шероховатаго слоя на нижней окраинѣ пластинокъ, представляющихъ въ такомъ видѣ первую стадію обработки топора. Затѣмъ параллелепипедъ подвергался уже стачиванію на камнѣ, подобномъ изображенному на таблицѣ I, ф. 3. Этотъ камень несомнѣнно служилъ *точиломъ;* онъ имѣетъ видъ плиты, сточенной съ одной представленной на рисункѣ стороны; нижняя его поверхность шероховата, углы и ребра его остры и не ровны; словомъ, это никакъ не валунъ, подвергавшійся дѣйствію воды. Сточенная поверхность плиты особенно характерна, какъ весьма очевидное и убѣдительное доказательство ея искуственнаго происхожденія; по срединѣ плиты выдается равномѣрная выпуклость, переходящая на своихъ окраинахъ въ вогнутость или ея опоясанная; къ краямъ плиты вогнутость мало по малу исчезаетъ, и края стоятъ почти на той же высотѣ, какъ и высшая точка срединной выпуклости; на этой поверхности орудія стачивались круговымъ движеніемъ, и наиболѣе углубленная часть вогнутости соотвѣтствуетъ какъ разъ тому мѣсту, по которому чаще всего долженъ былъ проходить стачиваемый предметъ; на срединѣ плиты осталась выпуклость, потому что еслибъ точильщикъ сосредоточилъ на ней свое орудіе, то размахъ его былъ бы чрезвычайно малъ, а работа шла бы очень медленно; не держалъ онъ орудія и около самаго края плиты, оставшагося не сточеннымъ, потому что здѣсь оно весьма часто срывалось бы съ плиты и этимъ замедляло бы работу; поверхность плиты совершенно уподобляется тѣмъ кружкамъ, на которыхъ въ наше время вытачиваются тонкія пластинки минераловъ и горныхъ породъ для микроскопическихъ изслѣдованій. Къ этому я долженъ присоединить указаніе еще на то, что вокругъ выпуклости на плитѣ идутъ ряды концентрическихъ штриховъ или царапинъ, которыя и представлены на лѣвой не отѣненной сторонѣ рисунка; эти штрихи радикально отличаются отъ линій на плитѣ, соотвѣтствующихъ стертымъ слоямъ самой породы, изъ которой состоитъ плита. Наша плита состоитъ изъ тальковаго кварцита и имѣетъ до 360 мм. въ длину, 280 мм. въ ширину и отъ 18 до 30 мм. въ толщину; найдена она въ вышеописанномъ мѣстонахожденіи, около Кумбасъ-озера, подлѣ оча-

га или пола изъ валуновъ, изъ котораго было въ свою очередь извлечено другое точило, сдѣланное изъ породы болѣе твердой, грюнштейновой; этотъ камень имѣлъ полушаровидную или чашевидную форму; его выпуклая сторона шероховата, весьма неровна и видимо обита жителями для того, чтобъ ею можно было врывать камень въ землю; верхняя сторона по своей формѣ совершенно уподоблялась обточенной поверхности плиты, уже вышеописанной; здѣсь также средина выпукла и окаймлена круговою впадиной; самая поверхность чрезвычайно гладка, но шрамовъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ порода весьма однородна по литологическому составу и мелкозерниста. Это точило (одинъ изъ обломковъ отъ него изображенъ на табл. VIII, ф. 2) замѣчательнымъ образомъ напоминало по своему виду одно, описанное Нильсономъ—изъ Скандинавіи [1]). Вообще, какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Олонецкой губерніи, орудія для обтачиванія представляли одно изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей въ хозяйствѣ обитателей каменнаго вѣка; кромѣ двухъ вышеописанныхъ точилъ, я нашелъ обломокъ отъ плиты для стачиванія орудій и на Тудозерѣ, и это служитъ доказательствомъ того, что и здѣсь, по близости, жители имѣли постоянное мѣстожительство, такъ какъ Нильсонъ полагаетъ (въ чемъ я съ нимъ совершенно согласенъ), что точила въ Скандинавіи раздѣлялись на переносныя, легкія, и такія, которыя находились только около самыхъ жилищъ первобытныхъ жителей [2]). Всѣ наши орудія относятся къ послѣдней категоріи, и мнѣ не удалось найдти точилъ переносныхъ, въ родѣ скандинавскихъ [3]), что, впрочемъ, зависѣло, можетъ быть, совершенно отъ случая.

Главными орудіями, получаемыми чрезъ стачиваніе, были въ Олонецкой губерніи *топоры*. Два вышеуказанные параллелепипеда чрезъ стачиваніе легко могли превратиться въ топоръ, изображенный на табл. II, фиг. 3; подобно ему произошли, вѣроятно, и другіе, представленные на фф. 2 и 3 и на табл. III, фф. 1 и 2.

---

[1]) *Nilsson*, стр. 36 и табл. II. ф. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

[3]) Тамъ же, стр. 37.

Изъ всѣхъ этихъ орудій большая часть сходна со скандинавскими; сходство простирается даже до мелочей во внѣшней отдѣлкѣ и является въ особенности выдающимся у насъ на топорѣ, изображенномъ на табл. III, фиг. 2, и на другомъ, нарисованномъ у Нильсона, табл. VI, фиг. 143 [1]). Разница въ томъ, что большинство скандинавскихъ топоровъ состоитъ изъ твердыхъ породъ, преимущественно кварцевыхъ, изъ кремня, тогда какъ олонецкіе топоры дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца: таковы наши топоры, таковы же и Бутеневскіе изъ Петрозаводскаго уѣзда [2]). Топоры, обточенные изъ болѣе твердыхъ породъ, были сравнительно рѣдки; одинъ такой изъ нѣсколько слюдистаго кварцита найденъ нами на Кумбасъ-озерѣ и изображенъ на табл. IV, фиг. 1; другой, также изъ кварцита, можетъ быть, по своей значительной твердости, не былъ подвергаемъ стачиванію и приготовленъ вполнѣ по способу околачиванія; это самый большой изъ всѣхъ нашихъ топоровъ; онъ представленъ на табл. IV фиг. 2. Всѣ найденные топоры являются въ формѣ клина, сточеннаго съ двухъ сторонъ; продольныя ребра ихъ иногда выдаются весьма рѣзко, иногда же и они стачивались. Остріе топоровъ доводилось до большой тонкости; сохранившись ясно у нѣкоторыхъ (см. табл. II, фф. 2, 3, 4, табл. III, ф. 1 и табл. IV, ф. 1), у другихъ оно значительно поломано (табл. III, ф. 2). Видимо, что остріе, будучи разъ поломано, возстановлялось снова; это замѣтно на оригиналѣ фиг. 2, табл. II [3]). Величина найденныхъ нами топоровъ весьма различна: отъ самаго меньшаго (табл. II, ф. 2), достигающаго 70 мм. въ длину и 32 мм. въ ширину, она видоизмѣняется въ самыхъ большихъ отъ 190 мм. въ длину, и 73 мм. въ ширину (табл. VI, фиг. 1) до 247 мм. въ длину и 83 мм. въ ширину (табл. IV, фиг. 2).

---

[1]) То же сходство въ общихъ чертахъ простирается и на Швейцарію, см. *Le Hon*, стр. 152 и пр.

[2]) Нѣкоторыя соображенія о первоб. обитателяхъ Сѣв. Россіи, статья *Бутенева* въ Зап. Геогр. Общ. 1868 г., кн. I, стр. 13.

[3]) О случаяхъ многократнаго стачиванія топоровъ см. *Nilsson*, стр. 89.

CALIFORNIA. ACADEMY OF SCIENCES

Между указанными формами не найдено мною довольно характерное орудіе, значительно впрочемъ распространенное въ Олонецкой губерніи; это *долото*, остріе котораго образовано выпуклостью съ одной стороны и вырѣзкой или корытообразною впадиной, соотвѣтствующею нижней выпуклости,—съ другой; такого рода орудія въ Олонецкой губерніи были находимы Бутеневымъ и Рыбниковымъ[1]) и въ Прибалтійскомъ краѣ—Гревингкомъ[2]). Назначеніе ихъ Бутеневъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Тавія орудія могли также частію служить для обдѣлки деревянныхъ издѣлій, а равнымъ образомъ, могли употребляться для сдиранія еловой коры, которая, вѣроятно, употреблялась древними жителями этого края въ пищу, какъ и теперь еще употребляется въ Лапландіи. На этотъ предметъ, по свидѣтельству ученаго Кастрена, посѣтившаго Лапландію въ 1849 году, каждая Лапландка носитъ на своемъ поясѣ костяное или роговое орудіе, къ этой работѣ приспособленное. Сосновая кора для пищи сдирается въ видѣ лентъ, по направленію длины дерева, и должна быть снята чисто, безъ древесины, потому что въ пищу можетъ идти только заболонь, и означенныя орудія могли быть на это совершенно пригодны, почему я и назвалъ ихъ скребками“[3]). Если согласиться съ существованіемъ потребности у прежнихъ обитателей, выставленной въ вышесказанной цитатѣ, то нужно признать также, что одно изъ орудій, изображенныхъ у насъ (табл. IV, фиг. 4), могло болѣе, чѣмъ всякое другое, удовлетворять этой нѣли; это четырехугольный сланцевый брусокъ, напоминающій *рубанокъ*; задній его конецъ обитъ такъ, что представляется выпуклымъ и закругленнымъ, и за него удобно держать орудіе въ томъ случаѣ, когда нужно, придавивъ его, водить по какой-либо поверхности; нижнее ребро на передней вогнутой плоскости весьма остро, такъ что если все орудіе приставить къ какому-либо тѣлу, держа его нѣсколько подъ угломъ, то неровности тѣла, при движеніи орудія, будутъ сглаживаться; что орудіе такимъ именно

---

[1]) Письма *Рыбникова* и *Лерха* въ V т. Извѣст. Археолог. Общ., табл. I, фф. 3 и 5.

[2]) Das Steinalter der Ostseeprovinzen, стр. 8 и табл. II, фиг. 20.

[3]) *Бутеневъ*, стр. 9.

образомъ употреблялось, доказываютъ штрихи и значительно стертое пространство на нижней поверхности, около острія; на задней части этого орудія сглаживанія не имѣется, такъ какъ она при работѣ не должна была соприкасаться съ тѣломъ; при работѣ больше всего стиравшееся остріе не исчезало, а постоянно вновь возстановлялось на счетъ верхней части, вогнутой къ нижней поверхности. Такое орудіе одинаково могло служить какъ для сглаживанія дерева, сниманія древесной коры, такъ для и скобленія кожъ и прочаго. Вѣроятно, къ такаго же рода орудіямъ должно принадлежать представленное на табл. III, фиг. 3; но спеціальное его назначеніе рѣшить пока не возможно; являясь нѣсколько сдавленнымъ съ боковъ *конусомъ*, на вершинѣ оно усѣчено и имѣетъ не глубокую выемку, идущую по одной изъ сторонъ къ основанію; на отѣненномъ его боку, около бороздки, искуственно сдѣлано углубленіе, какъ-бы мышиными зубами; въ него удобно помѣщается большой палецъ въ то время, когда указательнымъ и среднимъ охватывается неровное основаніе конуса; въ такомъ положеніи орудіе могло бы быть весьма пригодно для околачиванія другихъ, но для этого самая порода, сланецъ, весьма мягка, а для рѣзанія или скобленія нѣтъ, и по видимому, не было на вершинѣ никакого острія.

Не возможно угадать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 4; это неправильный сланцевый *цилиндръ*, вокругъ, съ боковъ и съ верхней на рисункѣ стороны обточенный, а снизу видимо обломленный. Трудно также указать назначеніе орудія на табл. II, фиг. 1; оно похоже на обломокъ большаго копья; съ двухъ сторонъ оно ограничено двумя шероховатыми плоскостями, пересѣкающимися подъ значительнымъ угломъ, съ третьей стороны оно овально и отчасти сточено, съ остатками бороздъ отъ тренія объ точило; вершина его сравнительно тупа.

Орудія, подобныя изображенному на табл. IV, ф. 3. съ верхней стороны, были уже раньше находимы въ Олонецкой губерніи частію Н. Ѳ. Бутеневымъ [1]), частію П. Н. Рыбниковымъ [2]). Въ указанной

---

[1]) *Бутеневъ*, стр. 11.

[2]) Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. I, фф. 8, 9, 11.

статьѣ первый изъ авторовъ сдѣлалъ объясненіе ихъ назначенію для разбитія льда во время зимы, по аналогіи съ такими же орудіями сѣверо-американскихъ дикарей, употребляемыми для дѣланія прорубей во время рыбной ловли. Дѣйствительно, это объясненіе весьма мирится съ картиной жизни на нашемъ сѣверѣ, съ его холодами и вьюгами; какъ современные жители Олонецкой губерніи въ продолженіе всей зимы должны употреблять всѣ средства достать рыбу изъ-подо льда, для чего съ помощію печни должны въ разныхъ частяхъ озеръ и рѣкъ надѣлать много отверстій и пропускать подъ ледяной покровъ неводъ, тянуть его тамъ на большихъ разстояніяхъ, такъ, вѣроятно, чувствовали въ томъ потребность и до-историческіе обитатели этого края и выработали въ помянутой *долбнѣ* орудіе, соотвѣтствующее печнѣ. Долбня, какъ это можно судить даже по Кумбасъ-озеру, гдѣ она была найдена, составляла необходимую принадлежность всякаго домашняго очага.

За всѣми этими орудіями слѣдуетъ еще одинъ рядъ орудій, встрѣчающихся въ Олонецкой губерніи,—разнаго вида *молотки* и *сѣкиры*, съ отверстіями по срединѣ; мнѣ лично не удалось такихъ добыть, но они показаны у гг. Бутенева [1]) и Рыбникова [2]). Распространеніе этихъ орудій проходитъ черезъ Прибалтійскій край [3]) и Скандинавію [4]), на западъ, въ Данію и пр.; они связываютъ такимъ образомъ каменный вѣкъ нашего Сѣвера съ западно-европейскимъ [5]).

Копья и *стрѣлы*, также входили въ число необходимыхъ принадлежностей до-историческихъ обитателей Олонецкаго края; и эти орудія значительно распространены въ Олонецкой губерніи; различіе между копьемъ и стрѣлой заключалось въ ихъ величинѣ; наконечники копій въ Скандинавіи, сдѣланные изъ кремня, достигали иногда до 362 — 371 мм. въ длину, при чрезвы-

---

[1]) *Бутеневъ*, стр. 7.
[2]) Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, рис. 2 и 4.
[3]) *Grewingk*, Das Steinalter, табл. I, фф. 1—11.
[4]) *Nilsson*, табл. VIII.
[5]) *Le Hon*. 157.

чайной тонкости выдѣлки [1]). У насъ пока найдено весьма мало подобныхъ, кромѣ одного, представленнаго Бутеневымъ [2]). Большинство наконечниковъ, найденныхъ мною, принадлежитъ стрѣламъ, что̀ не служитъ впрочемъ доказательствомъ отсутствія въ здѣшнемъ краѣ и болѣе значительныхъ по размѣрамъ наконечниковъ копій, такъ какъ эти послѣдніе, благодаря своей величинѣ, скорѣе могли быть замѣчены жителями, истреблены на кремни и утрачены,—ибо о такихъ случаяхъ я слыхалъ нерѣдко. Впрочемъ, и въ величинѣ наконечниковъ стрѣлъ существуетъ значительная разница; наибольшій изъ представленныхъ на рисункахъ (табл. VI, фиг. 7) имѣетъ 85 мм. въ длину и 23 въ ширину; наименьшіе отъ 29 до 30 мм. въ длину и отъ 14 до 18 въ ширину (табл. V, фф. 1 и 4). Эта разница въ величинѣ объясняется различіемъ назначенія этихъ орудій: каждый изъ наконечниковъ предназначался, соотвѣтственно своимъ размѣрамъ, на большое или малое животное; какъ Алеуты нападалъ въ былыя времена, очень впрочемъ недавнія, на людей и большихъ звѣрей съ большими стрѣлами, а мелкихъ звѣрей и птицъ убивалъ стрѣлами меньшихъ размѣровъ [3]), такъ, вѣроятно, было и съ первобытными обитателями Олонецкой губерніи: на лося или оленя они готовили бо̀льшія стрѣлы, чѣмъ на бѣлку, бобра и пр. [4]).

Въ отдѣлкѣ всѣхъ стрѣлъ, состоящихъ изъ кремня, на ряду съ изяществомъ и искусствомъ, замѣчается нѣкоторая грубость; особенною аккуратностью отличаются экземпляры на табл. V, фиг. 3 и на табл. VI, фиг. 8. Отъ этихъ формъ, имѣющихъ себѣ подобныя много другихъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, существуетъ постоянный переходъ черезъ фф. 1, 2, 4, 5, 6 на табл. V, къ другимъ, въ родѣ фиг. 2, табл. VI; эта форма до такой степени

---

[1]) *Nilsson*, стр. 56.

[2]) *Бутеневъ*, стр. 7, фиг. 3.

[3]) См. Описаніе Камчатки *Крашенинникова*, изданіе 1818 г., прибавленія т. II стр. 290.

[4]) Однако здѣсь не пришлось находить такихъ маленькихъ наконечниковъ, какіе мнѣ попадались около Тунки, въ Восточной Сибири: здѣсь наименьшій имѣлъ 12 мм. длины и 5 мм. ширины; см. *Поляковъ*, Поѣздка въ Вост. Саян. въ Отчетѣ Сиб. Отд. Г. Общ. за 1868 г., стр. 141.

неудачна, что вполнѣ напоминаетъ по характеру работу древнѣйшихъ подобныхъ орудій изъ эпохи мамонта въ Западной Европѣ [1]); что же касается до оригинала на фиг. 9, имѣющаго форму стрѣлы, то онъ легко могъ употребляться въ видѣ криваго ножа, подобнаго тѣмъ, какіе находятся въ Скандинавіи и до нынѣ употребительны у Эскимосовъ [2]).

Гораздо ближе подходятъ къ типу первобытныхъ *ножей* орудія, изображенныя на табл. VI, фф. 4 и 5; послѣдняя изъ формъ болѣе случайная и имѣетъ отчасти себѣ подобныя въ Скандинавіи [3]); первая принадлежитъ къ типу ножа, на табл. I, фиг. 4, а этотъ въ свою очередь является почти тождественнымъ по формѣ съ ножомъ изъ Бельгіи, весьма древняго типа [4]); ядра, отъ которыхъ быстрымъ ударомъ откалывались такіе ножи, многочисленны въ Бельгіи и извѣстны также изъ Олонецкой губерніи [5]). Кромѣ этихъ, мною собрано еще нѣсколько подобныхъ ножей, оставшихся не нарисованными.

Пораженіе враговъ камнями было въ ходу у насъ на Сѣверѣ и въ историческія времена, и не сомнѣнно, что и первобытные обитатели придерживались этого способа самозащиты и нападенія, можетъ быть, въ видѣ *пращи*, какъ это доказано Нильсономъ для Скандинавіи; округленныя формы камней, хотя произшедшіе по видимому естественнымъ путемъ, неслучайно попадались около бывшихъ жилищъ первобытныхъ людей, по Лужандозеру и на Кумбасъ-озерѣ.

Двѣ фигуры 7 и 8, представленныя на табл. V, указываютъ еще на одинъ родъ занятій и наводятъ на мысль о существованіи у нашихъ обитателей ряда орудій *рыболовческихъ*. Если мы представимъ себѣ, что многіе изъ нынѣ живущихъ дикарей имѣютъ рыболовческія орудія въ видѣ кремневыхъ и костяныхъ крючковъ, гарпуновъ и еще въ недавнее время употребляли каменныя *грузила*, съ помощію которыхъ леса погружалась на глубину, вмѣстѣ съ крюч-

---

[1]) *Le Hon*, стр. 63, 64.
[2]) *Nilsson*, стр. 61, V, фф. 85—89.
[3]) Тамъ же, V, фф. 84 и 85.
[4]) *Le Hon*, стр. 128.
[5]) Письма въ Изв. Арх. Общ., т. V, табл. 1, ф. 12.

комъ, а также, что подобныя принадлежности находимы были въ ископаемомъ состоянiи [1]), то согласимся, что и первобытные обитатели Олонецкой губернiи не составляли въ этомъ отношенiи исключенiя.

Двѣ вышепредставленныя формы, найденныя на берегу Тудозера, вмѣстѣ съ другими принадлежностями, составляютъ грузила, изъ которыхъ фиг. 8 совершенно сходствуетъ съ употребляющимися тамъ въ настоящее время свинцовыми и почти такой же величины. Отличаются онѣ отъ эскимосскихъ, древне-скандинавскихъ [2]) и даже финляндскихъ [3]) вытянутою цилиндрическою или сжатою съ боковъ формой и вмѣсто бороздъ вокругъ всего грузила имѣютъ для прикрѣпленiя лесы отверстiя, но далеко не имѣютъ той величины, какъ иноземные снаряды; это зависитъ впрочемъ отъ того, что Финляндцы и Скандинавы ловили рыбу на глубинахъ и въ моряхъ съ сильными токами, тогда какъ нашимъ приходилось заниматься рыболовствомъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ, на небольшомъ озерѣ, или можетъ быть, на Онегѣ.

При всей вышеописанной обстановкѣ жизни до-историческихъ обитателей Олонецкаго края, при такой массѣ труда, какой требовало приготовленiе всякой домашней принадлежности, трудно допустить, чтобъ у нихъ оставалось хоть сколько-нибудь свободнаго времени на отдыхъ и развлеченiе; почти не возможно думать о томъ, чтобъ они могли заботиться о чемъ-либо, не касающемся непосредственно желудка и его настойчивыхъ требованiй. Однако это оказывается не такъ: жители удѣляли немало времени на удовлетворенiе своего чувства изящнаго. Въ недавнее время часы досуга Алеутовъ, употреблявшихъ на свои издѣлiя кость и камень, описываются на основанiи показанiй разныхъ путешественниковъ, такимъ образомъ: „Въ досужное время они занимаются также обработываniемъ разныхъ издѣлiй, служащихъ для игръ, домашняго употребленiя или для украшенiй, именно же: дѣланiемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носковъ топориковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, дере-

---

[1]) *Nilsson*, стр. 39,—55.

[2]) *Nilsson*, табл. II, фф. 31—34, и XI, фф. 216—217.

[3]) *Aspelin*, Kokoilemia Muinaistutkinnon alalta, фф. 25—26.

вянныхъ шляпъ, *также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ-то: человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ звѣрей и птицъ, и въ сей рѣзьбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи.* Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи травяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинокъ и бумажниковъ, что̀ дѣлаютъ съ отмѣннымъ искусствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногтемъ, который у каждой мастерицы отрощенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ и проч.“ [1]) То же самое было, вѣроятно, въ самыя древнѣйшія времена, когда люди съ натуры рисовали на своихъ орудіяхъ мамонта, вымершихъ оленей, козловъ и пр. Обитатели Олонецкой губерніи придерживались тѣхъ же правилъ: найдено орудіе съ весьма правильно высѣченною головой лося [2]) и другое — съ рельефно вырѣзанною головой медвѣдя [3]). Вѣроятно, къ украшеніямъ же принадлежитъ *кружокъ* съ отверстіемъ по срединѣ, найденный нами на Кумбасъозерѣ (т. V, ф. 9); онъ состоитъ изъ мелкозернистаго кварцита и имѣетъ много себѣ подобныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ [4]), въ Финляндіи [5]) и въ Скандинавіи, гдѣ подобнаго рода издѣлія дѣлались изъ янтаря [6]).

Фактъ, что жители стремились соединить полезное съ пріятнымъ, удобство предмета съ нѣкоторымъ его изяществомъ и красотой, ясно выступаетъ передъ нами на весьма большомъ количествѣ найденныхъ обломковъ горшковъ. Глиняная посуда была здѣсь, въ осмотрѣнныхъ мною мѣстностяхъ, такою же необходимою принадлежностью жилья, какъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, въ Даніи и въ Скандинавіи; какъ у жителей этихъ странъ вмѣстѣ съ другими народами, стоящими вообще на довольно низкой степени развитія, такъ и у Олончанъ каменнаго вѣка посуда была сдѣлана изъ глины, съ большимъ содержаніемъ пе-

---

[1]) Приложеніе къ Описанію Камчатки *Крашенинникова*, т. II, стр. 286.
[2]) *Бутеневъ*, стр. 8, фиг. 5.
[3]) Письма въ Изв. Арх. общ., т. V, табл. I, фиг. 2.
[4]) *Grewingk*, стр. 23, фиг. 26.
[5]) *Aspelin*, фиг. 22.
[6]) *Nilsson*, стр. 109, табл. IX, фиг. 199 и пр.

ску[1]); какъ и въ Швейцаріи [2]), горшки встрѣчались намъ только въ видѣ обломковъ, по которымъ, конечно, не возможно опредѣлить формы въ цѣломъ. Только одинъ изъ обломковъ представлялъ намъ форму широкаго и низкаго конуса, со впадиной внутри; снаружи онъ гладокъ, и на немъ трудно видѣть даже часть сосуда, которую онъ составлялъ. Большинство обломковъ принадлежитъ къ окраинным или боковымъ частямъ сосудовъ, изъ которыхъ первые представленны на табл. VII; отсюда видно, что горшки съ внѣшней стороны украшались разнообразными узорами, состоящими изъ рядовъ бороздокъ, съ правильными на ихъ глубинѣ четырехугольными вдавленіями; бороздки располагались наклонными и параллельными другъ другу рядами (фиг. 1), или зигзагами между окраинною линіей и бороздкой, ей параллельною (фиг. 2); два ряда бороздокъ сходились подъ угломъ другъ къ другу (фиг. 5), лежали параллельно окраинѣ (фиг. 4), или наконецъ, раздѣлялись ямочками (фиг. 3), составляющими второй элементъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ узоровъ на посудѣ. Ямки въ рѣдкихъ случаяхъ не глубоки; по большей же части онѣ проходятъ черезъ всю весьма толстую стѣнку горшка, и на внутренней сторонѣ получаются соотвѣтственные ряды выпуклинъ; на мѣстахъ этихъ ямочекъ стѣнки горшка являются весьма тонкими и легко проламываются; ямки иногда имѣютъ форму пирамидальную, продавленную какъ-бы четырехугольною пирамидкой (фф. 1 и 27), и правильно цилиндрическую (фф. 3 и 5), что бываетъ чаще [3]); такія ямки располагаются въ нѣсколько рядовъ, въ четыре или пять, и обломокъ представляетъ тогда форму сота. Ямки находились преимущественно на срединѣ, какъ, напримѣръ, на фиг. 4, и вѣроятно, въ нижнихъ частяхъ стѣнокъ

---

[1]) То же самое было мною найдено въ посудѣ каменнаго вѣка, изъ окрестностей Тунки въ Восточной Сибири; см. объ этомъ: *Поляковъ*, Поѣздка въ Восточн. Саянъ, въ Отч. Сиб. Отд. Р. Г. Общ. за 1868 г., стр. 140.

[2]) *Le Hon*, стр. 163.

[3]) На Тудозерѣ вмѣстѣ съ горшками, были найдены такого рода пирамиды или же цилиндрики изъ сланца, которыми жители дѣлали эти ямки. Эти вещицы на таблицахъ не представлены.

оршка. Можно полагать, что присутствіе ихъ на посудѣ обязано не только стремленію жителей къ изящному, но можетъ быть, и иному соображенію, что въ подобныхъ горшкахъ вода могла быстрѣе нагрѣваться и кипѣть. Можетъ быть также, къ числу украшеній на горшкахъ относится найденный нами слѣпокъ изъ глины; онъ представляетъ спираль, совершенно сходную по формѣ съ нынѣ живущею въ окрестностяхъ Тудозера раковиною Planorbis; ей же равняется онъ по величинѣ, такъ что легко можно допустить, что онъ составлялъ какое-нибудь ушко у горшка или же отдѣльное украшеніе въ дамскомъ туалетѣ.

Итакъ, мы имѣли случай кратко очертить всѣ формы принадлежностей каменнаго вѣка, найденныя нами на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; но при этомъ мы сохраняемъ убѣжденіе, что жители обладали и различными другими подобными же предметами, которые стаются пока въ неизвѣстности, но неимѣнію для изслѣдователей удобнаго случая столкнуться съ ними; такъ, издѣлія изъ кости стрѣчаются далеко на Востокѣ и на Западѣ, и нѣтъ вѣроятности, тобъ они отсутствовали въ Олонецкой губерніи. Всѣ извѣстныя рудія Олонецкой губерніи состоятъ изъ камней, относящихся къ различнымъ горнымъ породамъ: это видоизмѣненія глинистаго сланца, сланецъ хлоритовый, кварцитъ, грюнштейнъ, афанитъ, видоизмѣненія кремня и глины [1]): преобладающими въ издѣліяхъ порода ми являются глинистый сланецъ, кремни и глина; глина по всему юго-востоку губерніи не представляетъ недостатка. Но по отношенію къ кремню и сланцамъ жители каменнаго вѣка стояли въ различныхъ условіяхъ; въ однихъ мѣстахъ трудно было доставать кремень, въ другихъ — глинистый сланецъ, если только объ этомъ судить по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыми мы располагаемъ; притомъ жители, какъ туземцы, могли въ деталяхъ лучше насъ знать ихъ распространеніе въ окрестностяхъ. Жители по юго-восточному берегу Онежскаго озера, особенно Тудозерскіе, были хуже другихъ обезпечены глинистымъ сланцемъ, такъ какъ онъ непосредственно, въ коренныхъ мѣсторожденіяхъ, встрѣчается только на сѣверо-западномъ берегу Онега [2]); но они могли добывать его

[1]) Въ опредѣленіи породъ я обязанъ участію А. А. Иностранцева.

[2]) *G. von Helmersen*, Das Olonezer Bergrevir, см. карту.

отчасти и въ мѣстныхъ наносахъ; въ свою очередь жители сѣверо-западнаго берега, обезпеченные изобиліемъ сланца, вѣроятно, нуждались въ кремнѣ и должны были за нимъ отправляться на юго-восточный берегъ, въ область каменноугольной формаціи; даже самые Тудозерцы должны были переходить значительныя разстоянія, въ десятки верстъ, если не больше, чтобы добыть тотъ же кремень. Въ аналогичныхъ съ Тудозерцами условіяхъ стояли жители Водлы, на восточномъ берегу Онега, до Кумбасъ-озера и Кенозера, гдѣ разстояніе отъ кореннаго мѣстозалеганія глинистаго сланца—наибольшее, и гдѣ кремень встрѣчается уже въ самыхъ мѣстныхъ наносахъ, а залеганіе его находится въ ближайшихъ окрестностяхъ. Такимъ образомъ, и здѣшніе жители должны были уходить на поиски за глинистымъ сланцемъ или вымѣнивать его на кремень. Что же касается до послѣдняго, то несомнѣнно, что онъ относится къ развитой здѣсь каменноугольной формаціи; это доказывается отпечатками животныхъ на нѣкоторыхъ кремневыхъ обломкахъ, привезенныхъ мною отсюда. По опредѣленію А. А. Иностранцева, спеціально занимавшагося здѣсь изученіемъ этой формаціи, въ отпечаткахъ сохранились: Productus semireticulatus Mart., Productus longispinus Flem., Productus scabriculus Mart., Amplexus connicus Fisch. и стебли кринондей. Другія породы были въ гораздо меньшемъ употребленіи; нѣкоторыя изъ нихъ могли встрѣчаться въ видѣ валуновъ, какъ кварцитъ, и такимъ образомъ доставляли матеріалъ для подѣлокъ [1]; для прочихъ допустить это весьма трудно, напримѣръ, для хлоритоваго сланца: залегаетъ онъ довольно далеко, на сѣверъ отъ Онежскаго озера [2], а между тѣмъ орудія изъ него встрѣчались на Кумбасъ-озерѣ, въ окрестностяхъ котораго неизвѣстно также распространеніе афанита, входящаго также въ число матеріаловъ для производства орудій.

За всѣмъ сказаннымъ остается еще одинъ, самый интересный вопросъ, къ рѣшенію котораго нѣтъ однако никакихъ, даже приблизительно вѣрныхъ данныхъ; это вопросъ о племенныхъ свой-

[1] См. *G. von Helmersen*, [illegible] etc., стр. 2—3.

[2] *А. Иностранцевъ*, Геологич. обзоръ и пр., см. карту.

ахъ людей, оставившихъ намъ вышеописанныя принадлежности. редѣлить время процвѣтанія культуры каменнаго вѣка въ осмо-ѣнной нами мѣстности не возможно. Языкъ тамошнихъ древнихъ ітателей въ данномъ случаѣ не можетъ быть какимъ бы то ни было разомъ возстановленъ. Сторона бытовая, принадлежности домаш-го хозяйства, занятія также къ рѣшенію вопроса не могутъ быть иложены: на основаніи этихъ данныхъ пришлось бы привести на-ихъ обитателей въ тѣсное родство съ давно вымершими народами, и же съ до сихъ поръ живущими въ разныхъ концахъ земнаго ра. Есть еще одинъ путь, не рѣдко считающійся достаточ-вѣрнымъ для рѣшенія племеннаго вопроса, — путь краніоло-ческій; но и череповъ вмѣстѣ съ орудіями нами не найдено. акъ, приходится остановиться на догадкахъ. Самъ по себѣ репъ есть величина измѣнчивая, но все же, оставшись отъ вы-ршаго народа, онъ есть уже вѣрный, положительный фактъ, орма, сравнимая съ другими подобными величинами; а потому, ш всѣхъ недостаткахъ метода, и нужно пользоваться черепомъ, тя крайне осмотрительно. На предѣлы измѣнчивости черепа ука-ваетъ и Дарвинъ: „Хотя въ однихъ частяхъ свѣта преобладаетъ линенная форма черепа, а въ другихъ короткая, но даже и въ редѣлахъ той же расы, какъ напримѣръ, у туземцевъ Америки и южной Австраліи, существуетъ *значительное разнообразіе* въ *ормѣ черепа*, что̀ замѣчается уже на такомъ ограниченномъ про-ранствѣ, какъ Сандвичевы острова“ [1]). Съ такимъ же разнооб-зіемъ череповъ, только въ гораздо большихъ предѣлахъ, встрѣ-ются въ настоящее время антропологи у насъ на Сѣверѣ, въ редѣ различныхъ племенъ такъ называемаго Финскаго семей-ва; здѣсь существуютъ чистые брахикефалы на ряду съ доли-кефалами совершенно опредѣленнаго типа [2]); притомъ извѣстно, о въ Московской губерніи существовало курганное племя, совер-енно обособленное по своему черепу [3]), рядомъ съ Тверскимъ, и

---

[1]) Происхожденіе человѣка и полов. подборъ, перев. въ журн. „Знаніе“ 871 г., стр. 57.

[2]) См. *А. Богдановъ*, Матеріалы для антропол. курганн. періода въ Моск. губ., р. 174 и 175. Вогулы—долихокефалы по *Беру*, Melanges biolog., 1863, IV, стр. 97.

[3]) *Богдановъ*, стр. 173.

отчасти и въ мѣстныхъ наносахъ; въ свою очередь жители сѣверо-западнаго берега, обезпеченные изобиліемъ сланца, вѣроятно нуждались въ кремнѣ и должны были за нимъ отправляться на юго-восточный берегъ, въ область каменноугольной формаціи; даже самые Тудозерцы должны были переходить значительныя разстоянія въ десятки верстъ, если не больше, чтобы добыть тотъ же кремень. Въ аналогичныхъ съ Тудозерцами условіяхъ стояли жители Водлы, на восточномъ берегу Онега, до Кумбасъ-озера и Кенозера, гдѣ разстояніе отъ кореннаго мѣстозалеганія глинистаго сланца—наибольшее, и гдѣ кремень встрѣчается уже въ самыхъ мѣстныхъ наносахъ, а залеганіе его находится въ ближайшихъ окрестностяхъ. Такимъ образомъ, и здѣшніе жители должны были уходить на поиски за глинистымъ сланцемъ или вымѣнивать его на кремень. Что же касается до послѣдняго, то несомнѣнно, что онъ относится къ развитой здѣсь каменноугольной формаціи; это доказывается отпечатками животныхъ на нѣкоторыхъ кремневыхъ обломкахъ, привезенныхъ мною отсюда. По опредѣленію А. А. Иностранцева, спеціально занимавшагося здѣсь изученіемъ этой формаціи, въ отпечаткахъ сохранились: Productus semireticulatus Mart., Productus longispinus Flem., Productus scabriculus Mart., Amplexus conicus Fisch. и стебли криноидей. Другія породы были въ гораздо меньшемъ употребленіи; нѣкоторыя изъ нихъ могли встрѣчаться въ видѣ валуновъ, какъ кварцитъ, и такимъ образомъ доставляли матеріалъ для поделокъ [1]); для прочихъ допустить это весьма трудно, напримѣръ для хлоритоваго сланца: залегаетъ онъ довольно далеко, на сѣверъ отъ Онежскаго озера [2]), а между тѣмъ орудія изъ него встрѣчались на Кумбасъ-озерѣ, въ окрестностяхъ котораго неизвѣстно также распространеніе афанита, входящаго также въ число матеріаловъ для производства орудій.

За всѣмъ сказаннымъ остается еще одинъ, самый интересный вопросъ, къ рѣшенію котораго нѣтъ однако никакихъ, даже приблизительно вѣрныхъ данныхъ; это вопросъ о племенныхъ свой-

[1]) См. *G. von Helmersen*, Studien etc., стр. 2—3.

[2]) *А. Иностранцевъ*, Геологич. обзоръ и пр., см. карту.

его даже въ эпоху, значительно позднюю: „На Усть-цильмѣ рѣкѣ отъ нижняго конца Чухинской горы отъ островковъ вверхъ по Печорѣ рѣки по обѣ стороны до Усы рѣки, да по обѣ стороны Цильмы рѣки до Косы рѣки, да по Пижмѣ рѣкѣ, да по Ижмѣ рѣкѣ по обѣ стороны до Великой Пожни, да по Печорѣ рѣкѣ пески, рыбныя ловища и межъ тѣми рѣками рѣчки малыя и озерки; по тѣмъ мѣстамъ лѣсъ, дичь и мхи, болота, сокольи и кречатьи садбища, а пашенъ, да ни покосовъ и рыбныхъ ловищъ на тѣхъ мѣстахъ изстари нѣтъ ничьихъ—никакихъ и отъ пашенныхъ людей, отъ двинскихъ и пинежскихъ тѣ рѣчки и сокольи садбища отошли далече, верстъ за пятьсотъ и больше“ [1]). Безъ сомнѣнія, подобныя дикія лѣсистыя мѣстности много столѣтій назадъ распространялись еще шире, и этихъ трущобъ или „пустыней непроходимыхъ“ было больше; для хлѣбопашества онѣ потребовали бы большой затраты силъ, а звѣроловство и рыболовство могли быть самымъ выгоднымъ въ нихъ промысломъ. Одинъ изъ современныхъ изслѣдователей исторіи Олонецкаго края, г. Барсовъ, указывая на пріобрѣтеніе древними Новгородцами земель въ Обонежьи и на заведеніе тамъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, говоритъ: „Лѣсную глушь представляли починки Обонежской колонизаціи и культуры. Огромныя пространства покрыты были непроходимыми лѣсами, мхами и болотами, съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей. Изъ житія Кирила Чельмогорскаго видно, что городъ Каргополь въ его время окруженъ былъ дикимъ лѣсомъ. По причинѣ частыхъ болотъ, сплошныхъ лѣсовъ и повсюдныхъ водъ, говоритъ одинъ изъ иностранныхъ путешественниковъ,—эти мѣста были необитаемы и не застроены никакими селеніями. Угодья и урочища были въ лѣсахъ и назывались въ юридическихъ актахъ „лѣшія рѣки, лѣшія озеры и лѣшіе лѣса“ [2]). Но оставляя въ сторонѣ частные факты, можно указать на то, что мѣха и шкуры звѣрей Сѣвера служили одною изъ важнѣйшихъ статей торговли Новгорода и поддерживали его значеніе, какъ сѣвернаго торговаго центра, удовлетворяющаго нужды Запада. „Это-то болѣе всего послужило

---

[1]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 75.

[2]) *Барсовъ*, Пам. Кн. Олон. губ. 1868—1869 гг., стр. 3.

Новгородской промышленной предпріимчивости и направляло Новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это-то было поводомъ къ движенію Новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха соболь, лисьи, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ“ [1]).

Если такимъ образомъ мѣха сѣвера и сѣверо-востока Россіи въ болѣе позднюю эпоху вывозились въ большихъ количествахъ, то вѣроятно, во времена болѣе ранніе, до нашествія или въ эпоху вторженія Новгородцевъ въ эти страны, источники добычи мѣховъ были болѣе изобильны, и сѣверъ Россіи уподоблялся тогда Сибири; покрытый сплошными лѣсами, не тронутыми еще сохой и топоромъ, онъ несомнѣнно былъ населенъ такими же звѣродовческими и рыболовческими племенами, подобныя которымъ, спустя много столѣтій, были встрѣчены сибирскими героями по рѣкамъ Оби, Енисею, Ленѣ и въ Камчаткѣ; каменный вѣкъ, собольи и бобровыя шубы на дикаряхъ сохранялись до весьма сравнительно недавнихъ временъ очевидно потому, что сибирскіе лѣса долгое время не были доступны славянской цивилизаціи. Иное дѣло встрѣчаемъ мы по ея сторону Урала.

Сѣверъ Россіи былъ заселенъ Новгородцами весьма рано, такъ что въ XII столѣтіи по всѣмъ главнымъ сѣвернымъ рѣкамъ, до Бѣлаго моря, было уже русское народонаселеніе [2]). Обонежье заселялось съ XI вѣка, и многія земли здѣсь принадлежали уже Новгородской знати [3]).

Результатомъ вторженія Новгородцевъ въ область обитанія Финскихъ племенъ было то, что эти послѣднія во многихъ мѣстахъ или совершенно изчезли, или выродились, или влачатъ убого свою жизнь, какъ-бы стоя на дорогѣ къ вымиранію. Въ нынѣшней Новгородской губерніи, одномъ изъ прежнихъ центровъ пребыванія Финскихъ племенъ, теперь насчитывается самый

---

[1]) *Костомаровъ*, II, стр. 219.

[2]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ Русской исторіи, II, стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 36—37.

ничтожный процентъ Финновъ [1]). Вологодская губернія, нѣкогда занятая обитателями изъ Финновъ, остается въ настоящее время свободною отъ нихъ почти на всемъ протяженіи; несомнѣнно, что собственно финскіе обитатели здѣсь вымерли или выродились, кромѣ Зырянъ, продолжающихъ до сихъ поръ сохранять свою народность [2]). Многочисленное, по выраженію г. Костомарова, Финское (Корельское) племя, населявшее окрестности Ладожскаго и Онежскаго озеръ, также сузилось въ настоящее время въ своемъ распространеніи, и если не оно, то близкіе его сородичи обитали въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Каргопольскомъ, по восточному берегу Онежскаго озера, гдѣ на существованіе Финновъ указываютъ частію преданія, а частію и показанія очевидцевъ [3]) или физіономіи современныхъ жителей, какъ на Водлозерѣ [4]), но гдѣ въ настоящее время Финновъ нѣтъ. Наконецъ, существуетъ весьма много доказательствъ, что многочисленныя финскія племена Архангельской губерніи также на ряду съ другими вымерли или исчезли безслѣдно, оставивъ лишь воспоминаніе о своемъ существованіи [5]).

Этихъ фактовъ, я полагаю, будетъ достаточно, чтобы видѣть въ отношеніяхъ Новгородцевъ къ побѣжденнымъ ими сѣверно-русскимъ туземцамъ аналогію съ тѣмъ, что было потомъ и въ Сибири: здѣсь, какъ и въ Россіи, вскорѣ послѣ завоеванія начинается вымираніе туземцевъ; многія мѣста, гдѣ прежде жили сильныя и воинственныя племена, теперь остаются пустынными и молчаливыми, или же послѣдніе остатки прежнихъ народовъ доканчиваютъ здѣсь свое существованіе. Укажу для этого на Лену, съ ея притоками, Витимомъ и Олекмою, на окрестности Ба'унта и Прибайкалья [6]); не дурно также принять во вниманіе подобные факты, касающіеся Алеутовъ, Остяковъ и туземцевъ Енисейскихъ, по изслѣдованіямъ А. П. Щапова.

---

[1]) *Пушкаревъ*, Опис. Росс. Имп. I. Новг. губ., стр. 69.

[2]) *Поповъ*, Движеніе народонаселенія въ Волог. губ., въ Зап. Геогр. Общ. по Отд. стат., II, стр. 64.

[3]) *Костомаровъ*, I, 405; *Ефименко*, 30; *Барсовъ*, стр. 4—5.

[4]) *Поляковъ*. Изв. Геогр. Общ. 1871 г. № 6, стр. 318.

[5]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 2, 36 - 37.

[6]) Отчетъ Сиб. Отд. Геогр. Общ. за 1868 г., стр. 187 и слѣд.

правда, въ источникахъ весьма позднихъ—на существованіе и у нихъ каменнаго вѣка и даже на господство въ средѣ ихъ грубаго фетишизма; они будто бы не только *убивали звѣря каменемъ* или палицей, но и *боготворили* эти орудія [1]). По тѣмъ же извѣстіямъ видно также, что предшественники русскихъ поселенцевъ на Сѣверѣ не имѣли постоянныхъ жилищъ и жили какъ звѣри въ разсѣлинахъ горъ; извѣстный разсказъ начальной лѣтописи о маленькомъ оконцѣ, просѣченномъ изъ средины горы, въ странѣ племени Югра, довольно ясно указываетъ на пещерныя или земляночныя жилища, о коихъ въ позднѣйшее время говорятъ путешественники: „Вся Самоѣдская земля въ нынѣшней Мезенской округѣ наполнена запустѣвшими жилищами нѣкоего древняго народа. Находятъ оныя на многихъ мѣстахъ, при озерахъ на тундрѣ и въ лѣсахъ при рѣчкахъ, сдѣланныя въ горахъ и холмахъ на подобіе пещеръ съ отверстіями, подобными дверямъ“ [2]). Число такихъ жилищъ увеличивается по направленію къ Уралу [3]). Изъ описанія самыхъ пещеръ видно, что онѣ были весьма значительныхъ размѣровъ: нѣкоторыя изъ нихъ длиною въ пять, шириною въ три и высотою въ одну сажень [4]). Очевидно, что онѣ служили убѣжищемъ для нѣсколькихъ семействъ, какъ это было найдено Крашенинниковымъ въ хижинахъ Камчадаловъ [5]).

Въ тѣсной связи съ первобытнымъ каменнымъ вооруженіемъ и жилищами должны были стоять и промыслы жителей; звѣроловство и рыболовство, безъ сомнѣнія, находились у нихъ на первомъ планѣ. Слѣдующая картина нашего Сѣвера, нарисованная въ одной изъ грамотъ около 1542 года, типично характеризуетъ состояніе

[1]) См. цитату изъ старинной рукописи Соловецкой библіотеки подъ заглавіемъ „Годъ спасенія“ въ письмѣ П. Н. Рыбникова, въ т. V Изв. Археолог. Общ., стр. 478 — 479; ср. также *Барсова*, Препод. Обонежск. пустынножители въ Пам. Бы. Олон. губ. за 1868 — 1869 гг., отд. III, стр. 28; также *Ефименко*, Заволочская Чудь, 1869 г., стр. 16. — По наиболѣе древнимъ Новгородскимъ извѣстіямъ о сѣверо-востокѣ Россіи, занесеннымъ въ Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 1096 годомъ, видно, что тамъ жилъ народъ, не имѣвшій желѣза и чувствовавшій въ немъ нужду; см. Полн. собр. р. лѣтописей, I, стр. 107.

[2]) *Лепехинъ*, Путешествіе, IV, стр. 203.

[3]) *Ефименко*, Завол. Чудь, стр. 131.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

[5]) Описаніе земли Камчатки, IV, стр. 38 и 41.

изображаетъ Новгородскую власть надъ Финскими племенами, можетъ быть, уже слишкомъ суровою, полагая, что Финны постоянно находились въ полной зависимости отъ Новгородцевъ и были лишены всякой равноправности съ ними, что борьба Финновъ противъ Славянъ была безуспѣшною, и что для поддержанія власти надъ ними Новгородцамъ требовалась особенная сила [1]). Въ противоположность тому, Ив. Д. Бѣляевъ приводитъ рядъ фактовъ въ пользу того мнѣнія, что Финны не были лишены самостоятельности, и въ самоуправленіи имѣли одинаковое право голоса со Славянами: „Не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло до того, что общественные интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно... Финны и Славяне", продолжаетъ еще г. Бѣляевъ,—„считались совершенно одноправными", такъ „что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинакое значеніе съ голосомъ Славянина, но даже въ выборѣ на высшія должности не было разницы между Финномъ и Славяниномъ" [2]).

Фактовъ за и противъ этихъ двухъ мнѣній достаточно; но допуская даже, что въ нихъ обоихъ есть своя доля истины, нужно полагать, что каждое изъ нихъ, вѣрное въ частностяхъ, не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительности въ смыслѣ болѣе обширномъ, общемъ, и что тезисъ, поставленный нами выше, гораздо удачнѣе мирится съ имѣющимися фактами. Новгородцы не были безотносительны или равнодушны къ независимости въ своемъ собственномъ сосѣдствѣ; все, что было около нихъ, они старались подчинить своей волѣ или власти и избирали въ этомъ случаѣ средства, сообразныя съ силою противника; въ томъ случаѣ, гдѣ противникъ могъ оказать значительное сопротивленіе, они прибѣгали къ мѣрамъ дипломатическимъ; чѣмъ дальше былъ

---

[1]) *Костомаровъ*, I, стр. 18.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 45—46. Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ о слитіи и обезличиваніи племенъ, такъ какъ извѣстно, что Финны не были истребляемы на Новгородской землѣ.

Новгородской промышленной предпріимчивости и направляло Новгородцевъ къ занятію сѣверо-восточныхъ странъ нынѣшней Россіи. Это-то было поводомъ къ движенію Новгородской колонизаціи въ суровыя страны по близости къ Ледовитому морю. Мѣха соболи, лисьи, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ“ [1]).

Если такимъ образомъ мѣха сѣвера и сѣверо-востока Россіи въ болѣе позднюю эпоху вывозились въ большихъ количествахъ, то вѣроятно, во времена болѣе раннія, до пришествія или въ эпоху вторженія Новгородцевъ въ эти страны, источники добычи мѣховъ были болѣе изобильны, и сѣверъ Россіи уподоблялся тогда Сибири; покрытый сплошными лѣсами, не тронутыми еще сохой и топоромъ, онъ несомнѣнно былъ населенъ такими же звѣродовческими и рыболовческими племенами, подобныя которымъ, спустя много столѣтій, были встрѣчены сибирскими героями по рѣкамъ Оби, Енисею, Ленѣ и въ Камчаткѣ; каменный вѣкъ, соболи и бобровыя шубы на дикаряхъ сохранились до весьма сравнительно недавнихъ временъ очевидно потому, что сибирскіе лѣса долгое время не были доступны славянской цивилизаціи. Иное дѣло встрѣчаемъ мы по сю сторону Урала.

Сѣверъ Россіи былъ заселенъ Новгородцами весьма рано, такъ что въ XII столѣтіи по всѣмъ главнымъ сѣвернымъ рѣкамъ, до Бѣлаго моря, было уже русское народонаселеніе [2]). Обонежье заселялось съ XI вѣка, и многія земли здѣсь принадлежали уже Новгородской знати [3]).

Результатомъ вторженія Новгородцевъ въ область обитанія Финскихъ племенъ было то, что эти послѣднія во многихъ мѣстахъ или совершенно изчезли, или выродились, или влачатъ убого свою жизнь, какъ-бы стоя на дорогѣ къ вымиранію. Въ нынѣшней Новгородской губерніи, одномъ изъ прежнихъ центровъ пребыванія Финскихъ племенъ, теперь насчитывается самый

---

[1]) *Костомаровъ*, II, стр. 219.

[2]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ Русской исторіи, II, стр. 36.

[3]) Тамъ же, стр. 36—37.

частную собственность богатыхъ Новгородскихъ фамилій [1]). Такое положеніе края, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ своеволіемъ побѣдителей, не обходилось безъ частыхъ возстаній туземцевъ, безъ сопротивленія и борьбы, въ которой, можетъ быть, погибло не мало покоренныхъ [2]).

Но власть Новгородцевъ надъ туземцами не была единственнымъ явленіемъ, неблагопріятно отзывавшимся надъ послѣдними. Гораздо большія послѣдствія оказывали на нихъ, можетъ быть, тѣ измѣненія, которыя были вносимы Новгородцами въ самую природу мѣстности, служившей для нихъ мѣстомъ колонизаціи. Туземцы въ большинствѣ случаевъ были, какъ это уже указано выше, народами бродячими, живущими частью рыболовствомъ, частью же звѣроловствомъ, а Новгородцы были славяне, по большей части, къ земледѣлію. Земледѣліе, по самому существу своему, должно было стремиться уничтожить или подорвать успѣхъ въ звѣроловствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизить къ вымиранію людей, жизнь которыхъ всецѣло была основана на изобиліи звѣря въ дремучихъ лѣсахъ Сѣвера. Новгородскія поселенія, съ ихъ земледѣліемъ, несли за собою въ нетронутые лѣса все, что могло наиболѣе сильно грозить ихъ цѣлости и что должно было въ корень измѣнить тотъ характеръ животной жизни, которымъ они первоначально отличались. Въ новыя мѣста поселенія среди первобытныхъ народовъ Новгородцы пролагали себѣ дорогу огнемъ. Они выжигали лѣса, вырубали ихъ топоромъ, очищали сохой. Предполагаютъ даже, что эти первобытные піонеры древней Руси на Сѣверѣ отъ главнаго своего средства обработывать новыя мѣста для хлѣбопашества и поселенія силою огня названы были огнищанами, получившими потомъ надъ другими право старшинства по своей опытности и состоянію и образовавшими наконецъ цѣлое сословіе *бояръ* [3]). Какъ вліяло подобное явленіе на тогдашнихъ коренныхъ обитателей лѣсовъ, это понимали и видѣли, вѣроятно, только они сами, подобно тому, какъ въ послѣднее время испытали то же сибирскіе туземцы

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 36.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 37; *Ефименко*, 33.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 53.

Причины вымиранія племенъ въ двухъ странахъ, кажется, совершенно одинаковы, и разница только въ томъ, что Новгородцы раньше начали вносить ихъ на сѣверо-востокъ Россіи, и можетъ быть, они не вездѣ были первыми цивилизаторами звѣроловческихъ туземцевъ [1]); указаніе морехода Отера на хлѣбопашество при устьяхъ Сѣверной Двины, относящееся къ IX вѣку, едва ли можетъ относиться къ Финскому племени, какъ то думаетъ г. Ефименко [2]), а вещи, найденныя въ кладахъ Пермской и Вологодской губерній, съ монетами сассанидскими отъ V и VI вв., нѣмецкими и англо-саксонскими X и XI вв. [3]), вмѣстѣ съ подобными же находками въ Тверской губерніи, могли составлять нѣкогда достояніе племени, не имѣвшаго ничего общаго ни съ Славянскимъ, ни съ Татарскимъ, ни съ Финскимъ племенами, какъ то показываютъ найденные въ Тверскихъ курганахъ черепа [4]). Въ другихъ же случаяхъ, какъ напримѣръ, относительно хлѣбопашества у Емп (говорится, что Новгородцы въ 1291 году „изсѣкли у ней скотъ и сожгли хлѣбъ“) [5]), можно предполагать, что оно возникло здѣсь подъ вліяніемъ уже Русскихъ или Шведовъ.

Причины вымиранія должны были быть весьма разнообразны; онѣ должны были находиться, съ одной стороны, въ тѣсной связи съ вліяніемъ Новгородской власти надъ туземцами, съ другой—съ тѣми физическими перемѣнами, которыя Новгородцы вносили въ самую природу вновь заселяемой ими мѣстности. Отсюда вытекаетъ то заключеніе, что гдѣ сильнѣе была власть Новгородцевъ, гдѣ она меньше знала себѣ предѣловъ, а также, гдѣ больше сосредоточивалось чисто Новгородско-Славянское населеніе, тамъ и вымираніе туземцевъ шло наиболѣе сильно и быстро.

Одинъ изъ нашихъ историковъ, именно Н. И. Костомаровъ,

---

[1]) Въ Сибири, по видимому, большинство бродячаго населенія было мало тронуто, до покоренія Русскими, какой бы то ни было цивилизаціей; по крайней мѣрѣ Камчадалы хотя и знали о металлахъ, но не употребляли ихъ, см. *Крашенинникова*, Описаніе Камчатки, 1818 г., II, стр. 49.

[2]) Заволоч. Чудь, стр. 4 и 65.

[3]) Тамъ же, стр. 5 — 6.

[4]) *Рупрехтъ*, Гео-ботан. изслѣд. о черноземѣ, стр 97.

[5]) *Костомаровъ*, I, стр. 401.

изображаетъ Новгородскую власть надъ Финскими племенами, можетъ быть, уже слишкомъ суровою, полагая, что Финны постоянно находились въ полной зависимости отъ Новгородцевъ и были лишены всякой равноправности съ ними, что борьба Финновъ противъ Славянъ была безуспѣшною, и что для поддержанія власти надъ ними Новгородцамъ требовалась особенная сила [1]). Въ противоположность тому, Ив. Д. Бѣляевъ приводитъ рядъ фактовъ въ пользу того мнѣнія, что Финны не были лишены самостоятельности, и въ самоуправленіи имѣли одинаковое право голоса со Славянами: „Не обращая Финновъ въ рабство, не отнимая у нихъ земли и принимая ихъ въ свое сообщество, Славяне завоевывали Финновъ нравственно, претворяли ихъ въ Славянъ, роднили ихъ съ собою и мало по малу довели дѣло до того, что общественные интересы Славянъ и Финновъ слились окончательно... Финны и Славяне", продолжаетъ еще г. Бѣляевъ,—„считались совершенно одноправными", такъ „что на общемъ Новгородскомъ вѣчѣ не только голосъ Финна имѣлъ одинакое значеніе съ голосомъ Славянина, но даже въ выборѣ на высшія должности не было разницы между Финномъ и Славяниномъ" [2]).

Фактовъ за и противъ этихъ двухъ мнѣній достаточно; но допуская даже, что въ нихъ обоихъ есть своя доля истины, нужно полагать, что каждое изъ нихъ, вѣрное въ частностяхъ, не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительности въ смыслѣ болѣе обширномъ, общемъ, и что тезисъ, поставленный нами выше, гораздо удачнѣе мирится съ имѣющимися фактами. Новгородцы не были безотносительны или равнодушны къ независимости въ своемъ собственномъ сосѣдствѣ; все, что было около нихъ, они старались подчинить своей волѣ или власти и избирали въ этомъ случаѣ средства, сообразныя съ силою противника; въ томъ случаѣ, гдѣ противникъ могъ оказать значительное сопротивленіе, они прибѣгали къ мѣрамъ дипломатическимъ; чѣмъ дальше былъ

---

[1]) *Костомаровъ*, I, стр. 18.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 45—46. Далѣе г. Бѣляевъ говоритъ о слитіи и обезличиваніи племенъ, такъ какъ извѣстно, что Финны не были истребляемы на Новгородской землѣ.

противникъ, еслибъ онъ былъ даже и слабый, тѣмъ труднѣе было держать его во власти, и здѣсь по неволѣ допускалось мирное его подчиненіе при покореніи. Всѣ Новгородскія владѣнія раздѣлялись по степени подчиненности Новгороду на три разряда, и чѣмъ болѣе данная мѣстность была удалена отъ центра Новгородской власти, тѣмъ большею независимостью она пользовалась [1]).

И конечно, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ къ Новгороду Финскія племена были только слабыми его противниками или даже данниками, и въ то время, какъ отдаленная Югра и Печера сохраняли свою независимость и самоуправленіе, около Чудскаго озера въ средѣ Чуди, жила уже Новгородская дружина, собиравшая дань и державшая туземцевъ въ повиновеніи [2]). Если при такихъ условіяхъ одни Финскіе народцы частію по своей близости къ Новгороду, частію, можетъ быть, по своей слабости не могли съ успѣхомъ сопротивляться Новгородской власти, и покорно неся ее на себѣ, пришли въ угасанію и вырожденію, то другіе, болѣе сильные, долго не могли съ нею примириться, отстаивая свою независимость оружіемъ и набѣгами на владѣнія Новгородцевъ: такова въ особенности была Емь, склонившаяся затѣмъ къ Шведамъ и возбудившая такимъ образомъ продолжительную борьбу между самими Шведами и Русскими; сама же Емь отступила вслѣдъ за этимъ на второй планъ, и благодаря тому, получила больше возможности развиваться. Что же касается сѣверо-восточныхъ Финскихъ племенъ, то они, также неохотно подчиняясь Новгородской власти, въ концѣ концовъ пришли таки въ полную зависимость отъ Русскихъ. Здѣсь, собственно въ такъ называемомъ Заволочьи, туземцы, по выраженію г. Костомарова, „отчасти переродились въ Русскихъ, отчасти были истреблены или вытѣснены“.

Покореніе здѣшнихъ туземцевъ состояло не только въ наложеніи на нихъ высокой дани, но даже въ отнятіи у нихъ земель и превращеніи ихъ въ половниковъ [3]), такъ что въ эпоху самостоятельности Новгорода Сѣверъ представлялъ по большей части

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 36—43.
[2]) *Костомаровъ*, I, стр. 403.
[3]) *Ефименко*, стр. 63.

частную собственность богатыхъ Новгородскихъ фамилій [1]). Такое положеніе края, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ своеволіемъ побѣдителей, не обходилось безъ частыхъ возстаній туземцевъ, безъ сопротивленія и борьбы, въ которой, можетъ быть, погибло не мало покоренныхъ [2]).

Но власть Новгородцевъ надъ туземцами не была единственнымъ явленіемъ, неблагопріятно отзывавшимся надъ послѣдними. Гораздо большія послѣдствія оказывали на нихъ, можетъ быть, тѣ измѣненія, которыя были вносимы Новгородцами въ самую природу мѣстности, служившей для нихъ мѣстомъ колонизаціи. Туземцы въ большинствѣ случаевъ были, какъ это уже указано выше, народами бродячими, живущими частью рыболовствомъ, частью же звѣроловствомъ, а Новгородцы были склонны, по большей части, къ земледѣлію. Земледѣліе, по самому существу своему, должно было стремиться уничтожить или подорвать успѣхъ въ звѣроловствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приблизить къ вымиранію людей, жизнь которыхъ всецѣло была основана на изобиліи звѣря въ дремучихъ лѣсахъ Сѣвера. Новгородскія поселенія, съ ихъ земледѣліемъ, несли за собою въ нетронутые лѣса все, что могло наиболѣе сильно грозить ихъ цѣлости и что должно было въ корень измѣнить тотъ характеръ животной жизни, которымъ они первоначально отличались. Въ новыя мѣста поселенія среди первобытныхъ народовъ Новгородцы пролагали себѣ дорогу огнемъ. Они выжигали лѣса, вырубали ихъ топоромъ, очищали сохой. Предполагаютъ даже, что эти первобытные піонеры древней Руси на Сѣверѣ отъ главнаго своего средства обработывать новыя мѣста для хлѣбопашества и поселенія силою огня названы были огнищанами, получившими потомъ надъ другими право старшинства по своей опытности и состоянію и образовавшими наконецъ цѣлое сословіе *бояръ* [3]). Какъ вліяло подобное явленіе на тогдашнихъ коренныхъ обитателей лѣсовъ, это понимали и видѣли, вѣроятно, только они сами, подобно тому, какъ въ послѣднее время испытали то же сибирскіе туземцы

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 36.

[2]) *Бѣляевъ*, стр. 37; *Ефименко*, 33.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 53.

при встрѣчѣ съ новымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ изъ Русскихъ. Касательно этого предмета приведу нѣсколько выписокъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ Тунгусами Олекминско-Витимской горной страны: „Вліяніе Тунгуса на лѣсъ выражается почти въ такомъ же видѣ, какъ вліяніе медвѣдя или волка; о присутствіи этихъ звѣрей въ лѣсу можно догадаться по слѣду, который они оставляютъ, по остаткамъ ихъ пищи, по костямъ и по пролитой крови ихъ жертвы, наконецъ, по жилью или лёжбу, по берлогѣ или норѣ. То же самое и съ Тунгусомъ: можно иногда видѣть слѣдъ, гдѣ онъ ходилъ, кости оленя или другихъ животныхъ, которыми онъ питался, признаки его незатѣйливаго ночлега, и только. Среда же, въ которой все это происходитъ, остается почти неизмѣнною: деревья стоятъ нетронутыми, по землѣ разстилаются тѣ же мшистые, толстые покровы, какіе были прежде; развѣ только олень отъ шалости взроетъ тутъ или тамъ почву, или защищаясь отъ овода, сдѣлаетъ царапину или оставитъ клокъ шерсти на ближайшемъ къ ночлегу деревѣ, да впрочемъ, то же дѣлаетъ часто и дикій олень. Проложилъ Тунгусъ среди лѣса дороги или тропы, но въ такомъ видѣ, что дорожки, прокладываемыя бѣляками среди тѣхъ же густыхъ частей лѣса, выходятъ отчетливѣе; человѣкъ, не родившійся въ тайгѣ, рѣдко заподозритъ какой бы то ни было слѣдъ тамъ, гдѣ Тунгусъ видитъ тропу, имѣющую для него то же значеніе, что у насъ порядочная дорога. Вообще, Тунгусъ привыкъ видѣть весьма многое, совершенно недоступное неопытному глазу, и малѣйшее измѣненіе въ положеніи камня въ россыпи или ягеля на скалѣ даетъ ему невѣроятную способность угадывать присутствіе животныхъ въ тѣхъ или другихъ сторонахъ его мѣстности: онъ скажетъ гдѣ и какіе прошли звѣри или люди, въ какое время—будь это за пять, за семь дней, въ какомъ числѣ и куда. Эту же способность узнавать характеръ своихъ сосѣдей Тунгусы подозрѣваютъ и въ звѣряхъ, и совершенно справедливо увѣрены, что многіе изъ нихъ, напримѣръ, сѣверный олень или же близкій его сородичъ, олень благородный или изюбрь, замѣтивъ слѣды человѣка, удаляется отъ нихъ далѣе, въ мѣста болѣе для человѣка недоступныя. Отсюда же въ концѣ концовъ вытекаетъ у Тунгусовъ противодѣйствіе, въ виду сохраненія своего собствен-

нивъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались родиною соболя, какова Уралъ съ его Югрой и Печорой, онъ истребленъ или встрѣчается лишь въ видѣ исключенія.

Къ тремъ указаннымъ видамъ животныхъ, изчезнувшихъ на сѣверо-востокѣ Россіи, можно присоединить еще нѣсколько—оленя и частію лося, область распространенія которыхъ сузилась, и которые здѣсь порѣдѣли. Уменьшеніе количественное произошло и въ бѣличьей породѣ, а также въ большинствѣ другихъ животныхъ, служившихъ нѣкогда предметомъ промысла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ внесеніемъ культуры въ мѣстность, съ ея воздѣлываніемъ, и вслѣдствіе того, съ измѣненіемъ въ ней растительности, вліяло на уменьшеніе количества цѣнныхъ животныхъ и непосредственное истребленіе ихъ съ помощію болѣе сильныхъ средствъ, чѣмъ выработала первобытная цивилизація: земледѣльческое племя вносило въ новыя страны желѣзо и обладало болѣе сложными снастями для ловли животныхъ [1]); примѣромъ быстраго истребленія соболя можетъ служить Амурскій край, гдѣ до недавняго прибытія Русскихъ было въ 10 или 15 разъ больше соболей, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Сибири, доступномъ Русскому племени, гдѣ еще недавно Гиляки носили собольи шубы [2]), а по прибытіи Русскихъ за папушу табаку или за пуговку давали по соболю; здѣсь въ настоящее время, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ прибытія Русскихъ, соболь становится рѣдкимъ, изчезаетъ или грозитъ изчезнуть. За истребленіе нѣкоторыхъ породъ животныхъ, вмѣстѣ съ приливомъ земледѣльцевъ, болѣе успѣшно, вслѣдствіе запроса, принимаются и сами туземцы, по баснословно дешевой цѣнѣ отдавая пріобрѣтаемую добычу: Камчадалы въ соболѣ цѣнили только мясо, а шкуру считали ниже собачьей и „при покореніи своемъ“,— говоритъ Крашенинниковъ [3]),

---

[1]) См. *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, см. помѣщенные тамъ рисунки снастей или ловушекъ. Первобытные народы по видимому не знали ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ въ Камчатку ловушки были занесены казаками; см. *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., т. I. стр. 340.

[2]) См. *Миддендорфъ*, стр. 77.

[3]) Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., стр. 342. Интересно на слѣдующей страницѣ показаніе, что при всемъ изобиліи соболя „многіе (Камчадалы) и ясаку достать не

въ окрестностяхъ самого Новгорода, именно на разстояніи 60 верстъ въ окружности отъ города давалось великимъ князьямъ, и только за предѣлами этого пространства могъ охотиться всякій, безъ разрѣшенія князя [1]). Если такимъ образомъ по всѣмъ направленіямъ отъ Новгорода позволялось всякому охотиться, то вѣроятно, кабанъ распространялся какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ города; такъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи и въ Литвѣ онъ встрѣчался еще въ позднѣйшія времена [2]); въ настоящее время онъ повсюду въ этихъ мѣстахъ исчезъ. Но было другое животное, болѣе цѣнное, имѣвшее большое значеніе въ древне-русской промышленности, и которое распространялось по всему Сѣверу, это бобръ, не оставившій во многихъ мѣстахъ въ настоящее время никакихъ слѣдовъ своего существованія. Не говоря о южной и средней Россіи, бобръ водился еще съ XIV по XVII в. въ губерніяхъ Московской и Тверской, въ болѣе позднее время въ Прибалтійскомъ краѣ, и до настоящаго времени водится въ недоступныхъ литовскихъ болотахъ [3]). Несомнѣннымъ также остается фактъ, что бобръ распространялся въ Финляндіи и въ Лапландіи, около Ладожскаго озера и далѣе на сѣверо-востокъ до самаго Урала, гдѣ онъ изрѣдка встрѣчается въ небольшихъ рѣчкахъ и до настоящаго времени [4]). Вмѣстѣ со всѣми этимъ я долженъ указать на одинъ фактъ, почти непосредственно относящійся до Олонецкой губерніи. Въ 1585 году на имя Ковжезерскаго монастыря дана была царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ грамота, въ которой между всѣми прочими принадлежностями мѣстности, съ угодьями, съ озерами и перелѣсками и съ пашнями, отдавались во владѣніе монастыря и бобровые гоны и ловища; въ грамотѣ сказано: „и со всякими згодья, и съ озера, и съ перелѣсы и съ *бобровыми гоны* и съ *ловищи*, и съ рыбными ловлями, на всѣ четыре стороны пашенныя земли по четыре версты оприче мховъ и болотъ, и дѣла впредь до ихъ земли никому

---

[1]) *Бѣляевъ*, стр. 208; цитировано у *Миддендорфа*, Путешествіе на Сѣверо-востокъ Сибири, II, отд. V, стр. 91.

[2]) *Миддендорфъ*, стр. 285.

[3]) *Миддендорфъ*, стр. 73, примѣч. 3-е.

[4]) Тамъ же, стр. 74—75. Академикъ Ѳ. Б. Шмидтъ сообщилъ мнѣ, что бобры встрѣчаются отчасти за Обью, по притокамъ р. Таза.

нѣтъ“ [1]). Отсюда видно, что бобръ не больше или даже меньше, чѣмъ 300 лѣтъ назадъ, составлялъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего Сѣвера почти такую же принадлежность хозяйства, какъ пашня или угодья, и что онъ, какъ статья дохода, имѣлся въ виду въ грамотахъ; изъ этого же можемъ вывести заключеніе, что если онъ встрѣчался около Ковжезерскаго монастыря, лежащаго на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи, и съ другой стороны — около Ладожскаго озера, то вѣроятно, водился онъ когда-нибудь и во всей Олонецкой губерніи; вмѣстѣ съ тѣмъ, отсюда же мы можемъ убѣдиться, что нѣсколькихъ сотъ лѣтъ было достаточно для того, чтобы бобръ изчезъ безслѣдно, какъ въ предѣлахъ Олонецкой губерніи, такъ и далѣе; и замѣчательно, что и здѣсь, по с.. сторону Урала, изчезновеніе бобра по видимому совпадало съ вымираніемъ первобытныхъ племенъ, какъ это было по ту сторону рубежа между Европой и Азіей: вмѣстѣ съ многочисленными племенами около озера Баунта въ Восточной Сибири Георги указываетъ и на существованіе тамъ и бобра [2]) въ концѣ прошлаго столѣтія; мы же въ послѣднее время не нашли тамъ ни многочисленныхъ племенъ Тунгузскихъ, ни бобровъ.

Есть еще третье животное, изчезнувшее на сѣверѣ, именно — соболь; можетъ быть, онъ не такъ широко распространялся, какъ бобръ, но вѣроятно однако, составлялъ предметъ непосредственной охоты для многихъ жителей Сѣвера; извѣстно, что Заволочане платили дань или штрафы соболемъ; такъ, напримѣръ, Устюжане въ одномъ случаѣ наказаны были за возмущеніе платою Новгородцамъ 50,000 бѣлокъ и шести сороковъ соболей [3]); въ другомъ, въ 1417 году, они были принуждены уплатить откупа за вторженіе въ Двинскую землю 8,000 бѣлокъ и 80 соболей [4]). Хотя и есть указанія, что набиравшіеся въ Устюгѣ мѣха были вывозимы изъ Пермскаго и Печерскаго края [5]), но это не можетъ служить доказательствомъ

[1]) Олонецк. Губ. Вѣд. 1864 г., № 2, стр. 7.

[2]) См., между прочимъ, *Миддендорфъ*, стр. 76, прим. 1.

[3]) *Бѣляевъ*, стр. 508.

[4]) Зап. Геогр. Общ. по отдѣл. стат., т. II, ст. *Попова*, Двин. народонаселенія въ Волог. губ., стр. 92.

[5]) *Миддендорфъ*, стр. 78, прим. 6.

того, какъ это думаетъ Миддендорфъ [1]), что около самаго Устюга и далѣе по Двинѣ не встрѣчались уже свои соболи; Герберштейнъ въ XVI столѣтіи говорилъ, что около Устюга соболей мало, что мѣха ихъ не хороши [2]), или что соболи рѣдко встрѣчаются по сю сторону Устюжскаго и Двинскаго края и часто бываютъ въ Печерской области; отсюда ясно, что соболи около Устюга и по Двинѣ встрѣчались, и если рѣдко, то это было уже въ XVI столѣтіи; здѣсь русская колонизація вліяла на уменьшеніе количества соболей нѣсколько столѣтій, тогда какъ въ Сибири было достаточно отъ одного до трехъ столѣтій, чтобы во многихъ мѣстахъ окончательно истребить его; указаніе Герберштейна на плохія качества соболя доказываетъ, что это дѣйствительно были соболи мѣстные, сѣверно-русскіе, далеко не имѣвшіе въ себѣ качествъ соболя сибирскаго и отличавшіеся отъ него, можетъ быть, также, какъ сѣверно-русская бѣлка отличается по своему мѣху и даже величинѣ отъ бѣлки сибирской. Но при этомъ нѣтъ никакихъ основаній отвергать, что соболь въ древности жилъ на Сѣверѣ, если даже соболей, которыми платили дань Лапландцы сѣверной Скандинавіи, будемъ считать завезенными, какъ то думаетъ Миддендорфъ, хотя и трудно допустить, у кого и на что могли выменивать бѣдные жители Сѣвера дорогое руно для податей; точно также, если приписать ошибкѣ или недоразумѣнію извѣстія о соболѣ въ Литвѣ, то и тогда нѣтъ основанія думать, чтобы соболь не распространялся въ предѣлахъ сѣверо-востока Россіи до Двины, Онежскаго, Ладожскаго озеръ и пр., вслѣдъ за сибирскою древесною растительностью. Сибирская лиственница оазисами или отдѣльными деревьями доходитъ до восточныхъ береговъ Онежскаго озера; ель сибирская идетъ, по моимъ изслѣдованіямъ, еще далѣе на западу; пихта была встрѣчена А. Н. Бекетовымъ даже около Волхова. За этою растительностью проникаютъ сюда многіе виды сибирскихъ птицъ; довольно далеко, до Устюга, а можетъ быть, и далѣе, идетъ къ западу бурундукъ. При такихъ обстоятельствахъ нельзя допустить, чтобы соболь составлялъ исключеніе. Теперь же, напро-

---

[1]) *Миддендорфъ*, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 74, прим. 2.

ъ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считались родиною соболя, ковы Уралъ съ его Югрой и Печорой, онъ истребленъ или встрѣ-ется лишь въ видѣ исключенія.

Къ тремъ указаннымъ видамъ животныхъ, изчезнувшихъ на сѣве-востокѣ Россіи, можно присоединить еще нѣсколько—оленя и ча-ю лося, область распространенія которыхъ сузилась, и которые ись порѣдѣли. Уменьшеніе количественное произошло и въ бѣ-ьей породѣ, а также въ большинствѣ другихъ животныхъ, слу-вшихъ нѣкогда предметомъ промысла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, ѣстѣ съ внесеніемъ культуры въ мѣстность, съ ея воздѣлыва-мъ, и вслѣдствіе того, съ измѣненіемъ въ ней растительности, нло на уменьшеніе количества цѣнныхъ животныхъ и непосред-енное истребленіе ихъ съ помощію болѣе сильныхъ средствъ, ъ выработала первобытная цивилизація: земледѣльческое пле-вносило въ новыя страны желѣзо и обладало болѣе сложными стями для ловли животныхъ [1]); примѣромъ быстраго истребле-соболя можетъ служить Амурскій край, гдѣ до недавняго бытія Русскихъ было въ 10 или 15 разъ больше соболей, ъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Сибири, доступномъ Русскому мени, гдѣ еще недавно Гиляки носили собольи шубы [2]), а по бытіи Русскихъ за папушу табаку или за пуговку давали по олю; здѣсь въ настоящее время, черезъ нѣсколько десят-ъ лѣтъ послѣ прибытія Русскихъ, соболь становится рѣд-мъ, изчезаетъ или грозитъ изчезнуть. За истребленіе нѣкоторыхъ родъ животныхъ, вмѣстѣ съ приливомъ земледѣльцевъ, болѣе ленно, вслѣдствіе запроса, принимаются и сами туземцы, по бас-ловно дешовой цѣнѣ отдавая пріобрѣтаемую добычу: Камча-лы въ соболѣ цѣнили только мясо, а шкуру считали ниже со-чьей и „при покореніи своемъ“,— говоритъ Крашенинниковъ [3]),

[1]) См. *Кривошапкинъ*, Енисейскій округъ и его жизнь, см. помѣщенные тамъ рунки снастей или ловушекъ. Первобытные народы по видимому не знали ничего обнаго; по крайней мѣрѣ въ Камчатку ловушки были занесены казаками; см. *Крашенинниковъ*, Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., т. I. стр. 340.

[2]) См. *Миддендорфъ*, стр. 77.

[3]) Описаніе Камчатки, изд. 1818 г., стр. 342. Интересно на слѣдующей страницѣ казаніе, что при всемъ изобиліи соболя „многіе (Камчадалы) и ясаку достать не

за ясакъ соболиной не только не спорили, но напротивъ того, весьма казакамъ смѣялись, что они промѣнивали ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей". За этою эпохою простодушнаго отношенія самихъ туземцевъ къ собственнымъ богатствамъ послѣдовала ихъ эксплуатація со стороны промышленниковъ, и происходили, вѣроятно, случаи вымогательства пушныхъ товаровъ за даромъ, черезъ опьяненіе туземцевъ различнаго рода отравляющими напитками, какъ это было еще недавно въ Туруханскомъ краѣ [1]).

Рядъ всѣхъ указанныхъ явленій имѣлъ, безъ сомнѣнія, мѣсто и среди туземцевъ, населявшихъ первоначально сѣверъ Россіи; онъ породилъ между ними нищету [2]), которая и сдѣлалась наиболѣе главною причиной ихъ вымиранія путемъ чисто экономическимъ; какъ-бы продолженіе подобнаго процесса мы встрѣчаемъ на Сѣверѣ еще и до сихъ поръ: такъ, продолжаютъ изчезать мало по малу съ лица земли Самоѣды, лишаясь постепенно своихъ стадъ оленей. Быстрое уменьшеніе звѣрей не дало возможности освоиться туземцамъ съ другими родами промышленности, и притомъ требовался переходъ въ большинствѣ случаевъ слишкомъ рѣзкій для бродячихъ народовъ: они должны были помимо скотоводства перейдти къ земледѣлію, чему, вмѣстѣ съ безплодіемъ Сѣвера, съ собственною нищетой ихъ и съ рядомъ сильныхъ привычекъ къ бродячей жизни служило препятствіемъ и слабое развитіе физическихъ силъ. Наиболѣе типичные представители Финскаго племени—Лапландцы являются въ скандинавскихъ сагахъ народомъ небольшаго роста и отвратительной наружности, съ широкимъ ртомъ и короткими ногами; они трусливы и бѣгутъ отъ малѣйшей опасности [3]). Подобными же чертами характеризуются въ преданіяхъ и жители нашего Сѣвера; и здѣсь, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ называемая Чудь выставляется народомъ слабосильнымъ, нерасторопнымъ и

могутъ, но во время ясачнаго сбору принуждены бываютъ занимать оной у своихъ тоіоновъ или у казаковъ, и работать за то цѣлое лѣто".

[1]) *Кривошапкинъ*, стр. 136 и далѣе.

[2]) Въ Туруханскомъ краѣ Остяки страдаютъ сильно отъ простуды и грудныхъ болѣзней по недостатку сколько-нибудь порядочной одежды. См. ст. *А. Щукина* въ Изв. Геогр. Общ., т. IV, стр. 68.

[3]) *Nilsson*, стр. 269 и слѣд.

подвижнымъ; какъ и Лапландцы въ Скандинавіи, они обита-
отчасти въ пещерахъ [1]). И вообще, физическая сила бродя-
хъ народовъ оказывается чрезвычайно низкою; Остяки и Тун-
сы Туруханскаго края, по сравненію съ тамошними же, по-
и уже выродившимися Русскими, представляются въ полтора
и даже въ два раза слабѣйшими [2]). При такомъ порядкѣ
щей нужны были крайне благопріятныя условія, чтобы ту-
цы могли приняться за земледѣліе, что и имѣло, по видимому,
сто на востокѣ Россіи по Камѣ и въ Поволжьѣ: съ одной сто-
ны, отдаленность этихъ мѣстъ отъ центра Новгородскаго раз-
енія спасла на болѣе продолжительное время ихъ лѣса въ цѣ-
сти, а съ другой — почва оказалась здѣсь плодороднѣе; Зыряне,
рмяки и Вотяки и до сихъ поръ сохраняютъ свою народность,
Черемисы и Мордва уже около XVI столѣтія, населяя плодо-
дные берега Волги, усердно занимались хлѣбопашествомъ [3]), хотя
и по своему положенію на окраинѣ были подвержены всѣмъ
выгодамъ со стороны набѣговъ съ азіатскаго Востока, съ кото-
мъ Россія должна была тогда бороться [4]); Самоѣды и Лапланд-
только благодаря положенію на сѣверныхъ окраинахъ и оле-
водству сохранились до нѣкоторой степени. Но чрезвычайно
тересный примѣръ представляютъ Корелы Олонецкой губерніи:
леліе здѣсь имъ было не подъ силу, и они остались въ тѣхъ
лько уѣздахъ, Повѣнецкомъ и Олонецкомъ, которые наименѣе
его населены, и гдѣ они, благодаря незначительному соперниче-
ву съ Русскими, поддерживаютъ свое существованіе не столько
ѣбопашествомъ, сколько звѣроловствомъ и рыболовствомъ; что

---

[1]) Срав. *Ефименко*, стр. 33—34 и *Nilsson*, стр. 267.

[2]) Извѣст. Геогр. Общ. за 1868 г. т. IV, стр. 65. Изслѣд. *А. Щапова*.

[3]) *Ключевскій*, Сказанія иностр. о Моск. госуд., стр. 156. О нынѣшнихъ инородцахъ-земледѣльцахъ Тобольской губерніи извѣстно, что пахатная ихъ земля приноситъ въ 4 раза меньше дохода, чѣмъ въ тѣхъ же мѣстахъ крестьянская, что мѣстные тели приписываютъ непониманію инородцами выгодъ отъ земледѣлія, а также шимъ качествамъ ихъ почвы; см. Описаніе Туринскаго округа Тобольск. губ. въ ыйств. отношеніи въ Журн. засѣд. Моск. Общ. сельск. хоз. 1863—1864 г. № 6, . 51.

[4]) *Ключевскій*, стр. 175.

же касается другихъ уѣздовъ, отчасти Вытегорскаго, а главнымъ образомъ Каргопольскаго, гдѣ, благодаря лучшимъ урожаямъ, мѣстность больше населена и культивирована, то здѣсь Корелы видимо вымерли. Ту же участь, вслѣдствіе значительной культуры мѣстности, быстраго уменьшенія звѣрей и отсутствія другихъ сподручныхъ занятій, потерпѣли всѣ народцы, нѣкогда населявшіе губерніи Новгородскую, Тверскую, Ярославскую и часть Двинской области.

Итакъ, за всѣми причинами, дѣйствовавшими неблагопріятно на первобытныя племена, за порабощеніемъ ихъ и обращеніемъ въ крѣпостныхъ или половниковъ, за измѣненіемъ самой природы, кроется еще рядъ явленій, можетъ быть, оправдывающій вышеприведенное мнѣніе г. Бѣляева о нравственномъ завоеваніи Финновъ, о претвореніи ихъ въ Славянъ; но этотъ кругъ явленій ограниченъ, и распространять его на значительное количество туземцевъ не возможно; онъ относится къ простому рабочему классу тружениковъ, входившихъ въ тѣсное родство съ туземцами подъ вліяніемъ крайней нужды: способность этого класса людей выносить всевозможныя трудности и лишенія и жить среди самой первобытной и невзыскательной обстановки была замѣчена Голландцами въ XVI столѣтіи на Новой Землѣ; она же, вмѣстѣ съ умѣньемъ дружить и жить въ полномъ мирѣ и согласіи, была найдена мореплавателями у Русскихъ, на берегахъ Восточнаго океана, на Аляскѣ и Ситхѣ; здѣсь русскіе рабочіе не только смотрѣли на туземныхъ обитателей Калошей, какъ на людей съ ними равноправныхъ, но ѣли съ ними одну пищу, работали и жили въ однихъ хижинахъ. Тѣ же самыя черты мягкаго характера и дружелюбныхъ отношеній остались и до сихъ поръ: въ томъ же неизмѣнномъ видѣ наблюдалъ я ихъ въ Олонецкой губерніи среди звѣролововъ и рыбаковъ; особенно памятною осталась для меня рыбацкая хижина на берегу Великаго озера, не далеко отъ устья Вытегры: она была сложена изъ бревенъ и возвышалась надъ землей не выше роста человѣка, вмѣстѣ со своею плоскою земляною крышей; она была безъ оконъ, съ одною низенькою дверью; внутри ея, въ углу, прилегающемъ къ двери, была печка-каменка, сложенная изъ валуновъ и вполнѣ могущая характеризовать каменный вѣкъ; съ появленіемъ огня

то скотоводство и хлѣбопашество представляли здѣсь наибо-
ѣе трудностей, такъ что по крайней мѣрѣ послѣднее въ нѣкото-
ыхъ мѣстахъ губерніи и до сихъ поръ считается почти невозо-
жнымъ.

Изъ первой категоріи промысловъ звѣроловство издавна характе-
изовало Олонецкую губернію, и во многихъ мѣстностяхъ ея, даже
ъ наше время, оно стоитъ на первомъ планѣ въ числѣ занятій на-
еленія. Къ ряду такихъ мѣстностей принадлежитъ весь Повѣнецкій
ѣздъ и большая часть Пудожскаго; наименѣе общераспространено
оно въ уѣздѣ Вытегорскомъ. Если въ первыхъ уѣздахъ иногда
цѣлыя деревни имѣютъ охотничій характеръ, и во время осени
почти всѣ взрослые мужчины выходятъ въ лѣса, то въ послѣднемъ
обратно, во многихъ деревняхъ, нѣтъ ни одного ружья и ни од-
ого охотника; здѣсь звѣриный и птичій промысла видимо стоятъ
на послѣднемъ планѣ, особливо въ селеніяхъ по Маріинскому и
Онежскому каналамъ.

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ выходятъ на охоту большею частію ста-
рики и ставятъ петли въ лѣсахъ на зайцевъ и рябчиковъ. Мнѣ
былъ извѣстенъ одинъ такой старикъ—съ Тудозера, изъ деревни
Бабовщины; этому старому охотнику удается ловить зайцевъ до
100 и болѣе штукъ въ зиму, вмѣстѣ съ рябчиками, такъ что онъ
вноситъ значительное подспорье въ семейный бюджетъ и поль-
зуется нѣкоторымъ благосостояніемъ. Нерѣдко случается, что ста-
рики держутъ только для памяти свои старыя ружья, изъ которыхъ
можетъ стрѣлять только тотъ, кто не жалѣетъ своей жизни; въ по-
добныхъ случаяхъ, около большихъ озеръ, какъ Лужандозеро,
Великое, Онего, Тудозеро и пр., звѣроловство уступаетъ мѣсто
рыболовству. Но иногда выходятъ въ лѣсъ охотники и съ пистон-
ными ружьями и промышляютъ рябчиковъ, глухарей, тетеревей и
бѣлокъ. Выставляются по осенямъ чучела на тетеревовъ; весной по-
сѣщаются токи, но все это не выходитъ здѣсь за предѣлы простаго
развлеченія, рѣдко приносящаго существенный доходъ. На 9—10
деревень, лежащихъ частью около Лужандозера и частію по Тудозеру, приходится такихъ два, три охотника; ихъ пребываніе въ лѣсу продолжается день или два, повторяясь въ мѣсяцъ нѣсколько разъ; иногда они проводятъ въ лѣсахъ недѣлю, двѣ и три; въ та-

ти въ физіономіяхъ сѣверяковъ. Но видимо, что она существовала во времена не нормальной колонизаціи, и когда Русскіе люди двинулись на Сѣверъ съ семействами, тогда она должна была прекратиться. Представители Германской расы въ Скандинавіи, жившіе между Лапландцами, презирали ихъ и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ женились на Лапландкахъ, какъ-бы видя нѣчто отталкивающее въ ихъ физической природѣ [1]). То же самое было и въ Сибири; казаки, едва обзаведшись своимъ хозяйствомъ и домомъ, оставили въ сторонѣ туземокъ, и мнѣ между тысячами случаевъ столкновенія Русскихъ съ Бурятами, только разъ, въ видѣ рѣдкости, пришлось замѣтить женидьбу одного казака на чистокровной Буряткѣ [2]), и то только въ самой бѣдной изъ мѣстностей и потому, что Бурятка обладала нѣкоторымъ капиталомъ; продолжается это смѣшеніе племенъ еще, можетъ быть, въ самыхъ бѣдныхъ краяхъ Сибири, какъ Туруханскій [3]) или Якутскій по Анданлу, гдѣ Русскіе сдѣлались едва отличными отъ Якутовъ. У насъ на Сѣверѣ кажется нѣтъ ничего подобнаго; по крайней мѣрѣ, въ Олонецкой губерніи, на Водлозерѣ, въ одной изъ глухихъ мѣстностей и наиболѣе бѣдной, долго служившей убѣжищемъ для бродягъ и бѣглыхъ, мы находимъ слѣды значительной метисаціи съ туземцами; но уже въ Каргопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, около Кенозера, намъ ясно бросается въ глаза нѣкоторая красота и чистота древне-русской, новгородской крови; то же, говорятъ, и въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто по Онегѣ и Двинѣ. Эти факты показываютъ, что метисація была явленіемъ ограниченнымъ, чисто мѣстнымъ, и что племена были предоставлены сами себѣ; находясь въ нищетѣ, они вымирали; пользуясь болѣе благопріятными условіями, они сохраняли свою жизнь, языкъ, національность и типъ, какъ это мы и видимъ до сихъ поръ на восто-

---

[1]) *Nilsson*, стр. 271.

[2]) *Поляковъ*, Поѣздка въ Вост. Саянъ, въ Отч. Сиб. отд. Г. Общ. за 1868 г. стр. 170.

[3]) *Щаповъ*, Изв. Г. Общ., т. IV, стр. 67. Здѣсь у жителей за тундрой, говорятъ, по выраженію Щапова, „за образами хранятся иногда инородческіе болваны-болванчики".

ныхъ и западныхъ Финнахъ, хотя и измѣнившихся подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій. Между вымирающими племенами встрѣчаются отдѣльные случаи богатыхъ семействъ, которые и пользуются среди Русскихъ равноправностью; такъ, на Витимѣ, между нѣсколькими оставшимися отъ многолюднаго племени семействами, также, можетъ быть, оканчивающими свои дни, есть такія, у главъ которыхъ висятъ за плечами сторублевыя винтовки, полученныя за услуги въ подарокъ отъ золотопромышленниковъ; это можетъ объяснить, почему существовали и въ Новгородѣ знатные Чудины, какъ на то указываетъ г. Бѣляевъ. Герберштейнъ засталъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Устюжской области туземцевъ, говорящихъ большею частію по-русски [1]), что̀ принимается также за признакъ слиянія Финновъ съ Русскими; но и это, кажется, не полнѣе вѣскій фактъ въ пользу мирнаго претворенія Финновъ въ Славянъ; онъ можетъ быть вѣренъ только отчасти, такъ какъ знаніе русскаго языка и до сихъ поръ не мѣшаетъ многимъ сибирскимъ туземцамъ изчезать съ лица земли.

II.

Общее понятіе объ условіяхъ и ходѣ развитія человѣка на юго-востокѣ Олонецкой губерніи. Звѣроловство и звѣроловы на юго-восточномъ прибрежьѣ Онежскаго озера.—Лѣсная жизнь звѣролововъ въ окрестностяхъ Водлозера; ея нравственное и матеріальное значеніе.—Животныя, составляющія предметъ промысла.—Умственная работа звѣролововъ, взглядъ на ихъ домашній бытъ.—Понятіе о численности полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера.—Доходъ отъ полѣсни, выпадающій на долю скупщиковъ звѣря и птицы.—Періодическія колебанія въ численности лѣсныхъ животныхъ и абсолютное уменьшеніе ихъ количества въ значительные промежутки времени: это вліяетъ на оскудѣніе заработковъ отъ звѣроловства.

Выше мы видѣли, что представители Славянскаго племени на сѣверѣ Россіи взяли перевѣсъ въ борьбѣ съ Финскими народцами и истребили ихъ прямо или косвенно, или же вытѣснили въ другія мѣстности. Но какой затѣмъ сами они подверглись участи, обладая

[1]) *Ключевскій*, стр. 171.

это было еще при мнѣ около устья рѣки Вытегры: здѣсь, даже среди глубокаго лѣта, олени выходили на водопой къ озерамъ и оставались въ безопасности; по временамъ около деревень показывается лось, и Тудозёрамъ удавалось убивать и его. Бѣлка, представляя въ продолженіе годовъ колебанія, иногда увеличивается не того, что и плохой стрѣлокъ-полѣсникъ добываетъ ее въ количествѣ 150—200 штукъ въ осень. Но все это—благодаря ограниченности промышленниковъ.

Иначе дѣло складывается къ сѣверо-востоку отъ Вытегры, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Уже нѣкоторые изъ жителей города Пудожа уходятъ осенью въ лѣсъ, въ окрестности Сумозера и Водлозера, на птичьи и звѣриные промыслы; то же самое дѣлаютъ многіе изъ крестьянъ съ устьевъ Водлы. Въ верхнихъ частяхъ Водлы жители деревни Падуна всѣ промышляютъ исключительно въ лѣсахъ; то же дѣлаютъ сосѣди ихъ съ Кумбасъ-озера; въ многочисленныхъ деревняхъ по Водлозеру найдется въ каждой по одному и по два человѣка, владѣющихъ ружьями; другіе же добываютъ лѣсную дичь безъ ружей, петлями, слопцами и пр. Къ такимъ же звѣровщикамъ-полѣсникамъ и птицеловамъ нужно причислить и жителей Сумозера, вмѣстѣ со многими другими, обитающими къ сѣверу отъ Водлозера—на Пильмасъ - озерѣ, Кёлкъ - озерѣ и пр. Начиная съ первыхъ чиселъ сентября, полѣсники бродятъ невдалекѣ отъ жилыхъ мѣстъ, заросшихъ березнякомъ, иногда чистымъ, иногда смѣшаннымъ съ сосной, елью и осиной; это—мѣста сележныя, малёги, на которыхъ нѣкогда бывали пашни, и гдѣ первобытные лѣса вырублены. Здѣсь въ продолженіе осени держится преимущественно рябчикъ, питаясь частію ягодами, а главнымъ образомъ почками березы; до самаго Покрова составляетъ онъ предметъ промысла. Охота за нимъ не требуетъ большихъ затратъ капитала; если у полѣсника есть ружье, тогда нужно только на одинъ рубль или на полтора пороху. Иначе необходимы только петли, волосяныя или конопляныя. Хорошій охотникъ распоряжается тѣмъ и другимъ изъ средствъ одинаково и останется въ большей выгодѣ, чѣмъ ограничивающійся только однимъ. Идя по лѣсу, ловецъ разставляетъ петли, руководствуясь знаніемъ привычекъ рябчика и избирая тѣ мѣста, гдѣ онъ кормится, гдѣ охотнѣе са-

что скотоводство и хлѣбопашество представляли здѣсь наиболѣе трудностей, такъ что по крайней мѣрѣ послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи и до сихъ поръ считается почти невозможнымъ.

Изъ первой категоріи промысловъ звѣроловство издавна характеризовало Олонецкую губернію, и во многихъ мѣстностяхъ ея, даже въ наше время, оно стоитъ на первомъ планѣ въ числѣ занятій населенія. Къ ряду такихъ мѣстностей принадлежитъ весь Повѣнецкій уѣздъ и большая часть Пудожского; наименѣе общераспространено оно въ уѣздѣ Вытегорскомъ. Если въ первыхъ уѣздахъ иногда цѣлыя деревни имѣютъ охотничій характеръ, и во время осени почти всѣ взрослые мужчины выходятъ въ лѣса, то въ послѣднемъ обратно, во многихъ деревняхъ, нѣтъ ни одного ружья и ни одного охотника; здѣсь звѣриный и птичій промысла видимо стоятъ на послѣднемъ планѣ, особливо въ селеніяхъ по Маріинскому и Онежскому каналамъ.

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ выходятъ на охоту большею частію старики и ставятъ петли въ лѣсахъ на зайцевъ и рябчиковъ. Мнѣ былъ извѣстенъ одинъ такой старикъ—съ Тудозера, изъ деревни Бабовщины; этому старому охотнику удается ловить зайцевъ до 100 и болѣе штукъ въ зиму, вмѣстѣ съ рябчиками, такъ что онъ вноситъ значительное подспорье въ семейный бюджетъ и пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ. Нерѣдко случается, что старики держутъ только для памяти свои старыя ружья, изъ которыхъ можетъ стрѣлять только тотъ, кто не жалѣетъ своей жизни; въ подобныхъ случаяхъ, около большихъ озеръ, какъ Лужандозеро, Великое, Онего, Тудозеро и пр., звѣроловство уступаетъ мѣсто рыболовству. Но иногда выходятъ въ лѣсъ охотники и съ пистонными ружьями и промышляютъ рябчиковъ, глухарей, тетеревей и бѣлокъ. Выставляются по осенямъ чучела на тетеревовъ; весной посѣщаются токи, но все это не выходитъ здѣсь за предѣлы простаго развлеченія, рѣдко приносящаго существенный доходъ. На 9—10 деревень, лежащихъ частью около Лужандозера и частію по Тудозеру, приходится такихъ два, три охотника; ихъ пребываніе въ лѣсу продолжается день или два, повторяясь въ мѣсяцъ нѣсколько разъ; иногда они проводятъ въ лѣсахъ недѣлю, двѣ и три; въ та-

кихъ случаяхъ добыча простирается въ осень на 10 — 15 руб. Типъ чистыхъ звѣровщиковъ въ окрестностяхъ города Вытегра уже весьма рѣдокъ, такъ что для ознакомленія съ мѣстнымъ звѣринымъ промысломъ мнѣ пришлось ѣздить болѣе, чѣмъ за 20 верстъ, въ селеніе Бѣлый-Ручей. Здѣсь уцѣлѣлъ одинъ изъ старыхъ охотниковъ; это былъ пожилой мужчина, лѣтъ около 60; онъ обладалъ кроткимъ выраженіемъ лица, съ прямымъ тонкимъ носомъ; въ его рыжихъ волосахъ не было ни одной сѣдины, онъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; много десятковъ медвѣдей пало подъ его пулей, и рогатина его славилась далеко по окрестностямъ. Зиму и лѣто онъ живетъ въ лѣсу, рѣдко и не надолго возвращаясь въ свой домъ; весь свой лѣсной заработокъ онъ употребляетъ на свое прокормленіе и на увеселеніе себя горячими напитками, передавъ свою старую подругу на попеченіе младшаго сына, вмѣстѣ съ должностью лѣсника въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ. Въ его сынѣ недостаетъ отцовской честности, прямоты и полной правдивости; сынъ его хотя и владѣетъ весьма многими пріемами отца въ преслѣдованіи лѣсныхъ животныхъ—медвѣдей, сѣверныхъ оленей, лисицъ, бѣлокъ и пр., но не можетъ существовать лѣснымъ промысломъ; кромѣ жалованья за должность лѣсника, онъ заработываетъ кое-что на судахъ по каналу. Средства, доставляемыя ему охотой, не простираются въ годъ свыше 75—100 руб. Хозяйство, пашня и пр. ведется его женой и старою матерью. Знакомъ я былъ также съ промышленникомъ въ селеніи Оштинскомъ; большая часть его времени проходитъ также въ лѣсахъ; охоту онъ соединяетъ съ должностью лѣсника, которая отдѣльно оплачивается жалованьемъ около 10 руб. въ мѣсяцъ. Этотъ типъ звѣровщика принадлежитъ уже къ болѣе новому закалу; онъ промышляетъ мелкую дичь съ лягавою собакой; въ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ трехъ- или пяти-часовой охоты, возвращается онъ, не убивъ одной или двухъ паръ тетерекъ, куропатокъ, рябчиковъ. Во времена тетеревиныхъ и другихъ выводковъ добыча его простирается иногда до шести десятковъ и болѣе молодыхъ и старыхъ особей въ одинъ день. Въ противоположность другимъ Олонецкимъ охотникамъ или полѣсникамъ, онъ стрѣляетъ перватую дичь по большей части на лету, и рѣдкая изъ птицъ избѣгаетъ

розера; гостепріимный хозяинъ всѣхъ угоститъ и пріютитъ, такъ какъ онъ самъ—знаменитый полѣсникъ. Сборища повторяются у него далеко за сентябрь; почти каждый вечеръ собираются у него сотоварищи и ведутъ длинные разсказы о своихъ приключеніяхъ, о своей добычѣ, которая у однихъ въ день простирается до 10 бѣлокъ, и отъ пяти до шести штукъ рябчиковъ; у другихъ, менѣе счастливыхъ, денной трудъ вознаграждается едва одною парочкой бѣлокъ, одною или двумя штуками рябчиковъ, или же и того менѣе. Вообще, періодъ осенней охоты продолжается до первыхъ снѣговъ и рѣдко длится болѣе 3 или 4 недѣль; тутъ хорошій охотникъ добываетъ дичи на 30 руб. сер. или даже и на 50; менѣе удачный ловецъ наживаетъ до 20 руб. При этомъ хорошій охотникъ убиваетъ въ осень отъ 150 до 200 бѣлокъ, и въ томъ случаѣ, если онъ раньше не запродалъ ихъ, отдаетъ по 10 коп. каждую; если же впередъ забраны деньги, то изъ 200 штукъ 50 бракуются, и тогда онъ всѣ 200 отдаетъ за 150 штукъ, и только по 9 коп. за каждую, получая за все вмѣсто 20 руб. только 13 руб. 50 коп. Въ такомъ случаѣ остальная сумма, превышающая иногда 30 руб., наживается на рябчикахъ, число которыхъ на охотника, промышляющаго ружьемъ и петлями, простирается за 60 паръ въ осень. У многихъ же добыча рѣдко достигаетъ 50 паръ, которыя, принимая по 24 коп. за каждую, дадутъ охотнику 12 руб. валоваго дохода.

Здѣсь мы видѣли только осенній періодъ промысла, и многіе изъ полѣсниковъ имъ только и ограничиваются; кромѣ рябчика и бѣлки, большинство другихъ животныхъ добывается по большей части зимой. Мѣстность, гдѣ развиты всякаго рода звѣриные промыслы, въ томъ числѣ и зимніе, лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Водлозера, на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи: это такъ называемый Кривой Поясъ; здѣсь течетъ рѣка Кожа, съ деревней дворовъ въ 20; недалеко приходъ Янь-Гора. Безплодная мѣстность, покрытая еще болѣе густыми лѣсами, чѣмъ около Водлозера, упорно поддерживаетъ въ жителяхъ привычку къ звѣриному промыслу, и они, не ограничиваясь своею мѣстностью, даже осенью разсыпаются по окрестностямъ. Они идутъ въ Архангельскую губернію, за Кенозеро къ Каргополю, къ Онежскому озеру. Заходятъ и на Водлозеро, гдѣ около

это было еще при мнѣ около устья рѣки Вытегры: здѣсь, даже среди глубокаго лѣта, олени выходили на водопой къ озерамъ и оставались въ безопасности; по временамъ около деревень показывается лось, и Тудозёрамъ удавалось убивать и его. Бѣлка, представляя въ продолженіе годовъ колебанія, иногда увеличивается до того, что и плохой стрѣлокъ-полѣсникъ добываетъ ее въ количествѣ 150—200 штукъ въ осень. Но все это—благодаря ограниченности промышленниковъ.

Иначе дѣло складывается къ сѣверо-востоку отъ Вытегры, въ Пудожскомъ уѣздѣ. Уже нѣкоторые изъ жителей города Пудожа уходитъ осенью въ лѣсъ, въ окрестности Сумозера и Водлозера, на птичьи и звѣриные промысла; то же самое дѣлаютъ многіе изъ крестьянъ съ устьевъ Водлы. Въ верхнихъ частяхъ Водлы жители деревни Падуна всѣ промышляютъ исключительно въ лѣсахъ; то же дѣлаютъ сосѣди ихъ съ Кумбасъ-озера; въ многочисленныхъ деревняхъ по Водлозеру найдется въ каждой по одному и по два человѣка, владѣющихъ ружьями; другіе же добываютъ лѣсную дичъ безъ ружей, петлями, слопцами и пр. Къ такимъ же звѣровщикамъ-полѣсникамъ и птицеловамъ нужно причислить и жителей Сумозера, вмѣстѣ со многими другими, обитающими къ сѣверу отъ Водлозера—на Пильмасъ - озерѣ, Кѣлкъ - озерѣ и пр. Начиная съ первыхъ чиселъ сентября, полѣсники бродятъ невдалекѣ отъ жилыхъ мѣстъ, заросшихъ березнякомъ, иногда чистымъ, иногда смѣшаннымъ съ сосной, елью и осиной; это—мѣста сележныя, малѣги, на которыхъ нѣкогда бывали пашни, и гдѣ первобытные лѣса вырублены. Здѣсь въ продолженіе осени держится преимущественно рябчикъ, питаясь частію ягодами, а главнымъ образомъ почками березы; до самаго Покрова составляетъ онъ предметъ промысла. Охота за нимъ не требуетъ большихъ затратъ капитала; если у полѣсника есть ружье, тогда нужно только на одинъ рубль или на полтора пороху. Иначе необходимы только петли, волосяныя или конопляныя. Хорошій охотникъ распоряжается тѣмъ и другимъ изъ средствъ одинаково и останется въ большей выгодѣ, чѣмъ ограничивающійся только однимъ. Идя по лѣсу, ловецъ разставляетъ петли, руководствуясь знаніемъ привычекъ рябчика и избирая тѣ мѣста, гдѣ онъ кормится, гдѣ охотнѣе са-

дится на землю и чаще оставляетъ свои слѣды. Цѣлыя сотни петель разставляетъ охотникъ на разстояніи десятковъ верстъ, проходя болота и глухія, неприступныя лѣсныя чащи. Рядъ разставленныхъ петель бываетъ соединенъ обыкновенно елва примѣтною тропой и называется путикомъ; смотря по количеству петель и по разстоянію между ними, всѣ петли или путикъ можно обойдти въ три, четыре, пять или шесть дней; въ такомъ случаѣ полѣсникъ послѣдовательно, начиная съ одного края, идетъ нѣсколько дней до другаго, осматривая ловушки и обирая съ нихъ дичь; доходя до конца, онъ снова начинаетъ осмотръ сначала. Случается нерѣдко, что рябчикъ, попавшись въ петлю вскорѣ послѣ ея осмотра, остается на долгое время не убраннымъ, въ слѣдствіе чего и портится. Выпадаютъ и такіе случаи, что до прихода полѣсника петли осматриваются другими охотниками до рябчиковъ: особенно этими наклонностями отличаются лисицы; не прочь полакомиться рябымъ мясомъ и медвѣдь; охочи до того куницы, горностаи и совы; но внимательнѣе всѣхъ слѣдитъ за петлями воронъ, такъ что отъ его извѣстной прожорливости полѣсники терпятъ наиболѣе огорченій и убытковъ. Послѣ рябчика имѣетъ значеніе охота на различныхъ другихъ животныхъ, для чего впрочемъ жители удаляются болѣе и болѣе отъ жилыхъ мѣстъ, въ глубину суземковъ; этимъ промышляютъ уже среди глухихъ лѣсовъ, въ мрачныхъ еловыхъ чашахъ или въ корбахъ (впадинахъ), а также частію и въ сосновыхъ борахъ: бѣлки, куницы, горностаи, лоски, выдры и норки, отчасти случайно рассомахи и рысь, составляютъ здѣсь предметъ промысла. Такъ, около Маткалахты, на южномъ концѣ Водлозера, темныя осеннія ночи Сѣвера постоянно застаютъ до 10 и болѣе человѣкъ полѣсниковъ среди лѣса; въ окрестностяхъ Сумозера ищутъ убѣжища отъ ночныхъ холодовъ въ охотничьихъ лачугахъ, кромѣ туземцевъ, до 15 человѣкъ ловцовъ-Пудожанъ, промышляющихъ здѣсь артелями. Счастливъ охотникъ, если онъ найдетъ товарищей въ обычной хижинѣ. Одиночество, тѣсная связь съ лѣсами, таинственными и мрачными, можетъ быть, сами по себѣ выработали въ ловцахъ множество суевѣрій; они смиряются передъ лѣсомъ и рѣдко, кромѣ страшнаго, напугивающаго, что-либо иное видятъ въ немъ; особенный поводъ къ этому даетъ сельникъ, запружива-

щій неизменности и корбы: здѣсь еловый лѣсъ тѣсно сплачивается; деревья, посылая высоко въ воздухъ тысячи отдѣльныхъ вершинъ, внизу плотно обнимаются вѣтвями, такъ что и днемъ въ такомъ ельникѣ мрачно, и даже лѣтомъ прохладно и сыро; одинокій полѣшникъ невольно видитъ здѣсь присутствіе подавляющей „нечистой силы“: онъ забываетъ полудницъ, водяниковъ; здѣсь воображеніе его терзается мыслью о лѣшемъ; это хозяинъ лѣса, обладающій сворою собакъ; онъ постоянно ходитъ по своимъ владѣніямъ; вдали и вблизи отъ него шныряютъ псы, розыскивая, между прочимъ, полѣшниковъ, и даже днемъ являясь передъ ними. Если „крестная сила“ поразитъ собаку, то она мгновенно исчезаетъ, и затѣмъ вдали раздается сильный и потрясающій свистъ ея хозяина. Въ томъ случаѣ, если собака, появляясь между полѣшниками, дровосѣками или рыбаками, пріймета отъ нихъ и съѣстъ кусокъ хлѣба или рыбы, то съ нею начинаются судороги, ее бросаетъ изъ стороны въ сторону или на аршинъ кверху, въ наказаніе за измѣну хозяину. Угрюмая жизнь полѣшника еще болѣе омрачается сознаніемъ, что всякая пѣсня, веселье, смѣхъ послужатъ причиной, по которой онъ долженъ сдѣлаться жертвой хозяина лѣса; поэтому пребываніе въ лѣсу становится для него еще болѣе томительнымъ, и онъ жаждетъ наконецъ встрѣчи съ товарищами, что невсегда удается. Ненастная погода и вьюги часто разлучаютъ охотниковъ; иногда плохое знакомство съ мѣстностью надолго задерживаетъ ихъ въ лѣсу одиночными, вдали даже отъ тѣхъ хижинъ, которыя по своему виду и устройству, по своей печкѣ-каменкѣ, напоминаютъ каменный вѣкъ. Въ томъ случаѣ, когда полѣшникъ сбивается съ дороги, онъ ориентируется въ мѣстности положеніемъ солнца, характеромъ коры на деревьяхъ: сѣверная сторона послѣднихъ всегда шероховата, съ лишаями; или онъ принимаетъ въ соображеніе муравейники, которые лежатъ всегда около деревъ, на южномъ припекѣ. Часто полѣшники, находясь въ одиночествѣ, варятъ себѣ пищу въ берестѣ, точно также, какъ это бывало у жителей каменнаго періода. Бываетъ и такъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ собирается на ночь до 20—30 человѣкъ полѣшниковъ, особенно въ ненастную погоду; такимъ пріютомъ служитъ домъ одного Вирозёра, расположенный на берегу озера Ви-

розера; гостепріимный хозяинъ всѣхъ угоститъ и пріютитъ, такъ какъ онъ самъ—знаменитый полѣшикъ. Сборища повторяются у него далеко за сентябрь; почти каждый вечеръ собираются у него сотоварищи и ведутъ длинные разсказы о своихъ приключеніяхъ, о своей добычѣ, которая у однихъ въ день простирается до 10 бѣлокъ, и отъ пяти до шести штукъ рябчиковъ; у другихъ, менѣе счастливыхъ, денной трудъ вознаграждается едва одною парочкой бѣлокъ, одною или двумя штуками рябчиковъ, или же и того менѣе. Вообще, періодъ осенней охоты продолжается до первыхъ снѣговъ и рѣдко длится болѣе 3 или 4 недѣль; тутъ хорошій охотникъ добываетъ дичи на 30 руб. сер. или даже и на 50; менѣе удачный ловецъ наживаетъ до 20 руб. При этомъ хорошій охотникъ убиваетъ въ осень отъ 150 до 200 бѣлокъ, и въ томъ случаѣ, если онъ раньше не запродалъ ихъ, отдаетъ по 10 коп. каждую; если же впередъ забраны деньги, то изъ 200 штукъ 50 бракуются, и тогда онъ всѣ 200 отдаетъ за 150 штукъ, и только по 9 коп. за каждую, получая за все вмѣсто 20 руб. только 13 руб. 50 коп. Въ такомъ случаѣ остальная сумма, превышающая иногда 30 руб., наживается на рябчикахъ, число которыхъ на охотника, промышляющаго ружьемъ и петлями, простирается за 60 паръ въ осень. У многихъ же добыча рѣдко достигаетъ 50 паръ, которыя, принимая по 24 коп. за каждую, дадутъ охотнику 12 руб. валоваго дохода.

Здѣсь мы видѣли только осенній періодъ промысла, и многіе изъ полѣсниковъ имъ только и ограничиваются; кромѣ рябчика и бѣлки, большинство другихъ животныхъ добывается по большей части зимой. Мѣстность, гдѣ развиты всякаго рода звѣриные промыслы, въ томъ числѣ и зимніе, лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Водлозера, на предѣлахъ Пудожскаго уѣзда и Архангельской губерніи: это такъ называемый Кривой Поясъ; здѣсь течетъ рѣка Кожа, съ деревней дворовъ въ 20; недалеко приходъ Янь-Гора. Безплодная мѣстность, покрытая еще болѣе густыми лѣсами, чѣмъ около Водлозера, упорно поддерживаетъ въ жителяхъ привычку къ звѣриному промыслу, и они, не ограничиваясь своею мѣстностью, даже осенью разсыпаются по окрестностямъ. Они идутъ въ Архангельскую губернію, за Кенозеро къ Каргополю, къ Онежскому озеру. Заходятъ и на Водлозеро, гдѣ около

деревни Пильмасъ-озера одинъ такой полѣсникъ становалъ много времени. И между тѣмъ какъ мѣстные охотники убиваютъ бѣлокъ до 200, эти странники доводятъ свою добычу до 300 штукъ.

Во время зимы преслѣдуется полѣсниками куница, дающая мѣхъ цѣною отъ 1 рубля до 5; охота за нею довольно трудна; чтобы найдти ее, полѣсникъ иногда идетъ день и два и болѣе по слѣду ея на снѣгу; онъ видитъ, какъ куница охотится за зайцами, ступая имъ изъ слѣда въ слѣдъ; ловя рябчиковъ, она скачетъ отъ одного дерева на другое, хватая ихъ часто на лету. Ближе всего связана она съ бѣлкой, питается ею и отнимаетъ у нея гнѣзда, такъ что даже численность ея связана съ численностью бѣлки. Выслѣживая куницу, полѣсникъ старается загнать ее на дерево, пуская по ней пулю. Иногда, во время выслѣживанія, застигаетъ полѣсника ночь со снѣгомъ и вьюгою, заносящею слѣды, и тогда разъ выслѣженная куница считается почти потерянною, но невсегда; опытный охотникъ находитъ ее тогда по тѣмъ хлопьямъ снѣга, которые она стряхиваетъ на землю, скача по деревьямъ. Въ такихъ случаяхъ охотникъ ночуетъ въ лѣсу, разгребая снѣгъ, разводя большой огонь и едва удовлетворяя свой аппетитъ. Наилучшая зима даетъ въ добычу штукъ 5 куницъ и рѣдко болѣе на ружье. Сюда же нужно отнести горностая, который попадается въ такомъ же количествѣ. Лисица во время зимы ловится больше всего въ кляпцы, преслѣдуя зайцевъ и лѣсную птицу, она ходитъ также за равными животными, даже за куницей; встрѣчая слѣды лыжъ, она рѣдко черезъ нихъ переходитъ; часто идетъ около нихъ, то приближаясь, то отдаляясь. Если жъ она переходитъ черезъ нихъ, то сильными скачками; не смотря на это, въ кляпцы она попадается въ количествѣ 10 штукъ на охотника въ хорошій годъ. Обыкновенно жъ она въ численности колеблется, вмѣстѣ съ зайцемъ, которымъ она питается. А заяцъ-бѣлякъ въ послѣдніе года становится особенно малочисленнымъ; въ то время, какъ прежде въ 300 петель попадались зайцы десятками, теперь въ тотъ же періодъ времени едва остаются въ петляхъ 2 или 3 штуки. Рысь и россомаха также бродятъ въ здѣшнихъ лѣсахъ; первая ухаживаетъ чаще всего за зайцами, куропатками, тетерками, глухарями и рябчиками и рѣдко за оленемъ, котораго охотнѣе, по разсказамъ полѣсниковъ, преслѣ-

дуетъ россомаха, нападая на него даже съ деревъ. Съ цѣлью чѣмъ-нибудь поживиться, ходитъ она за рысью и лисицей, и охотникъ, благодаря ей, рискуетъ лишиться добычи, если оставляетъ ее плохо въ лѣсу. Она убивается чаще рыси и даетъ шкурку, стоющую до 2 руб. Около значительныхъ рѣкъ ставятъ кляпцы на выдру, въ небольшихъ—на норку; охота за этими животными возможна во всякое время года, такъ какъ шкурка ихъ не измѣняетъ своихъ качествъ. Двѣ-три выдры и нѣсколько норокъ становятся въ годъ предметомъ добычи.

Но и звѣри при столкновеніи съ человѣкомъ видимо цивилизуются; это замѣтно на медвѣдѣ; обращая здѣсь на себя вниманіе по своей значительной численности и принося большой вредъ въ хозяйствѣ, онъ подвергается гоненію; рѣдкій изъ хорошихъ полѣсниковъ не испробовалъ на его бокахъ своей пули или рогатины, поднимая его изъ берлоги, которой полѣсникъ ищетъ съ большою осторожностью около Покрова. Онъ идетъ черезъ самыя глухія корбы и густыя чащи туда, гдѣ трудно пробирается и человѣкъ. Нашедши мѣсто для берлоги, онъ старается скрыть въ ней всякіе слѣды свои; для этого онъ ложится прежде, чѣмъ выпадаетъ снѣгъ; подходя къ ней, онъ обыкновенно скачетъ черезъ пни и колоды; иногда всякіе слѣды его пропадаютъ; въ такомъ случаѣ опытные полѣсники замѣчаютъ, что онъ, поворачивая назадъ, идетъ по старымъ слѣдамъ, пятится и затѣмъ дѣлаетъ прыжокъ въ сторону. Не смотря на эти уловки, убѣжище медвѣдя обнаруживается, и промыселъ на него повторяется неоднократно въ одну и ту же зиму, въ одномъ и томъ же охотничьемъ семействѣ.

Изъ травоядныхъ имѣетъ нѣкоторое значеніе лось, появляющійся періодически на юго-востокѣ Олонецкой губерніи; многіе изъ плохихъ полѣсниковъ боялись лося, полагая, что онъ лягается, и бѣжали отъ него, съ вторженіемъ его, лѣтъ 10 или 25 назадъ, въ Олонецкую губернію, быть можетъ, по пословицѣ: „на медвѣдя идешь—готовь постель; на лося—теши доски". Въ послѣднее время лось показывается чаще, и одному старому полѣснику удавалось въ одинъ день класть на мѣстѣ стадо въ шесть штукъ. Гораздо и до сихъ поръ распространеннѣе промыселъ на оленя; онъ имѣетъ мѣсто преимущественно по насту. Десятка два лѣтъ назадъ олень

медленно, въ періодъ болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ, растутъ рабочія силы въ пустынныхъ лѣсахъ Олонецкой губерніи: явленіе, съ которымъ еще прійдется намъ встрѣтиться.

Другіе представители полѣсниковъ также живутъ далеко не одною полѣснею; къ наиболѣе усердно преданнымъ охотѣ относится крестьянинъ Кирило, съ Куго-Наволока на Водлозерѣ; бывая въ лѣсу главнымъ образомъ осенью, зиму онъ проводитъ около Пудожа, Каргополя и пр.; переходя изъ деревни въ деревню, онъ дѣлаетъ по заказу „валенцы“ изъ шерсти; стануетъ обыкновенно у того, кому исполняетъ заказъ; иначе ищетъ пристанища въ первомъ изъ домовъ въ деревнѣ, гдѣ по своей находчивости скоро заслужитъ очень хорошій пріемъ и угощеніе: такъ было, напримѣръ, съ нимъ въ то время, когда онъ далъ совѣтъ одной старушкѣ выводить клоповъ. „Нужно, бабушка, взять одного клопа, вырыть ему яму безъ лопаты, глубиною въ аршинъ, и положить его на дно: тогда не будетъ больше клоповъ“. Старушка, чѣмъ только могла, отплатила ему за совѣтъ, но ямы вырыть не сумѣла, такъ какъ пальцы были стары, а земля, гдѣ, по указанію Кирилы, нужно было вырыть яму, была необыкновенно тверда. Заработывая въ зиму рублей 40 или 50, онъ при переѣздахъ нанимаетъ иногда подводу; однажды, не доходя до Пудожа 8 верстъ, онъ, чтобы въѣхать въ городъ съ надлежащею важностью, нанялъ везти себя на саняхъ 8 дѣвицъ, съ платою по 1 руб. каждой. Лѣтомъ онъ занятъ около дома, на полевыхъ работахъ; изрѣдка ходитъ на утокъ и продаетъ ихъ сельскому писарю по 1½ коп. каждую. Крестьянинъ Степанъ съ дер. Чуялы, также посвящая полѣснѣ только осень, зимою и весною занятъ рубкой лѣса на лѣсопильномъ заводѣ. Опредѣлить общее число полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера не возможно, но приблизительно оно сходствуетъ, вѣроятно, съ числомъ таковыхъ же въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, гдѣ полѣсня играетъ не менѣе важную роль. Отъ мѣстныхъ наблюдателей извѣстно объ этомъ слѣдующее: „Общій для всего уѣзда промыселъ, за исключеніемъ Шунгской волости, такъ сказать, первобытный и далеко не представляющій средствъ къ обезпеченію продовольствія населенія: это промыселъ за рыбою, птицею и звѣремъ. Число лицъ, занимающихся въ уѣздѣ охотою, можно опредѣлить приблизительно по количеству ружей—въ 2,000

тъ опытнаго глаза желанное существо. Тамъ, гдѣ не беретъ глазъ, олѣсникъ пользуется своимъ слухомъ: онъ понимаетъ всякій звукъ ь природѣ и пользуется имъ для своихъ цѣлей; если въ лѣсу ертвая тишина, онъ самъ вызываетъ эти звуки и голоса; такъ, на го свистокъ, сдѣланный изъ очина гусинаго или лебединаго пера, кликаются рябчики и слетаются съ разныхъ сторонъ, почти уда-ялись иногда о самую голову полѣсника. Во многихъ случаяхъ яв-ается наконецъ неизбѣжная работа ума — необходимость изучить ривычки животныхъ, образъ ихъ жизни и воспользоваться ими аиболѣе выгоднымъ образомъ; но и сообразительность, не смотря а всю свою силу въ Олонецкомъ полѣсникѣ, поражается въ свою ередь выстрѣломъ, удачно пущеннымъ по птицѣ въ лётъ, и ста-овится въ тупикъ передъ десяткомъ другихъ, сдѣланныхъ въ нѣ-колько мгновеній изъ ружья, заряжающагося съ казенной части; се это приписывается уже волшебной силѣ. „Онъ съ нечистой си-ой знается“, нерѣдко говорится, впрочемъ, и про коренныхъ, при-одныхъ мѣстныхъ полѣсниковъ, ушедшихъ нѣсколько далѣе массы ь своемъ промыслѣ.

Въ ряду другихъ занятій населенія полѣсья занимаетъ у огихъ семействъ видное мѣсто, особенно тамъ, гдѣ ловится ало рыбы; но въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ жители исклю-ительно ею ограничиваются. Для характеристики приведу нѣ-колько примѣровъ. Охотничій духъ наиболѣе проявляется на ирозерѣ; на берегу его живетъ одно семейство — Вирозёровыхъ Нижеслѣдующій разсказъ старшаго изъ двухъ братьевъ (переда-аемый мною своими словами) покажетъ, какъ образовалось ихъ по-еленіе; изъ него же можно видѣть, какъ отражаются историческія обытія въ средѣ простого народа: „Предокъ нашъ поселился здѣсь ри Петрѣ Великомъ; онъ служилъ деньщикомъ у Долгорукаго, ко-орый тогда былъ при царевнѣ Софьѣ. Петръ, будучи малолѣтнимъ, отѣлъ сжить съ престола сестру свою; но войско не захотѣло ему овиноваться, говоря, что онъ еще молодъ. Отъ этого царь уѣхалъ ъ Англію и тамъ у Лефорта учился строить корабли. Возвратился нъ сильнымъ и возмужалымъ, овладѣлъ войскомъ — въ то время ыли только стрѣльцы—и сжилъ сестру. Тогда приказалъ казнить сѣхъ стрѣльцовъ и самъ окепировалъ перваго солдата, по образ-

цу котораго приказалъ снаряжать и другихъ. Предокъ нашъ послѣ этого, во избѣжаніе участи другихъ стрѣльцовъ, былъ уволенъ Долгорукимъ въ чистую отставку, съ условіемъ жить болѣе или менѣе скромно и скрытно, въ случаѣ если будутъ розыски. Предокъ и удалился сначала на свою родину, въ селеніе Мошу, Каргопольскаго уѣзда, а оттуда по причинѣ видности этого мѣста—въ немъ было правленіе и начальство,—въ деревню Усть-Колоду. Въ Усть-Колодѣ онъ женился и тогда ужь поселился на Вирозерѣ, гдѣ было въ это время до шести дворовъ, состоявшихъ изъ господскихъ бѣглыхъ. Въ виду новой опасности и розысковъ бѣглые удалились, а отпущеннымъ и свободнымъ вышелъ потомъ указъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они поселились; почему предокъ и остался только одинъ на Вирозерѣ". Здѣсь потомки этого стрѣльца живутъ и до нашего времени, отличаясь чисто русскимъ характеромъ, гостепріимствомъ и добродушіемъ. Не проходитъ мимо нихъ ни одинъ путникъ безъ отдыха и угощенія. Всѣ Вирозёровы — полѣсники. Болѣе, чѣмъ до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія полѣсня играла у нихъ почти исключительное значеніе въ жизни, и на хлѣбопашество и другіе промыслы вовсе не обращалось вниманія. Но послѣднее живое поколѣніе должно было измѣнить такое положеніе дѣлъ; земледѣліе сдѣлалось необходимостью, потребовалось больше скота и т. д. Нынѣ Вирозёровы засѣваютъ значительное количество озимаго, ячменя, овса, гороху и картофелю; имѣютъ около десятка овецъ, не меньше коровъ всякаго возраста и нѣсколько рабочихъ лошадей. Уборка и посѣвъ хлѣба и заготовка сѣна требуютъ немало времени. Затѣмъ въ ихъ жизни играетъ немалую роль рубка лѣса; почти ежегодно одинъ изъ Вирозёровыхъ совершаетъ зимою поѣздку къ Бѣлому морю за солью. Въ хозяйствѣ ихъ вообще, сравнительно съ сосѣдними деревнями, замѣчается исправность и достатокъ; старая прадѣдовская изба приходитъ уже въ полное разрушеніе; поэтому выстроенъ новый большой домъ, съ горницей и жилою избой. Къ озеру сдѣлана большая насыпь, въ видѣ моста; въ хлѣвахъ выкладены печки для того, чтобы зимой отоплять ихъ, а лѣтомъ, разводя огонь и дымъ, спасать домашнихъ животныхъ отъ овода. Одни изъ членовъ семейства, не говоря о такихъ періодахъ времени, какъ охота за рябчиками и бѣлкой, и весна съ оленями, постоянно навѣщаютъ

ъ свободную пору свои пустынныя окрестности, высматривая и вы-
ѣживая то медвѣдей, то другихъ лѣсныхъ животныхъ. Съ другой
ороны, во время сильныхъ зимнихъ вьюгъ заносятся всѣ дороги къ
сѣднимъ деревнямъ; поэтому одинъ изъ Вирозёровыхъ, закладывая
ру лошадей въ сани, ѣздитъ къ разнымъ деревнямъ, чтобы хотя
олько-нибудь возстановить къ нимъ пути сообщенія, иначе сно-
енія съ сосѣдями были бы совершенно порваны; но во всякомъ
учаѣ зимнія дороги здѣсь лучше, чѣмъ лѣтнія; лѣтомъ къ Ви-
зеру возможно пробраться съ разныхъ сторонъ, но только пѣш-
мъ или шагомъ на верховой лошади. Не смотря на нѣкоторое
вольство и благосостояніе, Вирозёровы однакоже мало размножи-
сь. Изъ двухъ братьевъ, нынѣ живущихъ, одинъ остался не же-
тымъ; онъ набоженъ и любитъ читать рукописи духовнаго содер-
анія; не смотря на то, что ему болѣе 60 лѣтъ, онъ съ виду крѣ-
къ, дюжъ въ тяжелыхъ работахъ, высокъ ростомъ, съ лицомъ же-
ственнаго характера, съ румянцемъ, почти безъ морщинъ: черты
мѣчательныя, и можетъ быть, соединенныя съ безбрачіемъ. Второй
ъ братьевъ ниже ростомъ, но плотнаго сложенія; у него чистое
цо, волоса съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, носъ высокій, тонкій, удли-
нный; къ этому присоединяется громадная борода, которая од-
акоже не отнимаетъ у него нѣкоторой моложавости. Онъ оказался
перь на лицо единственнымъ плодовитымъ потомкомъ стрѣльца
еменъ Софьи; у него четыре сына и дочь. Старшій изъ сыновей
ва по виду отличается отъ отца; даже люди близкіе часто по
ибкѣ смѣшиваютъ отца съ сыномъ; онъ давно женатъ, но без-
отенъ, и нѣтъ у него и надежды на потомство. Это послѣднее яв-
ніе зависитъ, можетъ быть, отъ того, что у него жена—„неровня“,
на старше мужа, флегматичнаго характера, и кажется, поизносив-
аяся до замужества; ни одна изъ дѣвицъ въ окрестностяхъ, бо-
ѣе подходящая и по лѣтамъ и по характеру къ молодому Виро-
рову, не согласилась быть его супругой, такъ какъ всѣ боялись
ирозёрскаго захолустья и безлюдья; такимъ образомъ, изолиро-
анность поселенія отъ другихъ служитъ здѣсь, можетъ быть, пре-
ятствіемъ къ значительно быстрому размноженію; она же, вѣроятно,
овліяла на нѣсколько мистическое настроеніе одного изъ стар-
ихъ въ семействѣ. Отсюда можно видѣть, до какой степени

медленно, въ періодъ болѣе чѣмъ полтораста лѣтъ, растутъ рабочія силы въ пустынныхъ лѣсахъ Олонецкой губерніи: явленіе, съ которымъ еще прійдется намъ встрѣтиться.

Другіе представители полѣсниковъ также живутъ далеко не одною полѣснею; къ наиболѣе усердно преданнымъ охотѣ относится крестьянинъ Кирило, съ Куго-Наволока на Водлозерѣ; бывая въ лѣсу главнымъ образомъ осенью, зиму онъ проводитъ около Пудожа, Каргополя и пр.; переходя изъ деревни въ деревню, онъ дѣлаетъ по заказу „валенцы" изъ шерсти; стануетъ обыкновенно у того, кому исполняетъ заказъ; иначе ищетъ пристанища въ первомъ изъ домовъ въ деревнѣ, гдѣ по своей находчивости скоро заслуживаетъ очень хорошій пріемъ и угощеніе: такъ было, напримѣръ, съ нимъ въ то время, когда онъ далъ совѣтъ одной старушкѣ выводить клоповъ. „Нужно, бабушка, взять одного клопа, вырыть ему яму безъ лопаты, глубиною въ аршинъ, и положить его на дно: тогда не будетъ больше клоповъ". Старушка, чѣмъ только могла, отплатила ему за совѣтъ, но ямы вырыть не сумѣла, такъ какъ пальцы были стары, а земля, гдѣ, по указанію Кирилы, нужно было вырыть яму, была необыкновенно тверда. Заработывая въ зиму рублей 40 или 50, онъ при переѣздахъ нанимаетъ иногда подводу; однажды, не доходя до Пудожа 8 верстъ, онъ, чтобы въѣхать въ городъ съ надлежащею важностью, нанялъ везти себя на саняхъ 8 дѣвицъ, съ платою по 1 руб. каждой. Лѣтомъ онъ занятъ около дома, на полевыхъ работахъ; изрѣдка ходитъ на утокъ и продаетъ ихъ сельскому писарю по $1\frac{1}{2}$ коп. каждую. Крестьянинъ Степанъ съ дер. Чуяла, также посвящая полѣснѣ только осень, зимою и весною занятъ рубкой лѣса на лѣсопильномъ заводѣ. Опредѣлить общее число полѣсниковъ въ окрестностяхъ Водлозера не возможно, но приблизительно оно сходствуетъ, вѣроятно, съ числомъ таковыхъ же въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, гдѣ полѣсня играетъ не менѣе важную роль. Отъ мѣстныхъ наблюдателей извѣстно объ этомъ слѣдующее: „Общій для всего уѣзда промыселъ, за исключеніемъ Шунгской волости, такъ сказать, первобытный и далеко не представляющій средствъ къ обезпеченію продовольствія населенія: это промыселъ за рыбою, птицею и звѣремъ. Число лицъ, занимающихся въ уѣздѣ охотою, можно опредѣлить приблизительно по количеству ружей — въ 2,000

человѣкъ. Все мужское населеніе уѣзда, кромѣ Шунги, по ревизіи составляетъ 7,500 душъ. Исключивъ изъ этого числа всѣхъ не способныхъ заниматься охотою, какъ напримѣръ, стариковъ и дѣтей, можно съ нѣкоторою достовѣрностью сказать, что въ Повѣнецкомъ уѣздѣ на трехъ человѣкъ мужскаго пола одинъ промышленникъ за звѣремъ и птицею“ [1]). Около самаго Водлозера, гдѣ развито рыболовство, полѣсниковъ, вѣроятно, меньше [2]), но въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ большихъ озеръ, отношеніе между числомъ промышляющихъ звѣря и птицу и непромышляющихъ не меньше, если только не больше, чѣмъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Не смотря на это, въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось мнѣ находить лѣтомъ старыя кремневыя ружья полѣсниковъ въ исправности, какъ это было въ дер. Охтомѣ, у старосты; въ большинствѣ случаевъ ружья лежатъ заржавленными, и когда полѣснику прійдется случайно взять оружіе, то много разъ вспыхиваетъ порохъ, прежде чѣмъ раздается выстрѣлъ.

Какъ уже видно изъ предыдущаго, охота удовлетворяетъ только части потребностей крестьянина, и то не въ такой степени, какъ это было бы возможно; я указалъ на примѣръ зависимости полѣсниковъ, особенно бѣдныхъ, отъ скупщиковъ ихъ товара: заборъ впередъ деньгами, хлѣбомъ или другими продуктами подъ будущую дичь широко распространенъ въ Пудожскомъ уѣздѣ; характеризуя собою всѣхъ звѣровщиковъ сѣвера Россіи [3]) и Сибири, эта сильная зависимость охотниковъ отъ скупщиковъ пушнаго товара и дичи представляется обыкновеннымъ явленіемъ и въ другихъ уѣздахъ Олонецкой губерніи. Относительно Повѣнецкаго уѣзда укажу на слѣдующій фактъ: „Когда гуртовщики-хлѣботорговцы безъ посредства мелкихъ скупщиковъ вступаютъ въ сношенія съ

---

[1]) Памятн. кн. Олонецк. губ за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

[2]) При этомъ нужно замѣтить, что и около самаго Водлозера встрѣчаются деревни, гдѣ почти все мужское населеніе — полѣсники; такова деревня Варшельда.

[3]) На этотъ фактъ сильной зависимости звѣропромышленниковъ отъ кулаковъ указываетъ—относительно Вологодской губерніи— г. Фл. Арсеньевъ въ своей книжкѣ: „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“, стр. 62—64. Между Зырянами, какъ и ниже будетъ указано, скупщики наживаютъ при оборотахъ до 100%.

звѣропромышленниками, задавая имъ хлѣбъ впередъ подъ звѣря, то получаютъ чистаго барыша при оборотахъ до 100%“ [1]). О подобномъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Вытегорская уѣздная земская управа: „Сколькимъ, напримѣръ, лицамъ даютъ возможность нажиться безъ особаго труда Олонецкіе рябчики; сколько ненужныхъ посредниковъ стоитъ между крестьяниномъ, ловящимъ рябчиковъ и отдающимъ на мѣстѣ скупщику-кулаку пару за 15 коп., и Петербургскимъ покупателемъ, платящимъ за ту же пару, пока часть полуиспнившую уже, 60 коп. и дороже: куда дѣлись эти на каждую пару 45 коп., оплаченныя потребителемъ?“ [2])

За всѣмъ этимъ нужно принять во вниманіе періодическія колебанія въ количествѣ лѣсной дичи: въ одни года мало бѣлки, въ другіе—рябчика, или рѣдѣютъ въ количествѣ зайцы, лисицы; подобныя явленія часто вовлекаютъ крестьянъ въ неменьшее бѣдствіе. Но затѣмъ существуетъ еще одно обстоятельство болѣе важное; это—общее уменьшеніе количества животныхъ, населяющихъ сѣверные лѣса. Выше я указалъ, что многіе виды, какъ напримѣръ, кабанъ, бобръ, и можетъ быть, соболь истреблены на Сѣверѣ [3]); что съ измѣненіемъ фауны въ этомъ направленіи было связано и вымираніе первобытныхъ племенъ; въ доказательство, что

---

[1]) Памятн. книж. Олон. губ. за 1868—1869 г. отд. II, стр. 21.

[2]) Журналы Вытегорскаго уѣздн. очередн. земск. собр. 1869 г. Петрозаводскъ, стр. 79. При этомъ я долженъ замѣтить, что указанная цѣна 15 к. за пару рябчиковъ понижается на мѣстѣ въ томъ случаѣ, если впередъ заданы деньги лѣсникамъ. Что же касается до цѣны за пару тѣхъ же рябчиковъ въ Петербургѣ въ 60 и болѣе коп., то по отношенію къ Олонецкой губерніи и это вѣрно: отсюда птица идетъ въ С.-Петербургъ въ октябрѣ и въ ноябрѣ, когда цѣны на дичь высоки, зимой же цѣна рябчиковъ нѣсколько понижается потому, что они въ большомъ количествѣ пребываютъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній.

[3]) Относительно уменьшенія количества звѣрей есть данныя въ упомянутой нами книжкѣ г. *Арсеньева*: „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“. Уменьшеніе количества звѣрей служитъ отчасти причиной повышенія цѣнъ на пушной товаръ; бобровъ совершенно нѣтъ, соболь ловится Печорцами за Уральскимъ хребтомъ (стр. 65), хотя прежде соболи, а лѣтъ пять назадъ (?), и бобры служили для Зырянъ предметомъ промысла (стр. 15). Общій характеръ охоты въ Зырянскомъ краѣ тотъ же, что въ Олонецкомъ, начиная съ пріемовъ охотниковъ до ловушекъ и пр.

еньшеніе количества пушнаго звѣря и птицы происходитъ на
верѣ и до сихъ поръ, приведу еще одинъ фактъ, заимствуя его
ликомъ изъ „Памятной книжки Олонецкой губерніи за 1868—
69 гг.“ (онъ касается Шунгской ярмарки, Повѣнецкаго уѣзда):
шнаго товара было привезено нынѣ (1869 г.) менѣе противъ
ошлаго года на 9,000 руб. Какъ колеблется количество этого
зара въ разные годы на ярмаркѣ, показываетъ слѣдующая таб-
ца:

Въ	1860	году	привезено	на . .	124,000 руб.
„	1862	„	„	„ . .	138,000 „
„	1864	„	„	„ . .	72,000 „
„	1865	„	„	„ . .	23,000 „
„	1868	„	„	„ . .	40,000 „
„	1869	„	„	„ . .	31,000 „

„Такимъ образомъ теперь привозится въ четверо меньше, чѣмъ
лѣтъ назадъ. Пушной товаръ, какъ и птица, на ярмарку сво-
тся изъ большей части сѣверныхъ губерній. Количество при-
зимой на ярмарку дичи также съ каждымъ годомъ уменьшается;
нынѣшнемъ году привезено менѣе прошлогодней ярмарки на
,000 паръ, а въ 1860 году однихъ рябчиковъ было въ 13 разъ
лѣе, чѣмъ нынѣ всей птицы“ [1]). Итакъ, звѣроловство и птице-
вство представляются постоянно и все болѣе и болѣе скудѣющею
атьей заработка для крестьянина, тогда какъ другія отрасли
омышленности совсѣмъ не оказываютъ въ Олонецкой губерніи
кого быстраго развитія или прогресса, который далъ бы насе-
нію хотя какую-нибудь возможность пополнить недостатокъ
едствъ существованія отъ полѣсни.

[1]) Пам. кн. Олон. губ. 1868—1869 г., стр. 89.

III.

Распространенность рыболовства въ Олонецкой губерніи обусловливается изобиліемъ водъ. Рыбы; промыслы зависятъ отъ временъ года. Ужение подо льдомъ при у. Вытегры. Ловля корюшки. Ловля рыбы мережками по рѣкамъ и озерамъ, а также и другіе способы. Рыболовство на Онежскомъ озерѣ: масельга или крючки. Невода, дѣйствующіе наемными рабочими; условія найма и бытъ неводчиковъ. Ходъ лова неводомъ. Промыселъ сиговъ при у. Водлы, на восточномъ берегу Онежскаго озера. Равномѣрное распредѣленіе шансовъ на уловъ между 400 человѣкъ; общій суточный уловъ и выгода, получаемая отъ него прасолами. Трудность сбыта продуктовъ рыбнаго промысла, зависимость крестьянъ отъ скупщиковъ; временной, но удачный исходъ изъ этого положенія. Лѣтняя крестьянская неводьба у Вытегорскаго устья. Рыболовство по р. Водлѣ. Рыбы въ озерѣ Водлозерѣ: способы ихъ ловли. Общее количество улова невыгода его сбыта; скудость рыбы лѣтомъ; первобытные способы заготовки рыбы въ прокъ. Трудность путей сообщенія и вліяніе ихъ на убыточность рыболовства.

Рыболовство не менѣе характерно для Олонецкой губерніи, чѣмъ полѣсья; являясь здѣсь не менѣе первобытнымъ, оно представляется еще болѣе распространеннымъ среди Олончанъ, чѣмъ погоня за звѣрями и птицами; причина этому лежитъ въ самой природѣ мѣстности, въ томъ, что площадь главныхъ водъ Олонецкой губерніи равняется почти одной седьмой части площади всей губерніи; сюда входятъ такіе водоемы или ихъ части, какъ Онего, Ладога, Выгъ, Сегъ, Лачъ, Водлозеро и пр., за исключеніемъ многихъ другихъ, весьма многочисленныхъ, и также съ немалою общею площадью, какъ Кенозеро, Сумозеро и др. Число рыбъ, водящихся въ озерахъ, доходитъ до 43 видовъ [1]), и между ними есть и мелкіе, не составляющіе предмета ловли, какъ-то: вьюны, колюшка и пр. Въ числѣ же важныхъ для практики рыбъ стоятъ различные виды, начиная съ корюшки, пудъ которой доходитъ весной до 10 и 20 коп., и проходя ершей, окуня, плотву, карася, язей, щукъ до лещей, налимовъ, или наконецъ, сиговъ и различныхъ лососей. Особеннымъ разнообразіемъ отличаются рыбы послѣдней категоріи: сиги распространены въ водахъ въ количествѣ семи видовъ, включая сюда

---

[1]) *К. Кесслеръ*, Матеріалы для познанія Онежскаго озера и Обонежск. края. Прилож. къ Труд. перваго съѣзда Р. Естествоисп., стр. 32. Здѣсь подробно разсмотрѣно распространеніе всѣхъ видовъ рыбъ, образъ ихъ жизни, съ очеркомъ рыболовства.

сига-рапушку и кильца: здѣсь встрѣчается сигъ чолмужскій, сигъ зобатый, лудожный, песочный и проходной, съ разными видоизмѣненіями и переходными формами; изъ собственно лососевыхъ въ водахъ водятся: лосось благородный, палія, форель (торпа) и таймень. Къ этимъ природнымъ мѣстнымъ формамъ присоединяются еще другія, разселившіяся здѣсь въ недавнее время и случайно: стерлядь и сомъ. Стерлядь еще въ 1845 году временно ловилась около Петрозаводска; тогда полагали, что лѣтъ за 20 предъ тѣмъ [1]) былъ разбитъ на Онежскомъ озерѣ живорыбный садокъ со стерлядями, которыя и разселились по озеру; съ другой стороны, есть показанія, что крушеніе садка со стерлядями произошло еще при намѣстникѣ Тутолминѣ, слѣдовательно, между 1784—1789 гг. [2]). По такому же случаю появился и сомъ въ Онежскомъ озерѣ, а можетъ быть, и сигъ чолмужскій, сходный съ бѣлорыбицей.

Рыболовство по временамъ года и въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ различные оттѣнки; это зависитъ отъ рыбъ, водящихся въ разныхъ озерахъ, отъ ихъ привычекъ переселяться для метанія икры и отъ склонности ихъ держаться въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ: на камняхъ, по отмелямъ, въ камышахъ или въ глубокихъ частяхъ озеръ, на большихъ разстояніяхъ отъ береговъ; притомъ въ мелкихъ озерахъ преобладаютъ одни рыбы—карповыя, которыхъ для всего края, по Кесслеру, насчитывается до 10 или 11 видовъ; другія, напримѣръ, лососевыя, которыхъ извѣстно здѣсь до 13 или 14 видовъ [3]), предпочитаютъ большіе водоемы.

---

[1]) Олонецк. губ. вѣд. 1845 г. № 35.

[2]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1868 — 1869 г., отд. II, стр. 214. Стерляди ловятся въ Онежскомъ озерѣ и до сихъ поръ, почему нужно думать, что онѣ здѣсь и размножаются. Мнѣ дѣйствительно пришлось убѣдиться изъ разсказовъ, что стерлядь размножается въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Онего съ юга. Въ послѣдніе года ловили небольшихъ стерлядей въ р. Оштѣ. Еще чаще стерляди были доставляемы лѣсничему Оштинскаго погоста Н. П. Клаузову изъ небольшаго потока, впадающаго въ р. Ошту, Озерѣкши. Это были экземпляры вѣсомъ отъ 1½ фунтовъ; въ 1870 году такихъ стерлядей было привезено крестьянами на продажу въ Оштинскій погостъ болѣе 10 штукъ. Нужно сожалѣть такимъ образомъ, что такая цѣнная рыба истребляется въ молодомъ возрастѣ.

[3]) *Кесслеръ*, 33.

При устьѣ р. Вытегры рыболовство производится во всѣ пр
мена года; въ половинѣ апрѣля я замѣчалъ здѣсь, на лѣ
скаго озера, десятки крестьянъ. Въ это время во льду д
круглыя сквозныя отверстія до полу-аршина въ діаметрѣ.
нихъ, на глубину отъ 2 до 5 саженъ, опускаются въ воду
кихъ канатахъ крючки, наживленныя корюшкой; крючки
ются вмѣстѣ съ наживою налимами, которыхъ потомъ и вы
ютъ, такъ что здѣсь выходитъ уженье рыбы подо льдомъ. За
хватается иногда палія, но рѣже налима. Ловящіеся таки
зомъ налимы бываютъ отъ 1½ фунтовъ до 5 и 10, рѣдко
Счастливый изъ крестьянъ возвращается съ ловли съ 2
ками налимовъ, до 5 и 10 фунтовъ вѣсомъ; чаще можно
передъ отверстіемъ рыбака одну, двѣ рыбки, весьма ск
размѣровъ; очень нерѣдко случается уходить 2 или 3 чело
изъ десятка безъ всякой добычи; промыселъ происходитъ
время, когда солнце начинаетъ садиться, до тѣхъ поръ, пок
гаснетъ вечерняя заря; съ утреннею зарей онъ снова начинается
и длится до бѣлаго дня, когда солнце уже значительно подни-
мается надъ горизонтомъ. Въ числѣ рыбаковъ я видалъ дѣт
лѣтъ 10 и женщинъ, лица которыхъ украшены рядами морщинъ;
здѣсь собиралось и все окрестное юношество, и всѣ почтенные мужи.
На рѣдкихъ изъ рыбаковъ были цѣлыя шубы; обыкновенно здѣсь
пестрѣли дырявые полушубки или армяки своедѣльнаго домашняго
сукна; не тепло было рыбакамъ проводить длинные часы на льду,
среди открытой ровной площади Онега, и часто завидовали они
лисичкѣ, о которой сами же такъ любятъ разсказывать; она всегда
хвалитъ сиверичокъ: „Сиверичокъ, говоритъ, вѣтерокъ теплецкій,
а сама прячется отъ него за кустъ“. Сами они, сидя неподвижно
около проруби, не могли этого сдѣлать и среди глухой холодной
ночи со скрежетомъ зубовъ возвращались въ рыбацкую хижину,
которая въ это время и для меня служила пристанищемъ. Хи-
на обыкновенно бываетъ сильно натоплена, какъ баня; въ ней
курная печка, на которой и готовится ужинъ; вздремнувъ и удо-
влетворивъ аппетиту, рыбаки идутъ снова на утренній ловъ,
когда пробираетъ ихъ еще большій холодъ. Но хорошо еще, если
они пріобрѣтутъ что-нибудь себѣ на пищу. Случается такъ, что

саженъ до 150 въ длину, но не болѣе сажени въ ширину. Отъ Великаго озера идетъ къ рѣкѣ тоже довольно длинная копань; вмѣстѣ съ тѣмъ оба озера соединены особенною канавою. Всѣ копани при устьяхъ заставлены кольями и мережками. Окунь, лещъ, плотва, язь, щука, налимъ, изрѣдко карась заходятъ здѣсь въ мережки; особеннымъ изобиліемъ отличаются въ озерахъ рѣчные раки [1]); они также попадаются въ ловушки вмѣстѣ съ рыбою, и рыбаки увѣряютъ, будто раки часто портятъ въ такомъ случаѣ своихъ союзниковъ, особенно плотву, окуней и лещей, служа въ то же время пищей щукѣ и налиму; по этому рыбаки ненавидятъ здѣсь раковъ и десятками выбрасываютъ ихъ снова въ воду; торговля ими—исключеніе.

Вообще въ маѣ ловъ рыбы стоитъ на послѣднемъ планѣ, собственно между крестьянами; въ это время населеніе больше всего хлопочетъ около пашенъ, засѣвая яровые хлѣба, овесъ и ячмень. Около воды видишь постоянно только отъявленныхъ рыбаковъ, по нѣскольку человѣкъ на озерѣ. Временно обнаруживается нѣкоторое оживленіе въ населеніи въ періодъ нароста язя, окуня и плотвы. Особенно къ ловлѣ плотвы примѣняется довольно хитрый и простой способъ; какъ многія изъ рыбъ, она ищетъ во время нароста пріютъ въ камышахъ, чтобы треніемъ объ нихъ ускорить выдѣленіе икры; въ виду этого жители ломаютъ вѣтви хвойныхъ деревъ и ставятъ ихъ кучами около камышей, помѣщая здѣсь же морды, которыя въ такихъ случаяхъ и наполняются рыбою съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо въ другое время. Бываетъ также, что между глубокими и чистыми мѣстами озеръ и камышами протягиваютъ сѣти, а съ берега бьютъ палками по водѣ; плотва отъ испуга оставляетъ камыши, и встрѣчая на пути сѣти, остается въ

[1]) Какимъ образомъ объяснить этотъ фактъ встрѣчи раковъ при устьѣ Вытегры—недавнимъ ли ихъ здѣсь появленіемъ, какъ это можно думать на основаніи показаній профессора *К. Ѳ. Кесслера* (см. Матеріалы для позн. и пр. стр. 78) или другими путями, напр., тѣмъ, что они раньше здѣсь существовали; по отношенію къ устью р. Вытегры и прилежащихъ къ нему частей Онежскаго озера это - вѣроятнѣе; *я* слышалъ также, что лѣтъ 5 назадъ, раки появились и на восточномъ берегу Онега, при устьѣ Водлы; но этотъ періодъ появленія раковъ, по видимому, меньше дѣйствительнаго: уже г. *Р—въ* говоритъ о ракахъ на Водлѣ, см. Матер. для изуч. рыбол. и охоты въ Памятн. кн. Олон. г. за 1866, стр. 40.

яму, рыбаки проводятъ подо льдомъ веревки, которыми тянется неводъ, съ помощію нѣсколькихъ длинныхъ жердей, связанныхъ концами и достигающихъ 10 или 15 саженъ въ длину, — разстояніе, на которомъ встрѣчаютъ снова прорубь; подхватывая здѣсь концы жердей съ веревками, ихъ гонятъ до слѣдующей проруби и т. д., до тѣхъ поръ, пока веревки отойдутъ на значительное разстояніе отъ невода. Тогда начинается неводьба; неводъ ведется подо льдомъ на всемъ разстояніи, пройденномъ жердями и канатами, и вытаскивается въ конечной большой проруби на ледъ, вмѣстѣ съ рыбой. Такого рода промыселъ устраивается на такихъ именно мѣстахъ, гдѣ по соображеніямъ рыбаковъ, стапуетъ рыба. Производится ловля неводомъ и подо льдомъ преимущественно жителями деревни Палтаги на Великомъ озерѣ. Особенно распространенъ этотъ способъ на сѣверо-востокъ отсюда, въ окрестностяхъ Водлозера, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, начиная съ 27-го, иногда немного раньше, а иногда и позднѣе, въ продолженіе четырехъ-пяти дней или даже недѣли, на Вытегорское устье приноситъ праздная корюшка, отправляющая время любви или періодъ метанія икры. Для этого она выходитъ изъ глубины Онежскаго озера къ устьямъ рѣкъ громадными стадами, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ; выходитъ она изъ-подо льда въ рѣку уже поздно вечеромъ, около солнечнаго заката, и идетъ до восхода солнца цѣлую ночь; ее сопровождаютъ любители ея икры—колюшки, или охотники до ея мяса—щука, налимъ, палія; за нею ныряютъ въ глубину десятки гагаръ и крохалей. При самомъ устьѣ рѣки, гдѣ отъ текущей рѣчной воды образуется въ озерномъ льду большая полынья—порѣга, стада корюшки встрѣчаются однимъ или двумя неводами, а въ самой рѣкѣ—такъ называемыми заколами или огородами. Колья ставятся, начиная отъ берега по теченію воды, къ срединѣ рѣки, но такъ, что они съ берегомъ образуютъ острый уголъ; колья обтягиваются густою сѣткой, а въ глубину угла ставится большая мережка; передъ мережкою помѣщается скамейка, на которой стоитъ рыбакъ, съ саакомъ. Корюшка, избѣгая средины рѣки, идетъ около берега, гдѣ въ заколѣ или огородѣ находитъ препятствіе, почему жмется еще ближе къ бе-

регу, встрѣчаясь здѣсь съ горломъ мережки и переходя черезъ него въ вѣчный плѣнъ. Въ то же время около горла, въ узкомъ мѣстѣ угла, она набирается густо, не можетъ вся вдругъ пройдти въ мережку, и тогда со скамьи ее черпаютъ сакомъ, получая съ каждымъ его взмахомъ, черезъ каждыя одну или двѣ минуты, по 10 или 20 ф. корюшки. Во время самаго лучшаго хода корюшки мережка наполняется нѣсколько разъ; въ такихъ случаяхъ она едва выкатывается изъ воды на берегъ и даетъ до 10 и болѣе пудовъ. Такимъ образомъ, рыбацкое семейство, имѣя при устьѣ одинъ или два закола, добываетъ въ хорошій ходъ отъ 30 до 60 пудовъ корюшки въ теченіе ночи. Первоначально, когда ходъ только что начинается, рыбакъ вылавливаетъ отъ 10 до 15 пудовъ; въ такіе дни корюшка въ г. Вытегрѣ продается по 40 или 50 коп. за пудъ, но когда уловъ доходитъ до своего maximum'а, цѣна ея падаетъ даже до 10 коп. за пудъ. Одинъ или два такіе дня приносятъ праздникъ бѣдствующимъ и нищимъ; благословляютъ эти дни городскія вдовы-мѣщанки, голодающія цѣлые дни, пригородные крестьяне и т. д. На устьѣ самой р. Вытегры торжествуютъ вороны, вмѣстѣ съ другими изъ своихъ пернатыхъ собратьевъ—съ водною птицею, которая въ это время держитъ перелетъ несмѣтными стадами, привлекая къ себѣ большихъ орловъ. Но и здѣсь меньше всѣхъ торжества самимъ рыбакамъ: они проводятъ безсонныя ночи, а днемъ отправляются въ городъ съ рыбой, возвращаясь часто къ ночи на устье, дѣлая до 40 верстъ пути и таща добычу въ лодкѣ, на лямкѣ противъ теченія. Притомъ, чѣмъ больше рыбакъ тащитъ, тѣмъ ему тяжелѣе и тѣмъ меньше плата; то, что рыбаки везутъ въ городъ, скупается потомъ по большей части людьми состоятельными: корюшка сушится въ печкѣ, и сушеная продается уже за 70 коп. и болѣе за маленку [1]). Большинство крестьянъ не оставляетъ у себя рыбы и не сушитъ ея только въ надеждѣ получить скорѣе хотя малую долю денегъ; даже люди посостоятельнѣе только часть рыбы оставляютъ себѣ на сушку, для пропитанія и для продажи зимой. При устьѣ Вытегры бываетъ до 12 заколовъ, съ той и другой стороны рѣки, и если на каждый

[1] Мѣрка, въ которую идетъ до 8 ф. сухой корюшки.

положить во весь періодъ до 80 пудовъ улова, то получимъ 960 пудовъ, а если прибавить сюда еще пудовъ 40 на невода, то насчитаемъ и до 1000 пудовъ корюшки, при чемъ гибнетъ масса рыбы, такъ какъ корюшка вылавливается съ икрой. Если затѣмъ положимъ среднимъ числомъ стоимость пуда въ 30 копѣекъ, то получимъ цѣну всего улова въ 300 рублей; раздѣливъ это на число заколовъ, получимъ на каждый по 25 руб. Есть нѣсколько заколовъ, принадлежащихъ одной семьѣ; въ остальныхъ по два и по три пайщика, и для этихъ-то случаевъ заработокъ не превышаетъ 8 или 12 руб. въ недѣлю, или даже еще менѣе, такъ какъ предварительное устройство заколовъ, а также и ихъ разрушеніе, отнимаетъ время; на этотъ же счетъ нужно отнести и порчу снастей — сѣтокъ, которыми обтягиваются колья мережекъ и проч. Послѣдняя статья расхода дѣлается еще значительнѣе, потому что крестьяне обязаны подпиской не строить заколовъ при устьѣ Вытегры, такъ какъ она—рѣка судоходная; подписка постоянно встрѣчаетъ противорѣчіе, и мнѣ приходилось лично видѣть, какъ появлялись блюстители закона и рвали сѣтки съ мережками. Не смотря на весь этотъ рядъ огорченій для рыболова, ловля корюшки считается самымъ выгоднымъ промысломъ, и въ немъ участвуетъ большая часть тѣхъ людей—мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которыхъ раньше можно было встрѣтить при уженьѣ подо льдомъ. Теперь во время дня около хижинъ опять мертвая тишина, все разъѣзжается въ городъ или по домамъ до ночи.

Послѣ лова корюшки на Вытегорскомъ устьѣ становится тихо; окрестные жители рѣдко съѣзжаются сюда въ массѣ; въ первыхъ числахъ мая очищаются ото льда озера, прилежащія къ Онежскому озеру, и здѣсь открывается новое поприще для рыболововъ; во всѣхъ ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ ставятся мережки, которыхъ у большинства семействъ по двѣ, по три и болѣе. Для этихъ же рыболовческихъ цѣлей жители соединяютъ канавками озера между собою или съ рѣками. Два изъ значительныхъ озеръ, Котечное и Великое, связаны съ рѣкой Вытегрой нѣсколькими искусственными копанями (канавами): отъ Котечнаго къ р. Вытегрѣ идутъ двѣ копани, изъ которыхъ одна съ развѣтвленіями саженъ на 50 въ длину и отъ сажени до пяти въ ширину; другая приблизительно

ногахъ ихъ была лишь какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти сирены, съ завороченною кверху губой, изъ-подъ которой торчали, въ родѣ языка, голые пальцы ногъ. Видалъ я также, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платье, съ одного края до другаго; и все это за тѣ же 40 р. Старичекъ, управлявшій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ мнѣ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается уловомъ, съ чѣмъ я однако не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 руб. [1]), вмѣстѣ съ кухаркой, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и сравнительно ничтожный, а капиталистъ, не удрученный нуждой, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ.

Другой изъ неводовъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, по видимому, большею долей гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною рыбой изъ улова— мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой компаніи держались всегда подъ строгою дисциплиной, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, не смотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ-бы гордились передъ другими своимъ управителемъ, из-

[1]) По словамъ того же старичка, случается въ лѣто вылавливать до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ до 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 руб.

нихъ. Въ началѣ лѣта наростуетъ лещъ и щука, доставляющіе однако еще меньшій уловъ.

Уженье рыбы распространено въ здѣшнемъ краю мало. Къ осени начинаютъ *лучить* рыбу, то есть, ночью съ горящею лучиной на лодкѣ высматриваютъ въ водѣ стоящихъ щукъ, налимовъ и пр. и бьютъ ихъ острогой. *Сачатъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ершей, уже въ то время, когда вода становится холодною, и ерши прячутся подъ плавуны или торфяники, лежащіе на водѣ; дѣлая въ нихъ отверстія, крестьяне черпаютъ изъ воды ершей саками.

Существуетъ еще одинъ родъ рыболовнаго промысла на самомъ Онежскомъ озерѣ; но онъ доступенъ только меньшинству. Если по какому-нибудь случаю крестьяне отправляются изъ одной деревни въ другую на лодкѣ, то кормовщикъ держитъ за собою длинный и тонкій канатъ, на концѣ котораго находится крючекъ съ прикрѣпленнымъ къ нему краснымъ лоскуткомъ сукна. За такой-то крючекъ, волочащійся въ водѣ за лодкой, хватаются иногда лососи и большихъ размѣровъ. Этотъ способъ промысла употребляется и въ другихъ случаяхъ, когда рыбаки выѣзжаютъ далеко въ озеро, для другихъ цѣлей; съ меньшимъ успѣхомъ приложимъ онъ въ малыхъ озерахъ, гдѣ за крючекъ хватаются изрѣдко щуки. Затѣмъ существуетъ промыселъ *крючками*, что въ другихъ мѣстахъ Обонежья извѣстенъ подъ именемъ *продольника и масельги* [1]). Это длинный тонкій канатъ (сима), съ рядомъ прикрѣпленныхъ къ нему крючковъ на коротенькихъ ниткахъ; длина каната бываетъ больше, чѣмъ въ 1/2 версты, съ количествомъ крючковъ отъ 100 до 300. Крючки наживляются корюшкой или ряпушкой, и тогда приборъ опускается въ Онего, въ глубокихъ мѣстахъ его, на разстояніи отъ 3 до 5 верстъ отъ береговъ. Къ канату съ одной стороны привязаны камни, тяжестью которыхъ онъ погружается значительно въ воду; около этихъ же концовъ прикрѣпляются веревки съ жердями, выходящими на поверхность воды и указывающими присутствіе снасти. За крючки съ наживой берутся палія, лосось, сигъ, налимъ, окунь и пр. Этотъ способъ ловли трудный и часто опасный въ бурную и ненастную погоду, когда рыбаки теряютъ берега и подвергаются качкѣ, уже въ сѣверныхъ

[1]) *Кесслеръ*, 40.

ритоны веселья, даетъ сотни сиговъ съ икрой и въ нарядныхъ брачныхъ одеждахъ; не смотря на то, что сиги выпрыгиваютъ изъ заколдованнаго круга снастей, неводъ, обремененный добычей, едва вытаскивается изъ воды. Эти соображенія могутъ до нѣкоторой степени доказать, что правильно устроенный промыселъ рыбы на Онежскомъ озерѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточенъ (даже въ виду того факта, что количество рыбы въ озерѣ, въ большинствѣ случаевъ, годъ отъ году уменьшается), и что уловъ рыбы, среднимъ числомъ, не только въ состояніи вдвойнѣ или даже втройнѣ, смотря по году, окупить тяжелый трудъ рыбака и издержки на стоимость невода, но что при всемъ томъ онъ дастъ огромный процентъ чистаго барыша, если дѣло ведется даже на коммерческихъ началахъ.

Болѣе очевидное доказательство сейчасъ высказанному мнѣнію я нахожу на устьяхъ Водлы или Шалы, на восточномъ берегу Онега. Здѣсь, въ бытность мою въ концѣ августа, шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ для метанія икры сигъ проходный; въ ловлѣ его участвовала вся волость, въ 400 душъ мужескаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая второе четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье, и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони, онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣскольку неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи дер-

сравненно болѣе; вытягиванію невода на берегъ препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощію воротовъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго стана къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ лѣтомъ, какъ рабочіе отправлялись на ловлю послѣ четырехъ часовъ вечера и возвращались обратно около пяти или шести часовъ утра, то есть, проводили въ работѣ 13 или 14 часовъ, кромѣ того, что потомъ, по пріѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда число тонь весьма сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокры не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью. Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чернаго хлѣба, просовой каши съ конопляннымъ масломъ и сущика, то есть, изъ сушеной корюшки,—пища при подобной тяжелой работѣ вообще непитательная, такъ какъ мясо допускается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а налавливаемая рыба — никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиной мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жалованья или по 7 р. 25 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей черезъ хозяина. Вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязывается быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И признаться, дѣло такъ и случается, что черезъ недѣлю послѣ полученія, сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на

ногахъ ихъ была лишь какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти сирены, съ завороченною кверху губой, изъ-подъ которой торчали, въ родѣ языка, голые пальцы ногъ. Видалъ я также, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платье, съ одного края до другаго; и все это за тѣ же 40 р. Старичекъ, управлявшій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ мнѣ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается уловомъ, съ чѣмъ я однако не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 руб. [1]), вмѣстѣ съ кухаркой, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и сравнительно ничтожный, а капиталистъ, не удрученный нуждой, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ.

Другой изъ неводовъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, по видимому, большею долей гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться напменѣе цѣнною рыбой изъ улова— мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой компаніи держались всегда подъ строгою дисциплиной, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, не смотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ-бы гордились передъ другими своимъ управителемъ, из-

[1]) По словамъ того же старичка, случается въ лѣто вылавливать до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ до 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 руб.

вѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы вылавливается все-таки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Уловъ рыбы на Онегѣ идетъ порядочно весной, но плохъ лѣтомъ; по личнымъ наблюденіямъ мнѣ извѣстно, что одна тоня даетъ въ это время по одному или по два сига, лосось, форель, или палію да около полупуда ряпушки; такъ что рабочіе часы въ сутки приносятъ отъ полупуда до одного пуда крупной рыбы, кромѣ мелкой. Къ концу лѣта и осенью уловъ увеличивается въ 3 и 4 раза, особенно послѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, выгоняющихъ рыбу волненіемъ къ южнымъ берегамъ [1]). Въ это время въ каждую тоню сиги попадаются десятками, вмѣстѣ съ другою крупною рыбою; затѣмъ наступаетъ нарость ряпушки [2]) и сиговъ, порождающій еще большій уловъ. Тѣ же сильные вѣтры съ озера, или по отношенію къ берегамъ при устьѣ Вытегры, съ сѣвера и сѣверо-запада, производя сильное волненіе, наносятъ на берега сиговую икру въ такомъ количествѣ, что даже окрестные крестьяне собираютъ ее ведрами, какъ это было, напримѣръ, въ 1870 году. Притомъ крестьяне, весьма хорошо знакомые съ дѣломъ, разсказываютъ, что около Петропавловскаго мыса и Андомы, а слѣдовательно, и при устьѣ Вытегры, по лудамъ и песчанымъ отмелямъ, слышится иногда въ темныя сентябрьскія ночи страшный шумъ и плескъ въ водѣ, приписываемый неопытными рыбаками игрѣ водяника. Но тоня, искусно заброшенная въ подобныя

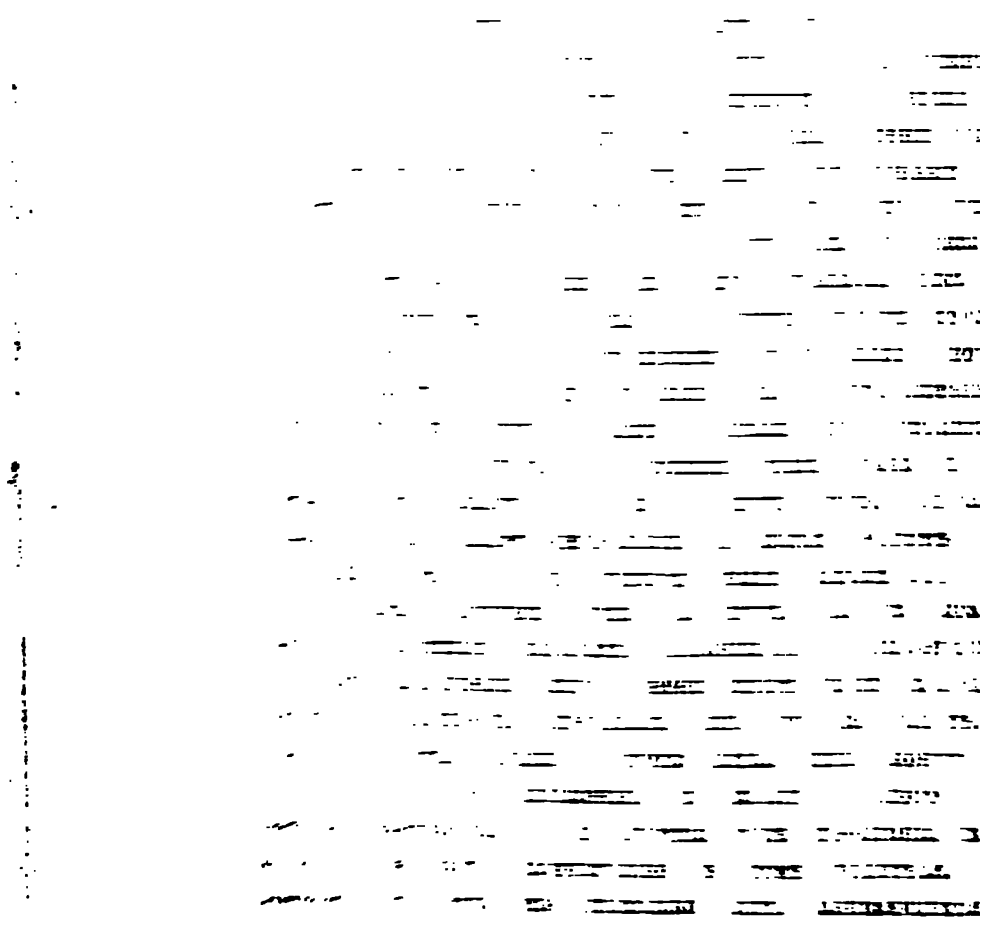
---

[1]) При устьѣ Суны, Петрозаводскаго уѣзда, особенно въ то время, когда вѣтеръ съ моря, попадается иногда въ мережки до 1000 сиговъ въ день; въ сакахъ до 20,000 сиговъ по 22 на пудъ; въ Петрозаводскѣ цѣна Сунскаго сига отъ 15 до 25 коп. Въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что составитъ 6,000 руб. за 20,000 сиговъ (См. Олонецк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 44).

[2]) Нѣкоторые изъ мѣстностей на Онегѣ привлекаютъ особенное вниманіе Олонецкихъ рыбаковъ, благодаря ряпушкѣ; на островахъ Мягъ-островѣ и Сало-самѣ собираются въ сентябрѣ рыбаки въ громадномъ количествѣ, имѣя въ распоряженіи до 500 разнаго рода неводовъ, при чемъ случается иногда въ одну тоню невода (керевода) захватывать до 40 пудовъ ряпушки. См. *К. Кесслеръ*, стр. 38.

ства въ такомъ складѣ жизни, крестьяне не могли однако отчетливо выяснить себѣ причинъ его, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и знаній; но иногда они какъ-бы экспериментально рѣшали эти задачи, не оцѣнивая въ то же время практическаго значенія своихъ рѣшеній. Такъ, нѣкоторые изъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, особенно Водлозёры, говорили мнѣ, что они все собираются отправиться на ловлю рыбы къ С.-Петербургу, въ Финскій заливъ, полагая, что тамъ легче можно добыть денегъ, потому что рыбы больше, какъ это извѣстно имъ отъ бывшихъ тамъ земляковъ; при этомъ они имѣли въ виду гораздо большее совершенство своихъ способовъ ловли, сравнительно съ распространенными на водахъ Балтійскихъ. Озерецковскій въ свое время, въ 1785 г., зналъ о подобныхъ же примѣрахъ, но уже осуществившихся, и признавая дѣйствительно больше выгоды отъ рыболовства въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ около Онега, объясняетъ ихъ нѣсколько иначе. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ жителей села Щелеекъ (на берегу Онежскаго озера, не далеко отъ истока Свири) каждую весну ѣздятъ въ С.-Петербургъ на лодкахъ съ воротницами или кереводами для рыбной ловли при устьѣ Невы, гдѣ живутъ недѣль по пяти и болѣе, пока въ жительствахъ ихъ не начнутся полевыя работы. А когда сіи приближаться станутъ, то продаютъ Маймистамъ свои воротницы и лодки, и пѣшіе домой возвращаются. Хотя они и справедливо, можетъ быть, утверждаютъ, что больше попадается рыбы въ Финскомъ заливѣ, нежели въ Онежскомъ озерѣ, однако причиною ѣзды ихъ сюда наипаче то, что при устьѣ Невы имѣютъ кому продавать пойманную рыбу; ибо каждое утро множество наѣзжаетъ къ нимъ прасоловъ, которые, ссорясь между собою, за большія деньги скупаютъ у нихъ рыбу, такъ что рыбаки сами дивятся ихъ зависти и не понимаютъ, за что имъ столь много платятъ они денегъ. Въ Щелейкахъ разговаривалъ я о семъ съ тѣми самыми людьми, которые въ началѣ лѣта 1785 года ловили рыбу въ Финскомъ заливѣ, гдѣ пробывъ мѣсяцъ, каждый изъ нихъ возвратился домой съ тридцатью рублями единственно на рыбѣ добытыми“ [1]).

[1]) *Н. Озерецковскій.* Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1792.



женіемъ большинства крестьянъ деньгами, хлѣбомъ или всякими другими товарами, подъ всѣ продукты ихъ промысловъ—звѣринаго, а главнымъ образомъ, рыбнаго. Принимая задатокъ, крестьянинъ обязуется сдавать сиговъ непремѣнно своему кредитору, именно по 10 коп. за каждую штуку. Такимъ образомъ, вся рыба, ежедневно вылавливаемая во второй половинѣ августа и частію въ сентябрѣ, при устьѣ Водлы, въ количествѣ 425 штукъ сиговъ, приноситъ крестьянамъ 42 р. 50 коп.; если въ продолженіе каждыхъ сутокъ въ ловлѣ участвуютъ представители отъ 200 душъ, то получится на каждую по 21¼ коп. суточнаго заработка. По разнымъ причинамъ не вся волость участвуетъ въ ловлѣ, такъ что заработокъ можетъ быть нѣсколько выше. Выше онъ можетъ быть еще потому, что по рѣкѣ, въ разныхъ ея мѣстахъ, разставлено много самоловныхъ сѣтей; по приблизительному опредѣленію, этихъ сѣтей около 100; въ нѣкоторыя по временамъ попадается отъ 15 до 50 сиговъ въ ночь; за то другія остаются пустыми; если положить среднимъ числомъ на каждую по 2 сига въ ночь, то получимъ 200 штукъ, что̀ увеличитъ суточный заработокъ на 20 руб. Разница та, что всякій хозяинъ ставитъ неограниченное число сѣтей; многіе совсѣмъ ихъ не ставятъ, особенно живущіе въ отдаленіи; бѣдный ставитъ ихъ меньше, нежели сколько-нибудь состоятельный. Но во всякомъ случаѣ, если даже принять общую заработную плату на душу въ 30 коп. въ день, то и этого будетъ слишкомъ мало, и большая часть выгоды отъ рыболовства падетъ не на тѣхъ, кто имъ занимается, а на тѣхъ, кто скупаетъ рыбу, то есть, на одного или нѣсколькихъ человѣкъ, которые не проводятъ безсонныхъ ночей въ упорномъ и тяжеломъ трудѣ. Если принять Онежскаго проходнаго сига въ 20 коп., то на каждомъ сигѣ скупщикъ будетъ наживать по 10 же коп., что̀ и составитъ барышъ въ 100% на капиталъ, или рубль на рубль [1]). Но такъ какъ рыба засаливается скупщиками, а въ С.-Петербургѣ ладожскіе соленые сиги стоятъ около 30 коп. за штуку, онежскіе же, по мнѣнію ры-

---

[1]) Уже г. Р—въ указываетъ на то, что большинство сортовъ рыбы имѣетъ двойную цѣну на мѣстахъ сбыта, сравнительно съ мѣстною. См. статью г. *Р—ва* въ Пам. кн. Олон. губ., 1866 г.

боторговцевъ лучше ладожскихъ, то прасолы имѣли бы полную возможность увеличить процентъ по крайней мѣрѣ до 120 или 130, очистивъ стоимость за доставку и давъ возможность нажиться петербургскимъ торговцамъ рыбою на 50%, чего обыкновенно не бываетъ, такъ какъ прасолы съ Ладожскаго озера дѣлаютъ уступку петербургскимъ торговцамъ только въ 10%. Но выгода возрасла бы до громадныхъ размѣровъ, еслибы скупщики рыбы съ Водлы нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ и понятія [1]), въ С.-Петербургъ, гдѣ стоимость живого сига простирается отъ 40 до 75 коп., а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на наиболѣе высокую цѣну, такъ какъ ихъ величина колеблется отъ 1½ и 2 фунтовъ до 5 ф. Итакъ, если Шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недальновидности и невѣжеству.

Трудность сбыта продуктовъ промысла непосредственно потребителямъ тяготила всегда крестьянъ, и они всѣмъ складомъ своей жизни поставлены въ необходимость сталкиваться только съ своими же болѣе богатыми собратьями, часто безсознательно впадающими въ ошибки и въ эксплуатацію. Такое отношеніе массы къ меньшинству, переходящее въ зависимость, замѣчено повсюду и многими путешествовавшими по Олонецкой губерніи. Вотъ, напримѣръ, слова профессора Кесслера: „Почти въ каждомъ селѣ или въ каждой мѣстности есть одинъ крестьянинъ, или два-три крестьянина, которые значительно богаче другихъ и въ извѣстномъ смыслѣ разыгрываютъ роль помѣщиковъ. Къ нимъ частенько болѣе бѣдные крестьяне, по недостатку въ другихъ заработкахъ, вынуждены бываютъ наниматься въ работники по самой низкой цѣнѣ; они же обыкновенно ведутъ продажу муки и другихъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ по цѣнѣ сравнительно очень высокой, и вообще пользуются въ своемъ околодкѣ сильнымъ вліяніемъ и безотчетною властью“ [2]). Чувствуя неудоб-

[1]) По сообщеніямъ г. Р—ва, рыба доставляется на судахъ въ С.-Петербургъ.

[2]) *К. Кесслеръ*, 8.

ства въ такомъ складѣ жизни, крестьяне не могли однако отчетливо выяснить себѣ причинъ его, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и знаній; но иногда они какъ-бы экспериментально рѣшали эти задачи, не оцѣнивая въ то же время практическаго значенія своихъ рѣшеній. Такъ, нѣкоторые изъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, особенно Водлозёры, говорили мнѣ, что они все собираются отправиться на ловлю рыбы къ С.-Петербургу, въ Финскій заливъ, полагая, что тамъ легче можно добыть денегъ, потому что рыбы больше, какъ это извѣстно имъ отъ бывшихъ тамъ земляковъ; при этомъ они имѣли въ виду гораздо большее совершенство своихъ способовъ ловли, сравнительно съ распространенными на водахъ Балтійскихъ. Озерецковскій въ свое время, въ 1785 г., зналъ о подобныхъ же примѣрахъ, но уже осуществившихся, и признавая дѣйствительно больше выгоды отъ рыболовства въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ около Онега, объясняетъ ихъ нѣсколько иначе. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ жителей села Щелеекъ (на берегу Онежскаго озера, не далеко отъ истока Свири) каждую весну ѣздятъ въ С.-Петербургъ на лодкахъ съ воротницами или кереводами для рыбной ловли при устьѣ Невы, гдѣ живутъ недѣль по пяти и болѣе, пока въ жительствахъ ихъ не начнутся полевыя работы. А когда сіи приближаться станутъ, то продаютъ Маймистамъ свои воротницы и лодки, и пѣшіе домой возвращаются. Хотя они и справедливо, можетъ быть, утверждаютъ, что больше попадается рыбы въ Финскомъ заливѣ, нежели въ Онежскомъ озерѣ, однако причиною ѣзды ихъ сюда наипаче то, что при устьѣ Невы имѣютъ кому продавать пойманную рыбу; ибо каждое утро множество наѣзжаетъ къ нимъ прасоловъ, которые, ссорясь между собою, за большія деньги скупаютъ у нихъ рыбу, такъ что рыбаки сами дивятся ихъ зависти и не понимаютъ, за что̀ имъ столь много платятъ они денегъ. Въ Щелейкахъ разговаривалъ я о семъ съ тѣми самыми людьми, которые въ началѣ лѣта 1785 года ловили рыбу въ Финскомъ заливѣ, гдѣ пробывъ мѣсяцъ, каждый изъ нихъ возвратился домой съ тридцатью рублями единственно на рыбѣ добытыми“ [1]).

[1]) *Н. Озерецковскій.* Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1792.

Отсюда видно, какъ простодушно относились крестьяне къ предметамъ своего промысла въ старину; это же простодушіе нерѣдко можно замѣтить и до сихъ поръ. И притомъ, если изобиліе рыбы не приноситъ богатства крестьянамъ или даже не окупаетъ достаточно трудъ ихъ, то тѣмъ болѣе это ощутительно въ случаяхъ скудости рыбы. Вытегорская земская управа указываетъ на то, что рыболовство во время зимы на озерѣ Лачѣ не только не приноситъ рыбакамъ выгоды, но даже вполнѣ для нихъ убыточно [1]). Не говоря о другихъ пунктахъ, гдѣ болѣе или менѣе кипитъ рыболовческая дѣятельность, въ родѣ устья Свири, а также другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, вмѣстѣ съ его салмами и островами, особенно въ сѣверныхъ частяхъ озера, гдѣ я не былъ,— скажу еще нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Вытегорскаго устья. Какъ я уже замѣтилъ, изъ здѣшнихъ жителей только меньшинство участвуетъ въ лѣтнихъ и частію осеннихъ промыслахъ на Онежскомъ озерѣ, особенно въ неводьбѣ, хотя невода и имѣются во многихъ деревняхъ; но это невода по большей части такіе, которые могутъ быть съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ употребляемы только на малыхъ озерахъ, гдѣ ловятся тѣ же рыбы, что и въ мережки: это плотва, лещи, язи, налимы, щуки, ерши, окуни, судаки, частію корюшка и ряпушка; здѣсь уже нѣтъ ни сиговъ, ни лососей, ни форели, ни палiи и пр. Въ средѣ крестьянъ особенное затишье въ рыболовствѣ лѣтомъ; въ это время имѣющіе неводъ проводятъ цѣлые дни въ полевыхъ работахъ, и только возвращаясь вечеромъ домой, усталые, берутся за неводъ, чтобы добыть себѣ что-нибудь на ужинъ; эту работу исполняютъ въ большинствѣ случаевъ женщины. Хотя крестьянскіе невода не велики, но все-таки требуютъ значительнаго времени, чтобы быть закинутыми и вытянутыми на берегъ; по обыкновенію закидывается въ вечеръ нѣсколько тоней, и всѣ онѣ вознаграждаются нѣсколькими раками, которыхъ крестьяне выбрасываютъ, и двумя-тремя десятками ершей, которыхъ едва достаточно на уху. При такого

года стр. 156. На подобные же, по видимому, факты указываетъ *Бернштрессер*, см. его Опытъ описанія Олон. губ. стр., 100.

[1]) Журналы Вытегорскаго уѣзда, очереди. земск. собранія, 1869 г. стр. 77.

вѣроятно, такое же количество корюшки вылавливается осенью и зимой на ямахъ изъ-подо льда. На мѣстѣ пудъ корюшки стоитъ до 1 руб. въ сухомъ видѣ. Въ мѣстахъ, куда она доставляется и гдѣ продается, пудъ стоитъ до 3 или 4 руб. 50 к.; такими мѣстами сбыта служатъ для Водлозёровъ зимою мѣстности около Ошты или весной Каргопольскій уѣздъ, гдѣ сбытъ менѣе выгоденъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ выпадаетъ, что ловецъ въ самый небольшой весенній промежутокъ времени добываетъ корюшки до 120 пудовъ. Осенью ловится въ значительномъ количествѣ ряпушка, такъ что уходитъ на продажу до 100 пудовъ ея икры; считая одинъ пудъ икры на 10 пудовъ рыбы, найдемъ, что ряпушки вылавливается не менѣе 1,000 пудовъ. Вмѣстѣ съ ряпушкой и корюшкой ловятся сиги, особенно осенью, и карповыя рыбы—лещи, язи, плотва и пр.—весной.

Послѣ весенняго улова, въ Каргопольскій уѣздъ, на ярмарки Ивановскую и Троицкую, идетъ до 40 лодокъ рыбы съ Водлозера. Каждая лодка вмѣщаетъ по 10 возовъ, въ возу по 20 пудовъ, слѣдовательно, въ это время идетъ до 8,000 пудовъ сухой и соленой рыбы. По разсказамъ крестьянъ, за это количество рыбы получается на ярмаркахъ до 6,000 руб., что, можетъ быть, ниже дѣйствительной суммы [1]). Отъ осенняго улова вывозится въ окрестности Ошты преимущественно корюшка, частію ряпушка и ея икра; за эту рыбу получается до 5,000 руб., сумма, которая тоже, вѣроятно, гораздо ниже дѣйствительной. Вообще нужно положить, что количество вылавливаемой на продажу рыбы бываетъ не меньше 15,000 пудовъ, и что въ продажѣ, на мѣстѣ потребленія, пудъ ея не бываетъ среднимъ числомъ ниже 1 рубля. Притомъ можно вполнѣ согласиться, что большая часть дохода отъ улова падаетъ и здѣсь не на самихъ ловцовъ, а на ограниченный кругъ посредниковъ между ними и потребителями.

---

[1]) Большая часть рыбы соленая; бочка въ 10 пудовъ идетъ за 10 руб.; но бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что бочка большихъ соленыхъ щукъ, вѣсомъ до 8—9 пудовъ, стоитъ до 4 руб. Такимъ образомъ, по выкладкамъ нѣкоторыхъ туземцевъ, считающихъ пудъ рыбы въ 50 коп., всего получается денегъ, или вмѣсто ихъ товаровъ (преимущественно хлѣба), на 4,000 руб.

Многіе изъ крестьянъ только часть своего весенняго улова сбываютъ лично въ Каргопольскомъ уѣздѣ, закупая хлѣбъ или вымѣнивая его на рыбу. Въ большинствѣ случаевъ богатые, запасаясь хлѣбомъ, даютъ его подъ рыбу копѣекъ на 10 или 20 дороже существующихъ цѣнъ съ пуда, а рыбу ставятъ на такое же количество денегъ копѣекъ на 10 или 20 дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 коп. Малёнка [1]) ершей идетъ за 40 коп.; малёнка плотвы — въ 20—30 коп. За пудъ хлѣба берутъ до 4—6 пудовъ рыбы. Кредитъ крестьянамъ допускается въ 20—30 руб. Въ случаѣ повышенія цѣны на рыбу уплата за забранное производится рыбою по старой цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита.

Общее количество вылавливаемой въ Водлозерѣ рыбы, по видимому, весьма велико. Но этотъ фактъ не служитъ еще доказательствомъ изобилія рыбы; скорѣе онъ зависитъ отъ того постоянства, съ которымъ Водлозёры вертятся около водъ, съ ловушками и снастями. На островѣ Пёлгостровѣ я видѣлъ старушку, лѣтъ 70, которая ежедневно, вмѣстѣ съ своею невѣсткой, ловила ершей около своего острова; съ половины мая до второй половины іюля она наловила въ прокъ 30 малёнокъ, стоимость которыхъ опредѣляла въ 15 рублей. Итакъ, среднимъ числомъ пришлось на каждую изъ ловившихъ по 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Занимающіеся съ гораздо большимъ постоянствомъ и продолжительностью (напримѣръ, въ д. Гумаръ-Наволокѣ) вылавливаютъ до 60 малёнокъ рыбы въ сезонъ, что приноситъ около 30 руб. зароботка за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на Кёлкъозерѣ, ловъ уходитъ за 100 малёнокъ въ сезонъ, что приносятъ рублей 50 на семейство. Притомъ, снастей въ годъ нужно рублей на 8. Лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, жители постоянно выѣзжаютъ на озеро съ пяти часовъ вечера и до ночи, часовъ до 10 и болѣе. Къ осени промыселъ увеличивается, времени въ ловлѣ проводится еще больше, и такъ бываетъ до самой зимы, когда начинается наиболѣе дѣятельная работа — неводьба подо льдомъ.

[1]) Мѣрка, вмѣщающая себѣ около пуда сырой ржи. Сухой мелкой рыбы идетъ въ малёнку отъ 8 до 13 фунтовъ.

гахъ ихъ была лишь какая-то пародія на обувь; по выходѣ
ъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти
рены, съ завороченною кверху губой, изъ-подъ которой торчали,
родѣ языка, голые пальцы ногъ. Видалъ я также, какъ по празд-
икамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платье,
одного края до другаго; и все это за тѣ же 40 р. Старичекъ,
равлявшій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контроли-
вавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною,
стойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ мнѣ, что
и всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается
овомъ, съ чѣмъ я однако не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ
лѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки
осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ
о расходъ на жалованье имъ около 300 руб. [1]), вмѣстѣ съ ку-
ркой, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный
сравнительно ничтожный, а капиталистъ, не удрученный нуж-
й, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ.
Другой изъ неводовъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу,
обладавшему, по видимому, большею долей гуманности. Этотъ не-
ъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились
ъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получа-
не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не
нились по пустому на безрыбьи при озерѣ и возвращались съ
вными признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозя-
ъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позво-
ли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною рыбой изъ улова—
ткими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія меж-
рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой
паніи держались всегда подъ строгою дисциплиной, ибо упра-
ющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго со-
вія; и при всемъ томъ, не смотря на всю невыгоду условій, ры-
и какъ-бы гордились передъ другими своимъ управителемъ, из-

[1]) По словамъ того же старичка, случается въ лѣто вылавливать до 8 штукъ
лядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ до 18 фунтовъ,
орая стоила до 40 или 50 руб.

вѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы вылавливается все-таки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Уловъ рыбы на Онегѣ идетъ порядочно весной, но плохъ лѣтомъ; по личнымъ наблюденіямъ мнѣ извѣстно, что одна тоня даетъ въ это время по одному или по два сига, лосось, форель, или палію да около полупуда ряпушки; такъ что рабочіе часы въ сутки приносятъ отъ полупуда до одного пуда крупной рыбы, кромѣ мелкой. Къ концу лѣта и осенью уловъ увеличивается въ 3 и 4 раза, особенно послѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, выгоняющихъ рыбу волненіемъ къ южнымъ берегамъ [1]). Въ это время въ каждую тоню сиги попадаются десятками, вмѣстѣ съ другою крупною рыбою; затѣмъ наступаетъ паростъ ряпушки [2]) и сиговъ, порождающій еще большій уловъ. Тѣ же сильные вѣтры съ озера, или по отношенію къ берегамъ при устьѣ Вытегры, съ сѣвера и сѣверо-запада, производя сильное волненіе, наносятъ на берега сиговую икру въ такомъ количествѣ, что даже окрестные крестьяне собираютъ ее ведрами, какъ это было, напримѣръ, въ 1870 году. Притомъ крестьяне, весьма хорошо знакомые съ дѣломъ, разсказываютъ, что около Петропавловскаго мыса и Андомы, а слѣдовательно, и при устьѣ Вытегры, по лудамъ и песчанымъ отмелямъ, слышится иногда въ темныя сентябрьскія ночи страшный шумъ и плескъ въ водѣ, приписываемый неопытными рыбаками игрѣ водяника. Но тоня, искусно заброшенная въ подобные

---

[1]) При устьѣ Суны, Петрозаводскаго уѣзда, особенно въ то время, когда вѣтеръ съ моря, попадается иногда въ мережки до 1000 сиговъ въ день; въ садкахъ до 20,000 сиговъ по 22 на пудъ; въ Петрозаводскѣ цѣна Сунскаго сига отъ 15 до 25 коп. Въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что составитъ 6,000 руб. за 20,000 сиговъ (См. Олонецк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 44).

[2]) Нѣкоторые изъ мѣстностей на Онегѣ привлекаютъ особенное вниманіе Олонецкихъ рыбаковъ, благодаря ряпушкѣ; на островахъ Мягъ-островѣ и Сало-салмѣ собираются въ сентябрѣ рыбаки въ громадномъ количествѣ, имѣя въ распоряженіи до 500 разнаго рода неводовъ, при чемъ случается иногда въ одну тоню невода (керевода) захватывать до 40 пудовъ ряпушки. См. *К. Кесслеръ*, стр. 38.

притоны веселья, даетъ сотни сиговъ съ икрой и въ нарядныхъ брачныхъ одеждахъ; не смотря на то, что сиги выпрыгиваютъ изъ заколдованнаго круга снастей, неводъ, обремененный добычей, едва вытаскивается изъ воды. Эти соображенія могутъ до нѣкоторой степени доказать, что правильно устроенный промыселъ рыбы на Онежскомъ озерѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточенъ (даже въ виду того факта, что количество рыбы въ озерѣ, въ большинствѣ случаевъ, годъ отъ году уменьшается), и что уловъ рыбы, среднимъ числомъ, не только въ состояніи вдвойнѣ или даже втройнѣ, смотря по году, окупить тяжелый трудъ рыбака и издержки на стоимость невода, но что при всемъ томъ онъ дастъ огромный процентъ чистаго барыша, если дѣло ведется даже на коммерческихъ началахъ.

Болѣе очевидное доказательство сейчасъ высказанному мнѣнію я нахожу на устьяхъ Водлы или Шалы, на восточномъ берегу Онега. Здѣсь, въ бытность мою въ концѣ августа, шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ для метанія икры сигъ проходный; въ ловлѣ его участвовала вся волость, въ 400 душъ мужескаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая второе четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье, и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони, онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣскольку неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи дер-

вано; останется онъ глухъ къ голосу природы,—тогда рядъ неудач и препятствій будетъ давить его на каждомъ шагу, и жизнь такого человѣка омрачится тѣмъ колоритомъ, подъ покровомъ котораго мы съ трудомъ отыщемъ что-нибудь утѣшительное. Слѣды этого послѣдняго обстоятельства, къ сожалѣнію, бросаются намъ въ глаза на жителяхъ Олонецкой губерніи. Они одинаково замѣтны какъ на скотоводствѣ, такъ и на хлѣбопашествѣ; и мнѣ не первому приходится указывать на бѣдственное состояніе этихъ отраслей хозяйства въ здѣшнемъ краѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если остановиться на скотоводствѣ въ Олонецкой губерніи, то найдемъ, что въ новѣйшій періодъ времени оно почти не измѣнилось; количество домашнихъ животныхъ за послѣдніе и за сороковые года представляетъ самую ничтожную разницу, если при этомъ давать какое-либо значеніе имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Въ цифровыхъ данныхъ важно не абсолютное, а относительное значеніе; изъ нихъ мы, по крайней мѣрѣ, усматриваемъ фактъ, что весьма часто общее количество скота въ предшествующіе года было больше, чѣмъ въ послѣдующіе. Еще Пушкаревъ указывалъ, что количество скота, за исключеніемъ свиней, постоянно уменьшалось съ 1842 по 1844 г. Въ 1842 году считалось въ Олонецкой губерніи 51,794 лошади; въ 1844 г. было только 49,119, слѣдовательно, на 2,675 головъ менѣе; коровъ въ 1842 году считалось 101,954, а къ 1844 году осталось 81,972, то есть, произошло уменьшеніе на 19,982 головы [1]). Затѣмъ, обращаясь къ Штукенбергу, собравшему статистическія данныя изъ всѣхъ имѣвшихся источниковъ, я долженъ сказать, что, напримѣръ, за 1846 годъ количество овецъ преувеличено у него на столько [2]), что самую цифру можно принять только за вымыселъ первоначальнаго составителя или за опечатку, и что далѣе, на слѣдующей страницѣ, онъ приводитъ, на основаніи Дашкова [3]), тѣ же преувеличенныя и вполнѣ ошибочныя данныя объ общемъ

---

[1]) *Пушкаревъ*, Описаніе Россійской Имп. Т. I, Олон. губ., стр. 55.

[2]) *Штукенбергъ*, Статистическіе труды, ст. VII, Опис. Олон. губ., стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14, примѣч. 34. Ср. *Дашкова*, Описаніе Олон. губ., стр. 79—81.

количествѣ скота въ губерніи, которыя далеко раньше, при первомъ ихъ появленіи у Бергштрессера, опровергъ Пушкаревъ [1]). Данныя о количествѣ лошадей постояннѣе: за 1846 годъ ихъ считалось 49,509, или по другимъ источникамъ,—49,569 шт. [2]). Въ 1848 году лошадей считалось 49,551 [3]); слѣдовательно, количество лошадей увеличилось на нѣсколько десятковъ или даже уменьшилось. Но за 1850 годъ показано на всю губернію 47,894 лошадей [4]), то есть, произошло уменьшеніе, даже сравнительно съ 1844 годомъ, на 1,225 штукъ. Такимъ образомъ, количество лошадей за 9 лѣтъ, съ 1842 г. по 1850, уменьшилось на 3,903 штуки. Данныхъ за пятидесятые года у меня подъ рукой не имѣется, кромѣ относящихся до 1858 года [5]). Здѣсь мы находимъ количество лошадей увеличившимся до 57,679 шт.; прибавилось съ 1850 года, въ теченіе 8 лѣтъ, около 10,000 головъ, что крайне мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе года мы снова видимъ уменьшеніе въ числѣ лошадей. Такъ, въ 1862 году считалось уже 56,057 [6]), на 1,622 штуки менѣе противъ 1858 года; за 1863 годъ [7]) количество лошадей показано 53,891 штукъ, на 2,166 штуки менѣе предшествовавшаго. По офиціальнымъ даннымъ 1862 и 1863 гг., на 100 человѣкъ жителей считалось слѣдующее количество домашняго скота:-

	1862 г. [8])	1863 г. [9])
Лошадей	18,83	18,16
Рогатаго скота	35,35	35,06
Овецъ	31,03	30,10
Свиней	3,58	20,50

---

[1]) *Пушкаревъ*, 54.
[2]) *Штукенбергъ*, стр. 13—14.
[3]) Тамъ же, и Олонец. губ. вѣд. № 37.
[4]) Тамъ же, стр. 14.
[5]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1860 г., стр. 266.
[6]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 42.
[7]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.
[8]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 43.
[9]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

Отсюда видно, какъ простодушно относились крестьяне къ предметамъ своего промысла въ старину; это же простодушіе нерѣдко можно замѣтить и до сихъ поръ. И притомъ, если изобиліе рыбы не приноситъ богатства крестьянамъ или даже не окупаетъ достаточно трудъ ихъ, то тѣмъ болѣе это ощутительно въ случаяхъ скудости рыбы. Вытегорская земская управа указываетъ на то, что рыболовство во время зимы на озерѣ Лачѣ не только не приноситъ рыбакамъ выгоды, но даже вполнѣ для нихъ убыточно [1]). Не говоря о другихъ пунктахъ, гдѣ болѣе или менѣе кипитъ рыболовческая дѣятельность, въ родѣ устья Свири, а также другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, вмѣстѣ съ его салмами и островами, особенно въ сѣверныхъ частяхъ озера, гдѣ я не былъ,— скажу еще нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Вытегорскаго устья. Какъ я уже замѣтилъ, изъ здѣшнихъ жителей только меньшинство участвуетъ въ лѣтнихъ и частію осеннихъ промыслахъ на Онежскомъ озерѣ, особенно въ неводьбѣ, хотя невода и имѣются во многихъ деревняхъ; но это невода по большей части такіе, которые могутъ быть съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ употребляемы только на малыхъ озерахъ, гдѣ ловятся тѣ же рыбы, что̀ и въ мережки: это плотва, лещи, язи, налимы, щуки, ерши, окуни, судаки, частію корюшка и ряпушка; здѣсь уже нѣтъ ни сиговъ, ни лососей, ни форели, ни палiи и пр. Въ средѣ крестьянъ особенное затишье въ рыболовствѣ лѣтомъ; въ это время имѣющіе неводъ проводятъ цѣлые дни въ полевыхъ работахъ, и только возвращаясь вечеромъ домой, усталые, берутся за неводъ, чтобы добыть себѣ что-нибудь на ужинъ; эту работу исполняютъ въ большинствѣ случаевъ женщины. Хотя крестьянскіе невода не велики, но все-таки требуютъ значительнаго времени, чтобы быть закинутыми и вытянутыми на берегъ; по обыкновенію закидывается въ вечеръ нѣсколько тоней, и всѣ онѣ вознаграждаются нѣсколькими раками, которыхъ крестьяне выбрасываютъ, и двумя-тремя десятками ершей, которыхъ едва достаточно на уху. При такого

года стр. 156. На подобные же, по видимому, факты указываетъ *Бергштрессеръ*, см. его Опытъ описанія Олон. губ. стр., 100.

[1]) Журналы Вытегорскаго уѣзда, очередн. земск. собранія, 1869 г. стр. 77.

скота въ 1868 и 1869 годахъ [1]). Сибирская язва сильно свирѣпствовала въ 1870 году; въ это время одинъ Вытегорскій уѣздъ потерялъ до 1,087 головъ разнаго скота; наиболѣе сильнымъ развитіемъ отличается сибирская язва на Маріинскомъ каналѣ, гдѣ изнуреніе домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, доходитъ до высшей степени.

Коренныя причины этого страшнаго бича скотоводства мало извѣстны; впрочемъ, давно замѣчено, что распространеніе сибирской язвы тѣсно связано съ болотистыми мѣстностями; затѣмъ болѣзнь приписывается болотистымъ пастбищамъ, поднимающемуся съ болотъ удушливому пару, дѣйствующему на животныхъ [2]); новѣйшія изслѣдованія также признаютъ вліяніе болотъ на появленіе болѣзни, но даютъ нѣсколько иное объясненіе путямъ, по которымъ болота зловредно дѣйствуютъ на организмъ: именно предполагается, что болота заразительно дѣйствуютъ на домашній скотъ черезъ образованіе ульминовыхъ веществъ; зараженію способствуетъ жаркая погода [3]). Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были скрыты коренныя внутреннія причины сибирской язвы, а также и другихъ подобныхъ болѣзней, вредъ, причиняемый ею домашнему скоту, достигаетъ громадныхъ размѣровъ, и она служитъ одною изъ непреоборимыхъ причинъ къ развитію нищеты въ крестьянскомъ населеніи. Жаль видѣть поселянина, у котораго падежъ отнимаетъ послѣднюю лошадь или корову, лишая его возможности вспахать затѣмъ пашню или вскормить дитя. Притомъ, послѣ вышесказаннаго, мы должны видѣть въ сибирской же язвѣ косвенное вліяніе сѣверныхъ болотъ на состояніе сельскаго хозяйства.

Не менѣе страшными врагами домашняго скота нужно считать для здѣшняго края и хищныхъ животныхъ—волковъ и медвѣдей; всѣ естественныя условія сложились такъ, что домашній скотъ здѣшнихъ поселянъ разводится какъ будто главнымъ образомъ

---

[1]) Журналы Олон. губ. земскаго собранія 1869 г., прилож., стр. 26. Журналы Вытегор. очередн. земск. собранія, стр. 137—146.

[2]) *Берштрессеръ*, стр. 82.

[3]) *Гриммъ*, Отчетъ по изслѣдованію сибирской язвы, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп., т. III, стр. 64—72.

вверхъ по рѣкѣ сигъ, такъ весной идутъ изъ него многіе другіе виды—лосось, язи, харьюсъ, щука, окунь, лещи и плотва. Уже около самого устья Водлы лосося вылавливается до 150 пудовъ, а по другимъ извѣстіямъ—до 400 пудовъ [1]). Кромѣ самаго устья, вверхъ по Водлѣ, около деревни Подпорожья, устроено еще болѣе препятствій для прохода рыбъ. Здѣсь въ порогахъ, гдѣ вода круто и быстро падаетъ, рѣка почти во всю свою ширину, кромѣ ничтожнаго промежутка по срединѣ, перегорожена заколами; множество мердъ и мережекъ ожидаютъ здѣсь рыбу, и уловъ достигаетъ большихъ размѣровъ; самое мѣсто составляетъ собственность духовнаго вѣдомства и арендуется за большую сумму денегъ. Такого же рода преграды рыба встрѣчаетъ при поднятіи въ верховья рѣки или при обратномъ ходѣ во многихъ другихъ порогахъ, которые весьма многочисленны по Водлѣ; примѣромъ можетъ служить порогъ Падунъ, около котораго находится деревня того же имени. Здѣсь, среди гнейсовыхъ воротъ, пробитыхъ быстрымъ теченіемъ рѣчныхъ водъ, устроены также заѣздки съ ловушками, и въ нихъ жители деревни ловятъ рыбу, чередуясь поденно. Они уже жалуются на то, что снизу, отъ Онега, приходитъ къ нимъ рыба весьма мало; но при всемъ томъ они, по видимому, не сидятъ безъ рыбы. Верстъ на 25 еще выше по теченію Водлы мы встрѣчаемся наконецъ съ самымъ Водлозеромъ, обитатели котораго являются наиболѣе усердными рыболовами.

Водла вытекаетъ изъ Водлозера двумя рукавами, однимъ небольшимъ, лежащимъ на сѣверѣ и называющимся собственно Волой, и другимъ, находящимся южнѣе и носящимъ названіе Вамы. Этотъ рукавъ уже при самомъ своемъ истокѣ является большою, многоводною и быстрою рѣкою, представляющею на протяженіи верстъ 20 до 17 пороговъ. Здѣсь, при истокѣ рѣки или при устьѣ, какъ говорятъ сами жители, весной и осенью производится крестьянами окрестныхъ деревень Вамы, Чуялы, Вавдиполя и пр. значительный промыселъ частію лосося, главнымъ же образомъ сиговъ, харьюсовъ, которые въ другой рукавъ — Водлу не заходятъ.

---

[1]) *П. Р—въ.* Матеріалы для изученія рыболовства и охоты въ Олонецкой губерніи въ Памятной книжкѣ Олонецкой губерніи за 1866 годъ.

При истокѣ Вамы существуетъ также нѣсколько тонь, ловля на которыхъ ведется крестьянами на такихъ же основаніяхъ, какъ и при устьѣ Водлы, около Онежскаго озера, о чемъ говорено выше.

Водлозеро, говоря относительно, славится изобиліемъ рыбы, вмѣстѣ съ рядомъ небольшихъ озеръ, связанныхъ съ нимъ рѣчками; при этомъ нужно прибавить, что здѣсь мы не встрѣчаемся уже съ тѣмъ разнообразіемъ рыбъ, какое видимъ въ Онежскомъ озерѣ; многіе виды лососевыхъ не заходятъ въ Водлозеро, какъ напримѣръ, палія, таймень; пеструшка или форель если и встрѣчается (въ одномъ быстромъ ручьѣ, соединяющемъ Пильмасъ-озеро съ Келкъ-озеромъ), то въ ничтожномъ количествѣ и малой величины, не имѣя промышленнаго значенія. Самъ лосось, показываясь въ рѣкѣ Вамѣ даже при ея истокѣ, не идетъ въ озеро иначе, какъ въ видѣ исключенія. Сиги заходятъ въ озеро хотя, можетъ быть, и въ немаломъ количествѣ, но въ одномъ только видѣ. Налимъ, достигающій въ Онежскомъ озерѣ до 1½ и болѣе пудовъ вѣсомъ, здѣсь рѣдко встрѣчается свыше 15 фунтовъ. Кромѣ сига и харьюса, большинство рыбъ въ Водлозерѣ — осѣдлы, но въ предѣлахъ самого озера онѣ предпринимаютъ однакоже нѣкоторыя переселенія. Рано весной приступаетъ къ берегамъ для метанія икры корюшка; какъ и слѣдуетъ ожидать, она держится въ это время больше всего при устьяхъ рѣкъ, напримѣръ, при Вамѣ, около деревни Чуялы; любитъ она нѣкоторыя мѣста въ заливѣ Маткалахтѣ и т. д. Въ концѣ весны и лѣтомъ около береговъ держутся или наростаютъ лещъ, плотва, язь, окунь, щука, частію судакъ; сиги также ищутъ себѣ пропитанія около береговъ, особенно въ травянистыхъ мѣстахъ; впрочемъ и сиги мелкіе, часто не достигающіе и фунта вѣсомъ. Въ гораздо большемъ количествѣ держутся сиги около береговъ осенью, когда вмѣстѣ съ ними является сюда въ большомъ количествѣ и ряпушка для метанія икры. Во многихъ мѣстахъ Водлозеро представляетъ впадины или ямы, отличающіяся наибольшею глубиной; есть ямы, достигающія до 11 — 12 маховыхъ саженъ глубины [2]); лѣтомъ здѣсь пребываютъ преимущественно ерши. Глубокою осенью, когда озеро начинаетъ покрываться льдомъ, также во время зимы,

[1]) См. Изв. Р. Г. Общ., т. VII, № 6, стр. 316.

яму, рыбаки проводятъ подо льдомъ веревки, которыми тянется неводъ, съ помощію нѣсколькихъ длинныхъ жердей, связанныхъ концами и достигающихъ 10 или 15 саженъ въ длину, — разстояніе, на которомъ встрѣчаютъ снова прорубь; подхвативши здѣсь концы жердей съ веревками, ихъ гонятъ до слѣдующей проруби и т. д., до тѣхъ поръ, пока веревки отойдутъ на значительное разстояніе отъ невода. Тогда начинается неводьба: неводъ ведется подо льдомъ на всемъ разстояніи, пройденномъ жердями и канатами, и вытаскивается въ конечной большой проруби на ледъ, вмѣстѣ съ рыбой. Такого рода промыселъ устраивается на такихъ именно мѣстахъ, гдѣ по соображеніямъ рыбаковъ, стануетъ рыба. Производится ловля неводомъ и подо льдомъ преимущественно жителями деревни Палтэги на Великомъ озерѣ. Особенно распространенъ этотъ способъ на сѣверо-востокъ отсюда, въ окрестностяхъ Водлозера, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, начиная съ 27-го, иногда немного раньше, а иногда и позднѣе, въ продолженіе четырехъ-пяти дней или даже недѣли, на Вытегорское устье приноситъ праздникъ корюшка, отправляющая время любви или періодъ метанія икры. Для этого она выходитъ изъ глубины Онежскаго озера къ устьямъ рѣкъ громадными стадами, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ; идитъ она изъ-подо льда въ рѣку уже поздно вечеромъ, около солнечнаго заката, и идетъ до восхода солнца цѣлую ночь; ее сопровождаютъ любители ея икры—колюшки, или охотники до ея мяса—щука, налимъ, палія; за нею ныряютъ въ глубину десятки гагаръ и кроилей. При самомъ устьѣ рѣки, гдѣ отъ текущей рѣчной воды образуется въ озерномъ льду большая полынья—порѣга, стада корюшки встрѣчаются однимъ или двумя неводами, а въ самой рѣкѣ—такъ называемыми заколами или огородами. Колья ставятся, начиная отъ берега по теченію воды, къ срединѣ рѣки, но такъ, что они съ берегомъ образуютъ острый уголъ; колья обтягиваются густой сѣткой, а въ глубину угла ставится большая мережка; передъ мережкою помѣщается скамейка, на которой стоитъ рыбакъ, съ саакомъ. Корюшка, избѣгая средины рѣки, идетъ около берега, гдѣ въ заколѣ или огородѣ находитъ препятствіе, почему жмется еще ближе къ бе-

регу, встрѣчаясь здѣсь съ горломъ мережки и переходя черезъ него въ вѣчный плѣнъ. Въ то же время около горла, въ узкомъ мѣстѣ угла, она набирается густо, не можетъ вся вдругъ пройдти въ мережку, и тогда со скамьи ее черпаютъ сакомъ, получая съ каждымъ его взмахомъ, черезъ каждыя одну или двѣ минуты, по 10 или 20 ф. корюшки. Во время самаго лучшаго хода корюшки мережка наполняется нѣсколько разъ; въ такихъ случаяхъ она едва выкатывается изъ воды на берегъ и даетъ до 10 и болѣе пудовъ. Такимъ образомъ, рыбацкое семейство, имѣя при устьѣ одинъ или два закола, добываетъ въ хорошій ходъ отъ 30 до 60 пудовъ корюшки въ теченіе ночи. Первоначально, когда ходъ только что начинается, рыбакъ вылавливаетъ отъ 10 до 15 пудовъ; въ такіе дни корюшка въ г. Вытегрѣ продается по 40 или 50 коп. за пудъ, но когда уловъ доходитъ до своего maximum'а, цѣна ея падаетъ даже до 10 коп. за пудъ. Одинъ или два такіе дня приносятъ праздникъ бѣдствующимъ и нищимъ; благословляютъ эти дни городскія вдовы-мѣщанки, голодающія цѣлые дни, пригородные крестьяне и т. д. На устьѣ самой р. Вытегры торжествуютъ вороны, вмѣстѣ съ другими изъ своихъ пернатыхъ собратьевъ—съ водною птицею, которая въ это время держитъ перелетъ несмѣтными стадами, привлекая къ себѣ большихъ орловъ. Но и здѣсь меньше всѣхъ торжества самимъ рыбакамъ: они проводятъ безсонныя ночи, а днемъ отправляются въ городъ съ рыбой, возвращаясь часто къ ночи на устье, дѣлая до 40 верстъ пути и таща добычу въ лодкѣ, на лямкѣ противъ теченія. Притомъ, чѣмъ больше рыбакъ тащитъ, тѣмъ ему тяжелѣе и тѣмъ меньше плата; то, что рыбаки везутъ въ городъ, скупается потомъ по большей части людьми состоятельными: корюшка сушится въ печкѣ, и сушеная продается уже за 70 коп. и болѣе за маленку [1]). Большинство крестьянъ не оставляетъ у себя рыбы и не сушитъ ея только въ надеждѣ получить скорѣе хотя малую долю денегъ; даже люди посостоятельнѣе только часть рыбы оставляютъ себѣ на сушку, для пропитанія и для продажи зимой. При устьѣ Вытегры бываетъ до 12 заколовъ, съ той и другой стороны рѣки, и если на каждый

[1] Мѣрка, въ которую идетъ до 8 ф. сухой корюшки.

условій для подножнаго корма въ весну, которая характеризуется слѣдующими, напримѣръ, непривлекательными признаками: „Весна начинается обыкновенно въ концѣ апрѣля, но весьма рѣдко сопровождается днями теплыми; иногда снѣгъ остается въ лѣсахъ до половины мая, а въ оврагахъ, лежащихъ въ сѣверной части губерніи, и до іюля мѣсяца. Послѣдніе весенніе морозы бываютъ еще въ маѣ и даже въ первыхъ числахъ іюня“ [1]). Мнѣ самому пришлось встрѣчать весну при устьѣ Вытегры. Въ первыхъ числахъ мая вся почва и всѣ деревья стояли голыми; 4-го мая на болотахъ только что началъ цвѣсти небольшой болотный кустарникъ—Andromeda; 10-го по окраинамъ болотъ, въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, распустились селезеночникъ (Chrysosplenium) и курослѣпъ (Caltha); около тѣхъ же мѣстъ собирался раскрыть свои цвѣты и листья бѣлокрыльникъ (Calla). Съ самаго начала мая и древесная растительность начала развивать свои листовыя почки, но такъ медленно, что къ половинѣ мѣсяца едва только на концахъ почекъ выглядывали зеленыя части молодыхъ листьевъ, и деревья казались безлистными и голыми; 15-го мая жители безъ березокъ праздновали Троицу, а 16-го, въ Духовъ день, выпалъ снѣгъ, сопровождаемый сырою, холодною и вѣтряною погодой. Такая весна, когда лишь въ концѣ мая и въ началѣ іюня сухая и желтая прошлогодняя трава замѣнилась зеленою и свѣжею, представляла весьма мало хорошаго для скота. Въ продолженіе всего апрѣля скотъ сидѣлъ взаперти; первая половина мая также не давала ему корма. Я не одинъ разъ слышалъ мычаніе коровъ, пребывающихъ въ хлѣвахъ на жесткой соломѣ. Крестьяне, охая и жалуясь на отсутствіе кормовъ на выгонахъ, прибавляли нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Вишь, скотина-то тоснуть (тосковать) начала, ни пить, ни ѣсть не стала; все въ лѣсъ хочется. А въ лѣсу-то черно да голо!“ Мало прійдется прибавить къ вышесказанному о пастбищахъ. Олонецкая губернія въ крайне рѣдкихъ случаяхъ надѣлена естественными сухими лугами; жителю приходится отвоевывать отъ природы необходимое; онъ вычищаетъ на опушкахъ лѣсовъ небольшіе клочки земли; здѣсь онъ убираетъ валежныя

[1]) *Пушкаревъ*, 25.

частяхъ Онежскаго озера, наиболѣе глубокихъ и обильныхъ рыбою, является, по наблюденіямъ г. Кесслера, не всегда прибыльнымъ [1]); тѣмъ болѣе нужно ожидать этого въ южныхъ частяхъ озера. Въ мою бытность около устья Вытегры въ продолженіе цѣлыхъ недѣль на 500 и болѣе крючковъ едва попадалось нѣсколько сиговъ, одинъ или два налима, окунь, и только. Но говорятъ, что годами и этотъ способъ ловли бываетъ выгоденъ.

Потомъ слѣдуетъ *неводьба*. Невода на Онегѣ подверглись различнымъ усовершенствованіямъ и видоизмѣненіямъ [2]); но при устьѣ Вытегры въ употребленіи только обыкновенный неводъ. По своей значительной стоимости онъ доступенъ только для меньшинства, но въ средѣ крестьянской имѣются невода небольшихъ размѣровъ, которые даютъ возможность ловить рыбу преимущественно въ малыхъ озерахъ. Самый небольшой изъ неводовъ обходится уже больше 60 руб., нѣсколько болѣе значительный имѣетъ цѣну до 100 руб.; однако и это—такой еще, которымъ почти не возможно или можно только съ малымъ успѣхомъ ловить рыбу, напримѣръ, въ Онежскомъ озерѣ. Изъ двухъ неводовъ, производящихъ ловлю при устьѣ Вытегры въ продолженіе всего лѣта и осени, ни одинъ не принадлежитъ крестьянамъ; оба эти невода—купеческіе, дѣйствующіе силою тѣхъ же наемныхъ крестьянъ изъ окрестностей. Первый изъ неводовъ обошелся, какъ говорятъ, хозяину около 1000 руб. При немъ работаютъ 7 человѣкъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ. Въ продолженіе всего періода неводьбы, отъ мая до половины или даже до конца октября, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, крестьяне должны ежедневно дѣлать не менѣе 7 тонь, „хоть есть рыба, хоть нѣтъ“, какъ они выражаются; въ случаѣ же успѣшнаго улова и болѣе; при этомъ каждая тоня требуетъ до 1 часа 15 мин. времени; слѣдовательно, только на закидываніе тонь они должны употребить около 9 часовъ; на самомъ же дѣлѣ времени уходитъ не-

---

[1]) *Кесслеръ*, 41.

[2]) Объ этомъ см. *Кесслера* Матеріалы и пр.; *Мальте*, О рыболовствѣ въ Повѣнецк. уѣздѣ въ Памятн. кн. Ол. губ. за 1865 г. и *П. Р—ва*, Матеріалы для изобл. и охоты въ Пудожск. уѣздѣ въ Пам. кн. Ол. губ. за 1866 г.

сравненно болѣе; вытягиванію невода на берегъ препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощію воротовъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго стана къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ лѣтомъ, какъ рабочіе отправлялись на ловлю послѣ четырехъ часовъ вечера и возвращались обратно около пяти или шести часовъ утра, то есть, проводили въ работѣ 13 или 14 часовъ, кромѣ того, что потомъ, по пріѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда число тонь весьма сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокры не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью. Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чернаго хлѣба, просовой каши съ конопляннымъ масломъ и сущика, то есть, изъ сушеной корюшки,—пища при подобной тяжелой работѣ вообще непитательная, такъ какъ мясо допускается въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, а налавливаемая рыба — никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиной мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жалованья или по 7 р. 25 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей черезъ хозяина. Вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязывается быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И признаться, дѣло такъ и случается, что черезъ недѣлю послѣ полученія, сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на

ногахъ ихъ была лишь какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти сирены, съ завороченною кверху губой, изъ-подъ которой торчали, въ родѣ языка, голые пальцы ногъ. Видалъ я также, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платье, съ одного края до другаго; и все это за тѣ же 40 р. Старичекъ, управлявшій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ мнѣ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается уловомъ, съ чѣмъ я однако не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 руб. [1]), вмѣстѣ съ кухаркой, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и сравнительно ничтожный, а капиталистъ, не удрученный нуждой, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ.

Другой изъ неводовъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, по видимому, большею долей гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4-хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною рыбой изъ улова— мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой компаніи держались всегда подъ строгою дисциплиной, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, не смотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ-бы гордились передъ другими своимъ управителемъ, из-

[1]) По словамъ того же старичка, случается въ лѣто вылавливать до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ до 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 руб.

сравненно болѣе; вытягиванію невода на берегъ
вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе то
воположные тому направленію, по которому съ по
вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ р
къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы
далъ лѣтомъ, какъ рабочіе отправлялись на ловл
рехъ часовъ вечера и возвращались обратно около
часовъ утра, то есть, проводили въ работѣ 13
кромѣ того, что потомъ, по пріѣздѣ, они должны
въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда чис
сокращается, именно во время бурь и проливных
возвращаются домой мокры не только снизу, к
обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не ост
хотя бы это случилось глубокою осенью. Пища р
хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ,
просовой каши съ конопляннымъ масломъ и с
сушеной корюшки,—пища при подобной тяж
непитательная, такъ какъ мясо допускается
случаяхъ, а налавливаемая рыба — никогда
отъ работъ только въ большіе праздники
работъ они получаютъ за весь рабочій
ловпиой мѣсяцевъ по 40 руб. сер. жало
въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день
платы забирается обыкновенно вперед
тей черезъ хозяина. Вмѣстѣ съ день
бочихъ непромокаемые сапоги; полу
быть всегда на работѣ въ хорошей
онъ долженъ выносить всѣ неудо
упрековъ хозяину. И признаться,
недѣлю послѣ полученія, сапог
четъ, какъ сквозь рѣшето, и то
обувь на свои средства, или он
ставляя часто беременной
бу въ дырявой обуви или
исходитъ около дома. М
стоявшихъ въ водѣ и

вѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы вылавливается все-таки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Уловъ рыбы на Онегѣ идетъ порядочно весной, но плохъ лѣтомъ; по личнымъ наблюденіямъ мнѣ извѣстно, что одна тоня даетъ въ это время по одному или по два сига, лосось, форель, или палію да около полупуда ряпушки; такъ что рабочіе часы въ сутки приносятъ отъ полупуда до одного пуда крупной рыбы, кромѣ мелкой. Къ концу лѣта и осенью уловъ увеличивается въ 3 и 4 раза, особенно послѣ сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, выгоняющихъ рыбу волненіемъ къ южнымъ берегамъ [1]). Въ это время въ каждую тоню сиги попадаются десятками, вмѣстѣ съ другою крупною рыбою; затѣмъ наступаетъ паростъ ряпушки [2]) и сиговъ, порождающій еще большій уловъ. Тѣ же сильные вѣтры съ озера, или по отношенію къ берегамъ при устьѣ Вытегры, съ сѣвера и сѣверо-запада, производя сильное волненіе, наносятъ на берега сиговую икру въ такомъ количествѣ, что даже окрестные крестьяне собираютъ ее ведрами, какъ это было, напримѣръ, въ 1870 году. Притомъ крестьяне, весьма хорошо знакомые съ дѣломъ, разсказываютъ, что около Петропавловскаго мыса и Андомы, а слѣдовательно, и при устьѣ Вытегры, по лудамъ и песчанымъ отмелямъ, слышится иногда въ темныя сентябрьскія ночи страшный шумъ и плескъ въ водѣ, приписываемый неопытными рыбаками игрѣ водяника. Но тоня, искусно заброшенная въ подобные

---

[1]) При устьѣ Суны, Петрозаводскаго уѣзда, особенно въ то время, когда вѣтеръ съ моря, попадается иногда въ мережки до 1000 сиговъ въ день; въ садкахъ до 20,000 сиговъ по 22 на пудъ; въ Петрозаводскѣ цѣна Суйскаго сига отъ 15 до 25 коп. Въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что составитъ 6,000 руб. за 20,000 сиговъ (См. Олонецк. Губ. Вѣд. 1858 г. № 44).

[2]) Нѣкоторые изъ мѣстностей на Онегѣ привлекаютъ особенное вниманіе Олонецкихъ рыбаковъ, благодаря ряпушкѣ; на островахъ Мягъ-островѣ и Сало-салмѣ собираются въ сентябрѣ рыбаки въ громадномъ количествѣ, имѣя въ распоряженіи до 500 разнаго рода неводовъ, при чемъ случается иногда въ одну тоню невода (керевода) захватывать до 40 пудовъ ряпушки. См. *К. Кесслеръ*, стр. 38.

притоны веселья, даетъ сотни сиговъ съ икрой и въ нарядныхъ брачныхъ одеждахъ; не смотря на то, что сиги выпрыгиваютъ изъ заколдованнаго круга снастей, неводъ, обремененный добычей, едва вытаскивается изъ воды. Эти соображенія могутъ до нѣкоторой степени доказать, что правильно устроенный промыселъ рыбы на Онежскомъ озерѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточенъ (даже въ виду того факта, что количество рыбы въ озерѣ, въ большинствѣ случаевъ, годъ отъ году уменьшается), и что уловъ рыбы, среднимъ числомъ, не только въ состояніи вдвойнѣ или даже втройнѣ, смотря по году, окупить тяжелый трудъ рыбака и издержки на стоимость невода, но что при всемъ томъ онъ дастъ огромный процентъ чистаго барыша, если дѣло ведется даже на коммерческихъ началахъ.

Болѣе очевидное доказательство сейчасъ высказанному мнѣнію я нахожу на устьяхъ Водлы или Шалы, на восточномъ берегу Онега. Здѣсь, въ бытность мою въ концѣ августа, шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ для метанія икры сигъ проходный; въ ловлѣ его участвовала вся волость, въ 400 душъ мужескаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая второе четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье, и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони, онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣскольку неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи дер-

боторговцевъ лучше ладожскихъ, то прасолы имѣли бы полную возможность увеличить процентъ по крайней мѣрѣ до 120 или 130, очистивъ стоимость за доставку и давъ возможность нажиться петербургскимъ торговцамъ рыбою на 50%, чего обыкновенно не бываетъ, такъ какъ прасолы съ Ладожскаго озера дѣлаютъ уступку петербургскимъ торговцамъ только въ 10%. Но выгода возрасла бы до громадныхъ размѣровъ, еслибы скупщики рыбы съ Волги нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ и понятія [1]), въ С.-Петербургъ, гдѣ стоимость живого сига простирается отъ 40 до 75 коп., а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на наиболѣе высокую цѣну, такъ какъ ихъ величина колеблется отъ 1½ и 2 фунтовъ до 5 ф. Итакъ, если Шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недальновидности и невѣжеству.

Трудность сбыта продуктовъ промысла непосредственно потребителямъ тяготила всегда крестьянъ, и они всѣмъ складомъ своей жизни поставлены въ необходимость сталкиваться только съ своими же болѣе богатыми собратьями, часто безсознательно впадающими въ ошибки и въ эксплуатацію. Такое отношеніе массы къ меньшинству, переходящее въ зависимость, замѣчено повсюду и многими путешествовавшими по Олонецкой губерніи. Вотъ, напримѣръ, слова профессора Кесслера: „Почти въ каждомъ селѣ или въ каждой мѣстности есть одинъ крестьянинъ, или два-три крестьянина, которые значительно богаче другихъ и въ извѣстномъ смыслѣ разыгрываютъ роль помѣщиковъ. Къ нимъ частенько болѣе бѣдные крестьяне, по недостатку въ другихъ заработкахъ, вынуждены бываютъ наниматься въ работники по самой низкой цѣнѣ; они же обыкновенно ведутъ продажу муки и другихъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ по цѣнѣ сравнительно очень высокой, и вообще пользуются въ своемъ околодкѣ сильнымъ вліяніемъ и безотчетною властью“ [2]). Чувствуя неудоб-

[1]) По сообщеніямъ г. Р—ва, рыба доставляется на судахъ въ С.-Петербургъ.

[2]) *К. Кесслеръ*, 8.

ства въ такомъ складѣ жизни, крестьяне не могли однако отчетливо выяснить себѣ причинъ его, потому что не обладали достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и знаній; но иногда они какъ-бы экспериментально рѣшали эти задачи, не оцѣнивая въ то же время практическаго значенія своихъ рѣшеній. Такъ, нѣкоторые изъ крестьянъ Пудожскаго уѣзда, особенно Водлозёры, говорили мнѣ, что они все собираются отправиться на ловлю рыбы къ С.-Петербургу, въ Финскій заливъ, полагая, что тамъ легче можно добыть денегъ, потому что рыбы больше, какъ это извѣстно имъ отъ бывшихъ тамъ земляковъ; при этомъ они имѣли въ виду гораздо большее совершенство своихъ способовъ ловли, сравнительно съ распространенными на водахъ Балтійскихъ. Озерецковскій въ свое время, въ 1785 г., зналъ о подобныхъ же примѣрахъ, но уже осуществившихся, и признавая дѣйствительно больше выгоды отъ рыболовства въ Финскомъ заливѣ, чѣмъ около Онега, объясняетъ ихъ нѣсколько иначе. Онъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ жителей села Щелеекъ (на берегу Онежскаго озера, не далеко отъ истока Свири) каждую весну ѣздятъ въ С.-Петербургъ на лодкахъ съ воротницами или кереводами для рыбной ловли при устьѣ Невы, гдѣ живутъ недѣль по пяти и болѣе, пока въ жительствахъ ихъ не начнутся полевыя работы. А когда сіи приближаться станутъ, то продаютъ Маймистамъ свои воротницы и лодки, и пѣшіе домой возвращаются. Хотя они и справедливо, можетъ быть, утверждаютъ, что больше попадается рыбы въ Финскомъ заливѣ, нежели въ Онежскомъ озерѣ, однако причиною ѣзды ихъ сюда наипаче то, что при устьѣ Невы имѣютъ кому продавать пойманную рыбу; ибо каждое утро множество наѣзжаетъ къ нимъ прасоловъ, которые, ссорясь между собою, за большія деньги скупаютъ у нихъ рыбу, такъ что рыбаки сами дивятся ихъ зависти и не понимаютъ, за что̀ имъ столь много платятъ они денегъ. Въ Щелейкахъ разговаривалъ я о семъ съ тѣми самыми людьми, которые въ началѣ лѣта 1785 года ловили рыбу въ Финскомъ заливѣ, гдѣ пробывъ мѣсяцъ, каждый изъ нихъ возвратился домой съ тридцатью рублями единственно на рыбѣ добытыми“ [1]).

[1]) *Н. Озерецковскій.* Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, 1792.

Отсюда видно, какъ простодушно относились крестьяне къ предметамъ своего промысла въ старину; это же простодушіе нерѣдко можно замѣтить и до сихъ поръ. И притомъ, если изобиліе рыбы не приноситъ богатства крестьянамъ или даже не окупаетъ достаточно трудъ ихъ, то тѣмъ болѣе это ощутительно въ случаяхъ скудости рыбы. Вытегорская земская управа указываетъ на то, что рыболовство во время зимы на озерѣ Лачѣ не только не приноситъ рыбакамъ выгоды, но даже вполнѣ для нихъ убыточно [1]). Не говоря о другихъ пунктахъ, гдѣ болѣе или менѣе кипитъ рыболовческая дѣятельность, въ родѣ устья Свири, а также другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Онежское озеро, вмѣстѣ съ его салмами и островами, особенно въ сѣверныхъ частяхъ озера, гдѣ я не былъ,— скажу еще нѣсколько словъ объ окрестностяхъ Вытегорскаго устья. Какъ я уже замѣтилъ, изъ здѣшнихъ жителей только меньшинство участвуетъ въ лѣтнихъ и частію осеннихъ промыслахъ на Онежскомъ озерѣ, особенно въ неводьбѣ, хотя невода и имѣются во многихъ деревняхъ; но это невода по большей части такіе, которые могутъ быть съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ употребляемы только на малыхъ озерахъ, гдѣ ловятся тѣ же рыбы, что̀ и въ мережки: это плотва, лещи, язи, налимы, щуки, ерши, окуни, судаки, частію корюшка и ряпушка; здѣсь уже нѣтъ ни сиговъ, ни лососей, ни форели, ни паліи и пр. Въ средѣ крестьянъ особенное затишье въ рыболовствѣ лѣтомъ; въ это время имѣющіе неводъ проводятъ цѣлые дни въ полевыхъ работахъ, и только возвращаясь вечеромъ домой, усталые, берутся за неводъ, чтобы добыть себѣ что-нибудь на ужинъ; эту работу исполняютъ въ большинствѣ случаевъ женщины. Хотя крестьянскіе невода не велики, но все-таки требуютъ значительнаго времени, чтобы быть закинутыми и вытянутыми на берегъ; по обыкновенію закидывается въ вечеръ нѣсколько тоней, и всѣ онѣ вознаграждаются нѣсколькими раками, которыхъ крестьяне выбрасываютъ, и двумя-тремя десятками ершей, которыхъ едва достаточно на уху. При такого

года стр. 156. На подобные же, по видимому, факты указываетъ *Бергштрессеръ*, см. его Опытъ описанія Олон. губ. стр., 100.

[1]) Журналы Вытегорскаго уѣзда, очереди. земск. собранія, 1869 г. стр. 77.

рода неводьбѣ мнѣ часто приходилось быть въ дер. Кузнецовой, на Тудозерѣ, гдѣ рыба видимо уже сильно выловлена, такъ какъ озеро, имѣя до 12 верстъ въ длину, вокругъ по берегамъ заселено. Нѣсколько удачнѣе ловъ рыбы неводомъ уже на указанныхъ выше озерахъ Котечномъ и Великомъ. Бываетъ въ лѣтнее время, что крестьяне, объѣзжая въ тихую погоду всѣ небольшія озера подъ рядъ, налавливаютъ въ одинъ или два дня до 3 или 4 пудовъ всякой рыбы, преимущественно карповыхъ, изъ которыхъ, напримѣръ, лещи попадаются вѣсомъ въ 5 или 7 фунтовъ. Къ концу лѣта и осенью промыселъ увеличивается. Въ это время крестьянинъ, имѣющій неводъ, приглашаетъ нерѣдко другихъ, не имѣющихъ невода, и ловитъ съ ними рыбу, отдѣляя потомъ половину или треть улова приглашеннымъ; другую же половину или двѣ трети беретъ на себя и на неводъ. То же самое бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ ловитъ рыбу въ мѣстахъ заарендованныхъ, какъ напримѣръ, на Лужандозерѣ [1]). Онъ обязанъ отдавать тогда одну треть улова арендатору. Ряпушка, частію сиги, лосось ловятся и продаются въ Вытегрѣ, а частію сушатся, особенно мелкая рыба; лично мнѣ не удалось познакомиться съ осенними промыслами; поэтому трудно даже приблизительно опредѣлить прибыль отъ нихъ, хотя мало вѣроятія въ томъ, чтобъ осеннее рыболовство большинству крестьянъ доставляло болѣе выгоды, чѣмъ весеннее.

Послѣ всего сказаннаго обратимся еще къ рѣкѣ Водлѣ и истоку ея—Водлозеру. Какъ осенью изъ Онежскаго озера поднимается

---

[1]) Около Лужандозера, гдѣ теперь выстроена новая церковь, былъ нѣкогда монастырь, который въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣлъ (старые колокола на новой церкви относятся только къ 1703 году). Можетъ быть, поэтому Лужандозеро, составляя нѣкогда принадлежность монастыря, отдается теперь въ аренду, рублей по 10 на три года, хотя очевидно, что не все озеро принадлежало монастырю; одна часть его отмежевана просѣкой крестьянамъ деревни Урѣпиной, стоящей на противоположной сторонѣ отъ бывшаго монастыря и церкви. Не смотря на это, арендаторъ, уже извѣстный рыболовъ-неводчикъ съ устья Вытегры, принимаетъ всѣ мѣры, чтобы лишить крестьянъ возможности ловить рыбу въ озерѣ, хотя самъ здѣсь ловли и не производитъ; позволеніе на ловлю крестьяне получаютъ только съ однимъ условіемъ—отдавать ⅓ улова арендатору. О самомъ монастырѣ см. Олонецкія губ. вѣд. за 1866 г., стр. 223, 245, 338, 353.

Вамы существуетъ также нѣсколько тонь, ловля на
ется крестьянами на такихъ же основаніяхъ, какъ и
длы, около Онежскаго озера, о чемъ говорено выше.
говоря относительно, славится изобиліемъ рыбы, вмѣстѣ
ебольшихъ озеръ, связанныхъ съ нимъ рѣчками; при
прибавить, что здѣсь мы не встрѣчаемся уже съ тѣмъ
мъ рыбъ, какое видимъ въ Онежскомъ озерѣ; многіе
ыхъ не заходятъ въ Водлозеро, какъ напримѣръ, палія,
трушка или форель если и встрѣчается (въ одномъ бы-
ъ, соединяющемъ Ипьмасъ-озеро съ Келкъ-озеромъ), то
омъ количествѣ и малой величины, не имѣя промышлен-
ія. Самъ лосось, показываясь въ рѣкѣ Вамѣ даже при
не идетъ въ озеро иначе, какъ въ видѣ исключенія.
ить въ озеро хотя, можетъ быть, и въ немаломъ коли-
въ одномъ только видѣ. Налимъ, достигающій въ Онеж-
ъ до $1^1/_2$ и болѣе пудовъ вѣсомъ, здѣсь рѣдко встрѣ-
е 15 фунтовъ. Кромѣ сига и харьюса, большинство рыбъ
рѣ — осѣдлы, но въ предѣлахъ самого озера онѣ пред-
однакоже нѣкоторыя переселенія. Рано весной присту-
ерегамъ для метанія икры корюшка; какъ и слѣдуетъ
на держится въ это время больше всего при устьяхъ
имѣръ, при Вамѣ, около деревни Чуялы; любитъ она
мѣста въ заливѣ Маткалахтѣ и т. д. Въ концѣ весны
около береговъ держутся или наростуютъ лещъ, плотва,
щука, частію судакъ; сиги также ищутъ себѣ пропита-
береговъ, особенно въ травянистыхъ мѣстахъ; впрочемъ
кіе, часто не достигающіе и фунта вѣсомъ. Въ гораздо
оличествѣ держутся сиги около береговъ осенью, когда
ними является сюда въ большомъ количествѣ и ря-
метанія икры. Во многихъ мѣстахъ Водлозеро пред-
падины или ямы, отличающіяся наибольшею глубиной;
остигающія до 11 — 12 маховыхъ саженъ глубины [2]);
сь пребываютъ преимущественно ерши. Глубокою осенью,
начинаетъ покрываться льдомъ, также во время зимы,

Р. Г. Общ., т. VII, № 6, стр. 316.

времени, не избавивъ окончательно поля отъ порчи. Точно такъ не приложимы для Олонецкой губерніи и тѣ средства, которыя считаются дѣйствительными и радикальными. Нѣкогда думали, что если бы въ губерніи было достаточное число кротовъ, ежей, грачей, галокъ, жаворонковъ, плисокъ, ласточекъ, козодоевъ, совъ и т. прочихъ животныхъ, истребляющихъ червя, то можно было бы быть увѣреннымъ, что озимыя поля здѣшней мѣстности были бы теперь въ цвѣтущемъ состояніи 1). Но еслибъ это было бы и справедливо, то это средство къ истребленію не имѣло бы успѣха потому, напримѣръ, что кротъ весьма рѣдокъ въ Олонецкой губерніи; для ежа съ южными предѣлами губерніи совпадаетъ сѣверная граница распространенія, и онъ, какъ и грачъ, появляется здѣсь только случайно, хотя мнѣ ни того, ни другого видѣть не удалось; галка держится только въ городѣ, рѣдко на пашняхъ. Главные же враги червя—жаворонки, плиски, ласточки и козодой, оставляютъ Олонецкую губернію какъ разъ въ то время, когда въ концѣ августа и въ сентябрѣ появляется на озимяхъ червь. Весной они возвращаются здѣсь почти только тогда, когда червь изчезаетъ. Такимъ образомъ, изъ птицъ весьма немногія занимаются истребленіемъ червя; этими наклонностями особенно отличаются вороны; другія птицы— болѣе случайные враги червя. По наблюденіямъ жителей, черви появляются на поляхъ періодами; нѣкоторые говорятъ, что лѣтъ черезъ 15. Одно изъ употребляемыхъ у нихъ средствъ — посѣвъ раньше или позже обыкновеннаго, но это не ведетъ къ цѣли: червь съѣдаетъ и ранніе, и поздніе посѣвы одинаково.

Существуютъ и другіе враги хлѣбныхъ посѣвовъ; на яровые хлѣба часто прилетаютъ дикіе голуби и ѣдятъ засѣянныя зерна; то же дѣлаютъ и вороны; не говоря о многихъ мелкихъ зерноядныхъ птицахъ, я часто замѣчалъ на пашняхъ чаекъ (въ Сибири, по р. Ленѣ, я находилъ въ желудкахъ чаекъ конопляное сѣмя). На горохи залетаютъ по обыкновенію журавли. Не меньше вредятъ пашнямъ, особенно озимямъ, зайцы. Самымъ ярымъ врагомъ овсовъ является, конечно, медвѣдь; обыкновенно подъ осень онъ истреблялъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ громадныхъ количествахъ,

---

1) См. то же сообщеніе г. Гримма.

При истокѣ Вамы существуетъ также нѣсколько тонь, ловля на которыхъ ведется крестьянами на такихъ же основаніяхъ, какъ и при устьѣ Водлы, около Онежскаго озера, о чемъ говорено выше.

Водлозеро, говоря относительно, славится изобиліемъ рыбы, вмѣстѣ съ рядомъ небольшихъ озеръ, связанныхъ съ нимъ рѣчками; при этомъ нужно прибавить, что здѣсь мы не встрѣчаемся уже съ тѣмъ разнообразіемъ рыбъ, какое видимъ въ Онежскомъ озерѣ; многіе виды лососевыхъ не заходятъ въ Водлозеро, какъ напримѣръ, палія, таймень; пеструшка или форель если и встрѣчается (въ одномъ быстромъ ручьѣ, соединяющемъ Пильмасъ-озеро съ Келкъ-озеромъ), то въ ничтожномъ количествѣ и малой величины, не имѣя промышленаго значенія. Самъ лосось, показываясь въ рѣкѣ Вамѣ даже при ея истокѣ, не идетъ въ озеро иначе, какъ въ видѣ исключенія. Сиги заходятъ въ озеро хотя, можетъ быть, и въ немаломъ количествѣ, но въ одномъ только видѣ. Налимъ, достигающій въ Онежскомъ озерѣ до $1^1/_2$ и болѣе пудовъ вѣсомъ, здѣсь рѣдко встрѣчается свыше 15 фунтовъ. Кромѣ сига и харьюса, большинство рыбъ въ Водлозерѣ — осѣдлы, но въ предѣлахъ самого озера онѣ представляютъ однакоже нѣкоторыя переселенія. Рано весной приступаетъ къ берегамъ для метанія икры корюшка; какъ и слѣдуетъ ожидать, она держится въ это время больше всего при устьяхъ рѣкъ, напримѣръ, при Вамѣ, около деревни Чуялы; любитъ она нѣкоторыя мѣста въ заливѣ Мяткалахтѣ и т. д. Въ концѣ весны и лѣтомъ около береговъ держутся или наростаютъ лещъ, плотва, язь, окунь, щука, частію судакъ; сиги также ищутъ себѣ пропитанія около береговъ, особенно въ травянистыхъ мѣстахъ; впрочемъ это сиги мелкіе, часто не достигающіе и фунта вѣсомъ. Въ гораздо большемъ количествѣ держутся сиги около береговъ осенью, когда вмѣстѣ съ ними является сюда въ большомъ количествѣ и ряпушка для метанія икры. Во многихъ мѣстахъ Водлозеро представляетъ впадины или ямы, отличающіяся наибольшею глубиной; есть ямы, достигающія до 11 — 12 маховыхъ саженъ глубины [2]); лѣтомъ здѣсь пребываютъ преимущественно ерши. Глубокою осенью, когда озеро начинаетъ покрываться льдомъ, также во время зимы,

[1]) См. Изв. Р. Г. Общ., т. VII, № 6, стр. 316.

Многіе изъ крестьянъ только часть своего весенняго улова сбываютъ лично въ Каргопольскомъ уѣздѣ, закупая хлѣбъ или вымѣнивая его на рыбу. Въ большинствѣ случаевъ богатые, запасаясь хлѣбомъ, даютъ его подъ рыбу копѣекъ на 10 или 20 дороже существующихъ цѣнъ съ пуда, а рыбу ставятъ на такое же количество денегъ копѣекъ на 10 или 20 дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 коп. Малёнка [1]) ершей идетъ за 40 коп.; малёнка плотвы — въ 20—30 коп. За пудъ хлѣба берутъ до 4—6 пудовъ рыбы. Кредитъ крестьянамъ допускается въ 20—30 руб. Въ случаѣ повышенія цѣны на рыбу уплата за забранное производится рыбою по старой цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита.

Общее количество вылавливаемой въ Водлозерѣ рыбы, по видимому, весьма велико. Но этотъ фактъ не служитъ еще доказательствомъ изобилія рыбы; скорѣе онъ зависитъ отъ того постоянства, съ которымъ Водлозёры вертятся около водъ, съ ловушками и снастями. На островѣ Пёлгостровѣ я видѣлъ старушку, лѣтъ 70, которая ежедневно, вмѣстѣ съ своею невѣсткой, ловила ершей около своего острова; съ половины мая до второй половины іюля она наловила въ прокъ 30 малёнокъ, стоимость которыхъ опредѣляла въ 15 рублей. Итакъ, среднимъ числомъ пришлось на каждую изъ ловившихъ по 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Занимающіеся съ гораздо большимъ постоянствомъ и продолжительностью (напримѣръ, въ д. Гумаръ-Наволокѣ) вылавливаютъ до 60 малёнокъ рыбы въ сезонъ, что̀ приноситъ около 30 руб. заработка за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на Кёлкъозерѣ, ловъ уходитъ за 100 малёнокъ въ сезонъ, что̀ приноситъ рублей 50 на семейство. Притомъ, снастей въ годъ нужно рублей на 8. Лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, жители постоянно выѣзжаютъ на озеро съ пяти часовъ вечера и до ночи, часовъ до 10 и болѣе. Къ осени промыселъ увеличивается, времени въ ловлѣ проводится еще больше, и такъ бываетъ до самой зимы, когда начинается наиболѣе дѣятельная работа — неводьба подо льдомъ.

[1]) Мѣрка, вмѣщающая себѣ около пуда сырой ржи. Сухой мелкой рыбы идетъ въ малёнку отъ 8 до 13 фунтовъ.

всѣхъ поселянъ Сѣвера; въ теченіе длиннаго періода времени этотъ способъ считался наиболѣе примѣнимымъ къ мѣстности, всосался, такъ сказать, въ плоть и кровь сѣвернаго хлѣбопашца и до сихъ поръ не теряетъ своего значенія въ его глазахъ. И въ самомъ дѣлѣ, урожаи бываютъ велики на мѣстахъ выжженныхъ лѣсовъ, на палахъ или полянахъ; рожь сѣется на такихъ мѣстахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, иногда болѣе, сряду и даетъ урожай отъ самъ—10 или 15 до самъ—20, и это въ томъ случаѣ, когда выжигается не очень крупный лѣсъ, который былъ уже разъ выженъ или вырубленъ; увѣряютъ, что урожай доходитъ до необыкновеннаго изобилія на мѣстахъ, гдѣ выженъ не тронутый строевой и мачтовый лѣсъ; здѣсь получается въ продолженіе двухъ лѣтъ самъ—40 и 50 или самъ—55 [1]). Теперь вырубка строевыхъ лѣсовъ уже не возможна, и подсѣки ограничиваются по преимуществу мелколѣсьемъ, на мѣстѣ котораго уже бывали пашни; по урожаямъ самъ—15 или 20 эти мѣста считаются до сихъ поръ выгодными для обработки, и даже пашни крестьянъ около устья Вытегры и Тудозера дѣлятся на два разряда: на пашни общинныя (подѣльныя), подлежащія передѣлу, и на пашни, разработываемыя частными средствами и составляющія частную собственность каждаго крестьянина—пашни поляпостныя или поляны, палъ. Лѣсъ, состоящій изъ березы, осины, съ примѣсью сосенъ и елей, срубается и оставляется на мѣстѣ для просушки; черезъ годъ онъ высыхаетъ и тогда зажигается; если онъ горитъ исправно, то мѣсто перепахивается; если же не сгараетъ, что случается нерѣдко, то предполагаемая пашня оставляется, и хозяинъ долженъ искать другаго удобнаго мѣста и начинать съ начала работу. Отъ такого-то процесса выжиганія я издалека замѣчалъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта цѣлые облака дыму надъ разными деревнями въ окрестностяхъ Вытегры. Первоначально на такой пашнѣ сѣютъ рѣпу, достигающую большой величины; и подобныя мѣста называются *рѣпищами*; то мѣсто на Лужандозерѣ, гдѣ стоитъ теперь деревня Урѣпина, было первоначально рѣпищемъ окрестныхъ крестьянъ; затѣмъ нѣсколько крестьянскихъ

[1]) *Штукенберг*, стр. 7 и 9.

утрамъ привозили туда рыбаки на лодкахъ по большей части ряпушку и соленую палью, которая *весьма противный испускала запахъ;* не смотря на то, жители раскупали ее на подхватъ, такъ что кто долго проспалъ, тому и *вонючей рыбы* купить не оставалось". Итакъ, почти спустя столѣтіе послѣ этого разсказа, способъ соленія рыбы не усовершенствовался; жители до сихъ поръ продолжаютъ портить плоды своихъ трудовъ; я всегда съ большимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на сиговъ, фунтовъ въ 5 вѣсомъ, на огромныхъ лещей, съ виду красивыхъ, но къ которымъ нельзя было приступиться. Водлозёры, какъ-бы въ утѣшеніе, замѣчали мнѣ, что у нихъ „если рыба и не свѣжа, а пахнетъ, то тамъ (въ Каргопольщинѣ) берутъ". Въ другихъ мѣстахъ Водлозёры кажется боятся распространять такую рыбу. Другіе способы заготовки *рыбы* въ прокъ, какъ напримѣръ, копченіе, здѣсь и вовсе неизвѣстны, тогда какъ тотъ же сигъ, хорошо закопченный, могъ бы принести въ 4 или 5 разъ больше выгоды. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго можно видѣть, что рыболовство на Водлозерѣ стоитъ большихъ трудовъ, особенно въ бурную погоду, и что оно доставляетъ здѣсь сравнительно весьма мало дохода. Продукты рыболовства не удовлетворяютъ тѣмъ нуждамъ, которыя гнетутъ обитателей края. Вылавливаемая рыба доставляетъ еще меньше выгодъ и по трудности путей сообщенія. Доставка рыбы весной или лѣтомъ въ Каргопольскій уѣздъ, на протяженіи 100—150 верстъ, обходится жителямъ весьма дорого. Они должны спустить лодки съ грузомъ по Водлѣ черезъ 17 главныхъ пороговъ; затѣмъ въ вершинахъ р. Черевы поднявшись противъ теченія, около деревни Заволочья, они оставляютъ свои лодки и ѣдутъ на чужихъ лодкахъ за плату, или провезя на наемныхъ лошадяхъ кладь на протяженіи 5 верстъ по волоку, заготовляютъ на р. Волошовѣ свои собственныя лодки. Назадъ, обмѣнявъ рыбу по большей части на хлѣбъ, они еще съ большими трудностями, перевозя хлѣбъ на наемныхъ лошадяхъ черезъ волокъ, поднимаются вверхъ по р. Вамѣ, черезъ ея пороги. По выкладкамъ свѣдущихъ туземцевъ, переѣздъ впередъ въ Каргопольщину и обратно оттуда, отнимаетъ у жителей до 400—600 рублей ежегодно, что сравнительно весьма вѣроятно. По этой причинѣ Водлозёры много разъ спрашивали меня, есть ли возможность

соединить каналомъ въ 5 верстъ длиною два бассейна—Бѣломорскій и Балтійскій, о чемъ уже была мысль и не въ средѣ убогихъ рыбаковъ. Водла не признавалась обыкновенно судоходною по ея порожистости, и кажется, мысль о каналѣ въ здѣшнемъ краѣ оставлена.

IV.

Необходимость въ улучшеніи скотоводства и хлѣбопашества обусловливается ходомъ измѣненій въ природѣ.—Скотоводство въ Олонецкой губерніи за послѣдній періодъ времени почти не улучшилось.—Причины этого: сибирская язва; хищные звѣри: волки и медвѣди; вредъ отъ тѣхъ и другихъ изъ нихъ.—Скудость кормовъ въ слѣдствіе поздняго наступленія весны, продолжительности зимы, ограниченности пастбищъ и бѣдности въ покосахъ.—Недоброкачественность сѣна, значеніе листьевъ и проч.—Распредѣленіе скота у крестьянъ при устьѣ р. Вытегры, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.—Стоимость крестьянской и другихъ лошадей; улучшеніе мѣстной породы.

Изъ предыдущихъ главъ, я полагаю, стало ясно, что количество звѣрей, птицъ и рыбъ постоянно, годъ отъ году, все болѣе и болѣе уменьшается въ Олонецкой губерніи; причиной подобнаго оскудѣванія животныхъ служитъ самъ же человѣкъ. Вычищая лѣса подъ сѣнокосы, вырубая ихъ для постройки жилищъ и отопленія, выжигая ихъ для своей пашни, онъ или оттѣсняетъ звѣря отъ окрестностей своего жилья, или прекращаетъ для него всякую возможность жить и размножаться здѣсь. Далеко отъ жилья уходитъ олень; тѣснится въ глубь лѣса куница, даже бѣлка; за ними покидаютъ окрестности жилья многія изъ лѣсныхъ птицъ; въ замѣнъ этой фауны появляются въ возникающемъ вновь мелколѣсьи звѣрки въ родѣ зайца-русака, полевокъ, кротовъ, или пернатые въ родѣ сѣрой куропатки, или же хоръ пѣвуновъ, составленный изъ славокъ, соловьевъ и т. д. Такимъ образомъ, самъ человѣкъ измѣняетъ природу и кладетъ себѣ преграду къ большинству тѣхъ промысловъ, въ которыхъ его же предки находили себѣ исключительное средство къ существованію. Теперь уже сама природа, измѣненная человѣкомъ, ставитъ ему дальнѣйшія задачи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ его участь на жизнь или смерть. Рѣшитъ онъ ихъ удовлетворительно,—тогда право на жизнь будетъ завое-

вано; останется онъ глухъ къ голосу природы,—тогда рядъ неудачъ и препятствій будетъ давить его на каждомъ шагу, и жизнь такого человѣка омрачится тѣмъ колоритомъ, подъ покровомъ котораго мы съ трудомъ отыщемъ что-нибудь утѣшительное. Слѣды этого послѣдняго обстоятельства, къ сожалѣнію, бросаются намъ въ глаза на жителяхъ Олонецкой губерніи. Они одинаково замѣтны какъ на скотоводствѣ, такъ и на хлѣбопашествѣ; и мнѣ не первому приходится указывать на бѣдственное состояніе этихъ отраслей хозяйства въ здѣшнемъ краѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если остановиться на скотоводствѣ въ Олонецкой губерніи, то найдемъ, что въ новѣйшій періодъ времени оно почти не измѣнилось; количество домашнихъ животныхъ за послѣдніе и за сороковые года представляетъ самую ничтожную разницу, если при этомъ давать какое-либо значеніе имѣющимся у насъ статистическимъ свѣдѣніямъ. Въ цифровыхъ данныхъ важно не абсолютное, а относительное значеніе; изъ нихъ мы, по крайней мѣрѣ, усматриваемъ фактъ, что весьма часто общее количество скота въ предшествующіе года было больше, чѣмъ въ послѣдующіе. Еще Пушкаревъ указывалъ, что количество скота, за исключеніемъ свиней, постоянно уменьшалось съ 1842 по 1844 г. Въ 1842 году считалось въ Олонецкой губерніи 51,794 лошади; въ 1844 г. было только 49,119, слѣдовательно, на 2,675 головъ менѣе; коровъ въ 1842 году считалось 101,954, а къ 1844 году осталось 81,972, то есть, произошло уменьшеніе на 19,982 головы [1]). Затѣмъ, обращаясь къ Штукенбергу, собравшему статистическія данныя изъ всѣхъ имѣвшихся источниковъ, я долженъ сказать, что, напримѣръ, за 1846 годъ количество овецъ преувеличено у него на столько [2]), что самую цифру можно принять только за вымыселъ первоначальнаго составителя или за опечатку, и что далѣе, на слѣдующей страницѣ, онъ приводитъ, на основаніи Дашкова [3]), тѣ же преувеличенныя и вполнѣ ошибочныя данныя объ общемъ

---

[1]) *Пушкаревъ*, Описаніе Россійской Имп. Т. I, Олон. губ., стр. 55.

[2]) *Штукенбергъ*, Статистическіе труды, ст. VII, Опис. Олон. губ., стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14, примѣч. 34. Ср. *Дашкова*, Описаніе Олон. губ., стр. 79—81.

количествѣ скота въ губерніи, которыя далеко раньше, при первомъ ихъ появленіи у Бергштрессера, опровергъ Пушкаревъ [1]). Данныя о количествѣ лошадей постояннѣе: за 1846 годъ ихъ считалось 49,509, или по другимъ источникамъ,—49,569 шт. [2]). Въ 1848 году лошадей считалось 49,551 [3]); слѣдовательно, количество лошадей увеличилось на нѣсколько десятковъ или даже уменьшилось. Но за 1850 годъ показано на всю губернію 47,894 лошадей [4]), то есть, произошло уменьшеніе, даже сравнительно съ 1844 годомъ, на 1,225 штукъ. Такимъ образомъ, количество лошадей за 9 лѣтъ, съ 1842 г. по 1850, уменьшилось на 3,903 штуки. Данныхъ за пятидесятые года у меня подъ рукой не имѣется, кромѣ относящихся до 1858 года [5]). Здѣсь мы находимъ количество лошадей увеличившимся до 57,679 шт.; прибавилось съ 1850 года, въ теченіе 8 лѣтъ, около 10,000 головъ, что крайне мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что въ послѣдующіе года мы снова видимъ уменьшеніе въ числѣ лошадей. Такъ, въ 1862 году считалось уже 56,057 [6]), на 1,622 штуки менѣе противъ 1858 года; за 1863 годъ [7]) количество лошадей показано 53,891 штукъ, на 2,166 штуки менѣе предшествовавшаго. По официальнымъ даннымъ 1862 и 1863 гг., на 100 человѣкъ жителей считалось слѣдующее количество домашняго скота:

	1862 г. [8])	1863 г. [9])
Лошадей	18,83	18,16
Рогатаго скота	35,35	35,06
Овецъ	31,03	30,10
Свиней	3,58	20,50

[1]) *Пушкаревъ*, 54.
[2]) *Штукенбергъ*, стр. 13—14.
[3]) Тамъ же, и Олонец. губ. вѣд. № 37.
[4]) Тамъ же, стр. 14.
[5]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1860 г., стр. 266.
[6]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 42.
[7]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.
[8]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1864 г., стр. 43.
[9]) Памятн. кн. Олонец. губ. за 1865 г., стр. 60.

Въ этомъ разсчетѣ бросается въ глаза небрежность, которую трудно чѣмъ-либо оправдать; такъ, напримѣръ, количество свиней на 100 человѣкъ показано за 1863 годъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ за предшествующій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ 1862 году ихъ было 10,769, а въ 1863—только 7,437, то есть, на 3,332 штуки менѣе. Затѣмъ, по тѣмъ же официальнымъ источникамъ извѣстно: „Полагая крестьянскую семью въ 4 души обоего пола, получимъ на каждое хозяйство менѣе, чѣмъ по 1 лошади, по 1 съ половиною рогатаго и по 1 штукѣ мелкаго скота". Эти общія данныя представляютъ, можетъ быть, факты въ гораздо лучшемъ видѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ и это скудное количество скота распредѣлено далеко неравномѣрно. Бываютъ случаи, что почти половина или треть членовъ различныхъ сельскихъ обществъ лишены всякаго скота и ведутъ, въ слѣдствіе того, какъ то будетъ упомянуто ниже, почти нищенскій образъ жизни.

Итакъ, я начну съ наиболѣе важныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе скотоводства въ Олонецкой губерніи. Въ первый рядъ нужно поставить скотскіе падежи отъ болѣзней—сибирской язвы и чумы. Сибирская язва извѣстна въ здѣшней мѣстности уже довольно давно; въ тридцатыхъ годахъ она опустошала стада поселянъ точно также, какъ и въ наше время. Г. Бергштрессеръ говоритъ о ней, какъ о болѣзни, ежегодно свирѣпствующей сильнымъ образомъ не только на лошадяхъ, но и на рогатомъ скотѣ и овцахъ [1]). Дѣйствію той же сибирской язвы Пушкаревъ приписывалъ уменьшеніе числа домашнихъ животныхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ [2]); ей же нужно приписать и падежи во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, въ родѣ случившагося въ Каргопольскомъ уѣздѣ [3]). Указанія на тѣ же скотскіе падежи частію отъ чумы, частію отъ сибирской язвы встрѣчаются постоянно и въ болѣе близкіе къ намъ года. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ, тысячи животныхъ пали вслѣдствіе тѣхъ же эпидемическихъ болѣзней [4]). Отъ сибирской же язвы погибло много

[1]) *Бергштрессеръ*, Опытъ описанія, Олон. губ., стр. 82.
[2]) *Пушкаревъ*, стр. 55.
[3]) Олон. губ. вѣд. за 1849 г., № 37.
[4]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 43 и за 1865 г., стр. 60.

скота въ 1868 и 1869 годахъ [1]). Сибирская язва сильно свирѣпствовала въ 1870 году; въ это время одинъ Вытегорскій уѣздъ потерялъ до 1,087 головъ разнаго скота; наиболѣе сильнымъ развитіемъ отличается сибирская язва на Маріинскомъ каналѣ, гдѣ изнуреніе домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, доходитъ до высшей степени.

Коренныя причины этого страшнаго бича скотоводства мало извѣстны; впрочемъ, давно замѣчено, что распространеніе сибирской язвы тѣсно связано съ болотистыми мѣстностями; затѣмъ болѣзнь приписывается болотистымъ пастбищамъ, поднимающемуся съ болотъ удушливому пару, дѣйствующему на животныхъ [2]); новѣйшія изслѣдованія также признаютъ вліяніе болотъ на появленіе болѣзни, но даютъ нѣсколько иное объясненіе путямъ, по которымъ болота зловредно дѣйствуютъ на организмъ: именно предполагается, что болота заразительно дѣйствуютъ на домашній скотъ черезъ образованіе ульминовыхъ веществъ; зараженію способствуетъ жаркая погода [3]). Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни были скрыты коренныя внутреннія причины сибирской язвы, а также и другихъ подобныхъ болѣзней, вредъ, причиняемый ею домашнему скоту, достигаетъ громадныхъ размѣровъ, и она служитъ одною изъ непреоборимыхъ причинъ къ развитію нищеты въ крестьянскомъ населеніи. Жаль видѣть поселянина, у котораго падежъ отнимаетъ послѣднюю лошадь или корову, лишая его возможности вспахать затѣмъ пашню или вскормить дитя. Притомъ, послѣ вышесказаннаго, мы должны видѣть въ сибирской же язвѣ косвенное вліяніе сѣверныхъ болотъ на состояніе сельскаго хозяйства.

Не менѣе страшными врагами домашняго скота нужно считать для здѣшняго края и хищныхъ животныхъ—волковъ и медвѣдей; всѣ естественныя условія сложились такъ, что домашній скотъ здѣшнихъ поселянъ разводится какъ будто главнымъ образомъ

---

[1]) Журналы Олон. губ. земскаго собранія 1869 г., прилож., стр. 26. Журналы Вытегор. очередн. земск. собранія, стр. 137—146.

[2]) *Берштрессеръ*, стр. 82.

[3]) *Гриммъ*, Отчетъ по изслѣдованію сибирской язвы, въ Трудахъ Спб. Общ. Естествоисп., т. III, стр. 64—72.

для кровожадныхъ обитателей лѣса. Въ интересахъ хищниковъ дѣйствуетъ прежде всего міръ насѣкомыхъ. Во многихъ случаяхъ домашнія животныя могутъ пастись въ лѣсахъ только по вечерамъ и ночью; днемъ ихъ пребываніе въ лѣсу дѣлаетъ невозможнымъ комары и оводъ, и животныя ищутъ отъ нихъ спасенія или около жилья, или въ густыхъ чащахъ лѣса. Всякое удаленіе животныхъ отъ жилья, а также появленіе ихъ на пастбищахъ поздно вечеромъ, доставляетъ довольно легкую возможность для хищническихъ на нихъ нападеній. Притомъ, волки до такой степени смѣлы, что даже лѣтомъ, въ виду жителей, таскаютъ овецъ въ свои логовища. Нѣсколько подобныхъ примѣровъ случилось на моихъ глазахъ около деревни Устьинской, на Тудозерѣ. Еще смѣлѣе становятся они въ концѣ лѣта и осенью; около Оштинскаго погоста, не далеко отъ истоковъ Свири, въ теченіе августа мѣсяца было истреблено волками болѣе десятка разнаго скота; особенно страдаютъ отъ нихъ жеребята. Зимой по дорогамъ волки бродятъ цѣлыми стадами; часто путешествуютъ они отъ деревни къ деревнѣ; въ это время скотъ накрѣпко запирается, но и при этомъ случается, что хищники пробираются даже въ хлѣва. Сильнѣе всего страдаютъ стражи домовъ—собаки [1]), не смотря на то, что ихъ запираютъ въ домахъ. Собака, неосторожно оставшаяся на дворѣ или далеко отошедшая отъ хозяина во время дороги, становится жертвою волка; въ этомъ послѣднемъ случаѣ волки нерѣдко отманиваютъ собакъ въ стороны. Не менѣе опаснымъ для скота является и медвѣдь. По поводу его современныхъ похожденій приведу прежде всего разсказъ о его подвигахъ среди домашняго скота изъ прошлаго. „Деревня Плотичная на лѣвомъ берегу Свири, въ 5 верстахъ отъ Пидьмы. Жители сей деревни", говоритъ Озерецковскій, „сказывали мнѣ, что много скота, а особливо лошадей, перевелъ у нихъ медвѣдь, отъ котораго особливымъ избавились они случаемъ

---

[1]) *Бергштрессеръ* (см. стр. 96) говоритъ: „Медвѣдей и волковъ въ губерніи весьма много; волки иногда столь дерзки, что приходятъ зимою, при продолжительныхъ морозахъ, даже въ города и таскаютъ оттуда или собакъ, поздно прогуливающихся по улицамъ, или козловъ, ночующихъ, большею частью, у гостинаго двора вмѣстѣ съ сторожами".

Двое изъ нихъ, ѣхавши на лодкѣ по Свири выше своей деревни, увидѣли медвѣдя, плывущаго черезъ рѣку отъ праваго берега къ лѣвому, на которомъ пасся у нихъ скотъ; увидя, приняли намѣреніе напасть на него, пока онъ не выплылъ, тотчасъ нагнали его на лодкѣ и въ нѣсколько минутъ убили, не имѣя другаго оружія, кромѣ топора и лодочной мачты. Съ той поры цѣлы у нихъ лошади, коихъ однакожь послѣ покойника немного осталось, но опасно, чтобы наслѣдники его и послѣднихъ не доконали; ибо ихъ по Свири очень довольно“ [1]). Подобные факты и мною были замѣчены въ окрестностяхъ города Вытегры; весьма часто случалось, что крестьяне приглашали меня идти на медвѣдей, производящихъ опустошенія въ ихъ стадахъ. Рѣдко медвѣдь, удачно поживившись изъ стада коровой или лошадью, не повторяетъ нападеніе въ другой, въ третій и т. д. разъ. Выдаются и такого рода медвѣди, которые въ одну ночь или въ сутки давятъ по семи и болѣе штукъ скота; это такъ называемые здѣсь *гонцы*, хищники, производящіе опустошенія не столько для удовлетворенія голода, сколько изъ хищничества и кровожадности; истребляя стада въ одномъ мѣстѣ, гонцы быстро переходятъ для той же цѣли въ другія мѣста или деревни, отстоящія отъ первыхъ на цѣлые десятки верстъ. Въ противоположность этому, обыкновенный медвѣдь, не гонецъ, идетъ за новою добычей только въ томъ случаѣ, когда старая истощается. Вмѣстѣ съ медвѣдемъ и волкомъ нападаетъ на домашнихъ животныхъ и россомаха. Опустошенія, производимыя въ стадахъ звѣрями, громадны. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ Вытегорской земской управы, въ 1870 году въ уѣздѣ истреблено хищными звѣрями 1086 головъ скота, то есть, только одною штукой меньше, чѣмъ въ тотъ же годъ похищено сибирскою язвой. Въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, во время моего пребыванія въ Олонецкой губерніи, скота пало отъ хищныхъ звѣрей больше, чѣмъ отъ сибирской язвы. Почти въ каждой изъ деревень было задавлено по 3 или по 5 штукъ скота, такъ что на деревни Куртники, Чунъ-Ручей, Урюпину, Педяевщину и другія, лежащія около Тудозера, пришлось болѣе 40 головъ, кромѣ тѣхъ, ко-

[1]) *Озерецковскій*, 137—138.

условій для подножнаго корма въ весну, которая характеризуется слѣдующими, напримѣръ, непривлекательными признаками: „Весна начинается обыкновенно въ концѣ апрѣля, но весьма рѣдко сопровождается днями теплыми; иногда снѣгъ остается въ лѣсахъ до половины мая, а въ оврагахъ, лежащихъ въ сѣверной части губерніи, и до іюля мѣсяца. Послѣдніе весенніе морозы бываютъ еще въ маѣ и даже въ первыхъ числахъ іюня“ [1]). Мнѣ самому пришлось встрѣчать весну при устьѣ Вытегры. Въ первыхъ числахъ мая вся почва и всѣ деревья стояли голыми; 4-го мая на болотахъ только что началъ цвѣсти небольшой болотный кустарникъ—Andromeda; 10-го по окраинамъ болотъ, въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, распустились селезеночникъ (Chrysosplenium) и куреслѣпъ (Caltha); около тѣхъ же мѣстъ собирался раскрыть свои цвѣты и листья бѣлокрыльникъ (Calla). Съ самаго начала мая и древесная растительность начала развивать свои листовыя почки, но такъ медленно, что къ половинѣ мѣсяца едва только на концахъ почекъ выглядывали зеленыя части молодыхъ листьевъ, и деревья казались безлистными и голыми; 15-го мая жители безъ березокъ праздновали Троицу, а 16-го, въ Духовъ день, выпалъ снѣгъ, сопровождаемый сырою, холодною и вѣтряною погодой. Такая весна, когда лишь въ концѣ мая и въ началѣ іюня сухая и желтая прошлогодняя трава замѣнилась зеленою и свѣжею, представляла весьма мало хорошаго для скота. Въ продолженіе всего апрѣля скотъ сидѣлъ взаперти; первая половина мая также не давала ему корма. Я не одинъ разъ слышалъ мычаніе коровъ, пребывающихъ въ хлѣвахъ на жесткой соломѣ. Крестьяне, охая и жалуясь на отсутствіе кормовъ на выгонахъ, прибавляли нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Вишь, скотина-то тоснуть (тосковать) начала, ни пить, ни ѣсть не стала; все въ лѣсъ хочется. А въ лѣсу-то черно да голо!“ Мало прійдется прибавить къ вышесказанному о пастбищахъ. Олонецкая губернія въ крайне рѣдкихъ случаяхъ надѣлена естественными сухими лугами; жителю приходится отвоевывать отъ природы необходимое; онъ вычищаетъ на опушкахъ лѣсовъ небольшіе клочки земли; здѣсь онъ убираетъ валежины

[1]) *Пушкаревъ*, 25.

CALIFORNIA ACADEMY OF SCIENCES

деревья, пни и камни, и правда, тогда подъ сѣнью деревъ выростаетъ красивый коверъ сочной зеленой травы, которая и служитъ потомъ для выкашиванія. Иногда такія лѣсныя лужайки образуются сами собою, и скотъ пользуется ими для своихъ непосредственныхъ цѣлей. Вообще, можно сказать, что трава, выростающая въ глубинѣ и по опушкамъ лѣсовъ, иногда по окраинамъ болотъ, отличается своею сочностью; жаль только одного, что она является въ маломъ количествѣ. По временамъ можно встрѣтить и по берегамъ рѣкъ хорошія кормовыя травы; луга въ верховьяхъ р. Вытегры или Шимы даже поразили меня своимъ видомъ, своими разнообразными растеніями, изъ которыхъ среди злаковъ выдавались купальницы (Trollius), лютикъ, вероника, чина (Zathyrus) и пр. Такого же вида картина представляется иногда на сухихъ окраинахъ болотъ. Здѣсь также зелень является поразительно красивою, особенно по изобилію крупныхъ и мелкихъ видовъ папоротниковъ [1]). Однимъ словомъ, во многихъ случаяхъ ясно, что при нѣкоторой культурѣ и сравнительно небольшомъ трудѣ большія пространства Олонецкой губерніи могли бы дать чрезвычайное изобиліе корма. Въ губерніи уже были попытки травосѣянія, и по видимому, весьма удачныя, но дальнѣйшаго примѣненія къ практикѣ онѣ, кажется, не имѣли; по крайней мѣрѣ въ двухъ уѣздахъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ, мнѣ не представилось случая наблюдать травосѣяніе.

Вообще, въ настоящее время мы не находимъ въ Олонецкой губерніи изобилія въ пастбищахъ съ хорошею и питательною травой [2]); кромѣ указанныхъ уже неудобствъ отъ хищниковъ и овода, пребываніе скота въ лѣсахъ опасно и по большому количеству грязей; скотъ часто вязнетъ въ нихъ, такъ что жители отправляются изъ деревень ватагами для высвобожденія увязшихъ коровъ. Затѣмъ паства никогда не ограничивается однимъ лѣсомъ; скотъ пасется часто и на болотахъ,—въ этомъ мнѣ приходилось

---

[1]) *Берштрессеръ*, 78.

[2]) *Берштрессеръ* также указываетъ на распространеніе многихъ питательныхъ травъ въ Олонецкой губерніи; но отсюда не слѣдуетъ выводить, какъ это онъ думаетъ, что здѣсь имѣются въ такомъ же изобиліи и вполнѣ удобныя пастбища. См. стр. 79.

ясно убѣдиться при устьѣ р. Вытегры. Выгонами часто служатъ острова среди большихъ озеръ: жители перевозятъ скотъ на ближайшій не заселенный островъ и оставляютъ его здѣсь на все лѣто; сюда ежедневно ѣздятъ женщины на лодкахъ доить своихъ коровъ; это мнѣ пришлось видѣть на Водлозерѣ; впрочемъ такъ дѣлаютъ по преимуществу жители острововъ для спасенія скота отъ хищниковъ, но и это удается не всегда. Почти на моихъ глазахъ жители деревни Канза-Наволока были перепуганы извѣстіемъ, что на ближайшій островъ, гдѣ у нихъ пасся скотъ, забрался съ материка, вплавь черезъ заливъ, хищникъ — медвѣдь или россомаха, и попортилъ коровъ.

Итакъ, если многія изъ мѣстностей Олонецкой губерніи не представляютъ полной бѣдности въ пастбищахъ, то относительно сѣнокосовъ она положительно обижена. Въ окрестностяхъ Вытегры мѣстъ сухихъ, съ хорошими питательными травами, такъ мало, что жители большую часть сѣна заготовляютъ на болотахъ: здѣсь растетъ исключительно осока, и къ времени поставки сѣна она вырастаетъ высокою и густою и дѣлается жесткою и грубою. Выкошенная, она нерѣдко заливается водой отъ рѣкъ или дождевою, и потому становится почти черною. Понятно, что она не можетъ быть сколько-нибудь питательною и пріятною для скота. Между тѣмъ все заготовляемое здѣсь сѣно отличается такимъ характеромъ; и можетъ быть, поэтому всякое сѣно называется здѣсь „болотомъ“. Въ деревняхъ около устья Вытегры и по Тудозеру часто говорятъ: „я спалъ на болотѣ“, то есть, на сѣнѣ; или: „принеси сюда болото!“ Въ другихъ случаяхъ приготовляется для скота еще болѣе оригинальный кормъ: это листья ивы. Такой обычай распространенъ въ окрестностяхъ Водлозера: жители, особенно женщины, почти ежедневно привозятъ на лодкахъ или въ мѣшкахъ большое количество ивовыхъ листьевъ и стелютъ ихъ въ избахъ, на полъ; этотъ листъ служитъ жителямъ и постелями; черезъ день или два старый листъ убирается, а на мѣсто его стелется новый. Зимой такой листъ кладется въ горячую воду и въ такомъ видѣ, вмѣстѣ съ настоемъ, идетъ въ пищу скоту. Кромѣ листа, собирается въ большомъ количествѣ кипрей (Epilobium angustifolium); онъ сушится на воздухѣ пучками и имѣетъ то же назначеніе, что и листья. Кстати

сказать, сами жители пьютъ то же самое растеніе, подъ именемъ чая, получая его за дорогую цѣну изъ какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ источниковъ. Въ заключеніе замѣчу, что жители такъ мало могутъ заготовлять сѣна, что уже, по показаніямъ Бергштрессера, при наступленіи зимы продаютъ большую часть рогатаго скота [1]).

Изъ представленнаго очерка, я полагаю, будетъ до нѣкоторой степени ясенъ рядъ неблагопріятныхъ условій для развитія скотоводства въ Олонецкой губерніи. Теперь я укажу на частные случаи. Въ деревняхъ при устьѣ р. Вытегры, приходится по 1, изрѣдка по 2 лошади на хозяйство. Есть по нѣскольку и такихъ семействъ, у коихъ лошадей совсѣмъ не имѣется; въ Гуртникахъ на 17 домовъ оказывается два семейства безъ лошади. Въ деревняхъ по Тудозеру число семействъ, не имѣющихъ лошадей, увеличивается, но большинство все-таки остается съ лошадьми и коровами. Наиболѣе состоятельныя имѣютъ отъ 5 до 10 овецъ. Сносны здѣсь по виду коровы; овцы мелки; лошади, кромѣ того, забиты и измучены, такъ что у нихъ легко можно пересчитать ребра. Притомъ нужно замѣтить, что здѣсь по деревнямъ свиньи не разводятся, также, какъ далѣе, на Водлозерѣ, — мѣстность, о распредѣленіи скота въ которой между сельскимъ населеніемъ я располагаю нѣсколько болѣе полными данными. Можетъ быть, окрестности Вытегры болѣе богаты скотомъ (съ чѣмъ я впрочемъ здѣсь не имѣлъ возможности ближе познакомиться), сравнительно съ Водлозеромъ; но изучая скотоводство Водлозёровъ, мы можемъ согласиться, что и то общее и ничтожное количество скота, о которомъ мы говорили въ началѣ главы, распредѣлено очень неравномѣрно, вслѣдствіе чего здѣшнее скотоводство представляется въ гораздо болѣе худшемъ видѣ, чѣмъ это можно думать на основаніи вышесказаннаго. Въ селеніи Маломъ Куго-Наволокѣ считается 9 домовъ; всего скота приходится на селеніе 6 лошадей и 9 коровъ, которыя распредѣлены такъ: одинъ житель имѣетъ 2 лошади и 4 коровы; другой имѣетъ 1 лошадь и 2 коровы; у трехъ жителей по 1 лошади и 1 коровѣ; у остальныхъ 4 семействъ нѣтъ

[1]) *Бергштрессеръ*, стр. 75 и 89.

ни коня, ни коровы. Почти на противоположномъ концѣ Водлозера, въ селеніи Коскосалмѣ, расположенной на большомъ островѣ Канза-Наволокѣ и состоящей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей съ 32 дворами, встрѣчаемъ нѣчто подобное же; изъ общаго числа только 14 жителей или дворовъ имѣютъ по лошади или коровѣ или по нѣсколько лошадей и коровъ (1 житель съ 2 лошадьми и 5 жителей имѣютъ по 2 коровы). Изъ остальныхъ на 7 дворовъ приходится только по 1 коровѣ; лошадей нѣтъ; 11 жителей не имѣютъ ни коня, ни коровы. То же самое и на западномъ берегу Водлозера: въ селеніи Охтомостровѣ, гдѣ 11 домовъ, на всѣхъ жителей приходится 6 лошадей и до 10 штукъ коровъ, при чемъ 3 крестьянина имѣютъ по 2 коровы. Въ селеніи Гумаръ-Наволокѣ 13 дворовъ; на 7 дворовъ нѣтъ ни коня, ни коровы; у двухъ семействъ по 3 дойныя коровы, у остальныхъ по коню и коровѣ, или только по одной коровѣ, безъ лошади. Затѣмъ жители нерѣдко, при распросахъ о количествѣ скота, указывали мнѣ на деревеньку Гость-Наволокъ, заключающую въ себѣ три двора; на все это поселеніе приходится одна только лошадь. Къ числу другихъ причинъ, не благопріятствующихъ скотоводству, я долженъ прибавить еще указаніе на то, что многіе изъ Водлозёровъ лишились послѣднихъ коровъ или лошадей въ послѣдніе года, когда они были принуждены ради уплаты податей продавать послѣднюю скотину за половинную цѣну. И это явленіе не мѣстное, но широко распространенное [1]). Рядомъ съ Водлозеромъ, нѣсколько восточнѣе, въ окрестностяхъ Кенозера, жители видимо чувствуютъ меньше бѣдности въ скотѣ. Напримѣръ, въ деревнѣ Рышковой, заключающей въ себѣ до 25 дворовъ, только на 3 двора не имѣется ни коня, ни коровы. Немного иначе къ сѣверо-западу отъ Водлозера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ: здѣсь уже только на 8 душъ приходится по 1 лошади [2]), тогда какъ, по вышеуказанному общему разсчету, для всей губерніи приходилось на 4 души около 1 лошади. Такъ,

[1]) Оно обыкновенно и въ Вытегорскомъ уѣздѣ; на продажу хлѣба въ подобныхъ же случаяхъ, какъ на сильную причину, развивающую нищету, указывалъ одинъ изъ мѣстныхъ гласныхъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 10-го декабря 1866 года.

[2]) Памятн. кн. Олонецкой губерніи за 1868–1869 года, стр. 24.

въ Шунгской волости, наиболѣе богатой изъ всѣхъ, лошадей нѣсколько менѣе, чѣмъ общее число дворовъ, считая каждый дворъ не много болѣе 7 душъ [1]). Въ Миндусельской волости считается 541 дворъ, а лошадей только 480, такъ что уже по общему разсчету ихъ не хватаетъ на 61 дворъ. Въ Ругозерской волости считается 250 дворовъ, а лошадей 170 штукъ, — недостаетъ на 80 дворовъ [2]), то есть, почти на $^1/_9$ часть населенія; но это отношеніе не имѣющихъ лошадей къ имѣющимъ видимо мало; на самомъ дѣлѣ оно должно быть больше. Какъ это уже можно судить и по Водлозеру, часто наиболѣе состоятельные крестьяне имѣютъ по 2 и даже по 3 лошади; уже Пушкаревъ указывалъ [3]) на тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи крестьяне выкармливаютъ по 15 и 30 лошадей для продажи: такого рода случаи, вѣроятно, не рѣдки и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ; принимая ихъ во вниманіе, нужно предположить, что едва ли здѣсь, какъ и въ окрестностяхъ Водлозера, число крестьянъ, не имѣющихъ лошадей, не простирается до $^1/_3$ или $^1/_2$ всего населенія [4]).

Почти повсемѣстно крестьянину, не имѣющему лошадей, обзавестись ими весьма трудно; самая плохая лошадь стоитъ не менѣе 25 руб., а сколько-нибудь сносная — 50 руб. и болѣе. На юго-востокъ Олонецкой губерніи лошади пригоняются съ Поволжья. По Маріинской системѣ, при тягѣ судовъ, приходятъ между прочимъ чрезвычайно изнуренныя лошади, которыхъ хозяева судовъ скупаютъ за ничтожную цѣну въ среднихъ губерніяхъ. Цѣна такихъ лошадей окупается для ихъ хозяевъ тягой судовъ, а затѣмъ онѣ еще продаются крестьянамъ. Такого-то рода лошади, изнуренныя и измученныя, по разсказамъ Олончанъ, легче всего подвергаются сибирской язвѣ и служатъ такимъ образомъ источникомъ заразы. По Ладожскому каналу хорошая шведская лошадь стоитъ до 100 руб. и болѣе. Мѣстная порода лошадей представляетъ мало привлекательнаго; улучшеніе ея было бы настоятель-

[1]) Памятн. кн. Олонецкой губерніи, за 1868 — 1869 года, стр. 29 — 44 и 45.

[2]) См. тамъ же, стр. 33, 37, 44, 45 и 45.

[3]) *Пушкаревъ*, стр. 54.

[4]) Здѣсь я долженъ замѣтить, что количество рогатаго скота вездѣ больше, чѣмъ количество лошадей; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ распространены овцы.

ною необходимостью, но заводовъ для разведенія лошадей въ посѣщенной мною мѣстности не имѣется. Въ одномъ случаѣ, около города Пудожа, крестьяне были весьма довольны тѣмъ, что получили на одну изъ волостей хорошаго жеребца отъ государственнаго коннозаводства, не знаю, за какія именно услуги. Кобылицы изъ окрестностей должны были сводиться для случки съ жеребцомъ въ опредѣленное мѣсто. Отъ этой мѣры ожидаютъ хорошихъ послѣдствій, такъ какъ были случаи въ нѣкоторыхъ волостяхъ, когда она приводила къ хорошимъ результатамъ: доброта мѣстной породы весьма повысилась. Не знаю, почему бы подобной хотя мѣрѣ къ улучшенію скотоводства не дать гораздо болѣе широкаго распространенія и не сдѣлать ея до нѣкоторой степени узаконенною?

V.

Ходъ земледѣльческой промышленности съ начала нынѣшняго столѣтія. — Несостоятельность земледѣлія отъ причинъ климатическихъ и почвенныхъ: сѣверо-западная и юго-восточная полосы земледѣлія. — Вліяніе на земледѣліе различныхъ животныхъ. — Скудость и плохія качества удобренія. — Отношеніе къ земледѣлію общественнаго строя. — Подсѣчное хозяйство, какъ первобытная форма земледѣлія, обусловленная характеромъ сѣверной природы; отсутствіе способности въ современныхъ жителяхъ обойдтись помимо него, доказательство — въ судьбѣ Водлозеровъ. — Общность современныхъ земледѣльческихъ орудій съ древне-русскими. — Посѣвы хлѣбовъ въ окрестностяхъ Вытегры, Водлозера и Кенозера. — Виды на улучшеніе земледѣлія въ будущемъ.

Намъ остается разсмотрѣть одинъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія жителей — хлѣбопашество; при этомъ придется указать только на болѣе существенныя стороны этой отрасли хозяйства, упустивъ изъ виду многія частности, какъ то сдѣлано и въ предыдущей главѣ; иначе статья приняла бы слишкомъ широкіе размѣры. Притомъ въ общихъ чертахъ неудовлетворительное состояніе земледѣльческой промышленности въ Олонецкой губерніи до нѣкоторой степени извѣстно. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „земледѣліе въ Олонецкой губерніи въ крайне ограниченномъ состояніи", или: „земледѣліе и вообще сельское хозяйство въ губерніи на низкой степени развитія" — сдѣлались общими мѣстами и повторяются много десятковъ лѣтъ. Уже на основаніи многихъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, нельзя ожидать здѣсь иного положенія дѣлъ. Въ ходѣ земледѣльческой промышленности у Олончанъ едва-

ии мы найдемъ значительный прогрессъ, начиная почти сначала нынѣшняго столѣтія, если только полагаться—опять долженъ повторить—на имѣющіяся у насъ статистическія данныя.

Въ 1803 году, по отчету министерства внутреннихъ дѣлъ, въ Олонецкой губерніи было посѣяно хлѣба 149,586 четвертей, сжато 542,348 четв.; въ 1804 году посѣяно 121,259 четв., сжато 431,993 четв. [1]). Послѣ этого, спустя 26 или 25 лѣтъ, то есть, въ 1829 году, всего было посѣяно только 118,978 четв., сжато 426,471 четв. [2]); слѣдовательно, и посѣяно, и сжато меньше, чѣмъ четверть столѣтія назадъ. Въ 1832 г. посѣяно во всей губерніи озимаго хлѣба 41,920 четв., яроваго 71,690, всего 113,610 четв. [3]), — на 5,368 четв. меньше, чѣмъ въ 1829 г. Г. Бергштрессеръ, написавшій свою книгу во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, даетъ общую цифру посѣва: озимаго 40,000 четв., яроваго 70,000, всего 110,000 четв. [4]), то есть, еще меньше. Затѣмъ, основываясь на данныхъ 1842, 1843 и 1844 гг., г. Пушкаревъ опредѣлилъ общее количество засѣваемаго хлѣба въ Олонецкой губерніи: озимаго 49,000 четв. и яроваго до 108,000 четв., что вмѣстѣ составляетъ 157,000 четв.; общій урожай онъ принимаетъ отъ 430,000 до 612,000 четв. [5]). Урожай 1803 года немного превосходитъ среднее изъ этихъ чиселъ, а урожай 1804 года равняется наименьшему изъ нихъ. Такимъ образомъ, еслибы признать всѣ приведенныя нами данныя хотя приблизительно вѣрными, то мы должны были бы смотрѣть на земледѣліе въ Олонецкой губерніи, какъ на регрессирующую, приходящую въ упадокъ отрасль хозяйства, и только въ крайнемъ случаѣ, могли бы допустить, что земледѣліе въ продолженіе сорока лѣтъ коченѣло въ одной и той фазѣ развитія, для чего пришлось бы принять данныя за тридцатые года уменьшенными, цифры же за болѣе ранній періодъ времени преувеличенными; но въ пользу этого, кромѣ нѣкоторой невѣроятности въ разности перехода отъ наименьшаго посѣва въ половинѣ тридцатыхъ годовъ къ наибольшему

[1]) *Штукенберг*, 11.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 10.
[4]) *Бергштрессеръ*, 55.
[5]) *Пушкаревъ*, 50.

въ началѣ сороковыхъ, нѣтъ фактовъ [1]). Свѣдѣнія о посѣвѣ за послѣдующіе года также подтверждаютъ мысль о сильныхъ колебаніяхъ въ ходѣ земледѣлія, и притомъ, больше въ худую сторону; самые лучшіе урожаи послѣднихъ годовъ не выходили изъ тѣхъ предѣловъ, какіе уже извѣстны въ данныхъ за начало столѣтія и за сороковые года. Въ 1846 году было посѣяно 47,021½ четв. озимаго и 90,250½ четв. яроваго хлѣба, всего 137,272 четв.; снято по самъ — 3 [2]), слѣдовательно, 411,816 четв., что гораздо ниже наименьшаго урожая, опредѣленнаго Пушкаревымъ. Въ 1858 году было посѣяно 153,365 четв., снято 524,566 четв., урожай былъ хорошъ, озими самъ—4, яровые хлѣба самъ—3¼. [3]) Въ 1862 году посѣвъ значительно увеличился: въ этотъ годъ было посѣяно 173,220 четвертей озими и яровыхъ хлѣбовъ; но урожай былъ весьма низокъ; снято 488,733 четв. [4]); это количество хлѣба равняется среднему сбору отъ урожаевъ за 1803 и 1804 гг.; оно значительно меньше, чѣмъ сборъ за первый годъ, и больше, чѣмъ за второй. Въ 1863 году посѣяно всего хлѣба 160,113 четв., снято около 538,431 четв.; еслибъ это число было хотя приблизительно вѣрно [5]), то въ немъ мы имѣли бы наибольшій урожай за послѣдніе года, который однакоже не превосходитъ, какъ многіе изъ указан-

---

[1]) Въ пользу того же упадка земледѣлія свидѣтельствуютъ отчасти и цѣны на хлѣбъ; въ 1811 году низшая цѣна за четверть ржаной муки стояла на 14 р.; въ 1829 г. мука продавалась по 6 р. 88 к.; съ 1833 до 1837 г. низшія цѣны были отъ 18 р.—20 р. до 22—23 руб.; въ 1842 г. мука стоила отъ 4 руб. 75 коп. до 7 р. 16 коп.; къ 1850 г. мука понизилась до 4 р. 5 коп. *Штукенберга*, 12—13. Въ шестидесятыхъ годахъ цѣны на хлѣбъ снова повышаются: ржаная мука стоитъ отъ 8 р. до 9 и болѣе. (См. Пам. кн. Ол. губ. за 1864 и 1865 гг.).

[2]) Олон. губ. вѣд. за 1847 г. № 3.

[3]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г. стр. 265.

[4]) Пам. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 35. Здѣсь, между прочимъ, въ общемъ итогѣ озимаго посѣва, вмѣсто 60,043, напечатано 6,063.

[5]) На вѣрность же его нельзя разсчитывать: не говоря о томъ, какъ собирались самыя свѣдѣнія для его опредѣленія, оно получено по какимъ-то инымъ правиламъ, чѣмъ простыя ариѳметическія. На стр. 53 (см. Пам. кн. Ол. губ. за 1865 г.) показано, что посѣвъ яроваго хлѣба у государственныхъ крестьянъ равнялся 74,062 а урожай былъ самъ—3½; какое изъ этихъ двухъ чиселъ вѣрное—не извѣстно, такъ какъ сборъ опредѣленъ 24,862, гораздо меньше, чѣмъ посѣ-

ахъ уже чиселъ подобнаго рода, maximum'а раньше собиравшаго-
хлѣба, какъ въ 1803 году, такъ и за сороковые года. Изъ всего
азаннаго очевидна полная несостоятельность земледѣлія въ Оло-
цкой губерніи; при лучшихъ урожаяхъ не хватаетъ громаднаго
личества хлѣба для пропитанія мѣстнаго населенія. Въ 1803
ду недоставало для продовольствія губерніи 26,537 четв.; въ
ѣдующемъ—96,452 четв.; въ тридцатыхъ годахъ, по вычисленію
ергштрессера, требовалось ежегодно прикупать для годоваго про-
итанія 256,344 куля хлѣба, что должно было обойдтись, считая
ль по 15 руб., въ 3,845,160 руб. [1]), разсчетъ, вѣроятно, не безъ
ѣкотораго преувеличенія. По мѣстнымъ источникамъ за послѣд-
іе года извѣстно, что „хлѣбопашество доставляетъ сельскому на-
еленію годовое продовольствіе только въ уѣздахъ Каргополь-
комъ и Вытегорскомъ (относительно послѣдняго это не совсѣмъ
праведливо); часть жителей уѣздовъ Петрозаводскаго, Чудожска-
о и Лодейнопольскаго и почти цѣлые уѣзды Повѣнецкій и Оло-
ецкій покупаютъ себѣ болѣе половины хлѣбнаго продовольствія,
въ сѣверныхъ мѣстностяхъ крестьяне почти исключительно кор-
мятся покупнымъ хлѣбомъ [2]). При этомъ, относительно сѣверныхъ
ѣздовъ упущено изъ виду то, что крестьяне питаются хлѣбомъ
съ соломой и сосновою корой.

Несостоятельность хлѣбопашества въ Олонецкой губерніи обу-
словливается весьма разнообразными причинами; сюда, конечно, нуж-
но отнести и причины климатическія—заморозки въ маѣ и іюнѣ мѣ-
сяцахъ; въ 1854 году морозами 17-го и 21-го іюня въ Вытегорскомъ и
Олонецкомъ уѣздахъ были причинены большіе убытки [3]); бываютъ
заморозки и въ іюлѣ, и въ такомъ случаѣ не бываетъ ни одного мѣ-
сяца въ году безъ мороза, такъ какъ заморозки обыкновенно начи-
наются съ августа [4]). „По случаю поздней весны, суроваго лѣта и

ино; если же взять произведеніе отъ посѣва на урожай, то получимъ 259,217.
Какое изъ чиселъ вошло въ общій итогъ, предоставляю провѣрку другимъ.

[1]) *Бергштрессеръ*, стр. 56.

[2]) Пам. кн. Олон. губ. за 1865 г., стр. 55.

[3]) *Штукенбергъ*, 6.

[4]) Тамъ же.

раннихъ, съ половины іюля, морозовъ, въ 1862 году снято озимаго хлѣба менѣе противъ 1861 года на одну пятую, а яроваго на одну тринадцатую часть“ [1]). Случаи, въ родѣ нижеслѣдующаго, относящагося къ Повѣнцу, не рѣдки: „Холодный уголокъ нашъ, съ болотистою, по большей части, почвою земли, весьма бѣденъ участками, годными къ разработкѣ подъ хлѣбопашество; но въ послѣдніе годы, даже самые посильные труды и заботливость землепашца не вознаграждались осенпею уборкою; особенно 1856 и 1857 годы были печальны для насъ въ этомъ отношеніи; такъ, прошлаго года въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ 9-го по 12-е число, по ночамъ были морозы, погубившіе картофель и другіе овощи у всѣхъ жителей города; холода имѣли вліяніе даже на капусту, и она не могла развиться: при уборкѣ хозяева довольствовались только сѣрыми листьями и *мошенками*, какъ обыкновенно называютъ здѣсь слабый клубъ капусты, только что начинающій принимать свою форму. Пострадалъ также и озимый хлѣбъ отъ этихъ морозовъ: рожь, большею частію, позябла и только въ немногихъ мѣстахъ, у нѣкоторыхъ счастливцевъ, осталась невредимою, хотя конечно, и тутъ холода тоже воспрепятствовали налиться совершенно зерну“ [2]). Или имѣемъ факты въ родѣ слѣдующаго: въ Петрозаводскѣ, 5-го іюня „очень рѣзкій градъ при сильномъ вѣтрѣ причинялъ даже боль на лицѣ. Въ ночи на это число былъ морозъ, повредившій въ садахъ георгины, цвѣтъ фруктовыхъ деревъ и нѣкоторую огородную зелень“ [3]). Вѣроятно, подобнаго рода явленія не рѣдко случаются въ различныхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи; притомъ бывали они какъ въ окрестностяхъ, такъ—нужно думать—и въ здѣшнемъ краѣ и отдаленныя времена: въ 1466 г., въ Новгородской и Устюжской областяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ отъ великихъ морозовъ, случившихся около 29-го іюня, всѣ полевыя растенія позябли; въ 1682 году случился такой же морозъ 22-го іюля, и притомъ

---

[1]) Памятн. кн. Ол. губ. за 1864 г., стр. 38.

[2]) Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 22, стр. 74—40. Въ томъ же Повѣнецкомъ уѣздѣ хлѣбъ пострадалъ отъ раннихъ осеннихъ морозовъ въ 1867 году. Пам. кн. Ол. губ. за 1868—1869 гг., стр. 40.

[3]) Олон. губ. вѣд. за 1858 г. № 91, стр. 112. Метеорол. наблюд. *Смолькова*.

хлѣбъ при такихъ условіяхъ — хоть не собирай, удобренія нѣтъ, или мало. Есть дома съ еще болѣе печальною наружностью; одинъ изъ нихъ почти на половину ушелъ въ землю; оставшаяся половина покосилась и дала большія щели; внутренняя стѣна этой курной избы засорена, задымлена и шершава отъ несогласнаго положенія бревенъ, какъ сѣдой и каменистый горный обрывъ. Слѣдующій домъ хотя и не ушелъ въ землю, но еще хуже; крыша на немъ, по выраженію здѣшнихъ остряковъ, окрашена въ зеленую краску, то есть, состоитъ изъ мелкихъ, накладенныхъ одна на другую, сосновыхъ или еловыхъ вѣтокъ, съ ихъ зеленою хвоей [1]). Подъ крышей потолокъ; онъ во многихъ мѣстахъ украшенъ длинными щелями, куда и проникаетъ въ ясную погоду веселый лучъ свѣта, а въ ненастную—потоки воды; зимою щели закрываются льдомъ. Полъ еще болѣе измятъ и изборожденъ; многія половицы на половину сгнили, и изъ-подъ нихъ мрачно смотритъ подполье. Въ первомъ изъ домовъ, въ углу, стоитъ жерновъ отъ ручной мельницы [2]), да около него фунта два хлѣба въ зернѣ. Вообще же въ домахъ повсюду лоскутья, грязь и темнота".

Таковъ общій характеръ жилья въ здѣшнемъ краѣ; вообще, въ большей части деревень отношеніе слишкомъ бѣдныхъ домовъ къ сколько-нибудь состоятельнымъ можно опредѣлить, руководствуясь даннымъ мною выше распредѣленіемъ скота: гдѣ больше скота, тамъ и наружность домовъ лучше; гдѣ его совсѣмъ мало или нѣтъ, тамъ можно видѣть почти то же, что относится и къ Пѣлгострову.

Не видно благосостоянія и въ одеждѣ жителей, по крайней мѣрѣ въ обыденное время; большая часть будничной одежды и матеріалъ для нея — произведеніе собственныхъ рукъ Олончанъ. Все

---

[1]) Разсказываютъ, что одинъ изъ мѣстныхъ юношей увлекся одною красавицей, жившею въ другой, отдаленной деревнѣ; дѣвица долго не внимала вздохамъ своего поклонника, подозрѣвая его въ нищетѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не представилъ въ жаркихъ выраженіяхъ всѣхъ прелестей своего дома, и между прочимъ, *зеленой* крыши; противъ этого не устояло женское сердце; молодая, обвѣнчавшись, возвратилась въ деревню, гдѣ и объялъ ее, при видѣ новаго своего жилища, съ крышей изъ хвои, весь ужасъ обмана, которому она подверглась.

[2]) Ручныя мельницы здѣсь употребительны по примѣру древней Руси: см. *Ключевской*, Сказанія иностр., 157.

нижнее бѣлье—если его только можно назвать этимъ именемъ—дѣлается изъ своедѣльнаго холста. Женщина, выходя замужъ, несетъ главное приданое въ ткацкомъ станкѣ и въ умѣньѣ владѣть имъ. Зима — періодъ, въ который она ткетъ холстъ и готовитъ изъ него платье мужу и дѣтямъ; она искусна и въ вышиваніи: полотенца и женскія рубашки украшаются различными узорами; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается и простыня; обыкновенно же въ такого рода принадлежностяхъ жители не нуждаются, а спятъ лѣтомъ на ивовыхъ листьяхъ и оленьихъ шкурахъ, иногда и на тюфякахъ, накрываясь пологами отъ комаровъ. Холсты красятъ въ синій и желтый цвѣтъ, что дѣлается въ домахъ самими хозяевами или особыми спеціалистами; желтую краску получаютъ изъ подмаренника—Galium (Вирозеро). На окрашенныхъ холстахъ набиваютъ различнаго рода узоры. Рубашки дѣлаются преимущественно изъ крашенаго холста, штаны — изъ бѣлаго; отъ довольно продолжительнаго ношенія какъ то, такъ и другое часто теряетъ свой цвѣтъ и дѣлается одноцвѣтнымъ, и затѣмъ уже поступаетъ въ стирку. Вообще будничное бѣлье далеко не отличается чистотою; то же можно сказать и о женскомъ платьѣ. Въ праздникъ одежда чище; тутъ отчасти видны сукно на мужчинахъ и ситцы на женщинахъ; праздничная одежда носится бережливо и сохраняется долго. По отношенію къ Заонежью г. Р., находя, что жители по своему праздничному одѣянію кажутся богатыми, прибавляетъ: „Но часто случается, что эти мнимые богачи, возвращаясь съ гулянки, не находятъ дома даже куска хлѣба. Но объ этомъ Заонежанинъ много не думаетъ. Сегодня разгуливали—самъ хозяинъ въ синемъ ярмякѣ, а жена въ штофномъ сарафанѣ, завтра же все это завязывается въ платокъ и относится въ залогъ за какой-нибудь пудъ муки или рубль денегъ“ [1]). Тотъ же наблюдатель утверждаетъ, что иногда одежда на праздникъ берется на прокатъ подъ работу или въ долгъ. Мнѣ, съ своей стороны, не приходилось встрѣчаться съ случаями щегольства, выходящими изъ предѣловъ благоразумія, когда бы жители одѣвались несравненно выше своихъ средствъ; встрѣчалъ я женщинъ въ шел-

[1]) *Р—ва*, Этногр. зам. о Заонеж. въ Пам. кн. 1866 г., 29.

ковыхъ и бумажныхъ платьяхъ, но онѣ принадлежали къ числу такихъ, мужья которыхъ такъ или иначе нажили себѣ капиталы. Случается также, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, что женщины, распоряжающіяся хозяйствомъ, продаютъ скрытно отъ мужей часть запасовъ, хлѣба или рыбы и на вырученныя деньги покупаютъ себѣ обновки, ленты, ситцу на платье или чего-другаго. Но подобные поступки едва ли принадлежатъ къ числу неблаговидныхъ, особенно при томъ положеніи, въ которомъ стоитъ здѣсь женщина: тотъ трудъ, который она несетъ на себѣ, заслуживалъ бы гораздо большей награды. Долженъ я сказать еще, что въ женскихъ нарядахъ старые теряютъ все больше и больше свое значеніе или измѣняютъ свою форму; такимъ измѣненіямъ подвергается кокошникъ, или какъ здѣсь, на Водлозерѣ, говорятъ, повойникъ. Въ окрестностяхъ Вытегры онъ изчезъ; нѣтъ его даже у старыхъ женщинъ. На Водлозерѣ еще женщины среднихъ лѣтъ имѣютъ повойники, вышитые золотымъ галуномъ и стеклярусомъ и напоминающіе по своей формѣ обращенное кверху копыто лошади; молодое поколѣніе обходится безъ повойниковъ. Въ окрестностяхъ Пудожа и около Кенозера повойникъ распространенъ нѣсколько болѣе, но уже въ видоизмѣненной формѣ и съ узорами изъ жемчуга [1]). Къ одеждамъ, выходящимъ изъ употребленія, относится также тѣлогрѣйка.

Вообще, по отношенію къ одеждѣ, Олончанамъ представляется много трудностей при сравнительно холодномъ климатѣ; крестьянинъ не всегда въ силахъ удовлетворить нуждѣ въ теплой одеждѣ; для этого стоитъ только посмотрѣть на жителей хотя въ такихъ случаяхъ, о которыхъ была рѣчь при уженьѣ рыбы на Онежскомъ озерѣ. Но еще требовательнѣе природа и условія здѣшней жизни къ пищѣ; оказывается необходимою большая затрата физическихъ силъ для того, чтобы что-нибудь пріобрѣсти; трудъ, приложенный къ почвѣ, къ лѣсу, къ рыбной ловлѣ, является утомительнымъ; мускульная сила расходуется здѣсь въ чрезмѣрномъ количествѣ. Всякій изъ участвовавшихъ въ работѣ членовъ тѣла

---

[1]) Жемчугъ—произведеніе мѣстное, добываемое изъ раковинъ, водящихся какъ въ Олонецкой губерніи, такъ и въ другихъ, сосѣднихъ.

менистою почвой, и исключеніемъ служатъ лишь два острова: одинъ изъ нихъ небольшой—Ильинскій, съ церковью, а другой немного большій—Колгостровъ; оба они обладаютъ иловато-песчаною почвою, не содержащею въ себѣ валуновъ; они, вѣроятно, имѣютъ сравнительно недавнее происхожденіе; и эти острова славятся по всему Водлозеру своимъ плодородіемъ и удобствомъ къ обработкѣ.

Укажу еще на одинъ факторъ, весьма вредно отзывающійся по временамъ на здѣшнемъ земледѣліи, — это такъ называемый червь; его дѣйствіе на олонецкія хлѣбныя поля аналогично опустошеніямъ, производимымъ саранчей на поляхъ южной Россіи. По видимому, онъ весьма давно извѣстенъ въ Олонецкой губерніи. Есть извѣстія, что червь производилъ опустошенія на хлѣбныхъ поляхъ и въ прошломъ столѣтіи. Осенью 1789 года онъ поѣлъ въ Лодейнопольскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ болѣе 1400 четв. хлѣба. Въ Олонецкомъ, гдѣ онъ истреблялъ посѣвы съ 30-го августа по 23-е сентября, было посѣяно 4105 четв., съѣдено 442 четв. Въ Лодейнопольскомъ было посѣяно 2143 четв., съѣдено 1003 четверти, то есть, посѣвъ истребленъ на половину [1]). Показывался червь въ Олонецкой губерніи и въ 1840 году [2]). Затѣмъ имѣются данныя за 1843 г. У Пушкарева показанъ истребленнымъ посѣвъ только у удѣльныхъ крестьянъ, именно 31 четв. общественной запашки и 412 четв. запашки крестьянской [3]). Но нужно полагать, что истребленіе не ограничилось посѣвами удѣльныхъ крестьянъ, но распространилось и на посѣвы другихъ поселянъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ нашествіе червя на хлѣба въ 1870 году. Появившись осенью этого года, онъ распространился въ уѣздахъ Вытегорскомъ, Лодейнопольскомъ, Олонецкомъ, Пудожскомъ, Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ [4]). Истребивъ большое количество озими осенью, весной онъ снова напалъ на посѣвы и уничтожалъ яровые хлѣба, засѣянные вмѣсто истребленныхъ, такъ что многіе

[1]) Олонецк. губ. вѣд. 1846 г. № 36.

[2]) Олонецк. губ. вѣд. за 1871 г. стр. 270.

[3]) *Пушкаревъ*, 50.

[4]) См. Олон. губ. вѣд. за 1871 годъ, стр 974, указатель статей о хлѣбопашествѣ. Я слышалъ о распространеніи червяка и дальше къ востоку, за Каргопольскій уѣздъ.

крестьяне, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Вытегры и въ Пудожскомъ уѣздѣ, отъ трехъ посѣвовъ не возвратили и сѣмянъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, червь истреблялъ или 1/2 или 2/3 озимыхъ посѣвовъ; въ деревнѣ Урѣпиной, на берегу Лукандозера, онъ съѣлъ изъ 143 засѣянныхъ пудовъ всходы отъ 62 пуд., слѣдовательно, 43% посѣва, притомъ такъ, что однимъ пашнямъ вредилъ меньше—съѣдалъ 1/3 или половину, другія же опустошалъ на голо. По Тудозеру, напримѣръ, въ Бабовщинѣ, онъ истребилъ до 2/3 посѣвовъ; около Водлозера онъ распространился преимущественно на западномъ берегу и почти не тронулъ хлѣбовъ на восточномъ. Около Пильмасъ-озера, у одного изъ самыхъ состоятельныхъ жителей, червь принесъ убытку рублей на 200. Весной онъ былъ уже въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ осенью. На слѣдующій 1871 годъ появленія его также опасались, но его уже не было, или же слышались жалобы только мѣстами. Въ этомъ случаѣ, на мѣсто его, какъ мнѣ пришлось лично убѣдиться, вредилъ озимямъ небольшой слизнякъ; я находилъ его въ большомъ количествѣ на пашняхъ около Сумозера и въ окрестностяхъ Вытегры; онъ собирался на озимыя поля въ концѣ августа и въ первой половинѣ сентября, безъ сомнѣнія потому, что здѣсь находилъ сочную зелень вмѣсто посохшей травы на тощихъ лугахъ и въ лѣсу. Средствъ къ истребленію этого слизняка, а равно, и червя, конечно, не придумано, особенно такихъ, которые радикально отстраняли бы зло. Многія изъ предлагаемыхъ средствъ, какъ-то непосредственное истребленіе какъ самыхъ червей, такъ и источника, изъ котораго они возникаютъ [1]), далеко не достигаютъ цѣли, вмѣстѣ съ окопкою пашенъ рвами, что повлекло бы за собою издержки и трату

[1]) Мнѣ лично не удалось найдти червей, такъ какъ къ времени моего пріѣзда они изчезли или показывались въ разныхъ мѣстахъ спорадически. *О. А. Гриммъ*, получивши изъ Вытегорскаго уѣзда нѣсколько экземпляровъ червей, истреблявшихъ хлѣбъ, нашелъ, что они принадлежатъ къ двумъ видамъ: одинъ изъ нихъ—личинка хруща (Melolontha), другіе—гусеницы бабочки совиноголовки озимой или почницы (Agrotis exclamationis); хотя оба вида одинаково извѣстны по вреду какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи, однако въ данномъ случаѣ больше вѣроятности, что главнымъ врагомъ была гусеница почница. Сообщеніе въ засѣд. В. Эк. Общ. 22-го октября 1870 г. и Олон. губ. вѣд. 1871 г. стр. 269.

времени, не избавивъ окончательно поля отъ порчи. Точно такія не приложимы для Олонецкой губерніи и тѣ средства, которыя считаются дѣйствительными и радикальными. Нѣкогда думали, что если бы въ губерніи было достаточное число кротовъ, ежей, грачей, галокъ, жаворонковъ, плисокъ, ласточекъ, козодоевъ, совъ и т. прочихъ животныхъ, истребляющихъ червя, то можно было бы быть увѣреннымъ, что озимыя поля здѣшней мѣстности были бы теперь въ цвѣтущемъ состояніи 1). Но еслибъ это было бы и справедливо, то это средство къ истребленію не имѣло бы успѣха потому, напримѣръ, что кротъ весьма рѣдокъ въ Олонецкой губерніи; для ежа съ южными предѣлами губерніи совпадаетъ сѣверная граница распространенія, и онъ, какъ и грачъ, появляется здѣсь только случайно, хотя мнѣ ни того, ни другого видѣть не удалось; галка держится только въ городѣ, рѣдко на пашняхъ. Главные же враги червя—жаворонки, плиски, ласточки и козодой, оставляютъ Олонецкую губернію какъ разъ въ то время, когда въ концѣ августа и въ сентябрѣ появляется на озимяхъ червь. Весной они возвращаются здѣсь почти только тогда, когда червь изчезаетъ. Такимъ образомъ, изъ птицъ весьма немногія занимаются истребленіемъ червя; этими наклонностями особенно отличаются вороны; другія птицы — болѣе случайные враги червя. По наблюденіямъ жителей, червь появляется на поляхъ періодами; нѣкоторые говорятъ, что лѣтъ черезъ 15. Одно изъ употребляемыхъ у нихъ средствъ — посѣвъ раньше или позже обыкновеннаго, но это не ведетъ къ цѣли: червь съѣдаетъ и ранніе, и поздніе посѣвы одинаково.

Существуютъ и другіе враги хлѣбныхъ посѣвовъ; на яровое хлѣба часто прилетаютъ дикіе голуби и ѣдятъ засѣянныя зерна: то же дѣлаютъ и вороны; не говоря о многихъ мелкихъ зерноядныхъ птицахъ, я часто замѣчалъ на пашняхъ чаекъ (въ Сибири, по р. Ленѣ, я находилъ въ желудкахъ чаекъ конопляное сѣмя). На горохи залетаютъ по обыкновенію журавли. Не меньше вредятъ пашнямъ, особенно озимямъ, зайцы. Самымъ ярымъ врагомъ овсовъ является, конечно, медвѣдь; обыкновенно подъ осень онъ истреблялъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ громадныхъ количествахъ,

---

1) См. то же сообщеніе г. Гримма.

цѣлыя овсяныя поля, такъ что во многихъ случаяхъ крестьяне, во избѣжаніе этихъ медвѣжьихъ услугъ, стараются сѣять овесъ по возможности близко къ жилью.

Итакъ, вотъ наиболѣе значительныя трудности, представляющіяся хлѣбопашцу въ описанной мѣстности; онѣ существенно важны, но природа все-таки дала очень мало средствъ для того, чтобъ успѣшно преодолѣвать ихъ. Самое постоянное требованіе здѣшней почвы, безъ удовлетворенія которому она не даетъ нужныхъ плодовъ, это—навозъ, удобреніе; и какъ мы уже раньше видѣли, главный источникъ для него—скотоводство, скудно въ губерніи; во многихъ мѣстахъ жители на половину лишены скота, слѣдовательно, лишены возможности имѣть хотя сносные урожаи. Недостатокъ скота обусловленъ тою же природою, тѣмъ же угрюмымъ, лѣсистымъ и болотистымъ характеромъ мѣстности, соединеннымъ съ отсутствіемъ естественныхъ луговъ, и та же юго-восточная полоса, обставленная наиболѣе выгодно въ земледѣльческомъ отношеніи, сравнительно лучше обезпечена удобреніемъ, такъ какъ здѣсь и луговъ, и скота больше. Притомъ еще Бергштрессеръ указалъ на плохія качества здѣшняго удобренія въ слѣдующихъ словахъ: „Навозъ здѣшній не имѣетъ много удобрительныхъ частицъ, потому что: 1) скотина кормится болѣе соломою, нежели сѣномъ; 2) навозъ не гноятъ настоящимъ образомъ, потому что онъ лежитъ въ хлѣвѣ до вывоза на поля, слѣдственно, не прѣетъ такъ, какъ лежащій въ кучѣ; по этому для полученія хорошаго урожая нужно употребить его гораздо большее количество; 3) всѣ животныя находятся въ одномъ хлѣву: лошади, коровы, овцы и свиньи, слѣдственно, навозъ ихъ не раздѣляется по свойству и дѣйствію своему на соотвѣтственныя почвы“ [1]). Къ этому я долженъ прибавить еще то, что жители, для увеличенія количества навоза, даютъ возможность скоту затаптывать въ извержения большое количество соломы, отчего весь навозъ не представляется въ болѣе или менѣе рыхломъ видѣ, а склеивается въ массу, въ которой солома составляетъ преобладающій элементъ.

Теперь мнѣ остается замѣтить, что не подъ однимъ только

[1]) *Бергштрессеръ*, 56.

вліяніемъ выше представленныхъ естественныхъ условій развивалось олонецкое земледѣліе; на него несомнѣнно вліяли неблагопріятно и другіе факторы—именно общественные или соціальные. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что природа не измѣнилась въ существенныхъ своихъ чертахъ въ отношеніи климатическомъ, почвенномъ и пр. съ начала нынѣшняго столѣтія; между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, земледѣліе, вѣроятно, падало съ начала столѣтія до сороковыхъ годовъ, а затѣмъ стало возвышаться до первоначальнаго своего состоянія; словомъ, отсюда видно, что при однихъ и тѣхъ же естественныхъ условіяхъ оно является то въ нѣсколько лучшемъ, то въ худшемъ состояніи: фактъ этотъ указываетъ на важность общественнаго строя, на силу его въ томъ случаѣ, когда онъ сложенъ раціонально, и обратно, на то, какъ плохо обезпечено право на существованіе того общества, которое не выработало умственныхъ силъ для того, чтобы выгодно пользоваться тѣми или другими сторонами природы, улучшать старые методы пользованія или вырабатывать новые. Таковы и отношенія олонецкаго земледѣльца къ тому, что̀ его окружаетъ. Онъ пока мало культивировалъ почву Олонецкой губерніи и не внесъ существенныхъ измѣненій въ способы ея обработки; притомъ же, и выборѣ самой почвы онъ потерялъ ту неограниченность и свободу, съ которыми онъ только и могъ существовать здѣсь прежде; неограниченный и свободный выборъ земли для пашни соединялся съ тѣмъ, что̀ мы называемъ подсѣчнымъ хозяйствомъ.

Въ судьбѣ подсѣчнаго хозяйства мы видимъ доказательство медленнаго развитія олонецкаго обитателя. Начало такого рода земледѣлія положено въ весьма отдаленное отъ насъ время; Новгородцы, засѣляя Сѣверъ, обыкновенно выжигали лѣса въ томъ мѣстѣ, которое они находили удобнымъ для жилища. На ряду съ желаніемъ нажиться отъ ловли пушныхъ звѣрей, они обладали нѣкоторою выработанною склонностью къ хлѣбопашеству. Эта-то склонность и находила себѣ удовлетвореніе на той почвѣ, гдѣ выжженъ первобытный лѣсъ; урожаи на подобныхъ пашняхъ отличались большимъ изобиліемъ. Благодаря этому, можетъ быть, чисто случайный фактъ превратился въ систему; выжиганіе лѣсовъ спеціально для посѣва хлѣба сдѣлалось необходимостью и распространилось на

всѣхъ поселянъ Сѣвера; въ теченіе длиннаго періода времени этотъ способъ считался наиболѣе примѣнимымъ къ мѣстности, всосался, такъ сказать, въ плоть и кровь сѣвернаго хлѣбопашца и до сихъ поръ не теряетъ своего значенія въ его глазахъ. И въ самомъ дѣлѣ, урожаи бываютъ велики на мѣстахъ выжженныхъ лѣсовъ, на палахъ или полянахъ; рожь сѣется на такихъ мѣстахъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, иногда болѣе, сряду и даетъ урожай отъ самъ—10 или 15 до самъ—20, и это въ томъ случаѣ, когда выжигается не очень крупный лѣсъ, который былъ уже разъ выжженъ или вырубленъ; увѣряютъ, что урожай доходитъ до необыкновеннаго изобилія на мѣстахъ, гдѣ выжженъ не тронутый строевой и мачтовый лѣсъ; здѣсь получается въ продолженіе двухъ лѣтъ самъ—40 и 50 или самъ—55 [1]). Теперь вырубка строевыхъ лѣсовъ уже не возможна, и подсѣки ограничиваются по преимуществу мелколѣсьемъ, на мѣстѣ котораго уже бывали пашни; по урожаямъ самъ—15 или 20 эти мѣста считаются до сихъ поръ выгодными для обработки, и даже пашни крестьянъ около устья Вытегры и Тудозера дѣлятся на два разряда: на пашни общинныя (подѣльныя), подлежащія передѣлу, и на пашни, разработываемыя частными средствами и составляющія частную собственность каждаго крестьянина—пашни поляпостныя или поляны, палъ. Лѣсъ, состоящій изъ березы, осины, съ примѣсью сосенъ и елей, срубается и оставляется на мѣстѣ для просушки; черезъ годъ онъ высыхаетъ и тогда зажигается; если онъ горитъ исправно, то мѣсто перепахивается; если же не сгараетъ, что случается нерѣдко, то предполагаемая пашня оставляется, и хозяинъ долженъ искать другаго удобнаго мѣста и начинать съ начала работу. Отъ такого-то процесса выжиганія я издалека замѣчалъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта цѣлые облака дыму надъ разными деревнями въ окрестностяхъ Вытегры. Первоначально на такой пашнѣ сѣютъ рѣпу, достигающую большой величины; и подобныя мѣста называются *рѣпищами*; то мѣсто на Лужандозерѣ, гдѣ стоитъ теперь деревня Урѣпина, было первоначально рѣпищемъ окрестныхъ крестьянъ; затѣмъ нѣсколько крестьянскихъ

---

[1]) *Штукенберга*, стр. 7 и 9.

семействъ поселились здѣсь, образовали деревню, которая, отъ положенія около рѣпища, названа Урѣпиной, а потомъ въ обыкновенномъ разговорѣ Урюпиной—названія въ одинаковой степени употребительныя (оба онѣ встрѣчаются и у насъ въ текстѣ). Послѣ рѣпы сѣется на полянахъ рожъ, или же для нее дѣлаютъ отдѣльныя поляны. Послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ ржи пашня оставляется на десятокъ или болѣе лѣтъ для заростанія лѣсомъ, послѣ чего она снова обработывается. Это послѣдняя фаза, которую приняло подсѣчное земледѣліе. Говорятъ, что оно вообще вредно для лѣсовъ, но совсѣмъ не въ такой степени, какъ это принято думать.

Мѣста, гдѣ вырубленъ первобытный лѣсъ, по обыкновенію, занимаются мелколѣсьемъ, лѣсомъ смѣшаннаго характера, лиственнымъ и частію только хвойнымъ, вообще нестроевымъ. Пространства, служившія нѣкогда пашнями, встрѣчаются повсюду въ громадныхъ количествахъ, благодаря тому, что подсѣчное хозяйство много столѣтій здѣсь господствовало; они извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ лединъ, сельгъ и пр. Строевой лѣсъ на нихъ можно водворить только развѣ искуственно, чего нельзя ожидать въ настоящее время. Между тѣмъ подсѣчное хозяйство въ продолженіе многихъ лѣтъ было запрещено, и какъ кажется, во всѣхъ видахъ; мѣста удобныя для хлѣбопашества—ледины, сельги и малѣги, оставались втунѣ, будучи безполезными въ то же время и для лѣсоводства. Понятно, какъ гибельно отразился такого рода запретъ на бытѣ жителей; понятно, что въ прекращеніи подсѣчнаго хозяйства жители понесли такой ударъ, котораго нельзя было уравновѣсить въ ихъ положеніи ни какими средствами; они были лишены одного изъ важнѣйшихъ источниковъ къ пропитанію и не получили въ замѣнъ его ничего другаго. Они не были сильны ни умственно, ни экономически, чтобы легко выйдти на другую дорогу; переходъ былъ для нихъ очень рѣзокъ.

Съ прекращеніемъ подсѣчнаго хозяйства связана судьба, за послѣдніе годы, жителей въ окрестностяхъ Водлозера. Если справедливы разсказы,—а слышутся они съ разныхъ сторонъ въ одинаковомъ видѣ,—то Водлозёры были нѣкогда усердными хлѣбопашцами; меня убѣждали въ справедливости этого большія пространства старыхъ,

теперь заброшенныхъ пашень; иногда по ледянному мелколѣсью или по сележнымъ мѣстамъ, мнѣ приходилось идти на разстояніи пяти и болѣе верстъ подъ рядъ; такой лѣсъ связанъ въ своемъ происхожденіи съ участіемъ какой-нибудь небольшой окрестной деревеньки. Съ запретомъ на подсѣчное хозяйство жители начали уменьшать свое земледѣліе. Особенно страшными выставляютъ они поступки одного лѣсничаго Фишера; онъ строго преслѣдовалъ жителей за всякое срубленное дерево, за малѣйшее поползновеніе къ подсѣкамъ въ какомъ бы то ни было лѣсу; только тотъ безпрепятственно выжигалъ лѣсъ, кто снабжалъ лѣсничаго нѣсколькими десятками рублей; за самовольную подсѣку онъ бралъ до 50 руб., иначе грозилъ строгимъ судомъ. Такого рода порядки мало по малу отучили жителей отъ пашенъ; они стали больше и больше обращаться къ рыболовству, и наконецъ, на немъ преимущественно остановились, впадая постепенно въ нищету, вслѣдствіе уменьшнія количества рыбы. Въ послѣднее время, какъ говорятъ Водлозёры, на подсѣки смотрятъ болѣе снисходительно; крестьяне платятся лѣсникамъ только масломъ, рыбой, хлѣбомъ и пр.

Въ орудіяхъ обработки земли мы замѣчаемъ также мало измѣненій; соха осталась почти въ томъ же видѣ, въ какомъ иностранные путешественники представляютъ намъ въ своихъ описаніяхъ соху древне-русскую; въ современной Олонецкой сохѣ мы находимъ только желѣзные сошники, вмѣсто деревянныхъ, употреблявшихся на Руси въ XV—XVII столѣтіяхъ. Борона до сихъ поръ осталась неизмѣнною; это сколоченныя между собою сучковатыя вѣтви [1]). Теперь для бороны употребляются преимущественно вѣтви ели: вѣтка опредѣленной длины раскалывается на двѣ части, затѣмъ сучья обращаются внизъ, а стволы вѣтви связываются вмѣстѣ; десятокъ или болѣе такихъ пластинокъ, связанныхъ между собою, составляютъ борону; притомъ сучья внизу обрубаются, сохраняя до 1/2 аршина длины [2]). Сохранился также порядокъ трехпольной системы посѣва; на постоянныхъ общинныхъ земляхъ поря-

---

[1]) *Ключевскій*, Сказанія иностранц. о Моск. госуд., стр. 157.

[2]) См. Этнограф. замѣтки о Заонежанахъ въ Пам. кн. Олон. г. за 1866 г., стр. 84.

докъ бываетъ слѣдующій: овесъ, затѣмъ паръ, потомъ рожъ; послѣ ржи слѣдуетъ паръ, овесъ, рожъ и т. д.; вмѣсто овса слѣдуетъ жито, горохъ, посѣвъ котораго повторяется и два года сряду. Всѣ эти наблюденія относятся главнымъ образомъ къ окрестностямъ Вытегры.

Около устья Вытегры, по Тудозеру и пр. жители начинаютъ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ съ Николина дня (9-го мая) и ведутъ часто до конца мая, смотря по погодѣ. Во время моего пребыванія во многихъ мѣстахъ по Тудозеру жители не могли избрать удобнаго случая для посѣва до 24-го мая. На здѣшней глинистой, песчано-глинистой почвѣ или на растительномъ слоѣ, лежащемъ на пескахъ, высѣвается крестьянами въ лучшемъ случаѣ до 13 и даже до 25 мѣрокъ на семейство озимаго хлѣба; притомъ только небольшая часть можетъ быть посѣяна на земляхъ подѣльныхъ, общинныхъ: въ деревнѣ Гуртникахъ такой земли достается на душу только для посѣва двухъ мѣрокъ ржи, считая каждую въ одинъ пудъ [1]). Яровыя хлѣба въ исключительныхъ случаяхъ засѣваются до 40 или 60 мѣрокъ; такъ было въ 1871 году, когда озими были поѣдены червемъ, и когда выѣденныя мѣста засѣвались хлѣбами яровыми. Бываютъ семейства, засѣвающія и до 70 мѣрокъ овса; но они состоятъ душъ изъ 6, слѣдовательно, мѣрокъ по 11—12 на душу. Обыкновенно приходится на семейство до 5—10 мѣрокъ и менѣе. Ячмень засѣвается въ гораздо меньшемъ количествѣ, мѣрокъ до 2—6; горохъ—отъ 2½ и менѣе. То же съ рѣпой и картофелемъ; изъ 5 мѣрокъ послѣдняго родится въ самый хорошій годъ до 50 или 60 мѣрокъ. Въ число засѣваемыхъ растеній входитъ и ленъ. Овощи, капуста, огурцы и пр. здѣсь не разводятся, какъ объясняютъ крестьяне, по недостатку времени. Обыкновенно урожай хлѣба бываетъ самъ 2 и 3; хорошимъ считается урожай самъ 4; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ доходитъ до самъ 5 или 6. Есть впрочемъ и крестьянскія хозяйства, гдѣ урожай рѣдко бываетъ ниже самъ—10. Такого рода примѣръ мы видимъ въ деревнѣ Педяевщинѣ, обязанной своимъ плодородіемъ особому случаю: здѣсь во время зимы проходитъ

---

[1]) Пашни, бывшія прежде подсѣчными, превращены по большей части въ постоянныя, обрабатываемыя по системѣ общинныхъ.

санная дорога, по которой ѣдутъ такъ называемые здѣсь Каргополы, со всякими товарами своей земли; Педяевщина служитъ имъ станціей; здѣсь они проводятъ ночи, и благодаря этому, лошади ихъ оставляютъ хозяевамъ большее количество навозу, такъ какъ проѣзжіе бываютъ здѣсь постоянно. Педяевцы, въ числѣ трехъ семействъ, не только получаютъ съ проѣзжихъ деньги за ночлеги и пропитаніе, но обогащаются и навозомъ, которой потомъ и идетъ на удобреніе полей. Но этотъ случай составляетъ исключеніе. Вообще хлѣбъ здѣсь въ значительномъ количествѣ прикупается.

Обращаясь къ Пудожскому уѣзду, мы найдемъ здѣсь еще худшія экономическія условія. Въ южной и юго-западной части уѣзда разводится ленъ, обладающій необыкновенною доброкачественностью [1]); на него преимущественно обращается здѣсь вниманіе, такъ что льна получается ежегодно до 23 и до 25 т. пудовъ. Но ленъ истощаетъ почву; съ другой стороны, жители, разводя его, чувствуютъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Приведу слова одного изъ мѣстныхъ наблюдателей по этому поводу: „Разводители льна... большею частію не имѣютъ оборотнаго капитала, и употребивъ небольшой запасъ наличныхъ денегъ на покупку сѣмянъ, принуждены бываютъ забирать нужные для себя продукты въ долгъ. Напримѣръ, своего хлѣба недостаточно жителямъ этой мѣстности на годовое продовольствіе, и они должны прикупать себѣ отъ 4 до 10 кулей муки. Богатые торговцы пользуются нуждою крестьянина и отпускаютъ ему товары въ долгъ по высокой цѣнѣ и съ непремѣннымъ условіемъ продать будущій ленъ кредитору по извѣстной, разумѣется, низкой цѣнѣ. Чтобы спастись отъ монополіи скупщиковъ, маломочные хозяева выбираютъ себѣ надежнаго человѣка, даютъ ему на коммиссію каждый по 6—15 пудовъ льна и посылаютъ его въ Каргополь, на рѣку Онегу, въ Вытегру, Поморье и Шунгу. Въ этихъ мѣстахъ, кромѣ Шунги, имъ дѣйствительно удается продать выгодно товаръ и раздѣлить полную его цѣну между собою. Но въ Шунгѣ дѣло оканчивается для нихъ не совсѣмъ благополучно. Богатые торговцы привозятъ нарочно по 100—200 пудовъ льна на ярмар-

---

[1]) Купецъ Малокрошечный получилъ за него медаль на Лондонской выставкѣ 1862 года.

ку, какъ будто для продажи, и роняютъ цѣну до того, что незначительные торговцы весьма часто принуждены сбывать свой товаръ въ убытокъ и тому же скупщику, спасаясь отъ котораго, они привезли ленъ на ярмарку. Вслѣдствіе того большинство разводителей льна въ неоплатномъ долгу, и при настоящихъ обстоятельствахъ, врядъ ли изъ него могутъ выбраться“ [1]).

Собственно съ хлѣбопашествомъ мнѣ пришлось ознакомиться въ окрестностяхъ Водлозера — мѣстность, какъ я уже сказалъ выше, не представляющая ничего утѣшительнаго. На подсѣкахъ здѣсь также бываетъ урожай самъ—15 или 20; но онѣ распространены уже мало. Обыкновенныя поля приносятъ нѣкоторую выгоду только при сколько-нибудь сносной обработкѣ ихъ, при достаточномъ удобреніи и хорошей пропашкѣ. Хозяйства, порядочно обставленныя, доводятъ урожаи до самъ 5 — 7 [2]). Но какъ показываетъ уже самое распредѣленіе скота въ здѣшней мѣстности, о чемъ была уже рѣчь, число такихъ хозяйствъ должно быть ограничено; только съ весьма большими натяжками пришлось бы включить сюда $^1/_3$ всего населенія. Остальныя двѣ трети несостоятельны, бѣдны до нищенства; относительно этой-то части населенія мѣстный священникъ доказывалъ мнѣ, что хлѣбопашество не выгодно, даже, въ общей сложности, разоряетъ поселянъ. Бѣдные жители при недостаткѣ скота худо удобряютъ поля, на худыхъ лошадяхъ еще хуже ихъ пропахиваютъ. Многіе, не имѣя своихъ лошадей, нанимаютъ ихъ отъ сосѣдей или обязуются за лошадиную работу отплатить хозяевамъ ихъ своимъ собственнымъ трудомъ; въ средѣ этихъ жителей землю пашутъ или дѣти, или женщины, иногда старше 70 лѣтъ. Между тѣмъ сѣмена получаются весной по 1 руб. 20 коп. или даже по 1 руб. 50 коп. Урожай при плохой обработкѣ рѣдко бываетъ самъ—3, чаще самъ—2, а то и сѣмена едва возвращаются. Итакъ, вмѣсто 3 или 5 засѣянныхъ

---

[1]) О разведеніи льна въ Пудожскомъ уѣздѣ, ст. г. *Р.* въ Памятн. кн. Од. губ. за 1864 г., стр. 151.

[2]) Посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ бываетъ здѣсь поздно, около іюня; а вызрѣваетъ хлѣба рано, въ концѣ іюля или въ началѣ августа, такъ что, по замѣчанію жителей, хлѣбъ въ два мѣсяца можетъ возвратиться здѣсь изъ засѣка въ засѣкъ.

пудовъ, житель рѣдко получитъ 9 или 15 п., чаще 7 или 12 пуд., если не меньше; если урожай перевести на деньги, то стоимость его осенью будетъ совершенно та же, что стоимость сѣмянъ весною, такъ какъ осенью цѣна на хлѣбъ падаетъ до 50 или 60 коп. Вся выгода, получаемая отъ хлѣбопашества все-таки значительнымъ трудомъ, заключается только въ томъ, что жители хотя съ двойнымъ урожаемъ вліяютъ нѣсколько на общее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ; оставивъ хлѣбопашество, они осенью не получили бы ржи по 50 коп., а заплатили бы, можетъ быть, за нее нѣсколько дороже [1]). Бѣдные, не имѣющіе ни коня, ни коровы, отдаютъ свои надѣльныя поля болѣе состоятельнымъ жителямъ, получая 1/3 со всего урожая. Такимъ образомъ, и на ихъ долю выпадаетъ на душу по 1 или по 2 пуда хлѣба. Въ надѣлѣ общинной землей какъ здѣсь, такъ и въ окрестностяхъ Вытегры, вдовы, повсюду многочисленныя, участвуютъ только тогда, когда онѣ несутъ на себѣ общественныя повинности и платятъ подушныя подати. Окрестности Кенозера, сравнительно съ Водлозеромъ, обставлены во всѣхъ отношеніяхъ лучше; здѣсь процентъ не засѣвающихъ хлѣба весьма малъ, и общее количество засѣваемаго хлѣба больше. На Кенозерѣ жители искуснѣе въ обработкѣ почвы, и притомъ, меня даже удивилъ здѣсь одинъ обычай относительно выбора сѣмянъ. Жители заставляютъ разнаго рода сѣмена проростать во влажномъ мху въ комнатахъ; здѣсь они наблюдаютъ, какіе сорта сѣмянъ даютъ лучшіе ростки, быстрѣе всходятъ, и какіе не даютъ ростковъ. Такого рода опыты приводятъ жителей къ заключенію, что гораздо лучше сѣять, напримѣръ, озимь свѣжую, только что снятую, и что годовалая рожь, сравнительно со свѣжею, менѣе доброкачественна и мало пригодна для сѣмянъ; этотъ обычай заключаетъ въ себѣ весьма много хорошихъ сторонъ, давая возможность испытывать самые разнообразные сорта хлѣба, даже снятые въ одинъ годъ, но съ различныхъ полей. Окрестности Кенозера, вмѣстѣ съ

---

[1]) Здѣсь я долженъ засвидѣтельствовать объ одномъ весьма часто встрѣчающемся явленіи въ жизни Олонецкаго земледѣльца; по крайней мѣрѣ на Водлозерѣ въ большемъ обыкновеніи продажа на корню хлѣба, ради немедленной уплаты податей, при чемъ хлѣбъ идетъ, конечно, за ничтожную цѣну.

Каргопольскимъ уѣздомъ, служатъ нѣкоторымъ образомъ житницей для Водлозёровъ.

Итакъ, выше мы видѣли, что съ одной стороны природа, а съ другой—общественный строй крестьянскаго населенія Олонецкой губерніи неблагопріятно вліяютъ на ходъ земледѣлія; мы видѣли, что большинство земледѣльческаго сословія подавлено природой, и что къ этому присоединяются бытовыя, умственныя и экономическія условія, клонящія жителей къ бѣдности. Вмѣстѣ съ этимъ я старался указать, что такія отношенія между природой и обществомъ не абсолютны; онѣ, указывая на регрессъ или косность въ жизни общества, скорѣе являются исключеніемъ. Теперь я представлю нѣкоторые виды на возможность прогресса въ земледѣліи Олонецкой губерніи, на это естественное, законное явленіе въ жизни всякаго общества: человѣкъ можетъ и долженъ быть выше природы. Безвозвратно утраченныя выгоды отъ первобытнаго подсѣчнаго хозяйства, съ его глухими лѣсами, возможно получить еще отъ Олонецкихъ болотъ, которыя такъ широко здѣсь раскинуты и стоятъ до сихъ поръ не тронутыми, какъ и бывшіе здѣсь первобытные лѣса. Извѣстно, что осушенное черезъ посредство канавъ и затѣмъ выжженное болото даетъ громадный урожай; разводимая на такихъ мѣстахъ кустовая рожь даетъ изъ одного зерна до 70 колосьевъ, съ урожаемъ самъ—50 [1]). Низменная сырая мѣстность, недалеко отъ Вытегры, съ почвой, признаваемою крестьянами неудобною для хлѣбопашества, была осушена канавами и обработана такъ, что давала потомъ урожай самъ—19½; еще лучше родилась здѣсь пшеница: орловская давала урожай до самъ—31, а ярославская самъ—26. При этомъ система хлѣбопашества была примѣнена двѣнадцатипольная. Съ хлѣбами разводились и кормовыя травы, родившіяся, какъ и слѣдовало ожидать, съ отмѣннымъ успѣхомъ, даже такія, какъ красный клеверъ [2]). Эта

---

[1]) *Дашковъ*, Олонецк. губ. въ стат. этногр. и пр. отношеніяхъ, стр. 63; *Штукенбергъ*, 8.

[2]) *Герольдъ*, Нѣсколько словъ объ Олон. губ. въ земледѣльческомъ отношеніи, Олон. губ. вѣд. за 1858 г., стр. 16, 29 и 36. При этомъ считаю долгомъ оговориться, что заимствую изъ этой статьи только факты, но не общіе взгляды.

система не только приносила изобиліе въ хлѣбѣ, улучшая въ то же время скотоводство, благодаря прекрасному урожаю кормовыхъ травъ, но несомнѣнно влекла за собою и много другихъ послѣдствій. Распространившись болѣе широко, она уменьшеніемъ количества болотъ обезопасила бы скотъ отъ сибирской язвы, застраховала бы поля отъ излишнихъ посѣщеній разными вредными животными и пр., не говоря о рядѣ удобствъ по отношенію къ путямъ сообщенія. Въ общемъ стоимость обработки одной десятины болота или сырой низменности сводится на 50 или 100 руб. [1]); чтобы превратить неудобную мѣстность въ плодородную пашню, требуется упорный и настойчивый трудъ, который однакоже въ два года вполнѣ окупается [2]). Такимъ образомъ, здѣсь мы выступаемъ на почву чисто общественнаго строя: бѣдна не природа, но бѣденъ человѣкъ для того, чтобъ ее выгодно эксплуатировать; мы уже не однократно имѣли случай убѣдиться, что изъ-за нужды въ какихъ нибудь 5 или 10 руб. жители почти закабаляютъ себя, лишаются послѣдняго имущества—лошади или хлѣба; *они уже заранѣе запродаютъ свой трудъ, отправляемый въ большинствѣ случаевъ по весьма первобытнымъ способамъ*. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое всего менѣе способствуетъ улучшенію способовъ къ жизни и источниковъ для выгодныхъ заработковъ: положеніе, которое будетъ служить также препятствіемъ къ болѣе выгодной системѣ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи не выгоденъ также и складъ самого быта и привычекъ Олончанъ; какъ въ обществѣ нѣсколько патріархальнаго оттѣнка, мы встрѣчаемъ здѣсь малую степень раздѣленія труда. Большинство жителей являются здѣсь въ одно и то же время и рыбаками, и звѣроловами, и частію хлѣбопашцами; въ одинъ и тотъ же годъ крестьянинъ тянетъ барки, возитъ лѣсъ или живетъ

---

1) *Герольдъ*, стр. 13. Въ Финляндіи осушеніе болотъ получило сильное распространеніе съ 1830-хъ годовъ, при денежномъ содѣйствіи правительства и частныхъ обществъ. Такъ, въ Куопіосской губерніи въ теченіе 1855 года осушено до 2,000 дес. болотъ, въ Нюландской съ 1847—1855 г. до 2,040 д. и т. д. См. *Альфтанъ*, Матеріалы для стат. Финл., 1859 г., стр. 162.

2) *Герольдъ*, 16.

гдѣ-нибудь вдали отъ семьи; однимъ словомъ, здѣсь мало усидчивости и терпѣливой склонности къ одному и тому же дѣлу, а особенно къ дѣлу новому, требующему затратъ; такая работа, какъ хлѣбопашество, принадлежитъ во многихъ случаяхъ исключительно женщинамъ, надъ которыми тяготѣетъ рядъ другихъ, не менѣе многочисленныхъ занятій. Эта перспектива, конечно, затемняетъ виды на сколько-нибудь скорое улучшеніе земледѣлія въ Олонецкой губёрніи, свидѣтельствуя съ неменьшею ясностью о настойчивой необходимости поднять умственный уровень здѣшнихъ жителей, ослабивъ ихъ экономическую зависимость. Что хорошая организація труда можетъ сильно поднять земледѣліе—доказываютъ Даниловское общежительство и Лекса; среди безплодной почвы Повѣнецкаго уѣзда онѣ создали обширныя и хлѣбородныя поля и снабжали хлѣбомъ окрестныхъ жителей; на работы къ нимъ сходились крестьяне даже изъ Пудожскаго уѣзда, съ окрестностей Водлозера. Что болѣе легкій доступъ къ просвѣщенію и болѣе благопріятный общественный строй измѣняютъ физіономію и свойства мѣстности—доказываетъ сосѣдка Олонецкой губерніи, Финляндія, общая съ нею по своей природѣ и представляющая болѣе благопріятное развитіе и ростъ своего населенія.

Приведу по этому поводу давно сказанныя, но до сихъ поръ сохранившія свою силу, слова Пушкарева [1]): „Взгляните на смежную съ Повѣнецкимъ уѣздомъ Финляндію. Тѣ же горы, лѣса, озера и болота, какъ и здѣсь, тотъ же суровый климатъ, но какая разница въ хозяйствѣ! Въѣзжая въ Финляндію, встрѣчаете, среди самыхъ неудобныхъ мѣстъ, превосходно обработанные поля и луга, осушенные канавами, дающіе хорошій урожай; вездѣ обиліе, довольство, чисто, удобно выстроенные дома; такъ усиліе человѣка, знаніе, воздержность, порядокъ преобразовываютъ самую неблагодарную почву“.

[1]) *Пушкаревъ*, стр. 43.

VI.

Путина. Лѣсные заработки и понятіе о другихъ мелкихъ промыслахъ, связь благосостоянія съ заработками. Окрестности Вытегры и Водлозера по отношенію къ жилищамъ, одеждѣ и пищѣ.

Принимая во вниманіе состояніе главныхъ промысловъ въ Олонецкой губерніи, уже можно прійдти къ заключенію, что и остальныя отрасли народнаго хозяйства не стоятъ здѣсь высоко. Г. Дурново еще въ 1858 году доказывалъ, что разнаго рода производства, основанныя здѣсь Петромъ Великимъ, почти не развились съ тѣхъ поръ [1]). Самъ я укажу на нѣкоторыя, чисто мѣстныя частности, относящіяся къ мелкимъ промысламъ или источникамъ для заработковъ. На юго-восточномъ прибрежьѣ Онежскаго озера относится къ такимъ источникамъ заработковъ тяга судовъ или, какъ здѣсь говорятъ, путина. Двѣ или три недѣли работы, иногда и болѣе, даютъ здѣсь рабочему заработокъ отъ 10 до 12 руб.; сюда стекается народъ съ большей части губерніи; не говоря ужь о Вытегорскомъ уѣздѣ, приходятъ сюда и изъ Пудожскаго, и изъ Повѣнецкаго; народъ идетъ бѣдный, изнуренный, часто полуодѣтый, безъ обуви. Постоянное напряженіе силъ, притомъ пасмурная и дождливая погода и не всегда удовлетворительная пища дѣлаютъ эту работу утомительною. Еще хуже жаркая и ясная погода; она приноситъ по обыкновенію сибирскую язву, распространяющуюся и на людей; нерѣдко зловоніе отъ нечистотъ, оставляемыхъ рабочими, въ связи съ жарами, истомленіемъ и пр., дѣлаются источникомъ холеры. Во время моего пребыванія въ 1871 году въ окрестностяхъ Вытегры, съ первыми холерными случаями на Маріинской системѣ, многіе рабочіе бросили на произволъ судьбы суда, съ ихъ прикащиками и хозяевами, и иногда черезъ глухіе лѣса шли въ свои края; такъ сдѣлали Андомцы, шедшіе черезъ пустынныя верховья р. Илексы. На пути въ Пудожу и на сѣверъ отъ него я встрѣтилъ значи-

---

[1]) Олонец. губ. вѣд. за 1858 г. № 32. При этомъ укажу только на то, что со временъ Петра Великаго въ Олонецкой губерніи было въ дѣйствіи 13 желѣзныхъ и мѣдныхъ плавиленъ, изъ которыхъ въ послѣднее время всѣ, кромѣ трехъ, упразднены. См. *Штукенберга*, стр. 15.

тельное количество крестьянъ, шедшихъ съ путины. Благод
можетъ быть, тому именно обстоятельству, что я пріѣхалъ
Водлозеро одновременно съ путинщиками, привезшими стра
разсказы о холерѣ, крестьяне приняли меня первоначальн
распространителя этой болѣзни, предполагая ея присутствіе
бывшихъ при мнѣ пузырькахъ со спиртомъ, въ пороховницах
дробницахъ. Только болѣе или менѣе порядочное содержаніе с
живаетъ рабочихъ въ холерное время около ихъ судовъ. Раб
спуская суда до Онежскаго канала, возвращаются снова—для
другихъ судовъ. Собственно населеніе, живущее по Маріинс
каналу, не отличается особеннымъ благосостояніемъ. Мнѣ м
прочимъ пришлось нѣсколько ближе познакомиться съ селен
Бѣлый Ручей. Изъ числа двухъ десятковъ домовъ едва-ли м
насчитать здѣсь до 10 состоятельныхъ; въ остальныхъ — сир
вдовы, жены изкалѣченныхъ мужей и дѣвицы. Обыкновенно
довольно нарядныхъ одеждахъ сидятъ онѣ на обрывистыхъ
сахъ горнаго известняка, плѣняя отсюда воображеніе и ла
такъ сказать, сердца судовщиковъ, проходящихъ внизу по ка
подъ предлогомъ мѣны печенаго хлѣба на муку, обмѣнива
онѣ секретно и другими товарами. Вытегорское земство, пр
вая въ тягѣ судовъ по Маріинскому каналу значительный н
никъ для заработковъ, указываетъ на сильную нравственную
чу молодыхъ людей, особенно занимающихся цѣлое лѣто на
лѣ [1]); условій для порчи, конечно, достаточно, такъ какъ на
среди котораго приходится вращаться молодому рабочему,
ставляетъ всевозможные характеры, съ рядомъ самыхъ разноо
ныхъ страстей и наклонностей.

Одинъ изъ довольно видныхъ, въ здѣшнемъ краѣ, источниковъ
заработковъ составляетъ также лѣсъ, рубка его, вывозка на с
ныя рѣки и самый сплавъ. Крестьяне при устьѣ Вытегры получ
за срубку дерева, толщиною въ 6—12 вершковъ, отъ 25 до 90
длина дерева должна быть въ 3 саженн; вмѣстѣ съ тѣмъ де
должно быть доставлено къ мѣсту сплава. Крестьянинъ въ
срубаетъ и вывозитъ до 70 деревъ, и за нихъ онъ долженъ

[1]) Журналы Вытегорск. уѣздн. земск. собранія 1869 г., стр. 85.

бы получить среднимъ числомъ до 40 руб.; но на самомъ дѣлѣ цифра бываетъ меньше. Во первыхъ, изъ всего числа доставленныхъ деревъ штукъ десять бракуется, признается негоднымъ по какимъ-либо кажущимся лѣсопромышленнику недостаткамъ; при этомъ бревно оставляется все-таки на мѣстѣ сплава и затѣмъ вмѣстѣ съ годными сплавляется, а крестьянинъ денегъ за него не получаетъ; затѣмъ крестьяне по безграмотности не записываютъ числа доставленыхъ деревъ, ведя счетъ имъ по памяти, тогда какъ довѣренные лѣсопромышленниковъ считаютъ на бумагѣ, и всегда итоги у первыхъ оказываются больше, чѣмъ у послѣднихъ, которые берутъ однако же преимущество. Обыкновенно бываетъ также, что 12-ти вершковое бревно принимается за 11-ти, 9-ти вершковое за 8-ми и 7-ми вершковое, и сообразно съ этимъ понижается плата.

Еще менѣе утѣшительна честность лѣсопромышленниковъ въ Пудожскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ на р. Шалѣ строился паровой лѣсопильный заводъ; крестьяне были, конечно, весьма рады такому вновь возникающему источнику для заработковъ и охотно шли сюда на работы; но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы трудъ не былъ оплаченъ, такъ что у многихъ крестьянъ на дому было описано имущество—скотъ, или проданъ хлѣбъ на корню ради уплаты податей; мнѣ разсказывали, что по этому поводу не однократно были разбирательства у Пудожскаго мироваго судьи, но повидимому, и такой оборотъ дѣла не привелъ къ благопріятному результату. Послѣдствія такой системы дѣйствія я засталъ въ окрестностяхъ Водлозера; о бѣдности жителей этого края я уже говорилъ и вѣроятно, долженъ буду говорить о томъ еще нѣсколько разъ. Между тѣмъ и здѣсь отыскивались по одному и по два жителя на деревню, сѣтовавшихъ на лѣсопромышленниковъ за то, что они ни какъ не могутъ уплатить кому 5 руб., уже давно заработанныхъ, кому 10 руб. и т. д.; бывало много случаевъ, что за этою суммой крестьяне ходили—здѣсь ѣздить нельзя—за 70 и 100 верстъ черезъ грязи и лѣса, но возвращались съ напутственными словами: „Подождите, скоро заплатимъ“. „Не будешь окно затыкать горохомъ!“ прибавляетъ по этому случаю рабочій. Крестьяне разсказываютъ, что имъ будто бы приходилось слышать изъ устъ одного лѣсопромышленика такія слова: „Тамъ гдѣ я поселился, мужикъ пѣсни не за-

поетъ!“ Въ окрестностяхъ Водлозера распространено обыкновеніе нанимать рабочихъ во время уплаты податей и другихъ повинностей. Явившись въ волостное правленіе, наиболѣе состоятельные крестьяне уплачиваютъ за неимущихъ, обязуя ихъ работать гдѣ бы то ни было по 1 или по 2 руб. въ недѣлю. Набирая человѣкъ 17—20 неимущихъ крестьянъ, богачъ ведетъ ихъ или на лѣсопильный заводъ, или на сплавъ лѣса; на заводѣ онъ получаетъ по 3 руб. на человѣка въ недѣлю, пріобрѣтая отъ каждаго рабочаго по 1 р. въ мѣсяцъ барыша, а со всѣхъ до 70 или 80 руб. Для этой цѣли специально являются на Водлозеро поморы.

Я не буду распространяться о всѣхъ другихъ мелкихъ промыслахъ и источникахъ для заработковъ. Такъ, кузницы, мельницы и такъ называемыя мѣлоплавильни, въ виду земскаго налога на нихъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ, были оцѣнены волостными властями по Замошскому обществу въ 1,250 руб., съ ежегодною доходностью отъ нихъ въ 1,620 руб.; но это оказалось по болѣе обстоятельному разбору дѣла преувеличеннымъ: по свѣденіямъ, собраннымъ однимъ изъ членовъ Вытегорской земской управы, тѣ же учрежденія, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, оцѣнены только въ 455 руб., съ доходомъ 97 руб. въ годъ, такъ что затѣмъ налогъ съ этихъ учрежденій пришлось отмѣнить [1]).

Всего сказаннаго, я полагаю, будетъ достаточно для того, чтобъ опредѣлить степень благосостоянія жителей Олонецкой губерніи. Благосостояніе человѣка тѣсно связано съ его заработками и промыслами; смотря по тому, на сколько прочны и широки послѣдніе, на столько высоко и первое. Промысла и заработки, связанные съ тою или другою степенью трудности работы, также отражаются на благосостояніи цѣлаго общества, какъ отношеніе между тратой и возстановленіемъ силъ отражается на отдѣльныхъ его особяхъ или организмахъ. Организмъ, тратящій много силъ, но лишенный возможности вполнѣ возстановлять ихъ, мало по малу слабѣетъ, уменьшаясь въ объемѣ и вѣсѣ; его внѣшній видъ становится инымъ, и внутренняя дѣятельность нарушается. Что происходитъ съ отдѣльными особями, то же совершается и съ

[1]) Журналы Вытег. земск. собр. за 1869 г., стр. 25—27.

Ф. 3 и 4 рис. съ нат. В. Эшлиманъ

Литографія Ивансона С.П.Б.

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

дома безъ горницъ. Другія деревни, особенно по Тудозеру, уже гораздо менѣе приглядны по наружности: здѣсь старыя избы, покосившіяся отъ времени, по большей части окруженныя грязью. Въ деревнѣ Кузнецовой, извѣстной вмѣстѣ съ сосѣднею деревушкой Мелькиной, подъ именемъ Гонгинщины, съ одного края стоитъ старая изба, обитаемая однимъ только 80-лѣтнимъ старцемъ, семья котораго, жена и дѣти, вымерли; онъ на старости лѣтъ уже не можетъ ходить въ лѣсъ, почему, живя въ одной половинѣ дома, ломаетъ другую, сѣни, для отопленія первой. На другомъ краю деревни стоитъ сравнительно порядочная изба, населенная двумя дѣтьми—дѣвочкой лѣтъ 12 и мальчикомъ лѣтъ 10; отецъ и мать ихъ также умерли. Изъ остальныхъ 3 — 4 домовъ въ одномъ изба, довольно старая, съ недавно пристроенною горницей, стоящею однако два года безъ печки, по неимѣнію средствъ построить ее. Въ другихъ мѣстахъ по Тудозеру встрѣчается больше домовъ почище и попросторнѣе; мнѣ приходилось бывать въ просторныхъ и чистыхъ избахъ, иногда съ горницами, оклеенными картинками; но на ряду съ ними не менѣе часто попадались избы заколоченныя, полуразливавшіяся, безъ населенія. Деревня Щекина имѣетъ видъ, свидѣтельствующій о достаткѣ жителей; дома исправные, есть двухэтажный, съ лавками; она живетъ торговлей; другая деревня—Паншина гора, стоящая рядомъ съ нею, съ тѣми же тремя-четырьмя домиками, уныла, бѣдна, и обитатели ея вымираютъ. Первая однакоже единственная здѣсь въ своемъ родѣ, такъ какъ торговля ея распространяется на большую часть окрестностей; подобныхъ же послѣдней довольно много. Я обходилъ эти деревни въ началѣ іюня, вмѣстѣ съ весьма мнѣ знакомыми сборщиками податей. Самый видъ береговъ Тудозера довольно красивъ: къ водамъ озера сбѣгаетъ множество безлѣсныхъ и гладкихъ холмовъ, вмѣстѣ съ такими, которые довольно густо заросли сосной, ельемъ, ольхой и березой; среди лѣса выдаются часто лужайки; на гладкихъ холмахъ пестрѣютъ полосы пашенъ, съ зеленѣющими озимями. На ряду съ этимъ видъ деревень кажется унылымъ; большая часть мужчинъ въ путинѣ, на заработкахъ или на пашняхъ; иные отправились на богомолье въ Соловки—это въ большомъ обыкновеніи; въ деревняхъ пустынно; сборщики едва допскивались женщинъ, ко-

CAL. ACADEMY OF SCIENC

1.

2/1

2.

1/1

CALIFORNIA. ACADEMY OF SCIEN

3.

2/3

4.

3/4

съ нат. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.П.Б.

мени, онъ пришелъ къ другому заключенію о жизни здѣшняго населенія, что̀ и высказалъ въ своей статьѣ объ Олонецкой губерніи и ея рапсодахъ. Иначе и не могло быть.

Довольно того, что отъ Пудожа на Водлозеро можно попасть только верхомъ на лошади или пѣшкомъ; кладь возится, даже во время лѣта, на небольшихъ саняхъ, по грязямъ, камнямъ и проч. Въ строеніяхъ жителей прежде всего поражаетъ то, что избы здѣсь всѣ курныя; дымъ обыкновенно наполняетъ весь верхъ избы. Всеобщее распространеніе такихъ избъ жители оправдываютъ необходимостью коптить невода и сушить платье послѣ рыбной ловли. Изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, можетъ быть, только въ нѣкоторыхъ найдется по одной горенкѣ съ русскою печкой; печниковъ для кладки русской печки жители должны приглашать изъ-за сотни верстъ, съ Кенозера.

Представляю здѣсь описаніе одной мѣстности, сдѣланное мною вскорѣ по пріѣздѣ на Водлозеро, заимствуя его цѣликомъ изъ моего дневника; оно относится къ острову Пѣлгострову: „Онъ достигаетъ до $2^1/_2$ верстъ длины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкъ и холмистъ. Холмы по временамъ торчатъ въ видѣ мысовъ съ пологими скатами къ озеру; они сильно усѣяны валунами, иногда очень большими. Поэтому пашня трудна. На обоихъ концахъ острова по деревнѣ. Населеніе одной изъ нихъ живетъ въ 9 домахъ, изъ которыхъ только два сносны. Въ наружномъ видѣ и внутреннемъ состояніи самая печальная нищета. Въ одномъ домѣ живетъ крестьянинъ съ женою, двумя дѣтьми и старою теткой; у него конь только на половину свой; онъ купилъ его, не уплативши всей цѣны за него; коровы у него нѣтъ; есть только принадлежащая теткѣ. Домъ—баня, безъ кровли и безъ сѣней. Окна въ квадратную четверть. Во время топки изба наполняется дымомъ, который не ѣстъ глаза только на полу. Хозяинъ уходитъ въ путину, по забору на хлѣбъ; домашними дѣлами управляетъ жена съ 65-лѣтнею теткой. Безъ хозяина онѣ сѣютъ хлѣбъ, посмѣнно пашутъ пашню и нянчатся съ дѣтьми; въ то же время ловятъ рыбу, и въ случаѣ избытка, сушатъ ее на продажу; на вырученныя деньги пріобрѣтаютъ хлѣбъ. Нѣтъ улова—нѣтъ и хлѣба и соли, тогда какъ лѣто и есть такое время, когда рыба не ловится въ избыткѣ. Засѣянныя

хлѣбъ при такихъ условіяхъ — хоть не собирай, удобренія нѣтъ, или мало. Есть дома съ еще болѣе печальною наружностью; одинъ изъ нихъ почти на половину ушелъ въ землю; оставшаяся половина покосилась и дала большія щели; внутренняя стѣна этой курной избы засорена, задымлена и шершава отъ несогласнаго положенія бревенъ, какъ сѣдой и каменистый горный обрывъ. Слѣдующій домъ хотя и не ушелъ въ землю, но еще хуже; крыша на немъ, по выраженію здѣшнихъ остряковъ, окрашена въ зеленую краску, то есть, состоитъ изъ мелкихъ, накладенныхъ одна на другую, сосновыхъ или еловыхъ вѣтокъ, съ ихъ зеленою хвоей [1]). Подъ крышей потолокъ; онъ во многихъ мѣстахъ украшенъ длинными щелями, куда и проникаетъ въ ясную погоду веселый лучъ свѣта, а въ ненастную—потоки воды; зимою щели закрываются льдомъ. Полъ еще болѣе измятъ и изборожденъ; многія половицы на половину сгнили, и изъ-подъ нихъ мрачно смотритъ подполье. Въ первомъ изъ домовъ, въ углу, стоитъ жерновъ отъ ручной мельницы [2]), да около него фунта два хлѣба въ зернѣ. Вообще же въ домахъ повсюду лоскутья, грязь и темнота".

Таковъ общій характеръ жилья въ здѣшнемъ краѣ; вообще, въ большей части деревень отношеніе слишкомъ бѣдныхъ домовъ къ сколько-нибудь состоятельнымъ можно опредѣлить, руководствуясь даннымъ мною выше распредѣленіемъ скота: гдѣ больше скота, тамъ и наружность домовъ лучше; гдѣ его совсѣмъ мало или нѣтъ, тамъ можно видѣть почти то же, что̀ относится и къ Пѣлгострову.

Не видно благосостоянія и въ одеждѣ жителей, по крайней мѣрѣ въ обыденное время; большая часть будничной одежды и матеріалъ для нея — произведеніе собственныхъ рукъ Олончанъ. Все

---

[1]) Разсказываютъ, что одинъ изъ мѣстныхъ юношей увлекся одною красавицей, жившею въ другой, отдаленной деревнѣ; дѣвица долго не внимала вздохамъ своего поклонника, подозрѣвая его въ нищетѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не представилъ въ жаркихъ выраженіяхъ всѣхъ прелестей своего дома, и между прочимъ, *зеленой* крыши; противъ этого не устояло женское сердце; молодая, обвѣнчавшись, возвратилась въ деревню, гдѣ и объялъ ее, при видѣ новаго своего жилища, съ крышей изъ хвои, весь ужасъ обмана, которому она подверглась.

[2]) Ручныя мельницы здѣсь употребительны по примѣру древней Руси: см. *Ключевской*, Сказанія иностр., 157.

нижнее бѣлье—если его только можно назвать этимъ именемъ—дѣлается изъ своедѣльнаго холста. Женщина, выходя замужъ, несетъ главное приданое въ ткацкомъ станкѣ и въ умѣньѣ владѣть имъ. Зима — періодъ, въ который она ткетъ холстъ и готовитъ изъ него платье мужу и дѣтямъ; она искусна и въ вышиваніи: полотенца и женскія рубашки украшаются различными узорами; въ весьма рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается и простыня; обыкновенно же въ такого рода принадлежностяхъ жители не нуждаются, а спятъ лѣтомъ на иновыхъ листьяхъ и оленьихъ шкурахъ, иногда и на тюфякахъ, накрываясь пологами отъ комаровъ. Холсты красятъ въ синій и желтый цвѣтъ, что дѣлается въ домахъ самими хозяевами или особыми спеціалистами; желтую краску получаютъ изъ подмаренника—Galium (Вироzеро). На окрашенныхъ холстахъ набиваютъ различнаго рода узоры. Рубашки дѣлаются преимущественно изъ крашенаго холста, штаны — изъ бѣлаго; отъ довольно продолжительнаго ношенія какъ то, такъ и другое часто теряетъ свой цвѣтъ и дѣлается одноцвѣтнымъ, и затѣмъ уже поступаетъ въ стирку. Вообще будничное бѣлье далеко не отличается чистотою; то же можно сказать и о женскомъ платьѣ. Въ праздникъ одежда чище; тутъ отчасти видны сукно на мужчинахъ и ситцы на женщинахъ; праздничная одежда носится бережливо и сохраняется долго. По отношенію къ Заонежью г. Р., находя, что жители по своему праздничному одѣянію кажутся богатыми, прибавляетъ: „Но часто случается, что эти мнимые богачи, возвращаясь съ гулянки, не находятъ дома даже куска хлѣба. Но объ этомъ Заонежанинъ много не думаетъ. Сегодня разгуливали—самъ хозяинъ въ синемъ ярмякѣ, а жена въ штофномъ сарафанѣ, завтра же все это завязывается въ платокъ и относится въ залогъ за какой-нибудь пудъ муки или рубль денегъ“ [1]). Тотъ же наблюдатель утверждаетъ, что иногда одежда на праздникъ берется на прокатъ подъ работу или въ долгъ. Мнѣ, съ своей стороны, не приходилось встрѣчаться съ случаями щегольства, выходящими изъ предѣловъ благоразумія, когда бы жители одѣвались значительно выше своихъ средствъ; встрѣчалъ я женщинъ въ шел-

[1]) [illegible] Этногр. зам. о Заонеж. въ Пам. кн. 1866 г., 29.

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С. П. Б.

требуетъ большаго количества питательнаго вещества для возстановленія траты, и въ томъ случаѣ, когда эта нужда правильно удовлетворяется, работникъ готовъ къ новой тяжелой работѣ. Можетъ быть, отсюда вытекаютъ тѣ отдѣльные случаи проявленія силы, которые мнѣ пришлось наблюдать въ Олонецкой губерніи. Около Вытегры, въ деревнѣ Гуртникахъ, я зналъ крестьянина Ивана Андреева; онъ высокаго роста, плотнаго и мускулистаго тѣлосложенія; у него смуглый цвѣтъ лица и довольно сильно развитыя скулы; занимаясь рубкой лѣса, онъ обыкновенно или вытаскиваетъ бревна на своихъ плечахъ, или выгоняетъ ихъ каткомъ; бываютъ иногда и такія деревья, которыя едва увозитъ на саняхъ лошадь, или при вывозѣ которыхъ изъ лѣса другіе крестьяне дѣйствуютъ обыкновенно по два и по три человѣка вмѣстѣ, а онъ выволакиваетъ ихъ одинъ. Между многими другими подвигами его какъ крестьяне, такъ и самъ онъ, разсказываютъ о слѣдующемъ—на дорогѣ въ сосѣднюю деревню. Передъ нимъ и его спутникомъ внезапно появился медвѣдь и направился имъ на встрѣчу. У пѣшеходовъ не было ничего въ рукахъ, и Иванъ Андреевъ схватился за первую попавшуюся ель, до 2 слишкомъ вершковъ въ діаметрѣ, и вырвалъ ее изъ земли съ корнемъ; такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ медвѣдя обратиться въ бѣгство. Жителямъ былъ извѣстенъ еще молодой крестьянинъ или мѣщанинъ, занимавшійся на Вытегорской пристани разгрузкой и нагрузкой судовъ. Изъ барокъ онъ выкидывалъ на пристань кули въ 10 пудовъ или же бралъ ихъ съ пристани и укладывалъ на баркѣ, поднимая ихъ на значительную высоту, часто выше своего роста. Говорятъ, что въ день онъ управлялся со 100 кулями. Однажды зимою, возвращаясь навеселѣ въ Вытегру, онъ встрѣтилъ крестьянина съ возомъ сѣна и въ доказательство, что возъ малъ, а лошадь безсильна, и что крестьянину не стоитъ ѣздить въ городъ съ такими возами, онъ за полштофа водки доставилъ возъ (заключавшій однако въ себѣ болѣе десяти пудовъ вѣсомъ съ санями), на разстояніи пяти верстъ, на городской рынокъ. Можетъ быть, отъ чрезмѣрной работы онъ преждевременно скончался. Еще одинъ силачъ, Василій Васильевъ, средняго роста, не широкій въ плечахъ, съ виду не кажется сильнымъ, но случалось, что онъ того

же Ивана Андреева перекидывалъ черезъ свою голову. Отъ этихъ довольно рѣдкихъ случаевъ есть переходъ къ другой крайности, къ тѣлесной вялости и слабосилію; въ этомъ отношеніи можно насчитать гораздо больше представителей, и большинство населенія, какъ мнѣ кажется (хотя обстоятельныхъ наблюденій сдѣлано не было), ближе подходитъ къ этому типу или только занимаетъ средину между двумя крайностями.

Въ общей сложности нѣкоторое слабосиліе, замѣчаемое на юго-востокѣ Олонецкой губерніи, имѣетъ довольно тѣсное отношеніе къ качеству здѣшней пищи. Пища совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому аппетиту, который въ силу весьма естественныхъ причинъ присущъ Олончанину. Понятіе объ аппетитѣ здѣшняго жителя можно получить при бывающихъ здѣсь церковныхъ и часовенныхъ праздникахъ; начиная съ полудня, жители, собравшись въ деревню, отправляющую праздникъ, и отслушавъ церковную службу, начинаютъ обходить домъ за домомъ; вездѣ въ это время накрыты столы, уставленные яствами; гости, пообѣдавъ въ одномъ домѣ, переходятъ съ тою же цѣлью въ другой, и такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго дня, каждый гость имѣетъ возможность пообѣдать до 8 или 10 разъ, и всегда съ одинаковою охотой и удовольствіемъ. Когда рабочіе, проходя съ путинъ домой, покупаютъ по деревнямъ хлѣбъ, то случается, что одинъ человѣкъ одолѣваетъ за одинъ присѣстъ двѣ-три мякушки, составляющія вмѣстѣ до 5 или 7 фунтовъ вѣса.

Способность Олончанина принимать большое количество пищи много и часто зависитъ отъ сильнаго физическаго труда, а также отъ плохихъ качествъ самой пищи. Въ большинствѣ случаевъ самое лучшее кушанье здѣсь рыбное. Рыба преимущественно варится; въ болѣе торжественныхъ случаяхъ изъ нея дѣлается пирогъ; въ жареномъ видѣ употребленіе рыбы между крестьянами не извѣстно. Рыба варится и кладется въ пироги — съ чешуей; хотя такой обычай и оправдывается тѣмъ, будто рыба съ чешуей вкуснѣе: и пирогъ, и уха выходятъ-де изъ нея лучше, — однакоже употребленіе рыбы въ пищу въ подобномъ видѣ нужно считать остаткомъ сѣдой старины. Въ общей сложности на долю крестьянъ

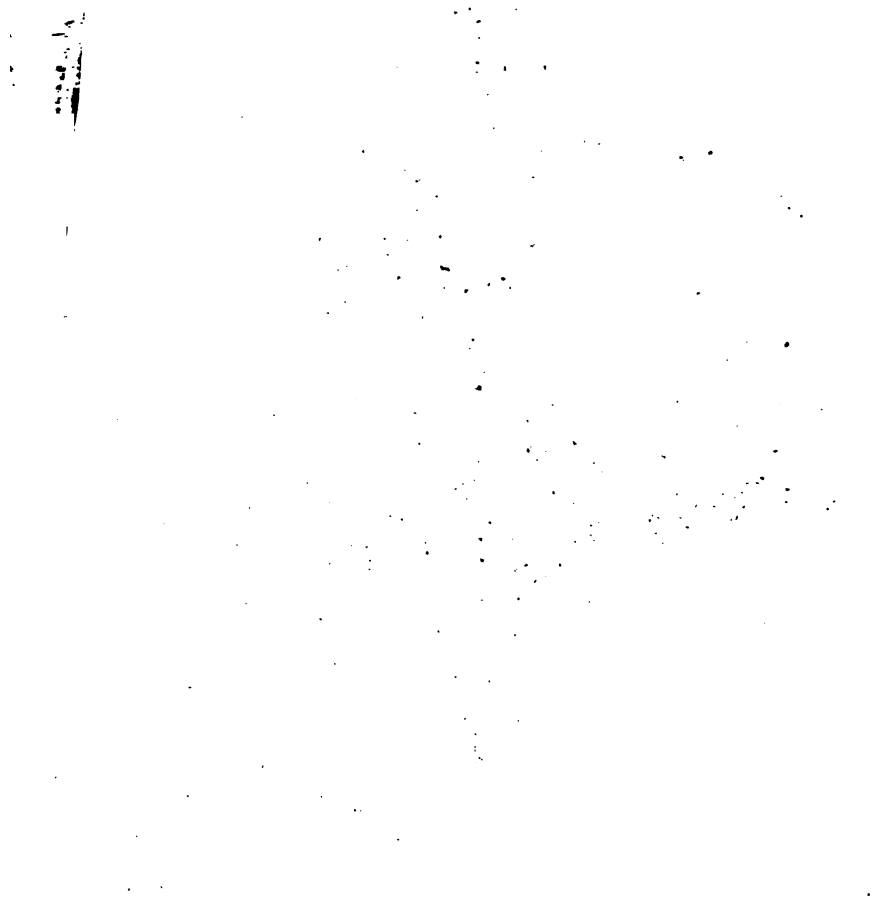


Рис. снят. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.П.Б.

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ.

Литографія Ивансона С.П.Б.

1.

2.

3.

4.

Рис съ нат. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.Пб.

въ средѣ Олончанъ можно найдти и каликъ перехожихъ, бродящихъ по селамъ и деревнямъ и распѣвающихъ стихи духовные. Ихъ пѣсень религіознаго содержанія весьма обыкновенны въ Каргопольскомъ уѣздѣ; они заходятъ изрѣдка и на Водлозеро, гдѣ отчасти имѣются и свои, мѣстные. Есть, по видимому, и еще другія, но менѣе древнія черты въ народномъ сознаніи. Еще епископы древняго Новгорода преслѣдовали распространявшееся между Русскими на Сѣверѣ поклоненіе ельникамъ, что было въ обыкновеніи у Финновъ. Это чувство почитанія древесной растительности оставило свои слѣды и до сихъ поръ. Мой вожакъ, молодой крестьянинъ изъ деревни Кузнецовой на Тудозерѣ, указывалъ мнѣ на старую раскидистую сосну не далеко отъ его дома; отъ старости многія вѣтви на ней отсыхали и падали; эта сосна, называемая здѣсь Божьею сосной, имѣетъ значеніе священнаго дерева. Считается величайшимъ грѣхомъ взять отъ сосны хотя одну щепку или старую отсохшую вѣтвь. Всѣ отгнившія вѣтки тщательно собираются подъ сосну, гдѣ стоитъ старый деревянный крестъ. Въ другихъ случаяхъ встрѣчаются рощи, преимущественно еловыя, и подъ ними помѣщаются часовни. Часовни и роща почти повсемѣстно между собою связаны; эту связь я прослѣдилъ на старообрядческомъ кладбищѣ въ Оштѣ, на часовняхъ около Никулинскаго на Андомѣ, около Пудожа и внизъ по Водлѣ, къ ея устью, затѣмъ на Водлозерѣ, на Чуялѣ, по Вамѣ, на Кенозерѣ, около Рышковой и т. д. Встрѣчаются часто отдѣльные кресты подъ деревьями; на кресты, по древнему обычаю, вѣшаются полотенца и прочія деревенскія издѣлія [1]). Существуетъ, по видимому, и много другихъ обычаевъ весьма древняго корня; такъ, напримѣръ, покойникъ считается за нѣчто „нечистое и скверное, и всякій, прикасающійся къ нему, также сквернится, какъ равно и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ въ домѣ, и самый домъ. Такое осквернение, по мнѣнію народа, продолжается до сороковаго дня и раньше быть очищено не можетъ“ [2]). На сороковой день дѣлаютъ обѣдъ, на которомъ оставляется мѣсто съ прибо-

---

[1]) Ср. *Карамзина* Ист. Госуд. Росс. (изд. *Эйкерлинга*), I, ст. 56 и прим. 216.

[2]) Ох. губ. вѣд. за 1867 г. № 31 и Записки Р. Г. Общ. по Отд. Этнографіи, II, 64 — 66.

омъ и кушаньями для покойника; полагаютъ, что онъ сидитъ со
сѣми за столомъ; потомъ ему стелютъ чистую постель, на кото-
рой въ это время никто не спитъ, кромѣ самаго невидимаго по-
койника. Не буду говорить о домовыхъ, водяникахъ, лѣшихъ и
др., объ этихъ ясныхъ остаткахъ язычества, въ которые однако
Олончане твердо вѣрятъ.

Почти полное отсутствіе грамотности замѣчается во многихъ
мѣстахъ: на Водлозерѣ нѣтъ ни одного грамотнаго, болѣе чѣмъ
изъ 2000 мужчинъ и женщинъ, кромѣ одного или двухъ богачей,
учившихся у дьячковъ; даже старшина избирается здѣсь негра-
мотный. Въ окрестностяхъ Вытегры только самое молодое поко-
леніе нѣсколько по грамотнѣе; вся же взрослая масса—люди тем-
ные. Въ чемъ же послѣ этого искать проблесковъ образованности,
гдѣ тотъ умственный и нравственный свѣтъ, который обезпечиваетъ
человѣку безбѣдное существованіе и очищаетъ его отъ той пер-
обытной умственной и матеріальной шкурки, которую въ послѣд-
нее время такъ усердно теребятъ антропологи и этнологи?

Орудіе для истребленія предразсудковъ—наука не была до сихъ
поръ доступна русскому обитателю Сѣвера; онъ чрезвычайно мало
улучшалъ свой умственный кругозоръ; до нѣкоторой степени исто-
щая богатства одной мѣстности, онъ перебирался для той же цѣли
въ другую, которая также могла быть оставлена въ виду новой;
иначе ожидало человѣка бѣдствіе. Это такъ и случилось. Въ XVI
столѣтіи, когда звѣрь на сѣверѣ Европейской Россіи былъ уже до-
статочно истребленъ, жители направились въ Сибирь ради того же
звѣроловства; звѣрь уменьшился въ Сибири, и жителей постигло
бѣдствіе. Такъ прозябаютъ теперь Русскіе въ Туруханскѣ, на Лепѣ
и пр., низойдя до той степени культуры, которая свойственна мѣст-
нымъ инородцамъ. Указанное стремленіе къ переселеніямъ не по-
кидаетъ однако Олончанъ и до сихъ поръ. Въ самое послѣднее
время они выселялись изъ своей губерніи, при чемъ бывали, ко-
нечно, случаи, ведшіе къ еще большимъ бѣдствіямъ. Случалось
такъ, что переселенцы, натерпѣвшись всевозможныхъ бѣдствій на
пути и утвердившись на новомъ мѣстѣ, были съ него сгоняемы и
возвращаемы на старое попелище. И я видѣлъ на Кенозерѣ, на-
примѣръ, въ деревнѣ Карповой, семейства, возвратившіяся обрат-

но: это были люди, повергнутые въ самую печальную нищету, они жили въ сараяхъ и баняхъ.

Водлозеро, этотъ не менѣе печальный пріютъ бѣдности, переходящей въ нищету (можетъ быть, четверть жителей уходитъ отсюда зимой на „проску", то есть, на жизнь милостыней), вѣроятно, уже въ довольно отдаленныя отъ насъ времена, было значительно населено и обладало церковью, сохранившею до сихъ поръ свое имя. Уже по писцовымъ книгамъ XVI в. здѣсь значилось 37 деревень, но изъ нихъ было только 24 обитаемыхъ; остальныя 13 были пусты [1]); съ ними произошло, вѣроятно, то же, что съ поселеніемъ на Вирозерѣ, гдѣ было первоначально до 6 или 7 дворовъ, а теперь, какъ уже говорено выше, только одинъ. Но если было нѣкогда время, что всѣ 37 деревень были обитаемы, то стало быть, Водлозеро было нѣкогда болѣе заселено, чѣмъ теперь. Впрочемъ, въ настоящее время трудно сказать это. Мѣстный священникъ передавалъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ за послѣднее время населеніе должно было уменьшиться. И въ самомъ дѣлѣ, по послѣдней ревизіи податныхъ душъ было около 1,000; теперь же ихъ найдется едва ли до 700; такое положеніе дѣлъ еще болѣе усиливаетъ бѣдность крестьянъ, такъ какъ подати на 300 умершихъ душъ разлагаются на 700 оставшихся.

Имѣя въ виду подобные частные случаи, трудно ожидать благопріятныхъ результатовъ относительно роста населенія во всей губерніи. Помимо неблагопріятныхъ экономическихъ условій, плохо обезпечивающихъ жителей отъ болѣзней, отъ погибели на чужой сторонѣ, укажу прежде всего на самый источникъ, отъ котораго зависитъ сила, крѣпость и долговѣчность вновь появляющагося поколѣнія. Это несомнѣнно—женщина. На ея долю падаютъ здѣсь двѣ тяжелыя обязанности — тяжесть физическихъ работъ и труда около дома и мука родовъ. Нужно думать, что результаты послѣдняго акта тѣсно связаны съ первыми. Существо, не знающее ни днемъ, ни ночью покоя—даже еслибъ оно находилось и въ критическомъ положеніи, не можетъ дать вполнѣ здороваго потомства.

[1]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, стр. 171.

Такова Олонецкая женщина. Ее можно видѣть глубоко вязнущею въ глинистой грязи за сохой и бороной; она на сѣнокосѣ въ болотѣ, въ лѣсу на оводѣ и комарахъ; она и на рыбной ловлѣ кидаетъ и тянетъ тоню невода, при чемъ босая бродитъ въ холодной водѣ по колѣно. Во всѣхъ этихъ работахъ я видѣлъ женщинъ беременныхъ. Послѣ этихъ работъ женщина возвращается домой и готовитъ семьѣ обѣдъ или ужинъ, жарясь у печки; она шьетъ, прядетъ, ткетъ; она молотитъ хлѣбъ, часто мелетъ его и печетъ. Въ случаѣ недостатка пищи, она первая подвергается ограниченіямъ. При всемъ этомъ она несетъ на себѣ еще всю тяжесть побоевъ: она лишена возможности „быть плеточкой легонечко постеганной“, но за то подвергается ударамъ крѣпкихъ кулаковъ и дубинъ. На моихъ глазахъ одинъ мужъ билъ свою жену такъ, что крикъ ея привлекъ меня на мѣсто неравнаго поединка съ другаго конца деревни, и билъ за то лишь, что женщина, заваленная массой домашнихъ хлопотъ, не приготовила чистой рубашки при отходѣ мужа въ баню, а принесла ее тогда, когда онъ уже кончилъ свое омовеніе (омовеніе почитается здѣсь необходимымъ послѣ каждаго ночнаго сонтія съ женщиной; по этому мужчины чуть не каждый день бываютъ въ банѣ). Возвратившись потомъ къ хозяину моей квартиры, уже старому человѣку, я сообщилъ ему о печальномъ столкновеніи между двумя супругами и получилъ слѣдующій неожиданный для меня отвѣтъ: „О, да я, бывало, еще не такъ!... Что жалѣть *это поганое* мясо?“ Тутъ же лежавшая, едва живая старуха объяснила мнѣ, съ упреками къ мужу, что онъ билъ ее по обыкновенію до тѣхъ поръ, пока не наступало у нея произвольное выдѣленіе мочи и пр. Знакомые съ антропологіей найдутъ въ сказанномъ не мало общаго и многимъ первобытнымъ племенамъ.

Едва ли такія условія въ жизни матери остаются безъ вліянія на развитіе новаго существа, начиная съ его зародышнаго состоянія до полнаго младенческаго возраста; вѣроятно, дѣти и родятся то же мало способными къ выживанію. Мать только при самомъ наступленіи родовъ ложится въ постель, оставляя работы, а послѣ родовъ на другой же день встаетъ и принимается за домашнія дѣла; при такихъ условіяхъ новорожденный рѣдко пользуется хорошимъ уходомъ въ новомъ для него мірѣ. Здѣсь ему приходится

Мышій горохъ—чина (Lathyrus).
Мякушка—коврига хлѣба.
Мянда—сосна (изрѣдка).
Мяндакъ—сосновый боръ.
Мяндовый (лѣсъ)—соснякъ, растущій на тощей почвѣ, карявый и толстослойный.

Н.

Наволокъ—мысъ.
Наживчикъ или наживщикъ—членъ семейства, живущій въ чужихъ людяхъ и наживающій деньги.
Накаръ палъ—говорится о льдѣ, когда онъ становится хрупкимъ и игольчатымъ; то же понятіе выражаютъ словами: „ледъ скисъ".
Налевдать—накормить лошадь.
Не пора-то—не очень, не совсѣмъ хорошо; „не пора пора-то выгодно"; „не-пора-то много рыбы".
Нетелочка — молодая, не телившаяся корова.
Нечога—звѣздчатка (Stellaria); собирается съ разныхъ мѣстъ, съ пашенъ и сушится для скота.

О.

Овночье — ночевка; „ѣхать на обночье".
Овѣдье—послѣобѣденный отдыхъ.
Овсянники—овсяныя аладьи.
Одѣтка—одежда.
Оздоровѣть—выздоровѣть.
Ольшнякъ—ольховый лѣсъ.
Опарная трава—лѣкарственная трава: „когда опрѣютъ ноги между перстами, такъ парятъ, да моютъ".
Опока—ровная подводная мель (Водлозеро).
Остолопаться—испугаться.
Отзынуть—отойдти, отхлынуть.
Оцинжать—заболѣть цингой.

П.

Пальцевикъ—двулѣтній окунь.
Пасижокъ—небольшой сигъ.
Пестунья—нянька.
Пестовать—нянчить.
Петарица—пѣвица.
Пинда и пиндовый—почти то же, что мянда и мяндовый.
Пищальникъ—галеопсисъ (Galeopsis).
Цирожки—стручки у гороха.
Плутивья—поплавки у невода.
Подклѣть—подвалъ.
Подугодывать—подслуживать.
Покрута—одежда, нарядъ: „выкручена она хорошо, въ шелкъ, да въ гарусъ; покрута на ней красивая".
Поповы коренья—могучникъ (Potentilla);
Попутный листъ—подорожникъ (Plantago); при порѣзахъ листъ кладется на раны.
Порный—здоровый, крѣпкій.
Пора-то—очень хорошо, не дурно.
Поребга — полынья при устьяхъ рѣкъ весной.
По-сюдяѣ—не много въ эту сторону; „иди по-сюдяѣ и выйдешь".
По-тудяѣ—не много въ ту сторону.
Похожать—осматривать ловушки; „я мережки похожалъ".
Присушная трава — употребляется въ чаѣ, съ цѣлью заставить воспылать кого-либо страстью до сокрушенія и пасыханія.
Проска—милостыня.
Посѣртать—подождать.

Р.

Ратой—валдшнепъ.
Распалиться—очиститься ото льда.
Репаки, насовники — мѣсячное, регулы.
Роднякъ—болотце, съ мелкимъ ельникомъ и соснякомъ.
Росяница—росянка.
Руда—кровь.
Рундукъ—ящикъ для посуды.
Рѣка—проливъ (у Водлозеровъ, живущихъ на островахъ).

С.

Салма—проливъ.
Салага—молодая плотва.
Сворошъ—золотуха; извѣстно и самое слово золотуха.
Сворошная трава—(?) „когда чешется тѣло,—сворошъ бываетъ, то парять траву и моютъ ребятишекъ".
Сележныя мѣста — мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ.
Сѣртать—ждать.
Сказитель—былинщикъ, сказочникъ.
Скало и спуйки—приборы для наматыванія пряжи.
Слудья — стекло, вѣроятно — такъ отъ древняго обычая вставлять въ окна слюду, за неимѣніемъ стекла.

Слѣдовая трава—папоротникъ; „когда Богъ не помилуетъ, ступишь чорту на слѣдъ и заболитъ нога,—парятъ, да моютъ“.
Спица (спица)—вязальная иголка.
Сорожи—палки при неводѣ.
Сорокоприточная трава—таволга (Spiraea Ulmaria); употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ зубной боли; въ другихъ не имѣетъ употребленія и имѣетъ другое названіе, см. Заспица.
Солодяга — пустомеля, пустобай, вѣтренникъ.
Стирать — стирать, мыть; „стирана ли рубаха?“.
Сутуга—проволока.
Сущикъ—сушеная корюшка или вообще мелкая рыба.

Т.

Торвать—колотить палкой объ воду; это дѣлается при ловлѣ плотвы.
Торокъ—шквалъ, порывистый вѣтеръ.
Тоснуть—тосковать.
Точиться — токовать (о птицахъ и звѣряхъ).
Тырандать—трещать, повторять трр.. трр..
Тачива—веревки въ неводѣ.

У.

Увалъ—падаль.
Угоръ—бугоръ.
Урба—почки березы, служащія пищей рябчику.
Уразная трава—топчунъ (Polygonum aviculare); „когда упадешь, да досадишь какое-нибудь мѣсто,—парятъ траву да моютъ больное мѣсто“.
Усовная трава—герань (Geranium); отваръ употребляется на обмываніе и обтираніе боковъ, если въ нихъ ощущается колотье.

Ф.

Фрянки (отъ слова Французъ)—сифилисъ.

Х.

Хиниться—смѣяться.
Хоромъ — крыша, также помѣщеніе, домъ.
Худуша, знобуха, трясуха—лихорадка; „происходитъ отъ двѣнадцати сестеръ Иродовыхъ“.
Хухорь—мельникъ.

Ч.

Часить—ждать.
Черемица, черемица Степановна — корь; „баженая гостьица, не обидь-ко у меня Ванюшку!“
Чертополохъ—кладется подъ постель отъ лихой болѣзни.
Чибардать — щебетать; „и вишь ластушка-то чибардать!“
Чура—песокъ съ мелкимъ щебнемъ.

Ш.

Шаста—оленій ягель.
Шиванки—крылья.

Я.

Ярь-ерническая болѣзнь — венерическая болѣзнь.

женщинъ, но больше, чѣмъ мужчинъ. Въ остальныхъ четырехъ вездѣ дѣтей больше, чѣмъ женщинъ. Разница выразится ясно, если мы возмемъ одно изъ худшихъ отношеній дѣтей къ взрослымъ у временно-обязанныхъ и одно изъ лучшихъ у государственныхъ. Какъ представителя первой, возмемъ Шильдскую волость; въ ней 1,241 д. м. и 1,312 ж.; на нихъ приходится дѣтей 947; на 100 челов. взрослыхъ 33,1 ч. дѣтей. Для второй категоріи примемъ волость Макачевскую; въ ней 1,556 м. и 1,688 ж.; на нихъ приходится дѣтей 1,877; слѣдовательно, на 100 взрослыхъ 57,3 дѣтей. Здѣсь разница въ количествѣ дѣтей между двумя волостями превыситъ 14,7%. Причины здѣсь нужно искать въ различной степени благосостоянія тѣхъ и другихъ крестьянъ. Отношеніе налоговъ къ заработкамъ у тѣхъ и у другихъ одинаково. Временно-обязанные заработываютъ дома и на чужбинѣ 8,828 руб., платятъ налоговъ подушныхъ и оброковъ, мірскихъ, земскихъ и натуральной повинности 9,033 руб. Государственные крестьяне заработываютъ 13,317 руб., платятъ налоговъ 14,816 р.; слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другіе, одинаково платятъ больше, чѣмъ заработываютъ (отсюда очевидно, что трата силъ больше, чѣмъ возстановленіе; притомъ въ сущности крестьяне не всегда платятъ, а копятъ недоимки). Не знаю только, всѣ ли налоги приняты въ этомъ расчетѣ во вниманіе у временно-обязанныхъ, такъ какъ если раздѣлить налоги на число мужскихъ душъ, то получимъ только по 7 руб. съ копѣйками, а у государственныхъ будетъ до 9 руб. на душу. На мѣстѣ мнѣ пришлось слышать, что у временно-обязанныхъ налоги вмѣстѣ съ выкупомъ за землю больше: приходится до 15 р. на душу. Но помимо этого, а также и хлѣбопашества, есть одна причина, не менѣе существенная, — различіе въ количествѣ домашняго скота. У временно-обязанныхъ приходится на волости 1,248 головъ рогатаго скота; слѣдовательно, изъ 2,553 д. взрослыхъ мужч. и женщ. по 48,6 головъ на 100 человѣкъ. У государственныхъ крестьянъ на 3,241 д. взрослыхъ мужч. и женщ.—3,195; на 100 человѣкъ 95,4 головы, почти по одной на душу; лошадей у временно-обязанныхъ крестьянъ меньше почти на 100 сравнительно съ числомъ дворовъ, у государственныхъ только на 19 штукъ. Это различіе связано съ количествомъ сѣна; въ первой категоріи его

заготовляется только около 34,000 пудовъ; во второй до 257,000 пудовъ, больше чѣмъ въ 7 разъ.

Отсюда будетъ, кажется, ясно, что сравнительно большее изобиліе скота больше обезпечиваетъ и долговѣчность дѣтей. А если это такъ, то жизнь или смерть безпомощнаго существа роковымъ, неизбѣжнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ количества свободной земли, гдѣ онъ родился, отъ изобилія луговъ, отъ каменистой, глинистой или песчаной почвы, отъ дождя или засухи; зависитъ это и отъ того, на какой землѣ появляется на свѣтъ человѣкъ, на бывшей ли помѣщичьей, или на государственной. Примѣръ, только что нами представленный, доказываетъ, что различіе въ количествѣ дѣтей, остающихся въ живыхъ, прямо связано съ послѣднимъ условіемъ, съ характеромъ общественнаго строя, такъ какъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ собственно природа одинакова, и взятая сама по себѣ, она и вліяетъ одинаково какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ.

Переходя отъ частнаго случая къ общему, найдемъ, что неблагопріятныя условія давно тяготѣютъ на временно-обязанныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Вотъ для этого свѣдѣнія изъ пяти ревизій, съ обозначеніемъ за каждую числа душъ обоего пола:

По	6-й	ревизіи 1821 г.	12,162
„	7-й	„ 1831 „	12,395
„	8-й	„ 1841 „	12,568
„	9-й	„ 1851 „	11,816
„	10-й	„	11,250 [1]).

Отсюда видно, что число помѣщичьихъ крестьянъ съ двадцатыхъ годовъ росло чрезвычайно медленно до сороковыхъ годовъ; затѣмъ оно быстро, сравнительно съ предшествовавшимъ ростомъ, начало уменьшаться; въ первые двадцать лѣтъ прибыло 406 душъ, при чемъ женское населеніе убыло на 12 [2]), во вторые—уменьшилось на 1,318 душъ, сдѣлавшись меньше, чѣмъ въ двадцатыхъ годахъ. По даннымъ Озерецковскаго, относящимся къ 1788 г.,

---

[1]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 годъ, стр. 241—244; Олон. губ. вѣдом. за 1859 г. № 11.

[2]) Памятн. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 241.

помѣщичьихъ крестьянъ числилось 6,093 мужскаго пола и 6,115 женскаго [1]), всего 12,208; отсюда видно, что количество помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи было меньше, чѣмъ лѣтъ 70 назадъ.

На ряду съ этимъ количество государственныхъ крестьянъ увеличивалось; въ 1821 году ихъ было 144,934 души обоего пола; къ 1841 число ихъ увеличилось до 165,588, на 20,654 д., или выросло въ 20 лѣтъ на 14,3%. Къ десятой ревизіи ихъ было 181,634 д. обоего пола [2]), слѣдовательно, съ 1821 г. произошло приращеніе въ 33%. Такъ какъ государственные крестьяне составляютъ главную массу жителей, то и вообще въ народонаселеніи замѣтно нѣкоторое увеличеніе. Такъ, въ 1851 году населеніе Олонецкой губерніи доходило до 269,897 д. [3]); въ 1862 году оно простиралось до 297,627 д., [4]) въ 11 лѣтъ оно увеличилось на 27,730 или на 0,93% въ одинъ годъ; среднимъ числомъ меньше, чѣмъ въ сосѣдней Финляндіи, гдѣ среднее годичное приращеніе, выведенное за нѣсколько пятилѣтій, простирается до 1,12 или до 1,33% [5]), а среднимъ числомъ не меньше 1% въ годъ. Притомъ, въ общемъ ходѣ не рѣдко случаются весьма не благопріятныя колебанія. Такъ, въ 1863 году въ общемъ населеніи губерніи произошло уменьшеніе, такъ что въ этомъ году считалось 296,593 д. [6]). Къ сожалѣнію, я не имѣю ни времени, ни данныхъ для выясненія этого вопроса за значительный періодъ времени; укажу только еще на нѣкоторые частные случаи; одинъ изъ нихъ—statu quo или даже уменьшеніе народонаселенія въ городахъ. Въ Пудожѣ въ 1836 году считалось 1,072 д. об. пола [7]); въ 1863 г. 1,099 чел. [8]), а это число почти то же, что было и въ 1788 г., то есть, 1,094 жит. обоего пола [9]). Въ Вытегрѣ, по Бергштрессеру, для тридцатыхъ го-

---

[1]) *Озерецковскій*, стр. 193.
[2]) Пам. кн. Олон. губ. 1860 г., стр. 241 и 245.
[3]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 245.
[4]) Пам. кн. Олон. губ. за 1864 г., стр. 2.
[5]) *Альфтанъ*, Матеріалы для статистики Финляндіи, стр. 212.
[6]) Пам. кн. Олон. губ. за 1865 г., стр. 2.
[7]) *Бергштрессеръ*, стр. 40.
[8]) Пам. кн. Олон. губ. за 1866 г., стр. 9.
[9]) *Озерецковскій*, 192

считалось 2,500 ж.; въ 1863 году число ихъ понизилось до
9. Затѣмъ офиціальныя же данныя указываютъ, напримѣръ, на
ьшеніе народонаселенія въ Лодейномъ-полѣ, Каргополѣ, Пу-
ѣ и Повѣнцѣ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ народонаселенія и въ
ъ послѣднихъ уѣздахъ [1]). Въ заключеніе приведу еще выписку
статьи гг. Калугина и Жданова о Повѣнецкомъ уѣздѣ; статья
составлена, по видимому, довольно добросовѣстно, и на дан-
ея я уже не разъ ссылался: „У чиновниковъ, собиравшихъ
ти, плательщики податей просили въ милостыню копѣйку или
а „ради Христа“. По самымъ точнымъ исчисленіямъ, трудъ
шинства крестьянскихъ семействъ въ уѣздѣ не доставляетъ
средствъ удовлетворить свои потребности въ пищѣ и одеждѣ;
бюджетѣ семействъ постоянный дефицитъ, который можетъ
покрытъ однимъ средствомъ—смертью одного изъ членовъ
йства. Въ Повѣнцѣ, какъ выше сказано, было въ 1868 году
шихъ втрое болѣе, чѣмъ родившихся, а въ прошлые годы, съ
2 по 1865 число умершихъ также болѣе, хотя и не въ такой
ени, числа родившихся. Въ уѣздѣ въ 1867 году умершихъ
болѣе, чѣмъ родившихся, на 101 человѣка, а въ 1868 году
тность хотя была и не сильнѣе средней смертности Россіи, но
даемость за то меньше средней рождаемости остальныхъ мѣст-
ей государства, гдѣ на 23 человѣка населенія считается одинъ
дающійся, тогда какъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ 1 родившійся
ходится на 32 жителя“ [2]).

зъ всего сказаннаго мною какъ въ первыхъ главахъ моего тру-
такъ и въ послѣдней, будетъ ясна въ общихъ чертахъ та роль,
рую играетъ природа въ судьбѣ человѣка – какъ вообще, такъ
ь частности—въ описанномъ мною краѣ. Во всѣ времена при-
а представляетъ намъ одни и тѣ же законы, пренебреженіе ко-
ыми выражается всегда на человѣка въ одномъ и томъ же видѣ:
ди нея одинаково вымираетъ какъ дикарь, такъ и представи-
ь болѣе высокой, и по видимому, сильной расы. Съ другой сто-

---

[1]) Пам. кн. Олон. губ. за 1860 г., стр. 207.
[2]) Пам. кн. Олон. губ. за 1868—1869 гг., 23.

роны, та же природа, какъ бы ни была она сурова по виду и по характеру, поддается усиліямъ и физическому труду человѣка, еслибъ онъ выработался изъ того же дикаря, который еще и очень давно стоялъ низко въ своемъ культурномъ развитіи; нѣчто подобное представляетъ, можетъ быть, Финляндія. Думаю также, что изъ сказаннаго въ общихъ чертахъ ясно и то, что необходимо жителю Олонецкой губерніи, чтобы достигнуть болѣе счастливой участи, и стать на болѣе высокую степень благосостоянія. Рѣшеніе же частныхъ сторонъ этой задачи представляю другимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объясненіе таблицъ, изображающихъ каменныя оружія.

Таблица I-я.

Въ большей части рисунковъ съ боку показано уменьшеніе ихъ противъ оригиналовъ; рисунки въ настоящую величину или обозначены $^1/_1$, или при нихъ вовсе нѣтъ цифръ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда цифры не поставлены по недосмотру, на что и будетъ указано въ нижеслѣдующихъ объясненіяхъ.

Фиг. 1. Схематическій планъ мѣстонахожденія каменныхъ орудій около Тудозерскаго устья: пунктирными линіями обозначенъ старый проливъ, затянувшійся теперь мхами; на юго-западномъ его концѣ изображены зубчиками современные торфяные валы по берегу озера.

2. Идеальный разрѣзъ мѣстности между точками A и B, представленными на фиг. 1-й: d—Онежскіе береговые пески (Кенда); b—пески, лежащіе на холмахъ около точки B; a, a—болота; b—песчаный островъ среди болота; c—береговой валъ; нижній темный слой торфа; средній—иловатый, съ орудіями и горѣлками; верхній—состоящій изъ новѣйшаго торфа.

3. Плита или точило изъ тальковаго кварцита; въ $^1/_3$ д. настоящей величины.

4. Ножъ кремневый, съ Кумбасъ-озера.

Таблица II-я.

Фиг. 1. Афанитовый обломокъ копья (?), съ Кумбасъ-озера.

2.
3. } Сланцевые топоры, оттуда же.
4.

CAL. ACADEMY OF SCIENCES

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старикища — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могутнѣе и кряковистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долговѣкихъ старикищевъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойдти до насъ самыя древнія старины стародавнія.

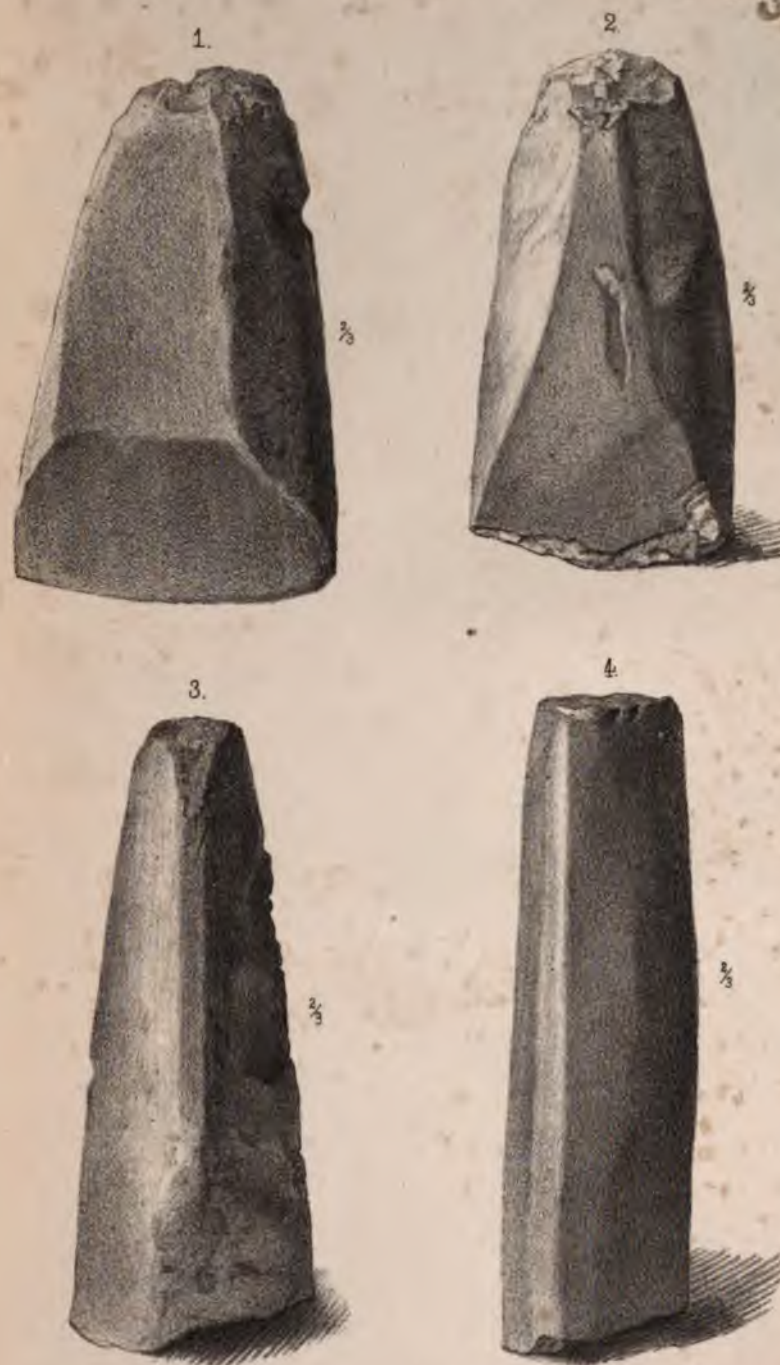
Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки устороньица, дикіи залѣсьица и малыи безлюдьица. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетыватъ,
„Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ;
„Извощики туды не заѣзживаютъ,
„Перехожіи калѣки не захаживаютъ“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ спльнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ помянникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — зябели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

...L. ACADEMY OF SCIENC...



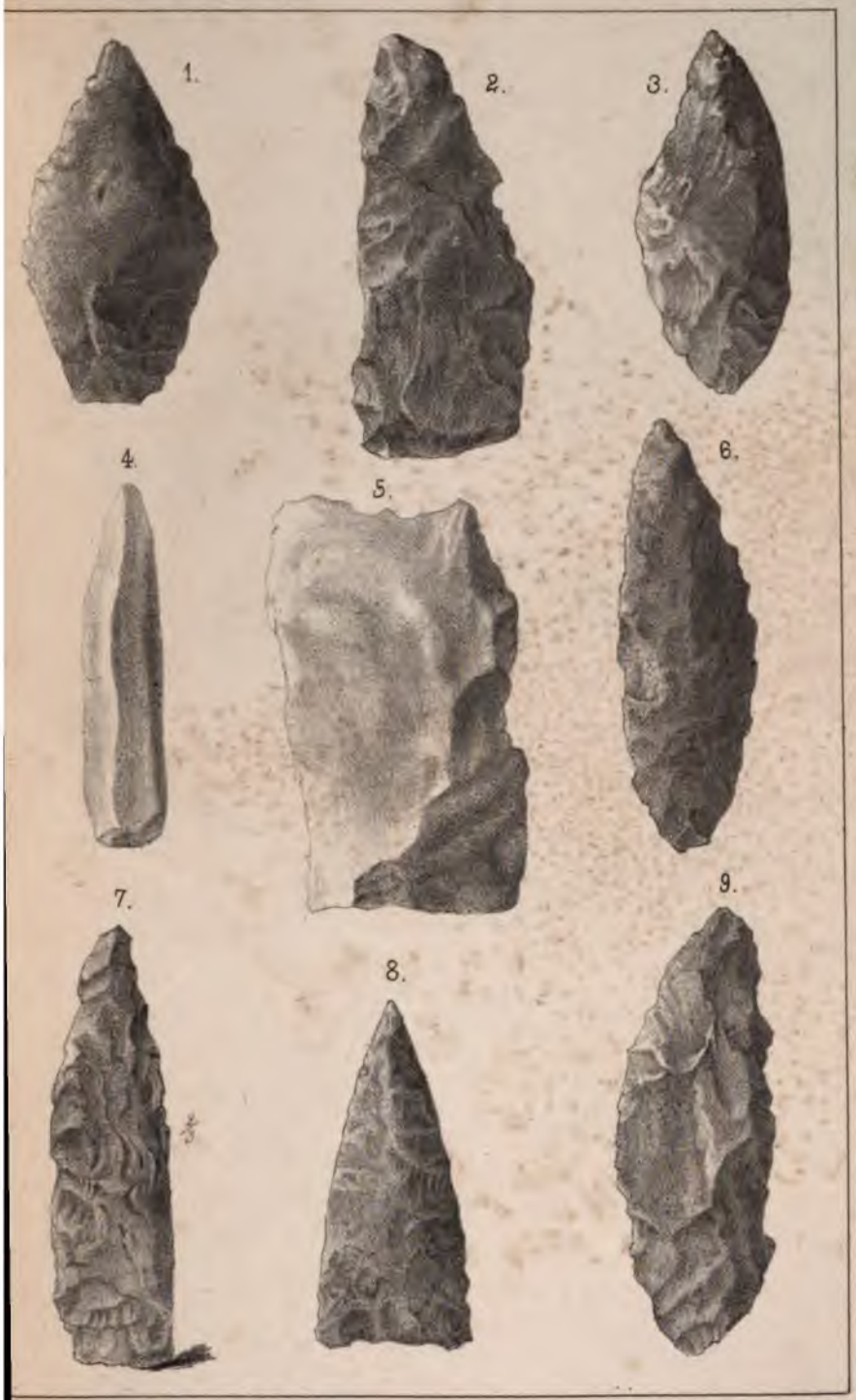
...ис съ кат. Б. Ошлиманъ. Литографія Ивансона С.П.Б.

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ.

Литографія Ивансона С.П.Б.

CAL. ACADEMY OF S

Рис. нат. В. Эшлиманъ. Литография Ивансона С.П.Б.



с снят. В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.П.Б.

Рис. съ нат. В. Эшлиманъ.

Литографія Ивансона С.П.Б.

1.

2.

4.

3.

Рис снят В. Эшлиманъ. Литографія Ивансона С.Пб.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понужывать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатную,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ трп розстани
И написано на розстани:
Во правую руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣвую руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста разбойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариватъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
„Отдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ“.

И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣватися,
Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатняя—поигрывать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
И привязалъ-то одного разбойничка къ оторо̀камъ конинымъ
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убитоей.
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскоемъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживатъ
И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣки онъ перешахиватъ—конь богатырскій
Не широки озера, да перескакиватъ,
И озера—болота перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущатъ.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѣхалъ онъ къ Одо̀лищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдати“.
Прого̀ворилъ Одо̀лище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ, старой казакъ Илья Муромец,
„Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолище поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?“
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
„Похлебки хлебаю я—кружку,
„Пива пью я под-я̀ндовы“.
Прого̀воритъ Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
„Хлѣба ѣшь ты по̀ малу,
„Похлебки хлебаешь ты по̀ малу,

„И пива пьешь ты по̀ малу?“
Прогòворитъ Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь.
„Голова у меня, какъ пивный котелъ;
„Глаза у меня, какъ пивны чаши;
„И межь глазами у меня—да цѣлая пядень;
„И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
„Хлѣба я кушаю—по̀ печи
„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу
„И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—
„Сама она была да обжорлива;
„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!
„Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широкò поле,
„Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей!“
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища по̀ганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганаго.
И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Пріѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ Королю на бѣлый дворъ.
Донесли Королю, что пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И слышно о тебѣ да о бога́тырѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ Король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во двори“.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
„Одинъ-отъ разбойничекъ къ отòрокамъ конинымъ“.

II.

Списокъ названій травъ и животныхъ, а также нѣкоторыхъ другихъ особенныхъ словъ, употребляемыхъ въ Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ [1]).

А.

Арандать—повторять звукъ арр.. арр.
Ашкуты—летучія мыши.

Б.

Бабочки (ребячьи потѣхи)—василекъ (Centaurea), растущій въ большомъ количествѣ въ хлѣбахъ.
Байна—баня.
Бачага—лужа.
Боровинка—борикъ
Боязко—боязно, страшно.
Бузунокъ—однолѣтній окунь.
Буяго—сильно.

В.

Вана—полынья.
Вахна — трилистка, трефоль (Menyanthes); служитъ между прочимъ пищею сѣверному оленю.
Верховище—макушка, темя.
Вехорь—вихорь.
Волокъ—водораздѣлъ, часто въ смыслѣ перехода.
Волосянка—драка за волосы.
Водохожъ — проливъ между двумя островами; водохожи часто бываютъ полы зимою отъ теченія воды въ озерѣ (Водлозеро).
Волтожиться — тревожиться, хлопотать.
Выстать—взойдти, подняться: „выстань на гору, вправо будетъ дорога; — туда не выстать тебѣ, ноги не поднимутъ".

Г.

Гадъ—змѣя, гадюка.
Гажья трава — кукушкины слезки (Orchis); настоемъ моется рана отъ укушенія змѣи.
Глазная трава—колокольчики (Campanula); прикладываютъ размоченную траву къ больному глазу, привязывая ее платкомъ.
Глупыши—пшеничные блины.
Гнила—глина.
Гниловатый—глинистый.
Горцюха—горчица.
Гостья—оспа; „гостья идетъ, гостьица Ивановна"—значитъ ходитъ оспа.
Голыменъ—мѣсто въ озерѣ, открытое для тѣхъ или другихъ вѣтровъ.
Грабастаться—хвататься за что-либо.
Грабить—собирать, сгребать сѣно.

Д.

Долонь—ладонь.
Досельный—давнишній, старый.
Дрочить—холить; „дрочить ружье".
Думно—желательно; „кому купить думно, тотъ и купитъ".
Дяльницы—шерстяныя рукавицы, варежки.

Е.

Евдушка—молодой сигъ.

Ж.

Желтоголовка—поповникъ (Chrysanthemum); отваръ изъ нея употребляется отъ боли въ животѣ.
Жижликъ, жижеликъ или шижликъ—ящерица.
Жировье—хорошее житье, на хорошей пищѣ.
Жировый — бодрствующій; „пріѣхать

---

[1]) Большая часть словъ общи двумъ уѣздамъ; названія травъ всѣ относятся къ Водлозеру. При характерныхъ для отдѣльныхъ только мѣстностей словахъ я дѣлаю указаніе въ скобкахъ на самую мѣстность, гдѣ слово употребляется. Я сообщаю здѣсь даже и такія слова, которыя извѣстны и по другимъ источникамъ. Этотъ перечень является только какъ матеріалъ.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И палицей булатноей поигрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эты богàтыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богàтыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты конь да богатырской!
„Не бойся ты свисту змѣинаго,
„Не бойся ты крыку звѣринаго,
„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“
Соткнулись богàтыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этыимъ къ отòрокамъ конинымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Пріѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго,—
Было-то у него да три дочери.
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ
„Русскаго могучаго богàтыря везетъ въ оторокахъ конинныхъ“.
И середняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь къ отòрокамъ конинымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы сестры мои да родимыи!
„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
„Да нашего батюшку везетъ

Мышій горохъ—чина (Lathyrus).
Мякушка—коврига хлѣба.
Мянда—сосна (изрѣдка).
Мяндакъ—сосновый боръ.
Мяндовый (лѣсъ)—соснякъ, растущій на тощей почвѣ, карявый и толстослойный.

Н.

Наволокъ—мысъ.
Наживчикъ или наживщикъ—членъ семейства, живущій въ чужихъ людяхъ и наживающій деньги.
Накаръ палъ—говорится о льдѣ, когда онъ становится хрупкимъ и игольчатымъ; то же понятіе выражаютъ словами: „ледъ скисъ".
Налевдать—накормить лошадь.
Не пора-то—не очень, не совсѣмъ хорошо; „не пора пора-то выгодно"; „не-пора-то много рыбы".
Нетелочка — молодая, не телившаяся корова.
Нечога—звѣздчатка (Stellaria); собирается съ разныхъ мѣстъ, съ пашенъ и сушится для скота.

О.

Обночье — ночевка; „ѣхать на обночье".
Обѣдье—послѣобѣденный отдыхъ.
Овсянники—овсяныя аладьи.
Одѣтка—одежда.
Оздоровѣть—выздоровѣть.
Ольшнякъ—ольховый лѣсъ.
Опарная трава—лѣкарственная трава: „когда опрѣютъ ноги между перстами, такъ парятъ, да моютъ".
Опока—ровная подводная мель (Водлозеро).
Остолопаться—испугаться.
Отзынуть—отойдти, отхлынуть.
Оцинжать—заболѣть цингой.

П.

Пальцевикъ—двулѣтній окунь.
Паспжокъ—небольшой сигъ.
Пестунья—нянька.
Пеставать—няньчить.
Петарица—пѣвица.
Пинда и пиндовый—почти то же, что мянда и мяндовый.
Пищальникъ—галеопсисъ (Galeopsis).
Цирожки—стручки у гороха.
Плутивья—поплавки у невода.
Подклѣть—подвалъ.
Подугодывать—подслуживать.
Покрута—одежда, нарядъ: „выкручена она хорошо, въ шелкъ, да въ гарусъ; покрута на ней красивая".
Поповы коренья—могучникъ (Potentilla);
Попутный листъ—подорожникъ (Plantago); при порѣзахъ листъ кладется на раны.
Порный—здоровый, крѣпкій.
Пора-то—очень хорошо, не дурно.
Порѣга — полынья при устьяхъ рѣкъ весной.
По-сюдяѣ—не много въ эту сторону, „иди по-сюдяѣ и выйдешь".
По-тудяѣ—не много въ ту сторону.
Похожать—осматривать ловушки; „я мережки похожалъ".
Присушная трава — употребляется въ чаѣ, съ цѣлью заставить воспылать кого-либо страстью до сокрушенія и изсыханія.
Проска—милостыня.
Посёртать—подождать.

Р.

Ратой—валдшнепъ.
Распалиться—очиститься ото льда.
Репаки, насобники — мѣсячное, регулы.
Роднякъ—болотце, съ мелкимъ ельникомъ и соснякомъ.
Росяница—росянка.
Руда—кровь.
Рундукъ—ящикъ для посуды.
Рѣка—проливъ (у Водлозеровъ, живущихъ на островахъ).

С.

Салма—проливъ.
Салага—молодая плотва.
Своропъ—золотуха; извѣстно и самое слово золотуха.
Своропная трава—(?) „когда чешется тѣло,—своропъ бываетъ, то парятъ траву и моютъ ребятишекъ".
Сележныя мѣста — мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ.
Сёртать—ждать.
Сказитель—былинщикъ, сказочникъ.
Скало и снуйки—приборы для наматыванія пряжи.
Слудья — стекло, вѣроятно — такъ отъ древняго обычая вставлять въ окна слюду, за неимѣніемъ стекла.

И входитъ во покои княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Солнышку князю Владиміру
Дѣлаетъ поклонъ особинной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богàтыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій брать!
„Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
„Будь же ты городу Кіеву да защитникъ!“

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

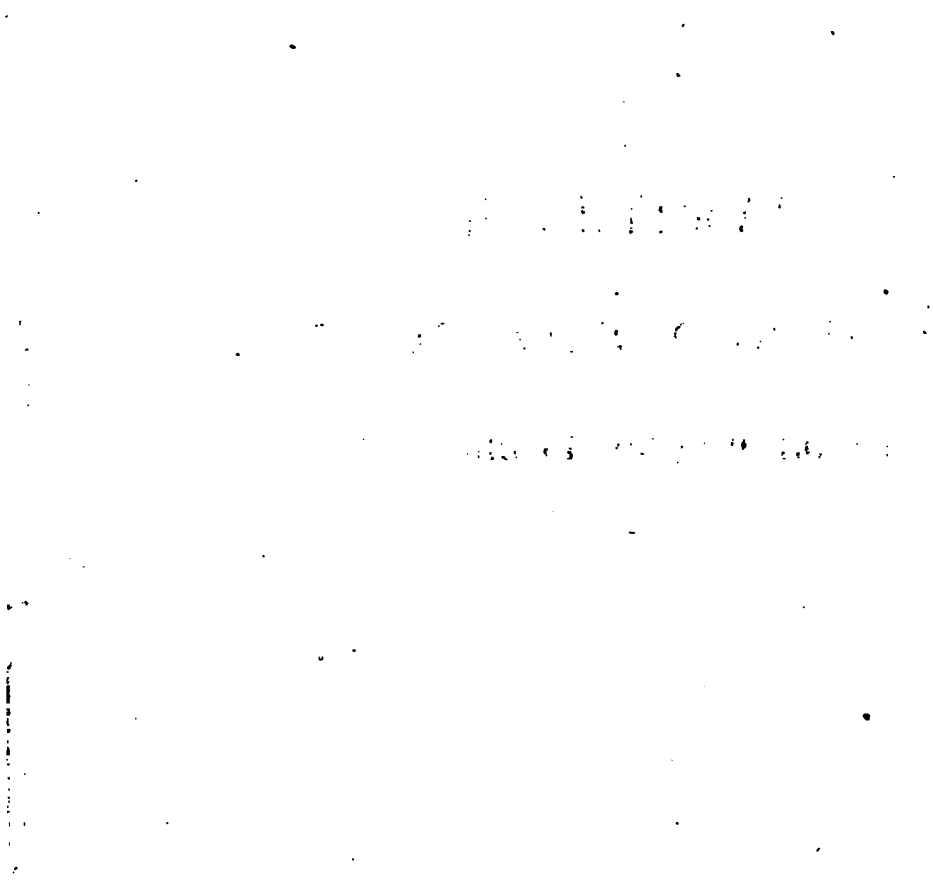
2 [1]).

Какъ съѣхались сильніи могучіи богàтыри въ чистомъ полѣ,
Они съѣхались да поздоровкались,
Со первой со стòроны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со стòроны сильное Иванище Игнатьевъ сынъ,
Они съѣхались да поздоровались.
„Здравствуй, сильное Иванище Игнатьевъ сынъ!
„Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„ Я оттоль иду да отъ Царя-града,
„ Отъ Царя-града иду да отъ Іерусолима“.
Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ
„Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра не по прежнему,
„Тамъ обсилило проклятое Идолище,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 326 и 750.

„Сидитъ между царемъ, между царицею
„Межъ Сурывливымъ Васильемъ Боголюблевымъ".
Говоритъ ему старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Чтожь ты на проклятое не нàпущалъ?"
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„Не то я на проклятаго не нàпускалъ,
„Не смѣлъ то я думушкой подумати,
„Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
„Какъ головище у проклятаго съ пивной котелъ,
„А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
„А носище у проклятаго бывъ калена стрѣла,
„А тулóвье у проклятаго будто куча сѣнна — не смѣтная".
Говоритъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
„Ай-же ты, сильное Иванище, Игнатьевъ сынъ!
„Ты садись-ко на матушку сыру землю,
„Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
„Ты снимай-ко подсумки изъ литà бурхатà,
„Вынимай-ко шляпу земли Грецкіи,
„Скидывай ты гуню Сороцинскую,
„Одѣвай-ко мое платье дорожнее".
Онъ отвѣчатъ ему, стару казаку да Ильѣ Муромцу.
„Какъ добромъ тѣ не дать, такъ ты силомъ возмешь
„Силомъ возмешь, да мнѣ-ка горбъ надмѣшь".
Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли Грецкія,
Скидывалъ онъ гуню Сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платьице Ильюшино—дорожнее.
Скорымъ-нàскоро Ильюша одѣвается,
Покрутёшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинка лапòтики семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотнкахъ вплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцвѣтному,
Не для-ради красы-басы убожества,
А ради укрѣпы богатырской—молодеческой,

Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Илюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единаго;
Пошелъ Ильюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается;
Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣется:
Это будетъ Илья да у Цара-града
У Царя града у Іерусалима,
У той стѣны у городовоей.
Закричалъ Ильюшенька въ полголоса,
Во Цари-гради новы домы пошатнулися,
А старые то домы разсыпалися,
А бережіе кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
На Божьихъ церквахъ чудны кресты покривились.
Проклятое чудовище у палаты грановитые
Ужаснулся да чудь обмалтался,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровличь да Боголюблевичь!
„Выходи-тко на крылецко на царское,
„Закричи ты царь да зычнымъ голосомъ;
„Како у тя во Цари-гради уродище уродуетъ,
„Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
„Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
„Во ту гридню во столовую,
„Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
„Крестъ клалъ онъ по писаному,
„Кланялся на всѣ четыре стороны,
„Царю со царицей понизешеньку
„А твоимъ гостямъ—любимымъ въ особину".
Тутъ выходилъ царь на крилечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожая!



„А шляпу ношу его да рваную“.
Говоритъ ему проклятое Идолище:
„По много ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
„А калачъ да булочка ему на два дня“.
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идолище:
„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;
„Ѣмъ семь печей калачей
„Да сорокъ мякушечекъ;
„По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
„А по лебедю я сразу закусываю“.
Говоритъ тутъ шишъ калика перехожая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
„Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное
„По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
Ему эты рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ проклятой булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Юльюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку,
Пролетѣлъ булатный ножъ на сѣни да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыихъ Татаровей!
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,
А другаго схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Юльюшинька помахивать,
Куды махнетъ, туды улица,
Отмахнетъ куды, переулочекъ;
Прибилъ тутъ проклятыихъ Татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
Пришелъ-то онъ во гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолище да межу уши,
Покатилась головище, какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову,

Понесло его тушу сѣнную—несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

(Записано А. Николаевскимъ, въ приходѣ Кулгала, Филимоновой волости, отъ крестьянина Щербакова).

3 [1]).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Вси князья—вси бояра со двора да соѣзжали,
Середи-то ноченьки да темной,
Пріѣхалъ-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ёрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченую;
Самъ па словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Приберн-тко вси дворы да княженецкіи,
„Очисти-тко палаты богатырскіи,
„Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
„Въѣхать Каину-собакѣ поганому
„Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ Каинъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому камень ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко широку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,

[1]) Соотвѣтствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но не полный и съ инымъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рыбникова, I, 118 — 119.

„По суду ли то теперечко по Божьему,
„По этымъ ли законамъ праведливымъ.
„Тыи врѣмечка прошли да не видаютца,
„Тыи годы скоротались, не слыхаютца“ [1]).

Но вотъ „наступили бусурманы превеликіи, разорили оны славной Новгородъ“, и съ того времени быстро пошло заселеніе Обоонежскаго края. Всѣ тутъ прѣдались въ подсивѣрну сторонушку, на званы острова да эты Кижскіи, во славное во обчество во Толвую [2]). Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и разбогатѣли:

„Были добры у ихъ кони иноходныи,
„Были славны корабли да мореходныи“.

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть своей родины:

„Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
„О Бладычномъ оны да этомъ праздничкѣ
„И прослужатъ тамъ обиденку воскресную,
„И какъ выйдутъ на крылечико церковное,
„И какъ сглянутъ во подлѣтную сторонушку, —
„Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко,
„Сговорятъ оны вѣдь есть да таково слово:
„Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекае,

---

[1]) Изъ плача о старостѣ.

[2]) Имя *Кижъ* обнимаетъ юго-западную часть такъ называемаго Заонежья, то есть, полуострова, вдающагося въ Онежское озеро съ сѣвера на югъ. Въ составъ Кижской волости входятъ шесть погостовъ: Кижскій, Сѣнногубскій, Великогубскій, Ямдомозерскій, Космозерскій и Карасозерскій. *Толвуй* есть общее названіе восточной полосы Заонежья, то есть, погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Вирозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго. Въ обѣихъ волостяхъ считается болѣе чѣмъ по 4,000 душъ жителей. И та, и другая группа поселеній довольно древни: названіе Толвуя неоднократно встрѣчается въ историческихъ памятникахъ, начиная съ XV вѣка. Главный промыселъ населенія, въ обѣихъ волостяхъ, составляетъ рыбная ловля; сверхъ того, многіе Кижане занимаются столярнымъ, плотничьимъ и портняжнымъ мастерствомъ, а также службой на судахъ; всѣ эти послѣдніе промыслы — отхожіе. Толвуйцы тоже отчасти промышляютъ бурлачествомъ (изъ свѣдѣній, сообщенныхъ крестьяниномъ Кижской волости И. А. Касьяновымъ). *Л. М.*

Илью Муромцу, сыну Иванычу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
Стару казаку Илью Муромцу
Дѣлатъ онъ поклонъ да особинный.
„Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„Пріѣхалъ-то Татаринъ поганый въ палаты княженецкія,
„И самъ ерлыкъ-то на столъ да выкладывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту доску да золоченую;
„Самъ на словахъ да выговариватъ:
„Прибери-тко ты вси дверы да княженецкія,
„Очисти палаты богатырскія,
„Ометн улицы стрѣлецкія.
„И въѣхать Каину-собаки поганой
„Во стольный градъ во Кіевъ.
„Пріѣхалъ Татаринъ собака поганый
„Ко той рѣки ко Смородиной,
„Ко тому ль то камени ко Латырю,
„Ко тому ль то дубу да ко шйроку,
„И привелъ сорокъ королей и королевичей,
„И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей, у королевичей сплы по цѣлой е по тысящи,
„У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Дай-ко ты, Солнышко Владиміръ князь,
Дай намъ времени подотдохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней;
Поѣхали во палаты богатырскія
Русскіи могучіи богатыри;
Насыпали пшены бѣлояровой

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старикища — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могутнѣе и кряковистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долговѣкихъ старикищевъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойдти до насъ самыя древнія старины стародавнія.

Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки устороньица, дикіи залѣсьица и малыи безлюдьица. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетыватъ,
„Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ;
„Извощики туды не заѣзживаютъ,
„Перехожіи калѣки не захаживаютъ“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сильнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ помянникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — зябели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
„Есть ты юноша младый,
„Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
„И выстань ко ты во шйрокъ дубъ,
„И посмотри-тко на Татаръ да на поганыихъ:
„Много ль нагнано Татаръ поганыихъ?“
Опустился младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Со этого со дуба со шйрока;
Прогòворитъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нáгнано Татаръ поганыихъ—
„Сѣрому волку въ день не óскакать;
„И черному ворону въ день не óблетать,
„И не честь русскіимъ могучіимъ богàтырямъ,
„Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганыимъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
На этое на поле на чистое.
Ко этынмъ Татарамъ ко поганыимъ.
Выскалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
И выскалъ онъ да во шйрокъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣкп да ко Смородиной,
И ко тому ль ко каменю ко Латырю,
Ко тому ль дубу да ко шйроку;
Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
На поле на чистое.
И только нагнано Татаръ поганыихъ—
И сѣрому волку въ день не óскакать,
И черному ворону въ день не óблетать;
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
И ѣздитъ на томъ лп конѣ въ богатырскоемъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.

И во поли чистомъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубитъ Татаръ да поганыихъ.
Разгорѣлось у стараго казака Ильи Муромца сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
„Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
„Поѣду единъ во поле во чистое".
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко Татарамъ ко поганымъ на поле на чистое.
Стали рубить Татаръ поганыихъ—
Со этымъ со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ;
И прирубили Татаръ да поганыихъ
На этомъ на полѣ на чистоемъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владиміру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре на стороны покланяются,
И Солнышку князю Владиміру да въ особину.
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыихъ,
„Со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
„По родительскому прощеньицу,
„По Божьему благословеньицу".

(Зап. М. Гурьевымъ отъ Шеголенкова).

Добрыня Никитичь.

1 [1]).

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
„Свѣтъ-государь — моя матушка,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 497—498.

„Честна вдова Евфимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеньице,
„Ѣхать во далече, далече во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго
„Кровавить-бить мнѣ погапыхъ Татаровей".
Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,
Честна вдова Евфимья Александровна:
„Ай-же ты, мое да чадо милое,
„Молодой Добрынюшка Никитинечь,
„Какъ бы родился ты силою въ Кострюка Демьяновича,
„А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,
„А походочкой въ Чурилу Пленковича!"
„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ попустила,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ сине море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ морѣ".
Тутъ-то его матушка росплакалась,
Давала прощеньице-благословеньице;
Тутъ Добрынюшка возрадовалъ;
Пошелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра коня,
Сивушка и бурушка косматаго,
Застягивалъ двѣнадцатью подпругами,
Тринадцату натягивалъ продольную;
Тутъ-то пошелъ во свою палату грановитую,
Ко честной вдовы ко Овфимьи Александровнѣ,
Палъ-то онъ во правую во ноженьку,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Свѣтъ государь моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„И въ томъ же молода Настасья Никулична!
„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста поля,
„Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре стороны,
„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

I.

БЫЛИНЫ.

Печатаемыя былины сообщены въ Географическое Общество Е. В. Барсовымъ, бывшимъ профессоромъ Петрозаводской духовной семинаріи, а нынѣ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Былины эти записаны по порученію г. Барсова бывшими его учениками, преимущественно г. Михайломъ Гурьевымъ. Сказитель, отъ котораго записана большая часть былинъ, есть крестьянинъ Василій Щеголенокъ или Щеголенковъ (ремесломъ—бродячій крестьянскій портной), извѣстный по сборнику П. Н. Рыбникова (см. т. III, замѣтка собирателя, стр. XXV—XXVI, и т. IV, перечень пѣсенъ по пѣвцамъ, стр. 6), а также по статьѣ А. Ѳ. Гильфердинга „Олонецкая губернія и ея народные рапсоды“ (Вѣстникъ Европы 1872 года, кн. 3-я, стр. 92, 120 и 122). По замѣчанію Гильфердинга, Щеголенокъ принадлежитъ къ числу сказителей, „которые отвыкли отъ соблюденія размѣра“; этимъ замѣчаніемъ, которое подтверждается и словами г. Барсова (сравн. ниже, стр. 530), объясняется нѣкоторая нестройность стиха въ печатаемыхъ пересказахъ.

Не смотря однако на этотъ недостатокъ, пересказы г. Барсова весьма замѣчательны по представляемымъ ими особенностямъ содержанія и изложенія. О. Ѳ. Миллеръ еще въ 1868 году, имѣя въ рукахъ сборникъ г. Барсова, познакомилъ съ нимъ Отдѣленіе Этнографіи и тогда же указалъ на нѣкоторыя особенности Барсовскихъ пересказовъ; въ послѣдствіи эти указанія были имъ внесены въ его обширное изслѣдованіе о русскомъ народномъ эпосѣ: „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. Печатая нынѣ цѣликомъ пересказы г. Барсова, мы сочли не безполезнымъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сдѣлать ссылки на книгу г. Миллера, а также и съ своей стороны прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній.

Л. М.

Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:
„Если ты добромъ нейдешь, такъ я силомъ возму,
„Будетъ у меня сватъ князь стольно-Кіевскій,
„Княгиня будетъ свахой Апраксія".
Потомъ у нихъ начался почѣстной пиръ.
А Добрынюшка спитъ во чистомъ полѣ,
Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,
Надъ собой невзгоды не начается.
Тутъ налетѣлъ воронъ-птица черная,
Сѣлъ онъ на сырой дубъ и сталъ кричать
Человѣчьимъ голосомъ:
„Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитинечь,
„Надъ собой-то ты невзгоды не вѣдаешь;
„Надъ тобой невзгода есть великая:
„Какъ твоя то молода жена Настасья Никулична
„За мужъ пошла за твоего за братца названаго
„За Олешеньку Поповича".
Тутъ его конь-лошадь добрая
Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,
Стала матушка сыра земля подрагивать;
Отъ того отъ сна крѣпкаго
Добрынюшка пробуждается,
Выходитъ онъ съ шатра бѣлополотняна,
Конь-лошадь добра
Человѣчьимъ языкомъ провѣщился:
„Ай же ты, Добрыня Никитинечь!
„Ужъ ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,
„Надъ собой невзгоды не начаешься;
„Надъ тобой-то есть невзгодушка великая:
„Твоя-то молода жена
„Молода жена Настасья Никулична,
„Она вѣдь пошла за мужество,
„За твоего за братца названаго,
„За Олешиньку Поповича".
Повернулся Добрыня крутёшенько,
Одѣвался Добрыня скорешенько,

Озера-болота перемахиватъ,
Лѣса дремучи подъ себя пущатъ;
Проговоритъ тутъ конь богатырскій
Голосомъ человѣчьимъ,—
Самъ говоритъ, самъ спотыкается:
„Два богàтыря на верху сидятъ".
Воспрогòворилъ Святогоръ богатырь:
Что же ты конь да спотыкаешься?
Что же ты служишь неправдою мнѣ?
— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
Двухъ богàтырей;
Выпусти изъ колчана богàтыря
На сыру землю;
Побратàйтесь:
Одинъ—будь бòльшій братъ,
Другой—будь меньшій братъ.
Прогòворитъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Кто же ты есть за богàтырь?"
Отвѣчаетъ русскій могучій богàтырь:
„Есть русскій могучій богàтырь
„Старый кòзакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь".
Прогòворитъ Святогоръ таково слово:
„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„Какой же ты русскій могучій богàтырь!
„Везъ тебя въ колчанѣ три поприща,
„Со тымъ конемъ да богатырскіимъ,
„Со этой плеточкой шелковоей,
„Со этой палицей булатноей".
И говорилъ Святогоръ богатырь:
„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богатыремъ,
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.
„Кони у насъ мѣрныи,
„Сила у насъ неизвѣстная—
„У русскіихъ могучіихъ богатыревъ".
Вышли они со тѣхъ копей богатырскіихъ—

Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взимала свое-то чадо милое
За ручки за бѣлыи,
Цѣловала во уста во сахарніи.
Онъ говоритъ да таковы слова:
„Ахъ-ты родитель моя матушка,
„Что же ты меня встрѣчаешь,
„А не встрѣчаетъ молода жена,
„Настасья Никулишна".
Тутъ старушка говоритъ таковы слова:
„Твоя-то молода жена, любимая семья,
„Настасья Никулична,
„За мужъ пошла за молодца Олешеньку Поповича".
Не досугъ долго разговаривать Добрынѣ Никитичу,
Самъ говорилъ онъ таковы слова:
„Ай-же ты родитель моя матушка,
„Честна вдова Офимья Александровна,
„Поди-ко ты во новую во горенку,
„Возми-ко мое платье скоморошное,
„Возми-ко гусельца яровчатыи,
„Возми мою дубинку подорожную,
„Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго"
Взимала старушка во правую рученьку
Платье скоморошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гуселка яровчатыи,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единаго;
Принесла старушка Добрынѣ Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ наскоро.
Взималъ онъ гуселка яровчатыи,
Подъ правую подъ пазушку,
Взималъ онъ дубинку подорожную
Во лѣвую во рученьку;
Пошелъ онъ улками да переулками,
Идетъ онъ на почестенъ пиръ,

„И Святогора да богàтыря
„И стара казака Илью Муромца".
Поднимается Святогоръ-то богатырь
На эту на щелью великую,
Спущаетъ каменья огромныи
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:
Нѣтъ русскаго могучаго богàтыря,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
„Было бы кольцо да во сырой землѣ,
„Дру́го бы кольцо да въ высокòмъ небѣ
„Поворотилъ бы я мать сыру землю
„Вверхъ крайчикомъ;
„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь".
Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь
Отъ этой думы крѣпкоей;
Измѣна-конь-то пошахиваетъ;
Призадынулъ да своей-то головы богатырской
Этотъ Святогоръ богатырь,
Утупилъ-то опять свои очи ясныи
Во сыру землю:
„Не съ кѣмъ испытать сплы богатырской,
„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,
„И нѣтъ-то мнѣ да поединьщичка".
Лежитъ-то колчанъ да о широку путь дороженьку,
Подпись на колчанѣ да подписана:
„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота".
Остановилъ то Святогоръ богатырь
Своего то коня да богатырскаго.

Выходитъ съ коня да богатырскаго
На эту на матерь на сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:
„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ“
Стоитъ-то конь да голова повѣшена,
Хочетъ Святогоръ-то богатырь
Испытать своей силы богатырскоей,
Принимается за этотъ колчанъ подписанный,
Первый призднулъ колчанъ съ сырой земли,
Угрязнулъ во сыру землю по косточки;
Второй разъ колчанъ да призднмываетъ,
Угрязнулъ Святогоръ да богатырь по колѣночка,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣриному,
Самъ проговоритъ голосомъ человѣческимъ:
„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатырскоемъ“.
Вздохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена булатніи,
Оборвались свясточки шелковыи,
Увалился конь на сыру землю.
Проговорилъ Святогоръ да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Божью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевымъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова. Пѣвецъ отказался пѣть эту былину, но согласился разсказать ее, такъ что она является не столько былиной, сколько побывальщиной).

Дюкъ Степановичь и Щурило Щапленковичь (Микула Селяниновичь и Вольга Святославичь) [1].

Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскоемъ
Земли матери переваливать.
День-то-нахалъ Дюкъ Степановичь,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 223.

И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
День-то проходитъ, на дрýгой-то онъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сошка у него да поскрыпываетъ.
Проходитъ тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
Переваливать сырой земли матерп.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да шúрокой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали межу собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичь таково слово:
„Какъ тебѣ имячко Божіе?“
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имячко мнѣ—Щурилушко Щапленковичь,
„Я до васъ день шелъ путемъ шúрокой дороженькой
„Слышно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И во дрýгой день отправился по дороженькѣ по шúрокой
„И слышалъ, пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ“.
Проговоритъ Щурилушко Щапленковичь да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичь?“
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Щапленковичь
„Силы богатырской межу собой!“
Оборотился Щурилушко Щапленковичь
Прогòворитъ ему да таково слово:
„Я вижу у стольпаго града у Кіева“.
Прогòворитъ Дюкъ-то Степановичь таково слово:

„Во этую во землю во Тальянскую,
„Отъ короля да великаго,
„Великаго да отъ Литовскаго.
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка, ко этому подворью вдовиному
„И къ честномужнеей вдовы
„Афимьѣ Александровнѣ,
„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньица-благословеньица—
„И ѣхать во землю во Тальянскую"
Пріѣзжаетъ Добрынюшка къ честномужнеей вдовы,
Къ Офимьѣ Александровнѣ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужней вдовы Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлатъ онъ поклонъ да въ особину.
„Честномужняя вдова Офимья Александровна!
„Дай-ко ты мнѣ прощеньица, благословеньица
„Ѣхать во землю во Тальянскую,
„Надо намъ биться да ратиться,
„И стоять-то за Кіевъ за стольный градъ,
„И за свое-ли то родное отечество,
„И за вѣру-то да христіанскую".
И проговоритъ честномужняя вдова Офимья Александровн
„Узналъ-то Солнышко Владиміръ князь о твоей-то о хра рости,
„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная
„Тебя да и Добрынюшку Никитича;
„Хочетъ разлучить Солнышко Владиміръ князь
„И русскіи могучіи богатыри;
„Видно, не кого послать въ землю во Тальянскую.
„Я знала бы тебя да вѣдь Добрынюшку—
„Я силой спородила бы тебя въ Святогоря да богатыря,
„А смѣлостью спородила бы супротивъ
„Стара казака Ильи Муромца,

„Ильи Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повыучила супротиво Олешеньки Поповича".
Заходитъ онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
Беретъ ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ уздицу тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,
И на исподнички кладываетъ онъ войлочки
И на войлочки-то сѣделышко,
Сѣделышко да черкасское;
И застегиваетъ подпругп въ этомъ сѣделышкѣ черкасскоемъ
двѣнадцатеры—
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ связочки семи шелковъ—
Не для-ради красы, ради крѣпости.
И во этихъ стремянахъ булатныхъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота;
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣетъ,
Арабское золото не держится.
Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:
„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
„И стоять-то Добрынюшкѣ за стольный градъ за Кіевъ
„И за свое ли то родное отечество
„И за ту ли то за вѣру христіанскую,
„И повыбрать пошлину за двѣнадцать лѣтъ
„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго".
Проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна
таково слово:
„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его Солнышко Владиміръ князь,—
„Подписались русскіе могучіи богатыри
„И тын полѣницы удалыи".
И стала Настасья Микулишна

На свои ль она да на рѣзвы ноги
И утупила свои очи ясны во калиновъ мостъ;
Идетъ-то по покоямъ бѣлодубовымъ,
И выходитъ на крыльцо-то на переное,
И опущается по лѣстницѣ паратноей
И на свой-то на широкій, на бѣлый дворъ;
Приходитъ-то къ Добрынѣ Никитичу
И говоритъ-то она да таково слово:
„Ай же ты, мой мужъ да законный,
„Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую!“
Прощалась тутъ Настасья Микулишна
Со своимъ мужемъ законнымъ,
Съ Добрынюшкой Никитичемъ.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, моя жена законная, Настасья Микулишна!
„И ждите меня въ три года
„Со той земли да съ Итальянскоей.
„И пройдетъ тому времени три года—
„И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
И пройдетъ тому времени шесть годовъ —
И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ —
И тутъ ты, Настасья Микулишна,
Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи;
Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича
За того ль за дѣвочья насмѣшника
И за моего названнаго меньшаго брателка“.
Тутъ садился Добрынюшка на коня да богатырскаго,
Сталъ да понужывать плеточкой шелковоей
И помахивать сталъ палицей булатноей —
Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
И малыи рѣки конь богатырскій перемахивалъ,
Озера-то онъ да перескакивалъ;
Куды конь-то летитъ, туды ископыть столбомъ стоитъ.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понужывать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатнюю,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ три розстани
И написано на розстани:
Во правую руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣвую руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста разбойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариватъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
„Отдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ“.

„Разъѣзжать Добрыня во чистомъ полѣ,
„Попуживаетъ коня плеточкой шелковоей,
„Поигрываетъ палицей булатноей".
Другой проговоритъ калѣка-перехожій:
„Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйна головушка Добрынюшки разломана,
„Бѣлы грудюшки Добрынюшки распластаны,
„И конь богатырской—по колѣнъ въ крови,
„Растетъ-то на Добрынюшкѣ травонька шелковая,
„Цвѣтутъ-то вѣдь цвѣтики лазуревы".
Опечалилась честномужняя жена Офимья Александровна,—
И нѣтъ-то Добрынюшки во живности!
Третій проговоритъ калѣка-перехожій:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Идешь ли ты да во супружество
„За этого Олешу за Поповича,
„И за того ль да ты дѣвочья насмѣшника?"
И просватала сама себя Настасья Микулишна.
И поѣхали они со этой палаты богатырскоей,
Со этыма съ калѣками да перехожими.
Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
И середи-то ноченьки-то темныи
Застучалось у крыльца да у перенаго,
У кольца да золоченаго,
И проговоритъ честна-мужняя вдова Офимья Александровна
И сквозь свои слезы горючіи да вдовиныи:
„Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
„И не дошло бы насмѣяться надъ подворьицемъ,
„И надъ подворьицемъ да надъ вдовиныимъ!"
Отворила ворота богатырскіи
Той да палаты богатырскоей.
Приходитъ-то удалый добрый молодецъ незнакомыи,—
Притомивши удалой добрый молодецъ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ онъ по ученому,

„И пива пьешь ты по̀ малу?“
Прогово̀ритъ Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь.
„Голова у меня, какъ пивный котелъ;
„Глаза у меня, какъ пивны чаши;
„И межь глазами у меня—да цѣлая пядень;
„И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
„Хлѣба я кушаю—по̀ печи
„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу̀
„И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родители у батюшки была на дворѣ корова эдака,—
„Сама она была да обжорлива;
„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!
„Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко̀ поле,
„Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей!“
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганаго.
И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Пріѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ Королю на бѣлый дворъ.
Донесли Королю, что пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И слышно о тебѣ да о богáтырѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ Король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во двори“.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
„Одинъ-отъ разбойничекъ къ отóрокамъ конпнымъ“.

На этотъ на шйрокъ, на бѣлый дворъ;
Поставлены сторожа да тутъ вѣрныи
У этого Олешеньки Поповича
Ко этымъ воротамъ да богатырскіимъ;
Не пропустятъ оны ни коннаго, ни пѣшаго
На шйрокъ на бѣлый дворъ
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
Прогòворилъ Добрыня таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„Вы возьмите-ко съ меня—съ дѣтинушки да скомарешенька
„По златницѣ вы, да по серебрянной—
„Каждая златница стоитъ сто рублевъ".
И взяли эты слуги вѣрныи съ дѣтинушки скомарешенька
Двѣ златницы, двѣ серебряныхъ;
Отворили ворота да богатырскіи,
Привязали коня да къ золоту кольцу
На этомъ дворѣ да богатырскоемъ;
И провели его дѣтинушку скомарешенька
Въ этую палату богатырскую
И ко этому столу да къ княженецкому.
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
И столу да княженецкому дѣлаетъ поклонъ да особенный:
И садился дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печку на земляночку,
Выигрыватъ наигрыши хорошіи,
Во этыи да во гуселышка;
И перво разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Кіева до земли Сорочинской,
Отъ Сорочинской, до Тальянскоей,
Отъ Тальянской до Царя-града,
Отъ Царя-града до Іеросóлима.
Показалися Настасьѣ Микулишнѣ
Наигрыши хорошіи.
Говорила тутъ она да таково слово:

„Ай же вы, слуги вѣрныи
„И подданны Олешиньки Поповича!
„Вы налейте-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку
„Чару зелена вина
„Не малу, не большу—полтора ведра,
„Поднесите-тко дѣтинушкѣ скомарешеньку".
Выпилъ дѣтинушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу—полтора ведра,
Проговоритъ дѣтинушка таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Дай же ты мѣстичко сидѣть—
„Выигривать выигрыши хорошіи въ гусельника".
Тутъ проговоритъ Настасья Микулишна:
„Ай же ты, дѣтинушка скомарешенекъ!
„Дамъ я тебѣ три мѣстичка
„И три любимыихъ
„Выигривать во гусельника выигрыши хорошіи:
„Первое мѣсто — подлѣ себя,
„Другое мѣсто — напротивъ себя,
„Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ".
И сѣлъ-то дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печьку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти наигрыши
Настасьѣ Микулишнѣ хорошіи.
Проговоритъ дѣтинушка скомарешенекъ да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„И дайте-ко мнѣ графинъ во мои во бѣлы руки
„И стаканъ да во мои руки".
И налилъ дѣтинушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,

И спуститъ два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасьи Микулишной,
Эти перстни обручальныи.
Поноситъ дѣтинушка чару зелена вина
И не малу, не большу—полтора ведра
Настасьѣ онъ да Микулишной,
Самъ проговорйтъ ей да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Ты пей чару до дна, увидишь добра,
Не пьешь чару до дна — ты не видишь добра“.
Она выпила чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,
И на днѣ — два перстня обручныихъ,
Одинъ перстень — Добрынюшки Никитича,
Другой перстень — Настасьи Микулишной.
Она выстала изъ-за этого стола да съ за окольнаго
На свои-то она на рѣзвы ноги,
Сама проговорйтъ да таково слово:
„И не тотъ мой мужъ, что за столомъ сидитъ,
„А тотъ мой мужъ, что осередь избы стоитъ“.
Выходитъ изъ-за стола да княженецкаго
Беретъ-то дѣтинушку скомарешенька,
Добрынюшку Никитича
За эти за бѣлыи за рученьки,
За этыи за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи.
Высталъ Олешинька Поповъ-то сынъ
И высталъ на свои да на рѣзвы ноги:
„Ай же вы, мои гости званыи,
„Ай же вы, мои да гости браныи!
„И всякъ кто удалой добрый молодецъ поженится,
„И не всякому добру молодцу
„Женитьба удается“.
И только Олешинька Поповъ сынъ женатъ бывалъ.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Дунай Ивановичь [1]).

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Заводился пированьице — почестень пиръ
На многихъ на князей — на бо́яръ;
На русскихъ могучихъ бога́тырей.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскіи могучіи богàтыри,
„Княжну́ во супру́жество взять,
„Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество держать?“
И проговорилъ Добрыня таково́ слово:
„Ты Солнышко Владиміръ князь!
„Есть у короля храбра́ три дочери:
„Первая дочь Опракса королевична,
„Вторая дочь—Настасья королевична,
„Третья дочь—не́вдорость“.
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
„Посватай-ко Опраксу королевичну
„За Солнышка князя за Владиміра.
Испроговорилъ Добрыня таково́ слово:
„Не честь мо́лодцу ѣхать ру́сскому богàтырю еди́ному,
„Другàго надо русскаго змогучаго богàтыря!“
„Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.
„Поѣдемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичь!“
И сѣли на конѣй да богатырскіихъ;
Куды пскопыть летитъ,
Туды дымъ столбомъ стастъ.
Видѣли богàтыревъ посядучись.
И скакали кони съ горы́ на́ гору,

---

[1]) Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпическіе эпизода, связанные съ именемъ Дуная—женидьба Владиміра и смерть Настасьи королевичны.

Перемахивали съ холмы̀ на̀ холмы,
И ѣхали они изъ землѝ въ землю̀,
Изъ орды̀ въ орду̀.
И пріѣхали они къ королю̀ въ Литву,
Пріѣхали они на королевскій дворъ:
Прогòворилъ Добрыня таковò слово:
„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„Лошадей да богатырскіихъ
„Отъ этыихъ Татаръ да отъ поганыихъ".
Зашелъ Добрыня въ покои королевскіи
И дѣлалъ поклоны королю̀ въ особину,
И утупилъ-то очи ясны во калиновъ мостъ.
И прогòворитъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по прежнему,
„И пріѣхалъ къ королю̀ въ Литву во служеніе?"
Прогòворилъ Добрыня таковò слово:
„Пріѣхалъ я, король земли Литовской,
„Посватать у тебя Опраксы королевичны,
„За Солнышка князя за Владиміра".
Проговоритъ король земли Литовской:
„Садись-ко ты, Добрынюшка, съ дороженьки на широкъ
стулъ и подòтдохни".
Прогòворилъ Добрыня таковò слово:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Недосугъ послу сидѣть да разсиживать;
„За то посла скоро жалуютъ!"
Приходитъ Татаринъ въ покои королевскіи
И прогòворитъ королю̀ да таково слово:
„У тебя на дворѝ Татаръ да мало ставится, проѣдается".
И прогòворилъ король земли Литовской:
„Ай же ты, Добрыня Никитичь!
„Не одинъ же ты пріѣхалъ къ королю̀ храбру̀ Литовскому!
„Уйми-тко ты русскаго могучаго богàтыря,
„Чтобы нè рубилъ мопхъ Татаръ поганыихъ".
Проговоритъ король земли Литовской таково слово:
„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Кіеву, Добрынюшко!

„Отдамъ я Опраксу Королевичну за Солнышка князя за Владиміра.

Прощались русскіи могучіи богàтыри—
Добрынюшка Никитичь и Дунай сынъ Ивановичь,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Кіеву
И къ тому князю ко Владиміру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичь,
У короля храбра у Литовскаго.
Были они во почестномъ во гостебищѣ у Настасы Королевичны.
Прогòворитъ Дунай сынъ Ивановичь, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?
Говорила Настасья Королевична: „Иду да во супружество".
„Выйдемъ-ко, Дунай сынъ Ивановичь,
„На это ли поле, да на шѝроко;
„Стрѣляй стрѣлочекъ да каленыхъ,
„Изъ этого изъ луку да изъ тугаго".
Наладили размѣръ да на стò сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ ширòкоемъ;
Поставили ножичекъ булатный
Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
Одна половина —другой не больше
И вѣсомъ не тяжèлѣ.
И стрѣлила Настасья Корочевична
Изъ этого изъ лука да изъ тугаго,
И попала во кольце да во серебряное,
И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку калёную,
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжельче.

И прогòворитъ Настасья Королевична:
„И не стрѣляй-ко ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„И стрѣлочки да каленоей
„Изъ этого изъ луку да изъ тугаго;
„И не попасть тебѣ въ кольце да во серебряно,
„И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,
„И не разрубить тебѣ стрѣлочки калёной".
И наладился Дунай сынъ Ивановичь
И стрѣлять-то стрѣлочкой каленою
Изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ;
Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ;
И прогòворитъ Настасья Королевна:
„Не стрѣляй-ко ты, Дунай сынъ Ивановичь,
„Попадешь-де ты въ мои да во бѣлы груди.
„И я тебѣ спорожу сына единаго,
„И по колѣна-то ножки въ сѣребрѣ,
„И по локóточки да ручки въ золотѣ;
„Брови спорожу—ясна сокола
„И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,
„И на гóловы да мѣсяцъ свѣтлый".
Онъ стрѣлилъ да Дунай сынъ Ивановичь
Стрѣлочку да каленую;
Попала та Настасьѣ Королевичнѣ
И во этыи да во бѣлы груди;
И пала Настасья Королевична о сыру землю.
И прослезился Дунай сынъ Ивановичь.
Распотрòшилъ онъ чрево дѣвичье,
И засѣянъ младенецъ, какъ выговаривала.
И прогòворилъ Дунай да сынъ Ивановичь:
„И куды легла Настасья Королевична,
„И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичь".
И отъ Настасьи Королевичной
И отъ сына Дунай сына Ивановича
И прошла тутъ Дунай рѣка.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова).

Василій Буслаевичъ (Дунай Ивановичъ).

Жилъ былъ мòлодецъ единешенекъ,
Былъ-то онъ охочъ гулять, загуливать,
Долгіи вèчеры прохаживать,
Осенніи ноченьки проѣзживать,
По зеленымъ по зàтресьямъ погуливать,
Стрѣлять онъ сѣроплавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ селезневъ.
Женилъ дòбра мòлодца батюшко неволею,
И неволею да неохотою.
Приданаго много—человѣкъ-отъ худой!
Куды пошлешь—оттуль жены не дòждешься,
И дождешься—да не доспросишься,
И отвѣтъ-отъ подастъ.
И тутъ молодецъ пораздумался:
И какъ мни-ка будетъ жить, поживать!
Дунай! Дунай! На столъ собирай!
Любимая пѣсня—ѣсть хочется!
Вечоръ лп я, добринькой мòлодецъ, не ужиналъ,
Утромъ всталъ—не позавтракалъ,
Схватился обѣдать—хлѣба нѣтъ.
Пошелъ молодецъ со своей земли,
Пошелъ молодецъ изъ орды въ орду.
Пришелъ молодецъ къ королю въ Литву.
Приходитъ молодецъ въ покои королевскіи
И спроситъ король земли Литовской;
Спроситъ король: „Какой молодецъ?“
Отвѣтъ держалъ удалый добрый мòлодецъ:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Есть я Василій де Буслаевичъ.
„Возьми-тко ты меня, король земли Литовской, въ услуженіе“.
Отвѣтъ держалъ король земли Литовской:
„Возьму тебя, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Буслаевичъ!

„Первый годъ живи ты у меня
„У воротъ да приворотникомъ,
„Другой годъ—да ты придверникомъ;
„Потомъ же ты, Василій да Буслаевичь,
„Можешь ты быть у меня конюхомъ".
Первый годъ жилъ приворотникомъ,
Вина-то я не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
Другой годъ-то жилъ придверникомъ,
Вина-то я горькаго не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
И третій годъ я жилъ въ конюхахъ,
И вина-то я не пилъ
Удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь,
Бѣлымъ сахаромъ да не закусывалъ;
Господь Богъ меня помиловалъ
Удала добра мòлодца
Василья да Буслаевича;
Король меня много жаловалъ,
Король земли Литовской.
„Ты, Василій да Буслаевичь,
„Удалый добрый молодецъ,
„И будешь служить у меня ключникомъ".
И семь-то годовъ жилъ съ дочерью съ королевскою,
И спалъ-то у ней на бѣлой руки, у бѣлой груди.
И проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ.
Удалу добру мòлодцу Василью да Буслаевичу
По своей сторонѣ ему стосковалося,
И зашелъ-то удалый добрый мòлодецъ
Василій да Буслаевичь,
На царевъ кабакъ зашелъ

И выпилъ чару зелена вина,
И другую выпилъ похмѣльную:
„Я удалый добрый молодецъ
„Василій да Буслаевичь.
„Жилъ ли-то я у короля въ Литвѣ,
„У короля въ Литвѣ да въ услуженіи.
„Первый годъ жилъ приворотникомъ,—
„Господь Богъ меня миловалъ,
„Король да Литовскій жаловалъ,
„Другой годъ жилъ я придверникомъ,—
„Богъ меня миловалъ,
„Король Литовскій жаловалъ;
„Третій годъ жилъ я во конюхахъ,—
„И Богъ меня миловалъ,
„Король Литовскій жаловалъ;
„И жилъ я годъ въ ключникахъ,
„Богъ меня миловалъ,—
„Король Литовскій жаловалъ;
„Семь годовъ жилъ я со дочерью съ королевскою,
„Спалъ-то у ней на правой рукѣ
„На правой руки, у бѣлой груди".
Услыхали тутъ слуги вѣрныи короля Литовскаго,
Похвасталъ удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь красной дѣвушкой.
И сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И связали-то ему да ручки бѣлыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И поводятъ удала добра молодца
Василья да Буслаевича
На это ли на поле да на чистое,
Ко этой ко плахѣ дубовоей
Отрубить-то ему да буйну голову,
И придать-то смерть ему напрасную
И вынять ему сердце со печенью.
„Ай вы, слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго!

Святогоръ богатырь [1]).

1.

Святогоръ богàтырь—сила у него неизвѣстная;
Поѣзжаетъ въ путь дороженьку во шѝроку,
Со этыма съ доспѣхамъ богатырскима;
Беретъ онъ плеточку шелковую—
Коня-то богатырскаго попуживать;
Палицу булатную — поигрывать.
Гдѣ конь идетъ, по колѣнъ въ землю гряжетъ,
Подъ этымъ Святогоромъ богàтыремъ.
Сдремалъ Святогоръ богатырь —
На томъ конѣ да богатырскоемъ;
Вдругъ и сзаду его наѣхалъ человѣкъ неизвѣстенъ,
Ударилъ палицей булатною —
И проговорилъ Святогоръ таково словò:
„Русскіе мухи кусаютъ больно“.
И другой разъ ударилъ Святогора богàтыря —
И проговорилъ Святогоръ таково словò:
„Сàдко, терпѣть не могу“.
Оглянулся назадъ Святогоръ-богатырь
Со этого коня богатырскаго,
Со этого со стремени булатнаго,
Поворотъ держалъ да на правỳ руку,
Схватилъ онъ человѣка неизвѣстнаго съ сырой земли,
Положилъ онъ человѣка во свòй колчанъ.
Поѣхалъ Святогоръ богатырь,
Путемъ—шѝрокой дороженькой;
Плеточкой коня да онъ попỳживатъ,
Палицу булатну съ руки на руку перемѣтывать;
Конь-то идетъ спотыкается,
Малыя рѣки онъ прошахивать,
Не широки озера перескакивать,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 181, 218, 243—244.

Озера-болота перемахиватъ,
Лѣса дремучи подъ себя пущатъ;
Проговоритъ тутъ конь богатырскій
Голосомъ человѣчьимъ,—
Самъ говоритъ, самъ спотыкается:
„Два богàтыря на верху сидятъ“.
Воспрогòворилъ Святогоръ богатырь:
Что же ты конь да спотыкаешься?
Что же ты служишь неправдою мнѣ?
— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
Двухъ богàтырей;
Выпусти изъ колчана богàтыря
На сыру землю;
Побратàитесь:
Одинъ—будь бòльшій братъ,
Другой—будь меньшій братъ.
Прогòворитъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Кто же ты есть за богàтырь?“
Отвѣчаетъ русскій могучій богàтырь:
„Есть русскій могучій богàтырь
„Старый кòзакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь“.
Прогòворитъ Святогоръ таково слово:
„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„Какой же ты русскій могучій богàтырь!
„Везъ тебя въ колчанѣ три поприща,
„Со тымъ конемъ да богатырскіимъ,
„Со этой плеточкой шелковоей,
„Со этой палицей булатноей“.
И говорилъ Святогоръ богатырь:
„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богàтыремъ,
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.
„Копи у насъ мѣрныи,
„Сила у насъ неизвѣстная—
„У русскіихъ могучіихъ богатыревъ“.
Вышли они со тѣхъ копей богатырскіихъ—

Оглянулся Святогоръ тутъ богатырь,
На томъ ли онъ да на чистомъ полѣ,
Размялъ свою силу богатырскую:
Не видать русскаго могучаго богатыря на чистомъ пол
Уѣхалъ русскій могучій богатырь со чиста поля
Расходились печени богатырскія,
Разсмотрѣли очи ясныя,
Что нѣтъ русскаго могучаго богатыря на чистомъ пол
Проговоритъ своему коню да богатырскому
Святогоръ богатырь таково слово:
„Служи-тко ты мнѣ да безъ измѣнушки".
Шпорами коня да онъ потрагиваетъ,
Конь подъ богатыремъ почувствиваетъ,
Плеточкой шелковой полаживаетъ,
Коня да надо ему богатырскаго
Понуживать да пріударивать,
Палицу булатну съ ножней да вытягивать,
А палицей булатной поигрываетъ
И палицу подъ облако выкидываетъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святогора да богатыря —
Догнать надо стара казака Илью Муромца,
Илью Муромца, сына Ивановича.
Малыи рѣчки конь перешахиватъ,
Озера не широки перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущалъ;
Не досталъ Святогоръ богатырь
Стара казака Ильи Муромца.
Разгорѣлось сердце богатырское
У того ль Святогора до богатыря;
Выходитъ онъ со добра коня,
Со добра коня да богатырскаго;
Становится онъ да на сыру землю,
Самъ проговоритъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Удержи-тко ты, мать сыра земля,
„Русскіихъ могучихъ богатыревъ

„И Святогора да богàтыря
„И стара казака Илью Муромца“.
Поднимается Святогоръ-то богатырь
На эту на щелью великую,
Спущаетъ каменья огромныи
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:
Нѣтъ русскаго могучаго богàтыря,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
„Было бы кольцо да во сырой землѣ,
„Дрýго бы кольцо да въ высокòмъ небѣ
„Поворотилъ бы я мать сыру землю
„Вверхъ крайчикомъ;
„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь“.
Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь
Отъ этой думы крѣпкоей;
Измѣна-конь-то пошахиваетъ;
Призднулъ да своей-то головы богатырской
Этотъ Святогоръ богатырь,
Утупилъ-то опять свои очи ясныи
Во сыру землю:
„Не съ кѣмъ испытать силы богатырской,
„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,
„И нѣтъ-то мнѣ да поединьщичка“.
Лежитъ-то колчанъ да о широку путь дороженьку,
Подпись на колчанѣ да подписана:
„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота“.
Остановилъ то Святогоръ богатырь
Своего то коня да богатырскаго.

„Тамъ вѣдь прежняя, родима наша сторона,
„Наша славна сторона Новогородская" [1]).

Любопытно, какъ сохраняются здѣсь самыя преданія, и какъ глубоки симпатіи Заонежанъ къ былому, древне-русскому быту, здѣсь они видятъ свои идеалы, по отношенію къ коимъ продолжаютъ оцѣнивать свое настоящее. Старики стародревніи говорятъ недоросткамъ молодымъ:

„Послыхайте словеса наши старинныи,
„Запримѣтьте того, малы недорсточки!
„Ужъ какъ это сине морюшко сбушуется,
„На синёмъ морѣ волна да порасходится,
„Будутъ земскіи вси избы испражнятися,
„Скрозе лозныи судьи да присылатися;
„Вси измѣнятся пустыни богомольныи,
„Разорятся вси часовенки спасёныи...
„Кругомъ-около ребята обстолпилися,
„Какъ на этыхъ стариковъ да оглядилися,
„Ихнихъ рѣчей недоростки пріослухались...
„Кои умны недорсточки, примѣтныи,
„Они этыи слова тутъ принимали, —
„Объ досюльныихъ законахъ постоятельныхъ,
„Объ досюльноемъ житьѣ Новогородскоемъ.
„Сволновалось сине славное Онегушко,
„Какъ вода съ пескомъ помутилася.
„Тутъ воспомнятъ-то вѣдь малы недорсточки:
„Теперь-понь да времена-то тѣ сбываются,
„Какъ у старыхъ стариковъ было разсказано" [2]).

Изъ этихъ поэтическихъ преданій видно, что Заонежане доныне не потеряли сознанія о своемъ происхожденіи, о своей широкой, богатырской и хватовитой натурѣ, о своемъ прежнемъ житьѣ-бытѣ и удаломъ молодечествѣ. Въ этой-то Новгородской природѣ и въ этомъ-то народномъ сознаніи кроется первое и ближайшее услов

[1]) Изъ плача о старостѣ.
[2]) Оттуда же.

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старикища — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могутнѣе и кряковистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долговѣкихъ старикищевъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойдти до насъ самыя древнія старины стародавнія.

Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки устороньица, дикіи залѣсьица и малыи безлюдьица. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетыватъ,
„Сѣрой заюшко туды не проскакиватъ;
„Извощики туды не заѣзживаютъ,
„Перехожіи калѣки не захаживаютъ“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ спльнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ памятникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — зябели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

„У Солнышка князя Владиміра стольно-Кіевскаго
„Во этыи во пòгребы глубокіи
„Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.
Взяла Настасья Микулишна
Обрубила волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кіеву,
Пріѣхала ко Сольнышку князю ко Владиміру на княжій дво[illegible]ъ;
Заходитъ она въ покои княженецкіи;
Она крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре сторонки покланяется, —
И солнышку Князю Владиміру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ особину.
Проговоритъ Солнышку князю Владиміру:
„Посолъ земли Турецкой!“
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки на дубовой стулъ да поотдохни“.
И проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу разсиживать,
„За то посла скоро жалуютъ.
„Есть у тя племянница любимая
„У Солнышка князя у Владиміра;
„Отдай-ко ты да во супружество
„За этого посла да за Турецкаго“.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій
„Мы подумаемъ да думу крѣпкую,
„Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ —
„Могу отдать, посолъ земли Турецкой,
„За тебя да во супружество“.
Проговоритъ посолъ земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Ты выпусти невольниковъ изъ погребовъ великихъ
„По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновичь
Ко послу да ко Турецкому;
Беретъ-то за рученьки за бѣлыи

Ставра сына Годинова,
За эты и за перстни за злаченыи
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Гадиновича.
Благодаритъ-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышку Владиміру стольно-Кіевскому
Эпистолію: „Благодарю тебя, Солнышко Владиміръ князь,
„Выпустилъ невольниковъ изъ погребовъ глубокихъ;
„Не надо мнѣ племянницы любимоей,
„А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичь,
„Тотъ мой мужъ законный".

Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова.)

Дюкъ Степановичь [1]).

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ тоя Корелы изъ богатыя
Снаряжается, убирается
Молодой бояринъ боярскій сынъ,
Дюкъ Степановичь;
„Свѣтъ государыня матушка,
„Дай-ко ты прощенье и благословенье
„Ѣхать ко городу Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владиміру;
„Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стоитъ,
„А Владиміръ князь ласковъ есть,
„На пріѣзди добрыхъ молодцевъ чествуетъ,
„А на поизди даритъ несчетной золотой казной".
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А пріѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязываетъ своево добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;

---

1) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 599 - 601 и 615.

И приходитъ во Божью церковь,
Онъ крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.
Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владиміру въ собину:
„Здравствуй, Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!“
„Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодецъ,
„Тебя какъ именёмъ зовутъ,
„И какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волынца-города, изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатыя
„Молодой бояринъ боярской сынъ
„Дюкъ Степановичь“.
„Пожалуй-ко, молодой бояринъ,
„Боярской сынъ
„Дюкъ Степановичь,
„Ко мнѣ хлѣба-соли покушати“.
Приходитъ во гридню-палату бѣлокаменну,
Онъ крёстъ-то кладе по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому.
Онъ кланяется, поклоняется
На всѣ на четыре-то стороны;
„Здравствуй, княгина Апраксія!“
„Ты поди-ко, удалъ, дородній добрый молодецъ,
„Ты коей земли, коей орды?
„Какъ тебя именёмъ зовутъ,
„Какъ величаютъ по отечеству?“
„Я есть изъ Волынца-города изъ Галича,
„Изъ тоя Корелы изъ богатыя
„Молодой бояринъ боярской сынъ,
„Дюкъ Степановичь“.
„Садись-ко ты, Дюкъ Степановичь,
„Хлѣба-соли кушати“.
Всѣ сили князи и бояри
Хлѣба-соли кушати,

И взялъ молодой бояринъ
Дюкъ Степановичь
Колачикъ крупивчатой,
И увидалъ молодой бояринъ
Боярской сынъ
Дюкъ Степановичь
Подъ колачикомъ сосновую иголочьку.
„Здѣсь-то", говоритъ, „видно помелча сосновыи,
„А какъ у моёй-то родителп-матушки
„Помялча-то шелковыи".
И говоритъ тутъ Олеша Поповичь
„Этоё, дядюшка, дѣтинище-обманище
У боярина уѣхалъ,
Коня угналъ".
И говоритъ тутъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Что ты пріѣхалъ, дѣтинище-обманище,
„Своимъ животомъ хвастаешь,
„Да своей родитель-матушкой,—
„Ударимъ со мной о велпкъ закладъ
„На три года:
„Чтобы въ каждый день носить платья переменныи".
И ударили они о великъ закладъ
Въ каждой день носить платья переменныи,
Щеголять во Кіевѣ во городѣ;
И по Чурилы Щапоплёнковѣ
Ручается весь Кіевъ-градъ,
А по Дюкѣ Степановичѣ
Нехто не ручается,
Только ручается
Старой казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитинецъ.
И посылаетъ молодой князь
Владиміръ стольно-Кіевской
Дюкова имѣнья описывать,
И посылать Добрыню Микитинца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитинецъ,

„И опиши имѣніе Дюкова,
„И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
„Платья переменныи, на три года,
„Каждой день перемѣнять".
И поѣзжатъ Добрыня Никитинецъ
Ко Волынцу городу Галичу,
Ко той Корелы да богатыя.
И пріѣзжатъ Добрыня
Ко Дюку ко Степанову
На широкъ дворъ,
И привязыватъ своево коня доброва
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтилась ему
Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня:
„Здравствуй, Дюкова матушка!"
„Да нѣтъ", говоритъ,
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова портомойница".
Опять встрѣчается ему
Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Никитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!"
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница";
Еще подходитъ Добрыня Никитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!"
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова стольница".
И приходитъ Добрыня Никитинецъ
Во гридни столовыи,
Онъ крёстъ-то кладё по писаному,
Поклонъ-то ведё по ученому,

Озера-болота перемахиватъ,
Лѣса дремучи подъ себя пущатъ;
Проговоритъ тутъ конь богатырскій
Голосомъ человѣчьимъ,—
Самъ говоритъ, самъ спотыкается:
„Два богàтыря на верху сидятъ“.
Воспрогòворилъ Святогоръ богатырь:
Что же ты конь да спотыкаешься?
Что же ты служишь неправдою мнѣ?
— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
Двухъ богàтырей;
Выпусти изъ колчана богàтыря
На сыру землю;
Побратàитесь:
Одинъ—будь бòльшій братъ,
Другой—будь меньшій братъ.
Прогòворитъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Кто же ты есть за богàтырь?“
Отвѣчаетъ русскій могучій богàтырь:
„Есть русскій могучій богàтырь
„Старый кòзакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь“.
Прогòворитъ Святогоръ таково слово:
„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„Какой же ты русскій могучій богàтырь!
„Везъ тебя въ колчанѣ три поприща,
„Со тымъ конемъ да богатырскiимъ,
„Со этой плеточкой шелковоей,
„Со этой палицей булатноей“.
И говорилъ Святогоръ богатырь:
„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богàтыремъ,
„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.
„Кони у насъ мѣрныи,
„Сила у насъ неизвѣстная—
„У русскiихъ могучiихъ богатыревъ“.
Вышли они со тѣхъ копей богатырскiихъ—

Во Кіевъ градъ,
И стали щеголять
Съ Чурилой Щапоплёнковымъ
И въ каждый день
Все платья лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошили они платья Христовскія —
Идти ко заутрени Христовскія,
И отходятъ они отъ заутрени Христовскія,
И глядитъ Князь Владиміръ стольно-Кіевской
На платья на Чурилины,
И говоритъ Владиміръ князь:
„Ну, Чурила Щапопленковичь,
„Платья были у Дюка Степанова
„Лучше твоихъ,
„А теперь, якъ ты перещеголялъ
„Дюка Степанова,—
„Платья твои лучше Дюки Степанова".
И поглядитъ на платья на Дюковы,
И говоритъ Владиміръ стольно-Кіевской....
И повелъ Дюкъ Степановичь
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,
На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злаченыихъ,
И говоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевской:
„Нечево бы тебѣ, Чурила Щапопленковичь,
„Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
„Въ каждой день тебя
„Дюкъ Степановичь перещеголивалъ".
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Щапоплёнковичь:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
„Перескочить на коняхъ на добрыихъ
„Черезъ Днѣпру черезъ широкую,

„И Святогора да богàтыря
„И стара казака Илью Муромца".
Поднимается Святогоръ-то богатырь
На эту на щелью великую,
Спущаетъ каменья огромныи
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:
Нѣтъ русскаго могучаго богàтыря,
Стара казака Ильи Муромца, сына Ивановича.
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говоритъ-то онъ да таково слово:
„Было бы кольцо да во сырой землѣ,
„Дру́го бы кольцо да въ высокòмъ небѣ
„Поворотилъ бы я мать сыру землю
„Вверхъ крайчикомъ;
„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь".
Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь
Отъ этой думы крѣпкоей;
Измѣна-конь-то пошахиваетъ;
Приздынулъ да своей-то головы богатырской
Этотъ Святогоръ богатырь,
Утупилъ-то опять свои очи ясныи
Во сыру землю:
„Не съ кѣмъ испытать силы богатырской,
„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,
„И нѣтъ-то мнѣ да поединьщичка".
Лежитъ-то колчанъ да о широку путь дороженьку,
Подпись на колчанѣ да подписана:
„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота".
Остановилъ то Святогоръ богатырь
Своего то коня да богатырскаго.

Выходитъ съ коня да богатырскаго
На эту на матерь на сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:
„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ!“
Стоитъ-то конь да голова повѣшена,
Хочетъ Святогоръ-то богатырь
Испытать своей силы богатырскоей,
Принимается за этотъ колчанъ подписанный,
Первый приздынулъ колчанъ съ сырой земли,
Угрязнулъ во сыру землю по косточки;
Второй разъ колчанъ да приздымываетъ,
Угрязнулъ Святогоръ да богатырь по колѣночка,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣриному,
Самъ проговоритъ голосомъ человѣческимъ:
„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатырскоемъ“.
Вздохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена булатніи,
Оборвались свясточки шелковыи,
Увалился конь на сыру землю.
Проговорилъ Святогоръ да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Божью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевымъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова. Пѣвецъ отказался пѣть эту былину, но согласился разсказать ее, такъ что она является не столько былиной, сколько побывальщиной).

Дюкъ Степановичь и Щурило Щапленковичь (Микула Селяниновичь и Вольга Святославичь) [1].

Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскоемъ
Земли матери переваливать.
День-то-напалъ Дюкъ Степановичь,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 223.

И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
День-то проходитъ, на дрýгой-то онъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сошка у него да поскрыпываетъ.
Проходитъ тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичь во чисто поле
Перевалывать сырой земли матерп.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да шúрокой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали межу собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичь таково слово:
„Какъ тебѣ имячко Божіе?“
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имячко мнѣ—Щурилушко Щапленковичь,
„Я до васъ день шелъ путемъ шúрокой дороженькой
„Слышно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И во дрýгой день отправился по дороженькѣ по шúрокой
„И слышалъ, пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ“.
Проговоритъ Щурилушко Щапленковичь да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичь?“
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Щапленковичь
„Силы богатырской межу собой!“
Оборотился Щурилушко Щапленковичь
Прогòворитъ ему да таково слово:
„Я вижу у стольнаго града у Кіева“.
Прогòворитъ Дюкъ-то Степановичь таково слово:

„Я живу-то за рѣкой да за Пачаевой.
„Надо испытать намъ, сила богатырская между собою!“
Приходитъ Щурилушко Щапленковичь
Въ свою ли то палату богатырскую,
Говорилъ-то своей да родной матушкѣ:
„Ай ты, моя родная матушка!
„Я нашелъ-то въ похожденіи богатыря.
„День-то шелъ я до пахаря,—
„Пахарь попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И по другой день тогды я отправился
„По той ли дороженькѣ по широкой,—
„Слышно пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ;
„И по третій день тогды я отправился
„Въ путь дороженьку во широку,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Коня богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрыпываетъ.
„Пашетъ пахарь-то Дюкъ Степановичь,
„И сила у насъ-то не пытаная“.
Беретъ-то Щурилушко Щапленковичь,
Беретъ онъ коня да богатырскаго
Во этой во конюшнѣ бѣлодубовой:
Надѣваетъ на коня уздицу тесмяную
Кладываетъ на коня исподнички,
На исподнички кладываетъ онъ войлочки,
На войлочки онъ сѣделышко—
Сѣделышко да черкасское;
Затягиватъ подпруги онъ двѣнадцатеры,
Пряжечки въ подпругахъ желѣзныи,
А шпилечки чиста золота;
Булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ,
Арабское золото не держится;

Завязывать Щурилушко свясточки семи шелковъ
Не для-ради красы—ради крѣпости;
Садится на коня да богатырскаго,
Съѣзжаетъ со двора да богатырскаго
Съ этима доспѣхомъ богатырскима
И самъ проговоритъ да таково слово
Своему коню да богатырскому:
„Ай же ты, мой конь богатырскій!
„Служи-тко ты мнѣ вѣрой-правдою
„Вѣрой-правдою да безъ измѣнушки,
„Какъ служилъ ты моему родну батюшку".
Проговоритъ конь голосомъ да человѣчьимъ
„Садись-ко ты, Щурилушко Щапленковичь,
„И поѣдемъ мы къ той рѣки ко Почаевой,
„Пріѣдемъ мы да на крутъ берегъ
„Эта рѣка да Почаева
„Глубиной рѣка до сорока саженъ,
„Поперекъ рѣка да верста мѣрная".
Поѣхалъ-то Щурилушко Щапленковичь
На этоемъ конѣ да богатырскоемъ
На оную рѣку да на Почаеву.
Прогóворитъ конь голосомъ да человѣчіимъ
„Ай ты, Щурилушко Щапленковичь!
„Доѣдемъ мы до половины рѣки Почаевой,—
„Размокнутъ твои свясточки шелковыи,
„Оборвутся твои стремени булатныи,—
„Держись ты за вòлосы конины,—
„И вынесу я тебя изъ рѣки да изъ Почаевой,
„Вынесу тебя да на крутой берегъ.
„Осѣдлай-ко ты сызнова коня да богатырскаго".
Сѣдлалъ тутъ Щурилушко Щапленковичь
Коня своего да богатырскаго.
Перекрѣпилъ тутъ всѣ доспѣхи богатырскіи.
Унываетъ-то сердечушко у Щурилушки Щапленкова,—
Надо съѣхать то намъ на поле чистое
Ко этому ко Дюку ко Степановичу.

Садился на коня да богатырскаго
Щурилушко Щапленковичь
И проговорилъ таково слово:
„Служи-тко ты вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою, да безъ измѣнушки!“
Шпорами коня да потыкиваетъ,
И конь-то дороженькой поступываетъ
Головушкой своей да помахиваетъ.
Видитъ Щурилушко Щапленковичь,—
Ѣздитъ Дюкъ-то Степановичь во чистомъ полѣ.
Сталъ то коня да онъ понуживать
Этою плеточкой шелковоей,
Палицей булатной поигрывать.
Пріѣзжаетъ Щурилушко Щапленковичь во чисто поле;
Разгарается сердце богатырское;—
Разъѣзды сдѣлали они за три поприща
Со этнимъ со Дюкомъ Степановичемъ;
Они соткнулись палицами въ одно мѣсто.
И сразилъ-то Щурилушко Щапленковичь
Этого Дюка да Степановича.
И ударилъ его о сыру землю,
Самъ проговорилъ ему таково слово:
„Я буду большой братъ, Дюкъ Степановичь,
„А ты будь меньшій братъ;
„Станемъ мы служить у стольнаго Князя у Владиміра
„У Солнышка во городѣ во Кіевѣ
„Служить-то будемъ безъ измѣнушки.“

(Запис. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Илья Муромецъ.

1 [1]).

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 277, 285 и 757; здѣсь этотъ разсказъ ошибочно приписанъ калмыкѣ Латышову.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскоемъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понужывать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатнюю,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широкую;
И пришло да тутъ трп розстани
И написано на розстани:
Во правую руку ѣхать—женатому быть;
Во лѣвую руку ѣхать—богатому быть;
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста разбойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговариватъ:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
„Отдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возмемъ“.

И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболиная обогрѣватися,
Плеточка богатырская—коня понуживать,
Палица булатныя—поигрывать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убилъ-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
И привязалъ-то одного разбойничка къ оторо̀камъ конины
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убит
Въ шубкѣ соболиной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскоемъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживатъ
И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣки онъ перешахиватъ—конь богатырскій
Не широки озера, да перескакиватъ,
И озера—болота перемахиватъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пущатъ.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѣхалъ онъ къ Одо̀лищу поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покои богатырскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдати"
Прогово̀рилъ Одо̀лище поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ, старой казакъ Илья Муром
„Росту ты есть да не великаго".
Спрашиваетъ Одолище поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?"
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолище поганое, три фунта,
„Похлебки хлебаю я—кружку,
„Пива пью я под-ѝндовы".
Прогово̀ритъ Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
„Хлѣба ѣшь ты по̀ малу,
„Похлебки хлебаешь ты по̀ малу,

„И пива пьешь ты по̀ малу?“
Прогово̀ритъ Одолище поганое:
„Вотъ я за богатырь.
„Голова у меня, какъ пивный котелъ;
„Глаза у меня, какъ пивны чаши;
„И межь глазами у меня—да цѣлая пядень;
„И я кушаю богатырь, Одолище-поганый,
„Хлѣба я кушаю—по̀ печи
„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу̀
„И пива я пью—по три яндовы“.
Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держалъ:
„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—
„Сама она была да обжорлива;
„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!
„Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ широко̀ поле,
„Отвѣдаемъ-ко силы богатырскоей!“
Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна,
Растрепалъ Одолища поганаго.
И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,
И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;
Пріѣхалъ къ царству незнакомому,
Явился къ Королю на бѣлый дворъ.
Донесли Королю, что пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.
Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,
Проговорилъ ему да таково слово:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И слышно о тебѣ да о бога́тырѣ по всѣмъ ордамъ“.
Проговорилъ Король да таково слово:
„Живи-тко ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во двори“.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:
„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;
„Одинъ-отъ разбойничекъ къ отóрокамъ конинымъ“.

„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Былъ бы граду моему да защитникъ.
„Нѣтъ у меня такого славнаго богàтыря".
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого Короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать съ городу:
Въ описàхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
И мѣста-да я разсматриваю;
И сидѣлъ-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣлъ-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Далъ мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую непзвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчàнѣ
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Придвигается ко дорогѣ онъ ко шйрокой—
И написано на дорогѣ на шйрокой:
Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву.
По лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову,
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы
летущей.
Свисталъ онъ по змѣиному,
Кричалъ онъ по звѣриному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву;
Пріѣзжаетъ ко полю ко чистому,
Увидалъ онъ богàтыря, ѣзжучись по полю по великому;
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И копя-то богатырскаго богатырь понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ,
Выкидываетъ палицу подъ облако.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И палицей булатноей поигрывать,
Выкидываетъ палицу подъ облако.
И выѣхали эты богатыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣиному,
Крыкнулъ онъ да по звѣриному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь:
„Ай же ты конь да богатырской!
„Не бойся ты свисту змѣинаго,
„Не бойся ты крыку звѣринаго,
„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“
Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышибъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Ко этымъ къ отòрокамъ конинымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палицей булатней поигрываетъ;
Пріѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго,—
Было-то у него да три дочери.
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ
„Русскаго могучаго богатыря везетъ въ оторокахъ конинымъ“.
И середняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь къ отòрокамъ конинымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы сестры мои да родимыи!
„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ
„Да нашего батюшку везетъ

„У тыихъ ли у тòрокахъ конпныихъ“.
Пріѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
Ворота да отворены на пяту—на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковоей,
Собрался на бѣлый дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
Прогòворятъ богатырю да таково слово:
„Умертвилъ ты нашего родителя!“
Прогòворилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Знаешь ли ты, бòльшая дочь Соловья Рахманаго?
„Есть ли храбрѣе меня, воина Ильи Муромца,
„А красивѣе тебя?“
Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
„Стара казака Ильи Муромца и сына Ивановича,
„ А своей красоты да дѣвичьей не могу-я знать!“
У мéньшой у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня?“
Прогóворитъ меньшая дочь Соловья Рахманова:
„Во подсолнечномъ градѣ у Кóроля
„Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
„Очи у ней—ясна сокола
„По коспцамъ у ней звѣзды частыя“.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь;
Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву
Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-Кіевскаго.
И пріѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

И входитъ во покои княжецкіи,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Солнышку князю Владиміру
Дѣлаетъ поклонъ особинной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богàтыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій братъ!
„Держимъ мы надежду на тебя да велпкую,—
„Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ!“

Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

2 [1]).

Какъ съѣхались сильніи могучіи богàтыри въ чистомъ полѣ,
Они съѣхались да поздоровкались,
Со первой со сто̀роны батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ,
А съ другой со сто̀роны сильное Иванище Игнатьевъ сынъ,
Они съѣхались да поздоровались.
„Здравствуй, сильное Иванище Игнатьевъ сынъ!
„Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:
„ Я оттоль иду да отъ Царя̀-града,
„ Отъ Царя-града иду да отъ Іерусолима“.
Говоритъ ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ.
„Во Цари-гради есть вѣра та-ль по старому?
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“
Отвѣчатъ ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ
„Во Царя-гради есть вѣра не по старому,
„Въ Іерусолимѣ есть вѣра не по прежнему,
„Тамъ обсилило проклятое Идолище,

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 326 и 750.

Выходитъ дѣвица на широкій дворъ;
На дворѣ стоитъ карета черная,
И подпряженъ жеребчикъ не ученый;
Посаженъ дѣтина молодой.
Красная Алисафія Агапіевна догадалася,
Жалобнешенько порасплакалась:
„Не на то меня отецъ-мать спородили,
„Что во священскую вѣру въ замужъ отдать.
„Отдаютъ меня къ люту змѣю:
„Ко лютому змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе".
Садилась Алисафія Агапіевна въ карету черную;
Выѣзжалъ дѣтина ко синю морю
Ко великому.
Едина дѣвица оставалася;
Мало времени смиловалося;
Наѣзжалъ тутъ Егорей на добромъ конѣ,
Говоритъ Егорей ко красавицѣ:
„Красная Алисафія Агапіевна, поддержи коня
„За шелковъ поясъ,
„Хоть на малое время; я спать усну;
„И посмотри на синє море;
„Когда синее море порасходится,
„Волна на морѣ сколыхается,
„И люта змѣя появляется,—
„Ты тогда меня отъ сна будп".
Мало время смиловалося,
Какъ синє море сколыхалося,
Волна на морѣ порасходилася,
Люта змѣя идетъ очень сердитая.
Начала красная Алисафія Агапіевна отъ сна будить
И не можетъ разбудить.
Покатились у ней горючи слезы
На бѣло лицо;
Отъ того онъ отъ сна восталъ.
И садился Егорей на добра коня;

Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночью идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Илюша во дороженьку,
Покрутенько да снаряжается;
Изымалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единаго;
Пошелъ Юльюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается;
Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣется:
Это будетъ Илья да у Цара-града
У Царя града у Іерусолима,
У той стѣны у городовоей.
Закричалъ Юльюшенька въ полголоса,
Во Цари-граде новы домы пошатилися,
А старые то домы разсыпалися,
А бережіе кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
На Божьихъ церквахъ чудны кресты покривились.
Проклятое чудовище у палаты грановитые
Ужаснулся да чудь обмалтался,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровличь да Боголюблевичь!
„Выходи-тко на крылецко на царское,
„Закричи ты царь да зычнымъ голосомъ;
„Како у тя во Цари-граде уродище уродуетъ,
„Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
„Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
„Во ту гридню во столовую,
„Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
„Крестъ клалъ онъ по писаному,
„Кланялся на всѣ четыре стороны,
„Царю со царицей понизешеньку
„А твоимъ гостямъ—любимымъ въ особину“.
Тутъ выходилъ царь на крылечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калика перехожая!

„Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
„Крестъ кладай по писаному,
„Поклонъ веди да по ученому,
„Клонись на всѣ четыре сто́роны,
„Царю съ царицей поннзешеньку,
„Моимъ гостямъ любимыимъ въ особину".
Того-то шишъ калика взрадогалася,
Скакалъ калика черезъ стѣну городо́вую,
Черезъ тотъ-то тынъ черезъ булатный,
Шелъ калика скорымъ-на́скоро
На ты сини на царскіи,
Во ту палату грановитую,
Во ту во гридню во столовую.
Ужъ онъ крестъ кладалъ да по писаному,
Поклоны велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на сто́роны,
А царю съ царицею въ особину,
А проклятому чудовищу челомъ не бьетъ.
Это тутъ проклятому не слюбилося,
Онъ вѣдь сталъ калику выспрашивать,
Сталъ каликушку вывѣдывать:
„Ай-же ты калика шишъ перехожая!
„Ты коей земли, да ты коей орды,
„Коего отца да коей матушки".
„Я со матушки да со Святой Руси,
„Со Святой Руси да съ богато́й орды".
„Видалъ ли ты шишъ калика перехожая,
„Видалъ ли ты да Илью Муромца;
„Какъ у васъ на матушки на Святой Руси
„Есть Илья у васъ Муромецъ,
„Онъ у васъ, говорятъ, спленъ есть".
Отвѣчатъ шишъ-калика не съ упадкою:
„Голосомъ и волосомъ и возрастомъ
„Будто братецъ мой;
„Ужъ я платьица ношу его обдержечки,
„А сапожки ношу его оптопточки,

„А шляпу ношу его да рваную“.
Говоритъ ему проклятое Идолище:
„По много ли онъ хлѣба къ выти кушаетъ?“
„А калачъ да булочка ему на два дня“.
Говоритъ тутъ сильное проклятое Идолище:
„Ай же, есть онъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;
„Ѣмъ семь печей калачей
„Да сорокъ мякушечекъ;
„По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,
„А по лебедю я сразу закусываю“.
Говоритъ тутъ шишъ калика перехожая,
Отвѣчаетъ онъ калика не съ упадкою:
„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,
„Какъ у нашего у батюшка коровище обжорное
„По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.
Ему эты рѣчи не слюбилися,
Схватилъ онъ проклятой булатный ножъ,
Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.
Какъ тутъ-то Ильюши смерть не писана,
Увернулся-то Илья за правую за липинку,
Пролетѣлъ булатный ножъ на сѣни да на царскіи,
Какъ прибилъ онъ поганыихъ Татаровей!
Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,
А другаго схватилъ за правую за рученьку,
Какъ началъ тутъ Ильюшинька помахивать,
Куды махнетъ, туды улица,
Отмахнетъ куды, переулочекъ;
Прибилъ тутъ проклятыихъ Татаровей,
Не оставилъ онъ проклятыхъ на сѣмена;
Завзималъ онъ дубинку подорожную,
Пришелъ-то онъ во грядню во столовую,
Ударилъ онъ Идолище да межу уши,
Покатилась головище, какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову,

Понесло его тушу сѣнную—несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

(Записано А. Николаевскимъ, въ приходѣ Кулгала, Филимоновой во
сти, отъ крестьянина Щербакова).

3 [1]).

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Вси князья—вси бояра со двора да соѣзжали,
Середи-то ноченьки да темной,
Пріѣхалъ-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ёрлычекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченую;
Самъ на словахъ да выговарпвалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прибери-тко вси дворы да княженецкіи,
„Очисти-тко палаты богатырскіи,
„Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
„Въѣхать Каину-собакѣ поганому
„Во стольный градъ во Кіевъ.
Пріѣхалъ Каинъ-собака поганой
Ко той рѣки ко Смородины,
Ко этому камень ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко шйроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,

---

[1]) Соотвѣтствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказ
но не полный и съ инымъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рыбник
118 — 119.

Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
У королей, у королевичей силы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Приказалъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собрались вси русскіи могучіи богàтыри
Ко Солнышку князю ко Владиміру
На широкій дворъ и въ полаты княженецкіи.
Ужàснулось сердечко у Солнышка у князя у Владиміра,
Говоритъ да онъ могучимъ богатырямъ:
„Былъ-то Татаринъ поганый середи ночи темныя
„Во палатахъ княженецкіихъ;
„Ёрлычекъ на столъ да онъ выкидывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту ли доску да золоченую,
„И самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно Кіевскій!
„Пріѣхалъ Татаринъ поганый ко Солнышку князю Владиміру,
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Ты очисти-тко дворы да княженецкіи,
„И полаты богатырскіи,
„И ометн улицы стрѣлецкіи.
„Пріѣхалъ Капнъ-собака поганой,
„Ко той рѣки да ко Смородиной,
„Ко тому ль ко каменю ко Латырю,
„И ко тому ли дубу да ко широку;
„И привелъ онъ сорокъ королей и королевичей.
„И сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей и королевичей силы е по цѣлой по тысящи,
„У царей и у царевичей по сту тысящъ“.
И вси сидятъ русскіе могучіе богатыри,
Утуплены очи ясны во калиновъ мостъ;
Только нѣтъ единаго стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владиміра;
Послать русскаго могучаго богатыря
Къ стару казаку Илью Муромцу,

По первой по завиви.
Говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:
„Ай же ты, Кирикъ младенецъ,
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцей,
„И матп твоя Улита!
„Исцѣли руку мою по первой по завиви, —
„И повѣрую я во вѣру вашую,
„И поклонюсь я Богу вашему
„И Христу Распятому".
Воздернулъ Кирикъ младенецъ
Руки свои на свою главу:
„Ай же ты, Господи, Господи!
„Исцѣли руку у Максимьяна мучителя
„По первой по завиви,
„Онъ повѣруетъ въ вѣру нашую,
„Онъ поклонится Богу нашему,
„Христу Распятому".
И исцѣлилъ руку по первой по завиви.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
На того ли Кирика младенца
На матерь его на Улиту.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Возьмите Кирика младенца
„И матерь его Улиту,
„Ведите во поле широкое
„И пригвоздите ко дубу ко широку".
И взяли эты злы мучители
Кирика младенца,
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцей,
И матерь его Улиту,
Свели въ поле широкое
И пригвоздили ко дубу ко широку.
Онъ, Кирикъ младенецъ,
Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ по архангельски.
Розъяровался Максимьянъ, царь-мучитель:

Конямъ да богатырскіимъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходитъ тому времени двѣнадцать дней.
Приходитъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владиміру,
Дѣлаетъ поклонъ да о калиновъ мостъ,
Самъ Владиміру слово выговарпватъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Спусти-тко меня ко тѣмъ ли Татарамъ поганымъ“.
Прогòворилъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
„Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
„Гдѣ же у тебя да родный батюшка?“
Воспроговорилъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
„Ко Ерману ко Сергію.
„Дай ты, Солнышко мнѣ Владиміръ князь,
„Прощеньицо и благословеньицо:
„Поѣду ко Татарамъ ко поганымъ;
„Дашь прощеньице—поѣду,
„И не дашь благословеньицо—поѣду,
„Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
„За свое родное отечество,
„За свою ль за ту вѣру хрпстіанскую“.
Пріѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Ко этыимъ ко русскіимъ богàтырямъ
Во палаткп богатырскіи.
Вси кони стоятъ и вси пшѣно ѣдятъ,
Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богàтыри.
Прогòворитъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!
„И не честь спать русскіимъ могучіимъ богàтырямъ,
„Надо ѣхать ко тымъ Татарамъ ко поганымъ.
Прогóворитъ старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ!
„Есть ты юноша младый,
„Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;
„И выстань ко ты во шйрокъ дубъ,
„И посмотри-тко на Татаръ да на поганыихъ:
„Много ль нагнано Татаръ поганыихъ?“
Опустился младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Со этого со дуба со шйрока;
Проговоритъ стару казаку Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:
„Только нагнано Татаръ поганыихъ—
„Сѣрому волку въ день не оскакать;
„И черному ворону въ день не облетать,
„И не честь русскіимъ могучіимъ богатырямъ,
„Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганымъ“.
И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
На этое на поле на чистое.
Ко этымъ Татарамъ ко поганымъ.
Выставъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Отъ этого отъ сна да богатырскаго;
И выставъ онъ да во шйрокъ дубъ,
И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородинной,
И ко тому ль ко каменю ко Латырю,
Ко тому ль дубу да ко шйроку;
Посмотрѣлъ то во трубу подзорную
На поле на чистое.
И только нагнано Татаръ поганыихъ—
И сѣрому волку въ день не оскакать,
И черному ворону въ день не облетать;
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
И ѣздитъ на томъ ли конѣ въ богатырскоемъ
По этому то полю по чистому,
И плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
И палицей булатной поигрываетъ.

И во полп чистомъ младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубитъ Татаръ да поганыхъ.
Разгорѣлось у стараго казака Ильи Муромца сердце богатырское:
„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
„Воротитесь во стольный градъ во Кіевъ!
„Поѣду одинъ во поле во чистое".
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной поигрываетъ;
Пріѣхалъ ко Татарамъ ко поганымъ на поле на чистое.
Стали рубить Татаръ поганыхъ—
Со этымъ со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ;
И прирубили Татаръ да поганыхъ
На этомъ на полѣ на чистоемъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владиміру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре на стороны покланяются,
И Солнышку князю Владиміру да въ особину.
„Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыхъ,
„Со младымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
„По родительскому прощеньицу,
„По Божьему благословеньицу".

(Зап. М. Гурьевымъ отъ Шеголенкова).

Добрыня Никитичь.

1 [1]).

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
„Свѣтъ-государь — моя матушка,

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера* стр. 497—498.

„Честна вдова Евѳимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеньице,
„Ѣхать во далече, далече во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго
„Кровавить-бить мнѣ поганыхъ Татаровей".
Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,
Честна вдова Евѳимья Александровна:
„Ай-же ты, мое да чадо милое,
„Молодой Добрынюшка Никитинечь,
„Какъ бы родился ты силою въ Кострюка Демьяновича,
„А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,
„А походочкой въ Чурилу Пленковича!"
„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ попустила,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ сине море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ морѣ".
Тутъ-то его матушка росплакалась,
Давала прощеньице-благословеньице;
Тутъ Добрынюшка возрадовалъ;
Пошелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра коня,
Сивушка и бурушка косматаго,
Застягивалъ двѣнадцатью подпругами,
Тринадцату натягивалъ продольную;
Тутъ-то пошелъ во свою палату грановитую,
Ко честной вдовы ко Овѳимьи Александровнѣ,
Палъ-то онъ во правую во ноженьку,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Свѣтъ государь моя матушка,
„Честна вдова Овѳимья Александровна,
„И въ томъ же молода Настасья Никулична!
„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста поля,
„Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре сторони,
„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

„Тотъ-то Олеша Пустохвастовичь—
„Пустымъ Олеша хвастаетъ,
„Небылицей онъ да похваляется;
„А поди хоть за князя за боярина,
„Хоть за сильнаго богàтыря,
„Тутъ тебѣ да воля вольная".
Выходилъ Добрынюшка Никитинечь,
Со той со палаты грановитыя,
На свой-то на широкой дворъ,
Садился Добрынюшка на добрà коня,—
Только видѣлп мóлодца сядучись,
Не видѣли удалаго поѣдучись;
Отъ того ли копыта лошадинаго,
Въ чистомъ полѣ будто столпъ стоитъ.
День-то за день, какъ ручей бѣжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ рѣка течетъ.
Прошло того времечки три года,
Не видать-то Добрыни со чиста поля.
Сталъ тутъ Олешинька подхаживать,
Сталъ онъ Настасью подговаривать:
„Ты поди-ко, Настасья да Никульична,
„За меня за Олешеньку за мужество;
„Я вечеръ пріѣхалъ изъ чиста поля,
„Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйной гóловой лежитъ во ракитовъ кустъ,
„Рѣзвыма ножками лежитъ онъ во Почай-рѣку".
Она-то была женщина умная,
Исполнила заповѣдь мужнюю,
Положила заповѣдь женскую:
„Еще пройдетъ дрýго три-годы,
„Исполнится того времечки да вѣдь шесть годовъ,
„Потомъ-то я хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди".
День-то за день, какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ ручей бѣжитъ,
Годъ-то за годъ, какъ рѣка течетъ.
Потомъ сталъ Олешинька подхаживать,

Тамъ-то ѣздила дочь царская
На своемъ ли на добромъ конѣ,
Прогуливалась она въ зеленомъ саду,
Въ первомъ колодцѣ напоила коня добраго,
Какъ во другомъ во колодцѣ
Помочила плетку шолкову,
И во третьемъ во колодецы
Сама искушала ключевой воды—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная;
Не измою лица бѣлаго.
Нунь пошлю я васъ, совѣтны милы подружки,
Я на Свирь да быстру рѣченьку.
На Свири да быстрой рѣченьки
Бѣжитъ водушка быстрешенько,
Несетъ водушку скорешенько:
Не мутится ключева вода.
Тутъ почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
Принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки,
Въ розстаняхъ да замѣшалися,
Во лѣсахъ да заблудилися,
За перевозами да застоялися.
Подошли, совѣтны милы подружки,
Со ключевой со свѣжоей водушкой:
Вы подайте-тко на бѣлы нуньче рученьки,
Я приму возьму на бѣлы нуньче рученьки
Я свѣжкую ключевую да водушку,
Я отъ миленькихъ совѣтныхъ милыхъ подружокъ,
Измывать да буду бѣлое свое личушко;
Эта водушка да не мучоная,
Эта водушка не брожоная;
Притрудила васъ, совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
Ходячи по дальнымъ по сторонушкамъ.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
За ключевую да свѣжу воду.
Принеси-тко, совѣтны милы подружки,

Снаряжался Добрыня со чистà поля,
Садился Добрыня на добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:
„Ахъ-ты конь-лошадь добрая,
„Сюды ты везла ровно шесть годовъ,
„А отсель провези да ровно два часа“.
Какъ пошелъ конь да лошадь добрая,
Рѣки, озера перескакивалъ,
Мелкіи источники межь ногъ пустилъ.
Скоро скажется, по успѣхъ дѣло дѣется.
Проѣхалъ онъ Добрыня полтора часа;
Будетъ онъ у своей палаты грановитыя,
У того поселья богатырскаго,
Будетъ онъ подъ окошечкомъ косивчатымъ,
Какъ сидитъ его родитель матушка,
Честна вдова Овфимья Александровна,
Подъ тымъ подъ косивчатымъ окошечкомъ.
„Ахъ ты, честна вдóва Офимья Александровна,
„Дай же ты мнѣ милостыньку,
„Ради мòлодца Добрыни Никитича“.
„Ахъ вы, шишъ калики перехожіи!
„Кабы былъ онъ Добрыня Никитинечь,
„Кабы былъ то онъ да во живностяхъ,
„На досугѣ бы вамъ каликамъ насмѣхатися,
„Мной старухой спотыкатися“.
Какъ не досугъ Добрынѣ много разговаривать,
Снималъ онъ шляпу со головушки.
„Ахъ ты, родитель, моя матушка!
„Я не шишъ калика перехожая,
„Я есть молодой Добрыня Никитинечь“.
„Ахъ ты, шишъ калика перехожая!
„У мòего у Добрыни Никитича
„Есть на головушкѣ родимная знадебка“.
Какъ увидала старушка родну знадебку,
Какъ не вѣсть-то старушка взрадовалася,
Не знать старушка испугалася;

Вы пожалуйте во теплу парну баѐнку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь,
Ни про васъ-то байна топлена
Ни про васъ да вода ношеная:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтну милу по̀дружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Ко печеньки кирпичной,
Ко большушкѣ-распорядчиткѣ:
Вы пожалуйте во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь;
Ни про васъ то байна топлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Байна топлена, готовлена
Про совѣтку милу по̀дружку.
Нунь воздамъ поклонъ, душа да красна дѣвушка,
Въ полоненей разореной задней уголокъ,
Ко миленькой совѣтной моей по̀дружки,
Къ подневольной души да красной дѣвушки.
А вы пожалуйте, совѣтна мила по̀дружка,
Во теплую парную баенку,
Да во баеную умыванку.
Истопила я тебѣ теплу парную баенку,
Изготовила и износила
Ключевой тебѣ я водушки.
Ты послушай-ко, совѣтна мила по̀дружка,
Я ни дровцамы топила, ни полѣнцамы,
Ни лучиной разжигала, ни сосновоей.
Я ходила во три чистыи во полюшка,
Принимала я три деревца кипарисныихъ
И разсѣкала я на тридевять полѣнечокъ,
Истопила тебѣ теплу парну баенку,
Съ теплой парной вышла баенки
На прогулушку, на широку на уличьку,—
Какъ зазвонили колокольцы Питербургскіи,
И приналѣхалъ-то остудникъ, младъ отецкой сынъ,

Идетъ Добрыня по улицамъ; увидали робятка
И стали говорить таковы слова:
„Идетъ тутъ не легка скоморошина,
„Идетъ тутъ Добрыня Никитинечь,
„Идетъ онъ Добрыня на почестенъ пиръ".
„Ахъ вы ребятка, не говорите про Добрыню Никитича,
„Ужь я взадъ пойду, да вамъ калачь куплю".
Пришелъ Добрыня во почестенъ пиръ
Во ты палаты княженецкіи,
Ужъ онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Ужъ онъ клонится на всѣ четыре стороны,
Князю съ княгинею въ особину,
Честнымъ гостямъ любимыимъ въ особину,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь стольно-Кіевскій,
„Дай-ко ты мнѣ мистечка немножечко,
„Дай-ты мнѣ мѣсто скоморошное".
Потомъ говоритъ царь стольно-Кіевскій:
„Твое мѣсто скоморошное на запечьи".
Эта лѣгка скоморошина—скакалъ онъ на запечью,
И садился на печку муравлину;
Струну натягиватъ отъ Царя-града,
А другую направлятъ отъ Іерусалима,
Онъ писни ведетъ съ за синя моря.
Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій разслушался,
Эты ему писни приплюбилися;
Игра ему да приглянулася.
„Ай-же ты, лѣгка скоморошина,
„Выходи-ко ты да изъ запечья,
„Не твое сидѣтъ мѣсто на запечьѣ,
„Я дамъ тебѣ три мѣстечка:
„Первое мѣсто подлѣ меня,
„Другое мѣсто супротивъ меня,
„А третьее мѣсто, гдѣ тѣ любо есть".
Тутъ говоритъ лѣгка скоморошина:

Сего дня Господняго
Отъ остудничка, млада сына отецкаго.
Потомъ приходить невѣста съ байны:
Благодарю тебя, совѣтна мила подружка,
Что истоплла теплу парную баенку:
Я измыла свою вольную волюшку.
Благодарю я васъ, свѣтушки-братцы родимыи,
Что сберегли да мою вольную волюшку.
Уплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Мою вольную волюшку.
Вы уплетите-тко мелко мою русую мою косыньку,
Заплетите-тко, совѣтны милы подружки,
Во мою русую во косыньку,
Въ корешокъ вплетите-тка саблю вострую,
А ополу косы вплетите мою косаньку
Круглое малое озерышко,
На конецъ вплетите моей русой косаньки
Востры ножички булатны
И накладите-то колючіихъ булавочекъ.
Какъ сегоднишнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ
Припаступится остудникъ, младъ отецкой сынъ,
На мою то дорогу волю бажоную,
Расплетать-то станетъ вольной волюшки,
Разрушать то станетъ косоплеточекъ,
Онъ наколетъ ручки бѣлыи
И обрѣжетъ ручки бѣлыи
Во ножички булатныи;
До полу дойдетъ моей волюшки до круглой,
До малаго озерышка,
Пріутупе въ кругло малое озерушко,
Пріизмочитъ свои цвѣтны платьица, —
Тутъ отступится отъ вольной моей волюшки,
Станетъ по полу похажпвать,
Ручками бѣлыми помахпвать,
Станетъ тряпочекъ попрашпвать,
Бѣлыхъ ручушокъ завязывать,

Брала за ручки за бѣлыи,
Цѣловала въ уста во сахарніи.
Тутъ Добрыня Никитинечь —
Его ли сердце разгорѣлося,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Не дивую я разуму женскому,
„А дивую я уму княженецкому,
„Какъ отъ жива-то мужа да жену увелъ".
Какъ взималъ тутъ Добрыня Никитинечь
Олешу Поповича
Взималъ онъ за желты кудри,
Бросилъ онъ его да о кирпичной полъ,
Пихнулъ его подъ ж... проклятаго
Съ того-то со стыда со великаго;
Онъ клянется Олеша, проклинается:
Не всякому женидьба удается;
Удавалася женидьба тремъ молодцамъ,
Сильнымъ могучімъ богатырямъ,
Первому Богатырю Ставру Годиновичу,
А другому Ильѣ Муромцу,
А третьему Добрынѣ Никитьевичу.
Онѣ были три сестры,
Одна Настасья Микулична.

(пис. А. Николаевскимъ въ приходѣ Кулгала, въ Филимоновой волости.)

2 [1]).

На славной на заставѣ на Московской
Стояло тамъ двѣнадцать богатырей.
Русскіи могучіи богатыри, полѣницы удалыи!
„Кого мы пошлемъ, богатыри, во землю во Тальянскую?"
Проговорятъ богатыри да таково слово:
„Если послать Святогора богатыря,—
„Не кому стоять на заставѣ на Московскоей.
„Послать намъ Добрынюшку Никитича

[1]) См. въ изслѣдованіи *О. Ѳ. Миллера*, стр. 502.

лотомъ и серебромъ подарили, и оны насъ и пропустили". А староста говоритъ: „А у насъ княгины молодой дома нѣтъ, уѣхала прогуливаться — ни знаемъ куда". Дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой ѣздилъ прогуливаться по чистому полю, и она его увидала и весьма испугалася, и домой ворочалася: надо быть ей при домѣ". Староста говоритъ: „А наша княгиня пріѣзжала домой и повернулася бѣлой колпицей и улетѣла". Тогда дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой въ это время ходилъ за охотою, стрѣлялъ гусей и бѣлыхъ лебедей и добирался до бѣлой колпицы; а ваша княгиня молода услыхала громкой выстрѣлъ и весьма испугалася и домой ворочалася: должна она при домѣ быть". Тогда староста говоритъ: „Когда вы много знаете, то можете ли знать морскую глубину и небесную вышину?" Тогда дружки говорятъ: „Вы рѣчь выше ума начинаете, а Христу имя знаете ли?" Тогда староста говоритъ: „Наша княгиня молода добра-здорова и при домѣ находится, князю молодому низко кланяется и даритъ васъ, дружекъ, вѣрныхъ служекъ!" И подарятъ ихъ полотенцемъ и свяжутъ черезъ плечо, и такъ ходятъ. А потомъ ихъ приглашаютъ въ гости и садятъ за столъ и подчиваютъ — у кого что̀ припасено.

Потомъ подводятъ невѣсту къ столу; тутъ она начинаетъ причитывать:

Пораздвиньтесь-ка, народъ да люди добрыи,
На двѣ, на три, на четыре на сторонушки,
Мнѣ пройдти было, невольной красной дѣвушки,
Во почесной да большой уголъ,
Ко столамъ да ко дубовымъ,
Ко гостямъ да низнакомымъ.
Что̀ за дивушко во починомъ большомъ углу удивилося?
Во родительскомъ во почестномъ во большомъ углу
Зима стоитъ да студеная,
Со крещенскими да морозами.
Подошло сюда да сине морюшко
Во почетный да во большой уголъ,
Сине море стоитъ да со пристанями,
А пристани-то стоятъ да съ кораблями,

„Ильи Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повыучила супротиво Олешеньки Поповича".
Заходитъ онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
Беретъ ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ уздицу тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,
И на исподнички кладываетъ онъ войлочки
И на войлочки-то сѣделышко,
Сѣделышко да черкасское;
И застегиваетъ подпруги въ этомъ сѣделышкѣ черкасскоемъ двѣнадцатеры—
Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ связочки семи шелковъ—
Не для-ради красы, ради крѣпости.
И во этихъ стремянахъ булатныихъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота;
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣетъ,
Арабское золото не держится.
Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:
„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
„И стоять-то Добрынюшкѣ за стольный градъ за Кіевъ
„И за свое ли то родное отечество
„И за ту ли то за вѣру христіанскую,
„И повыбрать пошлину за двѣнадцать лѣтъ
„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго".
Проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна таково слово:
„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его Солнышко Владиміръ князь,—
„Подписались русскіе могучіи богатыри
„И тыи полѣницы удалыи".
И стала Настасья Микулишна

Со породушкой стоитъ родовитоей,
Со сестрицамъ стоятъ да со родимыма,
Со тетушкамы стоятъ да со братушками,—
Ты чѣмъ станешь дарить, младъ отецкой сынъ,
Породушку мою да родовитую?
Я скажу тебѣ, младъ отецкой сынъ,
Тебѣ чѣмъ да дарить надо:
Во первыхъ, дари, да младъ отецкой сынъ,
Родителя да батюшка,
И вовторыхъ, дари родитель мою матушку:
А родителя дари-тко моего батюшка,
Тулупчикомъ дари енотовымъ,
А родитель мою матушку
Сапожкамы ты да вѣдь сафьянными,
А воспринемщичка крестоваго батюшка
Дорогимъ дари сукномъ да одинцовымъ,
А крестовую мою матушку
Дари штофичкомъ ты да разузористымъ,
Мою породушку всю даровитую
Дорогимъ спицемъ да Екипажескимъ,
А совѣтныхъ милыхъ подружокъ
Дари розовыми косиночкамъ.
То не то стѣнушка да поразстроится,
А и лединушка да пораздвинется,
Красна дѣвица къ дубову столу придвинется.
Вы пожалуйте подносы золочоны
И со хрустальными со свѣтлыми со рюмочками.
Ты возьми теперь, воспринемщикъ, кресной батюшко,
Тѣ графины съ зеленымъ виномъ
И со сладкою со водочкой,
И наливай-ка ты, воспринемщикъ, кресной батюшка,
Во хрустальны свѣтлы рюмочки;
Я буду подчивать, невольна красна дѣвушка,
Этихъ гостюшокъ незнакомыихъ:
Испей, выкушай пожалуйста
Малу чару зелена вина;

И поѣхалъ онъ изъ земли въ землю,
Изъ орды въ орду;
И съѣхалъ-то Добрыня къ королю въ Литву.
И началъ дѣлать онъ дѣло мѣдленно:
И проходитъ тому времени три года—
И не видно Добрыни со чиста поля;
И проходитъ тому времени шесть годовъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени девять лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля.
И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переноемъ,
У того ли кольца да золоченаго,
У той ли палаты богатырскоей.
И проговоритъ честномужняя жена Офимья Александровна
Сквозь свои слезы да горючіи:
„Какъ былъ бы Добрынюшка Никитичь,
„И не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ надъ вдовинымъ".
Отворила ворота да богатырскіи
Честномужняя жена Офимья Александровна,
И пришло три калѣки-перехожихъ;
Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
Котомочки за плечами бархатны;
Крестъ-отъ кладутъ да по писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по ученому,
И на двѣ, и на три, и на четыре на сторонки покланяются,
Честной мужнеей женѣ Офимьѣ Александровной
Они дѣлаютъ поклонъ да особинный.
Одинъ-тотъ проговоритъ колѣка-перехожій:
„Честномужняя жена Офимья Александровна!
„Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ
„Во той землѣ да во Тальянскоей,
„У того-ли то короля да у Литовскаго
„Твой Добрынюшка да въ услуженіи,

А на дворѣ да скотъ рогатой не плодился бы.
Изволь выкушать нынче да пожаловать
Малу чару зелена-вина
Отъ княгины—меня—поручоной:
Есть не горькое у насъ да зелено вино,
На медку вино развожено,
Сахаромъ вино посыпаное.
Мой поклонъ да понизешенекъ,
Дубоваго стола гостьицы,
Молодого князя брюдгушка;
По суду да вѣдь по Божьему,
По младу сыну отецкому
Воспринемна крестова прійдетъ матушка;
Стань на поженьки на рѣзвыи,
На чулочки на шелковыи,
На башмачики на козловыи.
Изволь выкушать нынь пожаловать
Малу чарочку зелена вина:
Есть негорько зелено вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
У крестовой моей матушки
У ней бровки черна соболя,
У ней очи ясна сокола,
Бѣлотушка снѣжка бѣлаго,
Краса-баса солнца краснаго.
Походочка щепетливая,
Разговорушки учливыи,
Прирозумныихъ родителей,
Прихорошаго роду-племечка.
Воспинемщичка, крестовая матушка,
Быть заступушка по мнѣ да заборонушка
На остудушки на чужой на сторонушки.
Мой поклонъ да понизешенекъ
Всему кружку нынь да молодецкому,
Всему поѣзду нынь да княженецкому,

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужнеей вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлаетъ поклонъ да онъ особинный.
Не узнала, видно, честномужняя вдова Офимья Александровна
Свово сына Добрынюшки Никитича.
Береть-то Добрынюшку за бѣлыи за рученьки,
За тыи ли за перстни за злаченыи,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
Выговариватъ она да таково слово:
„Ай же, ты, Добрынюшка Никитичь!
„Истомился ты удалый, добрый молодецъ,
„Во этой во дороженьки во широкой“.
И спроситъ Добрыня таково слово:
„Честномужняя вдова Офимья Александровна!
„И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?“
Тутъ проговоритъ она да таково слово:
„Ай же ты, Добрынюшка Никитичь!
„Просватала сама себя Настасья Микулишна
„За смѣлаго Олешу за Поповича,
„За того ли за дѣвочья насмѣшника,
„И за твоего за меньшаго за бра̀талка.
„Проходитъ тому времени три денька,
„Какъ уѣхала Настасья Микулишна
„Со этоей палаты богатырскоей“.
Заходитъ тутъ Добрынюшка во свой кабинетъ да богатырскіи
И беретъ-то три златницы, три серебряныхъ:
И кажда златница стоитъ сто рублевъ,
Оборачиватъ коня да богатырскаго
Отъ своей-го палаты богатырскоей,
Какъ во эту путь да во дороженьку;
Плеточкой коня онъ попуживатъ
И палицей булатной Добрынюшка поигрываетъ,
Палицей булатной богатырскоей.
И пріѣзжаетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую
Ко этому двору да богатырскому;
И заперты ворота богатырскіи

Прижалъ онъ мою бѣлу ручушку,
Изломалъ на правой ручьки золото кольцо.
Какъ со этого со страху-переполоху
Подломились мои рѣзвыи ноженьки,
Подражали мои бѣлыи рученьки
Со этыма подносамы золочоныма,
Со малыма со винныма со чарочками —
Зелено вино по подносу разливалося
По моему по цвѣтному портнищечку,
По золоту манищечьку;
Мое цвѣтное портнищечко
По швамъ да расшивалося,
Мое золото манищечько
По паямъ да распаялося,
Скатны жемчужки мои да перебраныи
По жемчужинки они да раскатилися,
Красотушка-басотушка
Съ бѣла личика потирялася.
Вы желаныие мои родители,
Мнѣ-ка трои, люди, надобно:
Мни-ка перво, люди, надобно—
Сшить мнѣ цвѣтное платьицо,
А мни-ка друго, люди, надобно—
Спаить золотò манищечько,
А мнѣ-ка третье, люди, надобно—
Собрать скатны мелки жемчужки,
Садить сѣточка жомчужная,
Мнѣ еще да красной дѣвушки
Класть краса-баса-угожество
Во свое бѣло личушко.

Затѣмъ невѣста „отдаетъ волю“ и притомъ причитываетъ такъ

Ты прости, прости, разореной задній уголокъ,
Затулушка, прости, да синя завѣска,
Вы окоички, простите-тко, стекольчаты,
Вы простите-тко, косивчаты окошечки,
Вы простите-тко, брусовы бѣлы лавочки,

„Ай же вы, слуги вѣрныи
„И подданны Олешиньки Поповича!
„Вы налейте-ко дѣтинушкѣ скомарешеньку
„Чару зелена вина
„Не малу, не большу—полтора ведра,
„Поднесите-тко дѣтинушкѣ скомарешеньку".
Выпилъ дѣтинушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу—полтора ведра,
Проговоритъ дѣтинушка таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Дай же ты мѣстичко сидѣть—
„Выигривать выигрыши хорошіи въ гусельника".
Тутъ проговоритъ Настасья Микулишна:
„Ай же ты, дѣтинушка скомарешенекъ!
„Дамъ я тебѣ три мѣстичка
„И три любимыихъ
„Выигривать во гусельника выигрыши хорошіи:
„Первое мѣсто — подлѣ себя,
„Другое мѣсто — напротивъ себя,
„Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ".
И сѣлъ-то дѣтинушка скомарешенекъ
На этую на печьку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтинушка скомарешенекъ
Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти наигрыши
Настасьѣ Микулишнѣ хорошіи.
Проговоритъ дѣтинушка скомарешенекъ да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„И дайте-ко мнѣ графинъ во мои во бѣлы руки
„И стаканъ да во мои руки".
И налилъ дѣтинушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,

Дунай Ивановичь [1]).

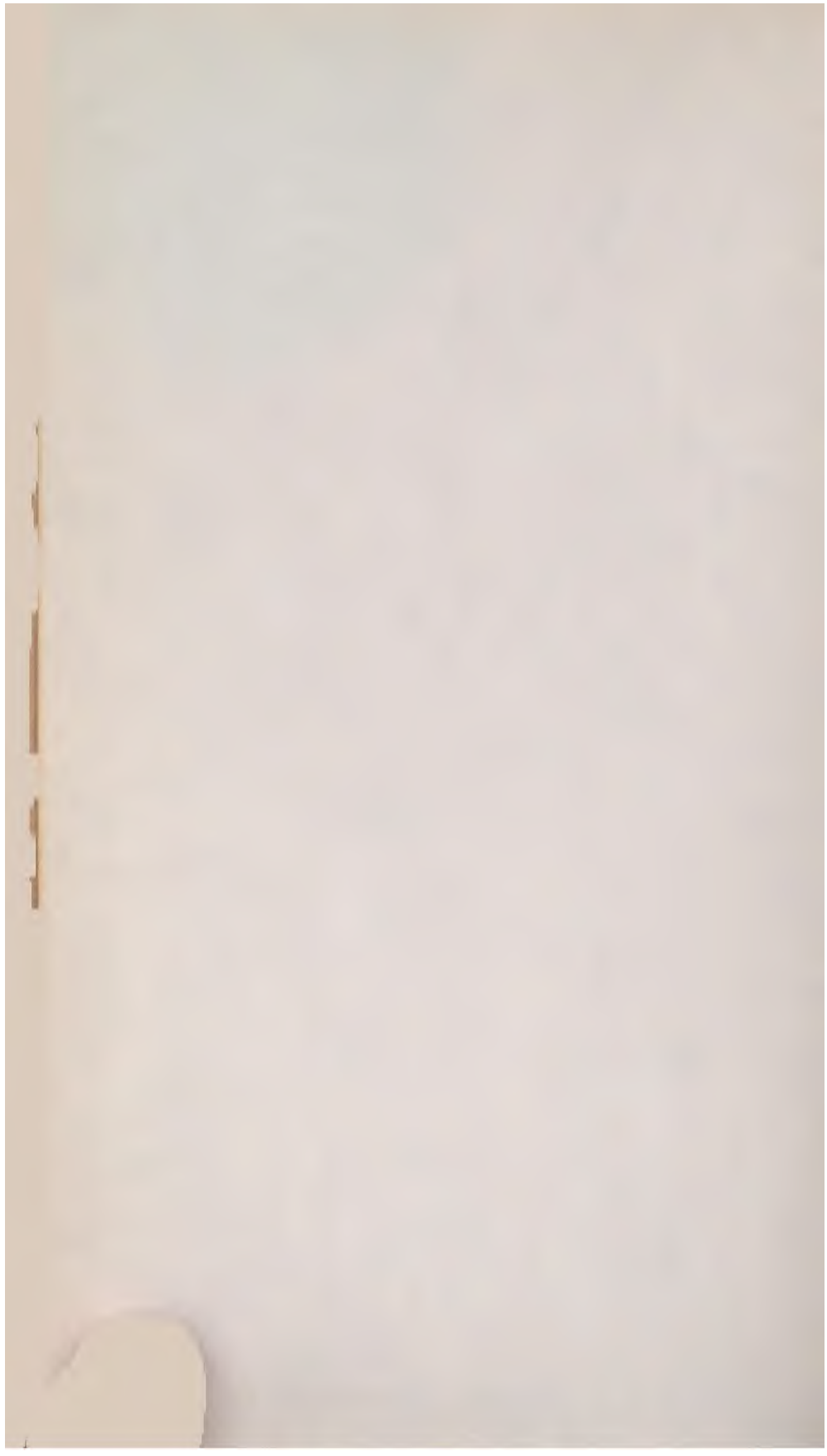
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Заводился пированьице — почестень пиръ
На многихъ на князей — на бояръ;
На русскихъ могучихъ богатырей.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскіи могучіи богатыри,
„Княжну во супружество взять,
„Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество держать?“
И проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ты Солнышко Владиміръ князь!
„Есть у короля храбра три дочери:
„Первая дочь Опракса королевична,
„Вторая дочь—Настасья королевична,
„Третья дочь—невдорость“.
Скажетъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
„Посватай-ко Опраксу королевичну
„За Солнышка князя за Владиміра.
Испроговорилъ Добрыня таково слово:
„Не честь молодцу ѣхать русскому богатырю единому,
„Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“
„Выбирай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.
„Поѣдемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичь!“
И сѣли на конѣй да богатырскіихъ;
Куды пскопыть летитъ,
Туды дымъ столбомъ стастъ.
Видѣли богатыревъ посядучись.
И скакали кони съ горы на гору,

---

[1]) Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпическіе эпизода, данные съ именемъ Дуная—женидьба Владиміра и смерть Настасьи королевичны.

„Отдамъ я Опраксу Королевичну за Солнышка князя за Владиміра.

Прощались русскіи могучіи богàтыри—
Добрынюшка Никитичь и Дунай сынъ Ивановичь,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка ко городу ко Кіеву
И къ тому князю ко Владиміру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичь,
У короля храбра у Литовскаго.
Были они во почестномъ во гостебищѣ у Настасы Королевичны.
Прогòворитъ Дунай сынъ Ивановичь, таково слово:
„Идешь ли ты за Дуная Ивановича въ супружество?
Говорила Настасья Королевична: „Иду да во супружество".
„Выйдемъ-ко, Дунай сынъ Ивановичь,
„На это ли поле, да на шйроко;
„Стрѣляй стрѣлочекъ да каленыхъ,
„Изъ этого изъ луку да изъ тȕгаго".
Наладили размѣръ да на стò сажень,
Поставили кольцо да серебряно,
И во этомъ во полѣ ширòкоемъ;
Поставили ножичекъ булатный
Противо кольца да серебряна,
И стрѣляли эту стрѣлочку
Во это кольцо да серебряно
И во этотъ во ножичекъ булатный,
И разрубляли эту стрѣлочку каленую:
Одна половина —дрȕгой не больше
И вѣсомъ не тяжèлѣ.
И стрѣлила Настасья Корочевична
Изъ этого изъ лука да изъ тȕгаго,
И попала во кольце да во серебряное,
И попала въ этотъ ножичекъ булатный,
И разрубила эту стрѣлочку калёную,
Одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она не тяжельче.



И выпилъ чару зелена вина,
И другую выпилъ похмѣльную:
„Я удалый добрый молодецъ
„Василій да Буслаевичь.
„Жилъ ли-то я у короля въ Литвѣ,
„У короля въ Литвѣ да въ услуженіи.
„Первый годъ жилъ приворотникомъ,—
„Господь Богъ меня миловалъ,
„Король да Литовскій жаловалъ,
„Другой годъ жилъ я придверникомъ,—
„Богъ меня миловалъ,
„Король Литовскій жаловалъ;
„Третій годъ жилъ я во конюхахъ,—
„И Богъ меня миловалъ,
„Король Литовскій жаловалъ;
„И жилъ я годъ въ ключникахъ,
„Богъ меня миловалъ,—
„Король Литовскій жаловалъ;
„Семь годовъ жилъ я со дочерью съ королевскою,
„Спалъ-то у ней на правой рукѣ
„На правой руки, у бѣлой груди".
Услыхали тутъ слуги вѣрныи короля Литовскаго,
Похвасталъ удалый добрый молодецъ
Василій да Буслаевичь красной дѣвушкой.
И сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И связали-то ему да ручки бѣлыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И поводятъ удала добра молодца
Василья да Буслаевича
На это ли на поле да на чистое,
Ко этой ко плахѣ дубовоей
Отрубить-то ему да буйну голову,
И придать-то смерть ему напраспую
И вынять ему сердце со печенью.
„Ай вы, слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго!